КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РОМАНА

Глава 5. Когда рухнул наш мир
Глава 13. Мама, папа ранен!
Глава 19. Мой черт
Глава 29. Письмо партизану
Глава 33. Памятник колонизатору
Глава 43. Человек как смысл жизни
Глава 60. Крысиные короли
Глава 69. Погром – четыре карты.
Глава 80. Разрушение Вавилонской башни
Глава 97. Говоритель правды.

Запрещенные слова иногда произносятся героями, и закон обязывает написать: книга содержит нецензурную брань, хотя это просто экспрессия.

ISBN 978-5-17-108204-8
9 785171 082048

М.ВЕЛЛЕР

ОСТРОВ ДЛЯ БЕЛЫХ

М.ВЕЛЛЕР

ОСТРОВ ДЛЯ БЕЛЫХ

18+

М.ВЕЛЛЕР

To the States or any one of them, or any city of the States,
Resist much, obey little,
Once unquestioning obedience, once fully enslaved,
Once fully enslaved, no nation, state, city of this earth,
ever afterward resumes its liberty.

Walt Whitman

ОСТРОВ ДЛЯ БЕЛЫХ

метароман

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Серия «Книги Михаила Веллера»

Оформление обложки Александра Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»

Веллер, Михаил.

В27 Остров для белых / Михаил Веллер. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 704 с. — (Книги Михаила Веллера).

ISBN 978-5-17-146853-8

Новый роман Михаила Веллера — «метароман», как определил жанр автор, огромен по охвату тем и многообразен по литературным приемам. В нем сочетаются триллер и гиперреализм, антиутопия и философская пародия, жестокий юмор и пафос. Предстающий со страниц завтрашний день дает решения всех главных сегодняшних проблем неожиданным и беспощадным образом. Книга восхитит одних, возмутит других, призовет к действию третьих.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© М. Веллер, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Оглавление

КНИГА I

Глава 1. ВНАЧАЛЕ 12
Маяк 12
Дорога 13
Шут 15
Политкорректность 18
Молитва 19
Как я стал американцем 23
Дао 24
Глава 2. ГЕРАКЛИТ 27
Глава 3. ДЕМИУРГ И ЕГО ПЛАН 31
Глава 4. ПАМЯТЬ 33
Предисловие 35
Глава 5. КОГДА РУХНУЛ НАШ МИР 37
Глава 6. ЗА НЕПРАВИЛЬНОЕ СЛОВО — УНИЧТОЖИТЬ! . . . 41
Глава 7. ГОЛЫЙ МАЛЬЧИК 48
Глава 8. ЛИГА СТАРИКОВ 52
Глава 9. САНДЕРС, РЕБЕ И ОБЛОМ 54

КНИГА II

Глава 10. ОСТРОВ ДЛЯ БЕЛЫХ 74
Глава 11. О, КАК Я ХОЧУ БЫТЬ ЛЕВЫМ! 87
Глава 12. ГАРМОНИЯ РЕВОЛЮЦИИ 88
Глава 13. МАМА, ПАПА РАНЕН! 107
Глава 14. УБЕЙ ГАДОВ 111
Глава 15. УТОПИЯ ПО ИМЕНИ «АНТИ-» 116

КНИГА III

Глава 16. СЕМЬЯ БАРРЕТ 122
Том первый 122
Том второй 124
П р о л о г. Англия и война 127
Ч а с т ь 1. Неизбежная и необходимая 129
Ч а с т ь 2. Начало конца 131
Ч а с т ь 3. Великий британец 131
Ч а с т ь 4. Миссия Гесса 133
Ч а с т ь 5. Точка решения 135
Ч а с т ь 6. Тайна за ста семью печатями 136
П р и м е ч а н и е. Валет в рукаве 138
Ч а с т ь 7. Точка невозврата 139
Ч а с т ь 8. Крушение 140
Ч а с т ь 9. Депрессия 141
Р е з ю м е 141
Надпись на старой рукописи 142
Надпись на папке с рукописью 142
Приложение 142
Глава 17. ВРЕМЯ ПРАВДЕ И ВРЕМЯ ВЫМЫСЛУ 143

КНИГА IV

Глава 18. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА 152
Глава 1. Фултонская речь Черчилля 162
Глава 2. Персидские мотивы 163
Глава 3. Греческая смоковница 165
Глава 4. Восточный вал 165
Глава 5. Слухи 166
Глава 6. Так кто начал холодную войну? 166
Глава 7. Когда началась холодная война? 167
Глава 8. Киноэпопея 169
Глава 9. Заключительная 170
10. Эпилог 171
Глава 19. МОЙ ЧЕРТ 173
Глава 20. МЕРТВАЯ РУКА 177
Интерлюдия. ЭКСПАНСИЯ 187

Глава 21. ГРЕХ 191
Глава 22. ПОТРЕБНОСТЬ КАК ОПЕРЕЖЕНИЕ 198
Глава 23. СОЦИАЛИЗМ В США 201
Глава 24. РЫНОК НЕ ПЕРЕПЛЮНЕШЬ 204
Глава 25. ВЛАСТЬ 206
ЛЕВЫЙ МАРШ 209

КНИГА V

Глава 26. РОЖДЕНИЕ ДУХА И ДАЛЕЕ 212
Глава 27. КАЗНЬ ФАШИСТА 219
Глава 28. БЕЛАЯ СТРЕЛА 223
Глава 29. ПИСЬМО ПАРТИЗАНУ 234
Глава 30. ПОЧЕМУ Я АМЕРИКАНЕЦ 238
Глава 31. ЗНАЙТЕ И ПОМНИТЕ 242
Глава 32. АМЕРИКА — ПЕРВАЯ 247
Глава 33. ПАМЯТНИК КОЛОНИЗАТОРУ 258
Глава 34. ЛОБОВАЯ АТАКА 264
Глава 35. ПРАВИЛА АНТИ-РАДИКАЛА 2021
Подход 276
Враги должны уничтожать друг друга 277

КНИГА VI

Глава 36. ЧЕРНЫЕ РЕПАРАЦИИ 282
Глава 37. ИСТОРИЯ-1619 293
Глава 38. ИИСУС ДЛЯ БЛМ 297
Глава 39. СИММЕТРИЧНЫЙ РЭП 300
Глава 40. ЧЕРНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ 302
Глава 41. СВЕЧИ НА ВЕТРУ 304
Глава 42. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ 316
Глава 43. ЧЕЛОВЕК КАК ФУНКЦИЯ И СМЫСЛ ЖИЗНИ . . . 317
Глава 44. КРИТЕРИЙ ПРЕВОСХОДСТВА 325
Глава 45. РАБСТВО НУ И ЧТО 330
Глава 46. ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ДИАЛОГ 339
Глава 47. СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ 342
РАВЕНСТВО КУЛЬТУР 345

КНИГА VII

УТРО И МИР 348
Глава 48. ГОЛУБАЯ РЕЗЕРВАЦИЯ
Часть вторая. Райские острова 351
Часть первая. Район социальной защиты
1. Коллективизм меньшинства 355
2. Утренний развод 358
3. Черная книга преступлений режима. 360
Эпизод сороковой. Убить рядового Райана 361
Глава 49. СТЕРВЯТНИКИ 366
Глава 50. ОБРЫВОК ДНЕВНИКА 370
Глава 51. РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА 375
Глава 52. БОГ И РЕЛИГИЯ КАК МОРАЛЬНЫЙ ИНСТИНКТ . 377
Глава 53. ОСУЖДЕНИЕ ПРОРОКА 380
Глава 54. НАГЛОСТЬ МИРОВОГО СЕКСИЗМА 385

КНИГА VIII

Боль победы 394
Глава 55. ТЕМНЫЕ ВЕКА 396
Глава 56. РАЗДЕЛИМ ПИРОГ СЧАСТЬЯ 427
Глава 57. ГЛАВНАЯ ОШИБКА 431
Глава 58. КРИТИЧЕСКАЯ РАСОВАЯ ТЕОРИЯ 434
Глава 59. КАТАСТРОФА КАК СОВОКУПНОСТЬ. 439
Глава 60. КРЫСИНЫЕ КОРОЛИ. 448
Глава 61. ЭВОЛЮЦИЯ ХАРАКТЕРОВ В РОМАНЕ 457
БЕСПЕЧНЫЙ ЕЗДОК 465

КНИГА IX

— Часть вторая
Глава 62. ЖЕЛТЫЕ ЗВЕЗДЫ 468
— Часть первая
Глава 63. ПРОРОК, БУТЫЛКА И ПУСТОТА 488
Глава 64. ПОЛИТИКА И ЛЮБОВЬ — ЭТО ОДНА СТРАСТЬ!!! .489
Глава 65. ЕВРЕИ И РЕВОЛЮЦИИ. 490
Глава 66. ЕВРЕИ — КАТАЛИЗАТОР САМОУНИЧТ. ЦИВИЛ. .497
Глава 67. ЕВРЕИ КАК ИДЕЯ 500

— Часть третья
Глава 68. ДОНОС 507
Глава 69. ПОГРОМ — ЧЕТЫРЕ КАРТЫ 508
Глава 70. ПАРОХОД 517
Глава 71. ЗАЛ СЛАВЫ. 519
Глава 72. СОН РАЗУМА. 524
— Пролог
Глава 73. ГАНГСТЕР И ПРОВОКАТОР 527

КНИГА X

Глава 74. КРАСНЫЙ ДЭННИ 532
Глава 75. КАНЦЕЛЯРИН 537
Глава 76. ГИТЛЕР 541
Глава 77. ПУРИМ В ДАВОСЕ. 547
Глава 78. ГРЕНАДЕРЫ В ООН 552
Глава 79. ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРАКТИКА 562
Глава 80. РАЗРУШЕНИЕ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ 577
Глава 81. LE NOUVEAU ROMAN. 583

КНИГА XI

Глава 82. ШУТ — ПОТОМКАМ. 592
Глава 83. БЕЛЫЕ 595
Глава 84. ОБРЫВОК ЛЕКЦИИ 639
Глава 85. СТРАШНЫЙ СУД 642
Глава 86. ФОРУМ ПО КОНТАКТАМ С ИНЫМИ МИРАМИ. .652
Глава 87. НЕСОВЕРШЕНСТВО МИРА 664
ТРИ СТРЕМЛЕНИЯ 667

КНИГА XII

Глава 88. БОСТОНСКОЕ ЧАЕПИТИЕ 670
Глава 89. ЧТО ДЕЛАТЬ? ЧТО ДЕЛАТЬ?! 672
Глава 90. РАЗГОВОР ЭММЫ ЛАЗАРУС С ДОН КИХОТОМ . .674
Глава 91. КАК ВЫЖИТЬ ГОСУДАРСТВУ? 677
Глава 92. ЖИВИ ГДЕ ХОЧЕШЬ 679
Глава 93. ПАМЯТНИК КАРАЦУПЕ 680
Глава 94. ОДНА ПРОСТАЯ ИСТИНА 683

Глава 95. ВЕРХНИЙ МИР 684
Глава 96. ЛЮДИ ПОД ДОЖДЕМ 686
Глава 97. ГОВОРИТЕЛЬ ПРАВДЫ 692
Глава 98. КОНЕЦ 695
Глава 99. ПОМНИ АЛАМО! 698

КНИГА I

Глава 1

ВНАЧАЛЕ

Маяк

Когда-то я мечтал прожить зиму на маяке. Вернее даже, с осени до весны. В октябре, когда листва светится всеми цветами пожара, высадиться с лодки на маленьком и необитаемом острове. Остров порос лесом, а у обрывистого берега высится маяк. Рядом — домик, и сарай для дров и припасов. На верхнюю площадку маяка ведет узкая винтовая лестница. По ней нужно подниматься дважды в день: вечером зажигать прожекторный фонарь, а утром гасить.

В доме есть радио, а сумку книг я привезу с собой. В сером утреннем свете надо наколоть дров и растопить печь. Потом вскипятить кофейник, почитать, и сесть за стол у светлеющего окошка, предвкушая писать — черными чернилами на белом листе; с того места, где вчера остановился. Закурить, переждать легкое головокружение от первой утренней затяжки и прислушаться к расходящемуся внутри холодку: уловить камертон, когда ощущение полноты жизни и единства со всем миром оформляется в мысли, и мысли эти пробуют точные слова, чтобы выразить себя.

Потом можно бродить по снегу среди деревьев, варить суп, в сумерки заводить в сарае бензиновый движок для электричества, читать, и долго сидеть со стаканом виски в руке, слышать из приемника далекие голоса материков, их большой жизни и суеты.

И никого не видеть. Интернета здесь не бывало. Сотовая связь не берется. Полный покой. Сегодня, завтра и через месяц. Мир и покой. Отдых и сосредоточенность на

собственных мыслях, чувствах, воспоминаниях. Уж очень мне надоели люди, большие города, суета и бесконечное общение живьем и в сетях, выматывающее и ненужное.

Вот как красиво и, я бы сказал, художественно, литературно и живописно я воображал свою мечту. Да. А потом дни станут длиннее, солнце выше поднимется над свинцовым морским горизонтом, тяжелая хмарь небес промоется лазурью, стает снег в лесочке, лопнут почки на черных ветвях, и к исходу весны прибежит за мной катер по веселой воде. И я спущусь с берега, просветленный и помудревший, а в сумке будет лежать мой великий и гениальный роман, толстая пачка листов.

...Бойся своей мечты, бойся своей молитвы — она сбудется, но не так, как ты ожидал.

Я живу в лесной хижине. Катер никогда не придет. И не дай бог. Я надеюсь, что доживу свои дни в спасительном одиночестве. Я даже не скажу, где моя избушка, ни штата не скажу, ни страны. До реки четверть мили, и каждый раз я стараюсь идти к ней другим путем и выходить в новом месте, чтобы не протоптать тропинку.

И роман этот написал не я. Жизнь написала. Разные люди с разными историями. Я долго, всю жизнь собирал материал. Разные обрывки, записки, свидетельства. Чьи-то фантазии, летопись чужих грехов.

Я льщу себе сравнением с Робинзоном Крузо, спасшим скудные остатки кораблекрушения, чтобы воссоздать из них фрагмент цивилизации на одном отдельно взятом и необитаемом островке.

Дорога

Вечером у костра ужинали бродяги и травили истории перед сном:

— И каждый раз он рассказывал мне свою историю по-другому. Хоть чуть-чуть, да по-другому. Один раз он пробирался на север по лесам через Айдахо, в другой — в Миннесоте дошел до Ред-ривер и сплавился на найденной лодке до Виннипега. То он снял сумку с письмами с мертвого почтальона на крыльце, то забрал неизвестно зачем

мешок писем из пустой почты. Бумажных писем, понял. Сразу и не врубишься. Я еще спрашиваю: «Кто это, интересно, на бумаге столько писал и кому отправлял, вместо эсэмэсок-то или чтоб позвонить?» Почта-то раньше ходить перестала, чем связь вырубилась? А он задумался так и отвечает, что у него в надежном месте рюкзак книг припрятан, почти совсем целых, он их в сгоревшем магазине набрал, только тащить тяжело, но когда-нибудь он за ними обязательно вернется. А у самого одеяла нет. Вот такой у него глюк был.

Компания перекинулась репликами в том духе, что ничего странного, прибабахнутых сейчас много.

— Мы с одним таким, он раньше объявления или типа того печатал, на ферме брошенной как-то ночевать собрались. Окна выбиты, еды вообще ни крошки. Но старый такой, битый, «форд» F-сто пятидесятый под навесом остался. На ходу, и бензина полбака. Они все на другой машине уехали, наверно. В общем, миль на сто точно хватит, а там по пути посмотрим. Я с собой одеяла кидаю и из одежды оставшейся кое-что. А этот — ну дурак! — с чердака охапки газет тащит. Я говорю: «Ты что, вообще дурак?» А он газеты свои обнимает и лепечет хрень всякую: документы эпохи, память, долг перед историей. Я, говорит, создам это... ну, толстая книга... эпопею. Короче, днем потом остановились, и я немного этих газет взял костерок разложить, вскипятить воды. И эта сука! — в машину прыг! — и по газам! Уж не знаю, докуда он доехал. Убили, я думаю. Встречу — сам убью.

Слово «убью» вызывает у вольных людей задумчивость. Да хоть кто об этом мечтает: каждому есть кого убить. Задумались о своем. С оружием здесь дружили. Костер догорал, и черно-красные тени стягивали теснее купол света. Блондин с худым и резким лицом сделал знак. В костер подбросили. Пламя облизнуло ветки белыми языками и поднялось. Все завозились, устраиваясь поудобнее.

— Писатель, — не то велел, не то оповестил блондин, скучающий убийца.

Произошло движение взглядов, и в их фокусе обнаружился нахохлившийся человечек в музейном шерстяном

реглане неопределимого цвета. Он опустил воротник, скрестил ноги по-монгольски и выпрямил спину. Если уж мы заговорили о лицах, то его одутловатое испитое личико имело жалкое и одновременно гордое выражение. Выражало оно равную готовность к овации и побоям. Народ приготовился слушать.

Шут

— Его звали Мелвин Баррет. И он хотел быть писателем. Он окончил Мастерскую писателей в Университете Айовы. Но там ничем не блистал. Кроме, разве что, терпения и упрямства.

— Он был здоровый?

— Нет. Но по морде дать мог!

— А что он написал?

— Он мечтал написать великий роман. Роман эпохи. Они там все очень гордились, что на этих курсах учились будущие гении: Пенн Уоррен, Флэннери О'Коннор и другие всякие.

Возник краткий миг неловкости: они не знали, кого это он назвал, а он вспомнил, что знал, что они не знали, с чего бы.

— Сначала он преподавал в школе английский язык. Потом плюнул и пересел на трак. Гонял через все штаты, наживал геморрой на сиденье и выплачивал кредит. Потом нашел напарника работать две недели через две, примерно так, и в свободные две недели писал.

Никто не хотел брать писанину Мелвина, и в конце концов от стал строчить заметки для местной газетенки. Потом там кто-то умер, не то от бессмыслицы, не то от полового истощения, и его взяли в штат редакции. И только его начало тошнить от этой газетной фигни и объявлений о краже подержанных презервативов, как газетка лопнула. Тогда он сел на пособие, и это ему понравилось.

Рассказчик сделал жест, ему протянули косячок, и после двух затяжек он легко смастерил Мелвину Баррету отличную биографию. Женил его на красавице и дочери миллиардера, купил яхту и «ламборджини», и тут посадил

миллиардера за шпионаж в пользу Китая, красавица-жена сбежала с чернокожим рэпером, кредиторы миллиардера наняли мексиканцев-киллеров и они стали охотиться за Мелвином, он скрывался в Маленькой Гаване в Майами, оттуда бежал в Кентукки и затерялся среди злых белых бедняков, ну, а потом грянула Катастрофа, и он, уже поседевший и полысевший, беззубый, в морщинах, но еще резкий и решительный, начал спасаться и влился в потоки Исхода.

Тут он решил, а вернее, понял, что наконец-то все опишет, и это будет его великий роман. Брошенные дома, разграбленные магазины и бензоколонки, и перестрелку на складах, и забитые ржавеющими машинами шоссе, и как резали людей за канистру бензина.

Эх, ребята, раньше про это сняли бы кино... да какое кино! Эпохальный блокбастер. Да уже некому. И не на чем. Но вы сами все видели. И про Мелвина Баррета вам все будет понятно, как будто собственными глазами видели.

Все ведь мы знаем, как шарят в пустых квартирах, не завалялась ли за холодильником упаковка сыра, или хозяйская рубашка под кроватью, или зажигалка в щели дивана. Как пинаешь крысу, жрущую труп, а она жирная, ленивая и наглая. И если оружейный магазин вынесен до последнего патрона, последней кобуры и отвертки — обшарь все кусты кругом, загляни за заборы — где-нибудь обязательно валяется AP-15 с почти полным магазином.

Мелвин прибился к семейному отряду. Караван из десятка вооруженных мужиков с детьми и женами. Бензин они отбивали силой, их боялись — семейные ведь всегда дерутся насмерть.

— Все равно перебьют.

— Их и перебили в конце концов. Девчонок взяли с собой трахать и обменивать на нужное, а прочих бросили на дороге с пустыми баками, без воды и еды. Мелвин вовремя отстал и свалил в туман, и дальше он пробирался уже один.

И вот однажды заходит он обшарить один дом. И видит там древнюю старушку. В качалке у окна сидит. Наполовину уже крысами объеденная. Вонь, конечно, мухи. В комнатах — ничего полезного. Уже заглядывали, прочистили насквозь. Вот только у двери — старинный такой кожаный

сундучок. В двух ремнях с замками. Коричневый, с окованными углами и тиснением. Бесполезный предмет и бессмысленный. Но симпатичный. Открывает — а там несколько книжек. Бумажных. Причем старинных. В твердых переплетах, с картинками.

— В общем, не повезло...

— А какие книжки-то?

— Сверху лежала, конечно, старинная Библия. Древняя, еще рукописная. С гравюрами Доре. А под ней был Атлас морских карт, причем с пометками мест, где хранились клады знаменитых пиратов: Моргана, Флинта и Черной Бороды. Еще там была биография Джорджа Вашингтона и размышления одного французского маркиза про американскую демократию. И там же — сказки «Тысяча и одна ночь» и стихи древнеримского императора-философа про искусство любви, секса и соблазнения.

— Сука, император, наверное, хорошо пожил! Вот уж натрахался!

— Погоди-ка... Но ведь с картой кладов надо отправляться за кладами, раз уж так повезло. Если это правда, конечно. А, писатель?

— Как дети. Ну, и как ты туда отправишься? И откуда ты знаешь, кто контролирует территорию и кого ты встретишь по дороге? Да тебя пришибут сто раз по дороге. Соберешь дивизию, с топливом, с оружием? Объявишь там войну? Может, ты президент? И как ты без навигации, без GPS, найдешь указанное место? А хоть ты совершил все подвиги и вырыл эту кучу золота — ну, и что ты с ней будешь делать? Кто тебе отдаст за это золото еду, или бензин, или патроны? Да ты за него даже жареную крысу не купишь! Кладоискатель...

Всему свое время, ребята. Время закапывать клады, время выкапывать клады, и время плевать на клады.

Так что на клады он плюнул. А думал он следующее:

...Я мог бы подробно рассказать вам, что видел на длинной дороге. Как в книжном магазине в Ларами рылся в грудах нот и тетрадей на полу, и все-таки нашел бумажную карту США! Электроника-то вся сдохла. Как нашел на шестом этаже брошенной парковки синий «мицубиси-

мираж» и старался его беречь — другой такой экономичной машины не найти, а ремонтироваться негде.

В багажнике перевернутого на обочине «ниссана» я обнаружил синюю изоленту и, вспомнив кино про Вторую мировую войну, залепил фары синим, оставив только узкие щели: чтоб ночью было незаметно. На рассвете я искал укрытие и прятался в развалинах, или кустах, или за холмом, только бы с дороги не видно. Одному стремно даже менять рубашки или консервы на бензин — зачем с тобой, одиночкой, меняться, если можно убить и взять все так, были бы патроны.

Жизнь стала заточена на поддержание себя. Безопасность, еда, тепло, движение. А кругом — калейдоскоп: разграбленные городки, сожженные бензоколонки, мертвые пустые магазины, и везде хлопают под ветром болтающиеся на одной петле двери. Что это за такой закон физики, что одна петля обязательно сорвана, а другая болтается — неведомо. От описания трупов и судов Линча я вас избавлю... Да какие суды Линча — пристреливают ведь походя, у кого патронов много, а из экономии — вздергивают на всем, что высоко торчит. Одного повесили на вывеске «швейцарские часы», и гоготали, что точно вовремя он успеет в рай.

Очень быстро стал трескаться и ломаться асфальт, трава полезла в щели шоссе. Привыкли к тому, что вечерняя темнота непроницаема и опасна, никаких фонарей и горящих окон, а от редких костров держись на всякий случай подальше. Привыкли к запаху пространства, из которого ушла жизнь.

Подобных картин вы столько видели и подобных рассказов столько слышали, что на фиг они никому не интересны, я вам скажу.

Политкорректность

Все унитазы, да и полы в туалетах, углы квартир и лестницы в подъездах были загажены так, что еще не вовсе утерявший брезгливость человек выбирал для отправления ответственной и жизненно необходимой потребности место подальше и почище, чтоб свежий ветерок сверху и желательно газон снизу. Таким образом, в узкой полоске тени под пальмой сидел в позе гиббона небритый мужчина в спущенных штанах. И в то время, как кишечник его облегчался, с противоположного конца организма в орган, духовно противопоставляемый прямой кишке, то есть в мозг и через него в душу (вместилище которой точно не определено, но безусловно это самое возвышенное, что есть в организме, в противоположность отделяемым каловым массам) поступала следующая информация. В руке он держал клочок газеты, который читал, но интеллектуальные усилия осознать смысл читаемого отвлекались потугами физиологического процесса:

«Политкорректность — это компенсаторная система запретов разрушаемого социума, объективно пытающегося для самосохранения структурировать систему хоть каких-то императивов и табу взамен отмененных. Когда запреты сняты и господствует вседозволенность — исчезают системообразующие надличностные ценности в форме веры, идеи и идеологии — системообразующей становится негативная аутичная идея: запрещать внутри себя что угодно невинное и незначимое. Якобы это стало вдруг противоречить взглядам и интересам общества. Как татуировка у дикарей, как строжайшие предписания и запреты поведения в тюрьме — малейшее слово, жест, выражение, поступок вдруг приобретают гипертрофированное, вредоносное, запретное значение и делает тебя грешником, виноватым, изгоем. Новая жестокая система запретов — бессмысленна, и оттого еще более жестока и категорична: не смей нарушать неких измышленных положений».

Несколько напряженное лицо мужчины расслабилось, взгляд смягчился, он поднес газетный обрывок к месту окончания процесса и использовал по назначению.

Кстати о поисках Мелвином Барретом материалов эпохи.

Молитва

Чем дольше ты живешь в одиночестве, тем яснее испытываешь два чувства — счастье и вину. Счастье — потому что жизнь была так огромна, и в ней было столько разного,

столько радостей и тревог, столько мечтаний сбывшихся и не сбывшихся, благодарности и злости, преодолений и блаженства, и такие бесчисленные россыпи драгоценнейших живых мелочей, в сиянии их алмазных искр твоя прошедшая жизнь неисчерпаемо прекрасна! А вина — потому что так много не дал, не сделал тем, кого любил: ты несся вперед, тебя несли планы и страсти, жажда жизни и главных дел — и ты не успевал, не умел, не удостаивал любить по-настоящему: войти в любимого, близкого человека, почувствовать жизнь его нервами, его душой, его чувствами и чаяниями, и дать ему то, что ему так нужно было: дать больше внимания, и тепла, и согласия, и благодарности, и поддержки в тревогах. Ты любил, жизнь непоправима — поэтому ты виноват.

Вот о чем я думаю.

Для монастыря не нужны каменные стены — хватит и тех руин, отзвуков хорала, что в твоей душе. Не жалейте флагов! Не нужна братия, не нужен настоятель, и свечи не нужны, и даже крест на крыше или над алтарем. Память возносит твой монастырь, она возжигает свечи, и даже могила совести — сама себе молитва, и любая жизнь, что уже минула — сама себе покаяние.

Если бы умел, я вылепил бюст Платона. И с ним беседовал. Правда, я и так с ним беседую. Рафаэлевская фреска меня всегда раздражала — базарная суета какая-то, а не элита античной философии. Иногда он заходит ко мне и садится на ящик из-под кока-колы, иногда я к нему в Академию, и ученики замолкают, отодвигаются в тень колоннады и не мешают. Но это детали, это не важно...

Просто я хотел сказать, что живу в главном мире, первичном, определяющем — мире идей. Со стороны это может показаться жалким и диким, наверное, эдакой симуляцией безумия. Но на самом деле это прекрасно. Главное — мой мир неуязвим.

Утром я живу с идеей кофе и яичницы. Идея завтрака завершается сигаретой. Потом я одеваюсь... могу надеть свежую сорочку от Франтини и джинсы «бриони». Сажусь в кресло-качалку, пахнущую тисненой кожей... Ведь нас интересует не то, что вещи жутко качественные, а то, что

они выражают идею качества, то есть успеха и удовольствия. Вот я имею дело напрямую с идеей комфорта и счастья, а не с суетной его атрибутикой.

Только надо набить чем-то брюхо, и чтоб в обители моей было тепло, и чтоб ничего не болело. Все остальное, что нужно для счастья — во мне самом. И во мне самом — боль и стыд прожитых лет, грехи и несбывшиеся мечты: благодарность и покаяние, безмерная, невыразимая благодарность за все в жизни (ну, почти все) — и такое же безмерное, безграничное, неизбывное покаяние.

Покаяние — это любовь, стонущая под кнутом совести. Вот такую фразу я придумал, чтобы вставить в свой роман.

Здесь только такая подлая штука: грешишь ты по жизни, на самом деле — а каешься субъективно, в душе, в собственном сознании, и никому от этого ни жарко ни холодно. Эгоистичный самообман. Сначала пользуешься людьми и калечишь им жизни, а потом, когда наслаждаться сладостью греха уже не в силах — наслаждаешься сладостью раскаяния. То есть ловишь кайф и от скотского эгоизма потребителя — и от его противоположности: эх, был я силен и жесток — а стал слаб, зато праведен, и всегда мне хорошо. Путь от молодого гогота до старческого умиления. Праведность — это разновидность гедонизма, скажу я вам. Духовный мазохизм как источник положительных эмоций.

Когда ты не можешь любить то, что есть, потому что уже ничего нет, тебе остается только любить то, что было. Мечты обращаются назад, и планирование будущего сменяется перебором возможностей прошлого. (Прогностическая информационная модель приобретает ретроспективный характер, как написал бы я в то время, когда писал статьи по социальной психологии. Пока ее не запретили.)

И в тебе вспыхивает любовь к родителям, которых в юности ты не понимал, да в общем просто не до них было, и уделял им так мало внимания. Как хорошо ты понимаешь их теперь, и как коротка была их жизнь, и сколько они могли сделать, сложись обстоятельства иначе, и ты не отдал им того, что мог; а теперь уже никогда.

И вдруг до тебя доходит, что твоя первая школьная любовь была самой красивой девочкой в вашем городе, и вы с ней были самой красивой парой в школе, и вам завидовали. А ты ей так никогда и не сказал всего, что хотел, и собирался, и должен был. Жива ли она еще в этих страшных событиях?.. Все собирался хоть позвонить.

А своего лучшего школьного друга ты видел в последний раз в двадцать три года. Он получал гроши в каком-то офисе. А был высоким, стройным, крепким, красивым, он всем нравился, его уважали даже бандиты из «пяти блоков». Он умел страшновато улыбаться и осадить любого. В школе были уверены, что он сделает карьеру. А из него ничего не вышло.

Я каюсь, что мало им дал, что мало ценил и легко разошелся, что значил для них больше, чем они для меня... все встречные в моей жизни — которые и были моей жизнью, потому что жизнь — это тепло, которое возникает только между людьми, и сейчас у меня осталась только память о тепле — и эту память я пытаюсь оставить — кому?..

Любовь, звучание которой растворилось во времени, и сохранились только миги, отдельные картины, как старые рекламные кадры фильма, потрясшего когда-то сердца.

Мой старик, похожий на седого гангстера или морехода, прошедший две войны, разоренный двумя кризисами, не согнутый ничем, от которого я не слышал никогда ни слова похвалы и который хвастал мною перед друзьями; я был юн, мне было некогда, меня перло по жизни, я был черств с ним, и ему хватало мудрости не упрекать меня и терпеть боль; он еще живет во мне — любимый, в покаянной моей памяти.

Мои девочки, красивые, нежные мои девочки, их временем правит безжалостная завистливая ведьма, обращающая юных прелестниц в отвратительные коряги, и только в памяти они живут в своем истинном обличье: проси у них прощения, вставай на колени, клади к их ногам все трофеи беспутной жизни своей; очнись и оцени дареные тебе сокровища из дали прожитых лет, оглянись на оставленные клады в конце долгого путешествия.

И твои враги, твои конкуренты и завистники — дороги тебе, и память о них дорога, и дорога к ним ненависть — ибо это тоже твоя жизнь, и она была хороша.

Все сделанное останется с тобой — все несделанное будет томить до последнего часа, такова доля людская.

Как я стал американцем

Сегодня, если скажешь, что ты американец, могут за это убить. И уж точно большинство возненавидит. Так что даже забываешь, что это значило когда-то, раньше, давно.

Сегодня надо говорить, что ты — социалист. Или космополит. Или черный. Или мусульманин. Или трансгендер. Или чистильщик. Или активист — все равно чего, можно обычно не уточнять.

Страшная это вещь — лишение памяти. Подмена твоей памяти вымышленной биографией, чужими мыслями. Гады долбят тебе темечко своей пропагандой до тех пор, пока ты не начнешь видеть себя и свою жизнь их глазами. И тогда ты веришь им, а не себе. Они подменяют тебя в твоих собственных глазах. Вот за что я хочу убивать их.

Старое время. Средний класс. Люди читали книги.

Сказки Дядюшки Римуса. Как братец Кролик перехитрил Братца Лиса. Братец Медведь и Сестрица Лягушка. Обезьяна, которая ни разу не почесалась.

Том Сойер и Гек Финн. Ну и шайка у этого Томаса Сойера — одна рвань!

Джек Лондон. Вот поживешь с мое в этой проклятой стране, сынок, тогда поймешь, что Рождество бывает только раз в году. Он привык выносить такие удары за полдоллара разовых или три доллара в неделю — жестокая школа, но она пошла ему на пользу.

Хемингуэй, великий миф, мужчина. Жизнь ломает каждого, но одни потом только крепче на изломе, а другие уже никуда не годятся.

Чарли Чаплин, Эрл Флинн, Берт Ланкастер, Юл Бриннер.

Отцы-основатели. Покорение Дикого Запада.

Свобода и Конституция: Мы, народ Соединенных Штатов!

Самолет. Атомная Бомба. Аполлон-11, Луна.

Мы были — самые отважные, трудолюбивые и справедливые.

Справедливость — это ты, здесь и сейчас.

И вот когда это становится твоей сутью — ты готов. И если ты читал Киплинга (не американца) — ты можешь вспомнить и понять:

Но то, что досталось ценою зубов —

За ту же цену идет!

Дао

С детства я мечтал о том, о чем мечтают все мальчики: о славе и о любви. Если это сказал о себе великий Томас Вулф, то и мне не стыдно. И плевать, что он давно устарел и вышел из моды. Сами вы устарели, как показала жизнь. Американская мечта существовала во многих формах, и это была одна из лучших.

О чем бы ты ни мечтал — ты мечтаешь о счастье. И вот это счастье моей жизни, воплощение моей американской мечты выглядело так:

Я напишу великий роман. Огромный, толстый, сложный, глубокий, наполненный мудрыми постижениями и написанный блестящим языком. Много лет мои книги отвергали — с пренебрежением, поучениями, насмешками. Много лет я страдал, терпел и продолжал работать. Я преодолевал лишения, нищету, депрессию, я избегал друзей, чтобы не ощутить их унизительного сочувствия. И в конце концов мне удалось создать неслыханный шедевр, и в конце концов признание пришло. И принесло богатство и славу. Интервью, пресс-конференции, выступления в огромных залах... Вот о Нобелевской премии я не думал — она давно стала договорным таким уравнительным дерьмом... а жаль, до Эпохи Революции она много значила, знак высшей касты.

И любовь случится сама собой, как полагается настоящей любви. Лучшая девушка в мире, тоненькая и голубоглазая, с пшеничными волосами и застенчивой улыбкой, полюбит меня раз и навсегда. Она будет привязчива и терпелива, она поверит в меня с первого взгляда и будет прощать мне все. Перенесет со мной бедность и скитания, будет радоваться любой мелочи и разделять все мои чаяния. А когда я разбогатею, мы купим красивый дом и родим четырех детей: трех сыновей и дочь. И трое братьев будут оберегать единственную сестру. А потом пойдут внуки, дети с семьями будут приезжать к нам в гости, и мы счастливо состаримся, вспоминая прошлое: мирные седые патриархи в кругу семьи.

Н-ну, мечтать невредно. А теперь — что получилось. А ни хрена ни получилось, как водится. Если хочешь насмешить Господа — расскажи о своих планах.

На фиг меня все издатели как послали вначале, так и посылали всю жизнь. Наверное, я бездарен. Но сам этого не понимаю. Значит — я графоман. Упрямый и убежденный. Это хоть кого приведет к блаженным грезам: один укольчик — и ты улетел в ту вожделенную параллельную Вселенную, где каждый получает по потребности своей измученной души.

А что касается верной спутницы жизни — она была крепкая, темноглазая, вспыльчивая, и вовсе не собиралась терпеть всю жизнь неудачника, упорствующего в своей фигне. Нет, были еще девушки, но только одна ясно выразила желание терпеть и надеяться до победного конца. Наутро и с похмелья несчастная обнаружилась столь отвратительна, что стерпеть не мог я. Никто не совершенен.

Имея в характере терпение и упорство в достижении цели, я понял, что судьбою мне определена любовь в том секторе райских кущ, где стройные мускулистые мужчины понимают друг друга с первого взгляда, и крепкая дружба неотделима от духовного единства и телесного наслаждения. Блять, если бы жизнь соответствовала поэтическому представлению о ней, то сексологи и психоаналитики остались бы без работы. Мы познакомились в гей-баре, приехали к нему, он был мил и тактичен, но мой член оказался закоренелым гомофобом, и прочие применяемые в сексе части тела не проявили ни малейшей толерантности.

Когнитивный диссонанс — это когда сознание и подсознание посылают друг друга на хуй, а он не встает. Подсо-

знание всегда побеждает. Можно изнасиловать подсознание, но это еще хуже, чем изнасиловать тело в зад: порванный анус быстрее заживает, а вот с психической травмой ты так намучишься, что вообще потенцию отшибет.

Таким образом, мою как творческую, так и любовную карьеру невозможно назвать удачной. Но осталась еще одна область, в которой мои поиски и претензии взывали к обретению гармонии бытия. Вам не слишком сложно? Я искал не то чтобы так прямо смысл жизни. Хотя и не без этого. Я пытался понять, что же за фигня происходит кругом? Почему я несчастлив — это еще ладно. Но почему творится столько разного идиотизма? Почему интеллектуалы несут столько чуши — а реднеки по-южному протяжно изрекают сплошь и рядом разумные вещи?

Почему все несовершенное и плохое постепенно заменяется совершенным и хорошим — а потом хорошее опять идиотским и плохим? Почему преуспевают мерзавцы? Почему женщины больше любят негодяев? Почему люди, гробя свои страны, непременно уверены, что поступают наилучшим образом? Как же так это все?..

Гераклит, по праву царского рода носивший багряный плащ, в конце концов из презрения к людям удалился в горы и умер в одиночестве. Гераклит Темный, единство и борьба противоположностей, в одну и ту же реку нельзя войти дважды.

Две тысячи лет спустя Шекспир написал:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой.

Есть много сказаний об отшельниках. И о хранителях огня. Отшельник, мудрость, огонь — вот такая триада. И к ней — другая триада: бедность, старость, природа. И еще: поражение, покаяние, смирение. Шел я шел, и пришел в ту точку мира, где посреди трех этих треножников стоит в лесу моя хижина, в четверти мили от реки.

Глава 2

ГЕРАКЛИТ

— Кто этот безумец в красном плаще?

— Как дети малые, как скоты неразумные! Куда уйти мне от вас, не понимающих простых истин?..

Нет сильного и нет слабого, нет плохого и нет хорошего, нет чистого и нет грязного, но всегда есть два в одном. И только потому есть единое, что в нем есть два, и эти два не могут разъединиться. И пока два внутри единого есть и сражаются друг с другом — существует и единое. Изменяется единое и в своем развитии стремится к совершенству, пока внутри него два начала, которые несоединимы, но и нерасторжимы, и вечно им суждено бороться друг с другом. Бороться — и никогда не побеждать одно другое. Ибо победа одного — есть гибель не только другого, но и победителя, но и единого целого, которое вмещало их обоих.

И если бы понимали вы меня, не было бы у вас сейчас сражений, лишенных смысла, где одна часть пытается победить другую часть, воображая, что победа сделает часть целым. И не в силах постичь, что победа одной противоположности над другой противоположностью есть гибель целого в гибели обоих этих противоположностей. Глупее ослов вы и бесполезнее грязи под ногами.

— Почему так темны его речи?

— Что он несет? Как понимать?

— Что означает эта бессмыслица?

— О, жалкое племя торговцев и ремесленников. Боги покарали вас лишением разума, и вы стремитесь к гибели, не понимая, что творите! Речи ваши — речи сумасшедших. Мысли ваши — как щепки в водовороте.

Я опущусь на четвереньки, чтобы встать вровень с вами. Я заговорю языком птиц, который излюблен вами. Я покажу вам зеркало вашего ума, но вы не поверите своему отражению.

Нет свободы и нет рабства.

Нет труда и нет безделья.

Нет свободного рынка и нет плановой экономики.

Нет капитализма и нет социализма.

Нет диктатуры и нет анархии.

Но всегда есть одно и другое вместе. И разница только в пропорции. В соотношении частей первого и второго.

И когда люди сражаются за победу одного над другим — по глупости своей они думают так. Потому что сражаются они только за изменение пропорции. Чтоб одного стало больше, а другого меньше. Но сохранятся обязательно оба.

Ни один деспот с абсолютной властью над жизнью и смертью подданных не может определять, сколько минут мужу овладевать женой, сколько минут матери баюкать младенца, как часто улыбаться юноше. Как врачу лечить больного, как кормчему держать курс в море, сколько минут варить похлебку. С какими соседями захочет дружить человек, как долго вести речи, смотреть на облака и беседовать с детьми. А главное — о чем думать человеку, и как думать, и долго ли. Даже в самой жестокой деспотии есть свобода, хотя пространство ее невелико. Что-то человек всегда решает сам, по своей воле.

Но даже в самом свободном обществе, где нет власти одних над другими и каждый волен делать что хочет — он не волен делать все. И его свобода ограничена не только свободой соседа. Он не свободен есть и не работать — паразита не станут кормить, вора убьют или изгонят. Он не свободен красть, убивать, прелюбодействовать, клеветать, богохульствовать, предавать родину, уклоняться от защиты родины при нападении врагов. Свобода всегда ограничена Законом. Без Закона жизнь людей невозможна.

Все дело в пропорции Свободы и Закона. Скажу иначе: Свободы и Несвободы. Несвобода необходима для жизни людей. Свобода тоже необходима: люди разные от рождения, и если превратить их в одинаковые машины, они погибнут — или свергнут такую власть.

То же с вашим «свободным рынком». Он «свободный», пока общественное соглашение, или закон, государство, сила — охраняют эту свободу. Свободный рынок может быть только охраняемым и с установленными правилами — то есть его свобода ограничена. Совершенно свободный рынок — будет захвачен любой шайкой разбойников, которые под угрозой оружия установят свои правила и будут грабить

торговцев, отбирая у них товар — весь или часть.

Свобода рынка есть только тогда, когда есть Закон, карающий за нарушение этой свободы — то есть правил, которые торговцы и покупатели выработали себе.

Свобода рынка охраняется Законом. Ее пределы утверждаются Законом. Отчасти — Свобода рынка ПОДЧИНЕНА Закону.

И плановое хозяйство подчинено Закону. Почти полностью. Но никакой план не может учесть все. План пытается учитывать спрос и ориентироваться на него. План стремится стать УПРАВЛЯЕМЫМ рынком. Не поспевает поворачиваться за модой, за прогрессом, за зигзагами спроса. И в нем — всегда и неизбежно! — существует рыночный сектор. Это частные портные, парикмахеры, массажисты. Обмен услугами — потому что при плановом хозяйстве неизбежен дефицит многих товаров и услуг, план не поспевает, не может учесть все. Мелкая неофициальная торговля — одеждой, бытовой техникой, парфюмерией.

Но! И свободный рынок подвергается регулированию. Через субсидии и налоги государство воздействует на него, стимулируя одни отрасли и тормозя другие — дабы избежать как отставания в одном, так и перепроизводства в другом.

Все дело в оптимальном соотношении свободы — и центрального планирования. Регулирование, чтоб избежать кризисов, неизбежных при анархическом рынке.

Смешнее всего ваш капитализм и социализм. Если дать волю капиталисту — он превратит рабочих в рабов, а всю прибыль возьмет себе. Если дать волю социалисту — всю прибыль он разделит между рабочими, а капиталиста выгонит вообще и заставит его стать рабочим.

В первом случае рабы наработают капиталисту такого, что у него все рухнет. Да и продавать будет некому — только другим капиталистам, а их мало.

Во втором случае работяги без организатора, координатора, инвестора и специалиста по снабжению производства и сбыту продукции, каковым является капиталист, — работяги мгновенно развалят все. Что и происходило при всех социалистических революциях.

Итого:

В любом капитализме есть элементы социализма. Работяги должны обеспечивать какой-то спрос на производимые товары. Работяги необходимы. Они объединяются в профсоюзы и борются за свои права. Отвоевали минимальную зарплату, максимальный рабочий день, пенсии, пособия, гарантии в трудовых договорах. Появились идеологи, философы, теоретики, юристы, политики, которые на государственном уровне защищают интересы рабочих. А также стариков, больных, детей — всех, кто по состоянию здоровья работать не может. Плюс пособия по безработице для тех, кто не может найти работу, хотя хочет и старается. Да: медицинские страховки, бесплатная медицина для бедных, всеобщее школьное образование, государственное — бесплатно; и так далее.

Но и в любом реально существовавшем социализме есть элементы капитализма. Это обязательные следствия неизбежной социальной иерархии: начальники получают больше денег и имеют больше благ — специальные для функционеров режима больницы, санатории, автомобили, магазины с товарами, недоступными массам. При капитализме доступ к благам и уровень жизни определяется деньгами — при социализме статусом в иерархии и объемом власти.

При капитализме деньги конвертируются во власть и все блага. При социализме власть конвертируется во все блага, в том числе деньги.

Капитализм со временем порождает изобилие. Изобилие порождает иллюзию того, что возможно желательное благоденствие для всех — благородную тягу к социализму как равенству.

Социализм быстро порождает диктат государства, бедность и крушение экономики. Бедность рождает апатию у слабых и жажду свободы у сильных — свободу работать как сам хочешь, можешь и понимаешь, рассчитывая подняться вместе со страной. Жажда свободы порождает тягу к капитализму.

А сейчас, глупые люди, пиздец вам с вашей цивилизацией. Как пришел конец моему Эфесу, потом всей Элладе, всей Великой Греции. Не было мне понимания среди глупцов и не будет — так судили боги. Участь Трои и судьба Кассандры — это культурно-исторический архетип, как сказали бы многоученые ослы в ваших академиях.

Наследники персов, варвары, оккупировали мою родину; я удаляюсь в дальние горы, у людей с Востока они называются Тибет. То высочайшие вершины мира. И там в размышлениях и беседах с богами окончу я свои дни. Быть может, мне суждено обрести там, среди вечных снегов над облаками, утраченное здоровье души и тела.

Глава 3

ДЕМИУРГ И ЕГО ПЛАН

Когда дни и годы текут безостановочно, как река, к которой ты спускаешься из леса, ты не можешь уже определить, когда ты ушел от людей рухнувшего мира — и когда твой собственный мир сформировался и стал твоим единственным пристанищем, в котором ты центр и властелин. Ты существуешь — следовательно ты мыслишь. А следовательно — ты знаешь и помнишь, ты чувствуешь. И значит — ты создал свой мир, и ты познаешь его.

Много времени спустя Мелвин Баррет задумался: как же оно так все вышло? Он понимал, что об этом каждый задумывался много раз, но от этого не легче. И ему открылись следующие выводы:

Во-первых, мир погубило устройство вещей. Законы Природы. Эволюция Вселенной. Гибель Цивилизации предопределена всем движением Истории. Вот это и необходимо постичь.

И уже во-вторых, как проявления Первопричины, нас погубили вещи (процессы? явления? группы людей?) вполне конкретные. А именно:

Социалисты. Евреи. Негры. И гомосексуалисты.

Выводы привели Мелвина Баррета в оторопь. Он понял, что пришел к фашизму. А фашизм он не любил, и быть фашистом никак не собирался.

Он попробовал опровергнуть себя по пунктам.

Во-первых, фашизм — это разновидность социализма, сказал он себе. Это корпоративный социализм, где все люди всех классов вносят свою лепту в общее дело и честно делят получившийся продукт. Национализм тут не обязателен. А вот тоталитарная идеология и нетерпимость к инакомыслию — это как раз черта социализма. Так что красные фашисты во всем и виноваты. А это звучит совсем иначе. Разве не красные фашисты поставили целью разрушить наш мир, все наши представления о жизни, разве не они с поразительным цинизмом и беспощадностью призывали к исчезновению белой расы? Это их слова и дела!

Во-вторых, евреи массу всего хорошего наоткрывали и наизобретали, и вообще люди очень добрые и справедливые. И вот с этим своим умом и добротой они изобрели такую модель справедливого общества, построение которого и привело к Катастрофе. Они хотели как лучше. И уперлись в этом своем хотении к вымышленному лучшему так, что повредили мозги всем остальным. Все и рухнуло. М-да. А судим ведь мы не по хотению, а по результату.

В-третьих, Мелвин Баррет совершенно ничего не имел против чернокожих. Напротив, он испытывал некоторый комплекс вины за рабство их предков. И ему было неловко, что они в общем хулиганистее и бестолковее белых, драться и бездельничать любят больше, а думать у них получается меньше. И очень это несладко и унизительно — жить среди тех, кто умнее тебя и у кого лучше получается делать все работы. Трудно им. Помогать надо. Но звереть, кусать кормящую руку, рушить цивилизацию, которая их приютила и сделала вчерашних дикарей людьми — вот этого нельзя. И не фиг оправдывать этих штурмовиков, чьими руками производились погромы и кто много о себе возомнил. Всем хуже стало.

И в-четвертых. Трахайся как хочешь и с кем хочешь, если вы взрослые и делаете это по обоюдному согласию за закрытыми дверьми. Ваше личное дело. Но вот пропагандировать это жопосуйство, кричать об этом на всех углах, объявлять это нормой, требовать признания законным браком, разрушать нормальные семьи, загаживать людям мозги и вопить еще, что гомосеки везде должны представительствовать, а нормальные люди ущемляют их права и пользуются привилегиями — что ж: это и разрушило семьи, и способствовало вымиранию, потому что рожали все меньше (мужчины через жопу не рожают, лесбиянки от лизания пизды не беременеют), и разрушало все представления людей о том, как жить.

Вот таков был Божий план. Который Он привел в действие. Я могу лишь констатировать это.

Так, сказал себе Мелвин Баррет. Раз уж делать мне все равно нечего. А в мозгу моем гениальном продолжает жить необъятный мир. Я могу только вспомнить все то, что произошло. Вернуть к жизни всё и всех, кого я видел и слышал, о ком читал и что-то знаю, кто существует сейчас только в газетных обрывках, моем штабеле старых книг, где-то в сожженных библиотеках, раздавленных флешках и затерянных жестких дисках компьютеров.

Конечно, им несколько овладела мания величия. Это неудивительно в его положении и с его нереализованными амбициями. И еще, видимо, у него было уже спутанное сознание, что случается с возбудимыми людьми в немолодом возрасте.

Глава 4

ПАМЯТЬ

К числу книг, которые Мелвин Баррет помнил хорошо, относились и «Три мушкетера». В последнее время он все чаще стал повторять:

— А Портос говорил: — Поедемте лучше со мной, Д'Артаньян. Мы состаримся вместе, вспоминая наших друзей.

Мелвин Баррет вспоминал. Он вспоминал бóльшую часть дня. И часть ночи, иногда тоже бóльшую, когда не спалось. Он вспоминал все время, когда не занимался ловлей рыбы и приготовлением пищи, и не читал старые газеты или книги из своего запаса, и не писал. Хотя, когда писал, он тоже часто уплывал в воспоминания, варьируя былое так и эдак.

Он обнаружил, что прожил огромную жизнь. Память оказалась неисчерпаема, как Вселенная. В ней были женщины и школьные друзья, родители и брат с сестрой, гамбургеры и виски, колледж и редакции, океан и пляж, автомобили и самолеты, горе и радости. Он думал, что если человек сидит в одиночной камере, но сыт и здоров, не мерзнет и не измучен — он может быть совершенно счастлив. Огромные прожитые годы всегда с ним, и каждый миг можно повторять и длить бесконечно. Или посреди счастья вдруг станешь несчастным — если в воспоминании вдруг откроется новая, неосознанная ранее сторона событий — и ты поймешь, какое счастье по глупости упустил или какую скверную гадость сделал, не сознавая; или защемит старая боль непоправимой потери.

В своей памяти — ты властелин своей судьбы и всех событий, с которыми соприкасался. Каждый сам себе демиург. А воображение в одиночестве разрастается беспредельно, и бесконечен перечень вариантов судьбы в мельчайших ее подробностях.

В воображении Мелвин Баррет продолжал разнообразно и изощренно обладать всеми женщинами, с которыми был близок, и с теми, кого лишь хотел, они говорили ему и делали все, о чем он мечтал, и спустя время после того, как наслаждение разрешалось и спадало, не было никакого различия в чувствах и мыслях между прошедшим реальным и воображаемым.

Он разбогател, купил родителям новый дом, хорошую новую машину и заказал месячный тур в Европу первым классом. Год он путешествовал по миру, останавливаясь в президентских люксах и арендуя бизнес-джеты.

Он купил винтовку с оптическим прицелом и с дальней крыши пристрелил Бадена, влепив ему пулю с семисот ярдов точно в середину лба. Охрана заметалась, телепрограммы сходили с ума, а он пил в баре и наслаждался новостями.

И конечно, во всех магазинах продавались его книги, и очередной бестселлер Мелвина Баррета возглавлял топ-десятку «Нью-Йорк Таймс». Он так ясно видел обложки своих книг на полках, раздал столько автографов и провел столько читательских встреч, что улыбка удачливого, со

вкусом прожившего жизнь человека оставляла все более явственный отпечаток на его лице.

Тронуться умом в долгом одиночестве несложно. Особенно личности творческой, с повышенной нервной возбудимостью. Человек привыкает разговаривать сам с собой, воображаемые картины впечатляют все реальнее, желаемое и достигнутое перемешиваются. Здравый рассудок уже не совсем здравый, а трезвая память опьяняется собственным содержимым.

Он изменил наш мир, и в этом легко убедиться.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никакое это не предисловие, и не знаю, какой дурак поставил его в середину. Стихийный процесс создания исторического полотна контролю не поддается. Мало ли клочьев и обрывков летят на ветру в небеса, иногда попадая в случайные окна.

Никто никогда не узнает правды. Всей правды. Правды полной и объективной. Не потому, что ее нет. Есть, конечно. Просто ее не может увидеть и охватить своим знанием ни один отдельный человек.

Понимаете, какая штука, ребята. Вот в хорошем настроении ты видишь в первую очередь одни вещи, на них обращаешь внимание и про них потом помнишь и рассказываешь. А в другом настроении или в другой жизненной ситуации ты видишь в той же картине другое, и помнишь другое. Умирающий от усталости помнит мягкую траву, в которую он свалился, и тихий теплый ветерок, и птичий посвист в деревьях. А умирающий от голода помнит банку консервов, которую он нашел в траве, и как он мучился, открывая ее ударами о камень, и каким сытным было жирное тушеное мясо в этой банке, и как острым краем он порезал губу. А умирающий от жажды помнит свежую воду в речке, как он упал, погрузив плечи и лицо в воду, и жадно глотал, и был так счастлив этой влагой, прохладой, свежестью, этим блаженством пить бесконечно, а дно было

песчаное с мелкими камушками, а потом он лег в воду прямо в одежде, и лежал так, в неземном счастье возрождаясь к жизни в прохладе воды.

Солдат помнит войну, мать детство своих детей, крестьянин поле, влюбленный помнит возлюбленную, а хирург операционную. А еще они все помнят подробности своей жизни, которые всегда одинаковы: как просыпались и одевались, что готовили и ели на завтрак, как покупали машины и джинсы, следили за банковским счетом, болели и выздоравливали.

И вдруг оказывается, что одна и та же жизнь в одном и том же городе, в одно и то же время, выглядит у разных людей совершенно по-разному — хотя состоит из одних и тех же подробностей! У одного город состоит из работящих людей и наглых бездельников, а у другого — из тех, кому не повезло в жизни и самодовольных эгоистичных буржуев. У одного хорошие дороги — у другого автомобили сгоняют пешеходов к стенам домов. У одних высокие налоги — у других маленькие пособия. У одних каждый имеет в жизни свой честный шанс — у других верхний класс охраняет себя и не дает подниматься беднякам.

И вот в этом мире нам предлагают знать историю! То есть выбрать из прошедших событий самые важные и характерные и изложить их связно, логично и последовательно. В то время как даже сегодняшний день разные люди видят по-разному — и ругаются до хрипоты, обвиняя друг друга во лжи и слепоте!

Поэтому самое лучшее, что может предпринять историк — это последовать рецепту трех молодых англичан, приготовивших в качестве сытного ужина ирландское рагу, позволившее им употребить все имевшееся съестное в стихийно сложившейся пропорции. Им понадобились их крепкие молодые желудки (то было время величия Британской Империи), чтобы усвоить съеденное — и не менее крепкие мозги нужны каждому, кто вознамерился переварить блюдо, сваренное для него Историей.

...А я даже не историк. Мне случайно попал в руки некоторый материал. И получилась не то свалка, не то исторический сэконд-хэнд. Здесь собрана всякая всячина, по

кусочкам, отовсюду понемногу. И как жадный старьевщик, я трясусь над своими сокровищами: перебираю их, раскладываю, пытаюсь сортировать и не могу придумать, как бы мне их использовать.

Не стреляйте в историка: он не виноват, что Историю творят идиоты. Даже если они подразделяются на патриотов, жуликов, эгоистов и умственно неполноценных.

...Здесь будут отрывки из газет и телепередач, полицейских хроник и медицинских карт, рассказы очевидцев и бред сумасшедших, шутки юмористов и анализы философов, главы романов и донесения сыщиков, доклады политиков и школьные учебники; здесь будут исповеди закоренелых злодеев и тайные черные мечты священников, досье спецслужб и отчеты благотворительных фондов, театральные постановки и армейские приказы.

Может быть, это хроника крушения мира. Нет, пока еще не Вселенной, а только нашего мира. А может быть, история возникновения Нового Мира. Пока еще не Вселенского, а только того, что на Земле.

...А потому, что я не историк: мой Бог — Правда, Вся Правда и Ничего, Кроме Правды. Много лет вся наша жизнь была преступна — была ложью под присягой: мы утвердили Закон, обязывавший всех нарушать присягу и говорить Неправду. О, из высших соображений! Но: когда высшие соображения приказывают лгать собственному народу и себе самим — Добро и Зло меняются местами, светоносный ангел оказывается Люцифером и рушится в Ад вместе со своими приверженцами.

De Profundis. Из глубин взываю. Не я. Но все, чей голос остался звучать хоть на миг.

Глава 5

КОГДА РУХНУЛ НАШ МИР

— Как ты думаешь — когда же что-то сломалось?

— А перед Великой Войной. Она же позднее — Первая Мировая.

Понимаешь — мир облопался. Обожрался. Появились лишние ненужные деньги. Появилось наработанного добра больше, чем можно было потратить, употребить. А главное — больше, чем можно было придумать, как вообще эти излишки употребить...

Именно тогда — что? — появился кинематограф. Но еще раньше — развлекатели толп, паяцы, актеры — из людей второго сорта, низкого обслуживающего сословия, из наемных шутов — превратились массово в фигуры престижные, значительные, поднялись в статусе до верхних уровней — и люди стали платить им несуразно огромные деньги. Эти певцы, басы и теноры, это драматические актрисы. Эти композиторы и художники из преуспевающих. Фокус в том, что они не производили, не делали ничего, что было бы необходимо для жизни людей, что спасало бы жизни или облегчало их. Они не были воинами-защитниками, или врачами, учителями, землепашцами или ремесленниками. Они — развлекали. И развлечение стало дороже дела, выше оплачивалось!

А кинематограф — стал мультипликатором, тиражистом, серийным распечатывателем развлечений. И вот уже Чарли Чаплин куда знаменитее и богаче маршала Фоша или Альберта Швейцера, а хоть и президента Вильсона.

Пик же оформившегося безумия — соревнование двух стайеров на сто метров — Болта и кого там еще, не помню, да и не важно, факт был: миллион долларов тому, кто обгонит другого в беге на сто метров. Вот это уже выглядело шизофренией. Возьми работу шахтеров, монтажников, заработок солдат в горячих точках — и сбегать на сотку, и вся твоя жизнь — это ты бегаешь.

Нет, ты представляешь: умирает человек — и попадает на Тот Свет, перед Богом стоит, и тот его спрашивает: «Что ты в жизни делал? Чем занимался?» И человек отвечает: «Я прыгал в высоту». Или: «Я бросал мяч в кольцо». Как тебе этот бред?

То есть. Вот русский еврей Абрам Маслов. Стал американским ученым Абрахамом Маслоу. И все бросились рассказывать друг другу про «пирамиду Маслова». Ну — не пирамида Хеопса. Это шкала ценностных приоритетов человека. Сначала — базовые: есть-пить, размножаться, укрыться от непогоды. А потом, ближе к вершинке — высшие: самореализация себя в чем ни попадя, искусство, развлечения и так далее.

И когда развлекатель оплачивается лучше кормильца и лекаря — это хана, ребята. Как сказал Порций Катон, «Городу, в котором рыба стоит дороже упряжного вола, уже ничем нельзя помочь.

Это означает — что? Что системный ресурс цивилизации исчерпан. Что на уровне своих знаний и технических возможностей, одновременно на уровне своей экономической и политической структуры, оптимальной для этих возможностей — она, цивилизация эта, достигла максимума. Ресурс развития исчерпан.

Что это значит? Это значит, что она не может обеспечить своим людям большего изобилия, большей безопасности, большего комфорта и большего круга возможностей.

Вот Рим к середине I века Нашей Эры, к концу правления Августа, достиг всего. Огромная, сытая, вооруженная, благоустроенная, с развитыми науками и искусствами держава. И — что? И многонедельные праздники с гладиаторскими играми, раздача хлеба населению, ввоз товаров со всех концов мира.

А делать-то теперь чего? Силушки и умище приложить к чему?

В Рим поехали карьеристы, торговцы и жулики со всех краев. Они в гробу видали римские ценности — доблесть и прочий патриотизм.

А в Риме стало исподволь подниматься христианство — как невидимый гремучий газ из подвалов.

Почему римляне стали обращаться в христианство, эту одну из многих реформаторских ересей иудаизма? Оно давало модель поведения, идеал жизни, смысл существования. И кроме того — приверженность ему означала построение нового мира, справедливого и счастливого, мира в равенстве и любви, без богачей и жестоких правителей.

В расшатанном мире вседозволенности христианство давало людям системообразующие ценности, необходимые им. Категорический императив — повеление и табу. Ибо

людям потребно организовываться в упорядоченный социум. Потребно единство взглядов, ценностей и целей.

Христианство очень терпимо и мягко внешне — и абсолютно твердо и категорично внутри, в своей основе.

Почему римская власть преследовала христиан? Потому что умные люди понимали: христианство с его целеустремленностью, идеализмом, равенством и непротивлением разрушит Рим! И обратит все в хаос!

Ну так так оно и вышло.

ХРИСТИАНСТВО — это был БОЖЕСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ В ВЕЧНОМ И ВЫСШЕМ МИРЕ.

И оно разрушило к черту все. И сделало Рим беззащитным и разрозненным, он распался и сгинул под варварами. Но — одновременно!!! Христианство могло разрастись только там, куда поехали толпы швали, чуждой Риму, и им все было по фиг; а смысл жизни исчез, цель Рима исчезла. Новые завоевания и границы Траяна и Адриана — это были текучие количественные изменения, но отнюдь не качественные.

Христианство как социализм было идеологией падения Рима. В котором были взяточники, воры, бюрократы, тираны — но были и медицина, образование, отапливаемые жилища, водопровод и туалеты, были законы и было искусство. Потом — уже ничего этого не было. Тысяча лет неграмотности и тупых запретов, забвение наук и искусств, уменьшение населения... ну, и так далее.

Вот в Риме 3-го века н.э. всем жителям всех провинций дали римское гражданство — всем равные права! И эти граждане в гробу видали Рим, обкрадывая его всеми способами и требуя только благ себе. Вот в этом Риме ставили золотые статуи знаменитым колесничим, победителям на гонках — кумирам и героям толп: эти спортивные звезды купались в деньгах.

Короче: нынешние гонорары спортсменов и артистов — тот же показатель кризиса цивилизации и выработки ее системного ресурса.

А нынешний социализм — это развал и смерть цивилизации: это развитие, которое всегда продолжается, но за определенной чертой переходит в дегенерацию.

Готовьтесь, братья и сестры. Рожайте здоровых детей и учите их быть сильными, храбрыми и трудолюбивыми. Учите их не растрачивать свои жизни на бездельников и уродов. Учите их драться за жизнь и торить свою дорогу вперед. Она будет трудной — но такова доля людей.

Период процветания всех подряд — кончается на наших глазах, ребята.

Не дайте себя ограбить! Не смейте разрешать себя обманывать!

Глава 6

ЗА НЕПРАВИЛЬНОЕ СЛОВО — УНИЧТОЖИТЬ!

Братаны! Я был профессором в Беркли — и меня избили студенты, а потом меня лишили степени, уволили и отдали под суд, когда я сказал — на вечеринке, в своем кругу, мы выпивали — что среди евреев нет бейсболистов, а среди афроамериканцев — шахматных гроссмейстеров. Их действительно нет, но коллеги донесли, и мне выписали такой пизды за то, что я посмел сказать эту правду, что пришлось отсидеть шесть месяцев, а потом освободили условно-досрочно.

Это я к тому, что когда я читал лекции в этом ебаном сверхлевацком университете, надо было выражаться так политкорректно, что охуеть можно было, и нести при этом приходилось полную хуйню. Политкорректность, ребята, не для того придумана, чтоб говорить правду, а именно для того, чтобы говорить неправду — зато из высоких моральных соображений. То есть по-ихнему получается, что ложь — это добро, а правда — это зло, если не соответствует той лживой хуйне, которую они объявили моралью.

И когда ты говоришь правду, не соответствующую их пожеланиям, тебя так пизданут, что костей не соберешь. Ты дьявол, враг людей, фашист, расист, садист и социопат.

И вот теперь, когда Катастрофа уже явно происходит, когда страна гибнет, и всем кранты, и все это по милости этих пидарасов, которые пускают пену изо всех дыр, но ни

за что не соглашаются, что они пидарасы тупые, я вам скажу, в чем тут дело. За полгода в тюряге многое передумаешь; и поймешь.

Согласно гуманизму и политкорректности убийцу нельзя казнить. Смертную казнь надо запретить везде и навсегда. Изверг зарезал ребенка, и родители, обезумев от горя и ужаса, хотят разорвать убийцу на части. А все нормальные люди хотят пустить ему пулю в лоб или вздернуть гада на веревке. Нет! Это нельзя! Это плохо! Это зверство! Даже думать об этом нельзя, это позорно, пещерная мораль, ты ничем не лучше того убийцы!

Более того: его избить нельзя! Пальцем тронуть нельзя! Это против закона! Блять, откуда берутся такие законы, кто их придумывает?! Тебя же накажут, если ты изобьешь преступника, вы поняли?

Маньяк изнасиловал девушку. Его нельзя убить. Нельзя избить. Нельзя оторвать ему яйца. Надо вызвать полицию и дать ему адвоката, а в тюрьме кормить три раза в день и выпускать на прогулку. Вместо того, чтобы зашить хуй ему в рот и размозжить голову!

На глазах у толпы бандит зарезал человека. Не смейте называть его преступником! Преступником может назвать только суд. А пока он — «подозреваемый». Подозреваемый, ты понял, блять? Может, его дружки убьют и запугают всех свидетелей и присяжных, подкупят судью — и наш бандит выйдет на свободу, объявленный невиновным. Вы что, мало о таком слышали?

Нельзя сказать, что женщина слабее мужчины — и физически, и в математике, скажем. Что нормальному мужику омерзителен гомосексуализм. Что негры и близко не равны китайцам по старательности, способности учиться, законопослушности, трудолюбию, да просто по уму, еб твою мать! Хотя все это отлично знают.

Солдату запрещено испытывать ненависть к врагу! — вот до чего дошли наши правящие пидарасы! О, убивать только в самом крайнем случае, когда враг уже приготовился убить тебя — иначе тебя же обвинят в убийстве, в «превышении необходимой силы»! Но не смей издеваться над врагом, бить пленного, обоссать труп того, кто только

что убил твоих друзей — это плохо, это преступление, надругательство над человечностью, тебя отдадут под суд, ты понял?! Воюй спокойно, гуманно, без эмоций: убивай с сожалением и сочувствием! — требуют политкорректные кретины.

Террорист не сознается, куда заложил бомбу, она убьет сотни невинных — о, но его нельзя пытать, как вы можете думать о таком зверстве! Захваченных террористов нельзя тут же пристрелить — о, что вы, какой ужас, у них же права человека! Вот они грозят убить заложников, если не выпустят из тюрьмы их товарищей-террористов — и вместо того, чтобы тут же, под телекамеры, расстрелять всех этих «товарищей», кровавых собак, с ними еще ведут переговоры!

Вы чувствуете? Весь праведный гнев, всю святую ненависть к убийцам, преступником, извергам — людям запретили даже высказывать, даже чувствовать запрещают! Весь негатив загоняют внутрь, не позволяют ему реализоваться в нужном направлении.

Но это еще не все. Дальше, дальше, дальше!

Старика нельзя назвать стариком — только «человек пожилого возраста». Толстуху нельзя назвать толстухой, упаси бог! — она «бодипозитивная». Слепого запрещено называть слепым — он «слабовидящий». Блять, так слабо, что вообще уже ни хуя не видящий, но — «слабо». Инвалид? как вы смеете! — «человек с ограниченными возможностями». Олигофрен, мудак! — ничего подобного: «с отставанием умственного развития». Несчастные слабоумные дети — с аутизмом, идиотией, рассеянным вниманием: «особенные» дети. Вы поняли, ебать вас всех в рот?! Не Моцарт, не Решевский, не вундеркинды — а слабоумные и уроды теперь «особенные». Извращенцы? — «представители сексуальных меньшинств». Да он свою швабру ебет — и представитель меньшинств. Мудак объявил себя женщиной — и пошел в женский душ: молодец, а! И суд его защитит! А если ему там женщина даст ногой по яйцам — ее под суд.

И уже ничего нельзя. Ребята, вдумайтесь: уже! — ничего! — нельзя! Нельзя сказать, что черные стали злобными расистами. Что никакая Русалочка, никакая Золушка, никакие викинги, еб вашу мать!!! — никогда не были черными!!!

Что мошенников пора вешать на фонарях, насильников кастрировать, бандитов расстреливать на месте, что пора называть вещи своими именами и вводить опять шерифское право! — ничего этого нельзя сказать!

Я слышу, что вы все это знаете! Но чуть дальше, подумаем чуть дальше.

Первое, что я вам скажу. Человеку, ребята, агрессия свойственная в принципе. Имманентно присуща, так сказать. Необходимое зло, как сказал один ученый... что? Конрад Лоренц его звали, немец, да, вернее австриец. Агрессия нужна — чтобы защитить свою женщину, свой дом и участок, чтобы перегрызть горло тому, кто хочет ограбить тебя и забрать твое добро, а такие желающие всегда найдутся. Особенно, мужики, вы все знаете, в юности, в молодости подраться — святое дело. Кровь кипит, кулаки чешутся! Почему? Потому что юность — время отвоевать у жизни свой участок, свою женщину, свой кусок добычи, свое место у костра. А желающих всегда больше, чем хороших кусков и красивых женщин. Верно я говорю?

Поэтому дерутся в тюрьме. Поэтому дерутся в армии. Делить нечего, а толпа молодых здоровых мужиков скучена на крошечном пространстве. Вот они и дерутся — им инстинкт диктует выяснить, кто здоровее, кто рулить будет.

А если драться вообще запретить — ну, под страхом смертной казни? Так самых темпераментных и горячих просто трясти будет — к чему бы приебаться, на ком и на чем злость сорвать? Ты его кинь в бой — классный солдат будет! А если агрессию девать некуда? Она выход ищет.

А теперь второе. Слово правды. Великое это дело, ребята — слово правды. Человек — он почему хочет говорить вообще-то правду? Да потому что ему надо видеть мир таким, какой он на самом деле — чтобы правильно поступать. Вот как волк или кролик, скажем. Волк должен чуять, где кролик — чтоб поймать, иначе с голоду помрет. А кролик — чуять волка: спрятаться, удрать, иначе не выживет. Волк должен чуять медведя или росомаху — а то его покалечат, а еду отберут. А кролик не должен жрать ядовитую траву. И каждый должен чуять свою самку, и видеть, где можно скрыться, и так далее.

Вот человеку — тоже нужна правда. Необходима. Чтобы знать, кто ему друг, а кто враг. Где ждет хорошая работа, а где бесплатное рабство. Где приласкают, а где набьют морду. И вообще: на улице дождь или солнце, что надевать, да?

Но! Но, ребята. Говорить правду всегда и всю — невозможно, конечно. Нельзя сказать начальнику, что он сволочь, коллеге — что дурак, любовнице — что стерва, соседке — что жирная уродина. Не то тебе самому столько правды про тебя скажут, что хоть на кладбище ползи. То есть — вежливость. Говорить людям приятное про них и не говорить про их недостатки уж слишком-то прямо. И это нас уже раздражает, верно? Но если в ответ на сладкую вежливость тебе улыбаются и тоже говорят комплименты — тебе, вроде, и самому приятнее жить, верно?

Но все хорошо в меру. А меру наши идиоты давно забыли.

С одной стороны — запрещено проявлять насилие по любому поводу. У тебя все кипит внутри, кровь глаза аж застилает — а убийцу не тронь! Вора не тронь! Напавшего на тебя — не бей сильно, а то сам виноват будешь! Тебя оскорбляют — молчи, если это негр или пидор, они же у нас угнетенные, имеют право срать на тебя. Агрессия, самозащита, защита порядка и страны — тебе запрещена! Объявлена преступной и гнусной.

И правда тебе запрещена. Урод не урод, дурак не дурак, паразит не паразит, извращенец не извращенец. Молчи, не то вылетишь отовсюду, да еще посадят.

И вот мы подошли к удивительному результату. Дикому, кретинскому, небывалому вообще в истории. Люди раздражены, потому что невыпущенная агрессия копится под гнетом. Людям осточертела ложь, потому что жизненный инстинкт требует правды: как там оно все устроено на самом деле, как жить в этом обществе, в окружающем мире? А тебе говорят: живи по нашей лжи — и будет тебе хорошо! Наша ложь — это и есть правда! Примем тебя, устроим, обласкаем и обеспечим.

И в этой ситуации, когда все преступления, все пороки, все опасности для жизни нашей — строго запрещено направлять на них агрессию. И на ложь запрещено направлять агрессию, а надо принимать ее как правду. И все это

раздражает. Куда раздражение все, агрессию всю выплеснуть?! Некуда!

Нет. Есть. Есть такое место! Есть такой выход.

Тебе сказали: нарушать политкорректность — строго запрещено, это очень плохо, это свидетельство черной души негодяя-нарушителя и преступной его сущности античеловеческой и антигуманной. Те, кто нарушают наше светлое представление о прекрасной справедливости, о святой доброте ко всем людям — они неправы. Нехорошие. Гадкие. Сволочи! Подонки!

Вот он — враг! Ату его, ату!

И вся агрессия, которую нельзя направить на истинных преступников, все раздражение и гнев, которые копились из-за невозможности назвать ложь ложью, бред — бредом, несправедливость — несправедливостью — все эти агрессия и гнев, злость и ненависть накопившиеся — обрушиваются!!! На кого? На врагов! На нарушителей политкорректности.

Каких нарушителей? Любых! Что они нарушили? Плевать, нам уже невмоготу терпеть, что бы ни нарушили — вот он, желанный враг, вожделенный объект для ненависти, агрессии, злобы, несогласия и облечения.

Поэтому «блекфейс» — преступление, негр — о, ни в коем случае, только «слово на букву «н», «гей» вместо гомосексуалист, «нетрадиционные отношения» вместо извращенные. Назвать инвалидом «персону ограниченных возможностей», идиотом или олигофреном «умственно отсталого», упомянуть о различиях средних АйКью разных рас и так далее — да это хуже, чем убить, избить, украсть, быть мошенником!

Так пришел агрессивный кретинизм — неправдоподобная злоба в мелочах. Смертельная ненависть обрушивается на нарушителя бессмысленных правил. Это как в тюрьме среди уголовников: есть свои правила и законы, иногда смехотворно условные, и нарушителя жестоко карают. А делать им не хрен. Вот и изобретают себе какое-то подобие порядка, чтоб его соблюдать: создают себе трудности.

Ребята, я вам по-простому. Чтобы люди существовали в обществе вместе, нужны какие-то законы, чтоб друг друга

не грабили и сильные не загрызли слабых. Слабые ведь тоже нужны: кто-то умный, кто-то много повидал, кто-то скучную грязную работу делать будет. А законы — это что? Запреты — и повеления. Не укради! Не убий! Но друга в беде не брось, трудись, о семье заботься. Так было всегда.

И вдруг! Сплошная механизация и компьютеризация! Жратвы и шмоток до хуя — и при этом можно ебаться без женитьбы всеми способами, ни хуя не делать — но чтоб тебя кормили и давали денег, можно воровать — но посадят ненадолго и будут кормить три раза в день и прочее. Короче — вседозволенность.

Но! Общество так развалится! Оно не может без запретов и повелений! Оно может существовать только организованно, хоть как-то. И если нельзя запрещать ебать мужиков в жопу, бездельничать, нельзя бить вора — то необходимо же запрещать хоть что-то! И приказывать хоть что-то!

Тогда запрещают курить везде. Запрещают говорить, что есть умные и дураки. Запрещают говорить слово против пидоров или про то, что все изобретения сделали белые. А приказывают говорить, что негр-викинг — это нормально, баба со штангой — это нормально, принимать на работу и учебу не по способностям, а по цвету кожи — это нормально. А кто против — те враги! Обрушивай на них весь свой запас агрессии!

Вот так, ребята, гуманизм без берегов и политкорректность без краев — превращаются не просто в диктатуру и тоталитарную идеологию — но в идеологию и диктатуру бессмысленности, идиотизма и смертельной злобы по кретинским вымышленным причинам.

Если люди разрушают и переиначивают нормальный порядок в обществе, когда умные и сильные, трудолюбивые и семейные — наверху, а бездельники, развратники и дураки — внизу, и если реформаторы хотят всех уравнять и слабым, глупым и извращенным дать побольше благ, отняв у умных семейных работяг — то такое переустройство неизбежно придется делать силком. Против человеческой природы, и против социальной природы, и против эволюции, и вообще против устройства Мира. Мир будет сопротивляться! Он не хочет стоять на голове!

И реформаторы делаются все злее, все остервенелее, все более жестоки и непримиримы. Огнем и мечом они насаждают свою веру: называй белое черным, а черное белым! Вся власть дуракам! Все блага бездельникам! Все уважение развратникам! И не сметь возражать!

Ничего. Когда они все сдохнут — мы спляшем на их могиле.

Все.

Прошу налить! С вами, сукиными детьми, бросишь тут пить. О, о! Спасибо за комплимент, нашелся тут мне тоже, можно подумать, что не читал я эту лекцию в университетах. Ну, может, не все слова употреблял. А за что меня били и гнали? Нормально! Бьют, гонят, затыкают? Значит, правду говоришь.

Глава 7

ГОЛЫЙ МАЛЬЧИК

бродвейский мюзикл
либретто
сценографию легко представит себе любой,
кто хоть раз видел мюзикл по телевизору
музыка на ваш вкус (хоть Ллойд Вебер)

Хор. Наш король, наш король! Наш президент — король наших душ, надежда страны! Он вождь народа, он прекрасен душой и телом. Как он легко двигается, как прекрасно сидит костюм на его стройной фигуре. В новом костюме президент еще моложе и прекраснее!

Мальчик. Старый хрыч, старый хрыч! Вы объелись белены, он мерзок и гол! Его кожа дрябла, его ноги тощи, его пенис как сморщенный мизинец. Он шатается! Он озирается! Слабоумный придурок. Он не понимает, это пляж или воровской притон.

Конгресс. Наш Конгресс, наш Конгресс! Самые мудрые женщины и мужчины, самые преданные патриоты! Мы гордимся ими, мы вверили им свою судьбу!

Мальчик. Шайка воров в сумасшедшем доме, в доме, в доме шайка воров! Они крадут деньги народа, они разваливают страну, они бредят. Смотрите, как у них бегают глаза, как их руки шарят по карманам соседей. У них отвислые животы и кривые ноги. Они говорят сегодня одно, а завтра другое, и говорят бесконечно, всю жизнь говорят, они говорят. Прикройте их наготу, оденьте их в оранжевые тюремные робы!

Верховный суд. Смотрите, смотрите как они храбры! Смотрите скорей все на мантии их! Они неподкупны и служат Закону! Они так учены, им ведомы все инструкции. Они защитят всех невинных и осудят всех преступников. Страна может быть спокойна!

Мальчик. Глаза, глаза, протрите глаза! Вам видно, всем видно: они прислужники силы! Они служат миллиардерам, они служат губернаторам, они служат президенту, они служат толпе! Они служат даже журналистам! Они боятся осуждения, боятся шантажа, боятся сломать карьеру, боятся прессы и погромов. Это написано на их лицах, на их грудях, на их животах и на их задницах — смотрите, надписи проступают везде!

Хор. Кто этот поганый мальчик? Он расист! Он белый, он мужчина, он цисгендер! Высечь его, высечь! Распять, распять его, скорее распять!

Священник. Вера, Надежда, Любовь — вот что спасет нас! Как прекрасны их лица. Как развевается шелк их волос. Глаза их сияют, сияют, сияют. Да пребудут вечно с нами Вера, Надежда, Любовь, Любовь!

Мальчик. Ты лжешь, шарлатан, и смущаешь людей. Клячи, клячи, ужасные клячи! Веры здесь нет, одно ее платье, под ним пустота, пустота, пустота. Надежда вверх тянет свой средний палец, надежда нам всем показала язык. Зачем же Любви эти острые зубы, и толстый бумажник так туго набит: карты, там карты золотые и платиновые. Она любит богатство, любит комфорт, власть и славу любит она. Мне она ничего не даст, а ты, сутенер, живешь за ее счет.

Священник. Проклятие богохульнику! Ты Сатана!

Гей и лесбиянка. Любим, мы любим, мы верим в любовь!

Мальчик. Какая любовь? Вы меня не родите, никого не родите, вы предаетесь похоти и мерзки перед лицом Господа. Вы растляете юных и совращаете легковерных.

Хор. Убить, убить, скорее убить!

Журналист. Я самый правдивый, я самый знающий! Я напишу всю правду о гадком мальчике в своей правдивой газете, я скажу всю правду о гадком мальчике на своем самом правдивом телевизионном канале. Пусть все узнают правду и осудят его!

Мальчик. Там нет никакого журналиста! Там есть чучело с громкоговорителем вместо головы и словарем вместо тела. Выведите его на солнечный свет — и он распадется и исчезнет! Видите прорезь под словарем? Туда кладут деньги, выбирают слова — и они поднимаются в громкоговоритель! Смотрите: боится, боится, он солнца боится!

Боец БЛМ. Он белый, он белый, их жизни не важны! Расист, убийца, торговец рабами. Молчать, молчать, он должен молчать! Он должен работать на черные жизни, пусть грех свой искупит, не то изобьем. Ботинок, ботинок, вот мой ботинок — целуй же его, скорее целуй.

Хор. Черные жизни, вы только нам важны! Черные жизни превыше всего! Черные жизни пусть белых заменят, пусть черным жизням несут все блага.

Мальчик. Вы слепы, вы глупы, вы просто больны. Доктор, вам доктор пропишет очки. Нет здесь ни черных, ни белых, ни желтых — люди, здесь люди, здесь люди живут. Мы умны и глупы, мы добры и злобны, богаты и бедны — здесь люди мы все. Споемте все вместе, станцуем все вместе, работаем вместе и вместе живем — земля, земля, это наша земля, одна на всех у нас с вами земля.

Король. Здесь я президент, и вам всем меня слушать. Покайтесь, покайтесь, скорее исправьтесь: системный расизм нас всех поразил. Нас всех осадили внутри террористы, теперь в Капитолий нам страшно зайти. Я всех наших граждан объединяю, но консерваторов я увольняю, рабочих ограблю, лентяям раздам — деньги, все деньги лентяям раздам!

Хор. О, как он мудр, как он прекрасен, как бескорыстен и как справедлив!

Мальчик. Он жулик, ворюга, он проходимец, взяточник наглый и полный дурак! Смотрите, смотрите: он взял у Китая, взял у Украины, взял у аятолл. Марионетка, им правят банкиры, ему олигархи заданья дают.

Директор ФБР. Этого внутреннего врага давно пора посадить. Мы прослушиваем его разговоры. Он не любит демократов. У него есть оружие. Он голосовал за республиканцев.

Министр обороны. Расстрелять!

Министр здравоохранения. Его надо лечить! Он ненормальный! Псих, он псих, несчастный наш псих.

Журналист. Он сумасшедший! Так и напишем! Да смотрите: он же голый! Видите: кто в здравом уме будет расхаживать по улицам голым?

Хор. Голый, он голый, смотрите — он голый! Псих, псих, совсем голый псих.

Король. Как тебе не стыдно явиться сюда голым, мальчик?

Мальчик. Да вы с ума сошли! Вот мои джинсы, вот моя майка, это кроссовки, а это ремень!

Министр здавоохранения. Галлюцинация. Сейчас приедет психиатрическая «скорая».

Хор. Он голый. У него галлюцинации. Он сумасшедший. Не надо обращать внимания на его безумные слова, его бессвязные глупости. Посадим, посадим больного в больницу, не будет, не будет он больше ходить. Голым, голым не будет ходить!

Постмодернист. Я узнал его! Это писающий мальчик из Брюсселя! Он привык публично описывать все! Ссыт, ссыт, он все обоссыт!

Хор. Отрежем, отрежем негоднику письку, не будет, не будет он ссать среди нас!

Сексолог. Он сменит свой гендер, он евнухом станет, он девочкой станет, полюбит он нас.

Мальчик. Проклятые голые кретины! Вы превратили страну в сумасшедший дом!

Хор. Укол, укол, поставьте укол. Психу больному поставьте укол!

Санитары. Несем кого надо, везем куда надо, на страже здоровья есть кому встать.

Хор. Оденьте его! Выздоравливай, мальчик.

Санитары. У него автомат! Ложись!!!

Глава 8

ЛИГА СТАРИКОВ

— Мы падаем, мистер Смит! Бросайте всё вниз!

— Как вы относитесь к тому, чтобы погибнуть смертью храбрых, джентльмены?

— С отвращением!

— Но есть ли у нас выход?

— Кажется, нет, джентльмены.

— Безвыходным мы называем положение, выход из которого нам не нравится.

— Ага. Если ты не можешь делать то, что тебе нравится — пусть тебе нравится то, что ты делаешь!

— Делаешь — не бойся. Боишься — не делай. Чингизхан правильно понимал решение задач.

— И немедленно выпил!

Четверо мужчин вокруг стола развели по стаканам полбутылки дешевого бурбона и чокнулись. Пили они как-то по-русски: в большой глоток залпом, с выдохом и закуской. После чего закурили и продолжили трезветь.

— Лично мне уже шестьдесят шесть лет, — сказал бородатый толстяк в кожаной куртке, похожий на байкера. — Возраст старейшин давно наступил. Осталось поймать второго зайца — смерть в бою, идеал ухода мужчины. Со смыслом и музыкой. Так что смотрите. Мне чего бояться? Мне это все одна радость.

— Позорней и гибельней в рабстве таком голову выбелив, стать стариком, — рассмеялся щуплый очкарик, наматывая на палец седые поэтические кудри.

Третий, в джинсах и сапожках косивший под сухопарого ковбоя, сосредоточенно разглядывал красно-белую пачку «Мальборо», пророчащую, что убивает именно курение

и ничто иное. На лице его отражалась та мысль, что дважды два равно четырем.

— Хотите умереть — прыгайте с моста, — сказал он. — Застрелитесь. Устройте самосожжение на лужайке перед Белым Домом, под плакатом «Позор убийцам Америки». Трупы у нас возят фургонами, и ваши не затруднят. Вы что, теракт планируете? — Ковбой потянул носом, плюнул на окурок и положил его в пепельницу.

А четвертый щелкнул зажигалкой и зажег большую свечу в рождественском подсвечнике посреди стола. Согласно закону природы, все посмотрели на язычок пламени.

— Сегодня мы с божьей помощью зажжем свечу, которую им не удастся погасить в веках, — сказал четвертый. — Ты прекрасно знаешь, что все продумано и подготовлено. Лучше уже не будет. Какая муха тебя сегодня укусила?

— Это супер-теракт, — сказал поэт. — Героическая симфония. Это теракт, каких в мире не было со времен русской коммунистической революции.

— Ислам отдыхает, — хмыкнул байкер.

— Ислам и сам неплох, — согласился четвертый. — Но он забыл одну вещь. На каждого обрезанного найдется тот, кто его обрезал.

— Режьте, братцы, режьте, режьте осторожно, режьте, чтобы видел пассажир дорожный.

— Если ты хочешь мира — тебе придется сделать его из войны, потому что его больше не из чего сделать, — сказал четвертый.

— Охренеть, какой ты умный и образованный, — поцокал языком поэт.

Обед на столе был собран в эстетике походного минимализма: вареная фасоль, жареное мясо и яблоки. Воскресная посиделка старых друзей. Квартирка их приютила обшарпанная, однако не дешевая: за окном сквозь дождь чертился серый контур Ист-ривер, Бруклинский мост и Манхеттен.

Четвертый спросил:

— Патроны в третью пятерку передали?

— Да у них теперь на месяц пальбы хватит, — улыбнулся поэт.

— Хватит тянуть, — подытожил байкер. — Завтра выступаем.

— Ладно, — сказал ковбой. — Юта и Вайоминг готовы.

Глава 9

САНДЕРС, РЕБЕ И ОБЛОМ

Этот пентхауз фешенебельного дома на 66-й Ист выглядел по меньшей мере странно. Из лифта Берни с колебанием шагнул в какой-то тесный трухлявый сарай. Он скорчил гримасу, огляделся и толкнул щелястую дверь из шершавых старых досок. Дверь, разумеется, заскрипела. За ней... за ней... вообще там была деревня.

Деревенский двор. Трава, лужа, мощеная редким булыжником дорожка и крытый соломой дом. Маленький, кривенький и невесть из чего сляпанный. И все было какое-то серое, сырое, бедное, даже куры и навоз пахли бедностью. Только небо наверху было синее, промытое, с быстрыми обрывками облаков. (А навоз-то откуда, подумал Берни.)

— Ну-ну, — пробормотал Берни, — это ж почем стоит на Манхэттене такая бедная деревенская жизнь?

— Да нет здесь никакого Манхэттена, — возник в воздухе на диво ясный и ровный голос. В венской качалке у крыльца сидел... ну да, вот именно, смотря кто сидел. Можно сказать: маленький седенький старичок. А можно: величественный среброкудрый старец. И глаза у него были не то мудрые, не то бойкие, не то уставшие от всего, что видели.

— Впрочем, деревни тоже нет — продолжал он, прихлебывая чай из стеклянного стакана с подстаканником — Ведь материальное и духовное должны же когда-нибудь сойтись. Вот они и сошлись. Где же, если не здесь? И когда же, если не сейчас? Так что все окружающее, — он обвел рукой, — это просто отображение нашего духовного мира.

Тогда Берни увидел покосившийся дощатый забор, а под ним заросли крапивы и яркие васильки.

— Я его тоже люблю — сказал чаевник, и Берни заметил летящего в небе жениха-Трампа, держащего за руку отклонившуюся на девяносто градусов невесту-Хиллари.

— Ребе, — покаялся Берни, — я атеист, но...

— Бывает и хуже, — махнул тот, кого он назвал ребе, и указал ему на стул рядом с собой: — Садись, чаю попьем. Поговорим. Ты же знал, к кому шел?

— Знал.

— К кому?

— К Любавическому Ребе.

— Ну так привет.

— Здравствуйте, Менахем Мендл. Я рад, что вы...

— Ты чай пей. — И Берни увидел стоящий перед ним на грубо сбитом столе тонкий стакан в подстаканнике. В темно-коричневом чае плавал тонкий ломтик лимона и торчала серебряная ложечка.

Он обжегся чаем, сладким, как сироп.

— Сладкий, как твои мечты, — сказал Ребе.

— Мечты были слаще.

— Так что же им помешало? Ты говори, раз уж пришел, — разрешил Ребе, и Берни стал говорить.

Он говорил о том, как победил на выборах. Как простые люди и непростые, студенты и безработные, профессора и журналисты, феминистки и геи, белые и черные, латиносы и социалисты, жертвовали собственные деньги в его поддержку. Как его затирала своя же Демократическая Партия, но он прошел!

— И ты стал строить в Америке социализм.

— Да не важно, как это называется! И не я — мы все. Все нормальные трудящиеся люди. И мы сделали это!

Мы сделали медицину бесплатной. Любой имеет право на лечение всеми возможными средствами. Это оплачивается государством — то есть всеми же людьми, гражданами, их же налогами. Да, не все были в восторге! Да, владельцы дорогих хирургических клиник пытались бороться.

Но у нас было большинство в обеих палатах! Люди поняли, что время справедливости наступило. Так что кто-то уехал в Германию или Швейцарию, кто-то принял новые условия...

— Я тебя умоляю, — сказал Ребе и вытер пальцы о поля черной шляпы. Ну да, он был в черной шляпе, естественно. Прекрасный «борсалино». — Я еще не настолько далек от этого мира, чтобы не быть в курсе. Вы повысили налоги на богатых, постригли биржевых спекулянтов, образование сделали бесплатным... Что еще? Нет-нет, молчи, я сам: резко сократили военные расходы, увеличили помощь старикам, ветеранам и бедным. Все прекрасно! Все прекрасно! Вот только, гм, со свободой абортов я согласиться не могу... ну, тут ты меня понимаешь.

Так что же тебя гнетет? Ты славный, честный человек. Умный и добрый. Люди тебя всегда любили. Студенты твои тебя любили. Живи да радуйся!

— Почему у нас ничего не получилось?.. — прошептал Берни — Мы все делали правильно. Мы всего добились!.. Почему же у нас ничего не получилось?..

Ребе глотнул чаю и почесал мизинцем бровь.

— Ты не Фауст, а я не Мефистофель, — сказал он. — Я даже не Хромой Бес, а уж ты подавно не Клеофаст. Ты же доктор философии, Сандерс, ты же профессор, ты же президент Америки, наконец! Как все просто... Ты можешь назвать лучшее время своей жизни?

Назвать лучшее время Берни затруднился, как затрудняется при подобном вопросе любой человек. Кроме, разве что, молодых матерей и влюбленных; да еще, пожалуй, старых солдат, вспоминающих боевую юность.

Но за ветхим забором, кроме неба наверху, были видны еще пологие выжженные холмы и прямоугольники зеленых полей между ними. Пока Берни секунду вспоминал, где уже это видел, над ближним холмом возникла большая вывеска на манер голливудского побережья: «Долина Мегиддо», а в одно из полей была воткнута табличка: «Киббуц Шаар ха-Амаким».

— Вот ты и увидел свой ответ — улыбнулся Ребе. На лице улыбающегося старика полагается описывать лучики добрых морщинок вокруг глаз, но у этого никаких морщинок вообще не было, зато сами глаза иногда проблескивали разбойничьей лихостью.

— Ты любил и работал среди коммунистов, среди евреев, среди молодых. И кем бы ты потом ни был — плотником, режиссером или губернатором — тебя не оставляло ощущение, что в глубине души каждый человек коммунист, и юноша, и вдобавок еврей. Потому что все хотят справедливости и способны ответить добром на добро, и общее дело приносит им радость и удовлетворение.

(На дальних полях за забором трудились люди. Они были молоды, черноволосы и веселы. Они шутили и пели.)

— А теперь наш уважаемый и знаменитый Дэвид Копперфилд покажет свой коронный трюк! — с интонациями заправского конферансье объявил Ребе. — Встречайте!

Из пустого зенита спустился канат, по канату съехал необыкновенного изящества красавец, сияя глазами и зубами.

— Але—оп! — воскликнул красавец и сдернул окружающий пейзаж, как кисейный занавес.

За просвечивающим забором оказался панорамный видеозал, и на десятках экранов шли разные серии одного и того же, похоже, бесконечного сериала.

Любавический Ребе сказал, что в конце концов Каббалу можно рассматривать тоже как своего рода суперсериал, Берни Сандерс сказал, что не за тем сюда пришел, а Дэвид Копперфилд попросил смотреть внимательнее и пообещал, что им будет интересно; похоже, что он обиделся. «Это благотворительный сеанс, я отказываюсь от гонорара», — с благородной скромностью пояснил он.

В шестой серии показывали инаугурацию президента Сандерса и ликующие толпы молодежи, профессуры, афроамериканцев и ЛГБТ. Седьмая серия была посвящена отдельно торжествам еврейских общин, обычно люто ругающихся между собою, но тут празднующим этот небывалый триумф сына избранного народа во благо избранной стране. В девятой серии среди прочих праздновали новую эру и мигранты, под гигантскими кактусами у мексиканской границы. Кактусы казались бутафорскими, но энтузиазм неподдельным. Пейзаж украшали цветные плакаты, победные жесты, море улыбок и радостные интервью под камеры.

Серии с одиннадцатой началась эпопея по счастливому преобразованию страны. Сияющие студенты заполняли

аудитории бесплатных университетов. Сезонные рабочие заканчивали день на полях и уезжали в новеньких машинах. Автобусы с нарисованной на борту поварешкой развозили еду старикам на дом. В госпиталях не требовали страховок, и у всех хватало денег на дешевые лекарства в аптеках.

С тридцать седьмой серии вдруг началось бегство производства. Самые жадные капиталисты, не в силах лишиться своих сверхприбылей, переносили заводы за границу. С пятидесятой пошла утечка мозгов. Научная элита переезжала в оффшорные зоны. На Сейшелах и Вирджинских островах вдруг открылись платные университеты и возникли фирмы, еще недавно работавшие в Калифорнии.

И в семьдесят первой серии озабоченный Конгресс не мог наскрести достаточно денег на социальные выплаты! В семьдесят третьей толпы бездельников заполняли кварталы бедноты, еще двадцать лет назад бывшие районами фешенебельного среднего класса.

К девяностой серии в клиники стояли длинные очереди. В девяносто третьей они выстроились в магазины, в девяносто девятой — на бензозаправки.

Сто тридцатая серия была посвящена справке. Справки требовались о возрасте, о трудовом стаже, о здоровье, о разрешении на дополнительное питание, лечение, покупку автомобиля, строительство дома, на переезд в другой город... справок насчитывались сотни, тысячи, горы.

Сто сороковые серии раскрывали проблему бюрократии. Чиновники всех рангов занимали около тридцати процентов всех рабочих мест, затем сорока. Они всем руководили, все организовывали и все планировали, чтобы шло гладко. В результате не шло гладко, и шершаво не шло, и никак уже не шло.

Сто девяносто девятая серия была последней. Там меж руин шла гражданская война, заключенные освобождались из концлагерей, а армия переходила на сторону народа.

— Додик, — сказал Ребе, зевая. — Кончите ваш балаган. Мы все уже поняли. Спасибо. Берни, что тут странного — ну, в очередной раз не получилось?

Копперфильд исчез, и с ним исчезла Америка, как будто ее никогда не было. А посреди деревенского дворика

возникла кафедра из светлого пластика под дерево, и Ребе водрузился за ней, как памятник Марксу, если на Маркса надеть черную шляпу.

— Кто такой был Маркс? — спросил он и взмахнул не то указкой, не то дирижерской палочкой — Маркс был социальный эволюционист. Или эволюционный социалист? Великий, но ограниченный. Его эволюция подобна шахматам, где за ходом e2-e4 следует ответ e7-e5 — после чего игра кончается, и черным объявлен мат. На чем шахматы как игра закончены в принципе. Цель игры достигнута навечно.

Берни открыл рот с видом горячего несогласия.

— Берни Сандерс, сделайте раву Шнеерсону личное одолжение и помолчите. Вы хотели понять? Ну так я объясняю.

Цыпленок вылупляется из яйца, растет, превращается в курицу, клюет зерно и несет яйца, и если не зарезать ее для супа вовремя, то ее плоть вернется в прах и в него превратится. Ты был плотником и знаешь, как строится дом. Деревья растут долго, потом их срубают и пилят на доски и брусья. Из них сколачивают дом, возводят стены и крышу, настилают полы. Потом красят и клеят обои. Потом в нем живут люди — счастливые и несчастные, одно поколение и четыре поколения. Потом одних похоронят, а другие уедут. Дом обветшает, разрушится, и руины сгниют, вернувшись в прах.

Берни сдержался, но, будучи закоренелым атеистом, про себя выругался весьма энергично. Твою мать, все течет и все изменяется, кто бы мог догадаться (в воображении он презрительно осклабился). Недаром Гераклит презирал людей.

— Гераклит ладно, но уже Аристотель ясно писал, что формы государственного устройства сменяют одна другую, — продолжал Ребе.

У Берни слегка отвисла челюсть.

— Мы не должны ограничиваться Каббалой, идущие к знанию и истине любыми путями заслуживают внимания. Меняются земные законы, меняются государства. Человек каждый миг продолжает строить свою жизнь, и все время меняется. Меняется его дом, его близкие, меняется даже его земля.

Каменный дом стоит долго, деревянный нет. Нож из меди затупится быстро, из твердой стали будет острым долго, но в конце концов тоже затупится.

Были рабовладельцы и рабы, были феодалы и бедные крестьяне, были капиталисты и дети, работавшие на фабриках и в шахтах. Рабство царило тысячи лет, феодалы царили века, зверский капитализм сумел сохранить себя всего один век... Чаю! — закричал он, дверь над крыльцом отворилась, оттуда высунулась человеческая рука нечеловеческой длины и поставила на кафедру стакан чая в подстаканнике. Ребе отхлебнул и продолжал:

— Одни люди живут сто лет, а другие дряхлы уже к шестидесяти. Чтобы механизм хорошо работал и долго служил — его нужно тщательно сконструировать. Нужны подшипники и смазка. Нужен прочный металл и запас прочности. Нужны регулярный ремонт и уход.

Чересчур комфортабельный автомобиль окажется неэкономичен, непрочен и недолговечен: все эти качества будут принесены в жертву комфорту. Он получится большой, громоздкий, высокий и широкий, с раскладными диванами и барами. Этот дворец на колесах будет дорого стоить, бренчать на ухабах, тяжелая колымага станет долго тормозить, жечь много бензина и не помещаться на парковки.

К концу XX века сконструировали довольно прочные и умные государства. Где комфорт, труд, права и обязанности сочетались в разумной гармонии. Сильные, умные и ловкие могли иметь больше других — если работали больше других. Но слабые и глупые имели свою честную долю возможностей и прав. А самых слабых, старых и больных, общество содержало за свой счет.

Умные открывали и изобретали, волевые рулили, старательные брали трудом и терпением. И все важные вопросы решали сообща.

— Ну, это ты типа про Отцов-Основателей, — пробормотал Берни, как школьник, и чувствуя себя школьником.

— Государство — это автомобиль, который едет по меняющейся постепенно местности, по разным дорогам, а иногда вовсе без дорог. Со временем в нем меняются пассажиры, а порой меняется водитель и механики...

(Оказалось, что деревенский дворик давно уже не дворик, а занимает все пространство до горизонта, на этой вытоптанной площади переминается бесчисленная толпа, взобравшийся на кафедру оратор сорвал шляпу вместе с седым париком и, зажав в руке, энергично ими жестикулирует, а его лысина сияет на солнце):

— Любое государство эволюционирует! Развиваются наука и техника, растет производство, поднимаются новые социальные группы, и отношения между людьми требуют изменений. Истощаются старые земли и распахиваются новые, решаются старые проблемы и неизбежно заменяются новыми.

Запомните! Решение любой проблемы порождает новую проблему!

Вы накормили голодного? Позаботьтесь о туалете. Построили туалет? Найдите ассенизатора. Нашли ассенизатора? Платите ему зарплату и обеспечьте жильем. Вам придется организовать целый город, чтоб не просто накормить бедолагу, но и разобраться со всеми последствиями вашей благотворительной кормежки. Или вы решили этого голодного накормить, а за это сделать строителем и ассенизатором? С чего вы взяли, что он с вами согласится, если можно пожрать задаром?

Благотворительность — это большая головная боль. Благотворительность не проходит даром для благотворителя. Любое твое благодеяние порождает долг сделать следующее благодеяние.

Ну так это еще мелочи.

Вспомните Дон Кихота! Кто такой? Рыцарь, недоумки! Он обеспечил встреченным несчастным первейшее право человека — право на свободу! Он освободил их. Следующий шаг? Они забросали его камнями. Почему? Потому что сволочи! И место им самое было — на каторге, куда их правильно засунули.

Собираясь творить добро — трижды подумай, чтобы из твоего добра не вышло зла. И для политика это — первая заповедь. Ты творишь не абстрактное добро — ты работаешь с разными людьми.

Есть здесь социалисты?

— Есть! — закричала толпа, зашумело пространство, руки возделись в приветственных жестах, и птицы взмыли вверх и закружились.

— Ты платишь пособие матери-одиночке, а семейной не платишь. И это справедливо и прекрасно. Но! Этим ты поощряешь девушек становиться матерями-одиночками. Потому что это выгоднее. Вот она встает перед выбором: оформить брак или остаться незамужней? Но выгоднее жить с мужчиной без формальностей — и получать деньги за это. За то, что не оформила брак. И мужчина принимает выгоду такого положения: захочет — уйдет без формальностей. То есть? Вы поощряете разрушение семьи. Вы сделали добро — помогли бедной матери. А одновременно — где тридцать, а где уже все восемьдесят детей из ста растут без отцов. В этом мало радости ребенку. И много проблем, когда он вырастет без отцовской руки, надежной защиты и авторитета.

То есть: вы платите за то, чтобы люди не заводили семей. Но не платите за то, чтобы заводили. Это понятно?

Ну так это и есть социализм. Вы делаете добро — не желая думать, как из него происходит зло.

Понимаете, жизнь — это усложнение. История — это усложнение общества. Вся эволюция Вселенной — это усложнение материи.

И как только вы поместите куда-то в отдельное пространство сотню вполне одинаковых, равных во всем людей — этот социум из ста человек неизбежно начнет усложняться. Определятся самые умные, самые сильные, самые деятельные, найдется самый веселый, а большинство будет соглашаться и делать то, что все решили. Одни станут авторитетными, других не будут принимать всерьез. То есть: мы получим структурированный социум.

И этот социум начнет решать встающие перед ним задачи: построить жилища, добыть дичь, защититься от хищников, родить и воспитать детей.

А хотите — получится «Повелитель мух». А окажется человек один — получится Робинзон Крузо. А равные во всем солдаты одной роты вернутся с войны — и жизнь каждого сложится по-разному.

И вот: вы Повелитель, и сейчас осчастливите народ и страну справедливым устройством. Чтобы все были сыты, здоровы, обучены и имели равные возможности. Поехали!

Вот вы сделали школы обязательными и бесплатными. И три хулигана, не желающие учиться, малолетние правонарушители, терроризируют целую школу и унижают учителей. Их нельзя выпороть, как было в прошлые века. Их нельзя исключить из школы вообще — они имеют от нас право на образование. Их нельзя посадить в тюрьму для малолетних преступников — они слишком малолетние. Хотя от них уже беременеют их сверстницы. И вот три говнюка портят жизнь всем и издеваются. Хотя им место в закрытом интернате для дефективных. Нормальные дети от них плачут, а они радостно гогочут. Вы их поощряете!

Вот вы назначаете пособие и массу льгот безработным. И несколько процентов всего населения — а это миллионы человек! — мигом решают: на кой черт работать, если можно хорошо жить и так? И когда простой работяга живет ненамного лучше бездельника — он, конечно, задумывается: а на кой черт пахать и содержать этого паразита, если можно жить на халяву самому? Да вы поощряете бездельников!

В любом социуме большинство ориентировано одинаково: работать как можно легче и меньше, при этом по возможности престижнее — а получать при этом как можно больше. Их критерий — наивыгодное соотношение «труд/оплата» по категории «экономкласс».

А меньшинство стремится к власти и деньгам, реализуя свои возможности сворачивать горы, свою жизненную энергию.

Получается — что?

(Берни обратил внимание, что, стиснутый толпой, он упруг и гибок, более того — ветер отдувает его черные волосы, щека под рукой гладкая, а на нем — майка с эмблемой их университетского баскетбольного клуба. Еще он отметил, что подобные речи в романах-антиутопиях произносят профессора. А Любавический Ребе... эта лысина, этот поношенный черный костюм... а бородка стала маленькая и рыжая... Че Гевара? Глупости. Троцкий? Он

не лысый. Ленин! Вот он, русский вождь еврейского социализма! Да, но он был экстремист...)

— Что происходит с народом, когда медицина достигла высот, а цивилизация — богатства? — продолжал Ребе. — Больные дети выживают и оставляют потомство. Больные взрослые выживают и оставляют потомство. И что говорят биологи? Они говорят, что накапливается «генетическая усталость». Но у гена нет рук и ног, он не пашет ради хлеба насущного, он не может устать. Он делает что? Он дегенерирует! Он сохраняет и передает ущербные особенности организма. С народом происходит дегенерация — люди в среднем становятся хилые, болезненные, с ослабленной репродуктивной функцией.

И тогда — как бы само собой — рождается меньше детей, и этот высококультурный и обеспеченный всеми благами народ начинает вымирать. Умирает больше людей, чем рождается.

— Да здравствует социализм! — с возмущением и энтузиазмом завопили в толпе и стали махать огромным красным флагом.

— Ну а как же! — авторитетно подтвердил Ребе и продолжал: — Вы содержите безработных. Не только тех, кто не может найти работу. Но больше тех, кто работать не хочет. И чем больше, чем щедрее вы поощряете бездельников — тем больше их плодится. Растущее количество паразитов — неизбежное следствие социализма.

Второе следствие — ослабление мотивации к труду. Зачем работать хорошо, если за те же деньги можно работать плохо? Зачем ломать горб на тяжелом месте, если за те же деньги можно пристроиться на легком?

Надо всегда учитывать психологию человека как такового. Человек от природы, по Вселенскому закону, волей Всевышнего — устроен так, что он старается достичь результата самым коротким, самым выгодным, оптимальным путем, с наименьшей затратой энергии. Вообще так устроена вся эволюция Универсума.

Если за равные деньги можно не работать — не будут работать. Можно отлынивать — будут отлынивать.

Третье. Чтобы справедливо снимать налоги с богатых

и справедливо распределять их между всеми отраслями экономики, между всеми трудящимися — нужно много чиновников. Чиновник — это распределитель, организатор, координатор во всех уровнях экономики. Чиновник — полноправный и полновластный представитель государства. Народ делегировал власть государству, а оно делегировало и распределило ее между чиновниками. То есть: чиновник становится хозяином всего. Всех сфер жизни.

Социализм — гарантия всесилия тотальной бюрократии, которая стремительно растет и правит от имени государства.

Четвертое! Социализм — это государство бюрократии!

Зарубите это себе на носу. О, сначала чиновники вполне демократичны и дружелюбны, их немного, но число их растет в арифметической прогрессии, создаются все новые бюрократические органы, плодятся все новые бесчисленные законы, акты и инструкции, и вот уже вся экономическая машина начинает буксовать. Для координации всех дел проводятся бесчисленные совещания, и бесконечные инструкции все гуще противоречат друг другу.

Пятое. Любой человек хочет что-то значить. Я ненавижу это заплеванное выражение «воля к власти». Это у политиков, у вождей, у директоров может быть воля к власти. А обычный человек хочет, чтобы с ним считались. Чтобы его желания учитывались. Чтобы в его планах ему шли навстречу. И чем энергичнее человек, чем он честолюбивее, тем он стремится занять более высокую ступень социальной пирамиды. Это нормально. Это, можно сказать, здоровый социальный инстинкт.

Промышленник мечтает выпустить небывалый товар необыкновенного качества, разбогатеть и стать знаменитым и влиятельным в мире большого бизнеса. Ученый мечтает сделать великое открытие, и Нобелевская премия ему не помешает. Художник мечтает о шедевре, генерал прославить себя победоносным сражением.

О чем мечтает чиновник? Бюрократ? Пересесть в кресло на этаж выше. Сменить название должности на двери кабинета и визитной карточке. Ну, и большая зарплата, выше уровень связей.

А что должен сделать бюрократ, чтобы продвинуться в карьере? Хорошо выполнить порученное дело. А если дело не очень-то нужно и плоховато обдумано? Не важно. Надо выполнить. И отрапортовать об успехе.

Карьера бюрократа зависит только от одного: нравится он начальству или нет. Подходит он начальнику как подчиненный или нет. Искусство чиновника — угадать желание начальника и удовлетворить.

Карьера бюрократа пролизывается через зад начальства к звездам!

В результате действий чиновника может случиться наводнение, землетрясение, светопредставление, но его задача — доказать, что он лично действовал наилучшим образом, все сделал правильно, и все приказы начальства были мудрыми и благими.

И наверх продвигаются не те, кто способен лучше других делать дело, а те, кто способны доставить начальству больше удовольствия от их, начальнического, образа действий и руководства.

Идеальный чиновник — это зеркало, в котором начальник видит идеальный образ себя как гениального и безупречного, великого руководителя.

То есть: пятое — это отрицательная селекция государственного механизма. Торжество некомпетентности.

Шестое — это падение экономики при социализме. Когда чиновники некомпетентны, а инструкций надо соблюдать море, и за нарушение каждой тебя могут покарать — эффективное производство невозможно. Главное — не произвести для людей, а отчитаться перед начальством.

Седьмое — коррупция при социализме. Где все предписывается и распределяется, там всегда есть соблазн договориться о решении вопроса к личной взаимной выгоде. А какая разница, этот директор получит разрешение на строительство или вагон досок, или другой? Зарплата все равно у всех та же самая, а страна у нас одна, общая.

Восьмое. Простите за банальность. При социализме никогда не хватает денег. То есть денег, конечно, всем всегда не хватает.

Вспомните Детройт! Высокие налоги вызвали бегство производства, пришлось повысить налоги на оставшийся бизнес и производство, и тогда бежало все. Остались одни нищие, которым негде работать, и они требуют денег.

Медицина? Если вознаграждение плохого врача почти не отличается от хорошего — вы способствуете снижению общего уровня. Обеспеченный бесплатной медициной, человек мгновенно найдет у себя болячки, которых больше никто не видит.

Всеобщее бесплатное высшее образование? Тогда должно появиться много новых университетов. И новых преподавателей. И во-первых в стране не хватит денег на нужную аппаратуру, помещения, кампусы, преподавателей, и уровень неизбежно начнет падать. Во-вторых — все желающие учиться свободно и бесплатно не поместятся ни в какие аудитории и кампусы, и придется вводить вступительные экзамены. И появятся те, кто не прошел. И они завопят о дискриминации и отсутствии равных возможностей.

И вам придется усиливать репрессивный аппарат, чтобы сдерживать выступления всех недовольных.

Главнейший недостаток социализма состоит в том, что люди воспринимают как естественное право: возможность вложить в общий котел меньше, а зачерпнуть из него больше. И поэтому раньше или позже котел пустеет. И государство, то есть правящий бюрократический класс, переходит к жесткому распределению не по потребностям, а уж чего в котле по малости остается.

Бюрократия все выше возносится над народом. Ибо в ее власти дать все или ничего. Себе она, естественно, берет побольше. Нижним слоям распределяет поменьше. Обнаруживается пропасть классовой ненависти.

Вот тогда возникает государственная диктатура. Ибо власть всегда стремится сохранить себя.

Повторяю. Сначала надо подавить недовольство экспроприированных предпринимателей. Потом всех, кто стал меньше получать: врачи, профессура, топ-менеджеры, программисты. А позднее, с падением общего уровня жизни — необходимо подавлять выступления всех недовольных: как бедняков, так и оппозиционеров-интеллектуалов,

требующих возврата к свободному рынку. А рынок — это реакционно, да? Хотите опять вырывать кусок из горла бедняков и жиреть на чужом труде?! Расстрелять!

Так возникает необходимость в идеологической цензуре. И так возникает диктатура — ибо любая инакомыслящая партия грозит перевернуть установленный социалистический порядок и вернуть власть кровососов-капиталистов!

А когда народ понимает, что СМИ подчинены власти, и все силовики подчинены власти, и от него, народа, ничего больше не зависит, а перед выборами ему отчаянно морочат головы и после подтасовывают результаты — тогда народ впадает в апатию, ни во что не верит и делать ничего не хочет.

Но как только — как только! — появляется возможность вздохнуть и стукнуть кулаком, как только власть или ослабевает, или решает провести небольшие такие, полукосметические либеральные реформы — о, тогда народ чует возможность что-то сделать! Поквитаться за все! И пар сносит крышку с котла!..

Социализм всегда кончается диктатурой — или рассасывается вообще.

Диктатура всегда кончается революцией. Или переворотом в пользу нормального устройства общества. Или мудрый диктатор — Сулла, Франко, Пиночет — постепенно передает власть нормально и справедливо реорганизованному государству.

...Исчезла толпа, и площадь, и горизонт ограничился серой зубчаткой забора, и Ребе встал из своей венской качалки и оказался вровень с высоким Берни. Что тому не понравилось. Ему нравилось чувствовать себя высоким. И физически более полноценным, чем сильно умный собеседник.

И лысины никакой не было у Ребе, и буйная кудлатая седина была безусловно собственная, и на голове его, когда он невесть зачем снял свою черную красивую шляпу, не обнаружилось никакой кипы, а обнаружились вовсе наоборот, два небольших выроста, похожих на рожки.

— На что это ты уставился? — спросил Ребе. — А, это, — он махнул рукой, — не то отложения избыточного кальция, возрастное, знаешь; не то типа как у Моисея, знак как бы мудрости такой, но его только гои изображают, ты не грузись.

— Но я атеист, ты же знаешь, — сказал Берни, прибавив к гордости и достоинству немного извинения.

— Какая разница. Ерунда все это. К истине много путей, и Тот, Кто Наверху, создал их все. Ты можешь считать себя атеистом, или гностиком, или первобытным язычником, это твое личное дело. Но ты же понимаешь, что никаких рожек у меня нет и быть не может? Это твой внутренний взор их создал, твоя духовная сущность их вообразила.

Духовная сущность президента Берни Сандерса вообразила, что они находятся в экзаменационной аудитории, причем он, Берни, сидит за преподавательским столом, а студент Шнеерсон отвечает на вопросы о течениях современного социализма.

— Будьте любезны объяснить успехи и преимущества скандинавской модели, — ехидно сказал профессор Сандерс.

Студент Шнеерсон придал черной хасидской шляпе ковбойский залом и сдвинул ее на затылок.

— Объясняю, — снисходительно ответил он. — Во-первых, за шведами и норвежцами стоят века протестантской морали. Трудолюбивой, честной, богобоязненной, скромной — и жесткой в своей требовательности установки. Во-вторых, они германцы — это стойкий, упорный и терпеливый национальный характер, сформировавшийся за два с лишним тысячелетия. Они склонны держать слово, исполнять обещания, преодолевать препятствия и добиваться своего. В-третьих, они одобрительно относятся к порядку и привержены общему равенству перед законом. Наследие военных демократий, они оттуда родом.

В-четвертых — это ведь не социализм, строго говоря. Это «функциональный социализм» или «государство трансфера», господин преподаватель. Мы оставляем капитализм, оставляем частную собственность на средства производства — и просто обкладываем прибыль такими налогами, чтобы хватило на медицину, образование и хорошие пособия безработным. Казалось бы, так везде и надо сделать! Но:

В-пятых, Швеция-Дания-Норвегия-Исландия — очень маленькие государства, там управленческие связи коротки, там просто управлять и просто контролировать: все как на стекле. В-шестых, народ добросовестен и дисциплинирован; это отнюдь не обо всех народах можно сказать. Позвольте договорить, господин профессор, не надо демагогии о всеобщей одинаковости... простите, я забылся...

И в-седьмых, наконец: эти экономики медленно, но верно просаживаются. Они верным путем эволюционируют к уравниловке, равнодушие, снижению стимулов к напряженному творческому труду, росту иждевенческого мировоззрения поощряемых маргиналов.

Впереди у «скандинавской модели» или крушение экономики и охлократия, или резкий поворот вправо, или все прелести гражданских войн — когда морально здоровая часть народа будет бороться за самосохранение с анархическими массами безумных революционеров, паразитов и мигрантов.

— Вы хотите сказать, что в перспективе никаких преимуществ социализма вообще не видите?

— Это смотря какая перспектива, — философски ответствовал бравый студент Шнеерсон, вытянув ноги в проход и любуясь латунными оковками носков своих ковбойских сапожек. — В дальней перспективе ничего, кроме кровавой нищенской помойки. Но в ближней перспективе как раз возможны блестящие успехи.

— Э-э? Уже неплохо. Например?

— Третий Рейх.

— Что-о?

— Модель народного социализма Германии при Гитлере, то есть именно социализма немецкого народа, была как раз того же типа, что и скандинавская. Разве что единый Трудовой союз вместо свободных профсоюзов. Но — прогрессивный налог, бесплатные отпуска, образование, право на бесплатную медицину, государственное регулирование экономики при сохранении капиталистических производств, ликвидация безработицы и всеобщая занятость, справедливое распределение общественного продукта, пенсии по старости, по инвалидности, за потерю кормильца,

участие граждан в управлении государством через многочисленные организации.

И в результате — массовый патриотизм, единство народа и власти, высочайшая производительность и организация труда, фантастическая эффективность оборонного производства в борьбе против всех развитых государств и практически не имея ресурсов.

Так что перспектива социализма в Германии 1933 года была блестящая! Но короткая и приведшая к катастрофе.

Выдернуть страну из кризиса или воевать — тут хорош даже не социализм, а диктатура как таковая. Социализм — это готовая площадка для диктатуры.

— Гм, — сказал профессор Сандерс, сознавая некоторую аморальность своего следующего вопроса и даже предательство святых вещей. — А если бы не война? Как бы пошло развитие германского национал-социалистического государства? Например: если бы оно не уничтожало евреев и не устроило бы мировую войну?

— Это невозможно, — был соболезнующий ответ — Раньше или позже, тем или иным образом, но любой социализм приходит к общей модели. Он нуждается в пропаганде — и появляется пропаганда. А пропаганда — это ложь вместо информации, какие бы имена этой лжи не давали. Социализм неизбежно прибегает ко лжи. А чтобы ложь не была опровергнута правдой — нужна тоталитарная идеология. А тоталитарная идеология неизбежно подразумевает врагов, враг — это неотъемлемая часть пейзажа при ее господстве. Враг служит единству нации и сплочению вокруг власти — но одновременно вражда делает войну все более возможной, близкой и нужной.

Социализм — это всегда ложь, бедность и война, господин профессор. Просто иногда это укладывается в двенадцать лет, иногда все ужасы начинаются в первые же месяцы, а иногда может пройти и столетие. Но конец один. В России или на Кубе самый ужас социализма наступил сразу. А восточная Европа, избавившись через полвека от русской социалистической модели, получила такую прививку от социализма, что на дух его теперь не переносит.

И еще. Социализм всегда кончается диктатурой одной партии. Иногда все остальные запрещаются сразу. Иногда господствующая партия крадется к диктатуре ползучим образом, маскируя свои намерения демократическими разглагольствованиями. Но всегда наступает период агрессивной нетерпимости к любым иным точкам зрения! Инакомыслие — компрометируется, позорится, объявляется ошибочным, вредоносным, преступным, аморальным!

И адепты социализма превращаются в боевой наступательный отряд диктатуры единомыслия. Они уже фашисты — они готовы во имя грядущего счастья человечества крушить черепа и сносить города.

— Я вынужден поставить вам F, дорогой Шнеерсон. Слишком много в ваших ответах было ошибок.

— Я вынужден исключить вас из числа президентов, дорогой Сандерс. Слишком много ошибок в ваших оценках моих скромных представлений о мире и людях, его населяющих.

...Лифт остановился, Берни вышел на 66-ю Ист и медленно пошагал в сторону Централ Парка. Обшарпанные фасады и разбитые стекла района напоминали... о многом они напоминали, сами понимаете, если память не отшибло.

В парке Берни выбрал скамейку в тени, уселся и закинул ногу на ногу. Под шнурком его правой туфли из толстой мягкой коричневой кожи застрял маленький трехзубцовый лепесток василька.

...А потом стал читать роман о жизни в той Америке, которую он реформировал, более того — пересоздал — для счастливой и справедливой жизни. Чудесный старый парень, любивший равенство и веривший в социализм.

КНИГА II

Глава 10

допустим, это роман

ОСТРОВ ДЛЯ БЕЛЫХ

ну, и тогда:

Глава 1. Зубная боль инаугурации

начнем так:

В день инаугурации Трампа у меня болели зубы.

(вариант: В день инаугурации Байдена у меня болела мошонка.)

Или лучше так:

В день инаугурации Трампа я напивался в баре.

(вариант: В день инаугурации Байдена я нажрался в хлам.)

Или так:

Я человек с особенностями развития, и вот я не знал, как буду теперь жить дальше. Нет, я не пускаю слюни, не передвигаюсь в коляске и членораздельно разговариваю. Я вполне социально адаптирован и неотличим от окружающих. Вот только с памятью не очень, это правда: я доктор каких-то наук, но не помню, чего именно, а диплом не могу найти. Какая разница, если люди не воспринимают меня всерьез. Потому что я все понимаю не так, как они. Они толпа умных, а я дурак сам по себе. Но. Они поют хором — а я солирую.

В XIX веке они бы меня линчевали. А в XXI делают вид, что я и так давно повешен; но как повешенный имею льготы.

Итак, народу в баре было полно; в старые времена написали бы, что «он утопал в клубах табачного дыма». Но сегодня курильщика, предающегося пороку исключительно в особой резервации, рассматривают как мерзавца, хитростью избежавшего электрического стула — поэтому воздух в баре был чист. Чист, наэлектризован и гнусен.

Бостон, колыбель и цитадель американской науки и образования — город многих героев. И ни один из них не Трамп. С Байденом другая головная боль. Бывали здесь праздники и повеселей, чем эта инаугурация.

Бармен был реликтовый демократ, старая школа: один телевизор у него показывал толпу перед Капитолием, а второй — запись игры «Янки» с «Кардиналами». И народ сосредоточенно смотрел бейсбол, косясь на Капитолий и бранясь невпопад. Самым прикольным способом самоубийства было закричать им: «Да здравствует Трамп!»

Молодежь вообще выглядит протащенной сквозь гибрид задницы и стиральной машины — мятые, чистые и со сдвигом. Студенты и молодая профессура — интеллектуальное будущее нации, залог мирового лидерства. Залог полной жопы для всей страны. И бармен был похож на компьютерного гения, в стиле — тощий, сутулый, нестриженый, очки и кривоватые зубки.

Увидел я его зубки, и мои опять заболели. Я взял еще двойной джин с тоником и лимонным соком, и накатил на бухло колесики — две таблетки законного парацетамола и три незаконного кодеина — грамм плюс ноль шесть грамма чистого, то есть. Стоматолог? Его способы исцеления моей челюсти с пятью штифтами я наизусть знаю, такое давится иммунитетом, а иммунитет любит хорошее настроение и меньше жрать, а вот выпить — за милую душу.

В меру выпить — проясняет мозги и зрение. Настроение в баре установилось типа резни на похоронах. И в телевизор смотрят, будто не бейсбол там, а ужас атомной войны.

А мне жутко комфортно. Тепло, сухо, выпивки неограниченно — и деньги есть. Драться никто не лезет, делать ничего не надо, в тюрьму не сажают. Человек всегда счастлив — надо только увидеть и оценить свое счастье.

После четвертого двойного джина, градусы которого в растворе тоника с грейпфрутовым соком никак не чувствовались — лимонад и лимонад — после четвертого я улетел. Как птица из клетки, честное слово! Дышалось необыкновенно легко, и не всей грудью — всем телом и даже окружающим пространством. Я ничего не весил, я видел все одновременно, я накрыл помещение бара, как газовое облако с колкими шампанскими пузырьками.

Я вообще не пьяница, и тем более не балуюсь наркотой. Травку курил, но на меня не действуют, только глаза красные, как у кролика. А тут принял крен сорок градусов на левый борт, яхта под парусом, аж лазурь расступается.

Я видел сразу и тонированные под темное дерево панели, нити швов между ними, и каплю застывшего клея на шве, приглушенные светильники, и ряды пестрых бутылок вдоль зеркала за стойкой, и свитера под куртками, и лица всех здесь, и их губы, и глаза. Да, так все их глаза смотрели на меня. Почему-то.

А рядом произносилась речь. Эхо колебалось слева, чуть выше и впереди меня. Голос звучал знакомый, типа друга юности в искажении аэропортовской трансляции. И по выражению лиц публики, каковые лица преображались в первобытные маски каннибалов, я понял, что слышу свой собственный голос. И понял, кем они будут сейчас закусывать свою выпивку.

Когда я напиваюсь, я молчу. В отличие от своего голоса, который несет все подряд, абсолютно не интересуясь моим разрешением. На этот раз голос превзошел себя. Он сообщал то, что я думал, и то, чего не думал, и как сюрприз даже то, чего не мог бы подумать. Нет ничего интереснее, чем знакомиться со своим расширенным от дозы сознанием.

Глава 2. Что он нес.

(Что услышало левое ухо:)

— Рыжий крашеный клоун! Всю жизнь он занимался спекуляциями, не отдавал банковские кредиты — а под конец жизни решил «Сделать Америку снова великой»! Он не

платил налоги, за гроши нанимал на стройки мигрантов, открывал какие-то жульнические курсы для простаков — и вот теперь, уверившись в своей гениальности, решил обрушить глобальную экономику! Ломать не строить. Он еще устроит Америке конкурс красоты. Она еще шарахнется от зеркала.

Много лет, пятьдесят... сто лет!.. двести сорок лет мы боролись за права человека, за равные права для всех. Так теперь для этого сексиста женщина не человек! Хватай их всех за киски, раз ты звезда! А кто когда-то отказывался сдавать квартиры афроамериканцам? А кто призывает запретить въезд в Америку всем мусульманам — только потому, что люди исповедуют эту религию?

А отделить Мексику стеной от нас? Истинно сказано — надо строить мосты, соединяющие людей, а не стены, разделяющие нас! А сколько мексиканцев честно и за гроши трудится на благо Америки!

Он развалит НАТО — и Европа останется беззащитной перед армиями России и Китая! Он хочет, чтобы Корея и Япония создавали свою атомную бомбу — пусть, мол, сами защищаются от врагов — и ядерное оружие расползется по всему миру, и ясно, что из этого выйдет!..

А это безумие с гигантскими пошлинами на товары, сделанные в других странах? Во сколько тогда они обойдутся американцам? Да цены на все подпрыгнут вдвое — он соображает, что делает? А сам под шумок снизит налоги своим дружкам-миллиардерам!

Что будет со страной? Что будет с демократией? О горе, горе нам!.. Как мы могли допустить, что на место Обамы, этого честнейшего, умнейшего человека, афроамериканца, символизирующего нашу демократию и права человека — пришел этот монстр?! Он же фашист. Он же расист. Куда, куда мы теперь покатимся?..

И н т е р м е д и я

Что ты несешь, что за попугай сбежал из CNN? — стыдясь банальности, спросил я голос. Это сейчас из каждого утюга брызжет!

А юные социалисты, разбавленные облезлыми пердунами, идиоты в баре, кричали и свистели, хлопали и топали, девки визжали, звенели пивные бутылки, а в ящике Трамп обнимал Обаму, а с другого плеча Байден обнимал Обаму, такой белый сэндвич с отравленной черной начинкой, хор пел, и миллионная толпа махала флажками.

А со мной что-то произошло. Грудь расперло, как будто бейсбольный мячик вспух за грудиной. От этого мячика быстрая и злая энергия острой звездой разошлась в стороны, пронизала пальцы рук, горло и мозг, живот и колени. Я стал упругим и крепким, как клинок. Обреченным и бесстрашным. И я понял. Я ощутил и понял ясно, как божий свет. Что я рожден для великой цели. Великой задачи. Что я пущен в этот мир с грандиозной и единственной миссией.

И миссия эта, которая перевешивает и оправдывает все мои неудачи и потери. Все слабости и грехи. И подлости оправдывает. И бессильные слезы, и лень, и трусость — все, все она оправдывает! Это — явить новое в этот мир. Изменить его путь. Спасти от неминуемой гибели.

Сказать правду в стране лжецов! Увидеть цветы всех садов в мире слепых! Собрать все свои необъятные силы, втянуть в себя мощь Земли и Солнца, всю мощь Вселенной — и напрячься, окаменеть, собрать силы в бесконечном напряжении, до растрескивания скалы — и сдвинуть, повернуть этот мир! к спасению, к свету, к будущему, к счастью, к людям, нашим потомкам в счастливом и открытом мире.

Это как отвалить гору, закрывающую выход в солнечный мир из пещеры, где ты задыхаешься со всеми друзьями и семьей.

...Вначале было слово. Кто написал Библию? Все начинается со Слова. Слово было мыслью, а прежде того мысль была просто правдой.

Вначале была Правда. В начале всех дел была правда.

Ты не знаешь, на хрена тебе эта правда нужна. Но знаешь, что будут от нее одни проблемы. Она сначала разрушит твою жизнь — а уж потом из нее может произойти что-то путное. И ты не знаешь, как теперь обернется твоя жизнь. А только другого пути нет.

И судьба тебе теперь писать против ветра, и писать поперек линеек, и плевать в бездонный колодец.

А пока я все это думал и понимал, голос продолжал говорить — но говорил он совершенно не то, что я уже слышал раньше. И остальные тоже.

Глава 3. Что услышало правое ухо

Голос звучал — с непонятной стороны, не то внутри головы, не то рассеявшись в помещении:

— Чертовы уроды! — гремел голос. — Вы можете хоть подумать своими дурными головами — чем вы недовольны?! Демагоги оболваненные — вам что конкретно не нравится? Или вы способны только лозунги выкрикивать? Да вы же гитлерюгенд навыворот, серые штурмовички в джинсах и с компьютерами! Вы же обнаглевшие погромщики, а самые трусливые не лезут в драку — они идеологи погрома.

Трамп хочет, чтобы вас не взрывал и не расстреливал исламский терроризм — вы против? Чтобы женщины и мужчины оставались равноправны — чем в исламе не пахнет! — вы тоже против? Что, девочки захотели паранджу, женское обрезание — и сидеть дома, закрыв рот, пока правоверный муж не велит говорить?! Вы решили, что ислам — это просто иначе верить и молиться? Вы же невежественны. Ислам — это иначе жить, иначе видеть мир, это иная система ценностей — и она абсолютно нетолерантна, она жестко требует исполнения своих правил. Исламский террор лаской и уговорами не остановишь.

Он хочет, чтобы сорок тысяч вас — вас! — в год не подыхало от наркотиков. А девяносто пять процентов наркоты в США идет через мексиканскую границу — тоже не слышали?

Народ Америки имеет право знать, кто идет в наш дом жить у нас? И с какими мыслями? Или — никаких границ, и идите к нам все желающие, не спрашивая нас — наркоторговцы, убийцы, сутенеры, профессиональные бездельники всех мастей — милости просим! У нас сытно и спокойно, режьте нас.

Миллионы поперли через южную границу — у них спрашивают тесты на КОВИД, у них проверяют вакцинацию?! Вирус прет через границу — а в масках ходите вы!

Вы работать вообще собираетесь? Вам работа нужна? Вот он и говорит — сначала надо обеспечить работой своих, а уже потом предоставлять наши места приезжим. И эти приезжие должны иметь высокую квалификацию, не ниже вашей — и получать достойную зарплату, не ниже вашей. Чтобы жадные боссы не выкидывали вас с работы, нанимая чужих задешево, хоть они и хуже. Вам это не нравится? Вы хотите других, худших, на ваше место? Милости просим!

Вы тут не все дети биржевых спекулянтов и компьютерных гениев. Ваши родители из кожи вон лезли, чтоб дать вам образование. И сегодня миллионы семей в Америке разорены, миллионы кормильцев остались без работы — потому что их рабочие места уплыли в Китай и Малайзию. Вам это нравится? Для вас так лучше? Вы хотите жить в беднеющей и пустеющей стране?

Глобальное потепление? Влезьте в Википедию! Бывали на Земле периоды куда жарче нашего, и всегда сменялись оледенениями. Сейчас тают ледники в Альпах? Да — и обнажаются построенные римлянами дороги. Бороться надо с вырубкой лесов и засолением почв — но не для того, чтобы вернуться в пещеры.

И что за бред про «сексизм»?! Есть противные бабы, и есть мерзкие мужики. И что — сказав это, я стал человеконенавистником, или роботом? Да — женщины в среднем меньше и слабее мужчин, ну и что с того? Да — всем равные права и равные возможности, какие обиды? И что-то я не понял: когда студентки употребляют самые грубые слова из области секса — это отсутствие ханжества, а когда мужчина в мужской компании прихвастнет своими успехами у прекрасного пола, употребив слова даже более приличные — он оскорбляет женщин. Девочки! — обсуждая с подругой интимную жизнь, сколько раз вы оскорбляли мужчин своими словами и описаниями действий? А-а — забыли записать и продать на радио.

Трамп как раз выступает за наши ценности — мир, работа, достаток. А вы, дурачки с промытыми мозгами, выступаете за пустые фразы: свобода миграции, права личности, американские ценности — а кто на них покушается?! Пресса лжет в одни ворота, половина Америки не имеет голоса в СМИ, инакомыслящих подвергают позору и исключают из общества...

Вы идиоты с промытыми мозгами: считаете правдой слова — и вообще не в состоянии увидеть дела. «По делам вашим судимы будете!» Дела против слов! — вы же тупое стадо баранов! И это — молодая элита Америки. Пиздец Америке!

...На этом месте что-то произошло — как я узнал позднее, меня наладили бутылкой по затылку. Взорвалось, зазвенело, и раздвоенный, как жало змеи, голос прекратился. Возникло спутанное чувство изменения тела в пространстве, что-то происходило с моими ногами и спиной, странное, неприятное и неудобное.

Мне настучали по балде и выкинули из бара.

Глава типа следующая? Трактир «Адмирал Бенбоу»

Так начался мой путь в дурдом.

Если бы этим все только ограничилось. Хм, да я был бы счастлив выступить жертвой — благородной искупительной жертвой. О: сакральной жертвой! Агнцем закланным. Бараном тупым. Н-но...

(Уточните, как это у Эмили Дикинсон:)

Далека правда,
Далек высший судья,
Мой повелитель разгневан,
Чтоб вернуть его милость — умру.

Так начался наш путь — путь страны — черт знает к чему.

По порядку.

Я обнаружил себя лежащим на скале. Ну, не на голой скале, земля под спиной, и трава растет, но вообще вниз уходит обрыв, и вьется сбоку него тропинка.

А рядом со мной стоит крепкий, большой, почерневший от времени деревянный дом какой-то голливудско-исторической архитектуры. А над широкой дверью — нарисованная масляными красками по отдельной доске вывеска:

«АДМИРАЛ БЕНБОУ». На вывеске — как принято у людей эстетически малоразвитых, наворочены все атрибуты адмиральской романтики: волны, остров, пальмы, парусник, сундук с золотом и одноногий одноглазый пират с попугаем на плече и пистолетом за красным поясом.

Так кстати о паруснике. Под обрывом синеет океан до горизонта. А в гавани стоят корабли с убранными парусами. Одни пришвартованы к причалам, другие держатся на рейде натянутыми якорными канатами. Кстати, довольно небольшие корабли, это понятно по фигуркам людей на палубах. Но практически все трехмачтовые.

И какое-то на этих палубах происходит странное движение...

...Как бы вам передать всю эту картину. Вот представьте себе почтовую марку, цветную. Или старинную книжную иллюстрацию. И на ней изображена мельчайшая такая миниатюра: на переднем плане край обрыва и трактир на нем, а вы смотрите в глубину картины, в простор — внизу расстилается прибрежный пейзаж с портом, кораблями и океаном, а по бокам картины зеленеют ветви, как бы вы из зарослей все это наблюдаете.

И Гулливер наблюдает из чащи муравьиное движение лилипутов на палубах и причалах — людишки в высоких шляпах с узкими полями, или в шерстяных колпаках, в замшевых куртках и коричневых сюртуках, у кого сапоги, у кого гетры такие с туфлями — они вытаскивают из трюмов мешки и тюки и швыряют их в воду. На берегу сложены под навесами штабеля ящиков — так их тоже перетаскивают к воде и швыряют вниз.

Как вы уже догадались, кино про Бостонское Чаепитие. В натуре.

И одновременно я вижу близко, подробно, как в оптику, лица этих трудяг. Лица потные, злые, разъяренные даже, и одновременно веселые, наглые и уверенные. И удивительно праведное выражение на этих потных рожах — будто в церкви молятся.

А рядом со мной, за тонкой стеной, в «Адмирале Бенбоу», из которого меня только что выкинули, идет большая гульба. Похоже, с мордобоем и метанием мебели. Звон,

грохот и выражения, которые в XVIII веке влекли за собой убийство и изгнание из приличного общества.

Я на всякий случай проверил свои зубы — не болят нисколько, и при этом все при мне! Удачно я завершил дискуссию.

Да, я сразу не разглядел на картинке еще одну деталь — вернее, две, но одинаковые. В смысле симметричные. В верхних углах этого патриотического пейзажа, слева и справа, выделялись два портрета в овальных рамках. Медальончики такие. На одном изображено бритое лицо в современной стрижке, а вот с другого мудро смотрел средневековый алхимик, в огромном берете и с седой бородищей.

И как только я их увидел, они оказались стоящими передо мной. Один в белом халате с красной вышивкой «государственная психиатрия». А другой в черном бархатном камзоле, с золотой цепью на шее, и на цепи той большая бляха вроде немецкой фельджандармерии с выбитыми готическим буквами «нострадамус».

— Пойдем! — с повелительной лаской сказали они и приглашающе повели руками — один налево, а другой направо.

Затруднение мое было мгновенным. Когда я понял, что могу двигаться в двух разных направлениях одновременно, и более того — что этих направлений может быть неограниченное количество — я понял главное. Что это легко и просто, и я это всегда умел. И одновременно прояснело спокойно, что у меня расщепление личности, явная шизофрения прорезалась у меня. И что между прорицанием будущего и сумасшествием принципиальной разницы нет. И отличие гения от идиота лишь в направлении мыслей. И компании, где они высказываются.

И отправляясь в поход за истиной, ты однажды обнаружишь себя в длинной рубашке с рукавами, завязанными на спине.

И еще я понял, что пока тебе не набьют морду и не выкинут из приличного общества, поход за истиной ты всерьез не начнешь. В «Адмирале Бенбоу» вопили про справедливость, требовали не казнить воров и убийц и доламывали помещение.

Типа Главы следующей. Обращение к читателю, или СОС, или еще как-то — придумайте сами, вы ведь умные.

...не знаю я, с чего начать. Понимаете, мне жутко необходимо рассказать все, что будет дальше. Это задача моя на земле, смысл жизни моей: узнал сам — расскажи товарищу. И всем расскажи, что будет дальше.

Да, я не очень хорошо учился в школе (если правильно это помню). Я всегда ненавидел грамматику — науку для иностранцев и профессоров. Поэтому перепутал время глагола: не «будет», а «было» дальше. Путаница времен глаголов меня сбивает с толку. «Было», «есть», будет» — а какая, в сущности, разница? Главное — это все реальность.

А самое ужасное — это мои провалы в памяти. Это все равно что ты видишь летящий самолет — но не помнишь, как он разбегался и взлетал. Или ты пришел домой, а жена спрашивает: «Где это ты так устал?» А ты чувствуешь, что устал, а где и как — ни хрена не помнишь. Она тебе запускает тарелку в рожу заместо обеда — а ты буквально плачешь, а где устал — не помнишь. А она не верит, вот что самое ужасное!

Вот сижу я под кустом. Синяя бухта за зеленым лугом. Букашки жужжат, солнышко светит. Благодать! А у меня слева-справа этой благодати — ясновидец души и провидец истории. Фрейд и Нострадамус. Два великих гения. И оба сплошь евреи, что характерно. И стоят над моей душей, как два часовых, два карающих ангела, два санитара. И пытаюсь я понять себя — не могу, пытаюсь понять мир — тоже не могу.

Мой мир захвачен. А кем? Левыми или правыми, республиканцами или демократами, христианами или мусульманами, интеллектуалами или работягами, белыми или черными?

Тут в таверне раздается грохот и звон, из двери выскакивает одноглазый пират в черной треуголке и рваном камзоле, а за ним гонится массивный краснорожий коротышка с абордажным кортиком в руке, он взмахивает сверкнувшим клинком и разрубает мир пополам. И трещина разрубленного мира проходит через мое сердце.

Т р е щ и н а

И тогда я узнаю, что раскол страны уже произошел.

Механика этого раскола была вполне предсказуема.

Испаноязычное население Калифорнии давно наладило необходимые связи с правительством Мексики. Связи — это деньги и организация. Они проталкивали своих людей в Сенат штата, в профсоюзы и полицию. Их сенаторы и конгрессмены в Вашингтоне лоббируют их интересы. Принят закон об испанском языке как втором государственном в штатах, где на нем говорит большой процент граждан. Калифорния и Нью-Мексико добиваются типа полной культурной автономии. Отменена граница с Мексикой. Новая страна становится экономическим и культурным лидером Латинской Америки.

Местная национальная гвардия, в основном испаноязычная, при народных волнениях принимает сторону сепаратистов.

Хо-па! И все вполне законно.

И одновременно — тоже давно зрело — оформляют конфедерацию Техас, Оклахома, Канзас, Небраска и Айова. Здесь живут люди с прочными представлениями о жизни, и им легко различать добро и зло согласно Библии. Они верят в оружие, не любят ЛГБТ, уважают труд и презирают дармоедов. Оскорбления интеллектуальной части Америки их достали, и вверять им свою судьбу, когда курс Белого Дома изменился, они не желают.

«Нация ислама», «Новые черные пантеры» и все прочие организации афроэкстремистов с оружием руках установили зону своей анархо-диктатуры (что за дикое сочетание) и объявили собственное государство черных.

А Восток несгибаем в своей верности правам человека, правам меньшинств и погромщиков, правам паразитов и врагов страны, правам и ценности каждой личности независимо от личности.

Уже много лет разные точки зрения на справедливость и право народа расходились все дальше. Правящий класс решил согнуть народа в бараний рог. Натравить всех на всех и превратить в рабов.

Дом, разделившийся в себе самом, не устоит, говорите? Разум, разделившийся в себе самом, называется шизофренией. Преимущество разбившегося на осколки разума в том, что ты способен понять и принять взгляды каждого.

Импичмент Трампу. Деменция Байдена. Организованные спецслужбами убийства. Заговор транснациональных корпораций. Саботаж административного аппарата. Бунт меньшинств и гражданская война на улицах. Непримиримая идеологическая война интеллектуалов.

И лавина пошла! Инфляция. Безработица. Экономическое падение. Попытки поголовной конфискации оружия — и встречные бои. Латиносы устроили резню черных. Черные попытались терроризировать азиатов — и организованные азиаты начали отстреливать черных. А белая глубинка превратилась в систему охраняемых поселков, где автомобили с пулеметчиками патрулируют дороги.

Великая страна гибнет в великих потрясениях. Это гибель богов.

Подробности

Слушайте, почему людей так интересуют подробности катастроф? Историки их просто смакуют. Главное-то я рассказал. Другие еще доскажут. Психов у нас — хоть пруд пруди. Есть кому творить историю, есть кому ее писать, есть кому ее уничтожать.

Ну вкратце — вот:

коктейль сенаторов танки на улицах
крики в Конгрессе
кабинеты чиновников стрельба
горящая Калифорния
толпы вооруженных латиносов
суровые реднеки на границах
президентский самолет взорван
пустые разбитые магазины
И Майкл Филипс кричит в разбитом телевизоре (?) —
он предупреждал!

Глава 11

О, КАК Я ХОЧУ БЫТЬ ЛЕВЫМ!

Как это прекрасно: все равны, любят друг друга, заботятся, все работают, нет зависти и неравенства, нет бедных, больных и несчастных.

Смотрите, доктор: вот зеленый листочек за окном, вот солнышко, вот щебет детей, вот юные влюбленные. Собачка бежит, кошка греется на солнце, чирикают воробьи.

Цветут яблони и груши и вишня-сакура, плещут лазурные волны о песчаный берег: люди отдыхают.

Образование бесплатное: юноши и девушки, жаждущие знаний и квалификации, чтобы двигать вперед науку и приносить пользу людям, лечить больных и учить детей — не должны работать ночами, зарабатывая на жизнь и учебу, а потом еще много лет работать сверх сил, погашая огромный государственный кредит на учебу. Нет! Они полностью отдаются учебе.

Врачи не думают о заработке, но только о том, чтобы лечить хорошо. А государство обеспечивает им достойный жизненный уровень — независимо от количества принятых больных и цены прописанных лекарств и исследований.

Исчезают паразиты трудящегося человечества — биржевые спекулянты всех родов. Все доходы распределяются по справедливости, и неработающий — да не ест.

И люди всех рас и религий, национальностей и убеждений, всех профессий и возрастов — живут на радость себе и другим в дружелюбном сообществе.

О, как это прекрасно!

Но!!! Бездельники не захотят работать!!! А плохие врачи — сегодня есть плохие профессионалы в любых областях — будут плохо лечить: зарплата ведь одна и та же. А выбирать в руководство будут тех, кто пообещает всем всё — как можно больше и бесплатно. И в результате лжи станет больше...

И кончатся деньги!!! Потому что каждому нужны дом и машина, одежда и мебель, еда и развлечения. А работать охота не каждому, особенно тяжело и много.

А когда работяга видит, что на его деньги рядом хорошо живет бездельник — он либо съедет в то место, где его не заставят содержать бездельника, либо сам пойдет в бездельники, либо начнет работать мимо государства с его налогами, чтобы самому получать прибыль за свою работу. И разовьется теневая экономика.

А чтобы этого не произошло — нужна полиция и сыск. И вот мы уже в тоталитаризме...

Доктор — почему социализм всегда кончается тоталитаризмом?..

О, как я хочу быть либералом, либерал-социалистом жажду быть я — почему же мои дети будут жить в концлагере?.. И почему над концлагерем висит издевательский — или безнадежный? — лозунг: «Свобода! Равенство! Братство!»

Меньшинства всех стран — соединяйтесь! Это само собой, но хотелось бы узнать еще одно. Когда же мы сольемся в экстазе? Будучи большинством — я жажду лелеять вас! А вы нам что?..

Кто это сказал:

Сильная любовь поработит любимого.

Безмерная любовь к свободе порождает рабство.

Пистолет мой заряжен, и я убью любого, кто против равенства и свободы всех людей в мире. Железной рукой мы загоним человечество в счастье. Трепещите, суки.

Глава 12

ГАРМОНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Мячик долго катился по зеленой траве и упал точнехонько в лунку.

— Где вы научились так играть в гольф? — одобрительно хмыкнул рослый массивный мужчина, щурясь из-под козырька.

— Бильярд, батенька, бильярд, — отвечал его маленький, щуплый партнер, картавя на французский лад. — Люблю точно ударить. Революционеру нужен верный глаз и твердая рука!

Потом они сидели за столиком, любуясь дальними холмами, и здоровый пил «Кока-Колу», а маленький — белое калифорнийское вино.

— А я знал, батенька, и вот оно свершилось: нашенская революция докатилась до вашей долларовой Америки!

— Эту поебень вы называете революцией? — здоровый стащил красную бейсболку и взъерошил желтый пышный чуб.

Маленький также сдернул свою винтажную кепку и шибко потер лысый череп.

— Перегибы неизбежны в практике революции — назидательно сообщил он. — Разумеется, заменить промышленный пролетариат на бездельников негров и пидорасов — это ахинея. Хотя использовать их для разрушения прежнего государства — вполне грамотно и верно. Теперь настал этап скрутить их в бараний рог. Зачинщиков, вожаков — расстрелять! Брать заложников, вешать на страх остальным. Чтоб даже помыслить боялись против нас выступить!

— Слушайте, — решительно прервал его здоровый, — я пригласил вас сюда и оплатил проезд не для того, чтоб вы проповедовали концлагерь. Я уважаю вас как великого практика, как гения государственного переворота и захвата власти. От черных и гомосеков мы уже никуда не денемся. Новая власть стремительно разваливает, уничтожает страну! И все наши попытки оторвать их от рычагов управления и от кормушки пока терпели провалы! У вас есть соображения по этому поводу? Вы можете что-то предложить? Скажите для начала: что бы вы сделали на моем, на нашем месте, мистер Ульянофф?

— Перво-наперво, батенька...

— Я тебе не батенька, наконец! Ледоруб тебе батенька!

— Вы ошибаетесь: ледоруб — это не мне. Хотя мой ближайший помощник, партнер, с вашим делом тоже мог бы справиться... наверное. Но — вы правы: к делу!

Итак. Перво-наперво: велите подать хороший обед и обеспечьте архинадежную охрану.

— Обед через час, охрана торчит за всеми углами и кустами.

— Браво. Вы начинаете мне нравиться. Я определенно настроен прочитать вам лекцию.

Первое. Оценка обстановки. Обстановка полное говно. Практически все государство контролируется врагами. Армия, спецслужбы, газеты (то есть у вас это вообще так называемые СМИ), судебные органы, верховная власть (президентская администрация), обе палаты парламента.

Второе. Анализ произошедшего. Что же произошло? Произошел государственный переворот. Да-да-да! — откровенный, наглый, прекрасно спланированный и задолго подготовленный. Вопреки Конституции, издеваясь над законами, плюя на здравый смысл, надругавшись над справедливостью — власть была захвачена. Выборы фальсифицированы. СМИ изрыгают ложь.

Третье. Что из этого следует? Это очень важно понять. Из этого следует, что никакой демократии у вас, в распрекрасных и богатейших Соединенных Североамериканских Штатах, больше не существует. Конституция не действует. Законы не действуют. От декларируемого государства осталась одна шелуха. Каркас, бутафория.

Кто же правит всем этим, простите, бардаком? Конспиративное «демократическое» правительство. Это кто ж такие? Это олигархи, транснациональные корпорации и — сросшиеся с ними коррумпированные политиканы. Они — кукловоды. А все эти ваши, как их, Байдены, Харрисы, Обамы, Митчеллы и прочие — наемные управляющие. Топ-менеджеры по-вашему. Ширмы. Передаточные звенья от реальной власти — к государственным механизмам, стране и народу. Их руками делается что надо.

А что же им надо? Вот именно поэтому я принял ваше предложение, мистер Трамп. Не обольщайтесь — вы мой классовый враг. Да-да-да, и не спорьте! Но. И враг может быть попутчиком или даже союзником на определенном этапе.

Им надо построить земшарную олигархическую республику. И весьма интересного образца! Жаль им не хватает ума и цинизма, чтобы поставить золотой памятник Форду. Вся власть и все ресурсы в его руках — а рабочие живут при эдаком гибриде капитализма и социализма. Все средства производства, вся власть, все богатство принадлежит хозяину, владельцу, гениальному мистеру Форду — а пролетарии имеют все для хорошей жизни — от его щедрот, по его воле, и пока на него горбатятся. Слушайся хозяина — и будешь хорошо жить и все иметь: дом, школа, больница, отпуск, все якобы «бесплатно». Из твоего же труда оплачено, но — помимо жалованья. А захочет хозяин — и выгонит тебя, нищего.

И вот наши архиумные олигархи решили: один процент населения Земли всем владеет и всем правит. Они — Хозяева Мира. Они выше законов и государств. Все вещи, все производства, вся наука и техника — принадлежат им. А остальные девяносто девять процентов — бесправные голодранцы. И у них нет ничего. Вообще ничего! Для них построят якобы «социализм»: чиновники будут распределять все блага — еду, одежду, жилища, лекарства и учебники. И все это объявят «бесплатным». То есть: не ты решаешь, что купить на свои деньги, а чиновники решают, что тебе дать по распределению. То есть: всех посадить на паек. На карточки.

И тогда лучше будут жить не те, кто лучше работает и больше приносит пользы обществу. А те, кого назначит власть: хоть олигофрены, хоть паразиты, хоть извращенцы. А захочет власть — всего лишит в одночасье. Снимет тебя с довольствия — и подыхай под забором, жри крапиву.

Так что, батенька, я уже набросал план книги: «Глобализм как высшая стадия империализма». Полная свобода и произвол для хозяев — и казарма для масс.

Из этого следует — что? А?!

Маленький человечек вдруг с обезьяньей ловкостью вспорхнул на стол, распахнул пиджачок обтерханного костюма-тройки, зацепил большой палец левой руки в пройму жилета, а правой цапнул кепку и зажал в кулаке. Прищуренные монгольские глазки его слали опасный свет.

— Поняли? Проанализировали? Оценили? Теперь — что? Теперь определяем задачу. Задача простая: вырвать им всем глотки и взять власть. Остальное — буржуазные мелихлюндии, батенька! Именно власть! Любой ценой! И чтоб

пикнуть никто не посмел. А возьмем власть — сделаем что надо, что хотим. Власть — это лом в руках, которым мы разнесем весь их гнилой базар. Справедливость, честность, закон, права человека — прекрасно! Я двумя руками за!

Вам нравится традиционная Америка? Ее Конституция, ее идеалы, история, дух? Прекрасно. Но для этого — сначала взять власть.

Первое. Вождь без команды — ничто. Сначала необходимо создать партию. Не эту вашу «республиканскую», сборище жуликов и карьеристов. Жесткую партию, единую команду, орден меченосцев! Спаянную единой идеологией, единой целью, дисциплиной, верой, преданностью своему делу. Это команда отборных людей, профессионалов, рыцарей идеи. Она верна своему учению и своему вождю! Каждый в ней может верить в каждого, как в самого себя. Это единый механизм, штурмовая колонна. Ищите единомышленников, приближайте их, цените! Отбирайте верных людей, вербуйте, убеждайте, подчиняйте своей воле, внушайте веру в свой ум. Они должны верить в удачу, жить ради борьбы и победы своего дела. Отбирайте сильных и умных, умелых, стойких. Но слабые и глупые тоже могут пригодиться — если они надежные исполнители, преданные вождю и идее функционеры. Стройте партию — сильную, единую, пусть поначалу небольшую — но твердую, с пробивной силой снаряда.

Второе. Создавайте отделы, нацеленные на разные фронты борьбы — необходимые, определяющие.

Отдел идеологии и пропаганды. Главнейший! Чтоб в нем работали умные люди, спорщики, интеллектуалы, демагоги, ораторы, философы и публицисты. Ни одного лозунга и тезиса врага — лживого, подлого, оболванивающего лозунга — нельзя оставлять без ответа. Без опровержения. Без того, чтобы размазать его по стенкам сортира. Равенство нормальных людей и гомосексуальных извращенцев — ложь! Интеллектуальная и ментальная одинаковость рас — ложь! Умственный выбор своего пола — ложь! Кастрировать детей ради их превращения в «другой пол» — тяжкое преступление против личности и человечества. «Трансгендеры»-мужчины в женских раздевалках — преступление против морали, людей, этики, цивилизации. Все это легко опровергается, неопровержимых аргументов полно. Главное — не сметь молчать, не позволять командовать гадам, кретинам и извращенцам.

Мои «последователи» наломали дров и настригли голов: да здравствует бедность, зато торжествует догма «социализма». Смешать с дерьмом всех этих иждивенцев Марксов, политических проституток Троцких, азиатских сатрапов Мао и палачей Че, видите ли, Гевары! Объясняйте без устали, день и ночь, пишите статьи и книги, рассылайте телеграммы или что там у вас сегодня: о нищете, концлагерях, расстрелах одними революционерами других, о лжи, цензуре, нищете и колючей проволоке на границах.

Правда — на вашей стороне! А продвигать правду всегда легче — только ум приложить надо! Говорите о разрушении семей и горе одиночества, о натравливании одних групп на другие, о вседозволенности архибогачей и обнищании народа — ведь оно идет!

Раскалывайте врагов — и натравливайте одних на других! Учитесь этому у врагов. Левых на менее левых, черных на евреев-демократов, латиносов на протестантов, ройте компромат! — клевещите, травите, издевайтесь!

И замените, наконец, скомпрометированное слово «капитализм» на «общество свободного предпринимательства», где разрешены и поощряются все — все! — формы собственности! В том числе и социалистическая, которая всегда обсерается, не выдерживая честной конкуренции.

А слово «социализм» заменяйте — миллионкратно, вбивая в мозги! — словом «государственная диктатура распределения». Народ — он дурак, ему нужно подать верные слова, и тогда он пойдет в огонь и в воду! Слово — это сильнейшее оружие! А суть слова понимают единицы, глупые вы товарищи капиталисты.

В пропаганде надо выделить главные направления, назначить на них конкретных людей, выработать тактику и стратегию по каждому отдельному вопросу:

— этот ваш Интернет. Создать свои сети, свои каналы. Свои, как их? — серверы, носители, «железо». И чтоб это все работало на нас и против них!

— обязательно свой телевизионный канал, радиоканал, газету — хоть бумажную, хоть электронную, смотря по обстоятельствам.

— работа с разными возрастными группами: школьники младшие и старшие, студенты, рабочий возраст, пенсионеры. В разном возрасте люди исповедуют разные ценности — необходимо учитывать это, бить в чувствительные места. Пропаганда должна быть — адресной, целевой!

— система образования. Писать и издавать альтернативные учебники и пособия! Хлестко, доходчиво, на языке молодежи. Учитывая ее вкусы, ее кумиров, ее нужды. Льстить им, возвышать в собственных глазах, внушать убеждение в своей великой роли. Помните: молодежи необходимо — а) применить свои силы; б) перевернуть мир; в) самоутвердиться. Промойте им мозги: их великая миссия — создать подлинно великую страну, справедливую и счастливую! Какого хера, идиоты, вы отдали эту плодотворнейшую идею вашим врагам, ворам и разрушителям? Объясняйте, внушайте, убеждайте, открывайте глаза: мир в руинах, все в говне, торжествуют кровососы и лжецы — и только молодым по силам совершить великий подвиг и очистить Землю от гадов, построить хрустальный мир будущего!!! А не концлагерь.

— агрессивное и нетерпимое утверждение твердой морали как единственного спасения человечества. Семья. Дети. Любовь мужчины и женщины. Трудовая этика. Патриотизм, защита домашнего очага от разрушителей-чужаков. Защита стариков-родителей.

— смешать с дерьмом всех извращенцев, бесплодных похотливых выродков! Показать: они психически больны, нуждаются в лечении и помощи, никакого на хрен равенства, вы что!

— воспевание нашей великой истории! Гениальность ученых и художников, героизм воинов, мудрость политиков! Те, кто пытаются марать и уничтожать наше прошлое — грязные живые негодяи!

— и все в Интернете, в социальных сетях должны иметь постоянных поставщиков нужной информации, вошедших в доверие друзей, умных и продвинутых ровесников — чтобы от них, через них получать правильные письма, статьи, блоги, примеры, случаи, мысли — формирующие в человеке правильные, нужные, наши взгляды: жестоко противостоящие официальной левацкой мерзости и лжи. Запрещающие алгоритмы обойти не сложно: не употреблять запрещенных слов — и дело с концом; атаковать не в лоб, а обходом, мягко, с сарказмом. Нас много! Пусть каждый возьмет шефство над одним леваком — и все сладится! Лично адресоваться.

Официант! Водки! — заорал он; Трамп, видавший всякие виды, слегка выпучился. Ульянофф, возмещая расход энергии, опрокинул полстакана в глотку, крякнул, швырнул посуду официанту и продолжал:

— Третье. Все, знаете ли, стоит денег. Деньги нужны всегда, много, много денег. Твоего мелкого бизнеса на финансирование политики не хватит. И сбора пожертвований тоже не хватит.

Необходимо работать с богачами. Заходить к ним через их детей, жен, любовниц. Искать на них компромат. Обещать им сумасшедшие выгоды впоследствии, когда возьмете власть. (Потом их можно и ликвидировать, если надо, это не проблема.) Создавать с ними совместные фонды, фирмы, проекты. Льстить им, давить на самолюбие и самомнение: они хозяева мира, только они способны понять и оценить ваши идеи, они не только гениальны и сильны — но и нравственны, высокоморальны, ответственны, они истинные отцы нации! Возвышайте их в их собственных глазах — и внушайте свою полезность: вы даете им высший смысл жизни! Особенно хороши богатые наследники — эти идиоты не знают цену деньгам, зато падки на великие идеи.

Так что создавайте финансовый отдел. Отдел материального обеспечения. Добытчики денег! Не пренебрегайте биржевыми спекуляциями. И разумеется, батенька, не забывайте про эксы. Что? Экспроприации средств — у буржуев, врагов, у государства, наконец, которое вас душит. Не только вооруженный грабеж и взломы, не только элементарное воровство (да-да-да, чистоплюям не место

в политике!). Как это они у вас?.. кокеры?.. хакеры! Забирать деньги со счетов!

Партийные торговые структуры. Маклерские конторы. Партийные предприятия. Все формы легальной и нелегальной добычи денег!

Финансовое могущество — это основа захвата власти. Не забывайте. Деньги — это власть, сила, возможность как купить, так и уничтожить врага! Содержать своих бойцов, пропагандистов, революционеров — стоит денег, денег.

Четвертое. Захват силовых структур. Чья вооруженная сила — того и власть.

Полиция! Полиция за нас. Полиция ненавидит леваков, полиция не забудет унижения, которым ее подвергли, не забудет несправедливости и глумления, которые переносила. Работать в ее среде надо осторожно — чтоб не выгоняли людей правых взглядов, которые фактически запрещены. Фактически правая партия сегодня и завтра — это запрещенная партия: она разрешена официально, но подвергается всевозможным гонениям и запретам фактически. Любой полицейский, пострадавший от леваков сам или кто-то из его родных и близких — наш человек. Только держать язык за зубами, остерегаться провокаторов, выявлять их.

Армия! Армия духовно здорова по своей натуре. Армия ненавидит педиков и феминисток с их кретинским «равенством». Армия ненавидит паразитов и идиотов, проедающих страну, которую она защищает. Армия не желает войн — войны нужны только военно-промышленному комплексу и высокопоставленным генералам — для прибылей и карьеры. В армии должны быть люди наших взглядов, умеющие убедить людей в нашей правде. Армию распропагандировать исключительно на нашу сторону. Чтоб в случае внутреннего конфликта — она выступила не против народа, а против врагов народа и государства. На командный состав — обращать особое внимание!

Спецслужбы. ФБР, ЦРУ, разведка и контрразведка всех видов и мастей — развелось их, как собак нерезаных. Выяснять слабые пункты начальства. Женщины, взятки, преступления родственников, азартные игры, неосторожные высказывания. Кто кого подсиживает. Вербовать для начала каких угодно сотрудников — ради получения информации.

Надо же помнить: масса ветеранов армии и спецслужб, отставные офицеры, бывшие бойцы больших и малых войн — они же все наши, наши! Это мужчины с простым и честным взглядом на жизнь, знающие цену жизни и смерти, ненавидящие болтунов из судов и университетов. Они-то хорошо усвоили, что друг — это друг, а враг — это враг. Друг — это тот, кто всегда прикроет, поможет, спасет. А враг — это тот, кто делает твою жизнь, и без того трудную и опасную, еще хуже: кто тебя же обвиняет за то, что ты сражался за страну и демократию, кто тебя же позорит и поносит, а сам, не рискуя ничем, болтает своим грязным языком в безопасном тылу. Они заслужили право на хорошую жизнь, хорошую работу и пенсию, право на уважение людей и заботу государства. И мы — мы! — сделаем все, чтоб они жили по заслугам хорошо. Работайте с ними.

У ветеранов — друзья и сослуживцы везде, они пользуются уважением, им доверяют, они напомнят о своих заслугах, к их словам прислушаются скорее, чем к чьим-либо.

Пятое. Молодежь.

Мы говорили об Интернете, социальных сетях, платформах, учебниках, пропаганде — все верно. Но еще:

Проникайте в скаутские организации. Берите их под себя — или создавайте альтернативные. Учить мальчишек быть сильными, храбрыми, честными, преодолевать трудности — и сражаться с любой ложью! С любой несправедливостью! Внушать им добрые старые ценности — верность родине, друзьям, семье, своему делу! Кстати, к девчонкам это тоже относится. Только меньше драться — а больше заботиться о доме, семье, об этих драчливых, но таких глупых мальчишках.

Спортивные общества и музыкальные школы, получение автомобильных прав и дискотеки — все надо брать под контроль: пусть не сразу, но постоянно, безостановочно, сколько можно, захватывая любое свободное пространство.

Чтобы тренеры, преподаватели, диск-жокеи ваши архидурацкие — были люди наших, правильных взглядов! Тогда они — через любое слово, приводимый пример, собственный облик — будут воспитывать правильных, нормальных людей.

Все эти законодатели мод, модельеры, модели, рекламщики, кто они там — должны являть собою образцы правильных людей, воздействующих на молодежь собственным примером. Да, пидорасы захватили ваши одежные фестивали. Ну так пусть нормальные люди — корректно, терпимо, безупречно — поддерживают друг друга, создают свою сеть взаимной помощи, отвоевывают пространство.

Шестое. О, студенчество! Вечный авангард всех благих начинаний! Особое внимание — университеты. Просрали вы их, как последние мудаки зажравшиеся. Никогда нельзя успокаиваться, батеньки вы мои!..

Создаются неформальные правые товарищества студентов. Внешне — соблюдать все требования левых идиотов. На самом деле — использовать любой возникающий конфликт, чтобы обличать левых, разоблачать, опровергать, апеллируя к здравому смыслу и традиции, но более — к закону и конечному результату. Вы что — хотите делать из студентов невежественных и непригодных псевдоспециалистов? Вы что — хотите разрушить науку, экономику, страну? Вы что — натравливаете людей друг на друга? Ну и так далее.

Правые профессора. Они запуганы. Их травят и выгоняют. Им необходима поддержка! Группы студентов, которые их поддержат. И спонсоры университета, которые пригрозят ректору, декану, кто они там. И — главное! — целевая защита:

Любой компромат на лидеров обвинения и травли правых. Любой компромат на руководство. Рыть биографии, выяснять грехи их родни. Любые меры. Провоцировать сексуальные домогательства, соблазняя нужных идиотов. Подбрасывать наркотики и звонить в полицию. Делать шокирующие фотографии. И все — все! — прочее. Учти: поймать, затравить, сломать можно любого. Хотят тебя? — ну так ломай его, гада, суку, вражью морду поганую!

Плюс фонд материальной поддержки правой профессуры.

Плюс организация юридической поддержки.

Необходимо нацелиться на захват — сначала отдельные кафедры, затем факультеты, затем университеты. Начать модно с самых маленьких, с низу списка. Но двигаться вверх неуклонно, взять эту, вашу, как ее? Фигу с Куста... Лигу Плюща!

Ты можешь создать с нуля новый, пусть маленький, университет. И пригласить достойных профессоров, и хорошо платить! И он будет выпускать классных специалистов. Где они найдут работу? В фирмах и институтах, которые станут правыми, ну, поправеют, или которые ты же создашь. Образование в жопе, специалисты ваши полное говно, фирмы ищут индусов и китайцев! Ваше ебанное тупое правительство попиздит, повоняет — и начнет брать правых специалистов, потому что левые превращаются в питекантропов на глазах!

Седьмое. Юридическая поддержка! Это момент отдельный.

Надо создать Ассоциацию Правых Юристов. А назвать ее можно как угодно, хоть лига защиты рыжих кошек. Они должны защищать всех, на кого ополчатся левые. В университетах, в политике, в армии, в бизнесе. И подсказывать новые способы уничтожать левых. Плюс подсказка: какие сейчас захватывать фирмы и создавать производства. Классные юристы нужны. Оплата? Это одна из забот Финансового Фонда. Пожертвования, спекуляции, эксы, благотворительность — пусть гребут все, что можно и нельзя.

Восьмое. База! Народ, который поддерживает! Электорат. Фундамент.

Весь средний бизнес. Весь мелкий бизнес. Все квалифицированные рабочие и служащие — ну, подавляющее большинство. Все нормальные работяги.

Поставим вопрос иначе: кто за левых? Элементарно. Все бездельники и паразиты — им сулят халяву. Все архибогачи — им нужна вся власть и все богатство мира. Политиканы — они только за свою карьеру. Больше половины цветных — они тоже за халяву и за свой цветной расизм как льготу. Преступники, быдло. Плюс масса студенчества:

горячи, глупы и с промытыми мозгами — ни хера не знают и верят в рай на земле, который построят по принципу уравниловки. Остальные — наши! Вся рабочая кость нации, все мясо страны, так сказать, все незасранные мозги — наши, за нас!

Это позор, батенька — с таким раскладом проиграть страну! Вы все что — белены объелись?!

Создать Ассоциацию Мелкого Бизнеса! И она — вся за нас!

Создать Ассоциацию Среднего Бизнеса! И она — вся за нас!

Старые профсоюзы ваши — продажные зажравшиеся сволочи и воры. По новой создать свои профсоюзы — водителей, строителей, моряков, моряков, кого там еще! И они — все за нас! Потому что мы — это работа, заработок, хорошая жизнь, гордость и перспектива!

Геологи, бурильщики, нефтяники, газовщики, сталелитейщики, автомобилестроители, дорожники, типографщики — все за нас!

Девятое! Идеология! Идеологическая база! Наше учение, наши лозунги, наши цели! Доходчиво, для всех!

Издать массовым тиражом мировую историю социализма — во всех странах: кровь, расстрелы, концлагеря, грабежи, уничтожение лучших, уравниловка, ложь, ложь, ложь! — подлецы делают карьеры, экономика в жопе, наука в говне, граница закрыта намертво, и дальше — нищета, всеобщая ненависть, развал.

Фашизм, национал-социализм, социализм, коммунизм — одно и то же. Тоталитарное государство, одна партия, один вождь, нетерпимость и жестокость во имя «трудящегося народа». Объяснять, внушать, повторять, вбивать в мозги бессчетно! Десять тысяч повторений — равны убеждению.

Свобода! Свобода мысли, слова, печати, предпринимательства! Честные выборы, полная прозрачность власти. Ты, гражданин своей страны — ее хозяин, ты — власть, ты — законодатель, ты — кормилец, ты — судья! И никто — НИКТО! — не вправе указывать тебе, как жить, как работать, что думать и говорить.

Ты свободен быть кем хочешь — по своим способностям: капиталистом, профессором, актером, рабочим, инженером, фермером. Учись, работай, добивайся. Беден, но способен? — государство даст стипендию. Беден, но энергичен и честен? — банк даст кредит. Нет для тебя никакой работы? — государство даст пособие. Не хочешь работать? — пошел на хуй, паразит!!!

Наши святыни — мать и отец, дети, братья и сестры, семейный очаг. Наша родина, наши предки, те, кто пал за свободу и независимость страны, кто основал ее и передал нам в наследство. Наша вера, наша религия, наши убеждения в равенстве всех людей — равенстве их прав и возможностей.

Каждый, кто хочет честно жить и работать рядом с нами, разделяя наши ценности — наш друг и брат. Каждый, кто хочет разрушить наши устои, наши ценности, наши принципы, кто навязывает нам чуждые взгляды, кто пытается разрушить нашу страну, наш общий дом — наш враг: и нет с ним мира, нет к нему терпимости, нет ему места в нашей стране!

Будь свободен и счастлив, живи на радость и во благо себе, ближним, согражданам, стране! Трудись, будь честным, презирай болтунов и бездельников. Не будь паразитом, не грабь ближних, не затыкай людям рот, не рой все глубже пропасть между богатыми и бедными.

Воспевайте героев. Повторяйте родную историю. Пусть все знают, как удача приходит к трудолюбивым, упорным и честным.

Обличайте мракобесие! Запрет наук под личиной «политкорректности»! Перевирание правды во имя идеологии. Расизм под маркой «равенства». Запрет книг и статуй, фильмов и симфоний! Откройте глаза всем: это и есть фашизм!

Даешь! Проповедников, дикторов, философов, учителей, писателей, активистов всех уровней и мастей — даешь наши идеи в каждую голову, в каждые уши!

Свобода, правда, справедливость, процветание! — вот наши устои! Черт вас всех побери! Кретины, говнюки, гнилые интеллигенты!..

Ульянофф ловко соскочил со стола, вытер кепкой вспотевший череп и хлопнул ею оземь, упал в плетеное креслице, цапнул трамповский стакан с кока-колой и допил одним глотком. Перевел дух и продолжал чуть менее напористо — словно оратор вернулся с площади в совещательную комнату.

— Продолжаю — просипел он, зло сморщился, вскочил, пинком отправил креслице из-под навеса на яркую под солнцем траву и прочистил горло каким-то звериным рыком — не львиным, но вполне угрожающим:

— Десятое! Искусство! Искусство принадлежит народу! Вот этой херне верить не надо — это лозунг для пропаганды.

Революции необходимо искусство. Революция — сама искусство! Революция несет новую эстетику, новые темы и формы.

Искусство должно принадлежать партии! Быть партийным — по содержанию и по форме. А народом оно должно быть понято и принято как свое собственное. Искусство — это идеологическая инъекция, батенька вы мой. Под общим обезболиванием.

Что такое искусство? Молчи, буржуй (сделал он жест, заметив, что Трамп открыл было рот). Позолотил квартиру, как коту яйца, и решил, что искусствовед. Искусство — это образ: мысли, чувства, действия!

Искусство — это не просто форма воспроизводства культуры (в широком смысле слова). Искусство — это форма, по которой человек лепит себя. Идеал человека, идеал поступков, идеал мировоззрения, идеал сферы чувств — все это человек черпает из искусства. Эстетика — эстетика это все чепуха, для профессоров, эстетика всегда условна, это обертка для конфеты. Обертку можно нарисовать любую, лишь бы клиент клюнул и поверил. А вот конфетная фабрика — это партия. Наша партия!

Покупайте, вербуйте, привлекайте на свою сторону профессоров эстетики, искусствоведения и прочей мещанской лабуды. Эти — самый дешевый товар. И критиков обязательно — телевизионных, газетных, радио, что там у вас еще. Эти — легче всех: самые продажные, говно повидлом объявят без раздумий. Вот все они будут объявлять

нужное вам искусство шедеврами и вводить в моду.

Партийная критика! Партийное искусствоведение! Вы поняли меня, товарищ? Простите — господин буржуй? Попутчик наш...

Молодежь? О, в первую очередь. Музыка, рэп-шмэп...

Вербуйте, покупайте, приручайте любым способом — модных певцов и музыкантов, кумиров юной толпы, этих безмозглых романтиков, жаждущих действия. Пусть они поют о славе героев! О подвигах предков! О верной и крепкой любви, наконец, и не педерастической этой мерзости, а любви высокой, прекрасной, о сильных юношах и нежных девушках, о преодолении трудностей, о скитаниях, в конце которых свой надежный дом! О старых отцах, которые защитили, о старых матерях, которые родили и вырастили, о предках, которые освоили эту землю и кости которых лежат в ней. О самоотверженности солдата, который отдал жизнь за друга и родину, о летчике, который посадил неисправный лайнер и спас триста пассажиров, о капитане, которому не хватило места в шлюпке и он ушел ко дну со своим кораблем, но остальные выжили.

Найдите молодых писателей и купите старых: пусть пишут книги в духе героического реализма. О труде и войне, о победе и счастье, о долге и дружбе, о благе народа и родины, наконец! И чтоб не ковырянье в жопе, не вонь гнилых зубов, не хуй дрочить в унитаз — чтоб здоровые сильные люди! С мозгами и душой, кулаками и жаждой жизни! Наплодили тут уродов, отбросы, понимаете ли...

Биографии героев мировой истории. Описание великих открытий и изобретений. Жизнь Аристотеля, Наполеона, Ньютона, Кромвеля, наконец!

Искусство, литература — должны воспитывать борца, правдолюбца, трудягу, человека с большой, черт вас всех возьми, буквы!

И покупайте критиков, интеллектуалов, профессоров, площади в газетах — хвалить это все! превозносить! как это? — раскручивать!

Живопись! Послать на хуй открытым текстом всех этих мазил и шарлатанов с их пятнами, горшками и говном

в баночках! Жизнь!!! Пусть рисуют сильных красивых людей — и даже преодолевающий свой недуг инвалидов. Красоту и мощь природы, детей, влюбленных, усталых наработавшихся стариков. Люди ищут в картинах жизнь, чувства — а не их мудацкую заумь!

Одиннадцать. Моды! Не смейтесь. Мужчины должны быть похожи на мужчин, а женщины — на женщин. Задавите этот кретинский ваш «унисекс», это все мятое, как из жопы, бесформенное, безликое. Одежда должна облагораживать! Сила и стать мужчины, стройность и женственность девушки, аккуратность, красота, романтика, черт возьми! Хватит этой помойки, этих грязных волос и прыщавых харь, свиных глазок и жирных жоп! Наш идеал — здоровый, красивый, сильный, энергичный человек: покоритель мира, кумир друзей, ему все по плечу!

Н-ну-с, батенька, мы подходим к концу. Устал, в головку не вмещается? Запоминай, думай.

Двенадцать. Проникновение во все узлы государственного механизма с тем, чтобы их контролировать и захватить. На уровне штатов, округов, муниципалитетов, городов, что там у вас еще. Все суды всех уровней, все прокуроры, сенаты-конгрессы-легислатуры-что-там-у-вас, и — архиважно! — все эти избирательные комиссии, почтовые отделения, машины эти ваши компьютерные. Должна быть разветвленнейшая сеть! На каждом уровне — должен быть комитет, который создает и контролирует комитеты под собой, на уровне более низком.

Тринадцать. Теперь — переходим к выборам, да? Вы усвоили, что никаких честных выборов вам не будет, да? Ну так боритесь! Уничтожайте врага! При каждом пункте — организованная — ор-га-ни-зо-ван-на-я! — команда по контролю: наблюдатели, юристы, силовики-охранники (которые не дадут вытолкнуть людей), журналисты и блогеры. И не позволять — не паз-ва-лять! — никого отталкивать, удалять, отодвигать, тут же разоблачать ложь о прорванных трубах, категорически воспрещать закрывать окна от наблюдателей, прекращать подсчет и тому подобное. Повторяю: обеспечить каждую команду на каждом избирательном пункте юристами, силовиками, ораторами-демагогами, массовой поддержкой, сменным составом — смену обеспечить, сутки стоять на ногах у пункта люди не могут, составить график дежурства и контроля. И — обязательно! — свои люди в полиции: подкупить, нарыть компромат, как угодно — озаботиться заранее.

Четырнадцать. Организационный отдел. Орготдел, как вы уже поняли, является важнейшим в партии. Именно там — ищут и отбирают кадры, планируют направления и участки работы, контролируют весь процесс. Это, так сказать, итоговый пункт нашей программы.

Ну, и пара мелочей напоследок:

Пятнадцатый, стало быть, пункт: не пренебрегайте терроризмом. Ваши враги не стесняются убить кого угодно, если им это нужно и сойдет с рук. Нельзя отказываться от террора! — нет, о массовом мы не говорим, нет-нет, потом не остановишь, сам в конвейер угодишь. Точечный, целевой. Убрать самых вредных людей, ключевые фигуры во вражеском стане. Как там говорили наши эсеры? «Любого можно убить». Пусть вас подозревают — хрен докажут! Прав останется тот, чья пропаганда лучше. Нужен свой, хорошо законспирированный, отдел ликвидаций — о нет, назвать его можно иначе, скажем: «Комиссия по гуманитарному равновесию». Специалисты все это умеют. Ликвидацию обычно проводят агенты, которых играют втемную. Да, батенька, мы все это когда-то проходили...

Ну, и последний пункт — шестнадцатый.

Против вас играет весь мир: глобалисты Запада, гегемонисты Китая, мусульмане Востока и вечно носящая нож за голенищем Россия. Против вас — Мировой Социалистический Интернационал, а это огромная сила. (Я бы их поддержал, но они давно уже продажные извращенцы, социал-фашисты с больной психикой, комплекс Герострата.)

Создавайте мировую сеть народов и государств Свободного Мира. Руку дружбы зарубежным политикам, борющимся за свободу против своих социал-фашистов, захвативших власть — всех этих Меркелей-Шмеркелей, Макронов-Шмакронов, против этого Брюсселя, где по краям — исламские головорезы, а в центре — охуевшие от своего гуманизма буржуа утопили мозги в пиве.

Помогайте им деньгами (только по-умному, тайно), пропагандой, обучением. Обменивайтесь связями. Посылайте своих людей — в нужный момент они помогут вам своими людьми, своими политическими связями. Пусть они вместе с вами работают над воссозданием, над реконструкцией свободного мира, его идеологии, его искусства, политики, черт возьми!

Вместе вам будет легче включать в свою орбиту колеблющиеся страны, распространять свое влияние на третий мир, перехватывать связи и заказы Китая и Исламского Востока — и непреклонно удушать своих врагов.

— Как бы нам это все назвать... — задумчиво протянул здоровый. Глаза его сузились. Губы были пригнаны плотно, как кирпичи.

Маленький встал, покачнулся с носков на каблуки, прочно расставил ноги, выбросил правую руку вперед, словно приветствуя дальних друзей:

— Да здравствует контрреволюция! — провозгласил он, катая «р» во рту, как шарик.

Здоровый хмыкнул и рассмеялся.

— Согласен: по сути верно, а по форме издевательство, — кивнул увлекшийся лектор-стратег и рубанул воздух кулаком:

— Реконкиста! Добро берет реванш. И не бойтесь пафоса, батенька, — прервал он открывшего было рот партнера, — толпа обожает пафос. Большие слова — символ великих дел. Слово — должно воплощать в себе великую идею, великую веру — в нашу победу! В нашу правду! Добро всегда побеждает! Наше дело правое, победа будет за нами! Каждый должен быть убежден в этом. Правда горит в наших сердцах!

— Теперь мне понятно, почему они держали тебя в этом гранитном форте, не спуская с него глаз, — проговорил Трамп.

Легкий апрельский ветерок пошевеливал край тента, сдул бумажную салфетку со стола.

— Люблю хорошую драчку. Всем козью морду сделаю, — мечтательно пообещал Ульянофф.

Глава 13

МАМА, ПАПА РАНЕН!

В полдень над Уитерборо загремел колокол. Звон его был так тревожен и громок, мелодичен и надтреснут в то же время, что персонал и ходячие больные госпиталя Святой Марии ринулись к окнам, а сидевшие в баре «Ла Газелы» высыпали на угол Медоу и Вест Мейн стрит.

Колеблющий пространство медный гул не имел ничего общего с деликатным перезвоном Церкви Непорочного Зачатия в нескольких блоках отсюда. Колокол неистовствовал на высокой часовой башне Юнион Стейшен, главной достопримечательности города. А предшествовали этому странному и настойчивому звону следующие события:

Немногими минутами ранее к краснокирпичному параллелепипеду башни, вздымающейся на двести сорок футов в небо над городским пейзажем, подошел человек не совсем обычного вида и еще менее обычных манер. Черный чуб его торчал дыбом, рот изгибался самой распутной гримасой, а глаза под высокими вразлет бровями имели выражение насмешливое и даже издевательское. Но внешность была отнюдь не главным, как немедленно выяснилось.

Подобно фокуснику, из одного кармана он извлек живого паука, из другого — стакан с вином, окунул паука в вино и положил на ломоть хлеба, для чего поставил стакан у ног, а ломоть достал, опять же, из кармана. После чего, придерживая паука на хлебе указательным пальцем, сунул половинку сделанного бутерброда в рот и начал жевать.

Проходившая по тротуару женщина вгляделась и взвизгнула. Тинейджер на скейтборде резко остановился, крутнув доску на пятке, и одобрительно заржал. Старик в соломенной шляпе удержал прыгающие движения кадыка, но тонкий рыгающй звук удержать не сумел.

Стало понятно, что это городской сумасшедший. Гривастый студент (хотя вероятнее бездельник) сообщил, что это определенно художник и он совершает акцию. Старая леди высказала мнение, что такой урод может быть только

французом, она в молодости жила в Париже и знает. И уже нашлись очевидцы и знатоки, которые объясняли, что это старый художник из Европы, малюет всякую хрень, но иногда богатые мудаки его мазню покупают. А знакомый соседа художника сказал, что сосед ему рассказал, что его зовут Ив, а вот фамилию точно не помнит: не то Ли, не то Маск-о-Ги, а может Санги.

Закончив трапезу, человек допил вино, вытер пальцы о штаны, вплотную приблизился к стене башни — и вдруг с непостижимой (именно непостижимой!) ловкостью полез наверх. Не то как матрос парусного флота, не то даже как съеденный им паук.

Он легко миновал одно над другим три окна, передохнул полминуты на широком карнизе, по вертикальной поверхности пополз вверх, впиваясь пальцами в швы между кирпичей, достиг огромного круга часов, держась за стрелки и упираясь ногами в цифры добрался до пилонов балкона и, подтягиваясь на руках, сумел залезть на этот балкон, квадратом окружающий колокольню по всем четырем сторонам.

Зрители задирали головы.

— Как ящерица по стенке, — сказали из парка через дорогу.

Человек помахал с поднебесной высоты балкона, повторив жест на все четыре стороны, и скрылся в арке колокольни, венчающей башню. После чего и раздался удивительный звон, неправдоподобно громкий и странного тембра. Скорее в нем было звяканье латунной гильзы и пение чугунного рельса, чем мелодия благородной бронзы.

А когда минут через пять звук прекратился, и мозги всех, кого он настигал, перестали рассыпаться в резонанс и вибрация пространства утихла — человек вновь появился на балконе. Вероятно, там была заранее установлена какая-то звукоусиливающая аппаратура, какие-то колонки стадионной мощности. Иначе ничем нельзя объяснить отчетливый и богато интонированный, как в консерватории, голос, мощностью много оглушительнее мегафона полицейского вертолета, с небес сокрушающего сознание:

— Кэй! Детка! Мамочка! Папочка ранен! Об этом должен узнать весь мир! Это мой главный, эпохальный, нетленный шедевр!

Меня смертельно ранил Искусственный Интеллект! Он умнее человека — и ему не нужно искусство! Тупые машины, арифмометры и манипуляторы, уже жрут человека. Компьютеры травмировали меня, они меня жрут! Мой гениальный мозг, мои шедевры, мою душу, мое стремление к прекрасному, мою любовь к красоте и людям. Они жрут мою любовь к тебе, любовь моя! Искусственный Интеллект причинил мне нестерпимую боль! Он оскорбил меня, шокировал, он травмировал мои чувства, вверг меня в депрессию, не дает мне работать! Я требую суда над ним, требую наказания и возмещения причиненного мне вреда!

Меня смертельно ранили социалисты! Они хотят лишить меня права на мои шедевры, они объявляют, что шедевр — заслуга не художника, а всего общества, среди которого он живет — и поэтому принадлежит всему обществу! Твой гений принадлежит народу! Сдохните, ублюдки, импотенты, идиоты, мой гений принадлежит мне, а не вам! У меня приступ удушья, сердцебиение, лихорадка. Моему здоровью нанесен непоправимый ущерб. У меня пропал стимул к работе. Я требую возместить мне утрату работоспособности!!! Пусть общество само себе рисует. У меня трясутся руки, радужные круги в глазах... Они преступники! Убийцы!

Панические атаки сокрушают мою нервную систему. Я — невинная и беззащитная жертва мусульман! В Христа я верую, в Деву Марию, в Святых Апостолов, вера моя истинная! Почему в моем доме негодяи смертельно ранят меня своими надругательствами — своим многоженством, своим еретическим шариатом, своими призывами к джихаду, открытием своих храмов на моей христианской земле. Их женщины оскорбляют меня своими закрытыми лицами, своими черными балахонами и платками — они выказывают презрение ко мне, ненависть к моим взглядам, моим традициям и моей культуре. Они показывают: мы чужие вам, и мы будем на вашей земле вместо вас. Сыны Ислама глумятся над нашими женщинами и истекают похотью, но смеют презирать нас за то, что мы любуемся женщинами,

как любуемся красотой во всем. Мухамед не мой пророк, зачем его последователи кричат с минаретов призывы молиться ему — на моей земле. Пусть мусульмане живут на своей земле по своим законам! Они оскорбляют меня ненавистью к свинине, они эстетически травмируют меня своими позами на молитве, когда зад поднят к небу, а голова воткнута в землю — эта непристойная поза шокирует меня как художника и христианина. Ранено мое чувство прекрасного, разрушено чувство защищенности, у меня отнято чувство единства и братства со всеми окружающими людьми — какое же братство, если тебя изобьют за взгляд на женщину или зарежут средь бела дня во имя величия Аллаха.

Я ранен! Кровь течет из моего сердца. Как мне жить?

Извращенцы всех мастей, потерявшие не только стыд, но разум и брезгливость, смертельно ранят меня! Их агрессия и нетерпимость, бесстыжая похоть и пропаганда мерзости, от которой блюют нормальные люди, сделали меня больным. Моя чувствительная душа художника не может перенести этого глумления над святым — над любовью мужчины и женщины, божественной любовью, данной нам свыше, любовью, которая есть источник всего живого на земле. Я ранен! Спасите меня! После этих злых уродов не останется человечества, они извергают семя свое в мужскую жопу, на землю, куда угодно, только не в лоно любимой женины. А их женщины лижут пизду друг другу и говорят, что это хорошо, сладко и современно более, чем любовь по заветам Господа. Моя душа христианина корчится в муках, моя вера предается поруганию.

Кэй! Жена моя, мать моя, дочь моя, любовь моя! Мама — папа ранен! Удастся ли ему выжить? Дашь ли ты негодяям глумиться над ним, чтобы он умер? Умру ли я неотомщенный? Я — человек, мужчина, художник!

Уже неземным светом залит наш безвоздушный мир. Людские тела и лица превратились в бесформенные куски фантастической плоти, черные фасолины и цветные кляксы. Черный туман валится в геометрический мираж, и я не могу там жить.

Это не искусство. Это безнадежные грезы смертельно раненного.

Господи. Я был моряком, я был солдатом, я был шутником и пьяницей. Неужели... неужели мой путь был — к сегодняшнему дню?.. Неужели мои картины ранили мир... я не хотел, я же не всерьез, я двигал искусство вперед... а где перед, да?..

Но я же не призывал душить людей, калечить их души и разрушать мир! Или я — художник — предчувствовал это?..

Господь, мой Создатель и Хранитель... Страшные мысли приходят в голову перед тем, как с высоты ринуться в бездну земли. Стрелки часов подо мной отсчитывают минуты моей жизни, и внизу, под башней, под асфальтом — земля, земля, которая меня примет... О нет, сожгите мою плоть, развейте мой прах над бескрайними волнами!

Я писал нечеловеческий мир — и дух мой будет вечно решать загадку Сфинкса: я лишь проницал подлинный и страшный облик мира и писал его таковым — или я, грезя, писал его, и он таковым сделался. Mea culpa. Лучше бы я погиб молодым, в Тунисе, я был хорошим сержантом.

В меня попали! Гады, они все достали меня.

Мама, папа ранен!

Глава 14

УБЕЙ ГАДОВ

Сидели они в маленькой квартирке на шестом этаже, и стояла между ними бутылка и пепельница. И было им на вид лет под сорок. Один мужчина обладал внешностью потрепанного земной жизнью ангела: чистое лицо, женственный рот, льняные волосы, голубые глаза, но вот морщинки у глаз и складки у рта придавали ангельскому лицу выражение усталости. Второй же был здоровенный мужичина, похожий на Джона Уэйна в его лучшие годы. Только стетсона и шейного платка не хватало.

Ну, а за окном был нормальный городской пейзаж, а в углу что-то мелькало в телевизоре.

И не было бы в этой расхожей бытовой сценке ничего примечательного, если бы не бешеная ярость в речах одного

из собеседников и не ужасное их содержание. Что примечательно: огонь и дым извергал именно голубоглазый ангел, а мялся и кряхтел брутальный мачо. Что еще раз подтверждает известную истину о том, что внешность обманчива.

— Мы ничего не можем с ними поделать, Джо. Их много. У них вся власть. И деньги. И телевидение, и социальные сети. И армия. Правительство. Отряды штурмовиков. И масса людей верит им, вот что самое страшное! Что же мы можем сделать?..

— Убивать!

— Кого? О чем ты говоришь?.. Их много, они сила. Кого убивать? Никого ты не перебьешь. Всех убивать станешь, что ли?

— Нет. Всех не надо.

— А кого? Кого — надо?

— Знаешь, я ведь все терпел. Долго. Очень долго. Терпел, когда в колледж приняли не меня, а негра. Он был глупее и ни хрена не знал. Но он же был черный! И этого было достаточно. Потом терпел, когда старшим диспетчером поставили не меня, а негра. Он с трудом считал и вечно все забывал, но он же был черный! А это главное.

Потом меня погнали на курсы расового раскаяния, или как там это у них называлось. На этих курсах учили, что ты дерьмо, потому что белый. И все, что сделали белые — дерьмо. И наша страна дерьмо, потому что она расистская. И вся наша история. Наш флаг, и отцы-основатели, и писатели, в общем — все дерьмо. А главное в мире — это черные.

И еще — главные все бедные. Насрать, что бедный может быть ленив, жулик, нарк, бездельник — это ты виноват! Потому что у тебя — белая привилегия. И ты должен на него работать, ты понял? Ты должен свое заработанное отдавать ему, чтоб он жил не хуже тебя. Потому что это называется социальная справедливость.

Знаешь, я стерпел, когда моего старика в Балтиморе свалил на улице какой-то черный гад. «Белый медведь», ну, знаешь. Игра такая, милая такая, игра черных сукиных детей. Свалить белого с ног одним ударом в челюсть. Незнакомого. На улице. Неожиданно. Лучше — старика: его легче свалить, и сдачи не получишь. Я должен был поехать туда, найти гада и изуродовать. Отец получил сотрясение мозга и месяц пролежал в госпитале. А я утешал его по телефону. Мудак сраный.

Но когда они добрались до детей — это все. Это конец. Это предел. Больше им живым не ходить. То есть какая-та красножопая сука, какая-то демократическая мразь порылась в сетях и решила, что я «допускаю экстремистские высказывания». Разжигаю рознь. Подрываю демократию. Какую еще на хер демократию в этом фашистском государстве?!

И вот. Пришли. Трое. Полицейский, лоер и уполномоченная или как ее там по опеке. Ну, все дома, суббота. Открыл. И на тебе: постановление.

Дженни сразу побелела, у нее истерика, кричит, детей обхватила. Они не поняли ничего, испугались, ревут. А эти две тетки, уполномоченная с лоером, шасть, значит, к детям и расцеплять их стали: мол, пойдемте, деточки, вам будет хорошо, а мама потом к вам приедет, и вещи ваши потом заберем, и игрушки.

Ты понял? Ну — скажи мне: что делать? Как быть? У Майка слезы градом, Джен в мать вцепилась, ей пять лет всего. Ну — как быть?

— А у них бумаги все в порядке были, что надо?

— Будь спокоен. Целая пачка.

— Потребовать адвоката.

— Да, говорят, конечно: обращайтесь в любое время на сайт. А лично — запись: по рабочим дням с девяти до одиннадцати. А сейчас отойдите, вы нарушаете закон, это уголовная ответственность. Преступник!

— Да...

— Вот тебе и «да», блять. Короче, оружие они же давно у всех отобрали. Ну... У нас у двери на полочке ваза стояла, латунная, с узорами, фунтов шесть. Схватил я вазу — и въебал полицейскому по башке!

— Ну и?..

— С копыт! Вытащил его «глок», суки сразу обмерли, вид такой — не верят, что происходит. Ну, я их пристрелил на месте. Суки, мог бы — порвал на куски!.. Ну, и поли-

цейского тоже пристрелил — для страховки, вдруг он еще живой был.

— Бля-ать... Чего теперь делать-то...

— Чего делать. Все уже сделано. Никто, вроде, выстрелов не услышал. А может, услышали, да никому ни во что вмешиваться неохота. Мы в пять минут — документы все, наличность, что была кроме карточек, ну там кое-что из одежды — и в машину. А их машину на место своей загнал. Чтоб не маячила перед домом. Раньше, чем через полчаса, не должны ведь хватиться.

Через двадцать минут я Дженни с ребятишками оставил в закусочной, а сам подъехал к гаражу, продал свою машину и купил другую, неброскую такую «тойоту короллу». Дунул на восток, потом на юг, и перебрались мы в Мексику. Слава богу, стену так никогда и не достроили.

— Слушай, так на кой ты сюда вернулся? Найдут ведь!

— Замучатся искать. Документы сделали мне ребята нормальные, в компьютер тоже вбили все, что надо. Я теперь Ян Ковальский из Польши, рабочая виза.

— С ума ты сошел! Твои отпечатки пальцев у них в картотеке — сто процентов, дом же тогда весь обнюхали, иначе и быть не может. Ты до первой проверки. Фейс-контроль, первый же полицейский.

— Ты еще в школе медленно соображал. Отпечатки в картотеке давно заменили. Огромное удобство нашего времени: чтоб ограбить банк, не надо вылезать дома из кресла. Или похитить планы генштаба. Хороший хакер — хозяин мира, Робин Гуд, блять, перед которым трепещут вашингтонские шерифы.

А здесь я — воевать. Не могу, понимаешь? Внутри все горит. Не могу больше терпеть. И когда врут нагло в глаза, и когда людей унижают, и когда уничтожают все, что потом и кровью создано было — убивать! Они только это понимают. Они уничтожили страну, они хотят уничтожить всех нас. Мозг из нас вынуть, душу вынуть, и вложить вместо них свое говно.

Видишь — уничтожает судья человека, который посмел не любить БЛМ, не встал на колени? Убей гада! Глумится наглый отморозок над приличным человеком? Убей его на

месте! Его уже не перевоспитаешь. Видишь — закрывают магазинчик, где люди работали, а корпорация только и знает свои супермаркеты открывать повсюду? Убей того, кто закрыл. Кто это постановление принял. Кто по душу хозяина пришел. Убей! И только тогда другие поймут.

Разучились мы за свободу бороться, за свое место под солнцем. Что ж... Пока мы еще живы — не поздно поправить дело...

Они хотят сделать Штаты страной негров, латиносов, мусульман и пидарасов. Все блага бездельникам, вся власть лжецам! Вот их лозунг — ты понял? Не выйдет! Это мы все построили, это наши предки эту страну открыли, освоили, построили, подняли.

И никому — никому! — отдавать ее нельзя! Много всяких паразитов на готовое-то место, на теплое да сытное, поналезет и начнет в мозг срать, что это их содержать надо. Так вот — убей гадов! Хуже уже не будет. Хуже уже ничего нет.

И я тебя уверяю, когда мы, нормальные работяги, природные и потомственные американцы, разозлимся всерьез — ну так мы уже разозлились. Зря эти ребята разбудили зверя.

Так что — весь тебе мой сказ. Убивай гадов! И если это будет убеждением всего народа — да им хана. Они же все дармоеды. Паразиты. Только болтать умеют, а еще умеют воровать, ломать все и клянчить халяву.

Все продажные подлые политики, все эти миллиардеры, вообразившие себя диктаторами мира, все эти ученые болтуны из их вонючих университетов, где учат ненависти и коммунизму, все эти погромщики и фашисты всех цветов радуги, все эти пропагандисты ебли мужиков в жопу — им мало было, что им давали дышать? Им мало было, что им еще шли навстречу и давали всякие льготы? Так они еще решили нас уничтожить — нас, нормальных, белых, работяг, семейных, честных? За что, сука?! За то, что мы не такие, как они? За то, что мы нормальные? Что им неохота чувствовать себя неполноценными уродами рядом с нами? И поэтому нас надо уничтожить? Ну так мы уничтожим их.

Это не люди. Это гниль, гангрена, сифилис, падаль смердящая, которая отравляет все вокруг. И если она теперь убивает нас — ну и пиздец им! Убей гадов!

Глава 15

УТОПИЯ ПО ИМЕНИ «АНТИ-»

На Днях Философии в Бостоне я делал доклад по энергетической сущности эволюции Универсума. Секция была чахлая, хотя и многочисленная: человек шестьдесят в аудитории.

«Философия жизни», по-моему, вообще дурацкое название, чтобы обозначать им одно направление. Которое даже не направление. (Разве что противопоставить ей «Философию смерти».) Вообще их в тот день кроме Ницше и Бергсона никто не интересовал. Про Ницше, естественно, пели самые туповатые и восторженные, а про Бергсона претенциозные снобы. Модераторствовал профессор, которому на вид было столько лет, сколько люди не живут. Его интересовали две вещи: регламент и чтобы без мата.

Красивых девушек не было ни одной, а это верный показатель, что семинар фигня. Женская красота — это барометр значимости события, а если про интеллектуалов — это еще и показатель мудрости. Я знал женщин, которые кончали при виде нобелевского лауреата. Даже его медали.

Солнце хлестало в окна, кондиционер гнал вьюгу как в рефрижераторе, на желтых столах голубела вода в бутылках, и все человеческие проблемы сейчас представляли чисто теоретический, академический интерес.

На доклад полагалось пятнадцать минут, так что никакие это были не доклады, а сообщения. Но я уложился. Это две тысячи слов, а в две тысячи слов можно упаковать любую идею, если ты умеешь выделять главное. Так что я выступил ударно. Так ударно, что едва ли человек пять поняли суть. Остальные не догоняли.

Ну, с теорией моей вы знакомы. А если еще незнакомы, то и рассказывать незачем.

Начались пять минут вопросов и обсуждения. Вопросов нет. Все молчат. Пытаются переварить.

И тут встает один ухарь. Задорный такой, напористый. Из Кембриджского колледжа. Они в первые полторы тысячи по стране не входят. А в мире вообще за шестой тысячей. Простые ребята. Этот, судя по манерам, работает выбивалой и мечтает вырасти до бармена. Крепенький такой, кучерявый и злой, как некормленый.

Встает он и говорит:

— Ну и что?!

Если честно, я растерялся. Я такой вопрос в баре за пивом понимаю, перед дракой понимаю, а в философской дискуссии услышал впервые.

— В каком смысле, — спрашиваю, — «ну и что»?

А его заклинило. Есть такое понятие — «фрустрация». Он бы хотел учиться в Гарвардской школе бизнеса, иметь АйКью сто сорок и отца — владельца большой фирмы. А его шпыняют за тупость, и на лбу у него написано: «лузер». Из таких получаются отмороженные наркоторговцы и коммунисты.

Он повторяет громче и злее:

— Ну и что?!

Я говорю:

— Шестнадцать!

Он спрашивает непонимающе:

— Что — шестнадцать?..

Я и отвечаю:

— А что «ну и что»?

Его лицо искажается от умственного усилия. Потом от злости, что его заставили думать. В аудитории кто-то ржет. И он из этой ужасной своей деформированной рожи по кирпичам выталкивает фразы:

— Ну вот вы это все рассказали. Хорошо. Допустим, это даже так. Ну и что? Что из всего этого?

— Во-первых, — сказал я, — из всех философов мне более всего нравится Протагор, а из всего сделанного Протагором — как он хорошо увязывал дрова, когда работал дровосеком.

Парень наморщил лоб, и при этом у него приоткрылся рот — словно кожи хватало только-только покрыть лицо внатяг. Он думал. И я тоже думал, причем лихорадочно. Спикер не собирался мне помогать. По-моему, я ему не нравился. И он получал удовольствие от ситуации. Свобода слова, а как же. Прочие же откровенно развлекались — философия в этот день была скучная, прямо скажем. Они надеялись понять меня лучше в ходе этой неординарной

дискуссии. Когда выкручиваешься после вопроса дурака — всегда переходишь на язык детской энциклопедии. Тогда и докторам философии все понятнее становится.

Куда как быстро соображаешь, чтобы ответить дураку перед толпой. Я раньше-то для себя ведь не думал «ну и что». Ни один ученый не думает: «Ну и что». Ликовать и стричь бабки или раскаиваться он будет потом. А пока у него просто захватывает дух, что он придумывает нечто новое, небывалое, потрясающее, и у него классно получается!

— То есть вы хотели бы от меня услышать, какие могут быть практические последствия и выводы из моей теории? — спросил я. — Что из этого всего может выйти? На что это может повлиять, как это использовать и что это может вообще в жизни изменить — хоть в жизни человечества, хоть в развитии какого-то философского направления. Я правильно вас понял?

— Именно! — надавил он со снисходительным презрением к тупоумному мне, не понявшему его сразу.

— Следствий довольно много, и все они важные, — сказал я. —

Первое. Это означает, что человечество не стремится ни к счастью, ни к созиданию, ни к справедливости, ни к знанию, а также ни к гармонии, ни к любви. То есть все перечисленные стремления безусловно существуют. Но они отнюдь не самоцели, не самоценные величины. Это все эпифеномены, сопроводительные явления.

Стремится же человечество — объективно, в силу природы, по устройству Мира, помимо своего сознания — к совершению максимальных действий. То есть: к захвату, переработке и выделению все большего и большего количества энергии окружающего Бытия, окружающего энергоматериального пространства.

Второе — и самое важное для нас. Это означает, что все и любые попытки «улучшить», «усовершенствовать» человека в сторону рациональности поведения, в сторону гармоничного комфорта его существования, так сказать — ошибочны и обречены на провал. Все коммунистические идеологии и теории всех мастей исходят из примитивного антропоцентризма. Они сводят предназначение человека исключительно к его, человеческому, благополучию. Полагая существование человечества во Вселенной излишней и временной случайностью. Вот эту научную и, более того, умственную ограниченность мы должны преодолеть и отбросить.

Третье. Осознание места и роли человечества во Вселенной — позволяет нам осознать сущность прогресса и адекватно к нему относиться. Сущность прогресса не в том, что человечество обязательно достигнет счастья, гармонии и справедливости — но в том, что природопреобразовательная деятельность человечества от начала его существования постоянно нарастает — и конца, границы, предела этому росту принципиально не существует. Это и есть суть прогресса. Это и есть объективная, Вселенская суть существования человечества.

Четвертое. А поскольку психологическая мотивация действий человека основана на неудовлетворенности существующим, что есть исходное и дежурное состояние человека, обуславливающее постоянную переделку мира — то: не будет вам, граждане, гармоничного, вечного и единого социального мироустройства. Социумы будут зарождаться и восходить, падать и гибнуть. Существование утопического государства — то есть социально уравновешенного и соответствующего раз и навсегда определенным потребностям человека — невозможно в принципе. Социальное устройство любого общества было, есть и будет основано на одном базовом уровне: как можно больше потреблять, перерабатывать и производить.

Пятое. Все и любые идеологии и политико-экономические теории являются лишь попытками объяснить с точки зрения сознательной человеческой деятельности, направленной на удовлетворение человеческих же нужд, эту нехитрую истину энергоэволюционизма, изложенную в предыдущем пункте.

Шестое. Смены общественно-экономических формаций вечны — исходя именно из повышения их КПД и общей мощности по части энергопреобразования.

Седьмое. Именно поэтому замена органической, биологической, человеческой цивилизации — цивилизацией машинной, компьютерной, неорганической — логична,

естественна и неизбежна: объективна. Искусственные неорганические системы в перспективе производительнее нас, их КПД в перспективе неизмеримо выше нашего, на единицу лично потребляемой энергии они способны производить на порядки больше работы, и в конце концов они будут умнее нас. Прием пределов ни их уму как мощности аналитическо-операционной системы, ни их энергопреобразовательной деятельности — принципиально не существует. Пока они, через создание Нового Большого Взрыва, не перезапустят Вселенную.

Ну, и восьмое. На закуску. Поскольку люди самозамещаются машинами и вытесняются ими. И поскольку мощный психико-мышечный потенциал цивилизованного человека не находит себе применения, не востребован. Человек ищет удовлетворения в искусственных опасностях и трудах: покорение Эвереста, одиночное плавание через океан, прыжки с тарзанкой. Мы стремительно движемся к введению себя в виртуальные миры, где будем испытывать сильные, острые, потребные нам ощущения и напряжения. Вообще при этом ничего не делая в реальности. Такова логика и психология нашего вымирания.

Вот что следует из моей философии и из вашего «Ну и что».

Я посмотрел на лица аудитории и увидел на них, что их подсознанию это все не нравится, и поэтому их сознание не желает это воспринимать.

Не уверен, что и вы хоть теперь понимаете, что философия энергоэволюционизма переворачивает все представление о сущности человеческой истории, о сути социологии и морали, о направленности психологии как мотивационного механизма, о смысле экономики и о смысле существования человечества во Вселенной. Что такое разум и для чего любопытство, почему плачут от счастья и хохочут над комедиями, в чем заключается красота и почему она вообще есть, для чего страдания и комплекс греха... и много чего еще.

...Потом был кофе-брейк, а потом я отправился гулять по улицам и дошел до бара на берегу «Трактир «Адмирал Бенбоу». Кстати, там была драка, и какого-то пьяного выкинули из дверей.

КНИГА III

Глава 16

СЕМЬЯ БАРРЕТ

семейная сага

Сочинение *МЕЛВИНА БАРРЕТА*, графомана

Том первый

Это книга о том, как Алистер Баррет пришел с Великой Войны. Если точнее, со Второй Мировой. Награжденный боевой ленточкой и похвальной медалью. Он был морским пехотинцем и дрался с японцами на островах. Там были две главы про высадки десантов на Тарава и на Маджуро — сражения, в которых участвовал Алистер. Военные главы изобиловали яркими эпизодами: как перед строем зачитывали приказ об окончании войны, как качало в трюме судна (теснота, карты, фронтовые истории), как ликовала огромная толпа в порту.

Он вернулся домой и для начала устроился на бензоколонку. То ли в Филморе это было, то ли в Ричфилде, в общем где-то в Юте. Возвращение фронтовиков к мирной жизни вообще было сложной перестройкой, особенно у мальчишек: простые решения о жизни и смерти сменились кучей неясных и медленных проблем. И как водится, прошвыриваясь однажды вечерком с приятелем по городку, Алистер познакомился с Брендой. Свидания, мороженое и все такое. Честно говоря, в Филморе особо пешком не разгуляешься, и Алистер купил по своим возможностям «понтиак» 36-го года. И они катались. Ну там запах кожи

и бензина, шелест ветра у щеки, вечерние звезды и прочее в этом роде.

А потом они поженились, сняли крошечную квартирку, мечтали о будущем и строили планы. Алистер на паях с приятелем открыл свою автомастерскую. Шел послевоенный бум, страна поднималась, как на дрожжах, дела кругом налаживались.

Когда родилась Шерил, Барреты уже могли взять кредит для первого взноса за дом, и переехали в собственное жилье.

И пошли годы в трудах, мире и счастье. Дочка начала ходить, родился Рой, за ним Стэнли. Мастерская Алистера превратилась в скромную фирму с устойчивой репутацией. Он сменил «плимут» на «додж», они завели золотистого ретривера, хотя сначала мечтали о колли, но они слишком активные.

...Не знаю, имеет ли смысл говорить об их внешности и мелких привычках. Алистер был худой и жилистый, и с годами его костистый подбородок вылезал все дальше вперед. А Бренда походила бы на куклу Барби, если бы дизайнеры соблаговолили придать Барби более скромный вид и не растягивали ее по вертикали, как резиновый столбик. Ну, а дети росли, шалили не больше обычного, учились не хуже других и в свой срок болели чем положено. Шерил как старшая сестра заботливо снисходила до братьев, а Стэнли часто оспаривал у Роя право мужского первородства.

Там еще было написано, что «семья Баррет росла и поднималась вместе со страной, но вернее сказать (или это надо понять, не помню точно), что Америка и росла тем, что росла их семья».

Еще там фигурировал чудаковатый проповедник местной церкви, который иногда отвлекался в проповедях на сомнительные примеры, небиблейские, как бы это передать, не христианского происхождения, и проповедник им часто повторял, что то, что хорошо для улья, хорошо и для пчелы. А иногда наоборот: что хорошо для пчелы, должно быть хорошо для улья. Когда Рой поступит в колледж, он узнает, что это фраза древнегреческого философа Платона. Ни разу не христианина, язычника.

На самом деле, это из нашего времени далекие пятидесятые годы XX века выглядят раем, счастливым до неправдоподобия. А в жизни все было прозаичнее, так сказать: хлопот и тревог хватало. Причем не только личных, но и мирового масштаба, а любая семья своими переживаниями и судьбами отзывается в резонанс событиям мира и страны.

В пятьдесят втором Рой заболел полиомиелитом, та известная эпидемия. Его пришлось положить в госпиталь в Прово, и почти месяц он пролежал в «железном легком». К счастью, мальчик выздоровел и восстановился полностью, но конечно это были тяжелые переживания. Когда они ездили его навещать, и видели в палате этот инкубатор, металлический контейнер, из которого торчали пять детских головок, а Рой лежал в нижнем ряду, справа, на уровне колен, места наверху не было, когда его клали, да какая разница, но все-таки на высоте груди как-то лучше быть, они ж головками своими крутили осторожно в стороны на своих этих полочках-подставках подголовных, дети быстро ко всему привыкают, и глотать жидкую пищу через трубочку, причем обязательно на выдохе, чтоб в трахею брызги не вдохнуть, и Бренда каждый раз говорила, что ему уже лучше, но доктор просил еще потерпеть, а плакала она уже в машине на обратном пути.

Обстановка вообще была беспокойная. В Госдепе окопались две сотни коммунистов, Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности находила все новых агентов Сталина, газеты писали о тысячах уволенных с работы. Коммунистом оказался Пит Сигер, его заставили распустить свою группу “The Weavers”, потом чуть не посадили, а у Барретов были его пластинки, он им нравился. Чарли Чаплину запретили въезд в Америку, он оказался не американцем, вот кто бы мог подумать, тоже красный. Да что говорить, в «Солт Лейк Трибун» с шумом уволили Филипа Лоусона, передавали, что свои статьи в поддержку профсоюзов он писал по заданию Компартии США, все руководство которой уже посадили. Стенли Крейг, он работал у них в мастерской, рассказывал, что в школе учился вместе с братом Лоусона, и совершенно был нормальный парень.

МакКарти был прав насчет запрета компартии, конечно. Супруги Розенберг, которых посадили на электрический стул, передали Советам секрет Атомной Бомбы, все чертежи, шпионская сеть коммунистов. Тогда и началась эта вибрация насчет атомной войны, и всех агитировали покупать бомбоубежища или строить самим. Они с Брендой по вечерам листали эту брошюрку «Заройся вглубь» — их много где раздавали: как вырыть и оборудовать семейное убежище у себя на заднем дворе, с перечнем материалов и чертежами. Можно было купить готовое, но самое дешевое стоило под три тысячи, тут подумаешь. Некоторые покупали. А по телевизору показали фильм «Лечь и прикрыться», эту десятиминутку гражданской обороны регулярно крутили в кинотеатрах перед сеансом и в школах. Но потом все стали говорить, что убежище не убежище, а если начнется — все равно эти подвальчики не спасут. И одновременно успокаивали, что общественных убежищ достаточно, чтобы укрыть две трети населения всей страны.

Но все это напоминало драмы в театре теней, на фоне которых проходит твоя собственная жизнь — может, состоящая из житейских мелочей, зато реальная. Стэнли с малолетства был забиякой, а когда пошел в школу, дрался чуть не каждый день, приходилось как-то улаживать дела с родителями; в конце концов они пригласили в субботу на барбекю Ларри Мортона и попросили обязательно быть в его полицейской форме. Ларри продолжительно посмотрел на Стэнли, отвернулся, сунул в рот кусок мяса и как бы между прочим спросил у Алистера, жуя, приходилось ли уже мальчику жить не дома и без родителей. Стэнли побледнел. Ему было семь лет. Вечером в спальне Бренда устроила сцену и отправила Алистера спать вниз на диван.

Не то чтобы Стэнли резко изменился, но все-таки, пожалуй, изменился. А Бренда приревновала мужа к официантке из кафе, и год, наверно, прошел в мелких скандалах. В результате Алистер заподозрил, что это неспроста, и стал

перебирать в уме знакомых: что-то она хорошо выглядела и как-то старалась не смотреть в глаза, казалось ему.

А Шерил пошел пятнадцатый год, появились мальчики, один постарше иногда привозил ее домой на ... (тут пришлось вспоминать и рыться в обрывках каталогов, какой это шел год — и какой автомобиль мог быть моден и слишком дорог для тинейджера в то время) — то есть возникал мотив грядущего удачного замужества.

...Нет, жизнь была не сахар: еле удавалось расплачиваться по кредитам, Алистер дважды неожиданно заставал дома какого-то там члена попечительского совета, ревновал Бренду и однажды, выпив, поставил жене синяк; Бренда, в свою очередь, рисовала себе разнузданные картины тайных разгулов Алистера в деловых поездках; то есть супруги были неравнодушны друг к другу, а нервы не становились крепче с годами.

А выбор колледжей для детей, а деньги, деньги, а здоровье, которое начинает давать сбои...

...Много лет спустя одинокий старик Мелвин Баррет, младший сын Стэнли, вспоминая ежегодные визиты в дом деда, обнаружит в памяти и уже не забудет рассказ Рэя Брэдбери (а на самом деле Роберта Шекли) о человеке, который мечтал накопить денег на сеанс настоящего, максимального счастья: его можно было получить в салоне одного владельца уникальной установки. Но сеанс был очень дорог, и скопленные было деньги уходили то на колледж для сына, то на доктора для жены, то на ремонт дома или новую машину взамен изношенной — так вечно настоящее счастье и откладывалось, и не удавалось стареющему обычному человеку испытать хоть раз в жизни это волшебное чувство, о котором мечтает каждый. ...А потом сеанс окончился, владелец установки отсоединил проводки от его головы и запястий, помог выбраться из кресла, и посетитель отдал ему гонорар: упаковку галет и две банки мясных консервов. И пошел, пробираясь между обугленных после атомной бомбардировки руин, к землянке, где жила его семья.

Еще Мелвин Баррет любил перечитывать все четыре романа Томаса Вулфа, которые у него были, и размышлять

о связи всего на свете. И размышляя о том, как ухудшились отношения постаревших Барретов, когда дети разъехались из дома, а старый Алистер охромел от последствий военной раны и впал в раздражительность, он задумался о печальном конце его жизни, боли и увечье, о том, какого черта вообще должна была произойти эта война, и почему все вышло как вышло, и о своих дальних предках из английских квакеров, и об упадке Британской Империи — и оказался мыслями в том знаменательном дне 14 августа 1941 года, когда на борту британского линкора «Принц Уэльский» сэр Уинстон Черчилль, герцог Мальборо, премьер-министр правительства Его Величества Георга VI, поставил свою подпись рядом с подписью Президента Соединенных Штатов Америки Франклином Делано Рузвельтом на листе с крупной надписью по верху: «АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ».

ГИБЕЛЬ БРИТАНИИ

роман // трагедия // хроника

Сочинение МЕЛВИНА БАРРЕТА

П р о л о г
Англия и война

С тех пор, как первый король Англии Альфред Великий воевал с викингами и разделил страну между данами и англосаксами, военная напряженность между Островом и материком не прекращалась, периодически слабея и вновь вспыхивая войнами. Вильгельм Нормандский — это завоевание Англии; Аквитания как приданое Элеоноры Генриху Плантагенету — это присоединение Англией огромной территории материка; Столетняя Война — это изгнание Англии с материка. Но со времен великой Елизаветы экспансия Англии обратилась на бескрайние моря и земли всех сторон света, и обросшая колониями Великобритания превратилась в величайшую империю планеты.

Во внешней политике Великобритании навсегда воцарилась «доктрина европейского равновесия». Поскольку

Остров мал и сухопутная британская армия невелика — военная мощь европейских держав должна нейтрализовываться во внутриматериковых противостояниях и войнах. Проще говоря: натравливай друг на друга потенциальных врагов, чтобы они существовали в латентном конфликтном состоянии — и не смогли обратить свою мощь на тебя: ни по отдельности, ни тем более вместе.

В Тридцатилетней войне Англия не столько помогала материковым протестантам против католических держав, сколько просчитывала свою выгоду от взаимного ослабления сторон и сосредоточивала усилия на разгроме Испании, своего извечного и главного соперника в захватах колоний и рынков, в мировом влиянии. Не успела кончиться эта война — Англия заключила договор со вчерашним врагом, католической Францией, и трижды развязывала войны с протестантской Голландией, флот которой и торговый оборот в разы превосходил английские.

В Семилетней войне, воюя с Францией за американские и азиатские колонии, Англия финансировала и вооружала Пруссию, поощряя и натравливая ее на Францию (и одновременно страхуя принадлежавший Англии Ганновер от захвата). В результате этой «самой первой мировой войны» (по выражению Черчилля) все участники вышли из нее истощенными, Англии же никто уже угрожать не мог: она завладела всеми спорными колониями Франции (в Америке и Азии) и Испании.

И в бытность короля Георга III и его премьер-министра Уильяма Питта-Старшего Великобритания стала Номером Первым — ведущей мировой державой.

С 1792 по 1815 гг. Великобритания неустанно организовывала, финансировала и возглавляла войны всех семи европейских антифранцузских коалиций, пока не добилась ликвидации республиканского, а затем наполеоновского режима: угроза объединения и усиления Европы была устранена.

Объединенная Бисмарком Германия после 1870 года стремительно превратилась в передовую страну мира. Германские наука, техника, производство, образование, социальное обеспечение — опережали прочие страны. Английские товары качественно и морально проигрывали немецким, производительность труда уступала немецкой; Германия захватывала рынки. Франция к рубежу XX века стала мировой столицей искусств, мод и либерализма. Россия проснулась от спячки и в бешеном темпе строила железные дороги, заводы, фабрики (беря огромные кредиты у Франции); расширяя экспансию в Азии, Россия стала серьезно угрожать британским интересам в Китае, приближалась к Индии.

Европейская война с вовлечением Германии, Франции и России, которая ослабила бы их, позволяла Англии сохранить лидерство: главное — беречь силы собственные, задействуя войска колоний и доминионов и деньгами поддерживая боевые действия союзников. На бомбардировки Лондона немецкими цеппелинами, отравляющие газы и насыщенность пулеметным огнем Англия не рассчитывала...

После Версальского мира, унизившего и ограбившего Германию сверх всякой меры, целый ряд умных людей — от Ллойд-Джорджа до Ленина — сказал: «В этом несправедливом мире я вижу все причины и истоки будущей мировой войны».

Великая Война, продлившаяся четыре года, чего никто не ожидал, и разрушившая четыре империи, чего ожидали еще менее — Российскую, Османскую, Австро-Венгерскую и Османскую, завершилась революциями в России, Германии, Венгрии. И привела к возникновению социализма в России, фашизма в Италии и национал-социализма в Германии; а также к созданию всемирной паутины «Коммунистического Интернационала», Коминтерна, руководимого и финансируемого Москвой.

Часть 1
Неизбежная и необходимая

Русские коммунисты взялись за дело так рьяно, что ввели в эйфорию друзей и вогнали в ужас врагов. Они не только развалили экономику и уничтожили миллионы собственных граждан, разорив всех, но чуть не наладили

Мировую Революцию в Германии, Венгрии и создали Советские республики чуть не по всей Европе (к счастью, ненадолго; пока). Потом поддержали великую забастовку 26-го года в Англии так, что дрогнули устои. Но что всего ужаснее — СССР плюс появление мутантов социализма в Италии и Германии вызвали бурную поддержку гуманитарно-творческой интеллигенции всего Запада! Гениальные идиоты калибра Бернарда Шоу и Герберта Уэллса приветствовали «новый порядок» как светлое будущее всего человечества — мир справедливости, равенства и счастья! Даже антиеврейские «нюрнбергские законы» Третьего Рейха не охладили их пыл.

Лавина Великой Войны-2 сдвинулась в 1936 году — Гражданская война в Испании. Что характерно: германский национал-социализм и итальянский фашизм приняли сторону традиционалиста и консерватора Франко — против социалистов и коммунистов всех мастей плюс анархисты. Это была гениальная попытка западных демократий: расколоть и стравить коммунистов и фашистов. Либеральная интеллигенция отошла от симпатий фашизму и склонилась к коммунизму — против «тирана и фашиста» Франко.

Коммунизм вооружался до зубов и открыто декларировал захват всего мира. Склонная к опереточности Италия увязла в абиссинской войне. Германия готовилась к реваншу — вернуть себе исконно немецкие земли; главным врагом объявляя Францию.

Мюнхенский договор был гениальным, но рискованным шагом: позволить Германии укрепиться, в надежде на будущее ее столкновение с СССР, который воинственно проповедовал антифашизм, надеясь также на союз с коммунистически (еще недавно) настроенным немецким пролетариатом. А также Англия могла рассчитывать на сильнейшую в Европе французскую армию как сдерживающую антигерманскую силу. Как всегда: ведущие державы Европы должны были ослабить друг друга — чтобы Англия (заметно потесненная Америкой после Великой Войны) упрочила свое могущество.

Часть 2
Начало конца

Московский пакт «Молотов — Риббентроп» был страшным ударом: если русские коммунисты и немецкие национал-социалисты поделят мир, и к ним присоединятся Италия и Япония — положение Британской Империи станет чревато катастрофой. Германский гений, русские ресурсы и японский фанатизм способны совершить немыслимое. Надежда оставалась на испытанное коварство Сталина против наивной наглости Гитлера. Однако Москва была осведомлена и о принципах английской политики с ее дальнобойными комбинациями, что всегда кончалось войнами между конкурентами Англии.

Объявив войну Германии после ее нападения на Польшу, Англия с Францией, практически не ведя никаких действий на суше, тем самым как бы приглашали Сталина: «Если ты ударишь сейчас по Германии — мы на твоей стороне». Учитывая сталинские планы покорения Европы и мира — это была очень вкусная и жирная начинка.

Прошел год, Советский Союз и Третий Рейх пылко обменивались любовными нотами, к взаимной пользе наращивали товарообмен сырья и продовольствия на технологии и станки — а немецкая авиация бомбила Англию, Франция же была разбита и покорена за каких-то пять недель; 200 000 английских и 140 000 французских солдат бежали из Дюнкерка через пролив в Англию на любых лодках и судах, 100 судов были потоплены, 110 000 английских солдат были убиты, ранены, попали в плен.

Часть 3
Великий британец

10 мая 1940 года Невилл Чемберлен, объявивший восемью месяцами ранее войну Гитлеру, но оставаясь приверженцем политики компромиссов и комбинаций, покинул свой пост. Премьер-министром Великобритании стал Уинстон Черчилль, сторонник войны с Германией до конца.

Личная роль Черчилля, великого британца, бронзовый памятник которому высится в сердце Лондона напротив

Парламента, настолько грандиозна, что необходимо сказать о нем несколько слов. Старинного знатного рода. С детства непослушный, недисциплинированный и слабый здоровьем. Хэрроу, Сандерхерст, отличный фехтовальщик, гусарский полк. Военный корреспондент на Кубе, испанская медаль, привычка к кубинским сигарам. Служба в Индии, игрок в поло, афганская кампания, репутация храбреца. Его письма с войны публикуются в газетах, изданы отдельной книгой. Судан, подавление восстания, конные атаки. Военный корреспондент на англо-бурской войне, плен, побег, действующая армия, лейтенант кавалерии, сражения.

Отставка. Консерватор. Член Палаты общин в 26 лет. Переход в Либеральную партию. Заместитель министра по делам колоний в 30 лет. В 33 года — министр торговли и промышленности. Сторонник прогрессивных социальных реформ. В 35 лет — министр внутренних дел. При подавлении национальной забастовки моряков, докеров и железнодорожников Черчилль мобилизует 50 000 солдат, морские пехотинцы стреляют по толпе. Решителен и агрессивен. Ему не было 37, когда он стал Первым лордом Адмиралтейства. Форсированное строительство линкоров дредноутного типа, перевод флота с угля на жидкое топливо: нефтеносный район Персидского залива стал зоной стратегического интереса Англии.

С началом I Мировой выдвигает флот к береговой линии военных действий; участвует в разработке первого танка и создании танковых войск. Далее — инициатор катастрофической Дарданелльской операции, когда турки в Галлиполи разгромили и вышвырнули полумиллионную британскую группировку плюс 120 000 французов. Черчилль подает в отставку и на Западном фронте в чине подполковника командует батальоном. В конце войны принял предложение стать министром вооружений, после войны — военный министр и министр авиации.

Говорит о серьезной опасности русского большевизма. Становится министром по делам колоний. Возвращается из Либеральной партии в Консервативную — и вновь ее покидает. Становится Канцлером Казначейства — бездарным и неудачливым: его действия привели к кризису, безработице и всеобщей грандиозной стачке 1926 г. Далее вплоть до начала II Мировой — глава мелкой фракции Палаты общин, жесткие антигерманские взгляды, занятия литературой.

В день объявления войны Черчиллю предложили пост Первого Лорда Адмиралтейства. В отличие от «странной войны» на суше — морские действия сразу приняли активный характер.

После проигрыша Битвы за Норвегию Чемберлен подал в отставку. Выбор нового премьера между Галифаксом и Черчиллем решился в пользу последнего. Черчилль, в отличие от склонного к заключению мира Галифакса, был настроен самым решительным образом на войну до победы. Он стал одновременно и министром обороны. Вскоре началась Воздушная Битва за Англию, с бомбардировками городов и жертвами среди населения. Немецкие подлодки топили английские корабли — продовольствия стало не хватать. Не было металла — срезали на переплавку все чугунные ограды страны.

Черчилль произносил речи. Его поддерживали 85% англичан.

Часть 4
Миссия Гесса

Ах, эта часть в формате твиттера заставляет сжиматься сердце и наполняет тоской. Потому что один только этот сюжет — материал для великого, огромного, социального и психологического, исторического и политического романа, романа философского и приключенческого.

Рудольф Гесс, боевой летчик I Мировой, преданнейший друг и фанат Гитлера, заместитель фюрера, второе лицо в партии... В форме капитана люфтваффе под летным комбинезоном, на истребителе Ме-110, он в сумерках 10 мая 1941 года достиг Англии и над поместьем лорда Гамильтона выпрыгнул с парашютом. Почему Гамильтона? А там была единственная в Англии частная взлетно-посадочная полоса. А чего прыгать? А уже стемнело, а подсветки не было — не сесть.

Гесс привез предложение о мире, история эта писана-переписана — но есть нюансы. Если более 80% «простых англичан» поддерживали военную непримиримость Черчилля — то среди элиты было множество сторонников компромисса и мира с Германией. Например:

Бывший король Великобритании Эдуард VIII, старший брат короля Георга VI, отрекшийся от престола в 1936 году ради женитьбы на разведенной американке Уоллис Симпсон, ныне герцог Виндзорский, очень популярный в народе.

Лорд Галифакс, бывший лидер Палаты лордов, министр иностранных дел в кабинете Чемберлена, наряду с Черчиллем рассматривался в мае 1940 на пост премьер-министра, до декабря 1940 — также министр иностранных дел и член Военного кабинета.

Сэмюэл Хор, в недавнем прошлом — Лорд-хранитель печати, Первый лорд Адмиралтейства, министр иностранных дел.

Брюс Локхарт, в прошлом глава специальной британской миссии при Советском правительстве в 1918 году, сейчас — директор Комитета по делам политической войны, ведавший пропагандой и разведкой.

Ллойд-Джордж! Великий премьер-министр победившей Англии в 1916–1922 гг., при этом либерал, пользовавшийся огромным доверием либералов также, меньше доверявших кабинету консерваторов — и личный близкий друг Черчилля! Полагал многие требования ограбленной Германии справедливыми — и считался широкими политическими кругами единственным, кто мог бы вывести Англию из нынешнего тяжелого кризиса.

Ну, а почему Гесс прилетел к Гамильтону? Предшествующий камергер Его Величества герцог Бакклейч, один из столпов консервативной партии, был убран из политики Черчиллем за лоббирование мира с Германией. Лорд Гамильтон, получивший эту номинальную должность, был кратко знаком с Гессом на Берлинской Олимпиаде 1936 г., у них были общие знакомые: знаменитый социолог и теоретик геополитики Карл Хаусхоффер и его сын Альберт; наконец, Гамильтон был военным летчиком, как и раньше

Гесс. Ошибок Гесс сделал две: он полагал, что шотландец Гамильтон находится в оппозиции к английскому правительству, и что звание камергера означает влиятельность в политике (ведь Бакклейч, его предшественник, был влиятельной фигурой!)

Командир эскадрильи подполковник герцог Гамильтон отрекся от знакомства с Гессом раньше, чем запел первый петух в Англии.

Часть 5
Точка решения

Таким образом, переговоры Гитлера с Черчиллем шли с германской стороны через Гесса, которому фюрер всецело доверял, с британской же, после Гамильтона — через Айвона Киркпатрика, директора иностранного отдела министерства информации, Александра Кадогана, зам. министра иностранных дел, и собственно Энтони Идена, иностранных дел министра.

Что разъяснял и предлагал Гесс:

Германия рассматривает войну с Англией и ее братским арийским народом как большое несчастье и неоднократно предлагала мир.

Германские интересы ограничиваются свободой действий в континентальной Европе без вмешательства Англии и возвратом колоний, принадлежавших Германии до I Мировой войны.

Великобритании гарантируется полная и всесторонняя неприкосновенность ее Империи.

Мировая коммунистическая угроза, распространяющаяся из Советского Союза и давно ощутимая в Англии, не может быть остановлена без противостояния ей Германии. В случае возникновения германо-советского конфликта Англия никак не вмешивается.

Необходимость такого подхода подтверждается тем, что:

Польская и французская кампании показали мощь вермахта и превосходство германской стратегии.

Беспрепятственная эвакуация Дюнкерка продемонстрировала добрую волю фюрера.

Немецкие подлодки строятся с небывалой скоростью в огромных масштабах, они массово топят британские суда, которых становится все меньше, почти блокированную Англию ждут скорый голод и отсутствие сырья для заводов.

В эту же ночь, с субботы на воскресенье с 10 на 11 мая, состоялся самый страшный и массированный (и последний!) воздушный налет на Лондон, уступавший по количеству бомбардировщиков, сброшенных бомб, разрушениям и жертвам лишь скорбно знаменитому 7 сентября 1940: 600 самолетов, 1000 тонн фугасок, 100000 зажигалок, возникли 2000 пожаров, пострадал Парламент, 3000 человек погибли.

Продолжение войны — гибель для Англии, резюмировал Гесс. В одиночку она бесспорно будет побеждена Германией, которая тогда продиктует иные условия. Если Англия заключит военный союз с Америкой и, представим себе невозможное, они победят — Америка поглотит Великобританию своей экономической мощью и превратит во второразрядную зависимую державу. В случае же поражения Германии, хотя этого и не может быть, Европа будет советизирована красной Россией, и дни свободно Англии будут сочтены.

Реакция Черчилля на эти доводы была реакцией бульдога, сомкнувшего челюсти на теле врага: мы будем воевать и победим, и катитесь к черту!

Хотя. Все знали. О том же говорил мудрый, гибкий, но уже покойный Невилл Чемберлен: война — это неизбежная зависимость от США, и тем большая зависимость, чем дольше и тяжелее война продлится; Англии необходимо здравая, умеренная германская политика, противостоящая русской коммунистической экспансии.

Часть 6
Тайна за ста семью печатями

Гесс: Вы должны знать. Если мы не заключим такой мирный договор, то в случае возникновения войны между Германией и СССР, чего нельзя исключать, принимая во внимание коварство Сталина, идеологию коммунизма

и милитаризацию СССР, Германия безусловно разгромит Россию. И вот тут Англия, зная ее извечную политику в европейских войнах: помогать слабому против сильного, затягивая войну и максимально ослабляя обе стороны — вот тут Англия, с ее огромными заморскими территориями и их экономическими и людскими ресурсами, помогая России, фактически раздует новую мировую войну.

Война примет исключительно упорный и жестокий характер, все союзники Германии будут противостоять всем колониям, доминионам и союзникам Англии. Разумеется, Америка не упустит случая ввязаться в удобный момент и максимально упрочить свое положение — как в Европе, так и на Тихом океане. Япония отберет у Великобритании все владения в юго-восточной Азии. Это разорение мира и десятки миллионов погибших, это во много раз превзойдет несчастья Великой Войны, которая всем нам памятна.

Вы полагаете, что война Германии с Россией спасет вас? Наивные! Не надо больше стравливать Германию и Россию! Не пытайтесь нажиться на чужой крови и чужой беде. Но если этому, не приведи Бог, суждено случиться, если Англия вновь решит зажать Германию в клещи, чтобы истощить и ее, и Россию — вы очень дорого поплатитесь за свой эгоизм и неразумность!..

Англия будет виновником превращения войны в мировую, в небывалую трагедию — и Англия потеряет свою Великую Империю и впадет во второсортность в результате такой войны.

Так что замените вашего бешеного Черчилля на разумного человека. Предпочесть его реалистичному политику Галифаксу было большой ошибкой. Но эту ошибку вы можете еще исправить.

Черчилль: Я вас уничтожу. Вобью твои доводы тебе в глотку. Мы победим, и вы горько раскаетесь в своей наглости, глупости и агрессии.

Допустим даже, что мы договорились. Увы: немецкая наука, техника, немецкие организованность, дисциплина и трудолюбие, армия и оружие — еще через семь лет не оставят нам шансов. Семь лет назад нищая голодная Германия еле дышала — а сегодня клятый Третий Рейх дикту-

ет миру свою хамскую волю! Если они объединят континентальную Европу — на глобусе останутся две сверхдержавы: Америка и Германия. Кровожадных бестолковых большевиков они уничтожат; это-то хорошо. Но Англия окажется на обочине — вот этому не бывать!

Ты решил переиграть меня, подстилка своего фюрера? Нет, милый: будет именно так, как вы ужасно не хотите. Вы сцепитесь с Россией, а мы ей поможем, чтоб не рухнула сразу. Руками фанатичных большевиков мы повыдергаем вам ноги — а вы им переломаете руки; что и требовалось доказать. Англия будет лидером Европы, как и все последние триста лет. Не хочется тебе? Еще бы. А придется!

А то, что такое решение означает мировую войну — которой, в принципе, можно избежать — ты прав, разумеется. Не дай бог, чтоб все эти записи когда-нибудь всплыли. Ничего. Не всплывут. Мы позаботимся.

...Так можно резюмировать суть произошедших переговоров и их итог.

Примечание

Валет в рукаве

Сталин был весьма взволнован и заинтригован прилетом Гесса. Советская разведка работала достаточно хорошо, чтобы Кремль имел представление о влиятельности сепаратистских кругов Англии. К весне 1940 года, когда проигрывающей неравную войну Финляндии грозила советская аннексия, английская авиация была уже готова бомбить бакинские нефтепромыслы. Сепаратный мир Германии с Англией (не говоря уже об их оборонительном союзе) означал вероятное поражение СССР в готовящейся войне.

Черчилль, справедливо видя в советско-германском столкновении спасение Англии и тонко ему подыгрывая, до конца войны держал Гесса в плену под абсолютной секретностью. Пусть Сталин нервничает. Пусть подозревает, что в любой миг Англия может заключить мир с Германией — и это резко подорвет положение СССР. Пусть Сталин будет с Англией осторожнее, покладистее, пусть больше дорожит союзом с ней.

Часть 7

Точка невозврата

Итак, 14 августа 1941 года, на борту линкора «Принц Уэльский» Черчилль и Рузвельт подписали «Атлантическую Хартию». Ее 4-я и 5-я статьи провозглашали «доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам» для всех стран и «полное сотрудничество между всеми странами в экономической области». В частности это означало открытость рынка Британской Империи для беспошлинной торговли любыми американскими товарами в любом количестве по любым ценам, которые определят США.

Это был конец. Английские товары были неконкурентоспособны против мощнейшей американской промышленности и финансовых ресурсов. Ценовой политике, на которой держалось могущество Империи, пришел конец. Штаты могли дешевле Британской метрополии продавать товары в ее колонии и доминионы и дороже платить за покупаемую там продукцию. Колонии делались убыточны.

В предшествующие подписанию дни Рузвельт разминал и прессовал Черчилля, добиваясь принятия этих условий. Черчилль приходил в ярость, но выхода не было. «Мы знаем, что Англии не выстоять в этой войне без США, и вы знаете, что я это знаю», — мрачно заявил он.

Осенью 1940 задыхающаяся в морской блокаде Англия уже получила от США для борьбы с немецкими 50 старых эсминцев — в обмен на 99-летнюю аренду многих морских и авиа- баз.

По ленд-лизу Англия получила от США военных и стратегических грузов на сумму 31,4 млрд долл. (ок. 0,5 триллиона в ценах 2020 г.) — 66% всех поставок из США, в том числе в СССР, Францию и Китай. Это были бесконечные караваны судов с боевой техникой, оружием и боеприпасами, продовольствием и одеждой, горючим и сырьем. После войны Англия осталась с полуразрушенной экономикой, истощенными финансами и огромными военными долгами. Банкротства избежали благодаря американскому займу в 3,5 млрд долл.

Часть 8

Крушение

25 июля 1945 на Потсдамской конференции, где лидеры «Большой Тройки» обсуждали послевоенное устройство мира, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, самый несгибаемый и последовательный противник гитлеровской Германии, чья роль в Победе была столь велика, возможно — решающа, — волею народа Англии покинул свой пост, уступив место новому премьеру — лейбористу Клементу Эттли. На прошедших 5 июля парламентских выборах лейбористы одержали сокрушительную победу. Избиратели были недовольны внутренней политикой и экономикой консерваторов.

Сказать, что это был сильный удар для Черчилля, стоявшего во главе нации в самое тяжкое время, включая тот страшный год, когда слабеющая, но несгибаемая Англия в одиночку противостояла Третьему Рейху (с завоеванной Европой и дружественным СССР) — сказать, что это был сильный удар — значит не сказать ничего.

Лейбористы приступили к построению английского социализма. (Тогда Оруэлл и написал «1984».) Мы не касаемся сейчас разрушительных процессов в экономике. О другом:

В 1946 году большая часть Британской Подмандатной территории Палестины становится независимым княжеством Трансиорданией.

В 1947 году стала независимой Индия и созданный Пакистан.

1948 — независимость Бирмы и Цейлона. Британия уходит из Палестины, образовано государство Израиль.

1955 — независимость Судана.

1956 — вывод британских войск из Египта, национализация Египтом Суэцкого канала; после разгрома Англией Египта в Суэцкой войне США и СССР заставили ее вновь убрать войска и отказаться от всех претензий.

Нет смысла продолжать. Деколонизация всей Африки, Содружество вместо Империи и так далее. Все кончилось.

Часть 9

Депрессия

Черчилль прожил еще 20 лет. Он еще произнес Фултонскую речь, призывая Запад не допустить Третьей мировой войны, обуздывая агрессию и экспансию коммунистического лагеря. Еще были книги, Нобелевская премия по литературе; были инсульты и спазмы мозговых сосудов; он еще вновь стал премьер-министром! — и подал в отставку в 80 лет...

Он умер девяноста лет от роду. Похороны его были грандиозны.

Последние 10 лет жизни он пребывал в уединении и тяжелой депрессии.

Он принял Великобританию великой империей и сдал в результате небольшим островным государством, сателлитом когдатошней американской колонии.

Резюме

И все-таки он — феноменально работоспособный и энергичный, талантливый и храбрый, харизматичный и предприимчивый! — он был тем человеком, который не дал миру стать фашистским. Ибо Третий Рейх, победив Советский Союз и утвердив свою гегемонию на континенте, создав ракеты и реактивные самолеты, подводные лодки будущего и, чуть раньше или позже, атомную бомбу — Третий Рейх повернул бы историю мира в ином направлении. И если бы победившая Россию Германия помогла еще Японии в войне против США — неизвестно, чем бы все кончилось.

А вероятнее — мир поделили бы две сверхдержавы: Германия и США.

Сложилась иная пара владык: США и СССР. На противоположном демократии полюсе — красный тоталитаризм вместо коричневого. Но у России не было немецкой организованности и производительности, немецкой науки и технологий — через сорок лет она съела себя сама и рухнула. Коммунизм не прошел по причине собственных пороков! А фашизм не пустил Черчилль.

Британская Империя была обречена в любом случае: она не выдерживала конкуренции с экономикой свободных США, тоталитарной концентрацией мощи Советского Союза и фантастической организацией, технологиями и производительностью Третьего Рейха.

Цена победы была огромна: Вторая Мировая война, 50 миллионов жертв — и гибель Империи. Но! Мир был спасен...

Надпись на старой рукописи

«И когда я вижу, как какие-то поганые дикари, неблагодарные твари, иждивенцы и паразиты, не вложившие в нашу цивилизацию ни капли труда, беснуются на Парламентской площади и вопят, что памятник Черчиллю надо снести, он же был расист — я жалею на миг, что фашизм не победил: он бы указал грязным мразям их место рабов в африканских шахтах, при нацистских господах.»

Надпись на папке с рукописью

«Найдено в лесу неподалеку от сгоревшей когда-то хижины. Автор неизвестен.»

ПРИЛОЖЕНИЕ,
обнаруженное совсем в другом месте и при других обстоятельствах.

«...вин Баррет явно вознамерился написать эдакий супер-роман, который вряд ли сохранился.

Начать он решил со Второй Мировой Войны (хотя ее нельзя рассматривать в отрыве от Первой, это две части одной и той же междоусобной и самоуничтожительной войны Белой Цивилизации, как поняли историки и политики еще в XX веке).

Рассматривая МВ-2 как начало гибели цивилизации, он намеревался перейти к начавшейся после нее Холодной Войне между социалистическим Востоком и капиталистическим Западом. Свободный мир победил, социализм пал.

После чего потребовалось написать третью книгу: о том, как красная чума, коммунистическая зараза, уже распространилась в Америке и привела к крушению государства. Можно сказать: погибший Советский Союз взял посмертный реванш, уничтожив США своей живучей и разрушительной идеологией.

И далее Мелвин Баррет полагал необходимым посвятить по отдельной книге, великому роману в супер-великом романе, так сказать, каждой проблеме, каждой мощной силе, которые совместно и уничтожили нашу (и свою!) великую родину. То есть меньшинствам всех родов, но прежде всего расовым и сексуальным, а также совмещению социализма и национальности в небольшом, но крайне энергичном народе.

На протяжении всех последних лет жизни, судя по письменным артефактам, впадающий в безумие автор переходил от трагических картин с их безвыходным пессимизмом к агрессивным призывам не просто бороться за традиционные ценности, но беспощадно уничтожать врагов всеми способами.

Отщепенец и маргинал Мелвин Баррет славил свою историю, культуру и расу — и однако был не лишен справедливости и милосердия к тем, кого природа обошла своими милостями. Можно было бы сказать, что он просто родился не в свое время, если бы он не родился в конце времен.

Ему не суждено было узнать, что некоторые из задуманных им книг были написаны другими людьми, пусть чуть иначе; а кое-что из придуманного им произошло на самом деле. Как и нам не доведется узнать, какие еще книги, канувшие в исчезнувшем времени, он написал.

Глава 17

ВРЕМЯ ПРАВДЕ И ВРЕМЯ ВЫМЫСЛУ

— Писать, блять?! Литературу, художественную, на хер?! А тебе в окно видно — что там делается? У тебя память не отшибло? Глаза есть? Мозг не отоспал?

А ты не заметил, что писатель давным-давно перестал быть «властителем дум»? Ты вспомни XIX век — кто там «гремел над миром, подобно урагану»? Виктор Гюго! И был Диккенс в Англии, и Марк Твен в Америке, и Толстой в России!.. И даже еще в XX — считай: Хемингуэй, Ремарк у немцев, Ромен Роллан во Франции, и Бернард Шоу с Гербертом Уэллсом еще живы. И что сейчас? Говна пирога! Грязные извращенцы и графоманы!..

Властителем дум стал — ученый! Уже не физик-ядерщик, как в эпоху создания Бомбы. А — астроном! математик! изобретатель! А еще — философ! политолог! компьютный гений! биржевой спекулянт, миллиардер! На хуй никому не нужны твои любовные переживания и пейзажи под луной!

А еще — о! да: артисты! герои сериалов! педерастические музыканты! тупые безголосые реперы — гибрид рваной записи и укушенной обезьяны.

Быдлу нужно жрать, пить, ебать и балдеть. Отродясь они ничего не читали, кроме рекламы. Дурам с дипломами нужен роман, чтоб роковые страсти и благородный хуй, а мудаки с дипломами читают исключительно хит сезона «Как всех наебать и разбогатеть». Плюс биографии тех, кто уже всех наебал и разбогател. И только самые образованные, гуманитарии, блять, читают «художественную литературу». А там давно прописались лузеры, педерасты, наркоманы и психопаты; причем написано это все принципиально говенным языком, писать-то эти уроды не умеют, и вот свое неумение, спотыкач из словаря имбецила, выдают за «сладостный новый стиль», ближе к жизни, сука.

Народу нужен сейчас — приказ выжить. Инструкция по спасению. Краткий анализ обстановки, объяснение причин — и руководство к действию.

Литература сегодня — это прозрение, помощь уму и поддержка духу; это беспощадная правда, необходимая цель, путь к цели — и вера в победу. А свои зеленые листики, голубые небеса, невинные слезы и глубины измученной души — можешь засунуть себе в жопу. Вместе с сюжетом, портретом, характерами и деталями.

У нас на глазах погиб мир — мир погиб! — ты это понимаешь? Вся наша цивилизация! — вся культура наша!

весь народ — пиздой накрылись! И эта гибель еще не кончилась, она еще продолжается, она каждый день, каждую минуту она продолжается!

Люди еще живут, и семьи есть, и кормятся как-то, но это — уже как гниение клеток умирающего организма. И людей уже все меньше, и дел все меньше, и культуры своей все меньше. И каждый день ты все меньше остаешься собой!!!

Что людям надо? Людям надо понять: как же все это вышло? Как же они, такие умные, такие сильные, такие культурные — вдруг стали ничем? Почему ими помыкают, почему их гоняют и унижают, почему они не смеют голос подать, пикнуть против! Почему!!! — у себя дома!!! — они вдруг оказались рабами, плебеями, кругом во всем виноватыми, ничем!!!

Боже мой, каким же надо быть сейчас идиотом, чтобы выдумать неких условных людей, литературных персонажей так называемых, и придумывать им судьбы, чувства, трагедии... Пойми ты: когда человек тонет — ему нужен только воздух, только чтоб держать голову над водой, только твердая бы опора под ногами — а небо там голубое, ах чайки парят, и что костюм старый, и с женой поругался — этого сейчас вообще не существует! Умирающий больной на койке жаждет жизни и здоровья, выздороветь он мечтает и пытается, и новостройка в столице или процент незаконнорожденных для него вообще не существуют! В горящем доме приличные манеры не проповедуют.

— Послушай, ты же образованный, мыслящий человек. Когда спартанцы однажды попросили военную помощь у Афин, те в ответ им прислали двух флейтистов. И они играли перед идущим в сражение строем так, что под впечатлением этой музыки, укреплявшей мужество и решимость, спартанцы победили. Вот так родилась военная музыка. Так что, прости за банальность, когда говорят пушки — музы все-таки не молчат!

— Ты боевой барабан, хоть тамтам дикарей, особо-то с искусством не равняй! Пламенные статьи и патриотические стихи — вот вся военная литература! Лозунг «Родина или смерть!» — вот литературы войны.

Видите ли, уважаемый мой друг, независимо от того, подошли вы к моему столику в этом кафе как поклонник или как критик. Существует обширный круг любителей настоящей литературы, которые убеждены в необходимости соблюдать условленный эстетический канон. Богатый словарный запас, владение метафорой, умение изящно и даже прихотливо строить фразу, отсутствие вульгаризмов, а также приветствуются аллитерации, интонационное разнообразие — все это полагается обычно стилистическим мастерством. Умение работать с деталью, создавать выпуклые характеры и запоминающиеся портреты, эмоциональный эстетический эффект крайне одобряется и производит впечатление, осмелился бы я так это сформулировать. А еще любят легкую и элегически-печальную — совершенно бесконечную, как веревка изо рта факира! — фразу на несколько страниц: чтоб все через запятую, никаких точек, и обязательно с ниспадающей интонацией, такое живописно-историческое перечисление подробностей и сцен минувшей жизни. Но ведь это все техника, друг мой, это всего лишь техника! Которой писатель обязан владеть, коли уж взялся за литературное ремесло, но техника эта ни в коем случае не должна подменять глубинной сути, смысла произведения!

Вот круглый столик, за которым мы сидим, прессованный мрамор крышки серый и пестрый, как голубиное яйцо, две кофейные чашки на блюдцах и два бокала заняли всю поверхность: хозяин использует площадь заведения, люди протискиваются к месту боком. Пузатый мсье задел соседей, там шатко задребезжало, железные ножки стульев проскребли по каменному полу, дождевая пыль влетела в открывшиеся двери, пожилая пара отряхнула и сложила зонты, в зеркале за стойкой отразилась синяя вспышка молнии, зашипела кофеварка и тут же огромными и круглыми жестяными орехами рассыпался над крышами гром.

Но прекрасный Париж, бульвары и площади, памятники и каштаны, грифельный чертеж в фиолетовой дымке, еще никаких мигрантов, был вчера, а сегодня «Боинг», срезая южную оконечность Гренландии, томительно тянется на юго-запад, на юг вдоль канадского побережья, зеленая

зубчатая кромка граничит с синью вод, солнце перемещается в иллюминаторах, поднимите шторки, и вот мы заходим наконец на посадку в ДжиЭфКей, а лица у пассажиров небрежные и спокойные ровно настолько, чтоб всем была заметна эта небрежность и спокойствие, а на самом деле каждый второй представляет себе командира корабля за штурвалом, мужественное лицо, уверенный взгляд, свежая сорочка с галстуком, все под контролем; наивные души не знают, что самолет сажает компьютер, но колеса уже стукнули и покатились под полом, теперь пора перейти к отдельным лицам, к отдельным судьбам и характерам: гладкое личико шатенки в шестом ряду, не протрезвевшие после победы хоккеисты в конце хвостового салона, а вот и полные надежд глаза юноши, закрывшего компьютер, и вся его судьба впереди, полная падений и побед, да я напишу тебе роман о любом человеке, его детской дружбе и первом дне в школе, и как старели его родители, время первых любовей и время свадеб, время рождения детей и окончания ими школ, время похорон родителей, но до этого — деньги и образование, внешность и фигура, сомнения в себе и безграничная юношеская самоуверенность — и каждый день, каждая минута, и чем пахнет в мак-дональде и в гараже, дорогой парфюм на день Благодарения жене и бурбон в баре, чем отличается шелест листвы в парке от шелеста шин на шоссе, и твой первый миллион, и твоя первая ночь на улице, и каждая минута полна мыслей и чувств, и каждый миг происходит общее движение мира вперед, это общее движение складывается из каждого мига каждого человека, я напишу тебе тысячу романов о людях и судьбах, драмах и комедиях, успехах и провалах, тысячу романов, брат, как не хрен делать! Но насчет вперед: куда движется мир? Я тебя спрашиваю: куда мы пришли?! КУДА МЫ ПРИШЛИ???!!! Вот на хуй главный роман.

Человек сейчас хочет понять: если он был за все хорошее и следовал призывам — почему же получилось так плохо? Ему надо разобраться: где его обманули? Что пошло не так? Почему снова — как всегда! как всегда! — добродетель повержена, а торжествует порок? Почему ложь снова надсмехается над правдой? Почему кто работает — тот же

еще и виноват перед нахлебником? Почему собственные дети плюют ему в лицо, за что? Почему здравый смысл и безумие поменялись местами? Почему извращение возведено в норму — и теперь преследует эту норму? В чем же смысл и логика всей этой страшной катастрофы?..

— Это все Шестьдесят Шестой Сонет Шекспира, милый... «И истина, презираемая как наивность, и зло, повелевающее добром...» Ничто не ново под луной.

— Кроме одного. Никогда еще — никогда в истории! — не было так плохо, так ужасно! так безнадежно, как сейчас... Никогда еще не сбывалось в действительности: что пиздец всему.

Надежда умирает последней, вы говорите? Вот о смерти надежды, надежды! — сейчас и речь...

Тому, кто умирает от подлой раны в спину, факт банальности смерти участь не облегчает. Он хочет только двух вещей: выжить — и найти и покарать подлого убийцу. Философская лирика ему сейчас не нужна. Вот если он выживет, и придет в себя, и покарает гада, и все дела его наладятся — то в свободное время, сытый и спокойный, он может погрузиться в философские размышления и насладиться шедеврами мировой лирики. Но сейчас ему не до этого!

Вот поэтому я часто вспоминаю давно забытого Воннегута: «Я никогда не мог понять, как люди играют в придуманные игры, когда на свете столько настоящих игр». Я вспоминаю Киплинга: «Ты играешь большую игру». На кону — не только жизнь расы и цивилизации. Но больше того: наша история, память о нас. Смысл жизни тысячи поколений предков. И будущее потомков: быть ли им вообще.

И еще одно главное — это уже второе: человеку нужны силы, чтобы не сломаться и выжить. Ему нужна сила, нужна гордость, нужна вера в победу. В свою личную победу в жизни! Но вера в нашу общую победу ему тоже нужна.

Человеку потребно знать, что он — прав! Что он — трудяга, боец, соль земли и столп мира! Что есть у него много мелких и разных грехов и грешков — но нет на нем вины за неправильность этой жизни. Если человек знает, что он — сын великой расы и великого народа, великой страны, великой культуры, что за ним славная история его предков, что его земля полита их потом и их кровью, и в этой земле покоятся их кости — этот человек непобедим, и этот народ непобедим.

А для этого не нужны книги. В смысле беллетристика. Не нужны Фолкнер и Хемингуэй, и даже Марк Твен с Юджином О, Нилом тоже не нужны. О дерьме вроде Миллера или Буковски я вообще не говорю, это понос больного времени. Для этого, брат, нужны проповедники! И нужны вожди! Нужны сильные и храбрые. Люди от этой жизни. А не от вымышленной в книгах.

Нужен вождь и пророк, который соберет миллион человек на площади, а еще сто миллионов затаят дыхание перед телевизорами или с телефонами в руках. И тот, кто силен их силой и горит их жаждой, скажет им, прокричит им громовым и сорванным голосом, и слезы ярости и любви будут звенеть в его голосе: этот избранник истории и народа выразит все то, что жжет и томит их души. Он прокричит им об их гордости и об их унижениях. О трудах, плоды которых у них украли. О родной земле, которую завещали им отцы и деды. И о враге, который поработил их ум и забрал их силу. И тогда каждый станет бойцом, и каждый станет кровным братом ближнему своему. Ближнему! — а не всякой швали, паразитам и кровососам.

Вот поэтому, брат мой, я пишу, как могу и насколько Всевышний дал мне сил, о нашей трагедии и наших врагах. Как умею — я раскрываю людям глаза на происходящее. Насколько хватает моего ума — я пытаюсь освободить их ум от паутины лжи и фальши, которой опутали нас негодяи. Всемирные негодяи, желающие владеть всем и превратить нас в покорных животных.

Я напоминаю людям, что они — хозяева мира, и любой, кто хочет унизить их, должен быть уничтожен. Пусть не сегодня, пусть не здесь и сейчас, но необходимо хотя бы понимать, что поработители наших умов и душ заслуживают уничтожения и позора. Я призываю людей жить своим умом и не верить сладкоголосым сиренам «Нового Мирового Порядка». Я утверждаю вечные истины: хороший работяга должен жить хорошо, плохой — плохо, а паразит не

должен жить вообще. Я приговариваю: вор должен сидеть, а убийца — висеть. И пусть каждый живет в своем доме и не идет жить в чужой.

«Никто, кроме нас!» Нынешний Римский Поп — левацкая мразь, продажная тварь неосоциалистов. И тогда напоминаю я: Мы создали великую иудеохристианскую, евроатлантическую, белую цивилизацию — и никто не смеет отменять Десять Заповедей Господних! На том стоим и стоять будем! Не воруй, не убий, не лжесвидетельствуй, почитай отца своего и мать свою, не мужеложествуй!

Настало время сильных людей, брат. Настало время оружия. Победят и оставят семя свое храбрые, и сгинут слабые. И самый страшный грех в такие дни — это слабость. Слабость, нерешительность, неуверенность в себе. Время думать — и время действовать, время сомневаться — и время принимать решение. Барабаны грохочут в моем мозгу, боевые флейты поют в моей душе! Дерись и побеждай, будь сильным и не умри!

Да пойми ты: вот и настал Армагеддон! Свет и Тьма вступили в последнюю борьбу. Или победит человек — или мрази, дети Сатаны в человеческом облике соединятся с машинами, компьютерами, электронными устройствами — и киборги придут в наши дома, отнимут наш воздух и наш хлеб, и кончится история Человечества, и начнется история Постчеловечества, цифровых программ в чипах, породненных с генетически модифицированным сверхчеловеческим существом.

...Вот поэтому беллетристка кончилась, брат. Она возродится. Когда мы победим — и если победим. И я пишу о том, что нам приказано выжить. Судьбою и Богом, историей и нашей гордостью — нам приказано выжить! Все остальное не стоит выеденного яйца.

КНИГА IV

Глава 18

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

политический роман

Ни Уоллис Симпсон, вышедшая после второго развода замуж за Эдуарда VIII, что стоило ему королевской короны Великобритании и превратило в герцога Виндзорского, никто из ее многочисленного семейства и родни, никогда слыхом не слыхивали о семье Барретов. Слишком огромная разница лежала между ними, слишком скромны в жизни были последние.

А потому нет никаких оснований считать, что Джаред Симпсон, правнук Френсиса Симпсона, младшего брата Уоллис, мог каким-либо образом узнать о неопубликованном романе Мелвина Баррета «Гибель Британии». Но. Френсис был страстным поклонником герцога Виндзорского. Отказавшийся ради его сестры от короны парень был кумиром Френсиса. Эндрю, это четвертое из своих семи имен предпочитал герцог, намекая на святого — покровителя Англии, Эндрю был чертовски славным малым, обаятельным, открытым и романтичным. Кстати, он всю жизнь полагал, что если бы Англия в свое время заключила мир с Германией, удалось бы не только избежать мировой войны, но и сохранить Британскую Империю.

Когда герцог умер, Джареду было семь лет, и он запомнил прямую английскую трубку знаменитого двоюродного прадеда, его костистые руки и какую-то нестарческую миловидность лица, на котором улыбка и насупленность сменяли друг друга мгновенно. Собственно, он видел Эндрю один раз, на годовщине их с Уоллис свадьбы, это было сугубо семейное торжество, и в тот год они всей семьей полетели в Париж, где жил герцог. В разговорах между собой тот дом они часто называли дворцом, а герцога — несколько фамильярно «королем»: это повышало их семейное самоуважение. Своего собственного прадеда Френсиса Джаред в живых не застал, но обожание Эндрю передавалось в поколениях. Собственно, породненность с королевской династией Великобритании было главным пунктом их престижа и фамильного самоуважения; ну, не без некоторого снобизма.

Итак, американский патриотизм двадцатилетнего Джареда в 80-е годы XX века носил форму дерзкой борьбы за социализм и ненависти к эксплуататорской Америке. Но семейное воспитание не вытравишь: он хранил пиетет к королевской фамилии и преклонялся перед решающей ролью Англии в уничтожении фашизма. К этому возрасту он не был согласен с германофильством великого прадеда, пусть и двоюродного. Он гордился родством и чтил его память — но понимал, что победа СССР и возникновение Мирового Лагеря Социализма — прекрасная, необходимая и справедливая вещь. Жертвы войны — ужасны. Но победа социализма — благотворна и неизбежна. Тогда Джаред учился в Нью-Йоркском университете, и книжный магазин на Бродвее в Нижнем Манхэттене, почти напротив их факультета, выставлял на витрине прямо перед входом Маркса, Троцкого, Мао и Маркузе.

Темой магистерской диссертации он избрал «Англо-Американский империализм как идеология Холодной Войны». Фултонская речь Черчилля. Колониальная политика. Общество потребления. Милитаризм и обогащение корпораций. Против народной экономики и справедливого распределения благ в странах, нацеленных на гармоничное развитие личности каждого и ликвидацию эксплуатации человека человеком.

Потом он стрелял в полицейского, потом отсидел в тюрьме четыре года, потом вышел и женился, потом писал статьи, преподавал в Беркли, растил детей, боролся за внедрение прогрессивных взглядов и ценностей, потом

черные подростки, играя в «белого медведя», сломали ему челюсть и устроили сотрясение мозга; потом все пошло вразнос, «позитивная дискриминация», черные и латиносы могут быть тупыми, но не могут быть неуспевающими, потом легализовали открытое воровство в магазинах на сумму до 950 долларов, потом загадили весь штат; потом произошла Катастрофа.

Жена Джареда однажды ушла за чем-нибудь съестным и не вернулась, дочь работала в легислатуре Орегона, сын, похоже, ушел в партизаны и от него не было вестей.

В конце концов Джаред перебрался — это было непростое и небезопасное путешествие — на Аляску. Нашел там заброшенную хижину. На запасной свитер выменял футов тридцать лески и пяток рыболовных крючков. Ржавый топор нашел на брошенном складе среди гирь, наточил о камни, ножом вырезал какое-никакое топорище. Несколько старожилов научили его ставить силки на мелкую дичь и птиц, а рыбу ловить он умел в детстве. Наш профессор стал вести натуральное хозяйство.

И вот здесь, джентльмены, о, какой здесь произошел роман! Это сага, это эпос, это символизм такого масштаба, что Герман Мелвилл сам прыгнул бы в пасть Моби Дику быстрее Ионы и разразился рыданиями горше Иова. Ибо нашему англофилу и прогрессивисту в одном лице, нашему Джареду Симпсону, так сильно побитому жизнью, но, значит, мало она его била, а лучше бы убила до смерти еще в детстве, как не раз взывал и клялся он в Темные Годы, нашему интеллектуалу и родственнику незадачливого короля пришла в голову блестящая мысль повторить опыт отцов-пилигримов.

Вы чуете? Их там было человек сорок в том поселке. Из них восемь семейных мужчин, восемь замужних женщин соответственно, три старика и одна старуха, две девушки, несколько подростков и пятеро детей. И несколько холостяков. То есть полноценных работоспособных мужчин человек двадцать. И наш Джаред Симпсон, удачно поймав хорошего лосося и сытно пообедав, поправив на камне нож и побрившись, надев чистые высушенные рубашку и куртку (они замачивались в моче, и потом терлись

золой и выполаскивались в проточной воде, древний способ, который восстановили в отсутствии моющих средств) — наш Джаред Симпсон собрал народ на ровной площадке между домами. Он ведь был профессор. Имел опыт бунтаря и заключенного. И он был родственник короля, черт возьми! И он произнес речь.

Вы все этих речей еще в мирные годы от CNN наслушались, а умные в «Нью-Йорк Таймс» начитались. Джаред говорил о том, что работать вместе, артельно, бригадой, коммуной — гораздо лучше, чем поодиночке. Это повышает производительность труда. И можно не только ловить рыбу, а у кого есть ружье и патроны — охотиться на оленей. Но и сеять хлеб. И каждый будет заниматься своим делом, кто что лучше умеет. И все объединят свои труды. И продуктов будет гораздо больше. На всех хватит. И общее собрание будет все делить — поровну и по справедливости.

Это был берег Среднего Шандалара, и выпускников университета в поселке не оказалось. Народ был простой. Половина из старожилов, половина — новые приблудные, вроде Симпсона. Складная и обольщающая речь их впечатлила. Симпсон достал заранее заготовленную бумагу, конституцию их маленькой коммуны, и все ее подписали, кроме детей до шестнадцати лет.

Необходимо упомянуть о двух мелких обстоятельствах, которые оказались крупными. Во-первых, Симпсона, само собой, избрали старостой. Во-вторых, в коммуне оказались: один коренной американец, которого все так и звали: Индеец; он охотно откликался. Два молодых чернокожих. И три латиноса: муж с женой и их семнадцатилетний сын. Плюс кореец Пак. Джаред приветствовал как первое обстоятельство, так и второе: он радовался и уверял, что разнообразие и мультикультурность — именно то, чего им не хватало для успешной жизни, это сделает их сильнее.

Далее — читайте историю Плимут-Рока с поправкой на мультикультурность. Джареду хватило ума назвать их маленькую коммуну Джеймстауном. А лучше бы он назвал ее Пиздец. Чему их там учили в их школе и этом долбаном университете — невозможно себе представить.

Двух негров на запретную букву «н» звали Л. Б. Джонс и Рейвон. Л.Б. означало Лорд Байрон, его полное имя. Они были славные парни, и имели только один недостаток: как только никто не видел, они прекращали делать что бы то ни было. Они хотели быть охотниками, только пусть им дадут ружье. Коллектив умнел на глазах и сообразил, что с охоты они ничего не принесут, зато оправдание железное: ну не попалась дичь.

Охотником решили было сделать Индейца как человека, понимающего лес, но спохватились, что природный индеец с ружьем, скрывшийся в лесу — это еще не гарантия мясного обеда коммуне: ему и так хорошо будет, а ну как приведет других индейцев пограбить бледнолицых?

Латиноса звали Рикардо, и никому не нравилось, что он ходил с ножом в кармане, хотя вел себя мирно. Вот только черных он переносил плохо и работать вместе с ними отказывался. Рикардо в юности сбежал из Венесуэлы, но что-то от старой закваски в нем осталось: он ходил искать грибы, большую часть сушил на зиму, но и свежие, и сушеные употреблял на магическое варево, от которого стекленели глаза, а изо рта вылетали любовные стоны вперемежку с боевыми криками. Излишне говорить, что Рейвон и Л. Б. Джонс были его постоянными клиентами: расизм расизмом, а бизнес бизнесом. Общее собрание постановило грибы отобрать и уничтожить, и после реквизиции и сжигания в костре у экзекуторов выпучились глаза и потекла слюна. Рикардо сказали, что если еще раз увидят его грибы — убьют, после чего грибов никто больше никогда не видел. Но гнусные проявления этого дикарского наркотика иногда наблюдались даже у тихого трудолюбивого Пака.

Вам уже все понятно. С огромными трудами наши коммунары добыли и принесли на себе мешок картошки и три мешка пшеницы. Посевную провели в праздничном настроении. Посаженная картошка сгнила, посеянная пшеница не взошла. Не то почву выбрали неподходящую, не то зарыли глубоко. А ведь все были уверены, что дело пойдет! — потому что каждый полагал, что другие-то позаботятся обо всем лучше.

Потом пошло по классическому сюжету. Сначала женщины отказались стирать одежду для всех мужчин и готовить пищу для всей коммуны — тем более, что и готовить было особенно нечего. Потом мужчины выяснили, что за своими сельскохозяйственными упражнениями они упустили время нереста лосося, рыбы стало меньше, и заготовки основной пищи на зиму явно не покрывают потребности. А ведь еще недавно дружно рыхлили землю и бросали зерна, еще недавно вместе делали удочки и ловушки для рыбы!..

Утонул Джек Кантуэлл, самый здоровый мужик во всей коммуне. Кто-то украл у безотказного работяги Пака бутылку с какой-то микстурой, которой он очень дорожил, бедняга плакал и просил отдать. Потом лег снег, речка встала, вытапливать рыбий жир для светильников было не так просто людям вчерашней цивилизации.

Тогда началась трагедия. Вся пища — в основном вяленая, сушеная и копченая рыба, еще женщины насобирали за лето клюквы и брусники — хранилась теперь на общем складе. Дверь склада закрывали на замок. Однажды утром пробой замка оказался выдернут из трухлявого косяка двери. Пропажи не отметили — видно, вор взял немного. Но после этого решили ввести ночные дежурства — а зимние ночи на Севере бывают по восемнадцать часов...

Очень трудно перечислить все события той зимы коротко, и нет смысла перечислять их долго. Редклиф Смит, дежуря по складу, убил Л. Б. Джонса: тот с Рейвоном раскачали и вынули бревно из задней стены, Редклиф на шум обошел склад и со всей злобой ударил Джонса, тащившего связку рыбы, по затылку. Удар пришелся неудачно (или удачно, с чьей точки зрения смотреть) и сломал вору шею. Наутро судили Рейвона: дали ему еды на пять дней и приказали идти вон куда хочет. Вряд ли он выжил в ледяной пустыне.

Пропала любимица коммуны, старая ездовая лайка, исполнявшая роль сторожевой собаки, сторожить было нечего, но придавало хозяйству уюта, о корме для нее не жалели. Все переглянулись, подступили к Паку, в его хижине обнаружились следы преступления: гад ее съел. Бить его не

стали, тихого и работящего, но на месяц лишили еды (и так мяса нажрался, сволочь); месяца Паку не понадобилось, он умер через три недели.

В январе вспыхнул бунт: еду получали по едокам, соответственно бездетные, составлявшие большинство, потребовали делить теперь еду по работникам. Дети не работали — а чужие люди их содержать не обязаны. Измученный Джаред рыдал и уговорил собрание отпускать детям хоть половину взрослой нормы. Началась драка, и в результате пошли на склад: инвентаризовать и разделить всю еду по людям и семьям. Все следили за дележкой зло и зорко.

Ночью Джаред тихонько постучал в дверь Рикардо, унижался и клялся, и обменял кусок рыбы на полчашки грибного отвара. Пить Рикардо велел прямо здесь — в метели за дверью, и чашку сразу забрал: у него лишней посуды нет. Приход обещал через четверть часа. Через четверть часа стены джаредовой хижины раздвинулись, в окнах засветилось сиреневое зарево, сделалось тепло, все помчалось в витом фиолетовом тоннеле, и никакого отчаянья не было вовсе; и даже наутро, когда проснулся, жить стало легче. Коммуна кончилась. И хрен с ней.

Из всех женщин беременной оказалась только пятнадцатилетняя Дасия, дочь Рикардо. Рикардо объявил об этом сам — и указал на Джареда. Всхлипывающая дочь подтвердила. Джаред изумлялся, возмущался, и поскольку был искренен, то выглядел в глазах людей фальшиво. Очевидно, план Рикардо состоял в том, чтобы породниться с каким ни на есть начальником: должно же быть у него припрятано что-нибудь съестное и хорошее? и вообще он власть, а это полезно.

У Джареда не нашли ничего сверх положенной еды и стали выбивать признание. Били долго и старательно, хотя не сильно: сил уже было мало.

Назавтра мертвым оказался Ричи-Хромой, который бил Джареда злее всех, и народ притих. Ричи, конечно, сильно отощал, но совпадение странное... Джареда оставили в покое.

А с ним что-то случилось. Последующие события его уже не трогали. До весны и тепла Сэм-Затойчи зарезал

Морриса, на Сэма набросились, скрутили и повесили. А Шейла, жена Коротышки Норвуда, повесилась сама. За поселком выросло свое маленькое кладбище. Началась цынга, старинная болезнь, ну, от такой-то кормежки. У Джареда стали выпадать зубы, десны кровоточили. А ему было плевать. У него появились два дела, оба серьезные.

Во-первых, он люто возненавидел всю левую доктрину. Левую идеологию, теорию, пропаганду, любые левые взгляды и примеры из истории. Левые убеждения и левая практика — вот к чему они привели его, и их поселок, и страну, и мир. Вот он — одинокий, старый, больной и голодный изгой, вознагражденный благодарными людьми за все, что пытался для них сделать. Он бы лично загнал в газовую камеру Маркса, заморозил в Сибири Ленина, расстрелял Че Гевару, а Меркадеру дал денег на новый ледоруб для Троцкого.

Во-вторых, он писал роман. Мысленно писал, в голове. Преодолевая голод, он уже четырежды относил ночью Рикардо куски рыбы и бережно, растягивая каждую каплю наслаждения, выцеживал полчашки волшебного напитка. Рикардо проникся к нему некими родственными чувствами, забывшись называл зятем, и рассказал кое-что про Кастанеду. И в мире, который постигал Джаред, все тайное стало явным и проявилась картина. Это и был роман.

Роман был подобен ветвистой грибнице, сотканной в черноте из тонких синих молний. Эта вспыхивающая синяя паутина искрила узелками пересечений и испускала мгновенные иголочные лучи в разные стороны. То был роман об их коммуне.

Ведь у каждого были отец и мать, бабушки и дедушки, кучи предков: когда-то они покинули Старый Свет и добрались до Америки, чтобы на новом голом месте, с нуля, в нищете и неизвестности, начать новую жизнь, рассчитывая только на собственные силы. Они пахали землю, пасли скот, строили дома и прокладывали дороги; рожали детей, старались дать им образование, копили деньги на их свадьбы; они надеялись на счастье и дороже веры в Бога была им вера в Великую Американскую Мечту: трудись, дерзай, верь — и ты можешь добиться всего. Они выбивались из

бедности в скромный достаток, переезжали с места на место, забывали своих предков, работали и верили, молились и пьянствовали, воевали в Гражданскую и за океанами, гордились родственниками, выбившимися в большие люди, выплачивали кредиты и плакали, когда сильное горе. А ведь предков Л. Б. Джонса и Рейвона привезли сюда в трюме закованными, и еще сто лет они собирали хлопок на плантациях, и бедствовали после Гражданской войны, и еще сто лет жили как черные скоты, унтерменши, мечтая о равенстве не для себя, так для детей: и вот Джонса и Рейвона уже нет в живых. А предки Рикардо и его жены плыли когда-то из Испании, чтобы потом жениться на индейцах Центральной Америки, а потом кто-то породнился с черными африканцами, сбежавшими с плантаций или уже освобожденных из рабства, а потом были войны за независимость, а потом процветание и следом нищета, а потом пешком, месяцами, через границу в США, а банды, а MS-13, а наркоторговцы, а гроши за сезонный сбор фруктов, а потом Катастрофа и Темные Годы... А Индеец — он был из атапасков, ингалик, он рассказывал; до прихода белых — сначала русские, потом англичане, потом американцы — атапаски были свободным и сильным союзом племен, охота на оленей и песцов, обильная рыбалка, они не знали голода, не знали болезней и виски, но белые растворили их в себе, подчинили своему духу и своей культуре... и вот Индеец ушел, когда, куда, как? никто не видел; а он был молчалив, вежлив, но с юмором, в нем не было зла. А мы, мы!.. голландцы и французы, англосаксы и немцы, ирландцы и итальянцы, шведы, поляки, датчане — мы ведь все давно перемешались, в нас кровь многих народов, гены Столетней Войны и Реформации, мушкетеров Луи XIV и гренадер Великого Фридриха, голландских матросов и немецких крестьян, французских виноделов и английских лучников, потяни каждого из нас, как морковку из грядки — и за ним потянется все ширящийся и бесконечный пучок предков, от которых мы взяли их кровь, их гены, их темперамент и ум, их задиристость и трудолюбие, их любовь и надежды. И каждая несчастливая влюбленность каждого из наших бесчисленных предков, каждая свадьба и рождение каждого ребенка, каждая смерть и каждый успех в работе и достатке — все это продлилось в нашу жизнь и остается основанием нашей жизни. Кому же по силам написать этот бесконечный, бескрайний роман о человечестве, вся сущность и вся судьба которого выразили себя в нашем крошечном и злополучном поселке?

Вот что я познал здесь, печально и гордо подумал Джаред. Вот в чем смысл нашей здесь жизни. Вот — вся основа, весь каркас великого романа о нас. Мы — это история всей Америки. Только трогай уходящие вглубь истории нити осторожно, не порви их, бережно вытягивай на свет — и закрепляй словами, чтобы они не распались навсегда и не исчезли.

Хуй я напишу такой роман, вслух сказал Джаред, привыкший за последний год к грубой прямоте речи. Он подумал еще о красках и звуках, о снежном покрове зимой и голубом небе в речке летом, о зеленой траве, серебристой форели и ее розовом мясе, о смеси океанского ветра и духа немытых тел на парусном корабле переселенцев, о джунглях Африки и солнце плантации, о черной борозде за плугом, который тянет пара быков, о заводском гудке в шесть утра, об адвокатских конторах и банковских закладных, шорохе асфальта под колесами и гуле в барах, о ногах, сбитых в дальних пеших переходах и стирке в моче, к которой уже привыкли...

— Хуй напишу я такой роман — признал он свое поражение и впал в любимое и ничего не стоящее занятие: стал внимательно и ностальгически перебирать годы и дни своей замечательной прошлой жизни. Где его не устраивало только одно: как всякий неофит, он люто ненавидел свои прошлые взгляды, от которых отказался так решительно.

...Так однажды и вспомнил магистерскую диссертацию и решил написать другой роман — о холодной войне.

Ему не было дела до вовсе не знакомого ему Мелвина Баррета и его великого романа, да хоть бы и не великого, да хоть бы и «Гибели Британии». Но. Вы поняли. Два немолодых мужчины, белые христиане и нормальные гетеросексуалы, те, на ком поднялась и стояла Америка, пока не

рухнула — попав в одни обстоятельства, волею этих обстоятельств выказали едва ли не полное сходство судеб. И, будучи людьми одного замеса, одной генерации, одной культуры и одной судьбы — они запитывались из одного информационного облака.

Роман он решил так и назвать:

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

И вкратце он был таков:

Глава 1. *Фултонская речь Черчилля*

С нее, как принято считать всеми прогрессивными мыслителями и историками, началась Холодная Война. Произнесена 5 марта 1946 года в Вестминстерском Колледже, Фултон, штат Миссури. Черчилль, позорно и драматично проигравший выборы апреля 1945, был теперь лидером парламентской оппозиции. И это был частный визит, старик отдыхал.

Однако, как с удивлением осознал бывший либерально-коммунистический историк (простите, это термин Джареда Симпсона), речь, которая изначально называлась «Мир во всем мире» (World Peace), и только потом ходила под рабочим названием «Железный занавес», была указанием на опасность новой войны и ее категорическую недопустимость, и призывала именно к миру, именно не дать разжечь новую Большую Войну! А с учетом реалий — необходимо создать Европейский Союз и его армию, соблюдать баланс сил с СССР и гасить возможность войны в зародыше. Гм. Вот так штучка.

Черчилль сказал, что Советы опустили Железный Занавес через весь континент от Балтики до Адриатики, отгородив страны Центральной и Восточной Европы от остального мира, и насильно устанавливают там коммунизм; это плохо, опасно, чревато противостоянием и конфликтами.

Черт возьми. Не более чем констатация. Эта речь оказалась призывом к миру!.. М-да... А мир Советский Союз будет соблюдать при одном условии: если война будет для него означать не явную победу, а катастрофу. Потому что пятая колонна коммунистов, проплаченная и инструктируемая Москвой, работает на подрыв и уничтожение свободного общества во всех демократических государствах. О Господи... что же я всю жизнь делал?..

О! — картины и детали! Условие Черчилля для произнесения речи: пусть президент Трумэн едет вместе с ним. И специальный для них поезд, стекла вагонов и открытая площадка, вокзал, свита, репортеры, вспышки камер. Охрана, отель, автомобили, студенты, толпа, полицейское оцепление. Сигара сэра Уинстона и его жест «виктория» — два пальца рогулькой, его котелок и лицо бульдога, полосатые брюки; напор и обаяние его речи! И туча прессы, разносящей его слова по всему миру.

Глава 2. *Персидские мотивы*

С чего же этот зоологический антикоммунист произнес свою агрессивную милитаристскую речь, так ненавидимую нами почти сто лет (писал Джаред Симпсон)? Что стряслось? Он же недавно клялся в дружбе маршалу Сталину, которого чтил? Зачем опять он протрубил крестовый поход Запада на Россию? После такой кровопролитной войны, в которой Россия сыграла главную роль, заплатив за уничтожение гитлеровской Германии 20 миллионов жизней своих граждан? (Или 27 млн. Или 42 млн! Даже сосчитать невозможно!)

Вот отдельный роман — многотомная эпопея. Здесь убийство в Тегеране великого русского поэта Грибоедова и подаренный за это императору Николаю I знаменитого алмаза «Шах». Вглядываемся глубже: за последние 300 лет — 7 русско-персидских войн, и во всех Россия выступала агрессором, расширяя свою территорию и влияние.

Шальвары, тюрбаны, кривые сабли, всхрапывают арабские скакуны — и неостановимое движение русских пехотных колонн: бухают сапоги, блестят ряды штыков, скрипит песок под колесами пушек. Сады за глиняными стенами, изразцовые купола мечетей, стервятники кружат над пустыней в белесой голубизне небес. Мечта солдата: изнасиловать красавицу-персиянку, набрать узелок золотых колец и драгоценных камней и принести в Россию на дне ранца.

Итак, в июле-августе 1941 СССР и Англия оккупировали Иран — соответственно северную и южную части.

Для безопасности от немецких агентов на маршруте ленд-лиза США-СССР: через Иран шла четверть всех грузов. По договору, войска должны следовало вывести через шесть месяцев после окончания Войны, то есть победы над Японией. До 2-го марта 1946, короче. Англичане и вывели.

А Сталин не вывел. Более того. Еще осенью 1945 на севере Ирана возникло марионеточное сепаратистское правительство Иранского Азербайджана, провозгласившее независимость части Ирана, прилегавшей к Азербайджанской Республике СССР. В иранском Курдистане была создана Республика Мехабад. Советские войска не позволяли Ирану ликвидировать мятежные образования. Иран подал жалобу в Совет Безопасности ООН — это была первая жалоба туда. ООН единогласно приняла резолюцию СовБеза — вывести наконец Советскую Армию. И? 4 марта советские танковые колонны двинулись к Тегерану, а также к границам Турции и Ирака. К ним оказались свои территориальные и другие претензии. В мире началась паника. Пахло Третьей Мировой Войной на Среднем и Ближнем Востоке. 5 марта пошли новые танковые колонны.

5 марта Черчилль и произнес свою речь. Его призывы обеспечить мир и были объявлены в СССР призывами к войне.

Однако в результате к 9 мая 1946 советские войска все-таки заставили уйти из Ирана. Вслед за чем немедленно рухнули заключенные недавно между СССР и едва им не свергнутым иранским правительством договоры о нефтяных концессиях. Пыль от танковых гусениц на дорогах, лязг и крики на железнодорожных станциях, набитые счастливыми отвоевавшимися солдатами поезда, злая ругань в Кремле.

Сталину не удалось встретить День Победы, праздничную первую годовщину, в Тегеране, Багдаде и Стамбуле. Ах, какая операция сорвалась! Какой рывок к черноморским проливам и Индийскому Океану!..

Войдя в раж, Джаред топал опухшими ступнями и гоготал, ругаясь грязными словами в адрес подлого британца и пытаясь придать голосу грузинский акцент, который получался у его Сталина скорее китайским. И стучал по столу воображаемой трубкой.

Глава 3. *Греческая смоковница*

А в Греции разгоралась гражданская война между государственными войсками легитимного правительства — и Народно-освободительной армией, по сути боевым крылом коммунистов. Коммунисты финансировались Москвой, инструктировались и вооружались Москвой и собирались строить в Греции коммунизм. Весной 1945 никто отнюдь не гарантировал, что победят правые, а не левые.

Вот тебе и оливковые рощи на каменистых желтых склонах, и белые домики с голубыми окнами и дверьми, и брынза с лепешками, и мраморные руины античных храмов...

Глава 4. *Восточный вал*

С севера на юг, от Балтики до Средиземного моря: Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария. Везде коммунистические партии растут и крепнут с фантастической скоростью. И выкидывают из власти социалистов и демократов, как кукушонок выбрасывает исконных птенцов из гнезда. И везде московские эмиссары, деньги и инструкции, и держится все на советских оккупационных войсках. Не для того Сталин очищал Европу от фашистов, чтобы пустить занятые страны на самотек: вы теперь свободны, делайте, мол, что хотите. Шалишь! Наша кровь, наше железо, наша сила — наша будет и власть.

Из-под германской оккупации эти страны попали под оккупацию советскую, но Сталин умнее Гитлера: мы нарисуем всем декорации самостоятельности. А делать будете, что мы решим.

Польша: с 1944 г. у власти посаженное Советами и сформированное в СССР коммунистическое правительство.

Болгария: сразу после оккупации Болгарии советскими войсками произошел коммунистический переворот.

Венгрия: сразу после оккупации была образована республика, тон в парламенте задавала стремительно растущая фракция коммунистов.

Румыния: после оккупации премьером сделан социалист, советская марионетка, возглавляющая стремительный рост влияния и приход к власти коммунистов.

Чехословакия: разумеется, на «выборах» в 1946 г. побеждают коммунисты.

Плюс «вольные коммунисты» Югославии и Албании, которые сумели, получая советские деньги и оружие, извернуться и взять курс на построение коммунизма самостоятельно, не по указке и лекалам Москвы. Что крайне раздражало Москву, но не делало закрытые тоталитарные режимы Албании и Югославии свободнее.

Глава 5. Слухи

Широко циркулировали слухи, не могущие быть подтверждены задокументированной секретной информацией. Что в местах соприкосновения советских и американских войск в апреле 1945 года кое-где те и другие, достигнув демаркационной линии первыми — иногда преследуя отступающего противника, иногда по ошибке — залезали на территорию, размеченную на карте для союзника. Позднее, в мае, на всех таких (немногочисленных) участках происходило организованное разведение войск.

Но. Слух утверждали, что имели место боестолкновения, иногда масштабные. Инициатива всегда исходила от советской стороны. Выполняли полученный приказ: если союзник не отойдет в точно, до минуты, установленный срок — начинать движение вперед, выдавливая противостоящие части; в случае же сопротивления — подавлять его силой.

Фронтовики утверждали: был негласный приказ — прощупать американцев штыком, чего они стоят.

(И до могилы вздыхали меж собой многие советские ветераны: «Эх, весной 45-го надо было идти дальше! Всю Европу прошли бы, до океана. Кто мог такой армии противостоять тогда? Да никто не мог!»)

Глава 6. Так кто начал холодную войну?

Джаред Симпсон пришел в бешенство. Оказывается, он все это всегда знал. Раз помнил. Но знать не хотел! Знал — а верить не желал!

Так какого хрена вам надо от старика Уинстона?! — завопил он.

Блять! Они хотят захватить весь Средний Восток, их танковые колонны идут сокрушать независимые государства, они установили тоталитарные марионеточные режимы во всей Восточной Европе — и они имеют наглость лгать в глаза, что это Черчилль объявил им Холодную, видишь ли, войну! А сами содержат Коммунистическую партию США, финансируют их вонючую газетенку, врут с неправдоподобной подлостью, что нищие и бесправные русские рабочие — видите ли, живут богаче и счастливее «угнетаемых американских пролетариев»! И заявляют вслух, открыто, что родина пролетариев всех стран — это Советский Союз, до зубов вооруженный и с голой сракой, и надо в Америке тоже установить советскую власть по указаниям Москвы!!!

Боже мой, с безнадежной скорбью подумал Джаред Симпсон. А ведь я мог бы заниматься спортом, стать зеленым беретом и бить русских во Вьетнаме и Афганистане. Хоть бы какая-то польза была от поганой моей жизни...

Глава 7. Когда началась холодная война?

Погодите, наморщил пятнистый лоб Джаред. Но ведь еще в 1943, разорвав отношения с лондонским Польским правительством, Советы фактически объявили холодную войну Западу. Они сочли Правительство Польши утратившим силу, статус, чего там еще, в сентябре 1939, когда вступили в оккупируемую Польшу с востока, навстречу вермахту. А признали вновь в июле 1941, и правительство, и польское государством с его границами — вынужденно, официально, тогда они и черта рогатого признали бы: а правительство сидело в Лондоне, и англичане считали его очень даже правомочным, потребовали признать, а без помощи союзников Советам был конец.

То есть. Холодная война началась еще в 1943 году, если разобраться. Зачем? А в 1944 Красная Армия дала немцам уничтожить Варшавское восстание, а потом сама уничтожила все руководство Армии Крайовой, подчиняющейся именно законному правительству, и посадила во власть

своих марионеток. Это что? Это Сталин начал захват Европы. СССР еще получал горы оружия и припасов от Америки, английские моряки еще гибли в полярных конвоях с грузами для Советов, а недружественные, захватнические действия русских уже начались.

Так. А когда в январе 1945 в Будапеште был арестован чекистами и сгинул в подвалах Лубянки Рауль Валленберг, дипломат, швед, нейтрал, спасший тысячи евреев от уничтожения, не сделавший ничего против СССР — это было что? Теплый мир?

Погодите. А когда во время войны американские бомберы, отработав по Японии, садились иногда на вынужденную на советском Дальнем Востоке? Экипажи интернировали, а самолеты забирали себе: их потом изучали и копировали, выпуская свои безлицензионные копии под видом якобы самостоятельных моделей. Советы оправдывались, что перед японцами обязаны соблюдать мирный договор. Отхватить потом у японцев Курилы это им не помешало.

А война с Финляндией и аннексия Прибалтики — это не Холодная войны? Ах нет — это горячая. За это из Лиги Наций исключили.

СТОП. В голове у Джареда повернулось на один щелчок еще одно колесико, и все цифры сложились в комбинацию, открывающую сейф. И очень просто.

А когда вообще Советский Союз не вел против Запада холодную войну? То есть: войну идеологическую, сопровождающуюся политическими акциями и диверсиями, экономической поддержкой подрывных элементов...

Коминтерн!!! III Интернационал!!!

Он создан в 1919 году. Еще шла Русская Гражданская война. Он задуман как всемирный центр по подготовке и проведению социалистических революций во всех странах. Во всех странах должны быть созданы компартии. Москва — центр их подготовки, инструктажа, финансирования и вооружения. В СССР их вожди будут лечиться, проходить проверку и получать указания. А по всем странам надо вести пропаганду, издавать газеты, агитировать бизнесменов и журналистов, политиков и военных, создавать повсеместно рабочие красные ячейки — чтобы в конце концов свергнуть капитализм и построить социализм.

То есть. Советы НИКОГДА не скрывали своей непримиримой ненависти к Западу, его ценностям и свободам — и делали все, чтобы подготовить и провести его свержение.

Как сказал Хрущев, приехав в США: мы вас похороним!

И после этого вы смеете заявлять о Черчилле, объявившем Холодную войну?!

Глава 8. Киноэпопея

1918 год. Кончилась Великая Война. Еще свирепствует испанка. В России бушует Гражданская война. Красный террор: расстреливают заложников по классовому принципу: юристы, профессора, журналисты, конторские служащие, учителя и офицеры — все это буржуазия, враждебный класс. Десятитысячные массы конницы сверкают шашками. Грохочут орудия бронепоездов. Наемные карательные отряды латышей, китайцев и мадьяр наводят ужас на крестьян. Пулеметы косят наступающие полки.

А Ленин в Кремле исповедует и реализует доктрину Мировой Революции. Устанавливаются социалистические красные республики в Персии и Ирландии, Германии и Венгрии, золото и винтовки идут к коммунистам Италии и Франции, в Москве эйфория: скоро расстреляем и перевешаем всех буржуев, весь мир будет принадлежать пролетариям!

...мечутся в тифу, носят дешевые одинаковые одежды, живут по пять семей в одной «коммунальной квартире» — один туалет на всех, ванны и душа нет, раз в неделю ходят в баню; свободная любовь, нудисты в трамваях, абстрактное искусство; тотальная милитаризация, дети учатся колоть штыками, девушки в красных косынках стреляют из винтовок и пулеметов...

Естественно, никто не желает иметь дело с этими головорезами. (Банкиры в полосатых брюках и котелках, дымя сигарами, брезгливо морщатся.) Большевики отказываются платить любые долги, они свергли законное правительство, разогнали парламент, расстреляли демонстрацию; они массово уничтожают мирное население, они открыто обещают устроить это по всей Земле.

(Черные кожаные куртки «чекистов». Матросы в полосатых фуфайках. Маузеры и расстрельные подвалы. Новое «государство» отобрало у всех квартиры и дома, все сбережения, запретило торговлю, закрыло все газеты, запретило все партии, кроме своей, запретило возражать себе, конфисковало оружие у всех граждан. Беззащитные и бесправные обыватели тряслись от ужаса...)

Итак. С самого начала большевики объявили войну всему миру. Они пообещали уничтожить всех, кто с ними не согласен, всех, кто хочет им противиться, всех, кто предпочитает любой другой строй, любые другие политические отношения и экономическое устройство.

Стучат поезда на рельсовых стыках, миллионы солдат возвращаются по домам, впроголодь живут разоренные войной народы, истерзанная земля еще не заросла зеленью, еще не разобраны руины. И в каждом эшелоне, в каждой столице — коммунистические агенты и агитаторы.

Вот сборище коммунистов всех стран в Москве. Их кормят икрой и севрюгой. Им шьют дорогие костюмы. Их учат брать власть в своих странах. Они усвоили, затвердили:

Советский Союз, первое в мире социалистическое государство — родина рабочих и коммунистов всех стран. Вы поняли, американцы и немцы, французы и англичане? СССР — вот ваша родина, раз вы коммунисты. Интересы большевиков — ваши интересы. Враги СССР — ваши враги!

Черные автомобили, черноморские курорты, лучшие московские отели — и деньги, деньги, деньги.

Глава 9. Заключительная

Набросав портреты товарища Гэса Хола и Мориса Тореза, Вальтера Ульбрихта и Николаи Чаушеску — Джаред Симпсон сосредоточился на расстрелах ленинской гвардии в сталинских процессах, на портрете и судьбе самого Сталина, и затем бегло — эпохи Хрущева, Брежнева и «скоропортящихся генсеков». Горбачев заключил эту галерею.

Деяния вышеупомянутых известны, заключил Джаред.

И резюмировал:

Холодная война — это естественная форма внешнеполитического существования СССР в течение всей его истории: с 1917 по 1991 год.

Советская власть объявила своими врагами все государства, где коммунисты не захватили власть, и неукоснительно придерживалось этой идеологии. Со всеми вытекающими практическими последствиями.

10. Эпилог

В Холодной войне СССР против свободного мира был один перерыв — с июня 1941 по июль 1944 года. Под разгромными ударами Вермахта терпящий бедствие Советский Союз был готов на что угодно, лишь бы заручиться добрым отношением Запада — США и стран Великобритании и Британского Содружества. Он погибал без взрывчатки и бензина, обуви и продовольствия, современных станков и автомобилей, броневой стали и алюминия. Русские очень плохие организаторы, воевали с чудовищными потерями, теряли военной техники во много раз больше, чем немцы; не говоря уже о людях... Ради гигантских поставок по ленд-лизу Сталин был готов льстить, соглашаться, распускать Коминтерн (фиктивно) и приказывать своим пропагандистам сочинять историю вечной дружбы России и Америки с Англией.

Второй раз Холодная война прекратилась при Горбачеве, в конце 1980-х. Это было уже навсегда — через несколько лет СССР развалился и самоликвидировался.

...Однако не прошло и 15 лет, как Президент новой, независимой, постсоветской и якобы демократической России вновь объявил Холодную войну Западу. Зачем? Почему?

Во-первых, психология войны и осажденной крепости способствует сплочению народа вокруг власти.

Во-вторых, внешняя угроза объясняет необходимость внутреннего ужесточения режима.

В-третьих, в полувоенном, осажденном положении, во враждебном окружении — легко и просто заткнуть любые рты и посадить или убить любого недовольного.

В-четвертых — так удобнее грабить страну и держать народ в нищем и рабском положении.

В-пятых — это принципиально, это очень важно: когда власть в государстве захватывают бандиты — внутри они устанавливают грабительский и деспотический порядок. Такова бандитская сущность. Из этой сущности проистекает, после внутреннего устройства страны под себя — распространение своего порядка и своих представлений о мире на соседей и далее на все территории и государства, до которых государство-бандит сумеет дотянуться.

Сущность бандита — бандитствовать. Сначала в своем доме, своем районе и городе — а потом вокруг, расширяя свою власть и увеличивая добычу.

Это — социальный инстинкт. Объективный социальный закон. Закон социальной экспансии.

Свободный демократический Запад веками осуществлял свою экспансию не только войной. Но: товарами, технологиями, культурой и искусством, повышением уровня жизни и свобод.

А Россия? Цивилизационно — это потребитель и подражатель западных открытий и достижений. Но огромная территория, богатейшие природные ресурсы и многочисленное население дает ей высокий социальный потенциал. А сложившиеся за одиннадцать веков традиции рабства и азиатской сатрапии не позволяют этот потенциал развивать в цивилизационном направлении — создавать и строить. Ибо цивилизационное изобилие проистекает из того, что индивидуальные людские энергии высвобождаются. А для этого необходимы политические свободы и демократические порядки.

Тоталитаризм способен на рывок, но не способен на длительный и упорный цивилизационный подъем.

Из этого следуют две ужасные вещи. Ужасные не только для России, но и для всего мира:

1. Россия НИКОГДА не будет передовой страной с сытым свободным народом.

2. Россия ВСЕГДА будет находиться в состоянии Холодной войны с Западом — это ее форма самореализации в сфере внешней политики. «Превзойти цивилизационно

не могу — но пизды выпишу так, что костей не соберешь, и нервы попорчу крепко. Со мной надо считаться!»

Недолгое колебание воздуха

— Вот это страна! — с сумасшедшим восторгом сказал вслух Джаред Симпсон. — Гадюшник! Шпана! Как волка ни корми, а все равно укусит. Но, ребята! Но, ёб вашу мать! Если в этом ужасе, в этом конце света, в этой Катастрофе!!! злая голодная тоталитарная Россия устоит — ненавидящая пидарасов и черножопых, закрывшая границы и избивающая наглых мигрантов — у Цивилизации будет шанс.

Держитесь, гады! Посмотрим, на что вы способны.

Глава 19
МОЙ ЧЕРТ

Выпил я, стало быть, у Рикардо — под дверью, ночью, как повелось — полчашки грибного его настоя, даже в темноте бурого, как кока-кола, и удушливого, как заплесневелый сыр, выпил и пошел к себе. Не спалось мне, и сел я на чурбак у изрезанного ножом стола своего, подумал — и зажег светильничек свой драгоценный, рыбий жир расходующий. И достал тетрадку заветную, толстую, 94 страницы, обложка черная засалилась давно. И открыл баночку маленькую пластмассовую из-под таблеток, где чернила держал, сделанные из сока ежевики, порошка жженой резины и мочи. И перо достал — обычное воронье, подобранное, у которого отсек наискось кончик и надрезал надвое. И стал писать.

А писал я то, что вы сейчас читаете. Той ночью писал я о лени и беспечности негров, о вспыльчивости и сексуальности латиносов, о том, что индейцы — они вообще не такие, как мы, и о том, что вся культура наша — это культура белых, а несогласные мудаки могут идти на хуй.

Вот тут он и возник. Словно тьма за пределами рассеянного желтого шарика света сгустилась на миг и собралась

в извитое, изломанное тело, и было оно телом черта. И головой, конечно. С рожками. Как полагается.

Я лично не разволновался, с грибов и не такое явится. Напротив, настроение у меня было тоскливое, и развлечение даже обрадовало.

— Ну, — говорю я, — рогатый парнокопытный, чего надо? Души у меня давно нет, хуй его знает, куда она делась. Долго выматывали. А остальное и вообще заебешься искать. Чего хочешь-то? Поговорить с умным человеком — или с мудаком редкостным? Тогда пожалуйста — оба перед тобой. У тебя в глазах не двоится? Что молчишь? Зашел — гостем будешь. Выпить поставь — хозяин будешь.

Он бородку свою козлиную так погладил осторожно пальцами, как испанский гранд пизду королевы, когда ебать просит, но еще сомневается, и говорит:

— Мы с тобой родня, — говорит. — Ты людей всю жизнь наябывал — и я наябываю. У тебя проблемы — и у меня проблемы. Так что я к тебе пришел за духовку перетереть, как к своему. Поговорить-то не с кем.

Тут я подзахуел, скрывать не стану. Тон у него просительный. Ну, думаю, взлетел я над вами всеми, как стрела над сортиром. Это кем же надо стать, чтоб черта к тебе принесло на жизнь жаловаться?

— Да, блять, удивил, — говорю я. — О чем же ты говорить хочешь? И чего за это потребуешь?

— Мне, — говорит, — и того хватит, что ты мучишься, а после разговора нашего еще больше мучиться будешь. Потому что я-то живу согласно своей социальной роли, и твое мучение — мое удовольствие и, можно сказать, профессия. А вот ты без всякого результата, без исхода и смысла страдаешь.

— Чо это я так страдаю-то? — спрашиваю я, а сам под дурачка деревенского кошу.

— А то, что выкинут тебя за твою книгу из всего приличного общества. На работу никуда не возьмут. Только парковщиком или мойщиком окон — так туда еще пробиться надо.

— С чего бы? Ишь, засучил копытами, козел наглый! И перестань оттуда пальцем выковыривать, противно же.

— Ты, брат мой, друг дорогой, неполиткорректен, как говно на праздничном столе. Вечно ты ссышь против ветра. Тебе знаешь что все скажут? Что ты фашист, расист, сексист, гомофоб, ксенофоб и хер знает кто еще. Короче — тебя даже три раза повесить мало.

И вот тут мне, ребята, сталро смешно. Ну черт. Ну старый пидор рогатый... Кончилась прежняя жизнь! — навсегда кончилась! Нет больше приличного общества! а тем, которые себя им считают, я могу только на дверь нассать, а руки не подам. Рухнула ваша чудесная злоебучая цивилизация — пизда вдребезги, хуй пополам!

Так я ему и сказал:

— Сунь палец в жопу и заткнись. Никого не боялся Пол Баньян.

А он аж рогами зашевелил, аж шип змеиный издал, затряс бородой своей козлиной:

— Сожгут тебя на костре, развеют прах по ветру, а на Том Свете встречу я тебя у ворот и в костер суну на веки вечные! Понял, храбрец херов?

— С нетерпением буду ждать встречи. Тогда я наконец обломаю тебе рога, скупщик бракованных душ.

— Сообрази сам: да нет уже давно никакого смысла ни в какой литературе, ни в каких на хрен книгах, ни в каком твоем мудацком романе! Да ведь все равно никто уже ничего не читает и читать не будет! И романа твоего уродского никто не прочтет — да на хрен он кому нужен!

— Ты ошибаешься, рога с копытами тебе в зад. Есть смысл. Была Холодная война — был у нас враг. И мы — жили! Не стало врага: никто нас не напрягает против себя — и мы расслабились и распались, жирные, одрябшие, прекраснодушные и слабые кретины с розовыми слюнями и бредовыми идеями. Враг — это борьба, борьба — это жизнь. Вот о чем я пишу.

— Брось писать свою ебаную книгу, гад!! — рявкнул он.

И этот рев его адский наполнил меня напряженным до звона чувством, как ураган наполняет открытый дом. И чувство это называется гордость. Гордость наполнила меня, как водород наполняет взмывающий дирижабль. Грудь моя расправилась, плечи раздались, голова откинулась назад

аристократически, как у графа пред королем, и руки мои налились силой нечеловеческой, вселенской силой: двумя пальцами сломаю сейчас шею Рогатой Погани.

И я перекрестил его размашистым крестом. Он ухмыльнулся и показал мне средний палец. И мы оба заржали, как сообщники.

Мне стало его жалко. Сидит вот, таскается по всяким дряням, мудакам мозги пудрит. С кем поведешься — от того и наберешься, то-то и рожа тощая, и голос усталый, и пахнет козлом, шерсть поди отродясь немытая, так и живет. И ведь никто не любит, никто не пожалеет, только благ от него хотят. Зло — оно же как кислота все растворяет, к чему прикасается, вот он и несчастен. Оттого и злой. Неприкаянный такой. А что делать? Работу не выбирают. Это судьба.

Стоп. Дьявол умеет на жалость брать. Сунул бы ему в пасть, так ведь откусит.

— Шваль подзаборная, — сказал я, изобразив плевок в его сторону. — Ты забыл, как шел на костер Джордано Бруно? А Савонарола? Как шел на крест Иисус и как шел на крест Спартак? Да может, я для того и на свет появился, чтобы сказать правду вслух, когда все кругом или мудаками стали, или обоссались от страха?

Вот что я тебе скажу, тварь. И всем твоим дружкам скажу. И всем, кто душонки свои жалкие тебе продал. И даже не я скажу. Это давным-давно один хороший парень сказал. Американец был, между прочим! Он сказал:

«Если за все хорошее, что Иисус сделал для людей, они его распяли — то скажи, парень, почему на лучшее должен рассчитывать ты или я?»

Пространство, занимаемое Чертом, раздвоилось: одновременно с его черным силуэтом и на том же месте возникла световая сценка, ну, типа голограммы: я увидел в перспективе огромный крест, и золотой крест в руках монаха на площади, и костер перед ним: горящая фигурка билась в цепях меж языков пламени и кричала:

— Правду, всю правду, только правду и ничего, кроме правды!

И тогда я подумал, как хорошо, как замечательно я живу!.. На старости лет я делаю только то, что хочу,

а чего не хочу — не делаю вообще. А что еды мало, и бьют меня, и светильник тусклый, и жена невесть где — это все детали, это не главное.

Бутылка шампанского взорвалась у меня в голове, искристые брызги ударили изнутри во все стороны организма белопенной звездой, я вскочил и запустил в черта своей чернильницей.

Он исчез. А чернильное пятно на стенке так потом и осталось.

Глава 20

МЕРТВАЯ РУКА

Часть 1. Учебное кино

Необозримые просторы Советского Союза: картина из космоса. Зеленые океаны лесов, бурые равнины тундры, голубые жилы великих рек. Картинка укрупняется: россыпи городов, дым заводов, улицы и кварталы, машины стоят на светофорах, люди спешат по своим делам.

Москва, Кремль, красные звезды на старинных башнях, правительственные здания. Инсайдерская съемка: коммунистические правители СССР с беспощадными лицами, увешанные орденами генералы над огромной картой США, черная телефонная трубка, в которую отдает приказ Генеральный Секретарь Коммунистической Партии.

Частая смена кадров: по бетонным коридорам, по лесным полянам бегут цепочки советских солдат на ракетных позициях, операторы садятся за пульты и крутят настройку, антенны радиолокаторов вращаются, к самолетам подвешивают бомбы.

Крупно, из космоса: изогнутые над глобусом линии летящих ракет, они показываются из-за ледяной шапки Северного полюса, из Европы, взлетают из океана, стремясь к русским городам и ракетным позициям, которые спешно готовятся к пускам.

Москва исчезает в огненном шаре! Огромный гриб встает в стратосферу!..

И такие же огненные шары взбухают над остальными городами и ракетными позициями! Вся территория страны уже покрыта дымными ядерными грибами!..

Крупно: где-то в горах, покрытых лесом, люди испуганно прижимаются к земле, глядя в небо. Где-то в затерянном среди сибирской тайги селе жители в ужасе наблюдают апокалипсис на горизонте. Мелькают один за другим военные городки и гарнизоны: выжженные пепелища, обугленные трупы солдат в укрытиях...

...В Пентагоне празднуют победу! Президент в воздухе на Борту № 1 принимает доклады Комитета Объединенных Штабов. За ракетными пультами операторы звонко шлепают друг друга в ладонь. Все телевизионные каналы оповещают отбой атомной тревоги: война окончена! Мы победили! Американцы покидают убежища, а некоторые и не успели в них спуститься, они просто возвращаются из подвалов на рабочие места, из бейсментов наверх в комнаты. Смех и объятия на улицах.

Проходят дни и недели. Паника в мире улеглась. Эйфория победы спала и уступила место прежней обычной жизни. Люди вернулись к своим делам.

На советскую территорию сбрасывается с самолетов гуманитарная помощь в места скопления оставшихся людей. ООН разворачивает в незараженных районах ожоговые госпиталя. Воздушная и космическая разведка США подтверждает полное уничтожение военного потенциала противника.

И в какой-то момент на затерянном железнодорожном разъезде в сибирской глуши неприметный поезд вздыбливает крыши вагонов, как чудовище роговые пластины на хребте. Лежащие в чреве вагонов ракеты медленно поднимаются в вертикальное положение. И в реве огня и клубах дыма стартуют одна за другой! Они мчатся к Америке!

Сколько их было скрыто в огромной стране, и каждая имела свою цель, знала свой срок, и автоматика запуска была многократно дублирована.

В пустынях Центральной Азии и в тундре Заполярья, в межгорьях Урала и Саян — по всей необозримой территории отползают вдруг в сторону большие квадраты почвы

с валунами и деревьями, постройками и травой — и обнажаются люки ракетных шахт под трехметровыми броневыми планшетами. Дым и огонь вырываются из жерл, ракеты плавно высовывают свои головки из преисподней — и с ревом устремляются ввысь, чтобы на бешеной высоте, с неизмеримой скоростью достичь Америки и нанести свой испепеляющий удар. Их много, и делается все больше! Уже весь континент заштрихован густой сетью ракетных трасс! Их не перехватить...

И вот над Нью-Йорком и Лос-Анджелесом, Вашингтоном и Далласом вспыхивают огоньки и вспухают серые клубочки...

— Мы бессильны, сэр, — глухо докладывает Главнокомандующему начальник Комитета штабов.

— Это что же — конец? — уточняет Президент.

— Так точно, сэр. Можно молиться, сэр. «Мертвая рука» сработала.

Часть 2. *Поверженный враг*

Заголовки новостей:

«Генсек Горбачев отказывается от вооруженного противостояния с Западом!»

«Я заглянул в глаза Горбачева и увидел в них его душу, — сказал Рональд Рейган. — Я ощутил прямого и достойного доверия человека!»

«В СССР разрешено частное предпринимательство!»

«Это казалось невозможным: цензура в СССР отменена!»

«Советские войска выводятся из Европы!»

«16 000 советских танков вывозятся из Восточной Германии в Россию.»

«Железный занавес пал!»

«Берлинская стена разрушена! Берлин вновь един!»

«Варшавский договор распущен! Коммунистические армии больше не угрожают миру!»

«Чекистский заговор в Москве провалился!»

«Сенсация века! Советский Союз объявил о самороспуске!»

«Инфляция разорила население России.»

«МВФ оказывает финансовую помощь России. Соединенные Штаты наладили гуманитарные доставки продовольствия.»

«Российская экономика разрушена. Страна живет только западными кредитами.»

«Квалифицированные специалисты и ученые покидают нищую Россию. Поток эмигрантов на Запад ширится.»

Разговоры и мнения аборигенов:

— Блять, разорили народ, одни эти банкиры и спекулянты богатеют!

— Бандиты вчера наехали: плати, все платят, не то завалим.

— Господи, они же студентки, а так и говорят: проституцией мы просто на жизнь зарабатываем.

— Спортсмены — это и стали бандиты: сильные, тренированные, друг друга знают, характеры сильные.

— Вчера еще две старушки с балкона упали. А они договоры об уходе подписывают, а за это завещают квартиры после смерти. И с ходу — с балкона или в окно. Или на лестнице упадет. Или просто исчезнет.

— Нам опять зарплату своими же стульями выдали. Говорят, что в одном совхозе зарплату вообще дали навозом: привезли и свалили перед домом.

— Раньше «ЗиЛ» огромнейший автомобильный завод был, а теперь пусто, цеха телестудиям сдают, они там токшоу снимают, как молодежь сношается, прямо перед камерой.

— Я в магазин зашел, пиджак нужен — так там своего вообще ничего нет! Даже трусы на рынке я турецкие покупаю, а носки — белорусские. А уж костюм, сорочка, галстук — все импорт. Ни хера уже своего нет.

— Блять, да даже шурупы импортные!

— Не страна, а ебаная бензоколонка с амбициями. Дикари: только сырьем и торгуем.

— Я внуку прямо сказал: я тут всю жизнь въебывал, еле жив остался, и снова бандиты рулят — езжай, Ленька, в Англию учиться, и живи там; не было здесь добра и не будет.

— Путин, пидарас, школы сокращает, больницы сокращает, деревни исчезают, население уменьшается, первое место только по самоубийствам.

— Просрали великую страну!

— Вот так вот: наслушались ебаные реформаторы американских советчиков — и уничтожили державу. Ни хера нет. Только миллиардеры. И все.

— Ты понимаешь, кого породили: у них джинсы, смартфоны, машины — и ни хуя своего нет. Мудаки, ничего не знают, работать не хотят, только бабки им подай.

— И что характерно: краденые деньги они держат на Западе. И семьи на Западе. И сами живут на Западе, сюда только наезжают: менеджеров проверить, как бабки куются. Это получается — что русские олигархи стали западными, и Запад их руками сделал Россию своей колонией?!

Извлечения из доклада Советского отдела ЦРУ Президенту Джорджу Бушу (старшему):

«Ожидать, а тем более предсказать столь быстрое и полное крушение СССР, по заключению ведущих специалистов, было невозможно.

Разумеется, необходимо учесть неэффективность плановой социалистической экономики и чрезвычайно раздутый, как свойственно тоталитарным государствам, бюрократический аппарат. Также отсутствие политических свобод и запрещение личной инициативы и частного предпринимательства обусловило отставание экономики страны и низкий уровень жизни населения.

И однако мы обязаны в должной мере оценить всю важность проделанной работы по сокрушению самой агрессивной и милитаризованной державы в мире, которая держала нас в напряжении много десятилетий.

Это провоцирование и принуждение противника к наращиванию гонки вооружений, вызванной планом «Звездных войн». И без того сверхмилитаризованная советская экономика не смогла выдержать этой нагрузки, вследствие чего стали усугубляться перебои в снабжении населения не только товарами первой необходимости, но и основными продуктами питания, начиная с недостатка хлеба в магазинах.

Недовольство населения низким уровнем жизни обусловило неверие в свою политическую и экономическую систему, при которой люди уже голодали.

Американская культура — кинематограф прежде всего, а также музыка, молодежные моды, табачные и алкогольные изделия — способствовали признанию преимуществ американского образа жизни и симпатий к нему.

Совокупное идеологическое влияние американского уровня жизни, личных свобод и перспектив, демократической системы с выборной властью — одновременно с нарастанием тотальной лжи советской власти, необходимой ей для самосохранения, вызвали стремительное исчезновение поддержки советского режима своим народом.

Для понимания произошедшей с точки зрения СССР катастрофы необходимо учесть нашу целенаправленную и планомерную работу:

- радиостанции «Голос Америки» на русском языке и скоординированных с ней европейских станций «ВВС», «Немецкая волна», «Радио Люксембург» и других;

- издание запрещенных в СССР книг и содействие их проникновению в СССР;

- поддержку «диссидентского» движения в СССР и его популяризацию, борьба за освобождение политических заключенных;

- и, наконец, всемерное и высококвалифицированное воздействие на всех советских сотрудников и специалистов в США и демократических странах в том направлении, что они приходили к выводу и убеждались в реальных преимуществах демократического строя;

- а также внедрение в их сознание той мысли, что любой энергичный и умный человек может разбогатеть и передать все имущество законно наследующим его детям.

Мы обязаны признать, что недостаточно учли два фактора:

- осторожные и частичные демократические реформы в СССР вызвали в народе ощущение своих выросших возможностей — и в частности возможность не просто критиковать власть, но выпустить наружу всю ненависть к ней, которая копилась без выхода семьдесят лет;

- правящий же класс, советская партийная номенклатура, начала всерьез рассматривать возможность конвертировать политическую и административную власть в материальный ресурс и завладеть всем богатством огромной страны не на правах наемных менеджеров, но уже как полновластные хозяева и владельцы.

Таким образом, стремление народа, стремление элиты и стремление наших политических кругов с их спецслужбами совпали, что дало сильнейший кумулятивный эффект. Это в какой-то момент спровоцировало рефлекторную защитную реакцию гибнущего государственного организма — мятеж так называемого ГКЧП. Что было последним вздохом агонии монстра.

Начиная с условной даты 1 сентября 1991 года скорый распад СССР был предопределен, и то, что соответствующие службы его не предвидели, является их упущением и свидетельствует о неполной их компетенции.

И однако у нас есть все основания считать произошедшее беспрецедентной в истории победоносной военной кампанией. Мы уничтожили самого опасного противника, которого наша страна имела за все два века своей истории, врага непримиримого и смертельно опасного. Победили без сражений и жертв — «косвенными действиями», что мировая стратегия считает оптимальным, наилучшим вариантом. Причем это не был выигрыш по очкам — это чистая победа нокаутом.

Эта триумфальная победа США над «Империей Зла» социализма пребудет в анналах.»

Часть 3. *Ответный удар*

Советский Союз — это не обычная страна. Советский Союз — это плацдарм социалистической системы для завоевания всего мира. Советский Союз — это плод теории о победе Мировой Социалистической Революции.

Спорами этой революции была осеменена самая цивилизованная часть человечества на рубеже XX века: Германия, Англия, Франция. Отдельные семена долетели до России и Америки также.

Первая Мировая Война взрыхлила почву, нагрела воздух — семена выстрелили побегами, революции пошли в рост. В Германии, Турции, Венгрии и других странах зловредные ростки удалось затоптать. Но в огромной Российской Империи коммунизм победил. И тут же принялся размножаться почкованием.

Это Москва в 1918 году финансировала, инструктировала и вооружала революции в других странах. Это Москва весной 1919 года — полутора лет не прошло, как большевики узурпировали власть! — создала Коминтерн.

Коминтерн — это была всемирная коммунистическая террористическая сеть. А также пропагандистская и политическая. Во всех странах были созданы компартии. Их программы писались в Москве. Их вожди учились и лечились в Москве. Была выработана простая идеология мировой экспансии: «СССР, первое в мире социалистическое государство — родина всех пролетариев мира». Где бы ты ни жил, кем бы ни родился — твоя родина красная Россия, ее интересы — твои интересы, ее борьба — твоя борьба.

Коммунисты были откровенными внутренними врагами своих стран. Они открыто декларировали уничтожение своих государств, физическое уничтожение людей среднего класса, умственного труда, не говоря уже о предпринимателях и финансистах, которых называли «буржуями». Коммунисты составляли всемирную сеть советской военной и политической разведки. Москва — учила, вооружала, платила.

Некоторые ответвления за границами СССР начинали мутировать идеологически, политически и практически. Зарубежные организации коммунистов искали новых путей и способов, приспосабливались к меняющейся обстановке.

Так около 1930 года сформировалась Франкфуртская философская школа: еврейские коммунисты просоветской ориентации, некоторые из которых были членами Коминтерна и начально гражданами СССР, создали собственную версию марксизма. Убедившись, что «пролетариат» исчезает, становясь зажиточным партнером промышленников,

они искали другие «революционные» группы — тех, опираясь на кого можно свергнуть капитализм и построить социализм. Они определили все меньшинства: расовые и национальные, религиозные и сексуальные, инвалидов и мигрантов. И применили простейшую тактику: расколоть общество и натравить группы друг на друга, а все их вместе — на существующий строй. На государство и правящие группы.

Все негры и арабы, все гомосексуалисты и тунеядцы, все безногие и кривые — вы живете плохо, потому что вас угнетают белые христианские мужчины гетеросексуалы.

Эти идеи пользовались определенным успехом у маргиналов и студенчества, которые всегда охвачены жаждой переустройства мира. Но государство и адекватное большинство хода этому бреду не давало.

Советский же Союз, с одной стороны борясь за свое лидерство и исключительно свою трактовку марксизма и социализма, критиковал новомодные неомарксистские теории. С другой же стороны — их поддерживал по принципу: враг моего врага — мой друг.

Все виды марксизма и социализма были не автономны, но так или иначе произрастали из общего корня и являлись частями общего тела — Мировой Социалистической Системы, материально воплощенной в могучей вооруженной империи СССР и ее сателлитов.

Экономически несостоятельный и политически репрессивный социализм истощил СССР, и он рухнул. Что же дальше?

Смерть врага ослабляет тебя. Да! Твое напряжение спадает. Целеустремленность борьбы исчезает. Гражданская солидарность граждан с властью уменьшается. Энергия борьбы, свойственная мощным народам, ищет себе нового применения.

Победа государства в войне — это не только демобилизация армии. Это демобилизация всего народа, сбросившего тяжкую лямку войны и впавшего в благодушное расслабление.

Смерть СССР, разруха и нищета новой России, разоружившейся и беспомощной экономически и политически,

создали в Америке чувство полной безопасности и всемогущества. Америка впала в предельно уязвимое состояние. Так шло время...

И удар был нанесен! Неожиданный и смертоносный! В уязвимое и открытое место. В незащищенный живот и неприкрытую спину.

Социализм как страшный вооруженный враг, как противостоящая всему свободному миру милитаристская политическая система, как наклепавший горы оружия экономический монстр — этот социализм был повержен и уничтожен.

Мир пережил эйфорию и успокоился.

И вот тут погибшая система — нанесла убийственный удар! С запасных площадок. С дополнительных позиций. Из замаскированных шахт.

Социалисты всех мастей, законные и внебрачные дети Советского Союза, его выкормыши и потомки — нанесли удар, и десятилетия спустя этот удар достиг самого сердца победителя. Америка была повержена!

Ее молодежь растлена и оболванена. Ее народ запуган и беспомощен. Ее власть продажна и подла. Ее государство присвоено ненавистниками, убивающими ее. Ее города и пространства захватывают чужаки, и народ беззащитен перед ними, потому что власть на их стороне.

Социалисты захватили ООН и ЕС, Демократическую партию и CNN, прессу и Голливуд. Советский Союз погиб — но дело его живет и побеждает!

Карл Маркс и Владимир Ленин, Леон Троцкий и Мао Цзедун, Че Гевара и Антонио Грамши — подняли из могил свою иссохшую, разложившуюся руку. И эта единая, страшная, необоримая и беспощадная рука — нанесла удар по лагерю ликующих, сытых и благополучных победителей!

И призрачные колонны советских танков проходят по площадям разоренных американских городов.

И старые советские коммунисты, доживающие свой век в нищей России, сидя на продавленных диванах и глядя в телевизоры, с победным злорадством следят за гибелью своего главного врага — капиталистической Америки. И пьют водку за победу.

Интерлюдия

ЭКСПАНСИЯ

Вообще экспансия — расширение той или иной системы с захватом свободной энергии и распространением себя в окружающее пространство — проявляется на разных уровнях.

Биологическая экспансия — растительная либо животная. Сине-зеленые водоросли стремятся заполнить собой весь водоем. Такой агрессивный сорняк, как waterhemp, быстро забивает собой поля. Завезенные в Австралию кролики так расплодились, что съели всю траву, необходимую для овец. Попавшая в Америку из Франции бабочка-шелкопряд размножилась так, что стала уничтожать леса.

Биологическая экспансия останавливается границей зоны, пригодной для обитания, природными катаклизмами или нехваткой питания. Или же, со временем, дегенерацией и вырождением вида — либо его вытеснением возникшим более сильным конкурентом в пищевой цепочке.

Социальная экспансия несравненно сложнее.

Во-первых, она также включает в себя биологическую. Первобытные племена вели войну на уничтожение, захватывая территории соседей и убивая их самих. То была война за жизненное пространство как необходимую среду для распространения своих генов. Массовые убийства и изгнания мирного населения были обычны в войнах тысячелетий. И так до Холокоста и балканских этнических чисток XX века.

Во-вторых, социальная экспансия имеет с биологической то совершенно общее, что представители одного народа, страны, государства, расселяются на территории, ранее свободной или занятой другим народом, живя среди него или ассимилируя в нем.

В-третьих, это экспансия политическая. Подчинить в той или иной мере другой народ, область, страну, государство, своему влиянию. Чтобы он был твоим союзником в войнах, врагом твоих врагов, был на твоей стороне в конфликтах. Лучше всего — сделать его твоим вассалом. Посадить

в его управители своего чиновника. В абсолютном случае — захватить и встроить в состав своего государства.

В-четвертых, экспансия экономическая. Это нам сегодня понятно лучше всего. Сделать его рынком сбыта для своих товаров и поставщиком сырья для своего производства. Торговый баланс резко в твою пользу. Чтобы он не мог конкурировать с тобой — а напротив, играл подчиненную роль в твоем экономическом обороте.

И в-пятых — экспансия культурная. Чтобы он одевался как ты, перенимал твои привычки и обычаи, слушал ту же музыку, ездил на твоих автомобилях, жил в таких же домах, учился по тем же учебникам. И даже говорил на твоем языке — пусть не как родном, но как втором, необходимом, международном, языком культуры и интеграции. Главное в культурной экспансии — то, что с усвоением культурных ценностей усваивается, исподволь или явно, и образ мыслей. Происходит распространение своего мировоззрения.

Культурная экспансия — это переваривание партнера и уподобление его себе.

Так вот. Сущность экспансии биологической и социальной одна. Как едина сущность эволюции биологической и социальной. Суть ее в том, что количественное увеличение и качественное усложнение — это две ступени, две стадии, две диалектические сущности одного и того же процесса.

Чтобы государство стало сложным, чтобы в нем развились науки, искусства и социальные институты — сначала оно должно стать достаточно большим. Чтобы в нем было достаточно много людей и свободных средств. Людей — чтоб структурироваться в сложную социальную систему, продуктивно работать и создавать излишек продукта для пропитания ученых, художников, инженеров и администраторов.

А для этого нужно множество племен и независимых городов и народов подчинить своей единой воле. А они не хотят! Им потребно быть свободными! И идет жестокий завоевательный процесс. Горят города и гибнут люди. Но через поколение в едином государстве начнется общий подъем. Количество перейдет в качество.

Экспансия — это количественный аспект стремления к усложнению.

Экспансия — это аспект и этап эволюции.

В основе экспансии, в основе стремления к экспансии — лежит импульс к эволюции. Который заложен в материю устройством Вселенной.

Поэтому стремление к экспансии заложено в свойствах любой системы. Свечение звезды — это экспансия ее энергии в окружающее пространство. И расширение самого пространства Вселенной — это экспансия, которую пока трудно классифицировать и т.п.

Адаптация животного — проявление и следствие инстинкта выживания. Экспансия группы животных — это тоже проявление и следствие инстинкта выживания: пусть нас будет как можно больше, наши гены получат больше шансов сохраниться и перейти к потомству.

Социальная экспансия означает: наша система могуча и жизнеспособна, она хочет и может быть больше, объемнее, масштабнее, могучее, и тогда она будет главная в мире. И она сохранится! Наша слава, наш строй, наши ценности — пребудут вовеки. И у нас будет много воинов, и ремесленников, и женщин, и детей, и рабов, и городов, полей и дворцов, коней и колесниц, мудрецов и жрецов! Мы и так велики, а будем вообще самыми мудрыми и сильными, самыми богатыми и счастливыми.

Экспансия имеет знаменами — величие, славу, богатство и счастье. А сущностью — рост и усложнение.

Но. Усложнение и рост систем — сущность эволюции Вселенной.

А кто такой был Гельмгольц? Гельмгольц был немец. Гм. Допустим. А что сказал немец? Он сказал: Гитлер капут! Это вы бросьте, смотря какой немец, тогда еще и Гитлера никакого не просматривалось. Гениальный Гельмгольц сказал: «Жизнь — это захват свободной энергии». Да, джентльмены. Любое животное должно кушать, пить и дышать — то есть захватывать свободную энергию.

Но социальная система — она тоже живая! Ну, будем точны — она сверх-живая, то есть состоит из живых особей. И она стремится — к чему? К захвату свободной энергии.

Что есть любая социальная экспансия? Захват свободной энергии! Ты еще кое-куда распространился, еще кое-кого в орбиту своих действий вовлек, еще кое-кого переварил и всосал — в смысле культурном, экономическом, политическом.

Стремление к экспансии — можете считать его той же волей к власти на уровне социума.

Любая система, биологическая или социальная, по сущности своей стремится занять как более высокое место среди себе подобных. А по возможности — стать главнее и значительнее всех прочих. Поэтому стремление к экспансии в принципе бесконечно.

Потомство пары слонов, стало быть, через семьсот лет заняло бы собой всю площадь земной суши. Но — болезни, наводнения и засухи, мелкие паразиты и голодные крокодилы: численность ограничивается. А могучая держава? Расширяется, пока сильный сосед на своей границе не остановит. А если не остановит? Тогда ее лишь средства сообщения ограничат. Захватит все, до чего дотянется.

А потом? А потом проживет свой цикл и скончается. Смерть есть необходимый элемент эволюции: смена поколений.

Но пока система жива — ее системный ресурс, ее внутренняя энергетика, ее возможности — диктуют ей движение в сторону максимального могущества и максимальных свершений. И социальной системе потребно занимать как можно большую долю пространства и материи, стать максимально сильной и сложной, представляя собой как можно больший сгусток энергии, как можно более сложно структурированной.

Таково имманентное свойство государства.

...С развитием транспорта, всей логистики и средств связи — географические пределы социальной экспансии исчезли. И любая мощная цивилизация претендует стать единой мировой — сдерживаемая только цивилизационной экспансией партнеров-конкурентов.

Естественным образом происходит взаимная диффузия, взаимная ассимиляция современных цивилизаций. Итальянская кухня, немецкие автомобили, американские компьютеры, китайское производство, африканская музыка и так далее.

И не забывайте про образ мыслей — ветвистые социалистические движения компиляторов Маркса, Фрейда, Троцкого и Мао Цзе-дуна. (Но отделение элит от народа — тема другой повести.)

То есть. Движение к глобализации задано ходом эволюции. Кому ужасно, кому прекрасно; но учитывать необходимо.

. . . . . .

Да, там сбоку была еще записочка прикреплена, у нее краешек оторвался:

«В любом государстве есть внутреннее социальное давление — то есть социальные центростремительные силы, силы социального сцепления. Это все группы и монады социума стремятся сохранить свою целостность и свое объединение друг с другом. Каждая единица социума и государства притягивает к себе все прочие единицы, как может.

Вот на границах государства и существует всегда избыточное давление: оно распирает государство, как оболочка шара распирается газом, которым он надут. Но давление это двоякое: для окружающих объектов шар на них давит, напирает, наваливается — а с точки зрения тех, кто внутри шара, он втягивает в себя окружающее пространство, сам расширяясь.

Давление — это напор внешнего чужого социума. А всасывание — это качественное изменение поглощаемого социума из внешнего и чужеродного в часть общего внутреннего.

Экспансия имманентно свойст.....»

Глава 21

ГРЕХ

— Что есть грех? — сказал Джаред Симпсон вновь навестившему его Черту. — Грех — это констатация человеческого несовершенства. Это отличие сущего от должного.

А что есть тезис об изначальной греховности Человека? Что означает Первородный Грех?

Поскольку без соития мужчины и женщины, без зачатия нового существа в лоне женщины от проникшего семени мужского — человек не существует, он невозможен без этого, — то? Что?

Что Человек греховен уже самим фактом своего существования.

Но! — вскричал Джаред в сильнейшем возбуждении. — Но!

Господь ведь велел ему плодиться и размножаться! Что значит это противоречие? А то значит, что Господь повелел человеку вести свое неизбежно греховное существование в поте лица своего. Трудиться, славить Господа — и все равно быть грешным!

То есть? Как насчет дуализма? Единство и борьбы противоположностей? Тебе положено быть греховным, суть твоя такова!

А грех — что? Надо избывать, замаливать, бороться с ним, стремиться исключительно к добродетели. Это — как?!

Это так, что первородный и исконный грех означает: с тобой не все в порядке, и никогда не будет все в порядке. Но тем не менее — ты должен постоянно, всю жизнь — бороться с тем, что есть. Чтобы сделать так, как должно быть. Хотя окончательная победа в принципе невозможна.

То есть? Ты не должен быть тем, что есть! Ты должен делать что-то, чтоб быть иным. И тем самым, делая что-то — ты делаешь иным мир.

Доля твоя и участь — всегда переделывать себя и мир. А стремление к совершенству — это стремление к безгрешности: окончательная победа невозможна, цель иллюзорна.

Первородный грех означает: доля твоя, человек — вечно переделывать мир и никогда не удовлетвориться окончательным результатом. Ты — улучшатель мира, человек, ты — его изменятель и преобразователь.

Первородный грех — это залог и знак вечной, имманентной неудовлетворенности.

Ты понял меня, борода вонючая, хуй с рогами? Ты — просто символ того, что борьба за лучшую жизнь, наличие

недостатков и борьба с ними — это нормальное, постоянное состояние человечества.

Душу он захотел. Козлина. Хоть бы выпить принес.

— Принес, — сказал черт и достал из пространства бутылку. — Кружки давай.

Он налил по половине, они глухо стукнулись фаянсовыми кружками и выпили, причем черт с удовольствием крякнул. После чего вынул из воздуха пачку «Мальборо», распечатал и протянул Джареду.

Джаред, еще ощущая во рту блаженное послевкусие настоящего «Джека Дэниэльса», а пожалуй что и «Джентльмен Джека», прикурил от язычка светильника, откинулся и выпустил дым в потолок.

— А ты полезный, — признал он.

Черт хмыкнул, вздохнул и признался:

— Скучно мне. И тебя жаль. Вот торчишь ты здесь. Надеешься на что-то. Мозг свой бедный напрягаешь. А ведь все равно не в силах понять смертный, что произошло.

— Это почему же? — высокомерно осведомился Джаред. К тому времени он полагал себя крупным мыслителем. Эдаким мудрецом-отшельником, прозревшим истину в дальнем глухом лесу.

— А потому, грешник мой нераскаянный, душа заблудшая и пропащая, — заговорил вдруг Черт складно, витиевато и легко, — что не ведаете вы, смертные дурачки, что творите, и души свои никчемные бережете, вместо того чтоб на разум высший их обменять. Но раз ты уже зелья моего причастился и дыма моего вдохнул, и понравилось это тебе так, что блаженство с лица не сходит, то у нас с тобой уже мир да дружба, совет да любовь. И по дружбе нашей великой да по любви нашей горячей я тебе поведаю, профессор философии херов:

Грех — в психологии обычно называется комплекс вины. Это одно и то же. И комплекс вины — это проявление неудовлетворенности собой. А точнее — неудовлетворенности своим поведением. Поступком. Своим действием в системе мира. Неудовлетворенность соотношением «я — и мир». Какой-то поступок не тот. Какое-то качество, свойство характера не то. Что-то во мне требует исправления.

А что надо исправить? Вот я ребенка обидел. Девушку обманул. Друга предал. Хорошо бы восстановить status quo. Но это невозможно. Тогда хоть другого ребенка приласкать, девушке как-то жизнь улучшить, другу потери возместить и просить прощения.

Комплекс вины означает: я должен переделать этот мир, чтобы он стал лучше.

Причем:

Я должен принести свои интересы, удобства и желания в жертву, ради того, чтоб лучше стало другим людям. Тогда моя душа... ну прости, не сердись!.. тогда моим чувствам будет спокойно, мои отрицательные эмоции сменятся положительными. Мой вредный и нежелательный дистресс сменится желаемым и полезным эустрессом. Моя психика придет в сбалансированное, ровное, позитивное состояние — чего и требует моя физиология, мой мозг и весь организм.

Организм человека требует, через мозговые процессы, конкретной деятельности по такому изменению окружающей действительности, чтобы исчез комплекс вины. Чтоб он был компенсирован. Переделай что-то вне себя, снаружи себя — и тогда тебе станет хорошо и правильно внутри себя.

Пока понятно? Наливай — вот же бутылка.

Ты близко подошел: грех — это имманентное состояние человека. А иначе: комплекс вины — это имманентное свойство человеческой психики.

Комплекс вины требует избавления от него — и тем самым побуждает человека вечно что-то переделывать в окружающем мире. От погладить ребенка — до взойти на костер ради убеждений, иначе «совесть замучит». Отдать свой кусок хлеба умирающему от голода, строить жилье сначала вдове друга с семью детьми, а потом уж себе.

А теперь — дискотека! — дурашливо вскричал Черт и отбил копытами чечетку. — Теперь — приступим:

Вот — все хорошо. Все — хорошо! Безопасность, еда и питье, одежды и любое барахло, медицина, образование, свобода, права личности, изобилие. Калека? Возьмем на

содержание, будем лечить. Дети-дебилы? Поместим в интернаты, лечить, учить, кормить, содержать. Преступники? Никого не бить, не казнить, сажать в тюрьмы как комфортабельные отели, кормить хорошо, работать не заставлять. Так. Все устроили. Вертим головами, перебираем мысли: что еще делать?..

Нечего делать. Хочешь — работай, хочешь — учись, хочешь — бездельничай. Секс, разврат? Любой, сколько влезет, пожалуйста. Спорт, путешествия? Вперед. Наркотики? Якобы преследуют, но на самом деле свободно — только это для простонародья, низкого сословия.

А комплекс вины? А жажда действий, свойственная смертным — пусть меньшинству, но элите, лидерам?

Комплекс вины, жажда действий, потребность в переустройстве мира — внакладку на комфорт завершённого и совершенного общества — дают в сложении страшный эффект. Кумулятивный эффект, можно сказать. Тот самый, который мы с тобой наблюдаем. Вернее, я наблюдаю; а ты переживаешь, — поправился он. — Поучительнейшее зрелище, доложу я вам.

Ты меня понял?

— Кажется, начинаю, — проговорил Джаред.

— Только не крестись, если кажется, — быстро предупредил Черт. — Завершаю, друг мой сердечный:

Комплекс вины, он же в данном случае психологический мотив переустройства мира человеком — толкает на что? Искать, что можно улучшить, когда все хорошо!

А конкретно — получается сначала исправление Природы, исправление Мира, каким его создал Повелитель! — злорадно засмеялся Черт. — Они решают надругаться над своим Богом и его творением. Они вообразили себя умнее и милосерднее. Они вообразили себя могущественнее и праведнее Природы и своего Бога!

Ты женщина? Должна быть сильной, храброй и умной, как мужчина! Ты глуп? Имеешь право занять должность и получать зарплату не ниже умного. Ты ебешь мужчину в жопу? Это ничем не хуже юноши и девственницы под венцом. Дикари срут под своей хижиной и режут друг дру-

га? Позови их в свой город, посели, корми и не смей отвечать, если они тебя бьют.

Негры в массе своей глупее и ленивее белых и желтых? Ставь им те же отметки и выдавай те же дипломы, бери на те же посты и плати те же зарплаты, что умным и работящим. Они херово работают? Это ты виноват — зачем сто лет назад угнетал!

Мусульмане воюют друг с другом в своих нищих странах? Позови их к себе и дай все. Корми их четырех жен и двадцать детей — это их культура.

Получается прекрасно! — возликовал Черт. — Они все — мои клиенты, мой счет в Аду разбух от бонусов!

Терзаемые комплексом вины — решили, что их культура это: посадить всех себе на шею, кормить, ублажать, разрешать себя оскорблять и пиздить — и при этом еще каяться, что они белые, что они создали эту культуру, что пустили всех выблядков в свой дом!

А черножопые дикари решили, что их культура — это иметь все, что сделали белые дураки, и их же оскорблять, что они смеют быть умнее, смеют знать, что всю эту цивилизацию создали они!

От стыда, то есть комплекса вины перед господином и моралью своего сословия, самурай делал сэппуку. Офицер пускал себе пулю в висок — его комплекс вины назывался замаранной честью, с этим нельзя жить. От комплекса вины предатель, выдавший под пытками друзей, мог потом повеситься. От комплекса вины убийца раньше или позже, хоть перед смертью, мог иногда признаться и снять вину с того, кого казнили по ошибке.

Но когда все хорошо — это тоже нехорошо! люди это всегда знали. Когда все хорошо — это страшно: что-то должно случиться. И оно всегда случается!

А если не случается? Если не случается само — люди помогают трагедии совершиться. Комплекс вины не позволяет людям слишком долго жить слишком хорошо. Надо что-то исправить. Причем!

Причем! Надо так что-то изменить, чтоб стало хуже, плохо, ужасно!

Вот так цивилизация кончает самоубийством.

Один парень в Европе лет двести назад понял, что есть объективные законы Истории. То есть так он называл Правила Бога.

А эти «объективные законы» проявляются не сами же по себе, а через людей: люди действуют. А чтоб люди действовали, они должны этого хотеть. А чтоб хотели — должны думать, что так будет хорошо и правильно.

И вот они пилят сук, на котором сидят, копают яму, в которой себя похоронят, и произносят умные речи о том, что все будет отлично: справедливо и правильно — и наступит счастье.

Что бы люди не уничтожали — они всегда уверены, что борются за счастье. Оцени мой афоризм, смертный червь!

— Уже оценил, — кивнул Джаред Симпсон. — Можно я себе еще налью?

— Вот так комплекс вины — это точка в конце длинной истории цивилизации. Ее зарождения, подъема, пика, спада — и неизменного крушения в конце.

Комплекс вины — это встроенный самоуничтожитель. Человек, доведя свою цивилизацию до мыслимого совершенства — обязан ее уничтожить. Другой парень в другой стране, тоже в Европе... темные вы люди, американкашки... назвал это эволюцией. А чтоб продолжалась эволюция, то есть развитие материи бренной вашей шло от простого ко все более сложному — все системы, в том числе социальные системы, должны гибнуть, чтобы уступить место новым. Место на Земле ограничено, да и количество материи тоже.

Оказалось, что Черт восседает в кресле с высокой резной спинкой и явно дубовыми подлокотниками, на груди его белеет твердая крахмальная манишка, венчаемая вкруг воротничка черной бабочкой, а нос облагораживают очки в изящной золотой оправе. То есть вид он имел архаично-профессорский, как в кино про Кембридж в XIX веке.

— Вы где-нибудь учились? — неожиданно и крайне глупо спросил Джаред на «вы».

— Я прослушал первые три лекции Конта по позитивной философии в его квартире в Париже, вместе с Гумбольдтом и Пуансо, — скромно ответил Черт. — Жаль, что после третьей лекции он сошел с ума.

Глава 22

ПОТРЕБНОСТЬ КАК ОПЕРЕЖЕНИЕ

Варианты построения всеобщего счастья столь же прекрасны, сколь вечны. Называют ли мир всеобщего счастья раем, коммунизмом, утопией или как еще — суть не меняется. И состоит она в том, что счастье — это всеобщее равенство при условии удовлетворения потребностей каждого. Каждому по потребностям — это великий социальный и философско-экономический тезис.

Тезис об удовлетворении потребностей возник из непонимания двух вещей:

1. Что такое потребность. Какова ее сущность? И какова ее функция?

2. Потребность всегда является опережающей реальность, почему не может быть удовлетворена в принципе.

Говорить мы будем простыми словами. Сложные истины и без того трудны для понимания, чтобы не усложнять их еще более словами, само чтение которых утомляет и отвлекает внимание. Процесс раскодирования текста не должен быть сложен сам по себе. (Очень часто сложность текста воспринимают как сложность заключенных в нем мыслей, путая форму и содержание, как ни банален этот трюизм.)

Простейшая потребность — в биологическом жизнеобеспечении, далее — социальное самоутверждение, далее — разведка окружающего пространства и экспансия, далее — социальное усложнение, далее — совершенствование форм и видов труда и трудовых орудий, развитие ремесел, развитие государства. А вот все у человека есть — а он горит жаждой писать прекрасные стихи или исполнять прекрасную музыку.

И получается:

Потребность — это эмоционально-рациональное острие социальной эволюции. Или иначе: луч, освещающий и направляющий движение социальной эволюции.

Сущность потребности субъективная — импульс к действию. Сущность потребности объективная — импульс к переделыванию мира.

Функция потребности — мотивационный механизм к совершению действий.

Когда классики философии и политической экономики говорят об удовлетворении потребностей — они имеют в виду потребности общего порядка, некоего среднего (по стандартам своей эпохи) уровня. Бытовые: еда, жилище, одежда, развлечения. Социальные: безопасность работы, участие в управлении социумом. А также интеллектуально-эстетические: возможность творить в науках и искусстве.

Вообще это классно. К этому всегда и стремились.

Но.

Потребность всегда требовала излишнего. Вот какое дело. Вся человеческая история — это удовлетворение потребности в излишнем.

Есть у тебя надежная пещера, огонь и топливо, вода и плоды, мясо и шкуры, дубина и каменный нож, и семья у тебя есть. И род твой многочисленный и сильный, врагов не боится. Все! Все у тебя есть! Какого еще черта тебе надо?

Нет. Запасают еду впрок. И шкуры впрок. И учатся добывать огонь, чтоб не хранить вечно. И привязываю каменный нож к палке и делают топор. И сорок тысяч лет спустя, имея прекрасные кареты и лошадей — изобретают автомобиль, а потом борются за чистоту атмосферы.

А мяса им мало — они изобретают пиво и вино, хлеб, разводят овощи такие большие и питательные, каких в природе не было, а потом хотят соль, перец, чай и кофе, хотят есть вилкой (во бред!!! было бы что есть!!!), хотят штаны с карманами, причем сегодня пошире, а завтра поуже.

И тогда благодетелям человечества надо провести линию: ниже линии — потребности удовлетворим, а выше — это уже с жиру бесятся. У всех жилища есть — а этот хочет, чтоб все вместо дела строили храм, неизвестно зачем. А этот хочет новый костюм — «по моде», хотя у него есть два, и оба еще целые и годные.

Но. Так изобрели прядильные и ткацкие машины, и швейную машинку, и ее же с электрическим приводом,

и типовые лекала для раскроя ткани, и многочисленные красители для одежд, пуговицы и «молнии».

«Пирамида потребностей» Маслоу очень примитивна; условна и ограничена. Да: внизу жизнеобеспечение, выше социальные потребности, на самом верху — творческие, эстетические и в навершие — духовные.

Правильно же — во-первых, пирамида вытянута вверх в бесконечность как шпиль, а из каждого уровня-этажа тянутся в стороны-вверх утончающиеся длинные побеги. Ну смотрите: удобный благоустроенный дом превратился в небоскреб, пища стала гастрономическими изысками, одежда — в дикие эксклюзивные показы домов моды, живопись стала абстрактным бредом, а безопасность породила тысячи самоубийц «экстремального спорта».

Потребность как понятие сопряжено еще с двумя важнейшими вещами: свободой и безостановочностью жизни. Поступательное развитие принципиально неостановимо. А потребность — мотивационный механизм этого развития человеческой цивилизации и всего с ней связанного.

Принципиальное же удовлетворение потребностей означает ограничение хотения сверх того, что у тебя есть. Запрет на свободу желать и добиваться чего-либо, чем ты еще не обеспечен!

И тогда коммунистические демагоги говорят о раскрытии творческих способностей: реализуй свою потребность в творчестве! Сытость гарантирована — реализуй свои потребности в области науки и духовности. Да? А если все будут творить — кто будет исполнять? Природа социума такова, что на одного творца — сотни трудяг, исполнителей, делателей. Люди таковы! Нет у большинства никаких творческих потребностей — большинство всегда стадо конформистов, категорически необходимое для устойчивости социума, для здорового консерватизма, для исполнения планов и замыслов, рожденных в одной или немногих головах. Социума нет без коллективизма и — о, простите! — корпоративизма.

И свои потребности в изменении мира большинство направляет в вещи простые и доступные. Дом побольше и покрасивее в лучшем районе, машина подороже и поновее, одежда, украшения, развлечения, уровень престижа в своем кругу и принадлежность к высшему кругу. То есть потребность подавляющего большинства имеет характер стремления к повышению своего материального и социального уровня в любом существующем обществе. Тем самым потребность всегда иметь больше — двигатель прогресса и роста производства. А это процесс неостановимый! Миллиардеры зарабатывают еще больше миллиардов! Потому что потребность миллиардера — не иметь сто миллиардов, а делать миллиарды, делать их, делать, делать! Это его форма существования, его потребность!

Человек отличается от животного именно неудовлетворяемостью потребностей! Человек не уравновешен в природе, не вписан ровно и гармонично в окружающую среду — он энергоизбыточен, ему потребно все изменять под себя. Не скажет он никогда: «Остановись, мгновенье!» Ибо остановка есть смерть всего.

...Левые этого не поймут никогда. Потому что не хотят. Потому что страсть к преобразованию мира — первична. А разум рационализирует эту страсть как план достижения намеченной цели. Желаемой страстью цели. Разум вторичен, роль его — служебная.

Проповедующий «каждому — по потребностям» дурак и лжец. И кто строит коммунизм — не должен удивляться, когда построит казарму. Даже комфортабельную казарму. Но! В казарме за тебя всегда мыслит фюрер.

Глава 23

СОЦИАЛИЗМ В США

Социализм — это силовое внедрение утопии в жизнь.

Социализм — это силовое приведение жизни в соответствие с утопией.

Трагедия социализма — это невозможность совместить несовершенную реальность с совершенным идеалом.

Социализм возможен, если изменить людей в нужном направлении.

Беда социализма в том, что ему нужны одни люди, а Природа создала других.

Ошибка социализма в том, что он противопоставляет реальному настоящему — гипотетическое будущее.

Социализм — это мир фантастики, где за ошибки авторов расплачиваются персонажи.

Философская невозможность социализма в том, что мораль как психологический закон существования социума — он подменяет благими пожеланиями как вымышленной моралью гипотетического социума.

Бредовость социализма в том, что он отрицает разницу в возможности существования реального социума — и социума гипотетического.

Беспощадность социализма в том, что он любыми способами отрицает разницу между реальностью и гипотезой.

Будучи беспомощен и лжив как наука — социализм может торжествовать только как вера и религия.

Социализм как вера и религия необходим людям в отсутствие иной веры и религии, восходящей к Богу. Психологически людям для успешного сосуществования в социуме необходима Высшая Надличностная Ценность, которая придаст смысл всем их помыслам и поступкам, не сводимым к эгоистическому самообеспечению.

Сегодня, в 2021 году н.э., в мире наличествуют только две веры: Коммунизм и Ислам. Обе удовлетворяют высшим потребностям человека: дают Категорический Императив системообразующих ценностей — и Высший Смысл поступков человека и направленности его жизни.

. . . . . .

Сытость, безопасность, комфорт и изобилие — порождают благодушие, лень, слабость и разврат духа и тела. Не желая тратить силы на переделывание окружающего мира по своему вкусу — пост-цивилизованный человек изыскивает причины и предлоги мириться со всем происходящим, строя спекулятивные теории о нравственности и пользе принимать все происходящее. Так возникает суицидальная идеология саморазрушающейся цивилизации.

Саморазрушающаяся цивилизация раздваивается внутри себя, порождая два противоположных течения.

Одно можно назвать толерантным пацифизмом: терпеть все происходящие изменения, мириться со всеми разрушительными тенденциями, формировать поддерживающую эту историческую пассивность идеологию. Все, кто мешают этому сладкому тлению и гибели цивилизации, кто будоражат ее покой и душевный комфорт — вызывают сильнейшее раздражение. Таких диссидентов клеймят позором, изгоняют из общества, лишают права голоса, сажают по надуманным обвинениям в тюрьмы и позиционируют как людей жестоких, порочных и невежественных.

Другое течение можно назвать съедением заживо. Вся внутренняя агрессия общества направляется на себя само. Жаждущие реализовать свои силы и возможности люди обретают смысл жизни в уничтожении своей цивилизации, вскормившей их и давшей высочайший уровень жизни и круг перспектив. Они, в свою очередь, изобретают теории, доказывающие необходимость и благотворность уничтожения этой своей цивилизации, объявляя ее скопищем всех пороков. При исторической невозможности бороться за дальнейшее развитие цивилизации — они становятся убежденными и активными бойцами за ее уничтожение.

И в том же направлении действуют внешние факторы, превращаясь во враждебные силы. Осознавая и чувствуя беспомощность гибнущей цивилизации против их напора — жестокого, фанатичного, отчаянного и беспощадного — варвары презирают сытых, благополучных и трусливых (в их понимании) граждан цивилизации — и, пользуясь их стремлением терпеть и оправдывать все, лишь бы не напрягаться — цинично и расчетливо завладевают их землями, страной и имуществом.

...Вот поэтому к концу I четверти XXI века Соединенные Штаты Америки, охваченные лихорадкой всех видов социализма-коммунизма, в который грянула их молодежь и образованный мыслящий класса, оказались беспомощны также перед Исламом, поднимавшимся в полный рост над гниющим отцветшим садом Великой Западной Цивилизации.

Вот поэтому Катастрофа не могла не произойти.

P.S. Надпись зеленым фламастером на задней стороне обложки брошюры гласила:

Обычно сначала в капиталистической стране побеждает социалистическая революция (или переворот) — а потом довольно быстро наступает нищета и государственное распределение продуктов и одежды по карточкам.

Богатая и прочно организованная Америка пошла по другому — парадоксальному и обратному — пути: сначала разрушители цивилизации уничтожили экономику и ввергли народ в нищету — а уже потом объяснили голодным массам, что заботливое центральное правительство будет заботиться о них: раздавать всем пособия, продукты и товары первой необходимости. Так социализм пришел к власти в США.

Глава 24

РЫНОК НЕ ПЕРЕПЛЮНЕШЬ

В рынке — всегда и обязательно присутствует элемент случайности. Учитывается и работает. Кто-то самый сообразительный вынюхал конъюнктуру завтрашнего дня и поставил товар за день до появления и взлета спроса. Кто-то вдруг открыл золотые россыпи, обвалил цены на золото и обусловил экономический подъем региона. У лидера молодежной группировки брат пришел из армии и подарил ему армейскую куртку со значками — завтра ему стали подражать крутые парни и кумиры улиц.

Предприимчивый безработный механик придумал делать только одну какую-то запчасть к автомобилю — но очень качественно, быстро и дешево: он мгновенно завоевал сегментик рынка, и ему стали подражать с другими деталями. У женщины обнаружился тонкий вкус в одежде и чувство стиля — она заняла денег в банке под залог чего угодно и открыла свою линию: толпы клиенток и новые линии.

Холодная зима! И кто-то сегодня же скупил запас синтетического меха и начал бешено строчить теплые куртки и шубки: завтра они в магазинах, а он миллионер. Уродилось несметно яблок: и кто-то мгновенно строит склады,

арендует винокурню для изготовления кальвадоса и консервную фабрику, производящую повидло.

Случайность нельзя предусмотреть. То есть можно — одним-единственным образом: быть максимально готовым в кратчайшие сроки адекватно отреагировать на любую случайность. Раз — и отреагировал: мгновенно и правильно.

Экономический план принципиально исключает случайность. А случай в природе всегда имеет место. Запасы на случай голода сделать можно. Но держать пустые склады и производственные мощности на случай непредсказуемо большого урожая уже невозможно. А спланировать и наладить производство в считаные дни и недели нереально.

Свободное предпринимательство отличается от планового производства тем, что решает задачу наипростейшим способом и в кратчайшее время, сведя объем согласований к совершеннейшему минимуму. Свободное предпринимательство исключает из себя множество затрат и операций, органически присущих плановой экономике.

Свободное предпринимательство — то есть рынок — это: производитель всегда и необходимо связан обратной связью с потребителем — связью прямой и мгновенной. Исключаются все посредники, кого только можно исключить. «План» определяется и корректируется ежечасно, без инерции.

Рынок — это миллион щупалец, миллион глаз и миллион голов, постоянно тестирующих обстановку на всех участках одновременно — и мгновенно принимающих адекватное решение на всех участках и всех этапах всеобщего производственного процесса одновременно. Плановый же социализм исключает ум и адекватное действие подавляющего большинства участников, превращая их в бездумные винтики производства, координируемого ничтожным меньшинством, у которого отсутствует прямая информация и прямая связь с производством.

То есть: социализм в действии — намного глупее, медлительнее и раскоординированнее рынка.

Посему социализм принципиально проигрывает свободному рынку, причем проигрыш этот всегда и быстро превращается в разорение.

Ну, и о ценах. При свободной конкуренции цена устанавливается на минимально приемлемом уровне — чтоб не разориться, но обеспечить себе спрос. (Вот за честностью конкуренции и обязано следить государство, пресекая как сговор производителей, так и монополии с их произволом монопольных цен.) При плановом социализме цена устанавливается произвольно — как «государство» решит. Что делает одни производства убыточно-дотационными, а для дотаций цены на товары других, прибыльных производителей задираются до небес. Получите черный рынок, бедность и дефицит.

Поэтому — спокойно, ребята! Они могут собрать конструкцию социализма — свод политических и экономических институтов и законов. Но эта выдуманная конструкция все равно завалится. Хотя лучше пересажать социалистов заранее, а самых рьяных — перестрелять. Дешевле обойдется.

. . . . . .

(простая иллюстрация): Представьте себе поворот поезда, идущего по железной дороге. Рельсы плавно поворачивают, кривизна поворота мала, вагоны пологой дугой следуют за локомотивом, через километр-другой состав может повернуть на 90%. Теперь — идет длинная вереница автомобилей: при необходимости резко повернуть — радиус поворота 5 метров — через секунду шеренга автомобилей уже повернула, развернувшись в нужном направлении. Поворот поезда последователен, все вагоны сцеплены — автомобили же поворачивают «все вдруг», на ходу выстраиваясь в нужный порядок. Это и есть разницы между плановой экономикой и рыночной, когда надо реагировать на повороты дороги, на изменения курса.

Глава 25

ВЛАСТЬ

Без этого не понять, без этого не понять...

Благонамеренные идиоты рассматривали власть как насилие. А насилие порождает сопротивление. И сокрушить власть — задача и долг возлюбивших свободу. То есть сокрушить государство, являющееся источником такой власти. И устроить счастливое общежитие, где никто никому не приказывает и никто никому не подчинен. Все общее, все вместе, мирным договором между собой, если необходимо.

В силу природы человека такие замыслы, будучи претворяемы в практику все полнее, в результате неизбежно доводятся до тоталитаризма. Всегда и без исключений. Но это левых мыслителей не интересует и исключается из рассмотрения как раздражающая и не принципиальная мелочь.

Вопреки глубоко нами уважаемым Гоббсу, Локку и Руссо, мы не можем принять всерьез ни гипотезу «войны всех против всех», предшествовавшей появлению государства, ни теорию «общественного договора». Потому что безвластного периода в истории человечества не было. Вообще. Никогда. От появления человека на свет. И ранее того — когда он был еще обезьяной.

Обезьянья стая — это структурированный социум со своей системой власти и подчинения. Первобытная человеческая стая — родовая группа численностью в 20–50 человек — для успешного выживания в суровой природе и столкновениях с чужаками — также должна была структурироваться оптимальным образом. Что необходимо для предельно эффективной защиты каждого члена, добывания пищи и защиты от хищников.

Система — это организация элементов в такую взаимосвязь, когда совокупно они обладают большей энергией, способны на более значительные действия, нежели порознь. Собранные в систему элементы обладают новым качеством по сравнению с простой суммой тех же элементов.

Власть — это имманентный аспект любой социальной системы.

Власть — это имманентный аспект любой координации общей деятельности.

А поскольку человек — существо социальное, то с равным правом можно сказать: человек — существо властное. Внутри социума он всегда связан отношениями повелевания и подчинения.

В некоторых пределах, разумных ли, малых ли, но необходимость власти не только понятна подчиненным, но само подчинение признается разумным, нужным и воспринимается с удовлетворением.

Власть капитана на корабле, где у каждого члена экипажа своя судовая роль. Власть командующего македонской фалангой. Власть бригадира в бригаде, капитана в роте, учителя в классе. При условии, разумеется, что властвующий компетентен и справедлив.

Подчиненный испытывает удовлетворения от сознания и ощущения того, что его личность и деятельность — необходимы, уважаемы и действует он на своем месте наилучшим образом. Он — полноправный член достойной группы.

Социальный инстинкт присущ природе человека. Социальный инстинкт заставляет его собираться в группы и занимать как можно более высокое место в этой группе.

А где группа — там и власть.

Власть — это не только координация. Власть — это не только цементирующий раствор. Власть — это усилитель группы. Власть (в некоторых пределах!) усиливает, увеличивает возможности группы до уровня, которого люди никогда не достигли бы совершенно добровольно. Не стали бы строить пирамиды.

Но. Конечно. Власть обязана подавлять сопротивление и навязывать свою волю — иначе она не власть. Скандалисты всегда найдутся, без конфликтов не бывает. Каждую печаль не утешишь — лидеру надо рулить всей группой, руководствоваться общим благом. И вот здесь — чем больше группа, тем больше отчуждение власти от людей внизу. В бригаде или партизанском отряде ты диктатором не будешь — сместят или пристрелят: ты свой братан, не борзей. Но по мере создания и роста государства с его бюрократической пирамидой и полицейским аппаратом — чиновник опасается лишь своих начальников и подчиненных, лишь от них зависит: и злоупотребления власти могут приобретать характер безнаказанности.

А если отменить власть? Пробовали. Тогда властью станут бандиты. Или новые выборные лица, вкусив неограниченных возможностей, проявят диктаторские черты сами.

И установится такой тоталитаризм, что «буржуазная власть капиталистов» покажется визитом благотворителей в детский сад.

Отмена упорядоченной власти — означает установление неупорядоченной власти. Самопровозглашенной, бандитской, которая ограничена только собственной силой.

Отмена власти — означает господство произвола. То есть господство голой силы. Не сдерживаемой никаким законом и не смягченной никакой моралью.

Что делать? Давно известно. Гражданское представительство, разумные и справедливые законы, аппарат контроля за их соблюдением. Разделение ветвей власти. Уравновешивать. Переизбирать. Пресса, суды, законодатели.

Да, абсолютной гарантии от злоупотреблений не существует. Главное: такой общественный и государственный механизм, который постоянно, в режиме коррекции курса, замечает и исправляет злоупотребления. В режиме поворотов руля при движении по дороге адекватно реагирует на изменения, происходящие в мире.

А если коррупция всех сожрала? Увы. Не впервые в истории. Остается право на восстание. Где Дерево Свободы, которое нужно поливать кровью тиранов и патриотов?

Но. Если вы сломаете все. Чтобы на обломках создать счастье и равенство. То. Поскольку все ограничительные и уравновешивающие структуры будут разрушены. Настанет такая первобытная жестокость. Что хана вам всем. Друг друга сожрете. Как всегда бывало в истории.

Так что понимайте про власть немного внимательнее.

ЛЕВЫЙ МАРШ

Да здравствует ЛСДАП! Дело Либерал-Социалистической Демократической Американской Партии живет и торжествует!

Боевые отряды юных бойцов смело вышли на улицы и сломали хребет капиталистическому зверю. И в страхе бежали от них полицейские убийцы и продажная национальная гвардия.

Миллиардеры и олигархи, воротилы американского бизнеса и магнаты СМИ, цинично думали, что используют революционную молодежь как безмозглых леваков и шпану — для уличных погромов и запугивания обывателя. Нашими руками они хотели посеять хаос и совершить государственный переворот в своих целях. Левые активисты казались им глупцами — слушали провокаторов, брали для Движения и борьбы деньги магнатов и разрушали старый порядок по их планам.

Но левые борцы разгадали эти планы. Они использовали магнатов как дойную корову. И после победы Славной Революции, сокрушив Старый Мир, революционеры твердой рукой взяли власть — не собираясь отдавать ее богачам и эксплуататорам.

Короче, ребята: хватит тут доклад делать, к черту эти буржуазные предрассудки! Давайте я по-простому, по-нашему:

После победы переворота мы решили прирезать богачей, вообразивших себя кукловодами, а всю власть забрать себе. Сила была на нашей стороне! Толстосумы тщетно спасались от наших беспощадных отрядов красных мстителей. Да, и убивать случалось, и награбленное отбирали! — а вы как думали?! Армия не стала защищать эксплуататоров, идеологически армия стала нашей, солдаты и генералы — все уже были левыми.

Вот так мы установили коммунистическую диктатуру!

И теперь памятники Солу Алински, Берни Сандерсу, Че Геваре и Лео Троцкому стоят на всех площадях обновленной страны! И живые цветы не вянут у их подножий!..

И наша Партия, поэтапно подчинив и включив в себя прочие партии (а неподчинившиеся запретив и уничтожив), теперь обладает полной монополией на государственную власть! И вместе с вами мы строим светлое будущее для всего человечества! А временные трудности, нехватку продовольствия и дефицит квалифицированных кадров, мы преодолеем.

КНИГА V

Глава 26

РОЖДЕНИЕ ДУХА И ДАЛЕЕ

Знаете, а ведь это страшно заезженный сюжет. Бродячий. Классический миф о Великой Американской Мечте. Самый народный, самый массовый его вариант. От земли и хлеба, если хотите; от основ.

И ведь мы сейчас легко и быстро проследим генезис этого архетипа. Ничего, что я такими словами? Больше не буду. Я имел в виду, что это не просто расхожий сюжет американских романов «в стиле кантри», если допустимо так выразиться, и даже не просто голливудский штамп: рядовой человек обретает смысл жизни в созидательной деятельности, преобразуя дикую природу. Куда-то едет и с нуля на голом месте что-то создает, хорошее и значительное.

О нет: смотри глубже. Это восходит к традициям племенного строя, когда каждый народ отчасти жил в изоляции, отчасти был окружен врагами, и свежая кровь очень ценилась в мире родственных браков. И образ заезжего бойца, сильного дружественного чужака, альфа-самца в гостях, который женился на дочери вождя и становился вождем сам, ведя свой новый народ к величию — этот образ переходил из былей в песни, из песен в сказания, из сказаний в поэмы, драмы, эпосы; а потом люди научились писать романы.

Был другой вариант: герой с любимой женщиной, с ними могли быть дети, могла группа друзей, уходили от

своего народа в неизведанные дали, осваивали новые земли и становились патриархами, отцами-основателями нового города и державы.

Это даже штамп. Он вам наверняка знаком. Видели вы такие фильмы, в них играли знаменитые актеры (сюжет, музыка, пейзаж, ружья). И читали книги — те из вас, кто читал книги, и в те времена, когда люди еще читали книги вообще.

Таким образом, вам все это будет очень легко себе представить.

Где-то середина XIX века. Сельская округа и небольшой городок — на северо-востоке, недалеко от побережья. Живут люди трудно, небогато, хотя усердно работают. И приходят слухи, что далеко на Западе есть много свободной земли, она плодородна, но путь туда далек и опасен. Но у кого-то знакомый знакомого туда уже отправился, а кто-то читал в газете, что земля там плодородна, а чиновников нет и еще долго не будет; а кого-то ввергает в задумчивость известие, что рука закона туда не дотягивается.

Так собирается караван. Это мелкие фермеры, которые не могут расплатиться по закладным, со своими семьями. Наемные рабочие, сезонники без кола и двора. Пара клерков, мечтающих стать свободными хозяевами. Разорившийся торговец, строящий планы стать монополистом округи и разбогатеть. Мужчины без профессий, бродячий священник, безработный школьный учитель, уставший от бесприютной жизни ганфайтер.

У кого-то есть лошади и фургон, у кого-то быки, мулы, запасы муки, мешки с зерном; люди знакомятся, договариваются, составляют списки, продают ненужное имущество. Покупают провизию и снаряжение, готовят палатки, веревки, у многих оружие.

И вот они трогаются: четыре десятка фургонов, сотни полторы человек. Пара вооруженных всадников шагом едут впереди каравана, проверяют путь. Еще двое замыкают колонну: пыль и колесный скрип, погромыхивание утвари под парусиновыми тентами, мычание быков и лошадиное ржание. Иногда дети выскакивают на землю и идут, бегут рядом — размять ноги, поиграть.

К вечеру разбивается лагерь, готовят пищу на кострах, пасется распряженный скот, если есть трава, — или задается корм в торбы или ясли. Разговоры, планы, подсчет расстояний. Запах дыма, навоза, пота, колесной мази. Утром — снова в путь. Быстрый завтрак, запрягаются в фургоны лошади и быки. Иногда двенадцать миль в день, а случается и больше двадцати — в хорошую погоду, по ровному месту.

Караван спускается с зеленых холмов, на берегу реки мужчины валят деревья и вяжут, сбивают большие плоты. Начинается долгий сплав по большой реке — каждый плот держит и несет фургон с припасами и распряженными лошадьми. Один плот разбивается на камнях, кто-то тонет, чья-то лошадь пугается и прыгает в воду, обычные происшествия. Вечером пристают к берегу, утром сворачивают лагерь — день за днем.

Наконец в небольшом городке они продают свои плоты на бревна, докупают припасов; и там же нескольку переселенцев в баре поссорились с местными: драка, раненый, лечение побоев, угрозы, все как полагается.

И караван начинает путь через прерии. Высокие травы сменяются низкими; неделя за неделей, покачиваясь и скрипя, фургоны плывут к горизонту, за который спускается солнце... Держи на Запад!

В караване оказывается вор — украл у одного деньги. Обнаружили, били, хотели повесить. Потом выгнали.

Здесь на лагерь ночью нападают бандиты, пытаясь угнать лошадей. Крики, скачущие кони, стрельба, кто-то ранен, кто-то умирает; нападение отбито. Утром хоронят своего мертвого, пастор читает молитву, и могила остается все дальше позади каравана.

Огромное стадо бизонов снесло пару фургонов на своем пути, тучи пыли, топот, пару бизонов удается подстрелить, много мяса, его вялят в запас на дорогу.

Ну, конечно, нападение индейцев, переселенцы срочно распрягают фургоны и выстраивают в круг, отстреливаясь из этой крепости: оперенные стрелы, улюлюканье, всадники с томагавками, двое убитых. Еще две могилы оставляет утром караван: не все дойдут до цели...

Так месяц за месяцем идут фургоны через Великие Равнины. Почва становится каменистее, ночи холоднее.

Люди давно сроднились. Уже определились лидеры и молчуны, шутники и скептики. Дружат и дерутся мальчишки, ссоры в одной семье, подозрение на измену в другой. Среди налаженной лагерной жизни по вечерам — складываются отношения одной пары, со временем перерастающие во влюбленность. Иногда — прогулка под звездами, разговоры о будущем на новом месте.

Там, где Равнины превращаются в пустыню, караван застала страшная жара, воды не хватало. А позднее, когда стали подниматься в горы, сильный ливень смывал фургоны с тропы, их держали и толкали руками, один все же рухнул с обрыва, но люди уцелели.

Возможно, читателю недостаточно этих сцен, хорошо ему знакомых и потому явственно встающих перед глазами, но автор готов подтвердить драматическую сагу реальной историей и географией, с цифрами и названиями.

Если из Пенсильвании, традиционно фермерских округов Йорк или Ланкастер, отправиться на Запад, перейти Аппалачи, добраться до верхнего течения Огайо, спуститься по ней до Миссисипи, переправиться на ее правый (западный) берег и направиться на северо-запад, то караван приходил в Индепенденс, превратившийся из поселка на фронтире в город. Он стал началом Великой Орегонской Тропы. Но можно было предпочесть и северный маршрут, Восточный Путь к Тропе начинался вообще от Олбани. Двигаясь на запад южнее Великих Озер вдоль северного края Огайо и Индианы, пересекая Иллинойс на юго-запад, пионеры переправлялись через Миссисипи и Миссури и достигали того же Индепенденса.

Из Индепенденса, что близ Канзас-Сити, пришедшие из разных мест караваны отправлялись дальше, на Запад. Через Форт Керни, Форт Лэрэми, оставив позади Великие Равнины, преодолев перевалы Скалистых Гор, спускались они в долины Орегона. Здесь заканчивалось великое переселение.

Полторы тысячи миль нужно было преодолеть с Востока только до Индепенденса, и еще две тысячи по Тропе —

от него до орегонских долин. Не менее трех с половиной тысяч миль проходил караван. Полгода — полгода! — продолжалось путешествие через весь континент — пешком, верхом и в фургоне.

На Запад приходила спаянная команда, выносливые, закаленные, упорные люди, надежные в работе и опасности, доверяющие друг другу имущество и жизнь в трудную минуту.

Кстати о городках той эпохи. В вестерне обычно — это полдюжины деревянных построек по одной улочке, вдоль которой скачут и стреляют. Обязательны бар, отель, парикмахерская и пара жилых домов.

Городок — это: магазин с продуктами, одеждой и обувью, бакалеей и предметами конской упряжи, инструментами плотницкими и для полевых работ, плюс оружейная лавка; то есть магазинов становилось несколько. Это кузница, где могли перековать коней. Ветеринар был ценным специалистом: кони дороги, скот — это главный капитал. Аптека, где аптекарь был и доктором. Это почта, где продавали и посильной свежести газеты. Банные номера, парикмахерская — это уже мелочи. Ну да, бар обязателен — прибыльный бизнес. Его можно совместить с дешевым рестораном: заезжий люд стосковался по цивилизованной пище. А вот бордель при нем — это в основном художественный вымысел.

...Но — возвращаемся к нашему художественному вымыслу, который и есть правда:

Фургоны вытягиваются вереницей из леса на равнину у реки. И тот, кто вел караван все эти месяцы, спрыгивает с коня и стреляет в воздух: мы пришли!

Люди обнимаются, плачут, смотрят вдаль, вспоминают потери и строят планы: они хозяева своей новой жизни. Упрямые, суровые, трудолюбивые и храбрые пионеры. Родоначальники цивилизаций. Позже их назовут отцами-основателями.

И вот уже валятся под звон топоров огромные сосны, из белых ошкуренных бревен ставятся дома, крест водружается на скромную деревянную церковь, одна из женщин оказывается учительницей и составляет список будущих

учеников, и земледелец, оставив у края поля винчестер, налегает на рукояти плуга за парой быков, ведя первую борозду по целине.

Из косточек они проращивают саженцы персиков и яблонь, вручную жнут урожай, и в новой церкви состоится первая свадьба:

Наш герой и его любимая, юные и смущенные, с натруженными руками, он в неловко сидящем костюме, она в белом платье, стоят перед священником:

«Согласны ли вы быть с ней в горе и радости, богатстве и бедности, болезни и здравии, пока смерть не разлучит вас?»

Они надевают кольца друг другу, целуются, и юные муж и жена выходят из церкви, забрасываемые то ли горстями риса, то ли лепестками.

И туман, и месяцы, и в своем доме, маленьком, бедном и чистом, они рядом склонились над колыбелью с ребенком...

...А теперь — то главное, ради чего было все, что описано выше:

Прошло пятьдесят лет.

В просторной комнате на постели умирает старик.

Вокруг сидит его большая семья — зрелые мужчины с женами, его сыновья, немолодые женщины с мужьями — его дочери. Внуки, юноши (один очень похож на него), девушки, совсем еще маленькие дети.

Седая жена сидит в изголовье, держа его за руку и вглядываясь в родное лицо.

Его зовут Джо Баррет.

Окна открыты на три стороны. Лето, солнце, ветерок шуршит листвой за окном.

За одним окном — его поле, большое, возделанное, там зреет хороший урожай. За другим — его сад, тенистый, ухоженный, яблоки скоро будут наливаться. А за третьим — его город: каменная церковь, школа, банк, почта, магазины и дома под железом и черепицей.

Это — его жизнь.

Это он оставляет после себя на земле. Его след, его вклад, труд его жизни, воплощенный в этом городе, этих полях и садах. Вот — его жизнь.

Это большое счастье.

...А теперь помянем его, позавидуем ему. И промотаем еще сто лет вперед:

Обычный захолустный городок: асфальтовое шоссе, супермаркет, банк-почта-аптека, несколько ресторанов и МакДональдс. Здесь живет двадцатилетний Итан Баррет, оставшийся в родном городке и умирающий от скуки. Он не хочет работать клерком в банке или на почте, продавцом в магазине или механиком на бензоколонке, не знает, как завести свой бизнес, какая-нибудь ученая карьера для него слишком сложна. Хороший мотоцикл дорог, да и драться он не любит, так что податься в байкеры тоже не для него.

Этот мир готов. Он сформировался и завершен. Итану Баррету нечего в нем делать. Для него нет фургона, нет каравана, нет Орегонской Тропы, бизонов и бандитов тоже нет, и нет индейцев, ставших коренными американцами. Нет неосвоенных земель, нет риска и тяжелого труда. Нет кайфа в жизни.

Все, что он может сделать — это перевернуть этот мир, сломать, изменить, разрушить — и на его обломках построить новый. Счастливый, справедливый, мир равенства и счастья. Ибо нужна же причина для разгрома опостылевшего старого мира?

Итан Баррет пристал к своему каравану друзей из Интернета и вместе с ними двинулся в обетованную, неизведанную землю Социалистической Революции.

. . . . . .

И караван пошел в обратную сторону, но в ту же реку нельзя войти дважды, нельзя воскресить юного Джо Баррета, но можно уничтожить дело его жизни, разрушить семьи его правнуков, надругаться над его религией и пустить по ветру плоды его труда. Уже нет тех суровых богобоязненных пионеров, трудолюбивых и бесстрашных, их добродетели осмеяны, их представления о добре и зле заклеймены порочными и преступными. Но дух — дух рассеивается в воздухе и времени, становится атмосферой, которую мы вдыхаем в себя — и вдруг оказывается, что дух людей, на чьем поте и крови взошла страна, дух жив.

Вот такой наивный архаичный пафос, эхо романов XVIII века, вдруг оказывается единственно верными словами, а они, лучше бы не надо, но уже ничего не исправишь — слова оказываются правдой.

Глава 27
КАЗНЬ ФАШИСТА

обрывок комикса в пустом аэропорту

В первом квадратике рисунок: испуганный мужчина в официальном чиновничьем костюме и с петлей на шее. Из головы исходит вверх ножка белого овала, в овале картинка: судья в парике и черной мантии с кружевным жабо, изо рта которого тянутся слова: «Какие вы видите основания к тому, чтобы не быть повешенным за шею высоко и коротко, пока не умрете?» Это формула старинного английского судопроизводства из исторических романов, какие когда-то читали подростки.

Квадратик второй, рисунок: веревка с петлей на шее человечка перекинута через уличный фонарь, подросток сидит на его перекладине, двое мужчин в рабочих комбинезонах готовы налечь на свисающий свободный конец. В желтом круге фонарного света толпится пара десятков мужчин, несколько женщин, некоторые вооружены. Над седым стариком в стетсоне — слова: «Да свершится правосудие!»

Рисунок в третьем квадратике: осужденный рыдает: «Пощадите! За что?»

Четвертый рисунок: слова над толпой: «За то, что вы уничтожили страну, твари!» «Кто уничтожал нашу историю?» «Натравил детей на родителей, а теперь воет, сука!»

Местами лист порван, не все рисунки можно разобрать, но смысл и последовательность сцен понятны:

Работяга со сжатым кулаком:

— Это вы угнали наши места в Китай и в Малайзию, закрыли заводы, выкинули нас на улицу и посадили на нищее пособие!

Ранчер в сапожках на высоких каблуках, опоясанный патронташем:

— Зеленые и веганы запретили мясо! Заставили порезать весь скот! Народ жрет вашу генномодифицированную сою и вырождается!

Ветеран в старой армейской форме:

— Это ты хотел конфисковать наше оружие? Хотел сделать народ беззащитным?

Плачущая старуха:

— Вы свели с ума моего сына, ваши врачи кастрировали его, он стал евнухом и одевается как женщина! У меня не будет внуков...

Чиновник с петлей на шее:

— Вы фашисты! Убийцы! Пещерные люди!

Лысый профессор в очках, со шрамом через лицо:

— Фашисты — вы! Университеты воспитывают гитлерюгенд! Заставляете лгать! Запугиваете несогласных! Запретили свободу слова! Грабите работяг и содержите паразитов! Контролируете всю нашу жизнь! Объявили врагами всех, кому вы не нравитесь!

Нефтяник в оранжевой каске:

— У нас все остались без работы. Теперь нефть покупают в России и Иране. Смерть предателям!

Толстый шофер в футболке с портретом Трампа и красной бейсболке:

— Мы гоняли траки по всей Америке! Из Нью-Йорке до Калифорнии, из Сиэтла до Нью-Орлеана! Мебель и мясо, книги и обувь! Вы запретили бензин и солярку, остались электропоезда и дурацкие хилые электромобили! Вы сделали бедной всю страну!

Пьяный журналист в твидовом пиджаке:

— Ты истинный фашист, приятель. Вы лгали всем и всегда. Лишали всех свободы и требовали соглашаться и подчиняться. Создали государство, против которого человек бессилен. Фашистское государство распоряжается всем. И для отвода глаз называли фашистами своих врагов! Мы хотели свободы, хотели распоряжаться своей судьбой и своей страной, сами воспитывать своих детей и сами выбирать себе правительство. И вы, фашисты, еще называли фашистами нас. Сдохни, приятель.

Общий хор:

— Смерть фашизму!

Предпоследний рисунок: на груди дрожащего чиновника висит табличка: «Левацкий демократический фашист».

И на последней картинке: дергающиеся ноги над землей, с одной ноги туфля свалилась наземь, с другой туфли стекает тонкая струйка мочи. Довольно натуралистично.

Это — на левой странице журнального разворота.

А на правой странице — отрывок статьи:

«....шибочно считали фашизм правым движением. Это не столько заблуждение, происходящее от незнания истории левых движений вообще и фашизма в частности, сколько целенаправленная пропаганды со стороны социалистических и коммунистических кругов, по понятным причинам желающих отмежеваться от своего скомпрометированного некогда попутчика, а затем конкурента.

Возникшая в Италии 23 марта 1919 года партия Fascio di Combattimento, «Союз Борьбы», созданная исключенным из лидеров итальянского социализма Бенито Муссолини, имела программой движение по «третьему пути», отличному как от марксистского социализма в интерпретации руководимого Москвой Третьего Коммунистического Интернационала, так и от общества свободного предпринимательства, обычно именуемого буржуазной демократией или просто капитализмом. Через три года, после прихода фашистов к власти, развернулось мощное государственное строительство: прокладка автомобильных дорог, осушение болот, создание рабочих мест и новых пахотных земель. Три четверти фирм в Италии принадлежали государству. Был установлен 8-часовой рабочий день, введено всеобщее избирательное право (для женщин также), Муссолини устанавливал размеры зарплат и регулировал цены на.....

.....ря того же 1919 года Антоном Дрекслером и Карлом Харрером была создана Немецкая Рабочая Партия. Она создавалась именно как партия рабочего класса, в отличие от других социалистических партий, состоявших в основном

из интеллигенции и среднего класса. Позднее в НРП вступил Адольф Гитлер; в начале 1920 года она была переименована в Национальную Социалистическую Рабочую Партию Германии.

25 пунктов програм.....

..... Коминтерн, III Интернационал, он же Коммунистический, был создан по указанию Ленина в Советской России 2 марта 1919 года! Это совпадение необходимо отметить.

Коминтерн был орудием исключительно внешней политики Советов и направлен на подрыв капиталистических — то есть всех прочих в мире! — государств. Прежде всего экономически развитых, то есть Западная Европа и США. Задачей Коминтерна было всемерное распространение и усиление коммунистов во всем мире с целью последующего установления коммунистического строя во всем мире. То есть коммунист, антигосударственный подрывной элемент и диверсант — стали близкими или просто адекватными понятиями.

Это в корне отличает советский социализм от итальянского фашизма и германского национал-социализма, которые занимались почти исключительно внутренним политическим и экономическим устройством, в плане же внешней политики ограничивались возвращением колоний и завоеванием «жизненного пространства», необходимого, по их мнению, для процветания страны.

Отличия же внутренние СССР, Италии и III Рейха были непринципиальны. Советский социализм был наиболее жесток и радикален, физически уничтожая целые социальные сословия (аристократию, офицерство, буржуазию) и вынудив к эмиграции миллионы граждан. Германия заняла радикальную антисемитскую позицию, придя к уничтожению евреев, а также цыган, гомосексуалистов и психически больных. Италия же была наиболее толерантна к расовым, национальным и социальным различиям, провозгласив курс на корпоративное государство и единство расы как культуры.

Но всем трем режимам были свойственны: тоталитарная идеология, подавление единомыслия, милитаризм,

культ героизма и культ государства, пропаганда добросовестного отношения к труду, государственное регулирование экономики, забота о благополучии простого рабочего человека. Все три режима провозглашали принципы справедливости, равенства, патриотизма, здоровья нации, все прославляли человека труда и ненавидели мировой финансовый капитал и буржуазные демократии.

Единственное внутреннее отличие: абсолютное огосударствление экономики СССР и смешанную экономику с включением как государственной, так и частной собственности на средства производства в Германии и Италии. Что давало огромный экономический эффект в последних и неэффективное хозяйствование в первом.

В политическом же плане единственное и главное отличие советского социализма от итальянского и немецкого фашизма: острая классовая борьба и уничтожение «враждебных социальных элементов» в Советском Союзе и классовый мир с социальной солидарностью и сотрудничеством в фашис.....»

На развороте журнала — бурые пятна запекшейся крови и отпечаток рифленой подошвы армейского ботинка. Сквозняк из разбитых окон терминала пошевеливает мусор на полу, по лестнице с дребезжаньем скатывается пивная банка.

Глава 28

БЕЛАЯ СТРЕЛА

Донесение агента а1с18 «Швея»
Службы Внутренней Безопасности
Отдел М

«В результате личных контактов, а также сбора вербальной, визуальной и техническими средствами слежения информации по разработке установленной косвенными методами группы киллеров докладываю:

Структура организации традиционно зонтичная, по боевым пятеркам, куратора группы знает только старший пятерки. При стирании старшего или куратора связь обрывается.

Организация имеет террористический характер. Это глубоко законспирированная группа киллеров, нацеленная на ряд высокопоставленных лиц из руководства государства или бывшего руководства, но сохранившим большое влияние, а также владельцев крупного бизнеса и транснациональных корпораций.

Во главе организации стоит штаб, включающий в себя: разведывательный отдел, контрразведку, отдел внедрения и проникновения, отдел связи, отдел технического обеспечения и учебные курсы.

На курсах отобранные кандидаты обучаются снайперской стрельбе, подрывному делу и маскировке в городе. По непроверенной информации, обучение проводят бывшие сотрудники ЦРУ и Корпуса Морской Пехоты.

Большое внимание уделяется психологической мотивировке членов организации, идеологической подготовке, убежденности в правоте и будущей победе их движения. Предпочтительно кандидаты отбираются из числа молодых мужчин, чьи близкие родственники погибли как враги Нового Режима.

Элитой боевого крыла является группа самоубийц, готовых сознательно пожертвовать жизнью, чтобы ликвидировать объект методом контактного самоподрыва либо холодным или огнестрельным оружием при невозможности отхода, после чего покончить собой ради сохранения тайны организации. В группе наличествуют также женщины и лица пожилого возраста с внешностью доверия.

Установить общую хотя бы примерную численность организации пока не представляется возможным. Вследствие тщательного соблюдения правил конспирации и мер технического контроля фотографий и имен предоставить не могу. Словесные портреты составлю в порядке общей отчетности.»

Куратор за дисплеем, лысеющий со лба краснолицый мужчина, стер слово «донесение», заменил на «доклад»,

слева красным шрифтом пометил «Важно», добавил под датой время настоящего момента и скопировал в папку. Потом отправил по инстанции наверх, замначальника отдела.

Из досье агента a1c18 «Швея»
(Архив Службы Внутренней безопасности).

«...один из самых опытных...
...работал под прикрытием...
...не вернулся из служебной командировки...
...считать без вести пропавшим.»

Фраза, которую расслышал ночью случайный бродяга, когда два силуэта бросали в реку тяжелый сверток:

— Блять, уже второй. Что-то они чуют, суки. Хер доберутся.

— Молодцы, вроде все неплохо прошло. Ну давайте, рассказывайте подробно, что да как было. Сначала разведка докладывает.

— Если бы крокодил мог быть евреем и носить очки, он был бы похож на сенатора Чака Шумера. Когда в первый раз по телевизору...

— Ты стенд-ап комика не изображай. Это официальный отчет. Вот и отчитывайся.

— Ну что. Дом его в Бруклине найти просто, его многие знают, даже неинтересно. Понаблюдали, установили подъезд, квартиру. Консьерж, охранник, камеры — все обычно. Машина высаживает его у подъезда, охранник провожает до двери; из дому так же выезжает. Пешком ходит тоже с охраной. Тебе все перечислять: прогулки, рестораны, синагога, маршруты? Оно тебе надо?

— Обнаглели вы, ребята. Ладно, давай стрелка.

— В общем, я встретил его на Ремсен-стрит в двух блоках от местной синагоги, пропустил, с пяти ярдов обернулся. Как волосы на затылке дунули кружком в стороны от входа пули — сам видел. И потом сразу охранника, чтоб вслед не стрелял.

— А как страховка?

— Нормально. Джош ковылял невдалеке на своих ходунках, классный столетний паралитик. У него «узи» был в сумке.

— В следующий раз ты у меня будешь все-таки подавать письменный отчет!

— Ага. Чтоб легче найти было. Может, мне еще интервью по ТВ дать?

— Так! Ты про место не забыл?

— Какое место? Бруклин Хайтс, какое же еще?

— Оружие.

— Тебе отпечаток большого пальца не приложить? «Глок» с глушителем, у меня давно только он, ты же знаешь.

— Маскировка.

— А, да. Конечно. Костюм Санта-Клауса. Ну не кричи, не кричи! Какая маскировка посреди города, когда потом еще уходить надо? Черная бейсболка с подклеенным парничком, вот и вся маскировка. Я ее потом по ходу выкинул.

— По порядку. Отход.

— Чего — отход? До конца блока бегом, налево за угол, потом направо за угол, шагом, весь путь 500 ярдов — и в сабвей, Корт-стрит. И в Манхэттен, пересел два раза на другие линии. Машина только осложнила бы, камеры же везде стоят. Да, снял куртку и надел плащ из рюкзачка, на пересадке под лестницей, где камера не достает, и рюкзачок с курткой там же в угол сунул. Ну, а на Таймс Сквер меня встретила Мэг.

— Знаешь, боец ты хороший, но язык укороти. Не то наживешь себе неприятностей. Что? Лично дам в ухо! Мы здесь не пиво пьем.

Символ зловещей олигархии Джордж Сорос, старенький и компактный, как нахохленный седой ястреб, мирно расположился в удобном плетеном креслице на террасе и пил гранатовый сок, на две трети разведенный водой. Перед ним на столике стояло блюдце с черной смородиной и еще одно блюдце с половинкой авокадо и серебряной ложечкой рядом.

Раздался глухой и довольно сильный «чпок», и слева из резко мотнувшейся головы вылетел сноп крови и крошева.

Тело с креслом накренилось и опрокинулось на мраморный пол. За соседним столиком секретарша с ноутбуком подавилась воздухом, распахнула глаза и закричала. Телохранитель бессмысленно упал на тело в красной луже, не жалея костюм. Второй так же бессмысленно и сурово водил пистолетом по сторонам.

И только тогда сидевшая напротив жена, окаменевшая с чашечкой кофе в руке, беззвучно произнесла: «Боже мой...» и стала шептать это раз за разом.

Прибежал начальник охраны и еще раз убедился, что на дистанции прицельной стрельбы никаких позиций вокруг нет. До ближайшей рощицы больше половины мили. В море никаких катеров. Потом подумал, что для настоящего снайпера под маскировочным пологом это все не препятствия, а его отход наверняка прикрывают, так что не стоит зря нарываться, но бурную деятельность изобразить необходимо. И стал отдавать отрывистые команды, организуя суету поиска.

В густеющем движении врачей, оцепления, полиции, приехавших сыновей старший юрист взял личный ноутбук покойного (уже покойного... но ведь и возраст почтенный) магната у секретарши, и тут же в почту упало письмо:

«Георг Шварц! Ты переходил на этой земле лишние 75 лет. Ты должен был сдохнуть в 1944 году, когда впервые начал делать свое состояние на имуществе твоих братьев-евреев, увозимых нацистами в Освенцим. Они умирали — и ты забирал их добро. Гореть тебе вечно в аду. Ты — стервятник, падальщик, паразит. И вся твоя жизнь — жизнь стервятника. Ты делал миллиарды на зле, на разрушении, на горе людей и стран. И когда ты вкладывал эти отравленные злые деньги в свои проекты — твои проекты множили людское зло. Господь карает тебя нашей рукой. Сдохни, негодяй! Сдохни без покаяния — да оно тебе и неведомо. Собаке — собачья смерть!»

Юрист, высокий седой мужчина с лицом для покера, чуть заметно поджал угол рта. Он тоже был еврей. Он был старик, он был юрист и он был еврей: он много знал.

Пока он секунду-другую в задумчивости смотрел на монитор, текст вдруг исчез, и след его потом не удалось обнаружить: он полностью стерся.

* * *

— Я тебе скажу, кого мне напоминал Джефф Безос. У деда на ферме были куры, и вот когда цыпленок проклевывается из яйца, он разбивает изнутри скорлупу таким горбатым роговым выростом на клювике. Яйцеклюв он еще называется. Потом он быстро исчезает. Вот Безос с его лысым черепом и толстеньким крючком-носиком ужасно похож на яйцо и одновременно — на уродливого цыпленка, вылупившегося из этого самого яйца. Эту скорлупу так и тянет надбить.

Все знали, что он страшно жадный. Что на его складах работники от усталости в обморок падали, а получали гроши. И что во время Черного Переворота он обеспечил на серверах, которыми владел, чтоб выкидывали из соцсетей всех, кто был за Трампа и против мошенничества и захвата власти.

Сначала думали, что он жутко охраняется. Но известно же — любого можно убить. Причем вполне просто. Как говорили старинные гангстеры: «Сделать работу может любой, уйти — вот что важно». Безоса можно было валить хоть в его имении в Медине, хоть взрывать в машине на мосту, хоть шлепнуть в Манхэттене, хоть на ранчо в Техасе — он себе заготовил кучу дорогих резиденций, из которых удобно отправляться на тот свет.

В штаб-квартиру «Амазона» в Сиэтле он заезжает отнюдь не каждый день, но уж больно место хорошее. Эти лестницы, коридоры и лифтовые площадки — отличные позиции, на самом-то деле. И двор, и улица, и гараж. Короче, разведку ребята произвели полную, от меня требовалось только одно — не промахнуться с тридцати метров.

У меня был короткий карабин КАР-15 с оптикой и пламегасителем, а лежал я в межэтажном вентиляционном коробе, над потолком, стало быть. И когда этот самый богатый урод в мире пошел в окружении свиты, напарник растянул на секунду просвет жалюзи, и я точно в эту голую лысую красную макушку, в самую середку, вогнал свою 5,65. Лысого снесло, свита присела и обмерла, охрана завертела головами — а грохнуло-то гулко. Они через секунду осознали и бросились к месту выстрела, аж подпрыгивают,

но мы уже неслись ползком по этому ходу, как бешеные червяки, а там жалюзи сразу кончаются, и уже бетонный потолок, его пули не берут. Так что они постреляли без толку вверх — и полезли наверх, за нами, значит. Следопыты. Охотники за головами. Наверху их ждал сюрприз — проволочка натянутая, и хорошая мина. Представляю дырищу в потолке и ошметки этих храбрецов. А мы успели преодолеть нужные десять ярдов и были в безопасности за углом. Фухнуло жаром в ноги — и все.

А мы выскакиваем в другом крыле, сами в комбинезонах газовой компании, и перекрикиваясь на ходу: «Газ как хлопнул!» — «Трубу прорвало!» — «Перекрывать надо срочно!» — спокойно выходим, садимся через блок в фургончик с настоящими номерами настоящей газовой компании — и больше они нас, конечно, никогда не встречали.

Какие были похороны, о-о! Какие некрологи! Просто гений всех времен и народов, благодетель человечества покинул нас, безутешных, и отправился классом люкс прямиком в Рай, налаживать там торговую монополию арфами и нектаром, так что ангелы от переработки в обморок падать стали: прямо с облаков — кувырк под пальму, и в себя приходят.

Из Программы Организации «Белая Стрела»

«Мы отвергаем террор как идеологию и как практику Движения. Террор — это убийство случайных людей с целью запугать власти и общество.

Наша цель — разрушить координированную систему, узурпировавшую власть в государстве, уничтожившую демократию, угнетающую народ и уничтожающую его традиционные моральные и культурные ценности.

Наш метод — точечная ликвидация центральных и узловых фигур, играющих ведущую роль в функционировании системы. Ликвидация лидеров, высшего руководящего звена.

Непременным условием существования и успеха любой системы, подчиняющей себе созданные не ею политические, экономические и гражданские структуры, являются харизматичные и энергичные лидеры. Такие лидеры являются

не только организаторами и спонсорами, но прежде всего влиятельными выразителями идей, которым они подчиняют значительную часть народа. Это люди, умом и практическими возможностями которых идеи превращаются в действия.

Это одновременно вожди, авторитеты, пропагандисты, организаторы и в то же время убедительные примеры истинности и весомости пути, по которому они ведут массы. Это яркие и привлекательные указатели на дороге, по которой они ведут народ.

Удачливость, жизненные успехи, высокие карьеры таких лидеров сами по себе являются агитацией провозглашаемых ими целей и подтверждением правильности их речей.

Для победы над врагом его прежде всего необходимо обезглавить. Лишить вождей, лидеров, руководителей, знаковых фигур. В истории войн были нередки случаи, когда смерть государя вела к поражению и развалу государства. Гибель полководца являлась началом разгрома его войска. Убийство политика означало конец его политического курса.

Практика всех переворотов в мировой истории показывает, что достаточно убийства нескольких ведущих вождей или даже одного, чтобы их сторонники впали в растерянность, были дезорганизованы и потеряли волю к сопротивлению.

Роль личности в катаклизмах огромна.

Необходимо определить и наметить круг личностей, которых достаточно убрать с доски, чтобы кардинально изменить ситуацию в стране.

Необходимо учитывать и психологическое воздействие такой политики. Каждый акт будет восприниматься множеством людей как праведное и долгожданное возмездие, увеличивать веру в свои силы и вдохновлять на сопротивление, борьбу и победу.

По этой причине к списку целей следует приобщить, кроме фигур с вышеперечисленными характеристиками, одиозных личностей, производящих много шума, ободряющего врагов страны и вызывающих ненависть у честных

людей. Их ликвидация крайне полезна для подъема энтузиазма в массах.»

«...После обсуждения согласованный список включает в себя 60 фигур. Что есть ничтожная доля процента от 340 миллионов. По расчетам, этого количества изъятых из общественного пространства целей достаточно, чтобы фашистский режим, узурпировавший политические, экономические и информационные командные высоты государства, был дезорганизован, ослаблен и далее легко уничтожен.»

Запись, сделанная за уличным столиком бара.

— Два часа меня в полиции трясли. А потом еще тип из ФБР. Что ты видел, да опиши, да приметы, да как себя вели, да что не так, ананас им в жопу!

Ну, я оттянулся. Небо, говорю, было голубое — ни облачка. Листва кругом зеленая, прелесть. Народу в парке — тьма. Памятник, значит, воевавшим бруклинцам. И на его фоне, осененный нашим звездно-полосатым знаменем, стоит он. Наш любимый мэр. Дебил Блазио. В смысле сначала Билл, потом Де, потом Блазио, а вообще Уоррен, он же Уиллхелм на самом деле, младший. Коп слушает, а у самого ухмылка такая в глазах. Так сколько, спрашивает, там человек стояло под знаменем, ты конкретно говори. Не любили они его, копы.

Я рассказываю. Что Дебил наш, ой, простите, Билл Де, говорил о новых льготах бездомным и малоимущим, и скольким мы помогли в прошлом году, а в этом еще лучше все жить будут, и все привилегии самым бедным и пострадавшим. А коп: меня содержание не интересует, ты дело говори, про людей, которых видел.

Народ, отвечаю, был всякий. Много латиносов, черных тоже, и белых много, и евреи были. В основном молодые. Некоторые там с какими-то плакатами, воздушные шарики тоже были, но в основном ничего. Он говорит: это все сто раз заснято, ты про тех двоих конкретно говори.

Одна, говорю, девушка. Латино. Смугловатая, черноволосая. Так, не уродина, не красавица, средняя. Стройная. В джинсах и синей майке. И вот она держала на палке, ну, над головой, макет большого яблока. Размером так

примерно с арбуз. Из картона, наверное... или из поролона, крашеного. И на яблоке было написано: «Я люблю Нью-Йорк». В смысле вместо «люблю» — сердечко, ну, как обычно.

А рядом с ней был парень. Тоже похож на латино. Смугловатый, черноволосый. Роста так среднего, вид обычный. В джинсах и черной майке.

И вели они себя вполне нормально. Все кричали — и они кричали, все хлопали — и парень хлопал. А девушка не могла, у нее руки заняты.

А потом девушка сняла свое картонное яблоко и передала его вперед, ну, как мяч. Улыбалась так и говорила: это мэру, это Биллу, на память! И все стали улыбаться и передавать вперед на вытянутых руках это яблоко. Оно довольно неплохо было сделано.

И вроде оно уже дошло до первого, или там второго ряда, мне издали не все видно. И, значит, будет его охрана брать, которая перед мэром стоит, или нет, а может возьмет и передаст ему, телехроника такие кадры обожает, он еще и позировать с ним станет, может.

Короче, все внимание туда. И тут летит над толпой еще одно яблоко. Уже обычное, но довольно большое. Нормальное такое яблоко. Оно вылетело откуда-то недалеко от меня. Возможно, его тот парень бросил. Не знаю. Не могу сказать. Смотрел, как то, большое, макет, передавать будут.

А это яблоко летит прямо в Билла, причем по высокой такой дуге, небыстро летит, чтоб ловить удобней было. У того, кто бросил, глазомер хороший был. И бросок точный. Явно в бейсбол неплохо играл.

Народ за яблоком следит, кто смеется, кто аплодировать стал. Ну, и Билл улыбается. И уже руки приготовил ловить. Поймает — молодец! Не поймает — ничего, народ развлечет и вместе со всеми посмеется.

Яблоко уже совсем подлетело, он уже пальцы растопырил на выставленных руках...

И тут оно ебнуло!!!

Хлопок такой — бух! — и огонь, и облачко черного дыма.

Вот и все, что я видел. Потому что больше я Билла нашего не видел. Мне его раньше по пояс было видно над

головами, а тут — раз! — и нет его. А потом стало казаться, что какой-то миг я его еще видел за черным этим прозрачным дымком, и вид у него был... страшенный, в общем, вид, ну его на фиг рассказывать.

Коп спрашивает: так а эти-то двое, латиносов с яблоком — ты видел, что они делали? Нет, говорю, не видел. На то картонное яблоко отвлекся.

А кто бомбу кидал — совсем не заметил? Да вроде нет, говорю. Может, тот парень, но точно сказать не могу. Да ведь у вас, наверное, съемка проходила все равно? С вертолета, или там дрон снимал?

Неужели ты не видел, как они уходили? Или убегали, или еще что?

Нет, говорю, я вперед смотрел, как там взрыв и Билл, больше не до чего.

— Слушай. Между нами. Ты точно больше ничего не видел?

— Чтоб я сдох. Ничего. Меня потом еще этот фэбээровец пытал, все подловить пытался.

— В общем, так. Кто это сделал — хрен знает. Я понял. Но мне сдается, что надо за него выпить. Дождались, падла.

«Фамилия — Гейтс
Имя — Уильям Генри
Возраст — 78 лет
Раса — кавказская
Пол — мужской
Рост — 5 футов 9 дюймов
Вес — 156 фунтов
Причина смерти — поражение электрическим током.

Дополнительные сведения: портативное электрическое высоковольтное разрядное устройство, вмонтированное в корпус ноутбука, снабженное контактным замыкателем цепи, срабатывающим при одновременном нажатии клавиш «о» и «Shift».

Серьезный провал случился только один: когда сотрудник отдела внедрения вступил в сексуальную связь с горничной и завербовал ее, а она его сдала. Следствию он

выдвинул версию подготовки ограбления и без шума огреб двадцать лет по лояльной уголовной статье. Но что там еще будет через двадцать лет — в наше время и вообразить никто не может.

Обычно же грамотно обставленные подкуп, шантаж и запугивание давали прекрасный результат. Сломать, купить, обольстить и напугать можно любого. Никто не желал рисковать жизнью ради ненавидимых всеми, вплоть до собственно охраны, миллиардеров, и никто не собирался отказываться от личной выгоды, если сделка по продаже босса останется тайной. Главное — найти, кому это выгодно: кто продвинется в карьере, кто получит наследство, кто затаил желание поквитаться с боссом, а кому полученная сумма позволит покончить с нелюбимой работой и начать свободную жизнь в достатке.

Ну, а самым несговорчивым рассказывали школьные маршруты детей и объясняли, что выбора у человека нет.

Акций с привлечением персонала всячески избегали, решаясь только в крайних случаях. И каждый случай необходимо было залегендировать так, чтобы обработанный пособник полагал происходящее просто грандиозным грабежом, когда золотые горы лежат в неких сейфах и ждут только смерти владельца, чтоб через цепь махинаций попасть в руки умных и жестоких ребят.

И никто не сомневался в старой истине, исповедуемой охраной ВИП-персон: «Убить можно любого». А уж они-то знают.

Глава 29

ПИСЬМО ПАРТИЗАНУ

Написано синей шариковой ручкой на обеих сторонах листа ксероксной бумаги; буквы твердые, но неровные, строчки наползают друг на друга. В правом верхнем углу листа цветными фломастерами грубо изображен старый американский флаг; число немногих полос и звезд, разумеется, обозначено условно.

«Дорогой сынок!

У нас отрубили Интернет, а потом вообще конфисковали компьютеры, а теперь и телефоны. И мы совсем лишены связи. Сказали, что мы неблагонадежные элементы и враги народа третьего разряда. Но могут перевести во второй разряд, и тогда посадят. А права выезда за десятимильную зону вокруг города у нас нет, это будет сразу арест. Поэтому пишу тебе ручкой на листе бумаги, как рассказывал мне еще мой дедушка про свою школу.

Дорогой сынок! Бей гадов беспощадно! Да хранит тебя Господь!

Мы с матерью уже старые, мы свое пожили, уж как сумели. Но ты и твои будущие дети должны увидеть свет правды и свободы, должны увидеть счастливую жизнь.

Будь гордым и сильным, мой сын. Тебе есть чем гордиться. И не верь никогда мерзавцам и лжецам, уничтожившим нашу великую страну и сейчас старающимся уничтожить окончательно наш народ.

Ты сын великого народа и великой расы. Ты наследник высочайшей культуры в истории. Все, что создано в мире — создано нашими предками.

Великие ученые и великие изобретатели, великие путешественники и великие писатели, строители великих городов и космических кораблей, создатели алфавита и компьютеров, колеса и автомобиля, самолета и корабля — все это были белые мужчины. И белые женщины всегда были рядом с ними. Они рожали детей и хранили домашний очаг, они поддерживали мужчин в трудный час и вдохновляли их на труд и на подвиги.

Красные фашисты, Цифровой Яд, Золотая Пята, хотят отнять у нас все. Они хотят, чтоб мы не были людьми, а были покорным стадом. Безмолвным, беззащитным, безоружным. Смерть им!

Всю жизнь мы с матерью были мирными людьми. Сейчас я могу тебе признаться: я даже никогда в жизни не дрался. Я ведь и пистолет купил только после того, как начались погромы, он так и пролежал, а потом его заставили сдать. Но наступает время, когда терпеть больше невозможно.

Сначала они снесли статую Джексона Каменной Стены в парке. Потом запретили День Колумба. Потом конфисковали у всех половину банковского счета. Потом... ну, все знают. А когда они заставили нас каяться во всем, когда к нам в дом пришли черные и заставили целовать им ботинки — всю семью, каждый на глазах у всех — я понял, что старый Дэн Купер был прав, и надо было организовывать свою милицию и отстреливать гадов, которые к нам лезли. И сначала белых. Потому что это белые мутили черных, которые без них были бестолковы и неопасны.

Если бы все мы взяли тогда оружие и пошли маршем на Вашингтон — все было бы иначе. А теперь вам, сынок, приходится сражаться и гибнуть за правое дело, которое не сумели защитить мы, ваши отцы. Прости меня, сынок. Прости нас с матерью, что мы позволили гадам захватить нашу страну и наш дом.

С социал-охранниками никто не сотрудничает. Прошел слух, что Чарли Дамико (помнишь его?) сказал их патрулю, что от ваших приезжали за продуктами. Так Чарли нашли утром на лужайке перед домом задушенного, а во рту у него была рыбина, представляешь? Одни говорят, что это мафия, а другие — что наоборот, кто-то изобразил для отвода глаз вот такую казнь итальянской мафии для тех, кто болтает лишнее.

Возле мэрии и в магазинах висит объявление и фото: что под Хепнером национальная гвардия «уничтожила банду террористов», а одного живым доставили в Пендлтон и там после публичного суда казнили. У нас этого казненного никто не знает, конечно, а вообще не очень верится. Они всегда врут. А воевать они боятся — они могут стрелять только в безоружных.

У нас передают другое: что под Силвертоном партизаны уничтожили колонну карателей — сожгли технику из базук и добили всех из пулемета. А на Милл-Сити устроили налет, сожгли Управление Социальной Охраны и повесили мэра и председателя отделения Демократической Партии. Невозможно узнать, правда ли это, но у нас все верят, что вы даете жару этим гадам.

Мама передает, чтобы ты всегда тепло одевался и не спал на голой земле.

За нас не волнуйся. Паек у нас хоть и по четвертой категории, но прожить вполне можно, не голодаем. Если я немного и похудел, так это для здоровья полезнее.

Из плохих новостей, что расстреляли Дина Морриса. У них наряд социал-охраны устроил обыск, и нашли старинный Кольт-1911, даже несмазанный, но сказали, что в боевом состоянии. Как у них водится, жену Дина избили, а двух дочек изнасиловали. Помогать им запрещено, а с пайка их сняли, и теперь кто похрабрее ночью проезжают мимо их дома и на скорости кидают за забор пакеты с чем-нибудь съестным, чем могут поделиться.

Я вспоминаю, как в молодости мы с матерью были в Нью-Йорке, и ходили в Метрополитан Музей и в Музей Гуггенхайма. Сколько там было прекрасных картин. И все это были картины великих европейских и американских художников, и все эти художники были белые христиане, и на картинах были изображены тоже белые. Это наша культура!

Мы создали эту великую страну! Коренные американцы назывались раньше индейцами и были дикарями. Они жили племенами, кочевой жизнью, и добывали пропитание охотой и сбором ягод. Одевались в шкуры, оружие у них было каменное. Они не знали ни металла, ни колеса, ни письменности, ничего. И было их мало, а земли лежали огромные и пустые. Мы давали им все — одежду, оружие, продукты, но они не хотели жить в мире и убивали наших поселенцев.

Прости, Ронни, мальчик, ты все это давно знаешь, просто я не могу перестать писать тебе, потому что не знаю, выдастся ли следующий раз. Кто знает, когда еще появится человек от вас, и чтоб к тому времени я был жив, и главное, чтоб ты был жив. Прости, что твой старик расклеился. Иногда это с каждым может случиться. Сейчас пройдет.

Я верю, что нас будет все больше и больше. Силы наши растут с каждым часом. И однажды мы все вместе, разом, плечом к плечу, выйдем из домов. И заполним все улицы и площади. И в руках у всех будет оружие. А в глазах не будет пощады. И мы вернем себе нашу страну. И все

фашисты и коммунисты, социалисты и либералы, политики и банкиры — все, все пойдут под справедливый суд народа. И веревок хватит на всех.

Мы даже не знаем, сколько у вас человек в отряде. Мы не знаем, где вы. Но вечерами, отработав дневную норму, мы сидим в сумерках перед окном, потому что электричество включают только на два часа в сутки, и разговариваем о вас, и представляем, как вы скрываетесь в лесах, как уходите от погони по горным тропам, как отстреливаетесь от карателей, и как трясутся по ночам в своих домах гады, поработившие страну. Потому что от народных мстителей нет ни укрытия, ни спасения.

Мы знаем, как метко вы стреляете и как храбро побеждаете в любых сражениях, хотя вы далеко. Родительское сердце тоже умеет видеть.

Победы тебе, сынок! Победы и удачи! Пусть все пули пролетят мимо тебя, пусть все погони отстанут, пусть все враги будут уничтожены. Не бывает такого, чтоб правда и справедливость не победили.

С минуты на минуту должен зайти мальчик, не стану писать чей, на всякий случай, он должен отнести это письмо человеку, который доставит его вам. Мы целуем и благословляем тебя сынок. Мы все время молимся за тебя.

Твои мама и папа».

Глава 30

ПОЧЕМУ Я АМЕРИКАНЕЦ

школьное сочинение

ВСТУПЛЕНИЕ. Я американец, потому что я чувствую себя американцем и горжусь Америкой. Это лучшая страна в мире, и я счастлив в ней жить. Соединенные Штаты — первая в мире демократическая страна, в которой власть принадлежит народу. За это отдали свои жизни множество достойных людей. Сюда мечтает попасть множество людей из всех стран мира. Америка — самая могущественная, свободная и богатая страна мира. Быть ее гражданином — большая удача и честь. Я готов бороться за ее ценности: быть самим собой и самому отвечать за все свои поступки.

КТО Я ТАКОЙ. Я обычный человек. Я родился в другой стране. В детстве я говорил на другом языке. В Америке все когда-то откуда-то приехали. Сейчас я живу здесь, и мой язык, моя одежда, мои игры и дом, в котором мы живем — такие же, как у сотен миллионов других американцев. Здесь моя жизнь и мое будущее.

ЧТО Я ЧИТАЛ. В детстве я читал «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна» Марка Твена, еще его «Янки при дворе короля Артура», а потом романы Фенимора Купера и Майн Рида, в них много романтики и они воспитывают стремление к свободе и приключениям. Потом я много читал Джека Лондона, и он произвел на меня очень сильное впечатление. Его рассказы о сильных мужчинах Севера, романы «Морской Волк» и «Мартин Иден» вселяют в человека веру в свои силы и преодоление любых препятствий, они просто помогают жить и учат устоять в любой ситуации. Став взрослее, я очень полюбил рассказы О. Генри, они необыкновенно смешные, с неожиданным концом, но при этом очень человечные и даже трогательные. Недавно и прочитал роман Хемингуэя «За рекой в тени деревьев», старина Хем — легенда XX века и эталон настоящего мужчины, кумир читателей. Сейчас я читаю «Всю королевскую рать» Роберта Пенн Уоррена, и думаю, что это и есть Великий Американский Роман. Еще я должен прочесть Торнтона Уайлдера и Амброза Бирса. Читая эти книги, я вдруг начал понимать, что делаюсь американцем.

О ЧЕМ Я МЕЧТАЛ. Я стесняюсь признаться, но еще недавно я хотел быть таким, как герои вестернов: скакать на коне, носить широкополую шляпу и всегда первым выхватывать револьвер из кобуры. Позднее я подумал, что в этом нет ничего плохого: быть сильным и храбрым, чтоб тебя боялись враги и уважали друзья, а ты не боялся никого и всегда выступал за справедливость и устанавливал ее своей соб-

ственной рукой, прямо здесь и сейчас, не боясь ответственности. Я мечтал отправиться куда глаза глядят, в неведомые земли, встретить там новых людей и новую жизнь, и делать там что-то серьезное. Я мечтал о возможности в любой день бросить все и уйти бродяжить или заняться чем-то другим. Я мечтал всегда говорить что думаю и делать что хочу (если, конечно, это не приносит вред другим). Я всегда мечтал всего добиться сам и никогда ни от кого не зависеть.

ЧЕМУ Я ЗАВИДОВАЛ. Вообще я никому не завидовал, но немного случалось. Я завидовал тем, у кого больше, чем у меня, храбрости, ума, упорства, гордости, ну и еще силы, красоты и удачи. И кто лучше меня дрался. Просто я старался тоже быть таким. А вообще я завидовал Магеллану, который первым совершил кругосветное плавание, ну, Цезарю и Наполеону, конечно, еще слегка братьям Райт и Майку Тайсону. Конечно, нобелевским лауреатам и чемпионам мира все завидуют. А еще Роберту Пири, Амалии Эрхарт и Нейлу Армстронгу. И тем, кто пересекал в фургонах Великие Равнины.

ЧЕГО Я ХОТЕЛ. Я всегда хотел 20 миллионов долларов и юридическую неприкосновенность, потому что вокруг толпы сук (зачеркнуто) негодяев, которые чуть что хотят тебя по закону ограбить и посадить. Для себя я хотел славы и посмотреть мир, еще интересной работы с высокой оплатой. Еще я всегда хотел иметь много друзей, и из них — несколько самых близких, которые никогда не подведут. Если честно — много красивых девушек, но потом жениться только на одной. Хороший дом и спортивный автомобиль само собой.

КАКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ МНЕ НРАВИТСЯ. Утром проснулся — и знаешь: что хочешь — то и делаешь. Можешь на скейтборде ехать в парк, а можешь — на машине во Флориду, а можешь улететь в Париж на день или хоть на год. Это, конечно, мечты, но если по-взрослому представить: проснулся — и решил дать боссу по роже и пойти пить пиво на лужайке. А можешь послать работу на фиг

и открыть собственный бизнес. А можешь купить тур сафари в Африке. Но если совсем честно, я хочу лет пять поездить по всему миру, а потом открыть свое дело и работать по двенадцать часов в сутки, увлеченно и с полной отдачей, потому что так можешь приложить все свои способности и силы. А это, я думаю, главное в жизни.

КАК ТЫ ПОНИМАЕШЬ ГЛАВНЫЙ ИТОГ ЖИЗНИ. Мне еще рано об этом думать, наверно. Но я думаю — чтобы к твоему памятнику дети носили цветы.

ЧТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ТЕБЯ АМЕРИКА. Свобода и справедливость. Еще: Америка — это не страна, это сборная мира. Сборная всех стран. Америка — это ты можешь стать кем угодно, насколько у тебя есть сил и способностей. И еще Америка — это последний бастион свободы и демократии. В случае великой войны отступать некуда. Если рухнет Америка — рухнет весь мир и надежды на победу добра.

ЧЕГО ТЫ СТОИШЬ. Америка именно показывает человеку, чего он стоит. Вот чего сумел добиться — того и стоит. Только без халявы, не за чужой счет.

ЧЕМУ УЧИТ АМЕРИКА. Испытать свои силы, проверить свою удачу, рассчитывать только на себя. Никогда не ной и делай свое дело, находя силы где угодно. Не рассчитывай ни на чью помощь, наоборот — помоги сам кому можешь. И еще — будь готов к ударам, сумей всегда выстоять и победить.

ТВОЯ ВЕРА. Наверно, я не очень религиозный, но вообще христианин. Главное, я считаю — упорно трудись, будь честным и никогда не впадай в грех уныния. Господь помогает тем, кто сам себе изо всех сил помогает.

КАКАЯ МЫСЛЬ БОЛЬШЕ ВСЕГО УТЕШАЕТ ТЕБЯ В ГОРЕ? Из моего любимого Дейла Карнеги: «Если за все хорошее, что Иисус сделал для людей, они его распяли — то скажи, парень, почему на лучшее должен рассчитывать ты или я?»

НАЗОВИ СВОИ ЛЮБИМЫЕ ЗАПОВЕДИ. Сделай или сдохни. Не было — так будет. Терпенье и труд все перетрут.

Глава 31

ЗНАЙТЕ И ПОМНИТЕ

Старый Мэтью Рафф поднял над головой старинный латунный колокольчик и позвонил. Взглянул на небо: облака светлые, дождя не будет. Высокие ели затеняли поляну. Класс расселся в траве.

— Ложиться я не разрешал. Джей, отпусти перепелку! Кто это там спрятался в кусте? Берти, я тебе дерну! Здесь школа, а не дикий лес! Сегодня мы будем говорить о тех, кто создал нашу великую цивилизацию, которую разрушили наши враги. И вам — именно вам! — предстоит ее возродить. Почему вам? А потому что больше некому. Это трудная задача, это великая миссия. Мы, ваши родители, сумели выжить и сохранить Знание. Мы родили и вырастили вас. И передаем вам эстафету.

Мы с вами о многом говорили на уроках истории. И вот сегодня мы подытожим главное. Главное в нашей борьбе.

Были когда-то на земле первые в истории государства. Великий Египет с его фараонами и жрецами. Великий Шумер, Великий Вавилон с царем царей Хаммурапи — первому в мире своду законов, которые он составил, четыре тысячи лет. Была Античная Греция — родина нашей культуры. Европейской культуры. Она дала миру великих философов — от Фалеса и Гераклита до Сократа и Платона, Аристотеля, Пифагора; вся философия мира вышла из Греции. Был Великий Рим, тысячелетняя мировая республика и империя. Были величайшие политики и полководцы — Александр Македонский, Юлий Цезарь. Тысячи лет все школьники Европы и Америки учили их биографии.

И был Моисей, которому Господь даровал скрижали с Десятью Заповедями на горе Синай. И была написана евреями в Израиле книга книг — Библия. И жили рядом с ними в Палестине финикияне — это они изобрели две великие вещи: деньги и буквы, мы пользуемся ими до сих пор.

И был рожден в Израиле Иисус Христос, и распят на кресте, и ожил на третий день, и он дал нам нашу веру в Единого, Всемогущего и Всеблагого Господа. И святые апостолы понесли учение его по всем землям.

А потом, когда рухнул Античный Мир, и прошла тысяча лет, и темное Средневековье сменилось Возрождением — появились великие художники, скульпторы и зодчие. «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, «Давид» Микеланджело, Кельнский Собор.

Мастера обрабатывали металл и делали мечи и плуги. В Германии великий Гутенберг изобрел книгопечатание, и люди стали печатать книги на бумаге (я вам о них рассказывал). А в Англии великий Джеймс Уатт изобрел паровую машину, и началась механизация производства, силой пара двигались детали станков и машин.

Была эпоха, пятьсот лет назад, она называлась «Эпоха Великих Географических Открытий». Кто-нибудь помнит? Поднимите руки. Два, три... молодцы. Мореплаватели на крошечных парусных кораблях, которые могли двигаться только когда ветер дул куда надо, преодолевали многие тысячи миль через бури в неизвестных водах, и они достигли из Европы берегов Китая и Японии, Америки и Австралии. И люди узнали друг о друге, стали торговать и переселяться в дальние места.

Французы братья Монгольфье изобрели воздушный шар, а американцы братья Райт построили первый самолет. И люди поднялись в воздух и стали летать по небу — все выше и быстрее. Англичанин Стефенсон изобрел паровоз, и огромные грузы помчались по железным дорогам, а раньше лошади еле тащили нагруженные телеги. А американец Роберт Фултон изобрел пароход, и теперь корабли быстро плыли во всех направлениях, не завися от ветров. Немцы Даймлер и Бенц сконструировали первый в мире автомобиль с бензиновым мотором, а американец Форд

выпустил такое множество автомобилей, что теперь их мог купить каждый человек.

Когда-то немецкий монах Бертольд Шварц изобрел порох. Так появились сначала пушки, потом ружья, а потом полковник Сэмюэл Кольт изобрел револьвер. А Хайрам Максим — пулемет.

Люди мечтали общаться на расстоянии и писали друг другу письма — буквами, которые усовершенствовали еще древние греки — но почтальоны шли медленно, и поезда с почтой шли медленно. И Сэмюэл Морзе изобрел телеграф, передававший слова по проводам, а на том конце машина печатала их на ленту. Потом Александр Белл изобрел телефон, а итальянец Маркони — радио.

Самыми мудрыми из людей были признаны немецкие философы Кант и Гегель. Самым великим ученым — англичанин Дарвин, открывший происхождение всех живых существ от крошечного простого микроба до сложнейшего из животных — человека. Ученые изобрели электрическую лампочку, швейную машинку, спальные вагоны поездов, звукозапись и кино. Создали вертолеты, и подводные лодки, ракеты и космические корабли, люди полетели в космос, на Луну и Марс.

И для каждого были телевизоры, компьютеры, мобильные телефоны — я обо всем рассказывал. И небоскребы, водопровод, кондиционеры и холодильники, часы и дверные замки, асфальт, стекло для окон, метро — это все тоже надо было придумать и создать.

Была создана композиторами великая, прекрасная музыка. А ведь сначала надо было изобрести рояль, и скрипку, и флейту, и все остальные инструменты. И были написаны великие книги, были в Англии Шекспир и Диккенс, во Франции Гюго, а в Германии Гете.

Кстати — вы никогда не думали? Кто-то изобрел штаны, кто-то — пиджак, кто-то — ботинки, кто-то пальто, жилет, рубашку и шляпу. Кто-то изобрел все спортивные игры — футбол и баскетбол, бейсбол и теннис. А другие гении изобрели пылесос и стиральную машину, оконные рамы со стеклом и унитаз с канализацией.

Все было, дети, все это было...

Даже маленькую пуговицу, на которую застегивается куртка, кто-то должен был впервые изобрести! Не говоря о «молнии». Кто-то изобрел велосипед, а кто-то другой — мотоцикл. Зонтик и эскалатор, трактор и парашют, газонокосилку и газету — все это кто-то должен был придумать, сделать впервые, и наладить выпуск, и дать другим возможность пользоваться его изобретением, и заработать на этом деньги. И в результате люди жили все лучше и лучше. Работать становилось все легче, а жить — все интереснее.

Зачем я все это повторяю? Чтобы вы поняли и запомнили: все это — ВСЕ ЭТО, все, что люди придумали и создали, всю нашу величайшую в истории цивилизацию! — создали БЕЛЫЕ МУЖЧИНЫ.

И все это были ваши деды и прадеды. Это они открывали неведомые земли, строили величественные здания, создавали могущественные и богатые государства. Это они изобрели и сделали все, что у нас есть. Все, что мы знаем. От иголки до водородной бомбы, которой лучше бы не было, но она еще в мире есть.

Наша цивилизация — вся — от начала и до конца — была создана белыми мужчинами. Их трудом и их умом. Она поднялась на их поте и их крови.

Они много враждовали друг с другом — потому что кровь их была горяча, а жажда победы превозмогала страх и желание покоя. Они рубились мечами и косили друг друга из пулеметов. Они угнетали друг друга и боролись за свободу и справедливость. И в конце концов они сумели создать прекрасные государства, где сами устанавливали законы, сами выбирали себе правительства, и там они работали как свободные люди, жили в безопасности и богатели. И весь остальной мир завидовал им. Потому что они были богаты и сильны, и никому не кланялись, и законы их были справедливы.

И рядом с ними были белые женщины. Их матери и жены. Сестры, дочери. Без женщин — мужчины ничто. Кто их родит на свет? Кто родит им детей? Кто поддержит в трудную минуту, утешит в поражении, сохранит огонь

в домашнем очаге? Мужчина и женщина — это одно. Одно целое. Он — защитник и кормилец, она — хранительница и продолжательница рода.

Вы скоро выйдете в большой мир. В большую жизнь. Вам предстоит услышать много лжи и много клеветы на нас. На нас — благодаря которым еще теплится жизнь в процветающих некогда странах.

Так вот. Никогда не верьте тем, кто погубил нашу великую страну и разрушил наш прекрасный мир. Никто из нас — из нас всех, из вас — не только не виноват ни в чем. Но должен гордиться собой! Гордиться своей историей, своим народом, своей расой! Это мы веками тащили дикарей к свету — чтобы потом они же предъявляли нам счет и издевались над нами, живя за наш счет!

Сотни и тысячи лет мы много и тяжело работали. Мы привыкли рассчитывать только на себя. Мы умирали в дальних странах от голода, холода и неведомых болезней. Но мы стали хозяевами мира! И мы делились своим богатством с нищими дикарями. Мы несли им лекарства, грамоту, умение работать на земле и строить фабрики. Мы запрещали им резать друг друга, запрещали людоедство. Мы запрещали многоженство и мы запретили рабство. Мы научили их читать и писать, мы дали им образование и научили профессиям.

И тогда они нас возненавидели. И захотели забрать себе все, что было создано нами. Забрать даже нашу историю, уничтожить ее, стереть нашу память и взамен написать свою историю, вымышленную и лживую. Сначала они были жалки и скромны, они просили место рядом с нами. А когда мы дали дикарям это место рядом с нами, дали всем равенство, и даже стали давать кое-что прежде, чем брали себе — они возгордились и решили вытеснить нас. Ложью и насилием они отплатили за то, что из дикарей, не знавших грамоты и колеса, живших в хижинах и вымирающих от болезней, мы сделали их цивилизованными людьми.

Знайте это. И не обращайте внимания на ложь и клевету, которую встретите, куда бы вы ни вышли во Внешний Мир. Там победило зло, и там правит ложь.

Помните: вы — хозяева этого мира. Вы — дети тех, кто создал всю нашу цивилизацию — от начала и до конца. Вы ни перед кем не смеете склонять головы! И только перед Господом Единым опускаться на колени. За нарушение этой заповеди наш Закон карает смертью. Помните это.

Будьте сильными и храните гордость предков. Люди живут по очереди. Это как эстафета. Мы уходим — и передаем палочку вам. А вернее сказать — передаем вам факел жизни. Негасимый факел, зажженный нашим Создателем. Скоро наступит ваш черед нести его — и не дать ему загаснуть.

И если у вас не будет другого выхода, чтобы сохранить свой народ, свою культуру и свою гордость, кроме как быть жестокими и убивать, если вас вынудят к этому — значит, вы вспомните предков. Вам придется быть жестокими и убивать. Ибо иначе убьют вас.

Каждый из нас — не сам по себе. Мы обязаны жизнью длинной череде наших предков. В нас — их труд, их кровь, их надежды. На каждом из нас — долг перед всем народом, всей историей. Знайте себе цену! Эта цена высока. Гордитесь собой! И будьте достойны всего, чем Господь одарил вас.

Глава 32

АМЕРИКА — ПЕРВАЯ

1. Демократия и социализм

Когда 21 ноября 1620 года «Мэйфлауэр» причалил к Плимут-Рок, с чего и началась история Соединенных Штатов Америки — возник на практике прообраз первого в мире демократического и одновременно социалистического государства. Главы семейств переселенцев из Старого Света, 41 мужчина, подписали соглашение. Власть в новой общине будет принадлежать Закону, равно обязательному для всех. А все законы они обсудят и примут для себя сами.

По этим законам: частная собственность упраздняется, труд обобществляется, все продукты земледельцев и добыча

охотников поступают в общее пользование и распределяются поровну, все женщины стирают одежду и готовят пищу для всех мужчин.

Америка началась как демократическая социалистическая страна равных во всем граждан. Повторим: то был первый в мире и знаменательный социально-экономический опыт, объективно закладываемый в политический фундамент будущего государства. (И «Утопия» Мора, и «Город Солнца» Кампанеллы были лишь теорией, причем не научной теорией, но морально-идеологической.) Здесь, в США, возникла и практическая демократия, и практический социализм.

Социализм мгновенно породил низкую производительность труда, голод, массовую смертность и бунты — женщины категорически отказались обслуживать всех мужчин, предпочтя собственную семью. Вследствие чего социализм мгновенно отменили, и уже через три года после высадки колонистов был впервые отпразднован День Благодарения — праздник обильного урожая. Свободный труд, свободное предпринимательство и частная собственность доказали свои неоспоримые преимущества самым простым путем: или свобода и жизнь — или равенство и голодная смерть.

2. К л и п е р а

Клипера — класс самых быстрых в мире парусных кораблей, венец великой эпохи парусников, были спроектированы и созданы в Америке. Еще в конце XVIII в Балтиморе начали строить узкие длинные корабли с глубокой осадкой, мощными высокими мачтами и огромной площадью парусов, которые не спускались в любую погоду. Они были лучшими для срочных грузов, прорыва морской блокады, быстрой доставки пассажиров и товаров на огромные расстояния, ходили в Австралию и Китай; знаменитые клипера вошли в легенду. В красавцах-клиперах парусный флот достиг совершенства, лишь в 1870 годы они, могикане великой эпохи, были вытеснены пароходами. «Повелитель Морей» (Бостон) установил вечный рекорд скорости парусных кораблей: 22 узла.

3. П о д в о д н а я л о д к а

Первая достоверно существовавшая подводная лодка — «Черепаха» — была спроектирована и построена в Эссексе, Коннектикут, школьным учителем Дэвидом Бушнеллом в 1775 году. В 1776 году «Черепаха» произвела первую в мире подводную атаку, пытаясь взорвать британский фрегат «Орел». Сверло не смогло войти в металлическую обшивку подводной части корпуса, чтобы прикрепить мину.

Подводная лодка «Наутилус» Роберта Фултона прошла в 1800 году 850 ярдов на глубине 25 футов, управляемая экипажем из 2 (позднее 3) человек и вооруженная миной.

4. П а р о х о д

В 1790 году Джон Фитч и Генри Фойгт построили первый реально и постоянно действующий пароход — судно с весельным движителем, приводившимся в действие паровой машиной; оно совершало регулярные пассажирские рейсы по Делавэру от Филадельфии до Берлингтона, Нью-Джерси, перевозя до 30 человек.

В 1807 году первый колесный пароход — «Клермонт» Роберта Фултона начал регулярные рейсы по Гудзону между Нью-Йорком и Олбани. Длиной 130 футов, он имел водоизмещение в 100 тонн и преодолевал расстояние в 150 миль со скоростью 5 узлов.

5. Л е д о к о л

В 1837 г. в Филадельфии был построен первый пароход с усиленным корпусом и специально укрепленной носовой частью «Сити Айс Бот № 1», специально предназначенный для разламывания льда и обеспечения судам возможности движения.

6. Б р о н е н о с ц ы в б о ю

9 марта 1862 года в ходе Гражданской войны произошло первое в мире сражение между боевыми кораблями только начавшего нарождаться нового типа — паровыми броненосцами. Бой на рейде Хэмптон-Роудс между броненосцем Конфедерации «Вирджиния» и броненосцем

Северян «Монитор», когда снаряды обоих кораблей не могли пробить броню противника, определило направление боевого кораблестроения: внедрение на бронированных кораблях вращающихся башен по примеру «Монитора»; усиление бортовой артиллерии и создание бронебойных снарядов; только цельнометаллические корпуса и надстройки.

7. Револьвер

В 1818 году офицер (и конструктор) Артемас Уиллер запатентовал в г. Конкорд, Массачусетс, кремневый револьвер с шестизарядным барабаном; было запущено серийное производство.

В 1836 году Сэмюэл Кольт впервые в мире начинает производить в Патерсоне фабричным способом капсюльные револьверы собственной конструкции «Кольт Техас Патерсон», что вытеснило однозарядные пистолеты и положило началу всему огромному классу револьверов последующих времен.

8. Многозарядная винтовка

В 1860 году Бенджамен Генри, управляющий заводом Винчестера и конструктор, запатентовал «ружье Генри» — винтовку .44 калибра с 15-зарядным магазином, расположенном в трубке под стволом. Перезарядка производилась движением рычага затвора, прилегающего к шейке приклада снизу и являющегося продолжением предохранительной рамки курка.

Тогда же появился карабин Спенсера с 7-зарядным сменным трубчатым магазином в прикладе. Именно Кристофер Спенсер, сделавший многие изобретения, создал и качающийся затвор с рычажной скобой.

Магазинные винтовки, десятикратно усилив огневую мощь стрелка, навсегда изменили тактику пехоты.

9. Телеграф

Электрический телеграф Сэмюэла Морзе впервые соединил всю планету в единую информационную систему: сигнал летел по проволоке, поддерживаемой столбами, со

скоростью света. Межконтинентальная связь стала мгновенной (с прокладыванием трансатлантического кабеля). В 1837 г. Морзе впервые продемонстрировал в действии свой аппарат, в 1838 — придумал и внедрил «азбуку Морзе», где буквы обозначаются комбинациями точек и тире. По этой азбуке весь мир обменивался сообщениями более ста лет.

10. Телефон

После опытов Антонио Меуччи (Нью-Йорк) и Элиша Грея (Чикаго) Александр Белл запатентовал телефон в 1876 г. и продемонстрировал его на Первой Всемирной Электротехнической Выставке в Филадельфии.

11. Звукозапись

Первый в истории аппарат для записи и воспроизведения любых звуков, человеческого голоса в частности —

фонограф

— изобрел в 1877 г. Томас Эдисон. Явившись, таким образом, прародителем всех звукозаписывающих устройств, электромагнитных, дигитальных, цифровых и прочее.

Граммофон

1887 — Эмиль Берлинер: звук записывался на прочную пластинку и с нее воспроизводился; серийное производство и массовое потребление. *Патефон и электропроигрыватель* — усовершенствованные варианты граммофона.

Магнитофон

В 1898 г. Вальдемар Поульсен получил патент США на этот аппарат: звук преобразовывался в магнитные сигналы и записывался на металлический носитель.

12. Электрическая лампочка

После многих экспериментов и открытий изобретателей разных стран Томас Эдисон в 1879 г. создал электрическую лампу накаливания, долговечную и надежную в эксплуатации, дешевую и доступную массовому потребителю, и технологически простую в массовом производстве. Эдисон открыл эру электрического освещения — свечи,

газовые рожки, масляные и керосиновые светильники отошли в прошлое.

13. Электроэнергетическая система

Эдисон утверждал, что по проводам, передающим электричество для ламп, можно передавать энергию для работы элеваторов, станков, электроплит и любых механических и тепловых устройств. В 1878 г. для реализации этой идеи была учреждена компания «Дженерал Электрик», а в 1882 начала работать первая в мире электростанция, обслуживавшая вначале 85 клиентов.

14. Переменный ток

Не вдаваясь в сложные технические детали многочисленных и гениальных изобретений Никола Тесла, необходимо здесь отметить, что благодаря его теоретическим и экспериментальным работам 1880–1890-х гг. именно переменный ток стал использоваться практически во всех электроприборах и линиях электропередач современной цивилизации.

15. Лифт

Элиша Отис основал фирму «Отис» в 1853 г., продемонстрировал «элеватор кэтчер» — предохранительный лифтовый стопор — в 1854, в 1857 в Нью-Йорке заработал первый пассажирский лифт в высоком здании. Позднее паровой лифт сменился гидравлическим, винтовым и, наконец, электрическим; лифт сделал возможным строительство небоскребов.

16. Эскалатор

Первым подобное устройство запатентовал Натан Эймс в 1859 г. В 1892 Джесс Рено запатентовал свой «наклонный подъемник», впервые заработавший в 1894 году в Кони-Айленд.

17. Небоскребы

Первый — в Чикаго, здание Страховой компании, 1885: архитектор Уильям Ле Барон Дженни впервые применил

в качестве несущей конструкции не стены, а стальной каркас здания, что станет принципом всех высотных конструкций; затем — Сент-Луис, башня Уэйнрайта, 1891, архитектор Луис Салливан. В 1908 г. Зингер-Билдинг в Нью-Йорке стал самым высоким зданием в мире (180 м), превысив пирамиду Хеопса (146 м) и Ульмский собор (161 м).

18. Швейная машинка

Айзек Зингер в 1850 г. усовершенствовал созданные до него образцы швейной машинки (история которой начинается еще от Леонардо да Винчи), создав фабрично производимую модель, мгновенно распространившуюся по всему миру и совершившую революцию в швейном производстве.

19. Пишущая машинка

Ее изобрел Кристофер Шоулз, в 1867 г. оформив патент. Через несколько лет в усовершенствованном виде она стала продаваться под маркой «Ремингтон № 1». Журналисты, редакторы, юристы, бизнесмены, писатели перестали писать от руки. Появились «машинистки». Первой книгой, написанной автором не от руки, но напечатанной, была «Приключения Тома Сойера» Марка Твена!

20. Джинсы

Во время золотой лихорадки в Калифорнии в 1853 году торговец Леви Стросс, продав весь товар с корабля, заказал портным сшить партию рабочих брюк из всех остатков парусины корабля. В 1873 году он получил патент на штаны из толстой хлопчатной ткани с четырьмя накладными карманами и маленьким «часовым», закрепленными по углам металлическими заклепками. Краситель индиго, дававший синий цвет, был избран как самый стойкий.

21. Спальный вагон

Первый спальный железнодорожный вагон с кроватями для пассажиров построил Джордж Пульман в начале 1860-х гг. С 1867 г. начался их серийный выпуск. Тогда же был построен первый вагон — ресторан. С тех пор и в течение ста лет железнодорожные пассажирские поезда

стали единственным средством передвижения по суше между удаленными пунктами.

22. К о н с е р в ы

В 1825 г. Эзра Даггетт и Томас Кенсетт (Нью-Йорк) запатентовали герметичную жестяную банку для долгосрочного хранения стерилизованных рыбных и позднее мясных и прочих продуктов.

23. П у л е м е т

Хайрам Максим теоретически разработал свой первый в мире пулемет в 1873 году — и запатентовал ставший всемирно знаменитым «Максим» в 1883. Так появилось автоматическое огнестрельное оружие.

24. П р о т и в о г а з

Впервые запатентован Льюисом Хаслеттом в 1849 г. как «легочной протектор»: в маску со слоеным войлочным фильтром были вмонтированы два клапана для вдоха и выдоха. В 1912 Гаррет Морган изобрел современный противогаз первого образца: герметичная маска на лицо и эффективный фильтр на конце гибкого шланга.

25. С в е т о ф о р

Современный, трехцветный, электрический, автоматический — Уильям Поттс (Детройт) и Джон Харрис (Нью-Йорк), 1920.

26. С а м о л е т

17 декабря 1903 года в Китти-Хоук братья Уилбур и Орвилл Райт совершили по одному полету на самолете собственной конструкции «Флайер-1». Для этого они разработали и испытали в самодельной аэродинамической трубе систему управления самолетом во всех трех осях вращения и поставили на него бензиновый двигатель, передающий обороты на деревянный пропеллер — все собственной конструкции от начала до конца. Первый из многих ранее летательных аппаратов тяжелее воздуха, «Флайер» летал уверенно и устойчиво. Это стало днем рождения авиации.

27. С е л е к ц и я р а с т е н и й

В последней четверти XIX — начале XX века Лютер Бербанк, используя новые, разработанные им приемы выведения растений с заранее заданными свойствами, повышенной урожайностью, скороспелостью и устойчивостью к климатическим изменениям и болезням, работая с огромными объемами (сотнями тысяч и миллионами) экземпляров, вывел всего более 800 (восьмисот!) новых сортов растений, в том числе: более 200 сортов плодовых культур и ягод, около 40 сортов зерновых, кормовых и овощных культур, около 100 видов декоративных растений и цветов; несколько же сортов «картофеля Бербанка» составляют более 50% производимой в США этой с/х культуры. Целенаправленное изменение биосферы человеком обрело огромную скорость.

28. К о н в е й е р

История конвейера насчитывает тысячелетия. Но лишь в 1908 г. Химл Годдард запатентовал роликовый конвейер, а в 1913 Генри Форд поставил такой конвейер на своем автомобильном заводе: голая рама автомобиля начинала медленное движение на конвейерной ленте вдоль длинной череды рабочих мест автосборщиков, и каждый, не сходя с места, производил свою операцию: устанавливал двигатель, кузов, дверцы, стекла, колеса, завинчивая каждый свою гайку и т.д. Такое разделение труда и единый (оптимальный) темп работы резко повысил производительность труда, снизил требования к квалификации каждого рабочего-сборщика, сделал автомобиль общедоступно дешевым и позволил поднять зарплату рабочим. Мировое техническое производство стало конвейерным.

29. В е л и к и й ш а г ч е л о в е ч е с т в а

— Роберт Пири — покорил Северный полюс — 1909 год.

— Чарльз Линдберг — перелетел в одиночку Атлантический Океан из Нью-Йорка в Париж — 1927.

— Чак Игер — впервые преодолел в управляемом самолете скорость звука — 1947.

— Капитан Джеймс Галлахер, командир экипажа бомбардировщика Б-50 «Счастливая Леди II», возглавил первый в мире кругосветный беспосадочный перелет в 1949 году.

— Лейтенант ВМС США Дон Уолш и ученый Жак Пикар достигли в батискафе глубочайшей точки Мирового Океана — дна Марианской впадины — 10909 метров — в 1960 году.

— Нейл Армстронг — первый человек, ступивший на Луну в ходе экспедиции «Аполлон-11» в 1969 году.

30. Вертолет

В 1908–1912 гг. Игорь Сикорский спроектировал и построил 6 вертолетов. В январе 1942 г. двухместный вертолет R-4 фирмы «Sikorsky», созданный на базе его же вертолета VS-300 (1939 г.), стал первым серийно производимым вертолетом в мире.

31. Авианосцы

Первый взлет с палубы боевого корабля совершил Юджин Б. Эли в 1910 году; в 1911 он же совершил первую посадку на палубу крейсера «Пенсильвания».

32. Атомная подводная лодка

Первая в мире атомная подводная лодка «Наутилус» была спущена на воду в 1954 г. Она имела автономный запас хода 25000 миль в подводном положении без всплытий. Первый корабль, прошедший точку Северного полюса.

33. Бомба

Атомная бомба

В проекте «Манхэттен» участвовало 130000 человек, задачу решали десятки ведущих физиков мира: Роберт Оппенгеймер, Энрико Ферми, Лео Силард, Джон фон Нейман, Эдвард Теллер, Нильс Бор и многие другие. Первое в мире ядерное устройство (на основе плутония-239) было взорвано в Аламогордо 16 июля 1945 года. 6 августа впервые в истории урановая бомба была сброшена на Хиросиму.

Водородная бомба

11 ноября 1952 г. было взорвано первое в мире термоядерное устройство, созданное по схеме Станислава Улама и Эдварда Теллера. Мощность 10–12 мегатонн в тротиловом эквиваленте.

Нейтронная бомба

1977 год — первое испытание тактического ядерного боеприпаса с повышенным нейтронным излучением, которое обладает большой проникающей способностью и способно поражать живую силу противника сквозь защитные материалы. Изобретение Сэмюэла Коэна.

34. Компьютер

В 1941 г. компания IBM при участии математика Говарда Эйксона была разработана и выпущена первая усовершенствованная электрическая счетная машина «Марк-1» по чертежам XIX века Чарльза Бэббиджа.

В 1942 г. Джон Атанасов изобрел первый реальный компьютер — полностью электронную вычислительную установку; она была способна решать линейные уравнения.

В 1946 Джон Мокли разработал мощный электронный компьютер ЭНИАК — первый полноценный компьютер.

35. Персональный компьютер

После тридцатилетних открытий и изобретений в области электроники и прикладной математики, сделанных многими учеными и изобретателями, в 1975 г. Билл Гейтс и Пол Аллен написали BASIC для компьютера «Altair 8800» и основали компанию «Майкрософт». В 1976 Стив Джобс и Стив Возняк основали компанию «Apple Computer».

36. Мобильный телефон

В 1946 г. «Моторола» совместно с лабораторией «Белл Лабораториз» запустила первый коммерческий мобильный телефонный сервис — «Мобильная Телефонная Система» (MTS).

В 1973 г. глава отдела мобильной связи «Моторолы» Мартин Купер, гуляя по Манхэттену, совершил первый

в мире звонок с портативного сотового телефона собственной конструкции — Motorola Dyna TAC.

37. Нобелевские премии

Из 881 лауреата Нобелевской премии, присуждаемой с 1901 года (по экономике — с 1969) — 383 американских ученых, или (на 2020 год):

— США принадлежат 43% всех Нобелевских премий.
Из них:

по физике — 46% (98 из 216 лауреатов);
по физиологии и медицине — 48% (106 из 222 лауреатов);
по экономике — 72% (62 из 86 лауреатов);
по химии — 42% (77 из 185 лауреатов);
по литературе — 10% (12 из 121 лауреата).

(Премии Мира здесь не учитываются.)

Глава 33

ПАМЯТНИК КОЛОНИЗАТОРУ

Ветер рвал флаги над площадью. Солнечные лучи слепили с расчерченных стеклянных стен торгового центра и муниципалитета. Парковая зелень темнела за краем собравшейся толпы.

— Сегодня мы собрались здесь, — гремел и обрывался голос из колонок, — чтобы почтить память тех, кто сделал наш мир открытым! Кто отправлялся в неизведанные дали навстречу бесчисленным опасностям, чтобы открыть наш мир всем народам планеты. Кто жертвовал здоровьем и жизнью, чтобы донести все блага цивилизации до бедных отсталых племен, прозябавших в каменном веке.

Могилы этих отважных людей, наших великих предков, остались на всех континентах. В раскаленных пустынях и непроходимых джунглях, в малярийных болотах и скалистых горах, в заснеженной тундре и бездонных океанах покоятся их кости. Их крошечные утлые корабли, движимые ветром, достигли самых глухих уголков земли. И с ними шла — цивилизация! С ними шел Закон. С ними шла наука, шли великие технические достижения, шло избавление от голода и болезней.

Путь их был тернист. Потомки оказались неблагодарны. Их жертвы и свершения были поставлены им в вину. Беспамятные наследники их бессмертных дел покрыли память предков позором.

Но мы знаем, что вихри Истории всегда разметают нанесенный мусор! Мы, существующие благодаря им, мы, в чьих жилах течет их кровь — мы помним их!!! Мы помним их имена, мы храним в памяти вечно их подвиги! И сегодня!!! Здесь и сейчас!!! Мы открываем памятник!!! Белому Колонизатору!!! Бессмертному образу!!! Энергии и силы, воли и храбрости, ума и упорства!!! Которые вознесли нашу цивилизацию на вершину мировой истории! И сделали доступной для всех!

Мэр на помосте замолк и взмахнул рукой. Толпа взревела. Разноцветные воздушные шарики взлетели в небо. Оркестр лязгнул медью и сотряс атмосферу: «God Bless America».

Посреди площади высился двадцатифутовый грушеобразный нарост, покрытый белым чехлом. Стоящий рядом конгрессмен от штата потянул шнурок. Чехол раскрылся на две половины и мягкими складками сполз вниз, обнажая монумент.

На обломке скалы, опираясь ногой о нос разбитой лодки, стоял мужчина в полувоенном френче и бриджах. Обут он был в ботинки с крагами, а голову покрывал сдвинутый на затылок тропический шлем. Левая рука сжимала ствол опущенного к ноге ружья, правой он приобнимал за плечи худенькую женщину с явно азиатскими чертами лица. Спереди же к ним прислонился африканский ребенок с курчавыми волосами. Что же касается деталей, то можно упомянуть ожерелье в руке у женщины и большой кусок хлеба у ребенка. Поза мужчины, вся его фигура и резкие черты лица выражали силу и непоколебимость героя, всецело преданного своей великой миссии. Из серого гранита исполнен был памятник и тщательно проработан в реалистической манере, которая так подобает духу романтизма.

Когда рукоплескания затихли, к микрофону поднялся Дракон местного отделения Ку-Клукс-Клана в церемониальном балахоне, сдвинув с лица капюшон.

— Воздавая должное великим проводникам прогресса, — сказал он, — мы не должны идеализировать их. Это были сложные, неоднозначные личности, и их энергия, их великая миссия нередко подвигала их на суровые, жестокие поступки. И их доблести и пороки были сплавлены воедино.

Их вела жажда открытий и подвигов. Но еще — жажда богатства и почестей, власти и роскоши. За стеклянные бусы и железные топоры, за ром и виски они выменивали у доверчивых туземцев драгоценное дерево и пряности, слоновую кость и таинственные снадобья.

Славя память и деяния этих первопроходцев, этих проводников цивилизации, мы не должны, не имеем права не упомянуть и черные страницы нашей великой истории. Некоторые из них стали работорговцами и увозили несчастных аборигенов за океан — в кандалах, в тесных трюмах своих кораблей. Отважные и жадные конкистадоры, закованные в железные латы, на огромных конях, вооруженные ружьями и пушками, разрушали туземные империи и захватывали огромные земли — они искали и забирали все золото и серебро, драгоценные камни и меха. Они принесли с собой болезни белых людей, корь и оспу, от которых целиком вымирали местные народы.

Время открытий и завоеваний — всегда жестокое время. И провозглашая славу бесстрашным сынам прогресса — Белым Колонизаторам — мы должны непрестанно возносить и молитвы — за души тех, кто пал жертвами прогресса, кто под палящим солнцем переносил муки на плантациях, но и за тех, кто обратил вольных детей природы в рабов и чьи грешные души несут сейчас покаяние Там, во владениях Отца Небесного...

Дракону также устроили овацию с выкриками и свистом, но в атмосфере повисло такое необъяснимое ощущение, что пафоса и высоких речей пока достаточно. Наелись. Хорошо бы сменить жанр. Облегчить тональность, так сказать.

Поэтому высокого черного парня с буквами BLM на майке, занявшего место у микрофона, встретили иронично-выжидательно: «Давай, сказани-ка!» — «А кто этого сюда позвал?!» — «Пару слов попроще!»

Парень сдернул с головы красную бейсболку с надписью «MAGA» и закричал:

— Спасибо, братья! Спасибо всем вам и вот этим ребятам, — сделал жест в сторону памятника, — за то, что я здесь, и мой народ здесь!

Что бы мы делали сейчас в Африке, если бы не белые? Не торговцы и колонизаторы? Жили бы в каменном веке, убивали друг друга копьями и стрелами, ели всякую дрянь, да и то редка досыта, не доживали бы до старости.

Да, нас заставляли работать на шахтах и фермах — но нас кормили! Нам построили больницы и школы, нас лечили и учили грамоте. Нам запрещали убивать друг друга. Из каменного века мы за каких-то двести-триста лет перешли в мир цивилизации — белой, европейской, развитой цивилизации. Вы потратили тысячи лет, чтобы построить ее, отвоевали на тысяче войн, пролили моря пота и крови, сделали величайшие научные открытия.

Мой народ заплатил очень малую цену за то, чтобы войти в вашу цивилизацию. Двести лет рабства на плантациях — ничто по сравнению с тысячами лет рабства белых у своих же белых в древности. Нас не распинали на крестах, не заставляли дробить камень в каменоломнях и грести огромными веслами на галерах. Вы были милостивее к нам, чем к своим братьям тысячи лет подряд.

Извините, что мои братья иногда ведут себя как безмозглые свиньи. Слишком коротко было время от джунглей до университетов. Это пройдет. Мы с этим разберемся.

Белый Колонизатор привез кандалы и виски вместе с медициной и грамотой, наукой и техникой, конституцией и правами человека. Мы все знаем, что перевесило на весах Истории! Негры и белые сегодня без разницы. Мы выпьем сегодня за Белого Колонизатора!

...Тут начался какой-то фестиваль речей. Подобных речей давно никто не слышал, так что ток-шоу нарисовалось увлекательное.

Латинос, приодевшийся ради торжественного случая в некий этнический наряд из узких брюк с лампасами и огромного сомбреро, время от времени тренькал на банджо, а в основном кричал как пьяный на празднике, думающий, что он поет:

— Да если бы не приплыли испанцы! Если бы торговцы не привезли негров! Если бы индейцам не дали дышать! То нас бы всех просто не было — ни хрена себе? У нас глобализация и мульти... мультулькуль-тур... мультикультур... ность! Начались пятьсот... четыреста... пятьсот лет назад! С приходом храбрецов Альмагро и Мендосы! Испанские губернаторы и школы, театр, наконец! Мы все женились друг на друге, у нас не было расистов, но наш язык — испанский... парламент? Одежда, закон, оружие, танцы — мы все один народ... А если б не они? не мы? белые? конкистадоры? Испанцы в Испании, негры в Африке, индейцы в Америке — а мы где? А мы кто? Нас нет?! Да здравствует наш создатель — Белый Колонизатор! Ура!

Латиноса унесли и водрузили на его место индуса-программиста. Индус сказал:

— Да. Да. Колонизаторы нас грабили. Забирали ткани и пряности за бесценок, а ружья продавали задорого, и заставляли работать на чайных плантациях. Но они уничтожили секту душителей — их боялись все! Они запретили сжигать вдов на кострах мужей! Их английский язык объединил десятки разрозненных княжеств в единое могучее государство. Они создали нам современную армию, государственный аппарат, построили школы и больницы, проложили дороги и пустили поезда. И когда через триста пятьдесят лет они ушли — нам осталось огромное, организованное, готовое к развитию государство. Послушайте гражданина бывшей великой колонии: время открывать объятия колонизатору — и время давать ему пинка. Его зад давно перестал болеть от этого пинка, синяк сошел, и наша злость тоже прошла. Скажем же ему сегодня спасибо, поклонимся ему, вспомним все то хорошее, что мы от него получили — и благодаря чему мы здесь сегодня есть такие, какие есть!

Индейского вождя в классическом уборе из орлиных перьев, с длинной трубкой в руках, приветствовали одобрительным свистом: наконец-то коренной американец!

Коренной американец затянулся дымом, звякнул ожерельем и сообщил:

— Честно говоря, мои бледнолицые братья, мы первыми начали вас резать, когда вы высадились.

Бледнолицые братья загоготали от края до края площади.

— Но вас было так мало, и вы были так непохожи на воинов, и у вас было столько хороших вещей, что невозможно было удержаться. Мы получили ваши ружья, объездили ваших коней и били вас долго. Но вас делалось все больше, и вы умели воевать. Вы оказались так же жестоки, как мы. Но вы были умнее, и умели устроить битву так, чтобы преимущество было на вашей стороне.

И вот у нас есть наши резервации. Кроме того, у нас есть все права американских граждан. Но еще есть права, которых нет у вас. Все-таки вы признали, что эта земля была нашей. Мы пролили много крови и слез. Но они были пролиты не зря.

Мы не платим налогов. Мы получаем доход от игорных домов на нашей территории. Мы сохраняем свою культуру. И еще такая важная вещь: нас стало больше, чем было, когда вы высадились четыреста лет назад на наших берегах.

За дома и дороги, за сытую жизнь и лекарства, за отсутствие войн между племенами, за возможность стать кем угодно в современном большом мире... Не знаю, стоит ли вас благодарить... Но воздать должное Белому Колонизатору, его мужеству и стойкости, его храбрости и непреклонности, его энергии и уму — мы должны. И еще — его уму и неутолимой жажде создавать и строить все новое и новое, все больше и больше. Поэтому он победил. Поэтому — вот его памятник.

Потом полетел блиц — процедуру скомкали, всем пора было возвращаться к своим делам.

Еврей извинился за марксизм, неомарксизм и все левое движение, в недрах которого изобрели системное рабство. И сказал, что прогресс суров, и конечно колонизаторы

были правы. И Голливуд, созданный, кстати, евреями, в свои золотые времена вполне продвигал колонизаторскую идеологию и правильно делал.

Умиливший всех бойскаут поклялся в верности делу пионеров, первопроходцев, носителей прогресса и защитников слабых и угнетенных. Будем учиться силе и благородству у лучших представителей Белой Расы, принадлежностью к которой мы гордимся! Поведем вперед все народы мира!

Однорукий старик в камуфляже, ветеран Вьетнама, пел и плакал, глядя на статую, о том, что именно вот таких ребят предали во Вьетнаме, именно такие навек остались в джунглях, закрыв собою товарищей и спасая мирных жителей от зверей Вьетконга.

— Мы гибли за океаном, в болотах и джунглях, за то, чтобы этот памятник когда-нибудь появился. Я счастлив, что дожил до этого дня!

...Через неделю прислали отряд федеральных агентов, но наша Национальная Гвардия не пустила их на площадь. Потом Вашингтон отправил армию, но нам помогли Вайоминг и Северная Дакота, там сняли с консервации оружейные парки, и у федералов ничего не вышло. Ну, а потом произошли столкновения на границе, и началась Катастрофа.

Когда я в последний раз переписывался по твиттеру с сестрой, памятник еще стоял.

Глава 34

ЛОБОВАЯ АТАКА

Ты, брат, не представляешь, сколько зла накопилось в народе! Сколько же лет, да что лет — сколько десятилетий они над нами издевались! Это мы же их кормили, поили, обували-одевали, дома им строили, дороги, чтоб они ездили — и с нас же они драли налоги на бездельников и паразитов всех цветов радуги, с нас три шкуры драли, ты понял, на содержание швали со всех концов света. И нас же, суки бесполезные, еще презирали. Что думаем не как

они. Ты негру слово против сказать не смей, гомосеку слова сказать не смей, против их социалистического равенства слова сказать не смей! Молчи и паши, значит. А сдохнешь — так это твоя проблема.

Но вот тут они просчитались. Верх всегда останется за тем, у кого дух крепче. А у нас все крепче, ты понял? И дух, и хуй, и кулак. И характер соответственно. Насадим на кол — не жалуйся.

Ты извини, брат, что я тебя этим достаю. Может, и правду на этом крыша немного съехала. Так это не у меня одного...

А-а-а, сколько мы об этом мечтали! И наконец мы это сделали. Главное в жизни что? Главное — воплотить свои мечты в жизнь. Плотью сделать свою мечту и вогнать ее в плоть жизни. Ну уж мы вогнали! Встречная скорость миль под двести. В лепешку! Никаким автогеном не разрежешь, ножичком от мятой жести не отскребешь.

Давно мы знали, что дело там нечисто. Ох нечисто. Не то слово, пацаны! Эти орлы наработали себе не на электрический стул — на целый дворец они наработали, меблированный электрическими стульями! А выражаясь гнусным языком политкорректности и гуманизма — по сотне пожизненных на брата, без всякого права на досрочное. Но гуманизм, ребята, остался там, за дальним поворотом, скрылся в ночи, где отгорели пожары, отзвенели крики, отгремели выстрелы — а мы с вами обнаружили себя утром здесь, в беспощадном свете не солнца и не правды, а Страшного Суда. Настало воздаяние каждому за грехи его.

Избрал Господь нас орудием своим для воздаяния гадам, которые высились над равниной гадов помельче, и уж мы им воздали. Мы услышали священный зов в душах своих и узрели свет Ада в сердце своем. Пастор в то воскресенье верно сказал, мы все это чувствовали. Но воздали не то что даже справедливо — милостиво воздали, красиво даже, по-американски, в общем.

Мы за этими двумя парочками долго следили, самыми ехиднами ядовитыми. У нас отдел электронной разведки хороший был. Там были ребята из Сан-Хосе, и двое еще из

Пало-Альто, они от погромов сбежали, в Стэнфорде там вообще студенты стали всех белых убивать, кто в Черную Партию не записался. Так что они настрой имели правильный, пока не выследили всех — не успокоились. И защиты вскрыли, и в навигацию вошли, все как полагается.

Клинтоны чаще всего сидели в своем доме под Вашингтоном. Шикарный северный пригород, парки, на Уайтхэвен-стрит там вообще рядом с ними британское посольство. Как же без британского посольства. Ведь бывший президент ебет там бывшего госсекретаря. Хотя завидовать тут нечему. Зато дом — в сплошном саду.

Мы туда отправили группу «Орегонских бобров». На обычном минивэне, в комбинезонах ремонтников. Один врубил отбойный молоток и стал вскрывать асфальт у края тротуара, а другие под этот грохот пристрелили охранника у входа, сняли трех других на территории и отключили камеры. Передатчик в фургоне заглушил сотовую связь, и несколько минут можно было работать спокойно.

Этих минут понадобилось не больше трех. Старую сучку взяли у бассейна. Она подняла голову из шезлонга, ей сказали, что лопнула водная магистраль и сейчас будет заливать, заткнули рот, замотали скотчем, как сосиску, сунули в синий ящик с надписью «Ремонтное Управление DC4 отдел» и отнесли в фургон. Думали, Билл в спальне дает минет студенточке, но он был в кабинете и надиктовывал мемуары на компьютер, клянусь — все врал, сука, и при этом лицо у него было такое важное, словно он расписывал Иисусу сценарий Второго Пришествия. Он увидел пистолет и как лапочка дал себя спеленать и погрузить.

А вторая группа «бобров» на двух «Хаммерах» заехала с ночи мимо дорог и на заброшенном участке ждала на связи. Когда фургон с грузом вышел на маршрут, они перехватили его в заранее арендованном гараже (еще несколько помещений мы приготовили для подстраховки на других направлениях, если придется удирать от погони в какую придется сторону). Груз перекинули в «Хаммер» с эмблемами и флажками Центрального Национального Союза Штатов — и дунули.

Нормально ушли. Никто не проверял и ничего не спрашивал. Кругом бардак, над крышей «Хаммера» пулеметчик за пулеметом торчит — да ну их на хрен, этих военных, едут — значит надо.

А Обама окопался на острове Мартас-Винъярд. Это в бывшем Массачусетсе, у побережья. У него там поместье акров тридцать, пляж, все дела, что ты. Помесь крепости с курортом.

Когда стемнело, «Пенсильванские доги» подъехали к узкому заливчику под Фолмутом, надули резинку и тихим ходом на моторе пошли к острову. Его обойти с другой стороны, к Эдгартаунскому пруду, это миль двадцать будет. В темноте пятерка захвата дошла до места, миновала сигнализацию, и когда стало светать — все и провернули.

Там двое охранников были, из Антифа, так потом, когда уходили, их повесили на баскетбольных кольцах у бассейна. Очень уж «доги» Антифа не любят. Командира потом за этот Голливуд понизили на два месяца. Хороший такой парнишка, кстати, Кларенс Суини. У него когда-то погромщики дом сожгли и сестренку убили.

Прислугу, конечно, пришлось нейтрализовать. Повар, садовник, две горничных. Что делать. А дети наверху даже не проснулись. Чистая работа.

А этих взяли в спальне, рассвет — самый сон, оглушили прямо в койке и упаковали.

Волочь их до берега и везти потом в резинке — это стремно. Мы заранее арендовали 407-й Белл, самый подходящий вертолет, расписали красными крестами под санитарный; заранее позаботились о заправке. Сел он на рассвете посреди луга перед домом, погрузили голубчиков, запрыгнули сами — и привет от звездного знамени! Обычное дело, с озабоченным стрекотом повезли какого-то инфарктника.

В старые времена поставили бы на уши всю страну и проверили каждую травинку, но старых времен давно нет, и наши милые супружеские пары приложили немало усилий, чтоб те благословенные старые времена кончились. Ну что ж... Создали новый мир? Теперь хлебайте в нем свой новый бесплатный суп.

Мы их специально подержали сутки в сарайчике. Помариновать. Как мясо для барбекю, чтоб мягче было. Утром и вечером — кусок хлеба и кружка воды. Туалет дважды в день — под кустом рядом. Пусть терпят и ссутся.

На второе утро стали выводить по одному на допрос. Интересно же посмотреть, как они себя вести будут. Палатка, стол, стул, напротив мы трое сидим, с краю секретарша на компьютере протокол печатает.

Сначала Билла привели, сел он, седенький уже, худенький, а все равно рыхленький какой-то. Гнилуха. Блять, кто нами правил!

— Ну что, — говорим, — это тебе не минет практиканткам давать? Не христиан бомбить в этой... в Европе, короче? Или, может, нас тоже найдут утром с пулями в затылке, а скажут — ограбление? Это ты, сука, начал страну разворовывать, саксофонист ебанный.

Сколько тебе платил Марк Рич, как ты показывал хуй Поле Джонс — нас не ебет. А главное — сколько трупов по твоей вине?

И тут Бенни Фрей откидывает кленку с травы под окошком палатки, и наш Билли-Саксофон видит инструменты: клещи там, ножовку, садовые ножницы и раскрытую опасную бритву. А рожа у Фрея, надо сказать, самая зверская. Щетина сизая, половины зубов нет, под распахнутой рубахой синий череп наколот. Как все ребята с такой внешность, нрава он самого мирного. Но пока молчит — страху наведет на шайку пиратов.

Фрей гнусно ухмыляется, показывая желтые осколки во рту, щелкает у ширинки садовым секатором и делает шаг к Биллу. Президент падает со стула в обморок.

— Бенни, — говорю я, — осторожней, дружище, у него сердце больное. А он нам еще нужен.

Спрыснули водой, связали снова, отнесли в тень под куст, Говард напротив сел, помповик на коленях.

Барак, надо сказать, О'Бама наш в ситуации, которая явно хорошим не пахнет, резко утерял свою обычную развязную наглость. Неким образом лицо его приобрело угодливое выражение, и даже поза, как он сидел на складном стульчике, выглядела угодливо.

— К тебе, парень, особые претензии — посочувствовал я — Это ты раздул ненависть черных к белым. Ты провоцировал черных измываться над белыми. Ты поощрял погромы и отстрелы белых полицейских. Это ты растлял школьниц, вводя общие раздевалки и душевые, и даже туалеты для девочек и «трансгендеров» — чтоб мальчики могли объявить, что вдруг почувствовали себя девочками и перетьться глазеть на них. Ты говорил публично, что США — мусульманская страна. Ты запретил выражение «Исламский терроризм». Ты ненавидел евреев и Израиль. Ну, что скажешь в свое оправдание, мусульманская рожа, враг народа?..

— Вы расисты, — сказал он, а у самого лицо делается пепельное. — Вы ненавидите меня, потому что я черный. Грязные подлые расисты.

А Бенни говорит:

— Нет. Потому что ты говно. А цвет говна значения не имеет. Ты мечтал развалить Америку. Ну вот — она развалилась. Доволен? Руку арабскому королю не хочешь напоследок еще раз поцеловать? Или жопу?

А Кайл закуривает очередную «Лаки Страйк», где он их достает одному Богу ведомо, он всегда курил, борьба с курильщиками его просто бесила, вот Кайл выдул струйку дыма в зеленый тент над головой и говорит:

— Ты думал — Америка развалится, и тебе будет хорошо? Нет, парень. Ей плохо, а тебе сейчас будет еще хуже. По справедливости тебе же причитается твоя доля с общественного дохода, с развала? Вот сейчас и огребешь.

Уложили мы его под куст к Биллу. Валетом специально положили: пусть друг на друга любуются. Могут наговориться всласть, если захотят. Но они все молчали. Забавный такой дуэт в тени на травке: Клинтон в шортах и майке, как мы его взяли, ляжки розовые, жирные какие-то и безволосые, и рожа морщинистая — и Обама в серебристой спальной пижаме с монограммами, пучок длинных костей в коричневой коже и сушеная головка сверху.

Задницу его супруги уместить на стульчике было труднее.

— Ну что ж ты, Мишель — укоризненно протянул Кайл. — Потомок рабов, а такая страсть к собственным

рабам. В смысле слугам. Слыхала: нет худшего господина, чем вчерашний раб?

Кайл когда-то учился в Колумбийском университете, и его исключили за то, что он избил нескольких уродов, когда свалили статую Колумба на Коламбус-Серкл. Дед Кайла был испанец и воспитал детей в духе, что именно испанцам принадлежит заслуга в том, что США вообще появились. А Кайл внешне худощавый, но удивительно жилистый и хлесткий в драке мужичок.

— На что тебе столько слуг? — продолжает Кайл. — И с чего это потомок рабов решила похлопать по спинке королеву Великобритании? Чтоб доказать свое превосходство? И, значит, ты гордилась Америкой только те восемь лет, что твой муж был президентом? А если Первая леди не ты, то ты Америку ненавидишь, мм?

— Я очень люблю Америку! — с чувством говорит Мишель, а зубы у нее — или свои, но в таком возрасте вряд ли, или стоят как яхта. Заглядение.

— Убежденности в голосе не чувствую, — печально говорит Кайл.

— Пусть скажет, какого хера ей в жизни не хватало, — говорит Бенни Фрей.

— Попробуй ответить — говорит Кайл.

— Вы никогда не были черными.

— Такими, как вы? Где уж нам. Всюду без очереди, в университет пожалуйста, на работу пожалуйста, на выборную должность пожалуйста.

— Вам не понять.

— Заебали вы меня со своим комплексом неполноценности и мести — рассердился Кайл — Увести дуру!

Старушку Хиллари мы оставили напоследок. Ее взяли в купальнике, и как завернули в пляжный халат, так она и выступала. Сидит она, значит, на складном этом стульчике, жопа широкая, ножки короткие, а на лице выражение — как женский кулачок: сжат неумело, но зло.

Вся Америка всегда знала, что Хиллари — злая лживая сучка. Фальшивая насквозь. Мозги у нее работали отлично. Но доверие она могла вызвать только у бледной спирохеты — стервозность у нее в каждой морщинке написана, и голос в точности соответствует.

Она, значит, успела собраться с мыслями, взяла себя в руки, пока тех допрашивали. И затеяла торговлю. Речь решила толкнуть.

— Вы, — говорит, — можете нас убить, но во-первых, меня уже много раз пытались убить, так что я не боюсь. А во-вторых, вас найдут раньше или позже, вы ведь понимаете, сколько оставили следов и какие силы по этим следам нас уже ищут. В-третьих — ну и что это вам даст? Кругом трупы горами валяются, на несколько больше или меньше — какая разница? А в-четвертых — давайте поговорим как взрослые люди, вы же умные ребята, и сердца у вас горячие, раз взялись за такое дело. Вы можете получить огромную выгоду не только для себя лично, но и для своего дела. Скажите мне, чего вы хотите, к чему стремитесь? И вместе обсудим, как это сделать, как добиться. У нас возможности огромные, сами знаете: и связи везде в мире, и опыт огромный. И значительные средства, которые вы можете получить на развитие своего дела. Вы же заинтересованы в финансировании? И в политическом прикрытии, в юридическом обеспечении? Без этого сделать ничего нельзя! Мы нужны друг другу. Разве не так?

Клянусь — баба конь с яйцами! Если б в старые времена она стала бы президентом вместо Трампа — нам бы всем еще тогда пиздец пришел, причем полный.

Ребята аж задумались. Ты понял?..

— Поздно, — говорю, — дамочка. Поздно, старая сука. Деньги твои нам на хуй не нужны. Они сегодня в Америке никому не нужны. На них все равно покупать нечего. А если где есть что нужное — берем мы это сами, и достаточно нам стволов. Хотя хорошим людям можем бензину отлить или консервов оставить. И опыт твой нам не нужен. Мы политикой не занимаемся, родиной не торгуем, взятки не берем — зачем нам твой опыт? И любовниц мужа не убиваем, и юридическими услугами не пользуемся — они сейчас ведь не в ходу, верно? Так что нашему агенту по скупке краденого ты свой товар не всучишь.

— Идиотами вы были, идиотами остались, — говорит эта баба и смеется, тряся головой на сторону, как комнатная собачка лает.

Железная кикимора. Пришибешь — но с уважением.

...Ради такого дела мы подготовились заранее. Один «форд краун виктория» 2010 года мы выменяли у старика-фермера под Товондой за четыре бочки бензина. У него колымага все равно без дела под навесом ржавела. А второй раздолбанный «краун виктория», он 2009 года оказался, взяли у черного таксиста в Нэшвилле, ребята ему оставили «киа риа» с расходом один галлон на шестьдесят миль, так он за ними гнался — целовать хотел.

Привели эти тачки в порядок. Сделали какие надо усовершенствования. Ричи Хан, он когда-то в «Тесле» работал, впаял туда кое-что.

Мы почему именно эти машины взяли? Потому что это были последние модели «американской мечты». Большие, мощные, красивые — машины сверхдержавы. Смотришь на такую — и понимаешь, что человек — царь природа, и хозяин своей судьбы, и всего на свете ты можешь добиться, любых высот достичь, если есть у тебя голова да руки, и готов ты трудиться денно и нощно ради своей цели. Вот в такой Америке мы жили, парень. Жили когда-то, и кто пожил — тот не забудет.

Подводим мы, значит, две наши сладкие парочки — Обам и Клинтонов — к машинам. А машины, кстати — такси-то желтое осталось, а фермерский экземпляр — ну красавец: он в тот год, рассказывал, на грибах хорошо заработал, и заказал себе индивидуальную окраску — низ черный, а верх — серебристый металлик. Эффектно.

— Так, ребята, — говорим мы. — Места эти, как видите, пустынные, и по шоссе этому заброшенному никто не ездит. Видите вот эти два столбика? И красную ленту между ними?

Они вперились в эти две рейки, вбитые в песчаный грунт, и алую узловатую веревку из связанных галстуков, коробку которых подобрали невесть зачем у одного разграбленного склада. А пейзаж — картина: пустыня в редких кустиках выжженной травы, и серое прямое шоссе маревом струится от горизонта до горизонта, до самых лиловых гор.

— Сейчас вы бросите монетку, кому достанется какая машина. И садитесь парами. Разъедетесь на две мили в разные стороны. Все под контролем, вас проводят. Тормоз попробуете, газ попробуете, руль. Вздумаете сбежать — под машинами мины: радиоуправление. Да и пострелять по движущимся мишеням ребята обожают. А дальше — по сигналу, по ракете, вы стартуете навстречу друг другу.

Условия такие: кто первый коснется красной ленты — остается в живых. Сворачивать запрещено. Проигравших пристрелят. За победителей потребуем выкуп. Жить захотите — подскажете, как это лучше сделать, чтоб без осечек.

— Так, — говорит Барак. — Но ведь на скорости у ленты не остановишься.

— Езжай дальше в лоб друзьям. Или тормози у ленты. Или сразу давай задний ход. Можешь свернуть, но это будет под пулемет. Хотя мина у тебя под днищем. В общем, думай, решай, твои проблемы.

Одеревенели в движениях наши сволочи, и посматривают уже пара на пару оценивающе, как волк на быка. Ты никогда не обращал внимания: если к улыбке политика приглядеться внимательнее, то кажется, что в животе у него холодная ненависть — по какому-то закону равновесия чувств.

Долларовую монету мы дали кидать Мишель. Во-первых, женщина, а во-вторых, черная. Если б она была еще одноногой лесбиянкой — цены бы ей не было.

Взлетает монета, как судьба, сверкая и крутясь, и смотрят все на нее завороженно. И лезет наш первый чернокожий президент со своей леди в обшарпанное такси. И все понимают в этом какое-то унижение. Но что поразительно: на морщинистом плоском кулачке, который у Хиллари работает лицом, явственное удовлетворение, которое она забыла скрыть! Даже сейчас — а им машина досталась красивее, чем тем. Во бля сколько тщеславия у людей, ну разве не смешно.

Извините, сэр. Я утомил вас подробностями, сэр. Но уж больно дело было для души праздничное.

Садятся они, значит, мы захлопываем за ними дверцы — и смотрим внимательно на лица. Они не сразу поняли, что изнутри нет ручек, и самим не выбраться. И стекла не опускаются. Кстати, кондиционеры у них тоже не работали. А не фиг. Для полного комфорта. Чтоб не расслаблялись. В раскаленной духовке лучше понимаешь, что едешь в ад.

Дистанцию мы вымеряли точно, то есть не одинаковую. Черно-серебряный быстрей разгонялся, он выжимал 111 миль, а желтый износился и давал от силы 97. Соответственно мы несколько раз прогнали каждую от старта к финишу и обратно. И отмерили желтому путь ярдов на 300 короче. Чтоб уравнять шансы.

— Придать зрелищу симметрию, — выразился Ричи Хан. (Он там хорошо поработал с электроникой. И снял ограничение с движков.)

Машины с вооруженными ребятами сопроводили наших гладиаторов на стартовые площадки, так сказать. По дороге они, как условились, давили газ и тут же били по тормозу. Машины прыгали и сходу оседали на передок — мертво.

Ну. Вот и настал момент истины. Все столпились в сотне ярдов от шоссе, напротив наших красных галстуков. Уолли подали ракетницу, и он выпустил в небо красную ракету. Она только зашуршала в бледный зенит, за искрящим ярким комком тянулась дымная нитка — а машины прыгнули и понеслись.

Они неслись друг другу навстречу по прямому натянутому полотну шоссе, лобовые стекла пылали солнечным огнем, до 60 миль они разогнались секунд за десять, гул и шелест нарастал над пустыней, и две молнии, две летящих реликвии старой славы сокращали встречное пространство, как в ускоренном кино. Желтый близился к финишу первым, но черно-серебряный летел навстречу быстрее, они сближались на сто ярдов в секунду, и всем передался психоз соревнований, ребята засвистели, заорали, затопали — черно-серебряный коснулся капотом ленты, красные штрихи мелькнули вдоль корпуса — и в двадцати ярдах дальше машины на встречной скорости двести миль в час влепились друг другу в лоб!

Было видно, как сплюснулись воедино коснулись бамперы, передки стали сжевываться, съеживаться, вминаясь друг в друга, над желтой дверцей черное лицо Мишель распахнуто в крике, а навстречу близится седая голова Билла в кайме черного и серебряного лака, руки бешено крутят руль, жестяная гармошка складывается, и в десятую долю секунды вмещается масса картин и звуков: жестяной хруст и скрежет сливается в шлепок железных ладоней, комок железных клочьев сплющивается в лепешку и багажники с двух сторон еще въезжают в нее, тут же вспыхивает белый бензиновый взрыв, купол цветных брызг, и над тугим хлопком прочерчен миг женского выкрика — и вот нимб из рваного железа обретает законченность монумента и окутывается красным чадящим пламенем.

Мы все когда-то насмотрелись кино, и так ясно представляли себе, что они там внутри делали эти полторы минуты, будто видели все на двух экранах одновременно: общий план — глазами в натуре, а крупный — будто внутренним зрением, в мозгу картинка впечатана яснее ясного: и как нога давит тормоз, а педаль проваливается в пол, и как рвут в сторону руль, а он вращается свободно, оскаленные в вопле рты, и все ближе спереди нарастает бешеная, как пуля, машина.

Что? Конечно мы им не верили. Свернули бы в стороны в последний миг. И что за интерес? Ричи Хан вставил под капот, он объяснял, ребята интересовались, элементарный электромоторчик с маленькой гильотинкой. Включаешь дистанционно — и гильотинка перерезает и отгибает трубочки эти...

— Режет трубопроводы тормозной системы прямо у главного тормозного цилиндра, — сказал Ричи Хан. — Ну, и с тросиком ручного тормоза типа того. С рулем сложнее, конечно, было. Пришлось в блок управления усилителем впаять одну схемку. Чтоб рулевую колонку вообще отключить. А управлять дистанционно. Как-то так.

— И вот, брат, стоит у меня перед глазами, как летят друг другу навстречу две машины, и желтая с черно-серебряной сплющиваются друг в друга, и этот хрустящий, жестяной такой оглушительный чпок, и цветной купол,

и брызги огня, и железный рваный блин торчком на шоссе, как ворота в ад.

Ребята свистят, орут, Кларенс в воздух стреляет, а Уолли сплевывает и говорит: «Вот так-то, блять!»

И только одно меня мучит, не мучит даже, я не сразу стал об этом думать, а как подумал, так уже и понять не могу: какого же хера мы не сделали это раньше, давным-давно, когда это все могло изменить? Ты мне объяснишь?

Глава 35

СОЛ АЛИНСКИ

ПРАВИЛА АНТИ-РАДИКАЛА 2021

Подход

1. Определи противника. Пойми его цели и образ мыслей. Выясни и проанализируй средства, которые он применяет. Осознай и сформулируй его сильные и слабые стороны. Наметь уязвимые места.

2. Если противник циничен, лжив, жесток и стремится тебя уничтожить — отбрось всякую этику и мораль и применяй любые средства для его уничтожения. Твоя пропаганда должна лишь всячески имитировать соблюдение тобою морали.

3. Если противник пропагандирует и строит социализм — обличай и компрометируй социализм всеми способами, приводи самые ужасные примеры, компрометируй всех вождей социализма, раздувай все его провалы, внушай его лживость и неизбежную жестокость.

4. Сегодня власть в Америке захватила коалиция меньшинств, которую объединяет только ненависть к существующему государству и желание разрушить его, преследуя свои интересы. Прямой и простой путь к разрушению и уничтожению этой противоестественной и противоречивой коалиции — раздробить ее, натравив все меньшинства друг на друга, для чего использовать существующие противоречия между ними.

5. Если противоречий между группами нет — их необходимо находить, изобретать, создавать.

6. Используйте компромат, обвиняйте, клевещите, нападайте, пачкайте и высмеивайте, кусайте их постоянно — враг не должен знать покоя.

Враги должны уничтожать друг друга

1. Левых демократов, анархистов, социалистов, коммунистов — необходимо натравить на олигархов, лидеров торговых и финансовых кругов, нефтяников и девелоперов, киномагнатов и политиков. Леваки и крупная буржуазия должны выгрызть глотку друг другу. Убеждайте, что другой — его главный и смертельный враг.

2. Черных и латиносов необходимо систематически натравливать друг на друга. Они постоянно враждуют, их банды режут друг друга, латиносы более организованны, интеллектуальны и презирают черных как низшую расу, ненавидя еще и за максимальные социальные льготы. Недовольство и агрессию черных необходимо полностью перенаправить на латиносов как на махровых расистов и непримиримых врагов, пытающихся лишить черных их законных привилегий.

3. Внушить БЛМ и Нации Ислама убежденность, что черные, убивающие черных — платные или невольные агенты белых расистов и супрематистов, и должны выявляться и беспощадно уничтожаться, ибо препятствуют подъему черной расы к командным высотам в бизнесе, политике и науке. Черная милиция и добровольные вооруженные черные дружины должны искать и уничтожать черные банды в первую очередь — как предателей своей расы и внутренних врагов, которые опаснее внешнего. С учетом ментальности черных (и при финансировании такой милиции и дружин) вся их агрессия должна реализовываться внутри своих общин.

4. Поддерживать азиатов в борьбе против черных, не любящих их из зависти к трудолюбию, достатку, образованию и карьере. Максимум черной агрессии должен быть перенаправлен против желтых — чтобы на выступления

против порядка и государства у них уже не оставалось сил и возможностей.

5. Постоянные черные марши и погромы в Кремниевой Долине и Голливуде, вызываемые ненавистью к богатым, среди которых почти все белые и много евреев. Традиционно левые айтишники и киношники должны возненавидеть черных за оскорбления, неблагодарность и убытки.

6. ЛГБТ должны наконец объявить войну мусульманам за пещерную гомофобию, гомофашизм, сексошовинизм, запрет однополых браков и парадов гордости, преследования и убийства геев.

7. Феминистки должны бороться с мусульманами за равноправие женщин, право на лесбийскую любовь и браки между женщинами, право на свободный секс, против многоженства и патриархальной деспотии, против всяческих унижений женщины и за равные права для нее.

8. Феминисток нужно всячески натравливать на трансгендеров, нагло влезающих в женские спортивные команды и отбирающих победы у женщин, и смеющих впираться в женские души и раздевалки со своими гениталиями, якобы чувствуя себя женщинами и оскорбляя женщин своим наглым бесстыдством.

9. Трансгендеры и транссексуалы обязаны бороться как против феминисток, так и против ислама по аналогичным причинам — за свои права и уважение к себе.

10. Мусульмане должны, в свою очередь, отрицать и ненавидеть ЛГБТ, феминисток и трансгендеров как извращенцев и преступников перед Законом Мухаммеда и лицом Аллаха, вести всяческую пропаганду за их запрет, обличать, позорить — и при случае совершать нападения и даже убийства мерзких извращенцев и преступников, позорящих род людской.

11. Католиков — в первую очередь латиносов — возбуждать против ЛГБТ как еретиков и осквернителей Христианской Веры. Находить и фабриковать истории о трагедиях, произошедших в семьях из-за ЛГБТ, о разрушении семей и самоубийствах брошенных извращенцами супругов.

12. Среди полиции углублять и растравливать ненависть к БЛМ и демократам как врагам и разрушителям государства, которые приносят полицию в жертву своим антинародным и разрушительным реформам. Объяснять: полиция обречена на заклание, левые неизбежно обрушат на нее репрессии и уничтожат, многие офицеры окончат свои дни в тюрьме.

13. Евреям твердить неустанно и всеми способами, с примерами и объяснениями: черные их ненавидят и будут громить и вытеснять из всех сфер неизбежно, примирение здесь невозможно.

14. Власть левых закономерно станет притеснять и ущемлять в правах евреев ради насаждения расового и гендерного равенства во всех прибыльных сферах деятельности, а когда дела станут разваливаться — евреев обвинят во вредительстве и сокрытии секретов производства. Евреям следует внушить, что укрепление власти черных и левых — естественное преддверие еврейских погромов: правые взгляды — спасение для евреев, иначе они обречены. Все левые и черные — их непримиримые враги, причем евреи на ответственных должностях еще будут руководить репрессированием еврейских масс — как уже случалось в истории неоднократно.

15. Одновременно черные еще больше натравливаются на евреев — распространяются истории про их жадность, хитрость, подлость, работорговлю африканцами и захват всех лучших мест в жизни в ущерб черным.

16. Демократы — латиносы и мусульмане в первую очередь — натравливаются на евреев, а также на черных: изобретаются и находятся любые прегрешения.

17. Крайних левых надо сподвигать на удушение безмерной и абсурдной политкорректностью влиятельных творцов — философов, писателей, ученых. Творцов, в свою очередь, пугать и ужасать разгулом левацкой политкорректности — которая неизбежно переходит в «культурную революцию хунвэйбинов» типа китайской.

18. Компьютерщикам, айтишникам и т.п. внушать опасение и неприязнь к китайцам и индусам, которые полностью

захватят отрасль и займут их места. Китайцам же и индусам — программистам и т.п. — внушать подозрительность и ненависть к белым американцам, которые мечтают их выкинуть вон, боясь конкуренции.

19. И обратить особое внимание на СМИ и киноиндустрию, дабы все талантливые профессионалы ненавидели конкурентов другой расы и сексуальной ориентации за вытеснение из профессии. Большинство — белые мужчины, христиане и натуралы — должны осознать и быть убеждены, что они жертвы, политика подла и справедливость необходимо восстановить!

КНИГА VI

Глава 36

ЧЕРНЫЕ РЕПАРАЦИИ

1.

На 31 декабря 2020 года совокупное население штатов Луизиана, Миссисипи, Алабама, Джорджия и Южная Каролина составляло 27 690 885 человек. Из них афроамериканское население — 8 347 912 человек.

(Из архива Американской Статистической Ассоциации.)

2.

Долгая и упорная борьба за выплату репараций афроамериканскому народу США за неисчислимые страдания, которым он подвергался в течение многих веков позорного и унизительного рабства, за сотни тысяч и миллионы жертв, которые принесли наши черные братья ради процветания Америки, которая поднялась и разбогатела на их труде, их поте и крови — эта борьба завершилась победой всего прогрессивного человечества, товарищи!

Решением Конгресса, Сената, Верховного Суда и Президента США принят Закон о репарациях!

На первом этапе репарации будут выплачиваться чернокожим гражданам штатов: Луизиана, Миссисипи, Алабама, Джорджия и Южная Каролина — как наиболее пострадавшим от рабства.

«Нью-Йорк Таймс»

3.

Всем афроамериканцам в кратчайший срок будет выделено муниципальное или государственное жилье из расчета

дом с количеством спален, равном числу членов семьи, или квартира с тем же количеством спален, или студия или квартира с одной спальней одиноким.

На каждую семью должен быть выделен семейный автомобиль среднего класса, для одиноких — двухместный среднего класса или компакт; автомобили спортивные, а также классов люкс или представительские могут быть предоставлены с расовой скидкой в льготный кредит или лизинг.

Образование всех ступеней и медицинское обслуживание на территории указанных штатов полностью бесплатное.

Каждая семья получает единовременное пособие 30 000 долларов, одинокие — 15 000 долларов.

Далее на срок в 99 лет каждой семье выделяется от государства денежное содержание в размере среднего дохода по стране на одну семью, равное 55 000 долларов, или среднего дохода на одного работающего для одиночек, равное 32 000 долларов. Раз в два года денежное содержание индексируется в соответствии реальной покупательной способностью.

(TV CNN)

4.

— Это только первый шаг, братья! Только первый шаг в построении нового справедливого государства! Наконец наш народ, после веков и тысячелетий рабства и унижений, может раскрыть свои богатейшие, свои неисчерпаемые возможности! Наконец мы сможем спокойно, гордо, не вымаливая у белых, у евреев, у грязных политиканов и скаредных олигархов самую грязную, самую низкооплачиваемую работу ради жалкого куска хлеба, наконец мы можем, не ища забвения от мук в виски и наркотиках — наконец мы можем делать великие открытия, гениальные изобретения, создавать шедевры искусства, наконец мы по праву сможем стать в авангарде политики и юриспруденции, медицины и журналистики, науки и бизнеса! Наш народ был избран Господом, чтобы явить себя всему человечеству в образе Иисуса Христа, и мы больше не позволим подлым чужакам отбирать нашего Господа! Семимильными

шагами по пути прогресса пойдем мы в светлое будущее, и да сгинут все враги и защитники наши, ослепленные гением великой африканской расы!

(Из выступления Луиса Фаррахана на митинге в Чикаго.)

5.

«Продается дом в Тьюпело, Миссисипи, 2 этажа, 5 спален, гараж на 2 машины, в хорошем состоянии, спокойный район, дешево, срочно.»

«Продается дом в Батон-Руж, Луизиана, 2 этажа, 4 спальни, гараж на 2 машины, в хорошем состоянии, спокойный район, дешево, срочно.»

(из объявлений о продажах недвижимости)

6.

— Вы видите два встречных потока машин. Один — это въезжающие в Галпфорт, другие — выезжающие из него. Нетрудно заметить разницу между въезжающими и выезжающими машинами. Выезжают довольно новые машины, практически все среднего класса, много тойот и фордов, вот — смотрите, очень многие с прицепами или везут трейлеры. Въезжают же самые различные автомобили, разных марок и в разном состоянии. Вот вы видели зеленый «Порше», вот помятый старый «Краун Виктори», ну, вы видите. И сколько флажков с цветком магнолии, этим прекрасным символом штата Миссисипи — ими машут из окон, они нарисованы на дверцах! И это картина прогресса в действии, того прогресса, к которому мы стремимся, когда люди острее осознают свою идентичность, в данном случае — расовую идентичность, и строят свою жизнь согласно принадлежности к своей группе. Вглядитесь в лица... Дик, дай крупно окна машин, чтоб лица — крупно! — вот, вы видите, что в этом потоке — белые лица, то есть белые американцы согласованно движутся в этом направлении. А им навстречу едут черные американцы — едут навстречу своей счастливой судьбе. Навстречу новой жизни, можно сказать! В миниатюре это напоминает... ну, когда все переселялись, а потом рухнуло рабство и стала развиваться наша цивилизация, уже давно, а вот теперь снова, и мы свидетели. По-

смотрите, сколько счастья на лицах людей! Заслуженного счастья, дорогие телезрители!.. Дик, лица крупнее, заснул?.. да не те, а те, что въезжают, афроамериканцы!

(из репортажа)

7.

Наконец у нас есть собственный дом. Хороший нормальный дом. У мальчиков свои комнаты. И у Лиз тоже. И наша спальня от них далеко, можно не думать, что им там слышно. А кухня как хорошо устроена, и два холодильника, и микроволновка совсем новая!

Теперь не надо трястись, что Теда опять уволят с работы, и он снова начнет толкать наркоту, и подерется с полицией, и могут посадить... Хотя черных давно не сажают, но это вбито в расовую память, видимо.

Кен! Подстриги газон, я сказала! У нас все должно быть красиво! Получше, чем у этих снежков, которых отсюда наконец выперли.

Как бы я хотела, чтоб меня увидел мой... ну, прадедушка. Который был рабом на плантации. Вот был бы настоящий праздник. Представляете: черный раб с плантации смотрит, как белых взашей вышибают из их шикарного двухэтажного дома — и туда полной хозяйкой вселяется его внучка со всей своей черной семьей! Да у него бы, наверно, глаза выскочили, ха-ха-ха!

Он бы спросил: а на какие деньги вы жить-то будете? А я бы ему: не беспокойся, теперь белые на нас пашут. А он: ничего себе, вот это чудеса! И какой доход они вам приносят? Не беспокойся, приносят: восемьдесят семь тысяч баксов — нормально? Тут он бух в обморок. Я его водой спрысну, он так глаза откроет, как старый петух, и слабым голоском: чего-чего? Восемьдесят семь штук зеленых, говорю. Пятьдесят пять на семью, да еще тридцать две Теду отдельно, мы с ним развелись, ну, официально, по бумагам только.

Тед, хватит траву смолить! Займись чем-нибудь. Откуда я знаю, чем? Мы теперь уважаемые граждане, мы их прогнули... Опять праздновать? Нет, праздновать это отлично... Да, ты прав: наша жизнь стала праздником!

Э-эй! Шанталь! Чего-о? Да вынь ты свой черный зад из бассейна! Приходите к нам сегодня выпить и потанцевать! Выключи музыку, урод! Я сказала: приходите вечером к нам!

8.

Два биржевых трейдера в баре за пивом, негромко и оглядываясь:

— Продавать все давно надо. Быстро. Без паники.

— Боссу приказали из правительства играть на повышение. Чтоб не пугать рынок.

— Рынок рухнет так, что костей не соберешь. Вечно они его интервенциями не удержат.

— Да было любому мудаку с самого начала понятно. Взять на содержание тридцать пять миллионов человек — это ебнуться можно. Нашлепали бумажек, не производим ни хера, цены — как «Аполлон-13» взлетают. А государство приказывает их держать! Как же — великая справедливость в действии.

— Пиздец этому государству. Эти потомки рабов прожрут и просрут его так, что только кости и вонь останутся.

— Я вот думаю: трудолюбивые были рабы, наверное, если их потомки вообще ничего делать не желают. Рабовладельцы с ними заебались прибыль получать.

— Будь проклят тот, кто придумал рабство! Сидели бы себе в Африке, ели друг дружку, с копьями в набедренных повязках бегали, кому они на хуй мешали. Все жадность, все жадность губит!

9.

Партия «Черная Сила» объявляет:

1. О флаге штата. На флаге штата Миссисипи белый цветок магнолии заменяется черным тюльпаном. Штат отныне называется «Штат Черного Тюльпана», прежнее название «Штат Магнолии» отменяется, упоминание его запрещено.

2. О столице штата. Город Джексон с сего дня переименован в город Малкольм-Икс.

3. О хранении и хождении денежной купюры достоинством в 20 долларов. Хранение и хождение денежной купюры достоинством в 20 долларов с изображением белого рабовладельца Джексона категорически запрещено впредь до выпуска Федеральной Резервной Службой купюры нового образца с изображением Джорджа Флойда.

10.

Закрытое предписание Центрального Офиса ФБР.

«Статистику преступлений в Афро-Американских Южных Штатах указывать на уровне 15%-20% ниже средней по стране. Иные статистические данные официально фиксировать запрещается. Преступления афроамериканцев против отъезжавшего и частично оставшегося белого населения фиксировать и указывать запрещается. В случае межрасовых преступлений афроамериканцев к ответственности не привлекать. Случаи насильственного сопротивления белых против черных рассматривать, фиксировать и наказывать по всей строгости закона».

11.

Объявление:

«Клиника косметической и пластической хирургии доктора Монблита объявляет об открытии двух новых филиалов в городах Монро и Александрия. В оплату операций по пересадке кожи лица принимается оплата 50% стоимости медицинской страховкой. Запись в очередь на следующий месяц».

Из объяснения в отделении полиции:

— Слушай, этот снежок совсем обнаглел! Я ведь ему обещал: не уедешь — убью! Хватит их власти. И вдруг — пришел на раздачу бесплатного питания для бедных! Затесался, гадина, между черных, и думал — раз кожу на хлебале сменил на черную, так его теперь никто не узнает. Нет, ты понял, какие они хитрые и подлые?! Только бы черных обожрать!

Из предложений в Интернете:

«По заказу обеспечиваем желающих расовым удостоверением на наличие ¾, ½ и ¼ африканской крови. Введение в компьютерную базу данных гарантировано. Оплата договорная. Ссылка Zjop2309ghdnK964+!vdj8ILYkbv».

Приговор:

«За сокрытие расовой принадлежности к белым, что дало подсудимому возможность занять руководящую должность и незаконно пользоваться льготами для черных, подсудимый приговаривается к семи годам каторжных работ на хлопковой плантации без права досрочного освобождения».

12.

— Слушай, мы оттуда еле успели ноги унести. А Камберы так и застряли: у них обе машины отобрали, избили, ограбили до нитки, деньги, карточки, все. Хорошо еще у дочки телефон дешевый с зарядкой не взяли, он по нему звонил. Оружие всем белым запрещено, все приличные дома у черных, из работы только мусорщиками и официантами, жену в закусочной два раза насиловали — а как прожить? она объедками с кухни всю семью кормила. Короче, они крекеров и воды набрали и ночами, подальше от дорог, неделю пешком выбирались оттуда. Сейчас во Флориде на реабилитации. Расистами стали — ты не представляешь. Раньше такими не были, мы пятнадцать лет знакомы.

13.

— Гуманитарную помощь молодому афро-американскому государству посылают жители Нью-Йорка, Чикаго, Лос-Анджелеса и Сиэтла! Здесь тысячи тонн продовольствия, одежда, медикаменты и строительные материалы. Юное государство успешно встает на ноги! Каждый день открываются новые бизнесы и предприятия, банковские счета растут, закусочные и рестораны полны народа, покупатели выходят из магазинов с пакетами в руках. Активно строится новое жилье, новоселы въезжают в светлые просторные квартиры. На примере расцвета Южно-Африканских... Южных Афро-Американских Свободных Штатов мы смогли убедиться, как благотворно сказывается расовая сегрегация на жизни народа, освободившегося от системного белого расизма! На каком подъеме находятся черная наука, искусство, культура! Колумбус... нет, друзья, теперь это прекрасный город Манделус, он является мировой столицей спорта, а Нью-Орлеан, как всегда — центр мировой музыки!

14.

— Тысячи километров колючей проволоки приобретено на средства, собранные по подписке жителями Флориды, Техаса, Оклахомы, Кентукки и других пограничных штатов. Люди ограждают свою границу с новым государством тремя рядами колючей проволоки, на построенные вышки ставят прожектора, старики-ветераны вьетнамской кампании учат пограничные патрули делать ямы-ловушки. И это, если вдуматься — хороший и правильный шаг: расовая культура молодого государства должна развиваться без вмешательств и помех со стороны белых, которые приняли на себя все расходы по его охране.

15.

Доводится до сведения всех книжных магазинов и книготорговых сетей, всех покупателей книги и читателей беллетристики. Роман «Черное Дело» запрещается к хранению, распространению, приобретению для личного пользования и к чтению. Все экземпляры напечатанного романа подлежат изъятию и уничтожению.

Издательство «Саймон и Шустер», выпустившее роман «Черное Дело» в обход цензуры и государственного рецензирования, объявляется банкротом и расформировывается. Против руководящих лиц Издательства открыто уголовное дело.

Эксперты в области политологии, экономики, психологии и социологии, а также статистики преступлений, в один голос опровергают коллектив неизвестных авторов грязного пасквиля «Черное Дело», и обвиняют в искажении фактов и клевете:

Это неправда, что на улицах черных городов происходят постоянные драки и перестрелки.

Это неправда, что водопроводные и канализационные сети во все больших масштабах выходят из строя.

Это неправда, что на улицах растут горы мусора, а в домах все больше разбитых окон.

Это неправда, что реальная власть принадлежит не муниципалитетам и полиции, а бандам.

Это неправда, что люди не занимаются производительным трудом, а живут на репарации, и предприятия приходят в упадок и разрушаются!

И выразительные, художественно яркие сцены грабежа супермаркета, перестрелки на бензоколонке, садистской казни членов враждебной банды бензопилой, агонии наркоманов лишь увеличивают вред от этого пасквиля и делают его более опасным.

В порочном воображении авторов возникла некая апокалиптическая антиутопия, где люди превращаются в злых дикарей, где трудящиеся изображены социальными паразитами, вместо закона правит сила, а вместо создания цивилизации происходит ее разрушение. Эти ужасные вонючие трущобы, населенные бандитами и наркоманами, эти вытоптанные садики и обшарпанные домишки, эти пустые разбитые школы, в которые никто не ходит, могли возникнуть только в больном мозгу умственно отсталых расистов...

16.

— Господи, мы предупреждали. У нас в Вайоминге их же мало, всего тысяч восемь было, ну, мы подумали, проголосовали и все им дали. Совесть тоже у людей свое сказала. Ладно, предки страдали, рабы в кандалах, в трюмах на плантации привезли... пусть потомки хорошо поживут. Кто знает, сколько нам всем осталось, верно? Репарации, льготные счета в банке, жилье бесплатное кто нуждался, образование само собой штат любое оплачивал.

И что? И пиздец. Мужики целыми днями яйца чешут, бабы по магазинам шарят. Несколько банд образовалось, всю общину под себя взяли, грабить стали. Наркоты развелось — шприцы под ногами валяются. Тотализатор, подпольные бои.

Через два года они уже были не люди. Вялые, глаза потухли, вечно под наркотой, трахаться прямо на тротуарах стали, как, старики рассказывали, волосатики в 1968, хиппи. А потом, говорят, им даже трахаться надоело. Выпьют, ширнутся и слоняются без дела, не знают, чем себя занять.

Спились, скололись, снюхались, просто вымирать стали, караул...

А работать не хотят — на фига им, если деньги есть? И болеть они больше стали, умирали много — то передоз, то пьяный упал, то по дури вены порезал, а то простая простуда шварк — и все...

17.

— За этот доклад меня выгнали из Института. «Научный расизм». «Разжигание розни». «Речи ненависти». Кретины. Они же не понимают, что убийцы. Самодовольные, убежденные такие.

Главное необходимое условие существования человека — это необходимость в действиях для удовлетворения насущных потребностей. Хочешь пить, есть, укрыться от холода, совокупиться? Ищи воду, копай корешки, охоться на кабана, строй хижину, дерись за женщину или обольщай ее.

Человек в Мире, во Вселенной — это носитель функции переделывания мира. Функции энергоэволюции: жизнь — это захват, переработка и выделение энергии.

Функция «энергоматериальное преобразование окружающей среды» встроена в человека как инстинкт. Есть-пить-трахаться? Действуй: думай, ищи, беги, трудись, дерись!

А что будет, если все человеку дать? Вот тут начинается самое интересное.

С одной стороны — это зоопарк. Еда и безопасность, а делать ничего не надо. Можно процветать и просто долго существовать.

Но! Если отнять у человека функцию действия — его нервная система-то останется прежней! Психика прежняя! Его инстинкту действия — потребно действие! Он когда действует — устает, пердит, надрывается, проклинает — но это все аспекты его функционирования, его доля, он на это природой рассчитан. А если нет ему в сытном зоопарке никакого действия? Зверь начинает метаться по клетке.

Человек — зверь энергичный. Неизмеримо энергичнее любого другого. И он себе все бока обдерет об клетку, все зубы обломает.

Так вот. Сытость — это клетка. Из которой нельзя выбраться. И человек начинает буквально сходить с ума от безделья и безопасности. Его натура совершенно дезориентирована: что такое?! Что произошло, как теперь жить?!

Из этого несносного состояния он бежит в сильные ощущения. Раз нет покорения океанов — плывем в лодке вокруг света. Раз нет погонь через пропасть — прыгаем с тарзанкой. Раз нет битвы с врагами из соседнего племени — деремся квартал на квартал. И? Он стал социопатом и наркоманом. Поймать кайф, ощутить риск, воткнуть в тебя нож.

А другой вариант есть? Есть. Элитарный. Для высшей породы. Которая несет социальную функцию. Стать во главе социальной иерархии. Придумать неизвестное. Сделать небывалое. Создать шедевр. Это — для пары процентов из ста.

Чем примитивнее человек, чем менее эволюционировал в социальном плане, чем ниже уровень его интеллектуальной энергии — тем легче он деградирует в обществе комфорта, изобилия и безделья. Он лишен главной функции. А сам внутри себя иметь эту функцию как компас и мотор — не имеет, простоват и слабоват. То есть:

Лишить человека необходимости в труде — означает выморить его.

Таким образом. Когда неграм создали общество изобилия без всяких обязанностей. Где можно абсолютно ничего не делать — но иметь все для жизни и удовольствий. Еда, вещи, жилье, выпивка, секс, развлечения. То. Выключив их из системы труда. Их выключили из жизни!

И еще. Человек — существо социальное. Монада социума. И социум — избавляется от ненужных монад, трутней, паразитов. Как? Они самоустраняются. Дегенерируют и вымирают. То есть. Сделай человека социально ненужным, невостребованным — и он начнет хиреть и вымирать.

Отключив неграм социальную востребованность, нужность, необходимость человека для социума — идиоты-доброхоты выключили их из жизни.

Рай — для покойников. А люди в раю — делаются покойниками! Вот они и вымерли на хрен.

— По-простому это получается — работай, а то сдохнешь?

— Именно!

— Ну, а что они в Институте сказали, когда твой доклад жизнь подтвердила?

— Вообще запретили о нем упоминать.

Глава 37

ИСТОРИЯ-1619

— Итак, на прошлом уроке мы с вами говорили об открытии и освоении Америки африканцами. Айна, как это произошло?

— Америку открыли викинги. Это было в третьем веке хиджры. Европа была еще варварской. Но мореплаватели из Африки уже плавали вокруг Европы. Их поселения были даже на севере. Африканцев было мало, и они брали с собой в плавания местных белых. Одна такая экспедиция во главе с африканским капитаном достигла берегов Америки.

— Молодец. Ильфат! А что было потом?

— Потом в Америке приплывшие белые стали уничтожать коренных американцев. А африканцы за них заступились. Но белых было больше, и они убили всех африканцев. Тогда коренные американцы отомстили за африканцев и убили всех белых.

— Так печально, дети, закончилось первое открытие Америки нашими предками. Ну, а что же произошло потом? Кто расскажет?

— Можно я!

— Я знаю, что ты знаешь. Квабена! Хватит курить в классе! Ты слышал вопрос?

— Все я слышал!..

— Так ответь.

— Что?

— Что произошло после того, как погибли первые открыватели Америки?

— Ну... Приехали вторые открыватели.

— Откуда?

— Из Африки.

— А точнее?

— Из... из Могадишо.

— Неверно.

— Бамако?..

— Сам ты бамако! Кто ответит? Фангэй, ты ответишь?

— Прошло пять веков...

— Семь.

— Прошло семь веков. Африканцы заселили ту часть Европы, которая ближе к Африке... и к Америке...

— Западную.

— Да, западную часть и создали там цивилизацию и государство. Там был великий халифат. И однажды великий мореплаватель Годлум-такати снарядил несколько кораблей и через несколько месяцев достиг берегов Америки.

— Да, и мы говорили, что с этого началось рабовладение в Америке. Как это случилось? Тинаш, ты можешь ответить?

— Белые захватили Испанский Халифат, часть африканцев уничтожили, а часть превратили в рабов и увезли в Америку для работы. Но от тяжелой работы, голода и болезней африканцы быстро умирали. Тогда белые стали снаряжать экспедиции в Африку, хватали людей прямо в их домах, заковывали в кандалы и привозили в Америку, где эти африканцы становились рабами.

— И что же делали эти рабы? Что делали наши предки?

— Все!

— Все они делали!

— Это они сделали все!

— Они построили города!

— И проложили дороги!

— И железные дороги!

— И распахали поля!

— Еще они собирали хлопок на плантациях и шили из него одежду!

— Да. Потому что они это все умели. Они использовали древние знания своего народа, от которого их оторвали.

А что с ними за это делали? Как их благодарили белые?

— Их линчевали! Вешали на деревьях и поджигали!

— Или травили собаками!

— И били кнутами!

— Да, и они жили отдельно в темных тесных хижинах. Их никогда не кормили досыта. Их одевали в лохмотья. Для них были отдельные трамваи, и отдельные поезда с табличками «для цветных», отдельные самолеты и отдельные тротуары для прогулок. Им не разрешали учиться в школах, а про университеты никто не мог и мечтать. А самое ужасное — их продавали! Как мебель, как скот! На рынках! Но однажды они восстали... Как это было? Ну? Как звали нашего великого президента?

— Авраам Линкольн!

— А почему он был так велик и справедлив?

— Потому что он был черным! Он был африканцем!

— Да. Его настоящим отцом был африканец, бывший раб, бежавший со страшных плантаций Юга. Когда расисты узнали, что белая девушка полюбила африканца, они его убили. И мать Линкольна родила его, уже выйдя замуж за белого. Белые скрывали эту правду, как самую страшную тайну, пока была их власть. А почему Авраам Линкольн стал президентом?

— Потому что он был самым умным и честным, и все его уважали!

— И что же он сделал, став президентом?

— Он объявил войну за освобождение африканцев из рабства!

— Правильно. Но настала ли настоящая свобода?

— Нет, потому что африканцев все равно угнетали белые расисты. Им запрещали учиться и получать хорошую работу.

— И еще им почти ничего не платили!

— Правильно. Но что было самое главное? Ну, кто помнит? Никто? Мы же повторяли. Им запрещали... что им запрещали?

— Служить в армии!

— Играть в баскетбол и бейсбол!

— Им запрещали играть на музыкальных инструментах!

— А кто у нас самый главный в стране? Кого мы больше всего любим? Кто больше всех заботится о нас?

— Король Иесус!

— Вот! Они запрещали нам иметь своего Короля Иесуса, запрещали ему мудро руководить нами, а нам запрещали ему подчиняться. Чтобы этого не произошло, они каждые четыре года меняли власть, чтобы мы не объединились и не почувствовали свою силу. Ну, а когда мы сумели объединиться и сплотиться вокруг Короля Иесуса, что произошло?

— Мы победили!

— Совершенно верно! Мы вернули себе власть там, откуда мы начали строить великую страну, которая называлась... как она называлась?

— Союз Штатов Америки!

— Свободные Американские Штаты!

— Объединенные Штаты Америки!

— Да! Соединенные Штаты Америки. Которые стали самой великой и могучей страной в мире, и которую украли у нас белые расисты. Но мы сказали белым расистам: «Нет!» «Хватит!» — сказал им наш великий народ. И мы взяли в руки оружие, объединись вокруг Короля Иесуса, и он повел нас на бой за свободу. И мы вернули себе ту землю, с которой начали создавать цивилизацию на американском континенте. Перечислите мне, какие штаты бывшего рабовладельческого государства располагались на территории нашей родины?

— Миссисипи и Миссури!

— Алабама, Джорджия, Вирджиния!

— Каролина!

— Так, ну, еще? Как называется большой полуостров, где многие любят отдыхать? Очень большой? Часть суши, которая выдается далеко в море? Там много красивых вилл на побережье? Это был отдельный штат.

— Флорида!

— Ну конечно! Флорида. Еще? Где были самые сильные бои? Ну, мы же проходили. Это были места, имевшие большое значение. Именно там белые расисты расположили главное производство спиртных напитков, специально чтобы спаивать африканцев. Ну, где производят виски?

Мунаш, что ты там смотришь под столом? Ладно уж, не прячь, я и так знаю, что у тебя там... как тебе не стыдно, Мунаш, опять в школу принес.

— Кентукки!

— И Теннесси!

— Правильно. Это были специальные штаты, где делали такой виски, который вызывал сильное привыкание. После того, как восставшие захватили это производство, они уничтожили оборудование, где делали отравленный виски. Некоторые при этом погибли, потому что там были сильные ядовитые испарения.

— Но теперь там нет ядовитых испарений?

— Нет. Теперь там стоит современное оборудование, где делают экологически чистые напитки.

— Пониженной вредности!

— Да, только если их употреблять после шестнадцати лет и в тех дозах, которые указаны. Вам известно, что у детей и подростков они разрушают мозг и вредно сказываются на умственных способностях?

Внимание! Все записывают в телефоны темы следующего урока. Включили все телефоны, подняли, чтоб я видела. Диктую! Да, да, материал изложен под рэп, клево, вам будет интересно! Всем дома прослушать и подготовиться.

Первое. Битва при Геттисберге — решающее сражение Гражданской войны, где афроамериканцы разгромили белых, уничтожив 50 000 врагов.

Второе. Гуманное переселение белых рабовладельцев в северные штаты.

Третье. Трудности развития черных штатов, которые окружены враждебными белыми расистами и супрематистами.

Глава 38

ИИСУС ДЛЯ БЛМ

Черный еврей или еврейский негр — это еще надо понять, братья. Евреи нам четыреста лет мозги ебали. Обращали нас в рабство в Африке, везли через океан, продавали на плантации — и вбивали в нас покорность и бессилие.

Мол, главный и единственный бог — это их Иисус, еврей, и он всем велел себе молиться и терпеть в жизни все гонения и несчастья. А за это — нам будет хорошо после смерти. После смерти! Вы поняли?!

Для начала — кто такие были евреи? Африканцы. Жили они в Африке. В Египте, африканской стране, в пустыне, по берегам великой африканской реки Нил. Потом вождь еврейского племени поссорился с верховным вождем Египта, фараоном, и увел свое племя в Палестину. Но африканцами-то они быть не перестали от этого, верно? Мы в Америке — мы же остаемся африканцами, хоть и американцы?

Жили они в Палестине трудно, со всех сторон на них нападали, угоняли в рабство. Вы чувствуете? Это же наша история!

В конце концов Господь не выдержал мучений своего избранного народа и оплодотворил Марию. И родила она Бога-сына. Понятно, что был он такой же черный, как и все евреи. Настоящие евреи, те, древние, с которых все началось.

Иисус был великим гуманистом. Он мечтал, чтобы евреи, римляне, китайцы, люди всех рас сели рядом в школах, в университетах, за пиршественными столами. Он открыл объятия всем! Он хотел принести нашу любовь и нашу мудрость всем народам мира.

Но римляне ненавидели нас за наш ум, трудолюбие и справедливость. Они понимали, что если все станут равны, то мы займем их место и сами станем выше всех и будем править другими народами. И они распяли Иисуса.

Двенадцать учеников Иисуса, двенадцать апостолов, понесли его учение по свету. И всех их казнили римляне.

Но они поняли величие нашей новой религии! Поняли ее силу! И решили забрать ее себе — чтобы самим править всем миром. Они украли нашего величайшего пророка, нашего Мессию, они украли нашу религию и нашу проповедь любви и добра!

Римляне лишили нас Родины, они изгнали нас из Израиля и запретили возвращаться под страхом смертной казни. Они рассеяли нас среди других народов и приказали

жить в гетто и не иметь никаких прав. Это — наша судьба, братья!..

А сами римляне, а потом и другие белые, запретили рисовать Иисуса черным. И Святая Дева Мария, и Иоанн Креститель, и Двенадцать апостолов — все они были африканцами, и кожа их была того же цвета, что у всех африканцев — что и у нас с вами, братья — кожа их была черная. Но продажные белые художники на службе у белых королей рисовали их белыми. И людям говорил, что они все были белыми. Такова подлость этой воровской расы. Сто лет внушали они людям, что Иисус был белым, и все святые были белыми, и все евреи были белыми — сто лет, и пятьсот лет повторяли они всем это, и тысячу, и две тысячи лет! И уже никто не знал правды. И люди поверили. И белые возгордились, что это ни написали Библию, что это им явился Христос, что это они правят миром.

А наших женщин в гетто насиловали белые. Наших молодых мужчин заставляли жениться на белых женщинах, потому что они знали нашу мужскую силу и хотели улучшить свою породу. И запрещали черным сынам еврейского народа оплодотворять своим семенем черных женщин, дабы всю силу их и все плодородие забрали белые. Это продолжалось сто лет, и пятьсот лет, и тысячу лет, и две тысячи. И наша кровь растворилась в крови народов, среди которых мы жили. Наша кожа побелела, наши волосы выпрямились, и мы исчезли. Белые влезли в нашу шкуру, белые забрали нашу историю, подлые и лживые белые стали евреями. Вот почему евреи — самые хитрые, подлые и коварные из белых.

Они присвоили наши подвиги. Нашу мудрость. Нашу историю. Нашу славу! Нашего Бога украли они и держат в своем плену.

Все белые — воры и лжецы. Расисты и рабовладельцы. Но евреи — хуже всех. Именно они, самозванцы и захватчики, должны быть наказаны в первую очередь. Почему? Потому что они обманом заняли наше место, братья. А нас лишили не только заслуженного почета, богатства и власти — но даже прав человека, даже равенства, даже свободы лишили они нас!

И когда они притворяются нашими друзьями, произносят речи в нашу защиту и выходят на митинги вместе с нами — не верьте их змеиным словам! Ибо все это притворство. Они втираются в доверие, чтобы пользоваться нами для достижения своих целей.

Евреям не место в нашей стране! Не место рядом с нами! Крушите их синагоги! Бейте их самих! Жгите их ворованные книги! Отбирайте их наворованное добро!

И рисуйте честные образы Иисуса — черные! Позор лживым белым изображениям! Иисус — наш Бог! Мы с ним одной крови, и кожа наша одного цвета! Гордитесь, братья, и несите свет правды по миру.

Глава 39
СИММЕТРИЧНЫЙ РЭП

В душном полутемном зале, где цветные лучи мечутся по потолку, где черная молодежь в тесноте приветственно свистит и водит огоньками зажигалок, выходит на сцену стройный парень, его бритый череп бликует, усики топорщатся над белоснежным оскалом, его зовут Ник Конрад, а не типа Кваме Нкрума, и под бухающий ритм он выкрикивает доведенным до экстаза собратьям по расе:

Я вхожу в ясли и убиваю белых детей
ловите и вешайте их родителей
четвертуйте их, чтобы убить время
развлечь черных детей всех возрастов
не стесняйтесь, бейте их от души
чтобы запахло смертью чтоб полилась кровь
Зал восторженно ревет, вторя: «Бейте их от души!»

Это искусство рэпа, музыки черных, это направлено против расизма, это художественная провокация для осмысления феномена расизма, это на самом деле призыв ко всему хорошему.

А вот другой зал. Светлый и хорошо вентилируемый. Публика только белая. Не только молодежь, но всех возрастов.

На сцену выходит исполнитель в концертном костюме. Высокий блондин с одухотворенным лицом. Делает знак оркестру. Вступают струнные и рояль. И блондин поет так, как орет мартовский кот на крыше:

Я вхожу в ясли и убиваю черных детей
ловите и вешайте их родителей
четвертуйте их, чтобы убить время
развлечь белых детей всех возрастов
не стесняйтесь, бейте их от души
чтобы запахло смертью чтоб пролилась кровь

Публика бурно аплодирует, слышны возгласы «браво», к сцене несут букеты.

Но далее параллельный сюжет раздваивается, как язык змеи.

Черное комьюнити и вся черная общественность, вкупе с прогрессивной общественностью и левой прессой, защитили Ника Конрада от нападок, объяснив про искусство, провокацию, угнетение черных и борьбу с расизмом. Правая общественность тихо повозмущалась и замолкла. Рэпера наказали смехотворным штрафом в пять тысяч, на что он подал апелляцию.

На белого певца обрушились все. Правые сурово осудили и отмежевались. Левые объявили его исчадием ада, квинтэссенцией расизма, пещерной злобы и звериной ненависти; голубчик огреб двадцать лет — 20 лет — за разжигание расовой ненависти, призывы к массовым убийствам, пропаганду террора и оскорбление Конституции. В тюрьме, как вы догадываетесь и как раньше или позже должно было случиться, его взяло под крыло «арийское братство», но все равно зарезали черные: это было делом принципа.

Но. Последовало продолжение. Вдохновленный своей честно завоеванной славой, Ник Конрад выпустил новый клип. Где он не только пел, но и изображал, то есть играл роль. Он решил поиметь «прекрасную Францию»:

Я сжигаю Францию и этот огонь не остановить
я ебу Францию до ее агонии
хуй во рту Франции и я кончу как свинья
я ловлю маленькую белую девочку и рву ей жопу

она любит когда мы убиваем когда в аэропорту кровь
я заложил бомбу под королевский пантеон
эта страна никогда не была сладкой
моя рука убивает кричащую в агонии Францию

Под эти слова на экране наш бравый черный камерунец мучит и насилует белую женщину, одетую в цвета французского флага, избивает ее и душит. Клип называется «Сладкая страна».

Конец был хороший. Или плохой. Кому как.

Официально экспрессивного артиста осудили. С моральной точки зрения. Но подчеркнули, что на свободу слова замахиваться нельзя, и передавать дело в руки юстиции недопустимо.

Неофициально вскоре было установлено, что найденное в мусорном баке тело принадлежало Нику Конраду. Его задний проход был разорван черенком торчащей лопаты, отрезанные половые органы вложены в рот, губы которого зашили скобками степлера, а шею стягивал электропровод, от удушения которым и наступила смерть.

Глава 40

ЧЕРНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

— И хоть бы один — хоть бы один черный! — когда-нибудь, где-нибудь, сказал:

Спасибо вам, белые, за то, что именно вы запретили рабство, и многие из вас отдали свою жизни за то, чтоб его не было больше — когда мы, сами черные, еще продавали друг друга и держали друг друга в рабстве, а мусульмане продолжали вывозить нас в рабство из Африки и торговать нами — кое-где до самого XXI века. А ведь когда-то рабство было у всех народов, на всех континентах.

Спасибо за то, что вы дали нам свой развитый, богатый язык и свою письменность — ведь в Африке до вашего прихода мы все были неграмотны, письменности у нас не было. Спасибо за то, что теперь у нас есть свои государства — до вас мы жили племенами, с вождями и шаманами.

Спасибо за брюки и рубашки, пиджаки и джинсы, ботинки и кроссовки, плащи и кепки — мы носили только набедренные повязки, пока не появились вы с вашими вещами. Спасибо за телефоны и телевизоры — до вас мы получали известия только от гонцов. Спасибо за радио и магнитофоны — раньше мы могли только кричать погромче и петь сами свои песни.

Спасибо за байки и автомобили, за самолеты и вертолеты, которыми мы пользуемся — мы бегали исключительно на своих двоих, пока вы не изобрели все это и не предоставили нам тоже.

Спасибо за дома с отоплением и кондиционерами, за водопровод с холодной и горячей водой, за огромные застекленные окна. Спасибо за открытые с утра до ночи магазины, где есть любая еда и любые вещи.

Спасибо за школы, где каждый может учиться и стать грамотным и образованным. Спасибо за университеты, которые окончили многие из нас, и куда нас принимают легче, чем белых, считая, что нам труднее учиться. Спасибо, что вы придумали, создали, внедрили школы и университеты, у вас ушли на это сотни и тысячи лет, и мы получили от вас это готовым.

Спасибо за то, что вы изобрели баскетбол и бейсбол, легкую атлетику и бокс, и многие черные стали знаменитыми спортсменами, чемпионами мира и миллионерами.

Спасибо, что вы изобрели саксофон и трубу, банджо и рояль, микрофон и звуковые колонки, и многие черные стали великими музыкантами и певцами.

Вы дали нам науку и профессии, и среди нас появились юристы и врачи, философы и журналисты, механики и университетские профессора. Теперь есть прославленные черные телеведущие, киноактеры... да, спасибо вам за кино. И за театр тоже, черные актеры играют и там.

Спасибо за бизнес! Мы гордимся и своими миллиардерами, финансистами, предпринимателями, владельцами дорогих вилл и самых престижных автомобилей.

Спасибо за медицину — мы стали жить гораздо дольше. Спасибо за асфальт городов — мы не тонем в пыли и грязи. Спасибо за бесконечные шоссе, мы не сбиваем ноги,

пробираясь сквозь джунгли и покрывая сотни миль по саванне.

Кстати, спасибо за трусы и бюстгалтеры. А также за мыло и шампуни, косметику и парфюм, парикмахерские и массажные салоны.

Понимаете, ведь еще двести лет назад мы жили в Африке так, как вы — десять тысяч лет назад. Десять тысяч лет вы развивались и в результате создали, изобрели, придумали, сделали — все то, что вокруг нас. И мы почти из каменного века — переселились в ваш мир. И все ваше — теперь наше тоже. Мы не достигли этого своим развитием, своим умом и своими жертвами, своими войнами и открытиями — и мы благодарны вам за то, что теперь все достижения вашей цивилизации принадлежат нам тоже.

Вот за все это мы и говорим вам спасибо.

...Размечтались, да? Хер вы это услышите. Вчерашние дикари прокричат вам, что ты расист поганый и твое место в тюрьме. Благодари, если жив останешься.

Глава 41

СВЕЧИ НА ВЕТРУ

1. Зал суда представлял собой обшарпанную комнату, где едва помещалась дюжина стульев. Заседание было закрытое, зрители не допускались, и стулья были пусты. На возвышении восседал председатель трибунала в белоснежной рясе с надвинутым на лицо капюшоном. В торце его стойки изготовился с пером над бумагой секретарь. Серые фигуры прокурора и защитника торчали в жестких креслах у противоположных стен строго и прямо.

В центре же этой композиции стоял высокий лысый старик, выказывая позой некую изящную вольготность. И глаза у него блестели вовсе не по-стариковски: светлые, внимательные и насмешливые. Прибегая к журналистским штампам — казалось, что в вихлястое тело старика вставлена стальная пластинка.

Он отвел взгляд от бело-красного полосатого неба в запыленном окне и посмотрел на судью так, как смотрит

снисходительный профессор на завравшегося студента. Под его коричневыми тупоносыми туфлями заскрипел пол.

И в унисон ему заскрипел председатель:

— Подсудимый Джеймс Уотсон. Признаете ли вы, что говорили, не будучи к тому побуждаемы никакой выгодой или угрозами, что глупость — это болезнь, и десять процентов самых глупых людей надо лечить?

— Признаю, ваша честь, — легко и доброжелательно кивнул старик.

— Правильно ли передала газета «Санди Телеграф» ваши слова: «Если бы можно было найти ген, отвечающий за сексуальную ориентацию, и какая-нибудь женщина решила бы, что не хочет иметь гомосексуального ребенка и сделала аборт — что ж, ну и пусть»?

— Что ж, я полагаю, женщина имеет право на выбор, каким быть ребенку, которого она зачала и вынашивает в своем чреве.

— Вы гомофоб, сексошовинист и фашист! — загремел прокурор тяжелым металлическим баритоном так неожиданно, что защитник напротив подпрыгнул в кресле.

— А вот ты сначала забеременей, выноси и сам роди себе гомосексуалиста, — отечески посоветовал Уотсон. — Потом его вырасти и воспитай. А уже потом решай за всех женщин в мире, что им можно, а чего нельзя. А ты их спросил? Ишь благородный: сунул, вынул и пошел — а ей всю жизнь мучиться. Мужской шовинист! Патриархальный самец.

— Подсудимый! — судья замолотил массивным бронзовым крестом по бронзовой же подставке. — Вы обязаны держаться в рамках строго установленной процедуры!

В центре подставки блестела зеркально отполированная вмятина.

— Вы дискриминировали бодипозитивных людей, заявив, что работодатель при начале собеседования уже знает, что не возьмет на работу «жирного», как вы выразились, кандидата. Почему вы так считаете?

— Потому что так и есть. Жирные больше болеют, занимают больше места, уделяют больше внимания еде и портят внешний вид коллектива. Они менее выносливы и энергичны в работе.

— У них равные со всеми права! — возвысил голос прокурор.

— А возможности не равные. Пусть худеют. Меньше жрут и занимаются спортом. Толстяк — значит ленив и слабоволен. Зачем такой работник?

Крест опять загудел по тяжелой бронзе.

— Вы публично высказали предположение, что либидо у темнокожих сильнее, чем у белых — вы признаете?

— Это они и сами признают, ваша честь. И статистика имеется разнообразная. Да посмотрите вы процент изнасилований у белых и черных.

Судья воздел очи к потолку, проницая сквозь него Бога. Прокурор сжал костистые кулаки на потертых подлокотниках кресла, и они стали в точности похожи на красный суконный кулак, вышитый у левого плеча мантии.

— И наконец! Вы утверждали, что перспективы Африки мрачны, потому что вся социальная политика строится на допущении, что интеллекты черных и белых равны, «тогда как все исследования говорят, что это не так». Так?

— Так, ваша честь. Это не так. Многочисленные исследования и статистика показывают, что, называя вещи своими именами, интеллект черных значительно ниже. Кроме того, что они в массе беспечны и склонны к лени.

Прокурор загрохотал, как осадное орудие, ядра которого сметают крепостную стену:

— Святая Церковь не позволит разжигать этот расизм!

— И американский народ тоже не позволит, — вдруг тихо заговорил защитник. — Мне очень жаль, что приходится защищать американский народ от расистского экстремиста, который находится перед нами. Но таков мой долг, — мягко, почти извиняющимся тоном добавил он.

Судейская тройка переглянулась и обменялась кивками. Секретарь с усердием начал записывать приговор:

— Поскольку подсудимый признал все предъявленные ему обвинения и упорствует в ереси, доказав себя нераскаянным и закоренелым еретиком, Святая Инквизиция смиренно возвращает его душу в распоряжение Господа, бренная же его плоть да поступит в распоряжение светских властей.

Секретарь нажал клавиши стоявшего перед ним ноутбука и стал записывать, вслух диктуя себе с экрана:

— Осужденный Джеймс Уотсон, снятый со всех должностей, лишается всех званий, ученых степеней, премий и наград, включая звание лауреата Нобелевской премии и Нобелевской медали. Его имя отныне запрещено к упоминанию в научных и прочих публикациях, его цитаты и ссылки на него изымаются из литературы, его статьи подлежат изъятию и уничтожению, все его печатные труды подлежат уничтожению. Акция социальной защиты первой степени производится непосредственно вслед за Высшим Судом Веры. Подписано: Верховный суд штата Иллинойс, Главный судья Энн М. Берк, 1-й округ.

— Снисходя к возрасту и прошлым заслугам осужденного — вариант четыре, — проблеял защитник и убедительно развел руками.

Судья кивнул. Прокурор промолчал.

Виселица стояла в двадцати шагах от крыльца, на перекрестке. Увидев виселицу, Уотсон понял, что означает «вариант четвертый» и поздравил себя с избавлением от костра. «Весьма гуманно с их стороны, черт возьми...» — хмыкнул он.

Четверо «рыцарей провопорядка» в черных комбинезонах и масках отконвоировали его до синего пластикового ящика из-под бутылок. Ящик был перевернут и служил эшафотом. Уотсону помогли подняться на ящик и надели на шею петлю. Нейлоновый трос 0,3 дюйма, какой используют мойщики окон, был перекинут через фонарь.

Францисканец в коричневой рясе, подпоясанной веревкой, сунул ему к губам крест.

— Сейчас ведь пандемия, падре — укоризненно сказал Уотсон.

Казнь была обычная, рядовая, и толпа на тротуарах ждала жиденькая. Прошлепали вялые аплодисменты.

— Хотите ли вы сказать что-нибудь на прощание, перед тем как предстать перед Господом, сын мой? — произнес францисканец установленную Законом фразу.

— Во-первых, не я тебе сын, а ты мне внучек, падре, — сказал Уотсон. — Во-вторых, в моем возрасте это — самый легкий и быстрый способ приобщиться к большинству:

агония, знаете ли, обычно весьма мучительна. И в-третьих — дураками вы родились, дураками и помрете, от генетики никуда не денетесь.

— Браво, старый пердун! — крикнули из-за спин с тротуара.

Со второго пинка «черный рыцарь» выбил из-под Уотсона ящик.

Солнце светило ярко, и резкая тень начала свою пляску на асфальте.

2. Фургон заехал в университетский кампус и притормозил на маленькой площади с фонтаном. К чаше фонтана просторными полукружиями были обращены две длинные скамьи из белого камня. На скамьях уже расселась профессура в черных шелковых мантиях и академических шапочках.

— Задержаны при попытке незаконного пересечения государственной границы в Мексику, — казенным тоном дал справку чернокожий мужчина с шерифской звездой. — Выездной визы не имеют.

Из фургона вытолкнули двоих, со связанными за спиной руками, — они упали, поднялись, их провели в центр, к фонтану, развернули лицами к разглядывающей их университетской комиссии.

— Итак, уважаемые коллеги, — приступил председатель комиссии, — мы с вами наконец имеем честь лицезреть в своем обществе глубокоуважаемого доктора Чарльза Мюррея (немолодой лысый здоровяк поклонился) и глубокоуважаемого доктора Ричарда Хернстайна (второй тряхнул чернявой шевелюрой, повел горбатым носом).

И тотчас же на скамьях началось оживление:

— Так это вы написали омерзительную и лживую расистскую книгу «Колоколообразная кривая»?

— Вам не кажется, что этот допрос ученых со связанными руками навевает ненужные ассоциации? — поинтересовался Мюррей. — Мне уже что, муху с лысины согнать нельзя?

На скамьях рассмеялись незло. Председатель подал знак. От группы любопытствующих студентов в тени платана отделился один, в драных джинсах, с дредами: он выщелкнул клинок карманного ножа, зашел за спины прибывших и стал перерезать веревки.

— Спасибо, юноша. — Мюррей растирал запястья.

— Я бы охотнее перерезал тебе горло, — осклабился студент, складывая нож и удаляясь в тень под дерево.

По скамьям прошло покашливание. И последовали вопросы:

— Итак, вы утверждаете, что социальный успех человека более зависит от его интеллекта, чем от социальной среды его происхождения и формирования?

Мюррей кивнул лысиной, над которой вилась муха:

— Так утверждает статистика, коллега. Люди с низким IQ остаются на нижних этажах социальной иерархии, и более того — глупые дети богатых родителей имеют много шансов промотать родительские деньги, развалить их дело и опуститься ниже, чем были при рождении. В то время как высокоинтеллектуальный ребенок бедных родителей имеет в нашей системе все шансы подняться вверх и занять высокое положение в обществе.

— Ум — это успех и путь в элиту. Глупость — это малые жизненные возможности и барьер на пути вверх, — кратко резюмировал Хернстайн.

— Вы смеете утверждать, что интеллект — это врожденное? — взвилась бодипозитивная профессорша. — Что его уровень не зависит от среды, от условий воспитания? Да кто вам позволил?!

— Видите ли, э-э... профессор. Разумеется, влияние среды отрицать нельзя. Воспитанный волками младенец вырастет Маугли и уже не сможет вернуться в человеческое общество. Однако мы говорим о людях в обществе равных возможностей. Где работают социальные лифты, каждому предоставлено бесплатное школьное образование, способные дети получают поддержку государства и благотворительных организаций. Где бедный, но талантливый абитуриент может окончить университет за счет государства или мецената и получать при этом стипендию...

— Послушайте, мэм, — грубовато перебил Мюррея Хернстайн. — Вот вам пять детей в одной семье. Один

с малых лет выказывает задатки ученого, другой — спортсмена, а третий покладист и согласен на все. Один стал профессором, второй — тренером по бейсболу, а третий — старшим агентом по рекламе. И IQ у них разный. Еще проще: один брат честный семьянин и работяга, а другой торгует наркотиками. Наследуется не только ум, но и характер, и темперамент.

— Соотношение врожденного интеллекта и приобретенного — непостоянно, оно варьируется, — заключил Мюррей. — Иногда пятьдесят процентов на пятьдесят, но чаще — на восемьдесят процентов интеллект наследуется с генами, и только на двадцать изменяется вследствие воспитания и социальной среды.

— Это глубоко расистская, фашистская точка зрения, — от негодования молодая черноглазая э-э... персона, внешне похожая на женщину, хотя истинной ее гендерной принадлежности мы не знаем, так вот от негодования она вскочила, и голос ее звенел, как хрустальная ваза, которую всунули ей в задницу и ударили смычком... боже, зачем такой длинный портрет; ну ладно, пусть скажет: — Вы отрицаете пользу социальных программ! Вы утверждаете, что раз цветные люди беднее белых, так это оттого, что они глупее! И пусть глупые меньше учатся и работают в более простых профессиях! Разве это не расизм?!

Голос Мюррея был ласков и безнадежен, как обращение учителя к олигофрену, пардон, к особенному ученику:

— Видите ли, огромные массивы статистических исследований утверждают, что в среднем — в среднем! но неизменно! — богатые умнее бедных. Образованный класс не просто образованнее — но именно умнее! — необразованного. И разрывы между социальными стратами углубляются, превращаются в пропасти!

Только тот, кто имел счастье посетить совещание профессорского состава университета, где тон задают левые, а парочку недобитых правых топчут, представит себе поднявшийся гвалт. Это напоминало камнепад, долженствующий погрести под собой проповедников зла.

— Вы вселяете в людей комплекс неполноценности и ненависть к окружающим, когда недалекий парень не

в силах постичь даже школьный курс физики и математики, а вы приказываете учить его в университете и присваивать степень! И он ненавидит белых умников и идет громить витрины! Вместо того, чтобы иметь нормальную семью, дом и работу. А кто будет водить траки, строить дома, прокладывать дороги и собирать фрукты? Доктора философии? — Хернстайн ехидно скривился и плюнул под ноги; выглядело нагло.

— Вместо социальной гармонии вы вашими программами и вашей антинаучной ересью разрушаете общество и сеете ненависть, — сказал Мюррей. — Вы верите в ложное — и стараетесь добиться невозможного. Вы, простите, загаживаете людям мозги и толкаете их в пропасть.

Председатель поднялся и показал всем видом значительность того, что должен произнести.

— Заткните им рты, — приказал он. — Мы вполне ознакомились с их точкой зрения. Впрочем, мы и раньше были с ней знакомы, но надеялись, что они одумаются и осознают всю преступность своих деяний.

Мгновенно из тени платана материализовались несколько тонких юных особей, виновные были схвачены за руки, в рот им затолкали теннисные мячи, а руки вновь скрепили за спиной, на этот раз блестящими легкими полицейскими наручниками, приготовленными заранее.

— Я думаю, наше предварительное решение остается в силе — изрек председатель и тронул пальцем кисточку на своей черной академической шапочке; кисточка качнулась. — Кто за — прошу встать.

Не менее трех десятков университетских леди, джентльменов и прочих персон поднялись со скамей, шурша шелком мантий. Обнаружилось, что за пределами этого малого ареопага стоит еще сотня их коллег, подошедших за это время незаметно.

Студенты, возглавляемые давешним умельцем с дредами и выкидным ножом, плотно окружили Мюррея и Хернстайна и повели. Над небольшой, но увеличивающейся колонной несли транспаранты: «Нет словам ненависти!», «Черные жизни важны!», «Равенство результатов!», «Долой белое превосходство!»

У коричневато-желтой каменной стены, ограждающей кампус, зеленели невысокие, скорее всего недавно высаженные ели. Нижние ветви были срублены, оголив стволы на высоту человеческого роста.

Мюррея и Хернстайна привязали к соседним елям, футах в тридцати друг от друга. Они кивнули друг другу распяленными лицами, с мячами во рту.

Студенческий патруль в камуфляжных комбинезонах выстроился в десяти шагах. Дюжина М-шестнадцатых поднялась ровной линией. Командир патруля взмахнул рукой. Треснул дробный негромкий залп.

Два тела обмякли на веревках, и в дуновении ветерка отчетливо ощутилась смесь трех запахов: нагретого смолистого дерева, кислый запах сгоревшего пороха и приторный — крови.

3. — Джон Филипп Раштон! Раса, эволюция и поведение!

— Предать очистительному огню!

Книга полетела в костер.

— Ричард Линн! Расовые различия в интеллекте: Эволюционный анализ!

— Да будет предана очистительному огню!

И следующая книга впорхнула в костер, вспыхнув раскрывшимися листами.

Теперь на огненном ложе, огражденном низкой чугунной решеткой, пылал и разбрасывал искры уже холм из книг. Он таял и с шорохом оседал в игре всех цветов пламени, от белого до темно-малинового.

Собравшийся народ сопровождал очередную книгу ревом. Палач поворошил костер длинной кочергой, искры взлетели, и хлопья бумажной сажи закружились в воздухе.

В сводчатом подвале приор ордена Святого Доминика повел носом и удовлетворенно кивнул. Далее суд продолжил дознание.

— Итак, вы признаетесь в богохульстве, а именно — в утверждении, что разум, которым наделил человека Создатель, был дан разным расам в разном объеме и разного качества, а именно... — приор сделал знак.

Встал другой брат, в такой же белой рясе под черной

накидкой и, держа лист далеко от глаз, начал читать:

— Средний IQ белых американцев — 102, всех европейцев — 100, латиносов — 87, афроамериканцев — 85, африканцев южнее Сахары — 70, австралийских аборигенов — 60, в то время как восточных азиатов — 106 и евреев-ашкеназов — 113.

У присутствующих скорбно сжались губы. Крайний за столом поймал взгляд приора и кивнул в глубину подвала. Палач повернул рукоятки. Раздался вопль.

— Мы слушаем, — мягко произнес приор.

— Люди рождаются разными, — напряженным голосом сказал Раштон. — Мы систематизировали и обобщили статистический материал на огромных объемах исследований. За много лет, по всему миру. Более двадцати миллионов человек! Это только наука.

Брат чтец продолжил с листа:

— Средний период внутриутробного развития: европейцы — 280 суток, африканцы — 277,5 суток, азиаты — 283 суток.

Средний объем головного мозга: африканцы — 1282 кубических сантиметра, европейцы — 1369, восточные азиаты — 1416.

Приор молитвенно сложил ладони:

— Вам известно, что Господу неугоден научный расизм, которым вы занимались? Вам известно, что любой расизм — грех перед лицом Его?

— И здесь новояз, — презрительно фыркнул Линн. — «Научный расизм» — это бессмысленный оборот речи, святой отец, означающий, что если наука противоречит идеологии, то это скверная, вредная, антисоциальная наука. Что идеология всегда права и не может ошибаться, а науку, основанную на истине и подтвержденную фактами, следует запретить. Раз вы боретесь за равенство — то все, что говорит о природном, врожденном неравенстве людей, преступно. Вы отрицаете истину, если она вредит вашим целям. Поздравляю, святой отец.

— Истина состоит в служении добру, — глухо проговорил брат, чье лицо было скрыто низко опущенным клобуком.

— Черный расизм, угнетение белых и безнаказанные погромы вы считаете добром? Упрощение учебных программ, когда из колледжей выходят малограмотные тупицы — ради того, чтоб самые низкоинтеллектуальные студенты из меньшинств могли освоить азы — вы называете добром? И все фирмы высоких технологий охотятся за китайцами, индусами, евреями и русскими?

— Мы отвлеклись, — позволил себе заметить секретарь, испросив взглядом позволения приора.

— Вы действительно полагаете, что интеллект — это врожденное и не зависит от условий? — насмешливо спросил приор.

— О, конечно нет, святой отец. Если человек умственно отсталый и его IQ равен 40, мы говорим о болезни, и это врожденная патология. Если 50 — патология. 60 в условиях развитой цивилизации — патология, отставание в умственном развитии. А вот 70 — это уже среда виновата, что не 100! 85 — среда виновата, что не 110! Вы признаете генетику выборочно: олигофрены (о, пардон, запрещенный термин) — это врожденное, а дураки — благоприобретенное!

— Вы любите собак? — неожиданно спросил Раштон.

— Собаки — твари Божьи, и если они воспитаны в добре, то любят людей, услужают им, умны, хорошие сторожа. Да, я с симпатией отношусь к собакам.

— Так вот, кинологи, селекционеры, заводчики собак, знают лучше всех, что не все щенки одного помета одинаково сильны, умны и сообразительны. Они очень похожи, разумеется — но все-таки различаются. Один всегда пробивается к материнскому соску, отталкивая других. Какой-то энергичнее и любопытнее. А какой-то первым схватывает все команды, лучше понимает настроение хозяина, сообразительнее в играх и дрессировке. А уж они все — братья и сестры, от одной матери и отца, растут и воспитываются в абсолютно одинаковых условиях! Более того: по человечьей квалификации они все — близнецы, вынашивались и родились разом!

— В те времена, когда в семьях было по пять детей и по восемь, — быстро принял эстафету Линн, держа темп, — чаще всего один брат был самый умный, другой —

самый рассудительный и хозяйственный, на них родители возлагали основные надежды. А третий — нерешительный и робкий, а четвертый очень любил лакомства и новые игрушки и вырастал мотом. Одна сестра благонравна и положительна, настроена на семью, а другая сбегает в актрисы. Потому что люди — разные! И должны быть разными! Чтобы стать учеными — и священниками, солдатами — и врачами, фермерами — и ремесленниками, путешественниками — и торговцами. Иначе будет стадо баранов!

— А еще они писали, что у черных, белых и желтых разный объем черепа, — наябедничал брат с прыщом на носу. — И, конечно, у черных меньше всех. А больше всех — у желтых, — мстительно заключил он.

— Вы настаиваете, что у женщин IQ в среднем на 3 пункта ниже, чем у мужчин? — спросил секретарь, взглянув в свой обвинительный лист.

— Есть многие тысячи исследований по усыновлению черных детей белыми парами среднего класса, — невпопад ответил Раштон. — Вначале они прекрасно развивались, обгоняя белых сверстников, затем к одиннадцати-двенадцати годам это выравнивалось, а после пятнадцати черные отставали в умственном развитии от белых сверстников практически всегда. И от своих приемных родителей тоже, — добавил он. — Где здесь среда и где наследственность?

Место казни было напротив Балиолского Колледжа. Доктор Линн был одет в отделанную мехом черную мантию, бархатный шарф, отделанный мехом вокруг шеи, на голове бархатная ночная шапочка, а на нее сверху надет квадратный берет, на ногах тапочки. Мистер Раштон был одет в поношенный грубый шерстяной фрак, шапку на завязках и платок на голове, а также в новую длинную накидку, которая, прикрывая одетые в чулки ноги, доходила ему до самых пяток. Их вид взволновал сердца многих, которые размышляли о том, какой почет они имели в своей жизни и какие жестокие бедствия их постигли.

Им приказали приготовиться. Доктор Линн снял почти всю одежду и раздал друзьям из толпы народа, которые пришли посмотреть на них. Мистер Раштон, не имея ничего

ценного, что можно было бы отдать, попросил помочь снять его чулки и остался только в нижней одежде.

Затем палач цепями привязал доктора Линна и мистера Раштона к столбу. Вокруг них разложили хворост и зажгли пламя.

Одно горящее полено подвинули к самым ногам Линна. Когда Раштон увидел это, он сказал:

— Ободрись, Линн, и будь мужчиной. Ибо сегодня на этом костре мы зажжем такую свечу в Америке, которая не погаснет вовеки.

Глава 42

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Троица немолодых мужчин вокруг столика казалась окутана сферой взаимоприязни и единомыслия. И хотя выглядели они и одеты были совершенно по-разному, речи их словно лились продолжением одной и той же, и жесты были поставлены тем же режиссером.

Являвший собой тип профессора седеющий брюнет с академической бородкой, в сером костюме и голубой сорочке, сказал в развитие тезиса собеседников:

— Бедные ребята не поняли элементарную вещь. Задача нашей науки давно уже не состоит в том, чтобы выяснить истину. Но в том, чтобы научно доказать верность нашей точки зрения. Идет научная борьба! Непримиримая борьба. И огонь наших душ возжигает пламя костров на площадях! То, что выжило среди аутодафе, среди расстрелов и виселиц, и есть истина. Почему? Потому что истину убить нельзя.

Его собеседник в черной рясе, открывая под черным капюшоном суровое лицо пророка, отвлекся от серебряной чаши с вином, которую он грел в ладонях: негромким ровным голосом произнес:

— Истина непостижима для ума смертного. Истина ведома лишь Господу, и Он, буде на то Его воля, порой открывает ее сердцу человека. Тогда истина начинает жить в душе смертного, слабый же разум его несет обязанность

постичь то, что Господь сделал явным его душе. Долг ученых людей — доказать разумом то, что ведомо душе... А не наоборот, — добавил он, понизив голос до свистящего шепота: — Не множить ереси, когда упражнения тщетного разума пытаются вложить в души людей вместо Откровения Божьего.

В камине обрушились прогоревшие поленья, взлетел букет звезд над огнем, дальним колоколом отозвался бокал на мраморной каминной полке.

Костистый старик в генеральской форме отмерил полстакана из квадратной желтой бутылки, броском влил в глотку, закурил и выпустил одно за другим три крутящихся серых колечка.

— Кто не с нами — тот против нас, — командным голосом отрубил он. — Чего тут крутить? Есть план, есть приказ. Есть средства заставить выполнять приказ. Война, труд, наука — какая хрен разница? Задача ясна? — выполнять! Сказано все равны — значит равны! Сказано не возражать — значит не возражать! Вот те, кого на прошлой неделе вздернули — они нарушили присягу Гражданина? Нарушили! Предатели, значит. А собаке — собачья смерть, — он сплюнул на щербатый каменный пол.

— Они хранили сатанинскую литературу, — сокрушенно вздохнул монах.

— Чарльз Мюррей, Ричард Линн, Филипп Раштон, так еще и Ричард Ферле, — пожал плечами профессор. — За это и повесить мало.

Глава 43

ЧЕЛОВЕК КАК ФУНКЦИЯ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Каждое живое существо на Земле может быть рассмотрено как функция преобразующего Землю процесса.

Если

Жизнь есть захват свободной энергии, ее преобразование и выделение

То допустимо и правильно сказать:

Жизнь есть функция эволюции энергии

Будучи связана в материальные структуры, энергия преобразуется как в другие материальные структуры, так и — вместе с тем — в энергию движения и излучения.

Заяц съел траву, он теплый и бегает — лиса съела зайца, она теплая, бегает, роет нору.

Если энергию мы возьмем за точку отсчета, за центр координат, то: все происходящее уложится в единую целесообразную картину. И отнюдь не только с точки зрения физики и химии всех направлений. Но, что для нас сейчас гораздо важнее — все ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ процессы и законы уложатся в единую, стройную, целесообразную картину, где все взаимосвязано и обусловлено. Но более того. Подчинено единой цели.

Экономика, политика, социология и психология, биология — а также все ремесла, науки и искусства, вся совокупность материального и информационного продуктов — могут быть рассмотрены как аспекты функции эволюции энергии.

Эволюция всеобъемлюща. Это форма существования материи во времени большой протяженности. Изменение в общем направлении усложнения — аспект, но и форма, но и сущность бытия материи.

Изменение материально-энергетического состояния звезды, планеты, фауны, флоры, социума — имеют аспект эволюции материи и энергии. Стремление к усложнению структур. Стремление к ускорению цикла поглощения, переработки и выделения энергии.

Развитие организмов на Земле шло в направлении усложнения — и одновременно повышения уровня энергии: потребляемой, перерабатываемой для поддержания жизни организма, и выделяемой в окружающее пространство как излучение, или перемещение себя в нем, или рытье нор, или уничтожение травоядными растений и превращение степи в пустыню. Высшие животные потребляют энергии несравненно больше, чем холоднокровные, и т.п.

Социальный прогресс также шел в направлении усложнения — и одновременно потребления, переработки

и выделения все большего количества энергии. Причем не только в абсолютных величинах, но и на душу населения.

Мы уже подошли к сути нашего краткого рассуждения:

Имманентно присущий человеку социальный инстинкт обуславливает объединение людей в группы — от рода до империи. В социальный инстинкт встраиваются жадность, властолюбие, все формы социального самоутверждения и самореализации. К чему это ведет? К тому, что люди, структурируясь в систему — политическую, производственную, военную — совместно совершают дела более значительные, привносят в окружающий мир изменения более грандиозные, чем могли бы это сделать без координации в систему, порознь. Пирамиды, храмы, накопления средств на науки и т.д.

То есть:

Психика человека такова, что подсознательно, не отдавая себе отчета в глубинном мотиве своих действий, придумывая обычно наивные объяснения — он стремится объединиться с себе подобными, занять среди них максимально высокое по возможности место, и сообща вершить великие дела: самые великие, на какие только это сообщество способно.

И не важно, что раб непосильно трудится на стройке (при удаче он был бы рабовладельцем сам), что воин погиб в походе (при удаче он стал бы прославлен и богат), что путешественник сгинул в пути (при удаче он открыл бы Америку, озолотился и стал вице-королем). Вся система ценностей социума, шкала престижа и лестница иерархии, мораль и ее сияющий идеал — заставляют человека делать максимум того, на что он способен — среди тех и совместно с теми, с кем свела его судьба и кто одна с ним группа.

Групповая самоидентификация так же важна, как личная, и неразрывно с ней связана. Ты меришь себя мерками своей группы и уважаешь себя в соответствии с ценностями группы.

СМЫСЛ ЖИЗНИ. Вот теперь мы к этому вопросу и подошли.

Смысл — это цель цели, производная от цели. Зачем ты живешь и чего ради трудишься, рискуешь и страдаешь.

Последнего ответа, последней и высшей, прекрасной, все венчающей цели — не существует. Впереди — конец человечества, планеты, Солнечной Системы, Вселенной. В этом смысле — смысла жизни нет. Хотя кому какое дело до того, что будет через миллиард лет. Ан есть дело!

Есть смысл жизни простой и конкретный. Посадить этот самолет с двумястами пассажирами. Взять эту высоту. Написать эту бессмертную картину и заложить в пустыне этот прекрасный город. Вспоминаешь это как высшую и счастливую вершину в своей жизни.

Но!! Почему вообще возник этот вопрос? Почему этот смысл пресловутый вообще надо искать? — а ведь тысячи лет ищут. То есть:

Человеческой психике потребен этот вопрос и ответ на него.

Поиск смысла жизни — как типичная психологическая черта.

Человеку психологически потребно знать, что жизнь его — не для себя самого. Не для личного счастья и преуспеяния. А для чего-то вне себя, чего-то большего, чем ты сам. Для чего-то очень важного, имеющего значение для многих. Для чего-то нужного ВООБЩЕ, по самому большому счету. Когда уже невозможно задать вопрос: «А зачем это, в общем?»

Рационально рассуждая: смысла в жизни нет, по большому счету. Хотя иногда какая-то конкретная цель является неизмеримо важной и деланной для человека. Но дальше за ее достижением — все равно та же бессмыслица.

Человеку религиозному проще: смысл жизни в стремлении к Всевышнему и жизни по его заветам. Не надо рассуждать — надо верить. Правда, это не всем подходит. Все-таки удел и путь человека — думать.

И если сформулировать:

Смысл жизни — в осознании и ощущении своей причастности к общему, великому, необходимому и благому делу, важность которого безусловна и несомненна, и она

неизмеримо выше твоих сугубо личных интересов и собственной значимости.

Высший смысл — это причастность к высшему делу.

Высший смысл — подразумевает и оправдывает твою готовность к страданиям, непосильным трудам и к самой смерти во имя своего дела.

О-па! Понятно?

Вопрос о смысле жизни порожден стремлением человека вывести на рациональный уровень свое иррациональное желание делать больше, чем ему потребно для личного благополучия.

Вопрос о смысле жизни порожден стремлением человека к совершению максимально возможных действий, даже если эти действия лично ему не только не нужны, но и грозят опасностями и смертью.

Вопрос о смысле жизни — это свидетельство энергоизбыточности человека, его принципиальной невозможности к гомеостазу в ареале: человеку всегда мало, он всегда все переделывает, переиначивает (реликтовые этносы подтверждают этот закон). А зачем переделывает — часто сам не знает; инстинкт велит, энергия прет человека.

Вопрос о смысле жизни — проистекает из групповой сущности человека, которая сплошь и рядом противоречит его индивидуальной сущности, причем не только реально противоречит, но и в мысленных постижениях, при рациональном анализе противоречит: один вред мне от этой морали и альтруизма. Люди гады — так почему же мне потребны высшая цель, высший смысл? Потому что хоть и гады, да без них никак, без них ты животное, вот какая главная от них польза. Злы люди, жадны, нечестны — но только среди них можно быть человеком, а это уже хорошо...

ФУНКЦИЯ. Вот теперь мы возвращаемся к тому, с чего начали.

Ветвь не в силах постичь, что она лишь часть дерева, повторяю я всю жизнь сентенцию любимого моего Блеза Паскаля.

Человек не в силах постичь, что он лишь часть Вселенной — и функция ее энергоэволюции.

Функция он. Он потому возник, что процесс энергоэволюции все набирал и набирал скорость по мере развития жизни на Земле. А затем — по мере прогресса социума.

Атомы, которые четыре миллиарда лет назад возникли при взрывах сверхновых в глубинах Вселенной, много раз разлетались и вновь собирались в структуры, все более сложные, и вновь распадались, выделяя энергию. Пока не собрались в планеты, не скомбинировались на одной в первый организм. Организмы умирали миллионами поколений и становились все сложнее. Они потребляли все больше энергии, все сложнее перерабатывали ее и все больше выделяли.

Потом эти вот самые атомы, складываясь во все более сложные, невероятно сложные структуры — сложились в человека. В течение нескольких десятилетий они, вечные, существуют вот в такой комбинации. Скоординировавшись в сложнейшие молекулы, клетки, органы.

Но. И сообща, в таких вот комбинациях. Эти атомы делают свое главное дело. Выполняют свою вселенскую функцию. Они преображают материально-энергетический мир вокруг себя, как могут. А могут неслабо. В составе растений — можно только превращать минералы и воду в тела растений. В составе животных — роют землю, едят растения, обогревают собой пространство, колеблют криками атмосферу. В составе людей — переделывают всю геосферу, лезут в глубины и в космос.

Высшая психическая деятельность (тоже из атомов) заставляет людей делать то, что им вовсе не нужно для жизни или просто ей вредит. Производить горы ненужного барахла, опустошать недра, жить в ненужно огромных жилищах — ради «престижа», «карьеры», «власти». Кормить дармоедов, занимающихся бессмысленными вещами вроде нынешних «социальных наук». Строить полукилометровые небоскребы.

В этом нет никакого рационального человеческого смысла. Но с точки зрения эволюции Вселенной — смысл есть, и он прост: перерабатывать как можно больше, все больше и больше, материи и энергии.

Как функция эволюции Вселенной — человек в своих действиях совершенно целесообразен.

А искусства, спросите вы, а философия и история, а взлеты человеческого духа и мысли? Это побочные явления. Для выполнения своей главной функции человеку потребна мощная центральная нервная системы, большой умный мозг ему нужен. Ну, а уж этот мозг занимается всем, что может придумать. Многое для функции и ненужное — но иначе не хватит познавательного азарта и свободного раскованного мышления нужным, главным делом заниматься. (Типа дай спортсмену на отдыхе выпить и покувыркаться, тряпки модные купить — это все от аппетита к жизни; а без аппетита он и на спорт не способен.)

Поиск смысла жизни — это вечная попытка постичь, осознать, объяснить себе: почему я до конца не удовлетворен достигнутым, чего же мне надо, почему мне всего мало, куда меня влечет, несмотря на все достижения.

Поиск смысла жизни — это поиск ответа на вопрос: что есть жизнь моя в масштабах вечности и Вселенной? Для чего я явился и кому на хрен сдался?..

Функция Вселенной, созданная по Законам Высшего Начала, наделена необходимым разумом и страдает от невозможности соучаствовать в Творении. Человеку Нового Времени, атеисту, рационалисту и материалисту, несносна мысль, что роль его в Мироздании определена: служебная функция.

И мучения Духа этой Функции, который тщится превозмочь назначенные ему пределы и встать наравне с Творцом, вселяет в сердце скорбь.

. . . . . .

P.S. ГИБЕЛЬ БЕЗДЕЛЬНИКОВ

И вот коли человек — это функция, и существует он по природе своей только в процессе труда, в процессе преобразования окружающей энергоматерии, преобразования так или иначе окружающего пространства — к чему побуждаем и вынужден голодом, инстинктом размножения, потребностью в убежище и любопытством, которое есть психологический механизм экспансии — то: будучи лишенным НЕОБХОДИМОСТИ трудиться, напрягать силы

для выживания, созидания и разрушения, преобразования, самоутверждения через действия — в условиях гарантированного изобилия, безопасности и покоя человек вырождается и подыхает. (Что, собственно, люди всегда знали: покой и изобилие расслабляют, обезволивают и ведут к упадку.)

Все сладкие байки гуманистов-идеалистов-моралистов о гармоничном развитии каждого человека, о стремлении к жизни в мире и взаимопомощи, о братстве и равенстве ради счастья и справедливости — происходят от глупости. Уточняя — от доминирования морали, сконструированной исходя из высоких душевных качеств человека — над внеморальной наукой, объективной истиной, стоящей вне нравственности: а ее жесткая логика вынуждена определять человека во Вселенском масштабе, то есть на базовом уровне своей сущности — именно как функцию.

То есть:

Когда неизмеримо возросший уровень компьютеризации, роботизации и всяческой машинизации сделает труд абсолютного большинства человечества полностью ненужным с производственной точки зрения — когда проще будет обеспечить всех едой, одеждой, жильем и развлечениями, не вовлекая их в производственный процесс вообще — все эти люди очень быстро деградируют и вымрут. Наркотики, игры и бессмысленные развлечения. Половые извращения без продления рода.

Убирая НЕОБХОДИМОСТЬ труда из жизни человека — вы уничтожаете функцию. Вы лишаете материальную составляющую объекта его энергетической составляющей. Функция без необходимости постоянного действия — это уже не функция. Это труп, лишенный души — то есть той самой энергии, которая превращает материальный объект в живого человека.

Наращивая машинное производство до бескрайних пределов — человечество ликвидирует себя, делая себя НЕНУЖНЫМ далее для эволюции Вселенной.

Ничем не могу помочь. Кроме как тем, что сказал вам правду.

Глава 44

КРИТЕРИЙ ПРЕВОСХОДСТВА

Что сказала старшая третьего барака на вечерней поверке:

— Ну что, бляди, проститутки, вафлушки, сексуальные работницы ебального фронта? Все на месте? А куда вы денетесь. Новенькая, номер 19–190! Что, коленки о камушки ободрала? В карьере работать — это тебе не яйца крутить по сто баксов за яйцо, да? Штрафованные второго разряда — сегодня без ужина. Остальные — в столовую. Бригадиры и звеньевые — впереди, не нарушать у меня. Нале-ву! Ша-гоом — аррш! Запевай! Суки нетраханные — громче! веселей!

Что сказала заключенная номер 19–190, сидя в полутьме на нарах и привалившись спиной к рифленой пластиковой стенке барака, такой же штрафованной подруге:

— Я ему с самого начала условие поставила: работать буду, могу почти все, только без этой, капрофагии, короче чтоб никакого говна. Но черных обслуживать не буду. Не потому что расистка, а потому что противно. Я их уважаю, всё, работать вместе, есть вместе — пожалуйста, без проблем. Но как этот черный хуй увижу, шланг как у коня, как копченая колбаса — я не могу. И чтоб кожа черная ко мне прикасалась — я что, обязана, в конце концов?

Ну, сутенеров ты же знаешь, они сначала такие ласковые, ты что, прямо медовые. Ладно, говорит, но ты меня тоже пойми: если слух пойдет, что я расист, как мне работать? Посадят ведь, и вас всех пересажают. Так что давай договоримся: я тебе одного направлю на пробу, молодой, чистенький, нормальный парень, ты его попробуй обслужить по-хорошему.

Приходит славный такой клиент, вежливый, ну губы там эти толстенные, нос горилльий, волосенки барашком, но так вообще нормальный. Я подумала: а дай выпью перед этим, это ж типа теста на профессию, надо пройти, и вообще. Другие же многие с черными спокойно трахаются. Выпила. Он меня трогает, ладошки розовенькие, а руки

черные, и везде он пальцы сует. Я уж глаза закрыла, а все равно представляю.

Ну, хотела раком, а он по-миссионерски хочет, чтоб все видеть, значит, и в лицо мне смотреть. А у меня уже выпивка под горлом играет. Короче, как он мне всунул свой черный, как я его представила в себе — так ему в лицо и сблевала. Ну ничего не могла поделать, даже отвернуться не успела.

Ну, он меня, конечно, отметелил. Две недели не работала, синяки лечила. И накатил он на меня Дику-Рику, менеджеру нашему, знаешь, сутенеру крышеванному, грозе тридцатых блоков, по полной. Дик-Рик мне: что, лимон сосать не могла? Ладно, черных не бери, Марго и Джейн тебя подстрахуют с черными, если что, ну хоть латиносов-то можешь? Без проблем, говорю, латиносы нормально, молоденькие там вообще красавчики часто.

Но этот пидор черный стуканул на меня в Полицию Равенства. Прикатили к нашему салону, меня в наручники, двое суток в камере — и пожалуйте на суд.

Что ответила подруга, сидя рядом на подушке и угостив новенькую номер 19–190 половинкой настоящей сигареты:

— Если тебе про меня скажут, что ковырялка — ты не верь, они мне завидуют, что старшая меня побаивается. На прошлой зоне девки одной стукачке нож в пизду засунули и распороли до ребер. Думали на меня, а доказать не смогли, только в карцере два месяца продержали. Ты меня держись, это спокойней тебе будет, что мы рядом спим.

Черных здесь нет, их вообще не сажают, и хер с ними, все к лучшему, хоть здесь жить можно нормально. А этих их козлов, мужиков, сексуальных маньяков я бы кастрировала лично. Левой рукой за хуй берешь, правой бритвой чик! — и давай следующего. Знаешь — десять бы кочерыжек срезала — и все бы остальные как шелковые стали. Друг друга бы в жопу ебли — вот это пожалуйста, вот это у нас приветствуется!

Что говорил под сенью американского флага судья перед вынесением приговора в почти пустой комнате заседаний:

— Мы видим, как глубоко живет системный расизм в людях порочной белой расы. Системный расизм тлеет

в белых людях на уровне инстинкта, на уровне физиологических реакций. Нам предстоит долгий и трудный путь борьбы за то, чтобы его, расизма, в инстинкте, не должно быть... Все люди имеют равное право на любовь. Все люди имеют равное право на счастье. Все люди имеют равное право иметь равный товар за равную плату. И вот американскому гражданину, члену общества, налогоплательщику... ну все равно, не важно... отказано в том, на что он имеет право — и что на его месте получил бы любой белый. Это преступление ненависти наполняет мое сердце скорбью и гневом.

Подсудимая попёрла... попрала самое святое, что есть в нашей Конституции: право на счастье. Она надругалась над основным и священным принципом нашей жизни — над принципом равенства. С особенным цинизмом она глумилась над истцом, извергнув ему в лицо непотребное содержимое своего желудка.

Но Закон гуманен. Но справедлив. И суров. При этом целителен. Закон предоставляет подсудимой право и возможность исцелиться. Перевоспитаться. Избавиться от белой привилегии, от оскорбительного белого супрематизма. Проникнуться современной, человеколюбивой идеологией равенства и любви... и справедливости. Осознать свою вину и искупить ее полезным трудом на благо общества — и прежде всего на благо угнетенных меньшинств.

Властью, данной мне Законом и народом Соединенных Штатов, я приговариваю подсудимую к девяти годам исправительных работ с отбыванием первого года в колонии строгого режима, а остальных, в случае хорошего поведения — в колонии общего режима.

(Стучит молотком по подставке.) Заседание окончено.

Что сказал сутенер Дик-Рик, гроза тридцатых блоков, своему знакомому по бизнесу, шлепая по попке одну из подопечных дам и передавая ему кое-какие полезные мелочи для Нэнси, а ныне номера 19–190 на женской зоне — чтоб девочки ценила его заботу в любых обстоятельствах:

— Кто что ни говори, но белым черные бабы даром не нужны. Разве что из интереса, для экзотики, разнообразия попробовать. А так, по жизни — очень редко. Из двух баб,

белой и черной, белый всегда выберет белую. Ну разве что она совсем старуха или крокодил, или черная совсем уж красавица, тогда чернушечку возьмет. А вот черный — наоборот: ему белых девок подавай. С черными ему проще и привычней, легче, но при возможности, если шансы равные — почти всегда он белую возьмет. Кстати, это и к желтым, и к латиносам относится. Все за свою расу — но хотят белых баб.

Это получается так: мужики — все расисты. Хотят белых. Но как-то им это сходит. А если белая баба черного не хочет — сразу ее в таком расизме обвинят, что конец всему.

Я тебе скажу, когда наша родная Полиция Равенства до этого толком доберется — она заставит установить квоты: кому сколько трахаться с какими расами. Проценты высчитают. Разрешат: три раза с черным — тогда можно пять раз с белым и два с желтым.

Блять, а про женитьбы я вообще. Тоже квоты. Сколько черно-белых семей, сколько желто-белых... кстати, черно-латинские браки — вот это будут смертоубийства! Ха-ха-ха-гхх!..

Что сказал судебный эксперт-сексолог своей подруге вечером в постели после секса, потягивая «Уайлд Турки 101»:

— Несчастная девка, не она первая, не она последняя. Помнишь, в прошлом году был аналогичный случай, там был оральный секс? Она говорит: что я виновата? как во рту его ощутила, так меня и вытошнило. Но там семь лет дали. Все же в рот, как бы ощутимее.

А вагинизм просто раз в месяц суд по городу. Или не всунуть, или, что еще хуже, спазм во время акта, иногда защемляет пенис так, что везут в госпиталь и там вводят релаксанты. Хотя парамедики это сами могут, но кому охота брать на себя ответственность.

И всегда черные орут, что это расизм! Сексуальное преступление! Ущемление не члена, а его прав, ты понимаешь? Как это может белая расистка испытывать отрицательные эмоции при сексе с черным? Не должно этого быть! Большинство же белых нормально черным дает? И все должны!

Но вот какая забавная вещь. Не для суда, конечно. Лет уже десять назад скандинавы — и шведы, и норвежцы — ставили такой эксперимент по сексологии. Мужчинам разных групп — разных рас, по возрастным группам и семейному положению, то есть семейным и несемейным — показывали не экране серии фотографий. Да, испытуемые были все стойкие гетеросексуалы, проводили опрос. А фотографии были — женские лица, поясные портреты и в полный рост обнаженные женщины. Всех трех рас: белые, черные и желтые. Разных степеней привлекательности — от некрасивых до красавиц. И требовалось выбрать первую тройку — кто тебе больше нравится. Фотографии можешь остановить подольше, можешь вернуться.

Ну так вот. Подавляющее большинство мужчин всех рас, всех возрастных групп и как семейные, так и нет, предпочли — белокожих блондинок! И белые мужчины, и черные, и желтые. Скажешь, черные живут в белой культуре и усвоили белые критерии, да еще страдают комплексом неполноценности? Да? Ну так желтые — крайне высокого мнения о своей расе, своей культуре и истории, и вдобавок средний IQ у них выше на четыре-пять пунктов, чем у белых. И тем не менее!

Что это значит? Инстинкт повелевает мужчине передать свое семя, свои гены лучшей самке — самой витальной, жизнеспособной, перспективной. Женская красота — это весьма верный критерий биологического и социального качества расы (биология и социальность связаны очень плотно).

И одновременно — аллели стремятся к близким аллелям. Поняла, да? В общем: люди инстинктивно стремятся совокупляться с представителями своей этнической группы и своей расы. Это сформировано естественным отбором, миллионами лет эволюции. Природа противится смешению групп, ей для продолжения развития необходимы разные группы, которые по-разному развиваются — на случай изменений климата, катастроф, вообще для приспособления к разным условиям на планете.

Грубо: разные этнические группы — это разность потенциалов биологического человечества, аспект его энергии.

Да не отбирай ты у меня стакан, милая; сейчас, минуточку, конечно... я тоже. Да-да: ты у меня белая женщина, ты лучше всех.

Всё, всё. Я хотел только сказать, что если, несмотря на расовую близость, черные и желтые предпочитают белых женщин, да еще блондинок — это говорит о том, что белые — высшая раса. Как ни крути. Цветные сами сознались!

Кстати: блондинки были самыми ценными и дорогими секс-рабынями во всех гаремах и борделях — и у мусульман, и у китайцев, ну, про негров мы вообще молчим. Редкость? Экзотика? Ага. Черные наложницы и азиатки у белых ценились куда ниже, чем белые бабы у цветных мужчин.

Ай, ты что делаешь!.. да... иду...

Глава 45

РАБСТВО НУ И ЧТО

Да что же вы совсем озверели с этим вашим черным рабством?!? Ну что, совсем уже ничего понимать не желаете?!

Ну вот представьте себе XVII век. Вот пристает парусный корабль к незнакомому берегу. И что же с корабля видят?

Людей!.. Но вроде... не совсем. Странных. Ранее не виданных. Не белые, как обычные люди, а черные. Ходят голые, мужчины и женщины вместе и голые (это в те-то пуританские времена)! Лица как приплюснутые черные маски: носы широченные с огромными ноздрями, губы толстенные и вывороченные, лобики низкие скошены, подбородков почти нет, назад стесаны. В представлении европейских открывателей неведомой земли — местные обитатели похожи на человеко-обезьян.

Европейские первооткрыватели научно и этически были очень отсталыми! Но это они для нас отсталые. А для себя были совершенно современными.

Ну судите. Живут аборигены в нищих хижинах из тростника или пальмовых листьев. Письменности не знают. Плуга нет, землю не пашут, в лучшем случае ковыряют палками. Оружие — дубины, копья с костяными или каменными наконечниками, редко — хилые слабые луки. Примитивная глиняная посуда, зерно долбят в деревянных ступах.

Собирают в пищу корешки и плоды. Едят все, что могут разжевать. Охотятся на все, что движется. Добычу пекут в золе. И все они покрыты какими-то шрамами и несмываемыми узорами. Ожерелья носят из ракушек и ягод, серьги огромные.

Явно разумны. Разговаривают на своем языке. Старейшины у них есть, семьи.

Но вдобавок ко всему — они людоеды! Жестокие каннибалы! Врага могут убить, зажарить и съесть всем племенем. Прости, Господи, души их грешные, язычники, дикари, что с них взять...

А так наивны и простодушны, как дети. Страшно радуются грошовым безделушкам: бусы, зеркальце, кусок ткани — для них как сокровище, просто носятся с ним. А за нож готовы отдать все на свете — острота лезвия завораживает, ничего подобного никогда не видели. За топор можно вообще брать взамен гору мяса и фруктов, перья невиданных птиц и шкуры невиданных зверей.

А теперь расскажите: может ли европеец XVII века, не отягощенный знанием теории эволюции и научного коммунизма, не скоро родятся Руссо и Маркса, не было революций, везде правили короли и воевали империи — может ли европеец, одетый в шерстяные и холщовые одежды, обутый в кожаную обувь, с мушкетом в руке и Библией в другой, преодолевший на корабле тысячи морских миль, европеец, ходивший в школу и в церковь, платящий налоги и живущий в городе — видеть в этих чернокожих обитателях джунглей равного себе человека? Да с какого бодуна? Как это возможно? Вы о чем вообще думаете?

А заметьте — еще пылают костры инквизиции! Еще сжигают ведьм и еретиков. Еще евреев изгоняют из их домов и стран. Безземельных крестьян вешают за бродяжничество. Еще католики режут протестантов толпами и сотнями тысяч, и протестанты отвечают им тем же. Еще

внушают Римские Папы, что крестом и мечом насаждать Веру Христову — долг и обязанность каждого христианина! А не христианин, неверный, язычник, дикарь — это недочеловек, низшее существо, враг, нуждающийся в крещении, просвещении и опеке. Уму-разуму его научить, причем любыми методами.

А ведь еще рабство процветает! Надо это понять: рабство — в сознании европейцев это нормально! Точно так же, как в сознании азиатов, арабов, мусульман! Рабство было всегда — и в античности, и в военной демократии, где врагов обращали в рабов, и при феодализме рабов хватало.

И было в Новом Времени узаконено государственное рабство. Те, кого суд признавал виновными, отправлялись на каторгу. А что есть каторга? Подневольная, обязательная и бесплатная работа на государство, которое полностью распоряжается твоей жизнью. Живешь в общем тесном бараке, работаешь по приказу вместе со всеми, скудно ешь вместе со всеми; а за ослушание избивают, могут уморить.

А Европа веками воюет с Блистательной Портой, с Оттоманской Империей, с Турцией она воюет. А там — огромнейшие в мире невольничьи рынки: Багдад, Дамаск, Стамбул. И на рынки те свозят пленных со всей Европы, детей и женщин захватывают и продают, солдат пленных продают. И, кстати, черных со всей Африки там тоже хватает.

А время это захватническое, время открытия и освоения новых земель по всему земному шару: что увидел — попробовал захватить для своей выгоды и подчинить короне своего короля. Иначе — другой король подчинит, только и всего.

Так как же европейцы должны воспринимать этих голых, неграмотных и нищих аборигенов? Людоедов, охотящихся за головами соседнего племени? Черного цвета и с чертами лица, не выглядящими на их европейский взгляд лицом вполне разумного человека? Но человека с обезьяньими чертами?

Я говорю сейчас о наших предках! Которые ходили в церковь всегда и поголовно! Сжигали ведьм на кострах!

Пытали невинных в подвалах инквизиции! Феодалы клали в свою постель их невест по праву первой ночи! Когда детей вешали за мелкие кражи! Вы понимаете, как люди жили и каким представляли себе правильный порядок в жизни?!

И о ваших предках! Стоявших на уровне развития каменного века! Не знавших колеса, письменности, металлов, математики и механики, тканей и обуви, архитектуры и живописи, государства и мореплавания! Каких-то четыреста лет назад...

Могли тогда белые, европейцы — воспринимать негров, черных, африканцев — как равных себе? Вы с ума сошли! Дикарями они их воспринимали, недочеловеками, умственно ограниченными. Вдобавок жестокими как дьяволы и наивными как дети. Что? А, да, у нас не принято сейчас говорить о страшной жестокости дикарей, об изуверских казнях, убийствах своих стариков и так далее.

Нет, вы всерьез полагаете, что они должны были отнестись к неграм в открытых краях Африки как к равным? Обменяться посольствами? Начать им бескорыстно помогать идти к цивилизации, да? Везти им еду и товары — как гуманитарный груз? Да свои в Европе миллионами мерли в голодный год, чума и оспа их косила! Бедняки за кусок хлеба себя продавали! Всю жизнь из нищеты выбивались! Или вельможи в бархате должны были взять на себя благородную миссию принять африканцев в беженцы, всех одеть-поселить и кормить из королевской казны?!

Сколько англичан было в рабстве в Америке в том же XVII веке? А ирландцев? Сколько французов сгинуло в Кайенне, будучи рабами собственного правительства? Сколько испанцев пропало безвестно в турецком рабстве?

Вас не интересует, что это была в Европе эпоха Варфоломеевской ночи, Тридцатилетней войны, знаменитого лозунга: «Убивайте всех — Господь на том свете отсортирует своих»?!

Родители женили детей на тех, кого сочтут подходящей парой — и дети пикнуть не смели против родительской воли. Женщина была собственностью мужчины, ее мнение ничего не значило, она не имела никаких прав. Муж был

хозяином всего в доме и семье. Малолетних детей заставляли тяжко работать — нужда того требовала. Простолюдин был ничто пред лицом господина. И народ был безгласным стадом, рабочим быдлом дворянства во главе с королем.

Это продолжалось долгие, долгие века.

И вы хотите, чтоб те люди, в ту эпоху, при тех господствовавших нравах и представлениях, в атмосфере всеобщей жестокости и нетерпимости — вдруг сделали исключение для чужих и далеких черных африканцев, пребывавших на стадии племенного строя в каменном веке? Привезли их к себе и усадили рядом? А рядом с кем — с дворянами или батраками, кстати? Одевали, кормили, учили грамоте и ремеслам, запрещали их оскорблять — хотя друг друга оскорбляли сплошь и рядом?

Да, их покупали в Африке как скот. Но черные собратья и продавали их как скот. (Кстати, гораздо больше их скупали мусульмане, нежели христиане. И большинство черных рабов отправились на арабский восток и в Азию, нежели в Америку.) Они постоянно убивали друг друга в племенных войнах, и ели пленных они отнюдь не редко.

Альтернативой рабству для вывезенных африканцев была не свобода на родине — а смерть на родине! От руки врагов из соседних племен, которые их захватывали. Надо же понимать. Рабство за морем — или смерть дома: такова была альтернатива!

Их везли через океан в зверских условиях. Это правда. И многие умирали по дороге. Это правда. И потом их продавали на рынках, как животных. И это тоже правда.

Так давайте же говорить правду! Продолжим говорить правду. Они жили на американских плантациях дольше, чем продолжительность их жизни на родине, в Африке. Их кормили небогато — но они никогда не умирали с голоду, как на родине, в Африке. Они болели — но меньше, чем в страшных эпидемиях тропических болезней, как на родине, в Африке. А главное — на них никто не охотился, и каждый день не грозил им смертью, как на родине, в Африке.

А еще им проповедовали христианство. И с христианским учением они воспринимали христианскую мораль.

Да, смирение, трудолюбие, милосердие и терпение по отношению к их рабской доле звучали лицемерно. А все-таки это была куда более гуманная мораль, чем жестокие языческие верования их родины, Африки. Здесь было запрещено принесение жертв. Здесь обещали равенство и счастье хотя бы в загробном мире. Здесь учили, что Всевышнему нищий раб угоднее господина, ибо его есть Царствие Небесное. Что кроткий, слабый и бедный — достойнее и праведнее богатого и властного, в этом его гордость и опора духу, и в Царство Божие несчастные войдут первыми.

У нас стараются ведь не упоминать, что в большинстве штатов рабство было отменено и запрещено практически сразу после Войны за Независимость и образования США. Страна отделилась от Британской Империи — и уже к 1800 году Пенсильвания, Вермонт, Массачусетс, Нью-Йорк, Нью-Гемпшир, Коннектикут, Род-Айленд, а следом Огайо, Нью-Джерси, Мичиган, Иллинойс, Индиана... Да уже в начале XIX века рабство запретили, нигде на Севере рабства не было.

Гражданская война — это было 23 Северных штата против 11 Южных — 23 миллиона человек против 9. Миллион человек был убит или пропал без вести — миллион жертв, из них 90% белые! — вот цена, которую заплатил народ Америки за освобождение черных от рабства.

150 000 черных сражались за Армию северян. И еще 100 000 — за южан! За независимость того самого Юга, от рабства которого их хотел освободить Север. Не все так просто, ребята.

Кстати, ваши дорогие друзья индейцы — о, простите, дорогие афро-американцы, я имел в виду «коренных» американцев — они, племена с Неотчуждаемых Территорий, присоединились к Конфедератам! — в деле защиты прав рабовладельцев. Индейцам нравилось иметь рабов. Так же, как четверти миллиона черных южан-рабовладельцев, которые сами владели рабами — разумеется, черными.

Но еще до Войны, изначально — черные, живя в мире абсолютного господства белых, старались перенимать обычаи и привычки белых. Они бы тоже хотели быть свободными и богатыми, сильными мира сего; это естественно.

Они хотели так же хорошо одеваться и так же вести себя. Так же умно и красиво разговаривать. Хотели уметь читать и считать — это приближало бы их к уровню белых, повышало их статус в собственных глазах.

И если черный получал свободу и на скопленные деньги покупал собственных рабов — он приближался в своих глазах к статусу джентльмена, состоятельного человека: он уподоблялся белому.

А вот и продолжение. Белый президент отдал приказ белым войскам охранять черную девочку, идущую в белую школу, и черного студента, идущего в белый университет. Белые ездили по южным штатам, просвещая черных и повышая их образование. Белые писали многие речи Мартину Лютеру Кингу.

И чем больше белые боролись за свободу и равенство черных — тем больше перед черными оказывались виноваты! Чем больше помогали черным подняться к вершинам цивилизации и стать вровень с собой, чем горячее убеждали всех, что цвет кожи и черты лица ничего не значат, а имеют значение только ум, порядочность и трудолюбие человека — тем больше претензий черные им предъявляли.

И тогда белые решили: пусть черные впереди всех принимаются на учебу и на работу, пусть в первую очередь получают хорошие должности и награды. И белые сказали: мы виноваты перед черными, что так долго они были рабами, необходимо это исправить. И черные ответили: а вы вообще врожденные расисты, даже не сознавая этого, вас не исправить, и вся ваша цивилизация — расистская, ваша культура расистская, ваши науки и искусства, ваши нормы поведения и ценности — все у вас расистское! Дайте нам все, а сами будете получать во вторую очередь. Хорошо то, чего хотим мы, а плохо — то, что нам не нравится. Вставайте на колени, целуйте нам ботинки и платите пожизненно за то, что наши прапрапрадеды были вашими рабами.

Кто посмеет сказать, что черных рабов было 3 миллиона из 33 миллионов населения Америки? И 29 из 30 белых даже двести лет назад никаких рабов отродясь не имели?

Сколько вас сейчас в США? 35 миллионов? А ввезли

400 тысяч, хотя некоторые утверждают, что 600 тысяч. Вас стало больше почти в тысячу — тысячу! — раз. Это все от ужасной жизни? В Африке ваши соплеменники так же успешно увеличили свой род?

Значит, так. Полтораста лет ваших предков везли из родного африканского ада в американский ад рабства. И еще неизвестно, какой ад хуже. Затем работорговлю запретили, и еще через полвека вас освободили из рабства — белые же и освободили. И еще через сто лет вас сделали полностью равными белым. Более того — поставили над собой. Вас запрещено критиковать и приказано хвалить. Тому больше полувека. Уже бегают по улицам внуки тех, кто родился в новую эпоху черных привилегий.

И вот теперь, когда многие из вас обнаглели от вседозволенности и безнаказанности, желают паразитировать и сидеть на шее у других, извергая потоки ненависти к белым, настала пора напомнить вам, ребята:

Мы, белые, потратили тысячи лет и миллионы жизней, чтобы построить нашу цивилизацию. И если бы вас вообще не было на свете, если бы Господь Бог забыл создать Африку вовсе — в нашей культуре, в нашей цивилизации ничего бы не изменилось. Ваш рабский труд в сельском хозяйстве — лишь в одном государстве и лишь двести лет — ничего не изменил и не мог изменить! Жили всю историю без вас — и дальше бы прожили, будьте уверены.

А вот вы — о нет! Если бы белые, европейцы, никогда не открыли бы Африку, и у вас не было бы с нами никаких контактов — вы так бы и жили в родных джунглях и саваннах племенами, занимаясь охотой и собирательством. Без грамоты, без техники, без книг и машин, без городов и дорог и всего прочего.

Это мы дали вам английский язык вместо примитивных африканских наречий. Это мы научили вас читать, писать и считать. Это мы научили вас боксу и бейсболу, дали вам мяч и баскетбол, легкую атлетику и саксофон. Вы носите кроссовки и джинсы, майки и трусы — это мы все придумали и сделали. Дома и университеты, радио и телевидение, компьютеры и автомобили — это все придумали, изобрели, создали белые! И вы всем этим пользуетесь.

И смеете кричать о белых привилегиях! Вас подняли и внесли в белую культуру, вас приобщили к ней, вам создали тепличные условия для овладения ею, и вы еще вопите, что в музеях картины белых мужчин! Да потому что черные мужчины в то время рисовали только узоры на лицах и дубинах! Да вы живете в цивилизации, созданной белыми мужчинами, мать вашу!!! И теперь вы, твари, решили не только присвоить эту культуру, но еще и уничтожить нас, ее создателей, вырастивших вас на свою же голову!

Ребята, вы играете с огнем. И доиграетесь, будьте уверены. Нельзя глумиться над Господом, который дал вам возможность перескочить через десять тысяч лет развития и оказаться в процветающей цивилизации, созданной другими. И вам еще говорят: милости просим, будьте с нами, будьте как мы, равные среди равных! Что же мы имеем в ответ?

Вы убиваете друг друга, как никто в Америке! Половина убийств в стране — это вы убиваете! Половина преступников в тюрьмах — это вы! Самый большой процент бездельников, наркоманов, хулиганья, больных СПИДом — это вы! Недоучки, бросившие школы — почти все черные!

Возникает скверное представление о том, что вы не понимаете хорошего обращения. Десять процентов из вас — нормальные, работящие, разумные, приличные, иногда талантливые — люди, ничем не отличающиеся от любых других приличных людей. Но две трети — это тихий ужас. Беспечные бездельники и обдолбанная шпана, паразиты по мировоззрению. И теперь вы решили терроризировать белых. Потому что они встали на вашу защиту. Комплексом вины перед вами дурные белые заболели.

В Африку пусть едут страдать комплексом вины перед черными! И смотрят, как живут негры у себя на родине! И кто вякнет про наследие колониализма — сравни, как жили при колониализме, как жили до него — и как живут сейчас, после него. Или они в Средние Века процветали, когда еще белые вообще о них не знали? Или это белые научили их лени, глупости и воровству?

Ребята. Если белые озвереют. И скажут вам всю правду в лицо. И попомнят вам все ваши художества. И предъявят

счет за все, что вы, генетические африканцы, получили в Америке. То покаяние ваше растянется на века. Это будет страшная сказка. Законы Джима Кроу покажутся благословением Божиим. Берегитесь возмездия. Не доводите до взрыва.

Глава 46
ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ДИАЛОГ

— Сэр, я ничего не нарушаю, сэр.

— Я знаю.

— У меня никогда не было столкновений с полицией. Я всегда работал. Я никогда не получал пособия.

— Это хорошо. Это правильно. Да.

— Я семейный человек. У меня жена и двое детей. Они никогда не торговали наркотиками, не хулиганили.

— Что ж. Ты хороший отец.

— Так почему же я не могу въехать, сэр?

— А зачем тебе сюда въезжать?

— Почему же я не могу въезжать? Я хочу жить в безопасной стране. Чтобы мои дети ходили в хорошую школу. Чтобы у них были перспективы. Я не хочу бояться, что их посадят на иглу, или меня ограбят. Или ударят и обругают мою жену. Я хочу жить человеческой жизнью, сэр. Разве я не имею на это права?

— Конечно имеешь. Так почему ты не живешь такой жизнью в своей стране, в своем районе?

— Я не виноват, что это плохой район, сэр. Что там высокая преступность. И плохие школы. И шпана, и наркотики.

— Так сделай свой район хорошим! Объединись с другими хорошими ребятами и уничтожьте шпану и наркотики! Найдите хороших учителей, пересажайте в тюрьму хулиганов.

— Вы же знаете, что черные районы всегда бедные, сэр.

— А почему?

— У людей мало работы. Они получили плохое образование. Банды правят улицами.

— Врешь! Работа есть всегда! Вы не хотите хвататься за любую работу, вы не хотите вкалывать день и ночь, вы не хотите беречь деньги и вместо пойла, наркоты и дорогих тачек откладывать деньги и открывать свой бизнес! Вы любите халяву, любите бездельничать, любите веселиться, а пахать ни хрена не любите! Ваши дети в школах занимаются чем угодно, только не учебой! Да еще травят тех, кто хочет учиться: мол, ты откалываешься от своего народа, подделываешься под белых! Почему у китайцев и корейцев все есть? Почему они не громят свои школы? Почему они пашут день и ночь? Почему их дети поступают в лучшие университеты, и без всяких льгот?

— Но я-то не такой, сэр! Я-то ничего плохого никогда не делал!

— Возможно. Но знаешь, что я тебе скажу? Сегодня мы пустим тебя. Завтра еще одного. Послезавтра третьего. Потом у тебя найдется больная старуха мать. А у другого больные дети. А у третьего жена. И найдутся сердобольные люди, которые поднимут плач по вашим страданиям, и въедут все эти страдальцы — как же, родные люди, им так трудно и плохо. И не успеешь оглянуться — возникнут черные районы. В которых будет все то же самое! Безделье, бандитизм и крэк. И дети без отцов. И матери потребуют пособий. И в школах начнется хулиганство, драки и травля учителей. И в ваш район будет страшно зайти.

— Но почему же вы думаете, что обязательно должно так быть? Простите, но вы уверены, что это не расистские предрассудки, сэр?

— Еще как уверен. Просто знаю. Гены и тестостерон не переделаешь, и способности не переделаешь, и характер. Уж такие вы есть. Насмотрелись. Вам все не так. Чего вам не хватало? Мало вас содержали? Колледжи и университеты — в первую очередь черных. Во все правления — обязательно черных. Премии, пособия — в первую очередь черным. И что в результате? Все еще перед вами виноваты, ты понял! Обнаглевшие отморозки и черный расизм, и хер благодарности. Знаете — живите сами. Вот как себе сами устроите — так и живите. И отъебитесь от нас, наконец!

— Но позвольте мне жить здесь хоть до первого замечания!

— И это мы проходили. А потом — рыдающие дети, несчастная жена, делающие сенсацию журналисты и сердобольные гуманисты, требующие вас оставить. Не дождешься! Поезд ушел.

Поэтому вот что я тебе скажу. Иди-ка ты на хуй, брат. Живи со своим народом, живи со своей черной расой. Довольно мы от вас натерпелись. Хватит. Сыты. Напробовались. Вы же такие умные, черные, вы же такие талантливые, верно? Вот и живите вместе, умные и талантливые, и стройте себе рай на земле. И мы за вас порадуемся. Давайте, покажите пример всему миру! Вы же так долго кричали, что белые вас угнетают! Вот и никто вас больше не угнетает. Хлебайте свою свободу полной ложкой.

— Не надо направлять на меня оружие, сэр!

— Вот что, парень. Я тебя не оскорбляю. Я тебя не обижаю. Я не называю тебя ниггером, я считаю, что это позорное слово. Больше того тебе скажу: я читаю тебя во всем равным себе.

И вот, равный мне, брат мой, ступай к себе домой. Мне ничего не надо от тебя — не проси и ты ничего у меня. Мы дали тебе грамоту, науку, технику, научили всем премудростям цивилизации, а ведь еще двести лет назад твои предки были дикарями из каменного века.

И мы честно отделили вам землю для жизни. Честно разделили все предприятия, технику, продукты. Мы учили ваших учителей, перенесли к вам отделения университетов.

А теперь — отвалите! Живите сами. И езжай к себе обратно, в свой черный рай. Раньше думать надо было. Братьям своим мозги вправлять. Иди к БЛМ, пусть они кормят твою семью.

Поворачивай, я тебе сказал! Кончилось мое терпение! Ты что думаешь, ты тут первый приперся плакать на границе? Или тебе ногу прострелить? Катись на свою независимую национальную черную родину подобру-поздорову! Второй раз мы дураками не будем.

Вот так. Молодец. И учти — твои бы меня пристрелили, поменяйся мы местами. Поехал, я сказал! Дави газ.

Глава 47

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

Они сидели за кустом, спиной к дороге, привалясь спинами к большому валуну. В случае стрельбы валун хорошо защитил бы от пуль.

Правая нога одного была скована с левой ногой другого кандалами с трехфутовой цепью. Точно так же скреплялись браслетами руки. Таким образом, они были ограничены в движениях, координируя их с партнером. Сиамские близнецы, сросшиеся стальной связью по воле людей, имевших над ними власть.

Глядя в пространство, они тихонько насвистывали в унисон:

Glory, glory, hallelujuah! Glory, glory, hallelujuah!
Glory, glory, hallelujuah! his soul's marching on!

Белый сплюнул вязкой слюной, коричневой от табака, и не поворачиваясь сказал:

— Вот ты, Март, образованнее меня — не по части Священного Писания, я Слово Божие и сам знаю, — но все же ты кончил в школе одиннадцать классов, колледж, семинарию, ты доктор философии. Городской умник, можно сказать. И черных ты знаешь лучше меня, ты сам черный. Так скажи мне — с чего же черные, когда уже давно отменили рабство, и установили равенство, и закон защищал черных перед белыми, и даже давал черным некоторые преимущества, — с чего черные возненавидели белых и стали бунтовать? Ведь уже хорошо все жили. Белые и черные мирно жили, дружно. Вместе работали, вместе учились, вместе воевали, если приходилось. Уже все осудили расизм. Каялись в прошлом рабстве. И не удивлялись, если черный был начальником над белыми. На работу брали в первую очередь, в университеты принимали вперед белых. Это зачем надо было такую ненависть разжигать? Расовую войну устраивать?

Черный глубоко вздохнул и его доброе лицо приняло непримиримое выражение.

— Глупые люди есть всегда, Джон, — вздохнул он. — Есть глупые, есть злые, есть ленивые. Людей надо воспитывать. Добром воспитывать. К душе человека взывать, к уму. Это трудный путь. Не всегда получается.

— А по-моему, — сказал Джон, — цвет сволочи значения не имеет. Эти белые уроды из Европы, эти евреи из Германии, эти маменькины сынки, не знающие цены деньгам, никогда не гнувшие горб за кусок хлеба, все эти новомодные социалисты — это они натравили людей друг на друга. Сначала черных на белых — мол, это все угнетатели, расисты в душе, им все привилегии, их бей-жги сколько хочешь — справедливый протест против угнетения называется. А потом белые возненавидели черных — сколько можно терпеть унижения и ложь. Ты же платишь налоги — они же на твои налоги живут и тебя еще поганят.

— Ты черных не идеализируй. В школах — почти сплошь шпана, издеваются над учителями, знать ничего не хотят, ножи в карманах и крэк. Им твердят: закончи школу, найди работу, создай семью, и все у тебя будет нормально. Двадцать процентов так и делают — восемьдесят с детства собираются стать бездельниками и бандитами. Преступность огромная, на законы и правила плевать хотели, полицию вечно провоцируют. Самое ужасное — во что превратилась расовая солидарность. Помочь собрату учиться, работать, поддержать семью — не дождешься. А вот арестовали преступника, грабителя и убийцу — не скажут: арестовали убийцу, скажут: опять арестовали черного. Вот что ужасно...

— Перестань хныкать и каяться, Мартин. Я горжусь Беном Карсоном и Томасом Соуэллом, Морганом Фрименом и Мухаммедом Али, Перси Джулианом и Опрой Уинфри, Луи Армстронгом и много еще... Это великие американцы. Кстати, может и глупость переименовывать негров в афроамериканцев... а я что — евроамериканец? а еще — азиамериканцы? но если вам так нравится — пожалуйста, я не против, это ваше право.

— Именно — американцы, брат. Не надо нас идеализировать. Ведь мы мечтали о свободной демократической стране черных. И вы нам помогали. Общество создали, фонд, корабли наняли. И черные из Штатов поехали создавать счастливую страну Либерию. Позор нашей истории... Обра-

тили местных африканцев в рабство. Нищая страна с черным диктатором... Про Гаити я не говорю. Нищая помойка. Первая свободная страна черных. Перерезали всех белых. С тех пор — двести лет в дерьме. Бездельники и дураки.

— Только не заплачь. Видишь ли, мы из каменного века десять тысяч лет дорастали до цивилизации. А вы что — хотите перепрыгнуть за двести? На это никакой гениальности не хватит.

— Джон, я мечтал о взаимном уважении. Мы должны ценить, что и школы, и письменность, и наука — это все создали белые. Но если уж вы нас сюда привезли — позвольте нам тоже жить как людям. Своим честным трудом, быть равными гражданами, приносить пользу отчизне — нам ведь больше ничего не надо. И ведь это уже было, ты понимаешь, было! Я ведь за это жизнь отдал, брат!

— Ну и как — больно было? Жизнь отдавать?

— Нет, если по правде. Удар — и засыпаешь, даже боли нет. Мне даже неловко перед тобой.

— Да уж быть повешенным — казнь позорная. Ничего. За святое дело. Ведь не только за вас, ребята. За совесть и душу всех белых тоже. Иисус больше страдал, и позора больше принял.

— О твоем мужестве сразу легенды пошли, еще когда ты письма из тюрьмы перед казнью писал.

— Эти собаки хотели, чтобы я струсил. Не дождутся от христианина. Пришлось потерпеть. Что делать. Случается.

— А знаешь, Нат Тернер умер как трус. А ведь он зарезал школьников, детей.

— За это он горит в аду. Незачем было привозить его в рабство из Африки.

— Не списывай все на рабство, Джон. Эти негодяи и убийцы, этот Малькольм Икс или Луис Фаррахан, черные фашисты, сеют зубы дракона. Черные пожнут бурю, которая может смести нашу расу. Мне страшно за нас...

— Знаешь, что обидно? Мы ведь с тобой сделали все, что могли. И много ведь смогли!

— Да уж. Через полтора года после твоей смерти Север начал освободительную войну против Юга. Песню о тебе поет вся страна до сих пор.

— А в честь тебя вообще установили государственный праздник. Каждый год, третий понедельник января. Портреты, митинги, речи. Тебя помнят, брат.

— Глядя из прошлого — что видишь, Джон: что будет?

— Такие узлы рубятся только оружием, Март. Тяжелая война. Не видали мы еще такой.

— Никто не видал. Обидно только. Мирно уже зажили, дружно, уважали друг друга.

— Мне бы мои полста годков сейчас, да чтоб живьем. Своей бы рукой зарубил десяток белых провокаторов — и все стало бы спокойно. А ты что бы сделал?

— А я нашел бы такие слова, которые Господь зажег в самой глубине моего сердца, и нес бы их моему народу денно и нощно, дабы наставить его на путь истинный.

— Хм. Тебе не кажется, что мы неплохо дополнили бы друг друга?

Затем послышался вой полицейских сирен, лай собак, команды через мегафон — двое обернулись друг к другу и пожали руки. И засвистели такую же старую мелодию, как первая:

When Israel was in Egypt land...
Let my people go!
Oppressed so hard they could not stand...
Let my people go!

РАВЕНСТВО КУЛЬТУР

Ты чему студентов учишь, паразит? Какое на хуй равенство культур?! Не-ет, профессор, пойдешь ты на перевоспитание. В деревню. И ни хера не в нашу мы тебя определим. По культобмену. В Срединную Социалистическую Североамериканскую Республику. СССР — слыхал про такую страну, блять? Трепещешь, сука? Правильно трепещешь.

Вот там ты света божьего не взвидишь. Вложат тебе ума насчет равенства культур, блять! Про израильские кибуцы слыхал? А про советские колхозы? Не слыхал... А про немецкие концлагеря слышал? Да не шарахайся ты, не буду бить, это я так, по щечке тебя потрепать хотел... с-сученыш.

Значит, что пять тысяч лет назад белые изобрели колесо — это все хуйня? Да? На Балканах, в Двуречье — зачем им колесо? А насчет клинописи и египетских иероглифов — ерунда, верно?? И пирамиды там, канализация, орошение — на хер? А скульптура, блять, а живопись, а Кольт с Эдисоном и Форд с Эйнштейном — все хуйня, да? Вот индейцы, они да!.. ой, блять, коренные американцы, ой-ё-ёй, простите! А то эти милые наивные люди вставят мне колючий стебель в хуй и начнут вертеть. Ты не пробовал? А потом снимут скальп, но сначала все жилы на веточки вымотают. Уй, какой я неполиткорректный! Уй, дайте мне пять лет тюряги! Что, блять, кончилась ваша власть? Вот несчастье-то какое.

Не слыхал: Черчилль сказал как-то, что он не признает право собаки на сене на это самое сено? Жить в вигваме! Жрать мясо и коренья! Быть неграмотным, медицины нет, продолжительность жизни 25 лет! Одеваться в шкуру, бегать бегом. Лошади? Их белые привезли, блять.

И вот, значит, культура негров, индейцев, арабов — она не хуже нашей, европейской, американской, да? А хули же они тогда лезут учиться в наши университеты, ездят в наших автомобилях, освещаются нашим электричеством и лечатся в наших госпиталях?! Хули они звонят по нашим айфонам, летают нашими самолетами, а сами, суки поганые, еще стреляют в нас из наших пистолетов? У них же, в их культурах, ни хера ничего не было! Гонца рысью гнать вместо телефона! Копье кидать вместо винтовки! Жить в хижине вместо дома! И срать где ни попадя вместо туалета!

И если они живут в нашей — в н а ш е й, блять, культуре — так пусть будут любезны знать и помнить, что их первобытный, грязный и примитивный образ жизни нашему ни хера никогда не равнялся. И будут счастливы, что им разрешили здесь поселиться и пользоваться всем тем, что мы изобрели за тысячи лет. Нам они все и на хер не нужны! А «культурой» своей пусть жопу подотрут! Совсем обнаглели... ур-роды!

Па-адъем! Колонна, строиться! Умники университетские... шагом марш на работу!

КНИГА VII

УТРО И МИР

Жизнь начинается с телевизора. Или день начинается с телевизора. Или ежедневная жизнь начинается с телевизора. Или сон сменяется не то чтобы явью, но явью телевизионной. Или компьютерной. Что одно и то же. Кому как угодно.

Туалет, зубы, чай, кофе, завтрак, сорочка, туфли — это все не жизнь. Это физиологический процесс, форма существования: есть, дышать, потеть, двигаться. А жизнь — это присоединение к миру. Щелк! — и ты присоединен.

А там бегут строки биржевых новостей, идут дожди и движутся циклоны, рекламируются салфетки и автомобили, геи и африканцы борются за свои права, проповедники всех мастей проповедуют все виды добродетелей, суля счастье и смысл жизни, и лица белые, желтые и черные в обязательном порядке сменяют друг друга в многообразии оптимизма, и кто-то толстый, а кто-то уже старый, и все слились в озабоченном экстазе предстоящего дня.

И ты вспоминаешь о своей второсортности, чтобы уже не забывать о ней до вечера. Ты белый, ты мужчина, ты христианин, ты молод и здоров, у тебя спортивная фигура и хороший диплом. Ты не гей, не безработный, не с ограниченными возможностями. Но сам себе ты говоришь: я не пидарас, не инвалид, не негр, не паразит, не идиот — я мерзкая расистская фашистская свинья. Как мне жить с такими данными? Или проще удавиться?

Я хочу быть политкорректным. Я уважаю политкорректность, я люблю ее! А внутри меня доктор Джекилл бьет

морду мистеру Хайду и вопит, что политкорректность — это ложь, изрекаемая бандитами, и когда она уйдет в прошлое — у нее не будет другой истории, кроме кровавой истории убийств. Я достаточно образован, чтобы знать название этой болезни: у меня шизофрения.

Я объяснял это психоаналитику. Психоаналитик — это исповедник в камуфляже, живущий с прибыли. Не могу я лежать на кушетке перед незнакомым человеком, что за фигня! Он объяснил, что дважды два четыре (а не ходи к жуликам, раз сильно умный). Нельзя давить внутренние порывы — это ведет к депрессии, снижению иммунитета и всем болезням. Надо просто любить не только себя, но и всех несчастных, которым повезло в жизни меньше, чем тебе. Ты сильный? Так Господь дал тебе силу, чтобы помочь слабым.

Доктор, но эти слабые уже высосали из меня все соки! Я и так живу с комплексом вины перед всеми слабыми! Я что же — виноват, что я не урод и не идиот?

Вот что я вам скажу про врачей: в гробу они видали вас и ваши проблемы. Тело они вылечить могут — а душа у самих чистый сюрреализм.

Почему я не африканец? Не араб, не хромой, не дебил, не лесбиянка? Как счастливо мне бы жилось! Да я бы всех в гробу видал! Я бы все от всех требовал, на всех орал, швырял кирпичи в полицию, из глотки вырывал бы у них свое пособие и ходил на митинги и парады за свои права. И пусть бы мне только посмели чего-нибудь не дать!

При встрече с африканцем, или азиатом, или колясочником, или явным геем — я чувствую, как у меня делаются собачьи глаза. Во мне вдруг появляется слащавая фальшь. Я делаюсь излишне вежлив, излишне дружелюбен, излишне благодарен, я аж из кожи вон лезу, чтобы всем своим существом искренне доказать, как хорошо я к нему отношусь. А ведь они это чувствуют! Я чувствую, что они это чувствуют. И в глубине души нас за это ненавидят. За наше лицемерие, в котором мы убедили самих себя. Себя мы убедили — а их не проведешь, нет!

И вот про них я вам тоже скажу. Они страшно нам благодарны за все хорошее, страшно нас любят. Ага.

Си-чазз. Они раздражены на жизнь, что она их обделила. И это раздражение, переходящее в ненависть, они вымещают на нас. Они нас ненавидят. За то, что мы жертвуем чем-то своим ради них. За то добро, которым они нам обязаны. А человек ненавидит быть обязанным — особенно если не может отплатить равным.

Если человек не в силах отплатить за добро добром — он отплатит за добро злом. Так он устроен. Такие дела, парень. Потому что человек не может быть равнодушным к тем, от кого зависит его жизнь. Он может или любить их — или ненавидеть. Вот меньшинство и любит. А большинство ненавидит.

Почему? Потому что они сами бы хотели быть сильными. И чтобы ты зависел от них, а не наоборот.

И вот это меня убивает. Я готов, я рад делать им всем, обделенным, добро — и знаю, что в результате большинство из них возненавидит меня. И будет презирать меня за то, что свою классную жизнь я, мудак, трачу на них и еще жду благодарности. Я могу не ждать. Не нужна мне благодарность! Но они-то так думают.

Вот что меня убивает, размалывает. Я делаю добро — а умножаю в мире зло. Человек в гордыне своей решил исправить несовершенство Господа своего — и творить добро вместо Него по своему разумению. И будет ему за это кара! А не мни себя умнее Создателя и милосерднее Его. Если создал он людей разными — не меняй их местами по своему разумению.

Короче, мне наш мир не нравится. Вернее, его устройство. Вернее, его идеология. Вернее, наша идеология. Вернее — не моя, а идеология нашего общества. Она кривая, увечная, извращенная.

...Боже мой, вот как с этими мыслями вести машину, идти на работу, разговаривать с коллегами, возвращаться к семье. Достали они все меня своей простотой. Уроды.

И это все — благополучная, можно сказать удавшаяся и даже счастливая жизнь.

Вы мне не Бог, уроды! И душе моей не хозяева! Вы посмотрите, что уже кругом делается!

Глава 48

ГОЛУБАЯ РЕЗЕРВАЦИЯ

Часть вторая.
РАЙСКИЕ ОСТРОВА

Страшная, шокирующая информация поступила от Билла Сайкса, репортера газеты «Коммунист Сан-Франциско».

— Я не могу поверить, что власти какого-то штата, живые люди, какими бы они ни были жестокими фанатиками и пещерными радикалами, способны на такое зверство, — сказал он, потрясенный. В настоящее время Билл лечится от депрессии и нервного истощения.

Итак, проводя отпуск на маленькой арендованной яхте со своим супругом, сорокалетним программистом Лесли Адамсом, они был захвачены тайфуном. Бортовая аппаратура вышла из строя, а телефон Билл выронил в воду, Лесли же к своему телефону забыл зарядку. По этой причине они, беспечные дети цифровой эпохи, не смогли принять штормовое предупреждение. Портовый контроль Сан-Франциско уже под следствием за халатность при выпуске маломерных частных судов в океанскую акваторию.

Яхта (фирмы «Джипси-Мот-Глобал», водоизмещение 12,5 тонн, стоимость 4 млн долл) была унесена тайфуном и океанскими течениями в сторону от судоходных трасс, и на четырнадцатые сутки они увидели на горизонте землю.

Наши путешественники, открыв по случаю счастливого окончания скитаний припасенную бутылочку шампанского, двинулись вдоль покрытого зеленью побережья. Увидев селение, они бросили якорь в двухстах футах от берега и надули резиновую лодку.

Пухлая оранжевая подкова с шорохом вползла на песок. Несколько местных жителей, босиком переступая по горячему песку, настороженно смотрели издали. Все это были худые загорелые старики в выцветших лохмотьях.

Отсутствие гостеприимства удивило Билла и Лесли. Пришлось перекрикиваться через изрядное расстояние. Жители отвечали по-английски с каким-то смешанным американским выговором.

Это оказался остров Мауи. Их унесло на Гаваи.

Жители спросили, нет ли с ними женщин. Узнав, что нет, они успокоились и даже повеселели. И пригласили путешественников отдохнуть в тени. Однако не повели в свои дома (вернее сказать, хижины), а предложили посидеть в тени деревьев. Хотя принесли для них два раскладных шезлонга; ткань между алюминиевых трубок сильно выцвела и вытерлась.

Старейшина селения, который назвался Рэнди Берри и даже отвесил при этом неуклюжий и церемонный поклон, поинтересовался насчет спиртного на яхте. Лесли сплавал за двумя бутылками «Wild Turkey 101», тем временем под пальмы принесли стол и накрыли очень старой итальянской скатертью в красно-белую клетку. Поданы были ананасы, манго и папайя.

И тут Рэнди Берри сначала озадачил, а потом напугал Билла с Лесли.

— Вы... родственники? — спросил он.

— Мы супруги, — ответил Билл.

— Слава Богу, — выдохнул Рэнди с облегчением и как-то задумчиво, неуверенно перекрестился.

— Почему «слава Богу»? — не понял Лесли.

— Потому что иначе вас пришлось бы убить, — сказал Рэнди.

Он улыбнулся, и все улыбнулись, весело и открыто, их загорелые морщины, их седины и лысины. Но эти тощие, чистенькие и нищие старики распространяли атмосферу некоей безнадежности. Безнадежность, как зыбкое марево в знойный полдень, дрожала в зеленой резной тени, в пронзительно-голубом небе, и силуэты дальних гор тоже неуловимо струились в этой исходящей от них безнадежности.

— С чего бы? — спросил Билл и ощутил свои мускулы: он разломает этих старцев, как макароны. Если только у них нет оружия, подумал он.

— Вы проникли в запретную зону, — назидательно уронил Рэнди. — А это чревато неприятностями. Для нас. Вы что, ничего не слышали о Мауи?

Билл подумал, что давно пора налить, и скрутил пробку с флакона. Шеренга разномастных стаканов отблескивала

на столе. Он развел рыжую струйку по семи стаканам, и бутылка наполовину опустела.

— За любовь, — сказал Рэнди.

— За доброту, — добавил лысый старик с двумя торчащими вперед, как у суслика, зубами. Его звали Роб Носсе.

К концу второй бутылки Роб сказал ностальгически:

— Отвыкли мы тут от настоящей выпивки. Осточертел этот фруктовый самогон.

Тем не менее на столе появились еще бутылки, уже без этикеток и заткнутые самодельными затычками из коры, но пойло было приемлемым.

И уже вечером, когда разбрасывал искры костер, а разговоры сделались громкими и диалоги распадались, Билл Сайкс, журналист, и Лесли Адамс, программист, услышали то, о чем одни уже забыли, а другие не знали вовсе.

Когда после Катастрофы и окончания Гражданской Войны прошли новые границы и возникли Христианские Штаты Среднего Юго-Запада, мормоны, ставшие у власти на территориях бывших Юты, Айдахо, Вайоминга и Аризоны, добились референдума о лишении прав и депортации всех причастных к ЛГБТ. Поддержка населения оказалась практически всеобщей. Встал вопрос, а куда же их депортировать?

Переговоры длились несколько лет, и все это время несчастные геи, лесбиянки, трансгендеры и лица небинарной половой принадлежности томились в трудовых лагерях. Это было новое рабство. Жили они в казармах за колючей проволокой, питались в столовых, а работать на полях или фабриках их увозили утром и возвращали вечером. Казармы были общие, сожительство геев с лесбиянками не возбранялось. Интернет в этих зонах отсутствовал, телепередачи проходили строгую цензуру, заключенным предоставлялись электронные книги, где отношения были строго гетеросексуальны.

Южная Америка, Австралия и Московия от них отказались. В Африку и Сибирь категорически отказались ехать они сами. Мусульманские Европа и Восток их казнили бы. В Китае сошлют в трудовой перевоспитательный лагерь. А сплавлять их себе под бок в Калифорнию или Нью-Йорк

означало поставлять людей врагу и добавлять бензин в огонь неутихающей борьбы против себя же.

Гаваи к тому времени обнищали и обезлюдели. Туризм заглох в бедствиях и смуте мирового переустройства, а население почти поголовно вымерло от СПИДа и Ковида. Корабли для переселенцев зафрахтовали под все тем же дешевым либерийским флагом.

Гомосексуалистов и иже с ними доставляли в траках на север до канадской границы и далее на запад севернее Беллинсхема. И оттуда через пролив Жуан де Фука суда под дешевым либерийским флагом везли переселенцев к новой жизни на дальних землях (аналогия с сосланными в Америку и Австралию когда-то).

Сенсационный репортаж Билла Сайкса с последующим продолжением превратился в целую книгу и печатался с продолжением в одиннадцати воскресных выпусках. Один выпуск был посвящен душераздирающим сценам расставания бедняг с родиной, и над ним плакала вся страна. Другой полностью состоял из воспоминаний стариков о начале жизни в ссылке: Билл записал их рассказы на рекордер (оказавшийся с ним, сказался профессионализм). Третий скупыми штрихами, без всякого пафоса, описывал их кладбище, как они хоронили своих друзей, как многие кончали с собой. Был выпуск об отщепенцах и ренегатах, которые в тяжелых условиях отказались от своей идентичности, от своих идеалов и начали признаваться бывшим друзьям, что на самом деле испытывают влечение к женщинам... И заключительная глава этой родившейся книги вселяла в читателей гордость и надежду: заброшенные люди на заброшенном острове вновь возвращаются в лоно большого человечества.

Критики обрушили на первую книгу молодого писателя шквал похвал, и только один скептик, без которого никогда не обходится, сообщил, что мало кто из островитян дожил до контакта, так и тех никто не собирается возвращать: в бюджете давно нет ни копейки, и уровень жизни настолько упал за последние тридцать лет, что возвращенцы из прошлого времени могут стать источником нежелательной информации.

Часть первая

РАЙОН СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

1. Коллективизм меньшинства.

— Их свозили издалека, с разных мест, некоторых даже с восточного побережья. Автобусы и поезда под охраной. Охраняли от народного гнева. Очень уж их ненавидели, ликвидаторов будущего. Особенно те, у кого детей растлили и сделали гомосеками. Родители митинговали, требовали для гомоактивистов казни. Один автобус сумели отбить, так чуть не всех успели пристрелить или повесить, пока отряд самообороны не подоспел. А как людей осуждать. Представляешь, остаться без продолжения рода, без внуков, сгинуть бесследно.

Отвели под их поселение огромную территорию, больше любого ранчо, миль сто пятьдесят севернее Лас-Вегаса начиналась. Колючая проволока, рейнджеры границу объезжают, все как полагается.

Климат, конечно, соответствующий. В основном пустыня, пекло, но зимой холодно. В небе солнце и стервятник, на горизонте горы фиолетовые, а их все подвозят и выгружают под дулами. На всякий случай. Хотя куда им бежать? За побег объявили расстрел на месте.

И вот сгружают им палатки, топоры, лопаты, инструмент разный — и начинают они строить себе поселки. Нищета, конечно. Трижды в день питание возят, но какое питание? Впроголодь. Да-а, это тебе не оргазм в жопе друга испытывать. Усохли все на солнышке, обуглились, лохмотья по ветру плещутся. Стоял у колючей проволоки и вдаль смотрят. Тоже ведь божьи твари... А может, сатанинские, это еще как разобраться.

Я тогда электриком работал, за прожектора отвечал. Жалко их иногда, конечно. А потом вспомнишь: ну что, суки, хорошо потешились людей в тюрьмы сажать, кому вы не нравились? Все же мы это прошли: посмей против пидарасов и лесбиянок слово сказать — и вон тебя с работы, детей заставляют от тебя отказываться, старые друзья поздороваться боятся. Не-ет, сами себе сюда дорогу вымостили:

пора и ответ держать. Из-за кого у нас с каждым годом народу-то все меньше и меньше?

Между прочим, относилась власть к ним нормально. Специально территорию выбрали, чтоб ручей был, причем довольно такой немаленький. Привезли им овощей на семена, поливное земледелие в общем. И колодцев тоже, скважин насверлили. А потом ведь цементу завезли, бетономешалок несколько, маленьких таких, и они стали фермы строить, овец им тоже дали на развод, коров, свиней на мясо.

Ой, а у них там общие собрания, ругань, кто больше съел, кто меньше пахал, да кого слушать. А еды все же мало, они почти никто к работе не приспособлены, городская почти все публика. Уморы: им сказали сушить ботву, замешивать с навозом и делать кирпичи, потом сушить на солнце. И что ты думал? Сначала рожи свои почерневшие кривили, носы воротили, а потом только так: ручками, ручками! Домики строить стали, краски просили — покрасить.

Иногда, конечно, вешались. Иногда резали друг друга — из-за любовников в основном. Смешно: лысый, старый, зубов нет — и так переживает, что другого такого же урода третий трахает, не могу. И, конечно, альфонсы были, кстати латиносов довольно много: молодой, фигура неплохая, еще если рожа смазливая — ой, он может не работать, его любовник лучшим куском обеспечит. Они иногда себя на аукцион выставляли: кто больше даст — тому он даст. А уж если он актив — тогда вообще. У них со своей жратвы, я так понимаю, вообще редко стоял.

Кстати, среди них было много социалистов. Вот чего я никогда не понимал — какая связь между социализмом и гомосексуализмом, кто бы мне объяснил? И они сначала пытались в этом своем концлагере устроить социализм. Всем все поровну: еду, работу, место в палатке, дежурство там по палатке, чья очередь что-то по хозяйству делать. Так что примечательно? Охрана, руководство лагерное, именно следили, чтоб всем всего поровну и по очереди. А у них быстро как-то произошло... как бы это... социальное расслоение, вот! Сильные начали гнуть слабых, заставлять

больше работать, отбирать себе лучший кусок. Ребята рассказывали: в тюрьмах всегда так. Сильные верховодят, слабые вообще презираемы и на побегушках, а основная масса всю работу делает.

Смертность, конечно, имелась. Я точно не знаю, но их же там тысяч триста было, не меньше. На самом деле было бы гораздо больше, но как «Закон о Содоме и Гоморре» вышел, так многие мгновенно со своими однополыми амбициями завязали. Кто в другой город переехал, чтоб его никто не знал, кто срочно женился, но в общем все языки-то в жопу засунули. И сразу, ты представляешь: р-раз — и нет никакой проблемы! И никто на хер не страдает, а если страдает — так все в жизни страдают, страдание у каждого свое. Ты его удовлетвори любовничком — тогда он начнет страдать, что его мало уважают или мир несовершенен.

Да, так по утрам, к утренней поверке — в каждом поселке плац, построение, трибуна, все чин чинарем — они покойников своих должны были выкладывать позади строя. Потом грузовик объезжал и вывозил. А живые расходились по рабочим местам. Им там потом еще и фабрику какую-то построили.

Потом я нашел работу в Сан-Диего, в Оушен-Бич, оттуда народ удирал ночью за границу только так. Резинку с мотором бегом подтащат, подальше на веслах без шума отойдут, а там как дунут — и хрен найдешь. Вся Латинская Америка к твоим услугам, а из Мексики — хоть в Японию, хоть в Китай как нефиг делать. Так китайцы вообще суда за пределами территориальных вод держат — хоть дуй прямо к ним, и все в порядке. Беженцев наших спасают, ты понял. А в Калифорнии все квалифицированные работники давно ведь сбежали. А вдоль пляжа ночью врубают прожектора, чтоб, значит, не сбегали. Хорошо платили. Вот я и подался.

Потом встречал ребят из Пустыни Грейт Бейсин, но толком никто не знал, чем там кончилось. Одни говорят, что они в Зоне все перемерли. Другие — что амнистия вышла: подпиши бумагу, что отказываешься от однополого образа жизни, а в случае рецидива — расстрел; ну, все

подписали, конечно. А третья говорят, что их всех вывезли куда-то, и с концами. А только больше никто этих педов не видел.

Вот так-то, брат, их царство кончилось.

2. Утренний развод.

Ласковая утренняя прохлада и еще нежаркие лучи встающего солнца. Утоптанный песчаный плац с некрашеной дощатой трибуной, настил скрипит под парой начищенных бутсов.

— Рр-рняйсь! Смирна!

Бесконечная и вольно одетая толпа, идеально выстроенная во много шеренг, дрогнула и окаменела.

— Ну что, пидоры, допрыгались? Довыступались, гомосеки? Кому тут еще очко порвать? Что?! Ответа не слышу!! Никому, значит. Слушай команду! Сегодня отрабатываем посадку голой жопой на ежа. Кто хочет показать? Добровольцы есть? Я спрашиваю — есть добровольцы?! Нет, значит. Хорошо. Вы уже начинаете соображать, что к чему. У вас радость — на сегодня это отменяется.

Старший первого барака!

— Есть, сэр!

— Перевоспитуемые выучили урок на сегодня?

— Так точно, сэр!

— Запее-вай!!

Правофланговая колонна ударила шаг на месте, сиплые глотки грянули:

— Отвались твой грязный хуй! В жопу мне его не суй! Мне Господь любовь послал, чтобы женщин я ебал!

— Дискантов не слышу! Фальцеты где? А почему без подголосков? Это что — пение? Весь барак штрафуется на половину дневного пайка. После окончания работ — репетируете до отбоя!

— Есть, сэр!

— Старший второго барака!

— Есть, сэр!

— А ты чего ждешь?! Букет фиалок в жопу и хуй в рот?

— Виноват, сэр!

Вторая колонна ударила в пыль единым ударом тысячи ног и с высвистом, с уханьем и подвизгом, заорала:

— Мы Гоморру и Содом обоссым и обосрем! Час расплаты наступил, гомосеков Бог убил!

— Сегодня лучше. Я из вас сделаю хор, концерты давать будете. Но убежденности, убежденности не слышу! Орете, будто вас слон ебет, а душа, душа где? Раскаяние где? Ладно, зачет.

Третий барак!

— Есть, сэр! Исполнено, сэр! Меррит! Три шага вперед!

— Перевоспитуемый Меррит, сэр! Разряд второй, пятнадцать лет, сэр!

— Ага, это тебя недавно доставили, поймали, значит, хорька похотливого. Ты, значит, у нас профессор. Из университета. Из Беркли. Можно сказать, не рядовой пидарас. Активист, как там у вас было, ЛГБТ плюс извращенцы всех мастей. Идеолог растления. Мальчиков любил совращать молоденьких. Первокурсников, значит, поябывал. На парады выходил. Листал я твое личное дело...

Так вот, Меррит. Чтоб у тебя не было иллюзий. Хер ты у меня перевоспитаешься. Ты из тех, кто готовил Катастрофу. Ну так и я тебе устрою катастрофу. Отсюда ты у меня живым не выйдешь, мразь.

Я тебя выебу конем. Ты можешь сказать, что у нас в лагере нет коня. Но это беда поправимая. Коня мы одолжим на ближайшем ранчо. А?

Ты можешь сказать, что конь не станет тебе вставлять, ты не кобыла. А мы привезем коня с ветеринаром, а ветеринар приедет с конским возбудителем. И эссенцией кобылячьего секрета — им спрыскивают ослицу перед тем, как жеребец ее покроет. Так получаются лошаки, не знал? А, не интересовался, ты же у нас социолог, ебал не только в жопу, но и в мозг. А еще коню завязывают глаза. А ослица привязана. В смысле — ты. И он заправит свою здоровенную оглоблю тебе в очко, где я ему ослицу возьму. (Охрана гогочет, и в колоннах на плацу местами вспыхивает угодливый и облегченный смех — им пока не грозит ничего неожиданного.)

Это будет, Меррит, твое наказание. Хирургии у нас тут нет, так что молись. У тебя очко-то разработано? Но конская залупа, знаешь... ты хуй-то у коня видел, профессор? Вот через несколько дней увидишь...

Падаль, уже в обморок свалился. Да уж это тебе не нежненьким первокурсникам в попки кончать и розовые хуйки им посасывать. Отнесите его в предварительный изолятор. Охрана головой отвечает, чтоб старый профессорский пидор не повесился!

Ну что, пидорасы! Говноеды и хуесосы! Я поступлю с вами, как римский император со своим народом! Цирковое представление, бесплатное зрелище! Преступник, любимый конем! А хлеб вы уже имеете, жопоебы. В субботу перед обедом все наслаждаемся спектаклем. Для аппетита.

Бригадирам — развести всех по работам! Пятый барак идет в каменоломню! Не выполнит норму — останется без пайка. Восьмой барак отдыхает на навозе. Цените — работа легкая, экологически чистая, и смысл имеет — кирпичи лепить, строить благоустроенные бараки для своих же товарищей.

Воды всем — полную норму, обычную. Пятый — знайте мою доброту!

Оркестр! Гимн! Развод окончен. Кто там опять на плацу валяется? Что, еще двое? Похоронную службу сгною!! — почему они еще здесь?

3. Черная книга преступлений режима.

История первая. Как преступник кастрировал врача. На суде он мотивировал тем, что врач кастрировал его несовершеннолетнего сына. На самом деле врач произвел операцию по коррекции пола по просьбе подростка согласно существующему законодательству. Преступник утверждал, что через два года девушка, его единственный сын, повесилась. Оставшись без детей и без внуков, он впал в неадекватное состояние и совершил свое преступление. Врач скончался. Преступник не высказал раскаяния и, более того, выразил удовлетворение этим. Суд его полностью оправдал.

История вторая. Трансженщина подала в суд на цисгендерного мужчину, своего жениха, который, обнаружив при интимном контакте, что она совершила переход, отказался поддерживать с ней отношения. Его глубинный сексорасизм проявился в стойком исчезновении эрекции при любых попытках сближения. Она испытывала сильные нравственные страдания и спала в депрессию. На предложения пройти курс лечения бывший жених отвечал грубым отказом, заявляя, что он желает контактировать исключительно с цисгендерными женщинами и не считает трансженщин равными им. Жених подтвердил все обвинения и отказался от примирения. Решение суда: пять лет заключения в тюрьме общего режима с прохождением принудительного курса психического оздоровления.

История третья. Воспоминание ветерана-подпольщика о драме времен Изгнания. Подкупив одного из охранников колонны, ночью вывели гея со стоянки и спрятали в доме сочувствующих граждан. Он скрывался у них в бейсменте два месяца, пока не оказалось, что пятнадцатилетний сын хозяев тоже проявил себя геем и стал его бойфрендом. Хозяин избил сына, застрелил гея и донес в полицию на подпольщика, которого отправили в концлагерь.

История четвертая. В 1973 году в Ассоциации Психиатров США прошло голосование по вопросу гомосексуализма. 60% приславших ответы высказались за то, чтобы начать считать его нормой, 40% — за то, чтобы продолжать считать патологией. В период Власти Равенства и Справедливости оставшиеся в живых противники гомосексуализма как нормы подписали торжественный отказ от взглядов — или лишались лицензии, диплома и получали тюремный срок.

Эпизод сороковой
УБИТЬ РЯДОВОГО РАЙАНА

— Рядовой Смит, расскажите, как произошло ваше сближение с рядовым Райаном?

— Ну как. Когда бежали кроссы и марш-броски, он старался бежать рядом со мной. Подбадривал. Предлагал

помочь, что-нибудь понести. Я всегда отказывался, конечно. Я убегал вперед, а он изо всех сил меня догонял, сам задыхался, но все лез поближе.

И в столовой всегда хотел сидеть за одним столом. Хоть поменяться местами с кем-нибудь уговаривал, хоть сядет первый и кричит, что место мне занял. Или подойдет в свободное время и пытается чем-нибудь угощать, ну печенье там, или что...

А потом нажаловался сержанту, что я его избегаю и не хочу с ним дружить, потому что он гей. И он подаст рапорт, что во взводе гомофобия, и сержант может попрощаться со своим местом. Ну, и сержант на меня наорал и приказал Райана не избегать.

— А как вели себя ваши товарищи?

— А что товарищи. Неприятности никому не нужны. Старались ни во что не влезать. Делали вид, что ничего не происходит. Каждый должен уметь за себя постоять. Мол, твоя проблема, ты с ней и разбирайся.

— Так. И как же вы разбирались с вашей проблемой?

— А как с ней разбираться. Ну, говорил ему, что мне это все не нравится. Что я не такой. Говорил, что я его не осуждаю, ну и пусть он меня не осуждает. Мне нравятся девушки. Что в этом плохого. Каждому свое.

— Вот видите, можно же было товарищу, вашему боевому другу, можно сказать, все спокойно объяснить.

— Да в том-то и дело, что нельзя.

— Почему же нельзя? Спокойно, вежливо все объяснить.

— Понимаете, сэр, он был образованный парень. Учился в университете в Мемфисе, ну там не кончил почему-то. И язык у него был подвешен. И прилипчивый — ну не отстанет. И он все ворковал, и вкручивал, и стыдил меня, что я отсталый, что ничего плохого тут нет, что многие великие люди были пидарасы...

— Рядовой Смит!!!

— Простите, сэр! Я хотел сказать — гомосексуалисты... ну эта... однополые... ну, в общем, такие же. И многих затравили, и были самоубийства, а потом все каялись и их

реабилитировали, трагедия, в общем. И у него получалось, что если я его отвергаю, то я фашист и гомофоб. Потому что в мужской любви ничего плохого нет. А наоборот: это благородно и современно. А отказывать ему — это отсталость и неуважение к товарищу.

— Вы с ним согласны? Соглашались?

— Никак нет, сэр! Не согласен. Виноват, сэр.

— Почему же?

— Да мало ли что ему хочется. А если мне это противно? Я ему что, должен что-то? Мало ли что я ему понравился, может, ему и корова понравится, так что теперь? А он знаете на что напирал? На толерантность! Я, он меня все убеждал, должен быть к нему толерантен. Потому что все должны быть толерантны и уважать привычки и вкусы всех. Я говорю: вот и уважай мои вкусы и привычки, меня от тебя тошнит! А он про свои страдания, про мужскую любовь, и вообще как это хорошо, а волки, натуралы то есть, нормальные мужики, он их... нас... называл цисгендеры, они просто ничего не понимают.

— И вы с ним согласились? Или нет?

— Как же я мог с ним согласиться, если он меня просто всеми способами домогался?

— Но у вас были способы отвергнуть его домогательства?

— Так точно, были.

— Доложите.

— Когда он схватил меня за яйца, я дал ему по морде.

— Врезал, значит. Сильно?

— Ну, так... Нормально. Губу разбил. Распухло. Зубы передние расшатались, он говорил. Влезет в рот пальцами, вроде там шатает их, и все пугает. Что теперь подаст в суд, вроде я совершил преступление ненависти. На почве ненависти к сексуальным меньшинствам. Десять лет, говорил, мне теперь обеспечено.

— Но вы же могли вместо этого подать рапорт.

— Так я раньше и подавал! И сержант отдал его лейтенанту. И лейтенант вызвал меня и сказал, что ему неприятности не нужны. Что если этого пидора не ублажить... про-

стите, сэр! рядового Райана, сэр! в общем, короче, если прямо — если я ему не дам, так он всех завалит жалобами на гомофобию и всем попортит службу, не говоря о карьере, можно вообще под суд залететь, а уж из армии вылететь — как два пальца обоссать... простите, сэр! я хотел сказать — очень просто уволить из рядов могут, сэр.

— Ну, и как же развивались события дальше?

— А дальше они развивались так, сэр, что Райан сказал, что все равно он меня выебет...

— Смит!

— Так точно, сэр!

— Докладывайте: что было дальше?

— А дальше, сэр, все ребята насели на меня. Что я порчу жизнь всему взводу. И чтоб Райан отвязался, пусть я ему дам. Я спрашиваю: а ты бы ему дал? Кто из вас ему бы дал выебать в жопу, только чтоб он отцепился? Простите, сэр, я волнуюсь. Так ребята сами-то говорят — ну, каждый по отдельности говорит: я бы его убил на хуй, если б только полез. Но законы такие — нельзя!

Сэр, что ж это за законы, что солдата можно трахать, и еще закон этого пидора защищает? Виноват, сэр. Гея, сэр. А ребята говорят: ну потерпи, скоро воевать отправят, или в Иран, или в Судан, и ты его в первом же бою спокойно пристрелишь. И никто тебе слова худого не скажет. Всегда так делают.

— Что скажете, майор?

— Эти ребята, господин полковник, всегда норовят увильнуть от боевых действий. Знают, что их ждет. Достают справки, болезни находят. Но некоторые командиры устраивают так, чтоб все это было бесполезно, и они попали в зону боев. И там они действительно часто гибнут. Но доказать ничего не возможно.

— Значит, так. Эти настроения у личного состава необходимо... чтоб их не было! Мы солдаты самой передовой армии мира! Ведущей мировой державы! И чтоб этого... закон есть закон... для всех! Ты понял, Смит?!

— Так точно, сэр! Понял, сэр!

— А если понял — так давай, закругляйся! Кончай свой доклад. Развел тут роман. Шекспир, понимаешь. Кратко,

точно, по существу. Как все кончилось? Без этих всех философий и соплей!

— Мы были в душе, сэр. И как-то все ребята вдруг слиняли, а он... Райан, то есть... рядом, и как-то за спину мне передвигается. И приговаривает так: все отлично, не бойся, мы же друзья, все так делают, это только один раз, и все, клянусь, и слова там всякие. А у самого член намылен, я обратил внимание. Ну... и тогда... вот.

— Конкретнее, рядовой Смит.

— Большим пальцев в глаз, коленом в пах, ребром ладони сверху по шее. Сэр.

— Дальше!

— Все. Сэр.

— То есть ты его убил?

— Так точно. Сэр. Ну... так вышло... а что мне было делать.

— Голыми руками, выходит?

— Ну... вроде так... сэр.

— Он упал?

— Рядовой Райан? Так точно. Упал.

— И не подавал признаков жизни?

— Какие ж признаки, там хрустнуло, как учили, и под рукой подалось. Какие ж признаки! Все признаки, что вот!.. Со сломанной шеей. Он сам виноват, сэр.

— Майор, кто у них инструктор по рукопашному бою?

— Мастер-сержант Бергер, сэр.

— Объявите благодарность и представьте на первого сержанта.

— Слушаюсь, сэр.

— Как твое имя, Смит?

— Джон, сэр!

— Ах, Джонни-Джонни... Смит ты наш Смит. Какой у тебя IQ?

— Девяносто девять, сэр.

— М-да. Разумный человек. Рост, сложение. Физическая подготовка хорошая. Что тебе мешало ночью его придушить, повесить в туалете на его же ремне, и было бы самоубийство?

— Боялся, сэр.

— Ладно. Все ясно. Времени больше нет, господа, обед начинается. Подводим итоги:

Рядовой Смит! За глупое поведение и нерешительность, недостойную военнослужащего США, объявляю тебе выговор. За решительные действия по очистке рядов Вооруженных Сил США от деморализующих элементов и хорошую боевую подготовку объявляю благодарность. Как выговор, так и благодарность, в личное дело не заносятся, перед строем не зачитываются и разглашению не подлежат. Райана оформить как умершего во сне от остановки сердца после форсированного марш-броска.

Смит! Вы в душе были вдвоем, когда ты его пришиб? То есть никто не видел, что между вами произошло? Ну так какого еще хрена надо.

Иди служи дальше. Думаю, авторитет у товарищей тебе обеспечен.

Да, и неофициально. Джонни. Сегодня пойдешь в увольнение — можешь напиться. И подцепить девку. Снять стресс. Это полезно. Надеюсь, отношения с женщинами тебе не противны, ее ты бить по шее не будешь?

Господа офицеры! Заседание окончено. Все свободны.

Глава 49

СТЕРВЯТНИКИ

парад гордости

Смотрите! Смотрите все! Как гордо, как радостно маршируют они по Пятой Авеню! И не только: они идут по центральным улицам всех городов, и флаги плещут над их головами. Гремят оркестры, ликуют зрители, и местные политики возглавляют их колонны, маша избирателям руками и улыбаясь: мы вместе! верной дорогой идем мы! и только добро, только любовь движут нами!

Всегда долгие споры предшествуют порядку колонн, и по-разному оканчиваются эти споры. Одни считают, что

во главе должны идти феминистки: это с их массового движения началась всемирная борьбы за истинное равноправие, и сестры чайлд-фри поддерживают их. Другие настаивают на лидерстве аболиционистов: их героическая стойкость легла в основание великого равенства рас и сражений за низвержение системного расизма. Но чаще всего колонну возглавляют наши славные черные братья, особенно если это черные мусульмане: угнетение расы сочетается здесь с угнетением религии, и жертвы расизма и исламофобии в одном лице шагают с гордо поднятыми головами, полной грудью вдыхая воздух свободы. Их колонну возглавляют наследники «Черных Пантер»: как грозно чеканят они строевой шаг, как крепко сжимают их черные руки штурмовые винтовки, каким вдохновением горят глаза из-под черных беретов! Они готовы смести любого врага равенства и прогресса.

Но на каком бы месте, в какой бы колонне не шагали наши замечательные голубые братья и розовые сестры, наши мультигендерные члены ЛГБТК+, геи и лесбиянки, трансгендеры и другие представители прекрасного многообразия человечества — они счастливы тем, что это их радужные флаги реют над колоннами, это их самоотверженное противостояние патриархальной тирании явилось той тонкой струйкой, которая размыла плотину пещерного тоталитаризма, тем несокрушимым тараном — простите, сокрушительным тараном! — который разнес в щепы ворота пещерных запретов!

А вот и коммунисты! Отборная белая молодежь. Революционеры, интеллектуалы, мыслители. Как много еврейских лиц!.. Портреты Маркса, Троцкого, Че Гевары! Молодые вдохновенные лица, умные глаза, у каждого второго — диплом прославленного университета! Они отдают все свои знания, все свои силы делу построения справедливости во всем мире!

Белые голуби взмывают в голубое небо, трепеща крыльями! И белые, голубые, красные, радужные воздушные шарики взлетают в высь, все уменьшаясь, все выше над землей, как наши мечты и надежды! Гремят рукопле-

скания, люди выкрикивают лозунги, обнимаются и смеются. И лепестки с цветущих деревьев слетают на них...

Нравится? Вот так-то, блять. Смотрите, как мы здесь празднуем. Скоро все накроется пиздой, радостные идиоты вымрут, а некоторые перебьют друг друга, и вся эта хуетень кончится навсегда.

Феминистки — это уродины, страдающие от своего уродства и внутренне стыдящиеся его. Чаще всего они лесбиянки — подруга по несчастью вызывает большее доверие, ее меньше стесняешься, почему же не поковырять друг другу нежную лодочку (обычно у уродин противную). Чайлд-фри полагают, что матка — это животный атавизм, надо делать карьеру и получать удовольствия. Эти все — сухое дупло, мертвый сук, выморочная мутация. Сдохнут, не оставив потомства. У них вызывает бешенство мысль, что они существуют лишь потому, что их родители были нормальные мужчина и женщина.

Они паразитируют на нормальном человечестве, нормальной культуре, пока не сдохнут. Пчелы, которые разрушают свой улей, которые жрут мед, не оставляя потомства.

Вот та высокая костлявая сука при всех хватает за пизду свою жирную подругу. О господи, я сейчас сблюю.

Черные братья давно всех достали. Те, кто в XIX веке уехали от нас в Либерию, создавать в Африке свободное процветающее государство черных, мгновенно обратили в рабство местных собратьев по расе и построили нищую деспотию. Ну не молодцы ли. Процентов пять черных выбиваются в люди, становятся профессорами, юристами, врачами — и черные комьюнити их презирают: вы стали как белые! Несчастные. Триста лет назад они были дикарями, их средний IQ 85 даже в Штатах, а в Африке вообще 70, и когда они останутся без белых — мгновенно разрушат и засрут все и начнут резать друг друга в своих трущобах.

Блять, им на белых молиться надо! Им дали язык, письменность, науку, технику, города, профессии — и они еще пиздят! Как жили их африканские братья до прихода белых? Так помни себя!

Ну, пидоры просто всех заебали. Уже в детских садах учат, бляди, что трахаться со своим полом — это продвину-

то, а менять пол — это стильно и круто. Детей кастрируют! Настанет день — всем этим стервятникам-пропагандистам вырвут яйца перед тем, как повесить. Они существуют только потому, что мы — МЫ!!! — белые, христиане, нормальные, семейные, работящие, мы пили и курили, переедали и урабатывались вусмерть — мы создали эту цивилизацию! Где они — уроды и извращенцы — жнут где не сеяли. Они уничтожают неродившихся детей, они обрекают на одиночество и горе женщин и мужчин, они суют свой гнилой хуй в говно в жопе партнера — и еще смеют показываться на люди! Выморочные уроды, они же все сдохнут.

Невольно возникает вопрос: если всю эту толпу полить из огнемета — общество поздоровеет? Сколько мальчиков и девочек останутся нерастленными? Сколько возникнет новых семей, в которых родятся дети и проживут счастливую людскую жизнь?

Это же глисты. Нарывные черви. Клопы, питающиеся нашей кровью. Выселить их всех на хуй!! И пусть живут отдельно. Своими общинами. Там и вымрут. Они же не могут сами! Они бесплодны, они беспомощны. Им нужна наша кровь, наша жизнь, наша энергия, наша культура. Чтоб жрать ее и срать в нее.

Мерзкие стервятники, питающиеся нашей жизнью. И желающие ее уничтожить, переделать под себя. Хер вам в глотку, чтоб голова не болталась. Скоро вы все вымрете.

А если нет — мы вам поможем. Гангрена вонючая.

О! Стойте! Стойте! Меня тут одна... одна!.. в общем, человек спрашивает: почему вы так о них думаете?! Почему вы такой расист, шовинист, фашист и гомофоб?!

Отвечаю:

Каждый должен знать свое место. Мы, нормальные люди, без всех вас отлично проживем! Нам не нужны ваши кривляния, разврат и агрессивные заявления о величии черной расы. Мы мечтаем — мечтаем! — жить без вас. Учиться и работать, жениться и растить детей — без вашей вони, агрессии, требования репараций неизвестно за что, квот на лучшую работу и учебу для уродов, потому что уродам трудно, и нужно забрать у нормальных людей и отдать уродам.

Нам вас — не надо. Нам без вас — будет лучше и легче.

Но вы без нас — ничего не можете! Вы без нас — вообще не существуете. Вы без нас даже не родитесь. Вы без нас не только не создадите великую цивилизацию — вы развалите даже ту, которую вам предоставили в готовом виде. Так подите вы к дьяволу! Мы даем вам дышать, даем жить и работать, позволяем вам делать то, что вы хотите — но не смейте — не смейте, уроды! — лезть нам на глаза, поднимать голос и совращать детей! Пошли вон — по своим углам!

Вы хотите уравняться с нами, извращенцы, и создать на нашем месте свою идиотскую псевдоцивилизацию — хотите прикончить нас. Не понимая, что тогда сдохнете сами. Ну так дохните без нас.

Не жалейте стервятников, ребята, не жалейте тех, кто нас уничтожает: нет места паразитам.

Уже зреют гроздья гнева! Уже обустраиваются территории для интернирования уродов — пусть живут среди себе подобных, не приближаясь к нам. Уже доведенные до отчаяния родители готовы линчевать негодяев, которые отобрали у них детей и превратили детей в кастратов. Уже швыряют на улицах дерьмом и гнильем в извращенцев. Ждите бури.

Глава 50

ОБРЫВОК ДНЕВНИКА

«За месяц до переселения из Нью-Йорка на Северо-Восток, в Белый Округ, мы шли с ним по берегу океана, было прохладно, с дощатого настила перешли на песок и шли по желтой вылизанной глади у кромки прозрачных волн. Он был уже седой, лысый, с длинной белой бородой, высокий и тощий: не то старый саксофонист, не то профессор на пенсии, но в любом случае чудак.

— Это было в президентство Трампа, — говорил он. — Зима то ли восемнадцатого, то ли девятнадцатого года.

А мэром у нас был социалист, в общем даже коммуно-фашист, де Билл Глезиос... или Клаузио. И вот тогда в Нью-Йорке приняли два закона, которые и переломили спину верблюда, слона и осла.

Во-первых, они приняли закон, что при переписи населения нельзя спрашивать гражданство. Это означало, что граница между гражданством и не-гражданством стерта и уничтожена. Любой, кто оказался на территории США любым незаконным образом, хоть криминальным, преступным, каким угодно, учитывается в населении штата Нью-Йорк так же, как гражданин. Получает водительское удостоверение и живет.

Из этого следует, что он мог голосовать на выборах. Разумеется, все они голосовали за тех, кто обещал им безнаказанность, свободу, деньги и все права плюс бесплатные льготы. За демократов они голосовали. Что и требовалось.

Ну, а дальше все как всегда: налоговая нагрузка на работающих увеличивалась, чтобы содержать нелегалов и бездельников. И бизнес попер из Нью-Йорка, и работяги стали съезжать. Меньше работающих — больше налогов на них, чтоб содержать прочих. Цепная реакция: наконец Большое Яблоко стало состоять из одних червей.

А второй закон, тогда же — о запрете конверсионной терапии гомосексуалистов. То есть: в школах в обязательном порядке учили детей тому, что не надо бояться своей однополой ориентации, это нормально, прислушайтесь к своему внутреннему голосу, ищите свою истинную идентичность. Геи и лесбиянки всех мастей были фигуры гордости и моды. Гомосексуализм — это подавалось модно, престижно, стильно, современно. И если гетеросексуал, подросток, а хоть и взрослый человек, задумывался о смене ориентации — ему помогали морально и интеллектуально, его поддерживали и ему объясняли. Но если ориентированный гомосексуально задумывался о смене ориентации на гетеро — помогать ему было запрещено законом. Ворота в одну сторону: в геи — добро пожаловать, в натуралы — запрещено законом.

Ветерок с Атлантики отдувал его белую бороду гнома — длинную и тонкую, трепля волоски на конце. Он повернулся к ветру спиной, достал из кармана рыжего пиджака жестяную коробочку, вынул и вставил в рот сигарету и прикрыл ладонями огонек зажигалки.

— «Мальборо», — сказал он. — Да здравствует коммунистическая Куба. Спасибо за то, что они нас травят. И контрабандистам их спасибо.

— Вас посадят, — сказал я, оглядываясь.

— Всех не перевешаешь, — сказал он и выпустил дым. — Кто меня посадит? У кого я, по-твоему, покупаю сигареты? У полицейского. Он ими приторговывает. На зарплату не проживешь.

Я был юн тогда, и я был чертовски умен и образован. Я все знал и все понимал. Когда я стал старше, я уже никогда не был таким умным и образованным. А тогда я два месяца отходил на лекции и семинары в Колумбийский университет, социологией я интересовался, еще социальной психологией и историей; и через два месяца понял, что здесь уроды преподают идиотам. Все их «гуманитарные и общественные науки» сводились к тому, что все равны, любое неравенство — плод социальной несправедливости, поэтому все сводится к тому, чтобы ее искоренить и установить справедливость. То есть отнять у сильных, умных и работящих и разделить между глупыми, ленивыми и слабыми. Потому что те не виноваты, что такими родились или стали. Поэтому их везде надо продвигать вперед. Чтобы на всех высоких должностях их было побольше.

Я был наглым и веселым тогда, девятнадцать лет мне было. И я спросил у профессора, который вел наш семинар по социальной справедливости:

«Должны ли мы включать женщин, представителей меньшинств и людей с ограниченными возможностями в команду «Нью-Йорк Никс», а также чтобы там были пропорционально представлены белые и люди всех ростов?»

Там был потом большой гвалт: и насчет уродин на конкурсах красоты, и дебилов на Нобелевскую премию, и людей без слуха играть на скрипке... ну, в общем, при желании вы все это узнаете в другом месте. Короче, я гордился собой, и допрашивал старого Грэма Лоуэлла с чувством превосходства. Фиг ли эти два мелких закончика могли изменить, спросил я?

А он сказал:

— Сынок, — сказал он. — Дело не в закончиках. Вот когда у человека появляется легкая сыпь — это фигня, аллергия, съел чего не того, или ткань синтетическая натерла, или перенервничал — и пожалуйста: нервная экзема. Но когда тебя перед этим несколько дней трясло и лихорадило, и температура, — опытный врач увидит: это Variola vera, милый мой, черная оспа.

Так и законы, запрещающие коррекцию гомосексуализма — она бессмысленна, если это врожденное, обусловленное генетически, но это один процент. А если это результат воспитания, совращения в подростковом и юношеском возрасте, если внушили и соблазнили — тогда такая терапия очень даже эффективна. А старые гомосексуалисты обожают совращать юных мальчиков.

Я ответил ему очевидное, не понимая, что он все знает лучше меня:

— Отчетливый курс на рост числа гомосексуалистов и нелегалов — это направленность на рост меньшинств, которые поддерживают социалистов и чувствуют себя притесненными в нашей цивилизации. А цель социалистов была — и они это не скрывали — разрушить наше государство и на его обломках создать новое общество: справедливое, свободное и счастливое.

Сегодня мы уже можем судить о результатах!.. С людьми, неполноценными умственно, физически, репродуктивно...

Гомосексуализм РЕПРОДУКТИВНО НЕПОЛНОЦЕНЕН! Если бесплодие гетеросексуала носит физиологические, иногда даже анатомические причины — то бесплодие гомосексуалиста носит причины психоневрологические. Бесплодие гетеросексуала лечат. Бесплодие гомосексуалиста лечить запрещено.

Можно ли бесплодие вследствие психоневрологической организации человека считать нормой? Является ли бесплодие нормой?

А когда человек хочет иметь ребенка — но не хочет совершать акт с лицом противоположного пола, а только своего? Психоневрологический разрыв между желанной репродуктивной функцией — и нежеланным механизмом ее реализации — это норма?

С социальной и демографической точек зрения гомосексуализм — это генетический паразитизм. Их производят на свет нормальные люди — но они не производят никого. Это выморочные особи.

На лице профессора появилось выражение, с каким ребенок давит подошвой червяка.

— Не сажать же голубых на кол, — сказал я.

— Одного посадишь — тысячу спасешь, — сказал он, выкинул окурок и втер в песок каблуком. — Шучу, шучу. Я лишь о том, что когда извращение правит бал, когда извращение подвергает надругательству норму, когда невинность в лапах у порока, а сила покорна слабости... Слушай, ты можешь почитать мне Шекспира?

— Прямо сейчас? — растерялся я.

А синяя океанская даль становилась серой, волны выше набегали на берег, ветер уже стриг с них белые барашки, ощутилась прохлада.

— А другого времени не будет, — сказал он.

Это прозвучало очень романтично, такая геройская сага, такая элегия: старец и юноша на океанском берегу, в канун катастрофы. Но катастрофа никогда не выглядит так, как в кино. Мир рушится слишком медленно, а ты в нем живешь слишком суетно и вечно чем-то озабочен: поесть, согреться, выпить, укрыться от ветра, трахнуться вечером, купить новую куртку в этом месяце, и прочие бесчисленные подробности.

В любой мировой катастрофе человек как-то обустраивается в своем личном коконе, который всегда есть и без которого невозможно: и в этом коконе его человеческие заботы первичны и значимы. Мы хотим радоваться. Мы надеемся, что пронесет. В жизни всегда есть место счастью!

И вдруг твой личный кокон оказывается в другом мире, где ты подчинишься всему — или тебе хана...»

Глава 51

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

театральная рецензия
на спектакль Роберта Уилсона
по пьесе Вильяма Шекспира
в Большом Экологическом Театре им. Греты Тунберг

Тема защиты прав животных приобрела особенную остроту и актуальность в наше время. Человечество осознало опасность перенаселения планеты, и нерегулируемому размножению животных, ведущему к эпидемиям, несчастным случаям и гибели многих существ, объявлена борьба. Следует с сожалением признать, что еще не всем понятна необходимость регулирования рождаемости, и более того — благотворность этой меры.

Руководствуемые гуманизмом и заботой защитники животных относятся к нашим меньшим братьям как к людям, переживая их страдания как собственные и болея за их судьбы и благополучие. Отрадно и закономерно, что наш старейший и прославленный режиссер нашел прекрасный ход: дать понять трагедию животных через судьбы людей, чтобы до всех доходчивей дошла вся важность проблемы.

Легендарная трагедия двух юных влюбленных всем известна. Финал ее ужасен: безвинно пресеклись обе юные жизни. При этом погиб близкий родственник одной. Родители с обеих сторон испытали безутешное горе и сильные моральные страдания.

В современном прочтении пьесы ключевой герой — католический монах брат Лоренцо — разделяет взгляды сторонников абортов. Более того: он ушел в мир, чтобы исцелять не только души, но и тела своих подопечных — ибо одно с другим тесно связано. Окончив университет и получив врачебную лицензию, Лоренцо — психолог в области сексологии и пластический хирург, авторитетный специалист по лечению гендерной дисфории.

Понимая всю сложность проблемы и неизбежность грядущей трагедии, доктор Лоренцо предлагает наилучшее решение: коррекцию пола. Однако, поскольку события проис-

ходят все-таки в Средневековье, медицинские возможности ограничены: в полном объеме желаемое исполнить невозможно. Поэтому он как врач и гуманист убеждает влюбленных в благотворности кастрации. Стерилизация — это чистота, решение многих социальных вопросов, и в то же время она угодна Богу.

Ромео и Джульетта повышают уровень своей сексуальной грамотности и социальной зрелости. Ведь они сохранят все чувства друг к другу! И проживут долгую счастливую жизнь, избегнув конфликта с обществом — будучи избавлены от безумия и бешенства, которые обусловлены и вызываются исключительно экстремальным всплеском гормонального уровня. Юношеская гиперсексуальность, деформирующая личность — это физиологическая, медицинская проблема, а не духовная.

Джульетта советуется с кормилицей, и та восклицает, что если бы медицина была так развита в ее время — то без детей она бы провела жизнь в достатке и счастье, избавленная от непосильного труда. А с мужем? Но ведь это не может помешать им любить друг друга, предаваться взаимным ласкам, вести общее хозяйство и иметь общие взгляды на жизнь.

Осторожный разговор заводит наша влюбленная и с матерью. Мать скорбно вспоминает о двух братьях и сестре Джульетты, умерших в младенчестве. Многочисленные роды и горе потерь так истощают женщину и приближают старость... Пройдя стерилизацию, Джульетта на десятилетия останется свежей и молодой, а ее угловатая фигура приобретет приятную полноту и округлость.

Ромео советуется с друзьями. Друзья оценивают выгоды кастрации. Ромео уже достаточно наебся и выебал многих девиц и замужних дам, так что сладость плотских утех познал в избытке. Пора взрослеть, подумать о карьере и достатке, добиться положения в обществе.

Он будет избавлен от внебрачных детей! И от многих опасностей, когда родственники случайной девицы гоняются за тобой, желая убить или женить, и еще неизвестно, что хуже. Не будет дуэлей из-за женщин — тебе не проткнут брюхо из-за такой ерунды! Кстати: свое наследство ему не придется делить между детьми. Уменьшится воинственность — и меньше шансов, что он отправится на какую-нибудь войну и там сложит голову. А из-за этой Джульетты ее склочные Капулетти могут перебить весь его род. Ему дороги отец, мать, братья, фамильный замок, который они сожгут? А они могущественны, им благоволит герцог.

Ромео и Джульетта проникаются пользой и необходимостью стерилизации и идут на процедуру. Благожелательный компетентный врач, умелый хирург и его острые инструменты делают операцию совершенно не страшной и безболезненной, а применяемое в качестве наркоза хорошее итальянское вино обеспечивает приподнятое настроение.

Влюбленные признаются друг другу, что стали гораздо спокойнее и счастливее. Они позитивно воспринимают действительность. Безумства оставили их. Они начинают думать о помощи бедным, о строительстве приюта для бездомных детей.

Ромео становится уважаемым гражданином, сограждане подумывают выбрать его бургомистром. Он реализует себя в общественной деятельности на благо родного города. Джульетта создает и возглавляет отделение движения чайлд-фри, ряды его сторонниц множатся.

Видя столь гармоничные и благотворные отношения, роды Монтекки и Капулетти примиряются, в стране воцаряются мир и спокойствие.

В финале Ромео и Джульетта, нежно держась за руки, приносят цветы на могилу Тибальда и каются в своих страстях, погубивших несчастного юношу во цвете лет. Ах, если бы они прошли стерилизацию раньше!..

Глава 52

БОГ И РЕЛИГИЯ КАК РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ЛЕГИТИМАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ИНСТИНКТА

Если искать происхождение и причины морали на базовом, основополагающем уровне социальной жизни, бытия социума, вообще существования материи в высшей —

социальной — форме, то мы неизбежно и непреложно приходим к выводу, что:

Мораль — это инстинкт группового выживания, проявляющийся в сфере межчеловеческих отношений и ценностей.

Поскольку выжить можно только группой, поскольку человек является человеком только как член группы, коллектива, социума — то инстинкт жизни выкидывает характерный фокус. Фокус этот лежит в основе едва ли не всех человеческих проблем. А именно:

Инстинкт индивидуального выживания и стремления к индивидуальному благу — личная безопасность, питание, гарантирующий размножение секс — ограничивается и часто входит в противоречие с инстинктом группового выживания: поделись пищей с другими, рискни своей жизнью ради спасения других, и так вплоть до Золотого Правила всех религий: поступай по отношению к другому так, как хочешь, чтобы он поступал по отношению к себе.

Но для рядового человека все эти выкладки сложноваты. Он может поступить правильно с точки зрения рода — как может поступить и павиан: броситься в поток ради спасения чужого ребенка или отдать свою жизнь в борьбе с леопардом ради спасения остальной стаи с самками и детенышами.

Но! Павиан не рассуждает! Он просто действует так, как определила природа в процессе эволюции — и только так могут выжить павианы как вид: при нужде жертвуя несколькими ради остальных.

Человек же, отрастив свой огромный мозг, обретя рефлектирующее мышление, стал задаваться вопросом: «А какого черта именно я должен терпеть лишения ради того, чтоб остальным было хорошо? Не лучше ли взять себе все хорошее и удобное, а все тяготы переложить на других?»

То есть. Автономность человека гораздо выше, чем у любого животного. Адаптационный ресурс тоже гораздо выше. И по мере развития цивилизации, когда жизнь становилась все обеспеченнее и безопаснее, когда на смену племени пришло огромное государство, — чувство группы

у человека сильно ослабло. Свои — это семья, родственники, сослуживцы. А миллионы чужих и незнакомых сограждан — какие ж свои, если ты даже не знаешь о существовании каждого.

Архаичные групповые чувства сохранились только у некоторых африканских племен и кавказских тейпов. Член тейпа — это свой. За него всегда надо вступиться, ему всегда надо помочь. Прочие — чужие, и к ним отношение другое. Ты им ничем не обязан и ничего им не должен.

И вот рефлексирующий разум развитого человека пытается понять: а на черта относиться к другому так же хорошо, как к себе самому? Зачем быть честным и справедливым, если можно урвать себе лучшую долю за счет других? Да, узнают — накажут. А если не узнают и не накажут — на кой черт быть честным и справедливым?

Но главное: вот что-то во мне подталкивает быть честным и справедливым, помогать другим и делиться с ними. Почему я это делаю, на кой мне это нужно? Завтра он поможет мне? А если я устроюсь так, чтобы все не знали, что я исподтишка беру себе все лучшее? И пусть мне помогают? Почему нет?

И вот: взрослые учат детей быть честными и добрыми, а дети поумнее и пошустрее спрашивают: а зачем?

И вот тогда Бог, который раньше был многими богами и духами всех вещей и процессов, простирает свою длань и на область межчеловеческих отношений. И Законы Божьи появляются на Скрижалях. А также на черепках, папирусах, кожах и дощечках. А допреж того — в сказаниях стариков.

Инстинкт группового выживания, не требующий объяснений у павианов, волков и стайных рыб — получает проговоренную форму Категорического Императива. Он выше Разумения — ибо его вложил в наши души Бог.

Единство и борьба индивидуального и группового инстинктов выживания, нелегкие для понимания, заменяются кратким и не подлежащим обсуждению приказом: так сделал Бог.

А поскольку масса, 99% народа, по определению конформны и неспособны к самостоятельному мышлению —

то Бог абсолютно необходим как элемент социального устройства. Не рассуждать! Думать можно только об одном — как лучше выполнить приказ. Все!

Бог есть необходимый и важнейший социальный конструкт.

Точнее и конкретнее:

Бог есть важнейший и осевой конструкт социальной психологии.

А теперь — строем! на молитву! в храм — шаго-ом — арш!! А вас, мистер, я попрошу остаться.

Глава 53

ОСУЖДЕНИЕ ПРОРОКА

скорбный лист

— Дьявол помутил вам рассудок и наложил проклятие на весь род ваш и страну вашу! Где величие земли вашей? Мерзкое почитаете вы за похвальное, и добродетельное — за порочное! Верность Господу и заветам Его хулите и осуждаете на изгнание и темницу, скверну же и поношение добра и правды восхваляете и осыпаете золотом. Торжество Лжи и Зла утверждаете вы и отречение Добра и Истины, и не будет вам прощения в мире Дольнем и Горнем, и постигнет вас кара Господня, и грозен будет меч в деснице Его.

Лживых поставили вы впереди честных, и грешных впереди праведных. Уста судей ваших изрыгают блевоту, и суд их неправеден и множит зло. Вор и блудница торжествуют в вашем храме, и грехи их отвращают взор Господа от вашего народа, забывшего Веру и предавшегося Дьяволу.

Настал конец времен: мужеложцы глумятся над мужами благородными, и развратницы поучают разврату невинных дев. И если встанет кто на пути Порока, и возвысит голос свой в защиту Чести и Правды — того подвергаете вы позору и лишаете хлеба его и пашни его.

Трутни бесполезные и паразиты ненасытные присосались к вашему скоту и вашим амбарам, и нет им от вас наказания, но поете им хвалу. Труженики, в поте лица своего добывающие хлеб свой насущный, кормят их и одевают, ибо исполняете вы Закон Дьявола, помрачивший вас: да подчинится кормилец едящему, да убоится наживающий добро вору властвующему, да преклонится хозяин дома перед приблудным разбойником; да властвует слабый над сильным, да поучает глупец мудрого, да воссядет на высокое место темный раб и помыкает свободным человеком.

Воздаете вы честь недостойным и грешным, и отдаете себя в руки злых и коварных. И нет среди вас храбрых, кто поднял бы меч и поразил Дьявола и присных его, кто положил бы жизнь за спасение народа своего, детей малых его и женщин беззащитных.

Слуги Золотого Тельца, дающие деньги в рост и тучные от пота бедняков, правят вами, ибо сами вы отдали им власть, и нет власти над ними, нет Закона над ними, и отринули вы Господа, забыли свободу свою, забыли жертвы отцов своих, забыли силу свою и мудрость свою и праведность свою, и стали рабами пресмыкающимися, сами надев на себя оковы и не смея снять их, убоявшись Зла.

Воры и развратники, внушенные Дьяволом, отринули Закон и написали новый, и нет храбрости в сердцах мужчин, чтобы распять служителей Дьявола вдоль дороги к Храму.

Безмолвно вы внемлете богохульным речам их и покорно подчиняетесь мерзким приказам их, и уподобились скотам бессловесным и тварям нечистым на дороге своей к позорной смерти и бесславному забвению.

Женщины ваши призывают не рожать детей и убивать неродившихся младенцев в чреве матерей их, и никто не побивает их камнями, не изгоняет из домов и из городов, но собираются они в толпы, выходят на площади и громко требуют, чтоб было так, и все слушают их, и многие правители говорят: они правы, да будет так.

Мужчины ваши живут с мужчинами, как муж и жена, и Закон Дьявола толкает их делать так и не позволяет покарать их. И развращают они детей ваших, говоря: смо-

трите, как делаем мы, и делайте тоже так, ибо это хорошо. И никто не карает их, судья защищает их, стража охраняет их, и не позволено праведным возражать им.

Женщины ваши живут с женщинами, как жена с мужем, и так же хвалимы и поощряемы в мерзости своей, и отвращают взор непотребством своим, и нет в них стыдливости и чистоты.

Дети же ваши не приучены вами к труду и испытаниям, нет в них уважения к старшим и почитания предков и их обычаев, и не ведают они цены ни хлеба своего, ни одежд своих, ни коней своих, но лишь требуют всего и не знают меры и благодарности. Не тростник они, колеблемый ветром, не молодая поросль, буйная и здоровая, но пустой чертополох и скворцы крикливые, воображающие себя мужами силы и мудрости, потому что никто не налагает на них наказания по словам и делам их, не указывает место позади старших им, не учит, что только по заслугам чтят человека, и только выказавший в жизни мудрость может поучать. И нет у юного, кого кормит отец его, права голоса на собрании, но только долг исполнять волю отца своего.

Но хуже всех наглые чужаки, которых пустили вы в землю свою, накормили хлебом своим и поселили в дома свои. А хуже их — те, кто сказал: пусть чужие идут к нам, пусть их идет много, и пусть они живут по своим обычаям среди нас, и пусть не смеем мы говорить против них и делать против них, а они против нас пусть могут. Такие люди — как личинки овода под кожей вашей, как черви мясные в теле вашем, яд и погибель несут они. И никто не выжег их каленым железом, не уничтожил ехидну, не отсек голову змее, не вытоптал гнездо гадов.

Чужие подвергают поруганию дев ваших, убивают юношей ваших, глумятся над стариками и порочат память предков ваших. И требуют себе равной доли, и требуют большей доли от всего добра вашего и власти вашей, и нагло отбирают себе славу предков ваших. И стоят они крепко друг за друга, и если ударишь одного, сразу собирается множество и требует наказания ударившему и разорения

дома его, а вы молчите и терпите, когда бьют они вас и говорят против вас, и присваивают себе дом ваш.

И запретили вы говорить, что есть сильные и слабые, умные и глупые, прилежные и нерадивые, честные и лживые, добрые и злые, добродетельные и порочные, бережливые и гулящие, но всех объявили одинаковыми и всем сказали давать всего поровну. И надругались тем над Господом, который создал нас всех разными, но каждого наделил способностью различать Добро и Зло и стремиться к праведности: на то есть свобода души человеческой, дарованной Им.

И в равенстве неравных стали править Ложь и Зло, и паразиты стали поедать страну, и торжествуют те, кто не сеют и не жнут, но отнимают хлеб труженика, развращают детей его, порочат родителей его и истощают ниву его.

Когда мужчины утратили храбрость и силу, женщины утратили чистоту и верность, когда пришлый глумится над хозяином, а паразит стоит над кормильцем; когда покинули свою Веру, но требуют уважать веру чужаков, когда отринули Добродетель и возвели в закон Порок и учат ему, когда Ложь объявили во всем равной Правде, когда злоумышленники обманывают народ на собрании, и Закон защищает злоумышленников против праведных, когда освобожденный и облагодетельствованный раб ставит хозяина на колени и заставляет лобзать обувь его;

когда не рожают детей, и обирают тружеников, и поощряют нахлебников, и восхваляют порочных, и верят лживым, и наполняют землю свою чужими, и запрещают убивать убийц и казнить разбойников, и преследуют правду, и видят сами, как гибнет страна их и народ их, и не встают за страну свою, народ свой, очаги свои, могилы предков и святыни веры —

спрашиваю я вас:

может ли жить такая страна и такой народ?

И вы знаете ответ, вы видели огненные слова на стене дворца в разгар роскошного пира, вы слышите голос с Небес:

НЕТ!

ИСЧИСЛЕНО, ВЗВЕШЕНО, РАЗДЕЛЕНО.

Горе тебе, Вавилон, город богатый и славный, возвышенный над всеми прочими городами.

Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит.

Содом и Гоморра не могут процветать вечно и безнаказанно в мире, созданном Господом по проекту Его и живущем по законам Его. Ибо закосневшие в мерзости жители их отринули в сердце своем и в уме своем законы Господни и надругались над замыслом Его, и осквернили мир Его.

Не дано смертным предугадать, каков будет огненный дождь Господен, когда настанет час. Не уготовано грешным знать, когда разверзнутся хляби небесные и поглотят все воды земные.

Но истинно говорю вам: готовьтесь, братья, ибо час близок! Укрепите дух ваш, да не оставит вас мужество ваше. Берите мечи, и да будут тверды руки ваши! Вы — соль земли своей, опора народа своего, надежда жен и детей своих, защита слабых в молитве их.

Истинно говорю вам: отриньте сомнения и ступайте в бой твердо! Всему свое место под солнцем и всему время под луной: время миру и время войне, время терпению и время гневу, время думать и время действовать, время доброте и время жестокости, время прощать и время убивать, время дарить и время отбирать, время приглашать и время гнать, время жить и время умирать.

Смерть никого не минует и примет Господь в свой час каждого, но счастливый удел — смерть за правое дело, за свою семью и свой народ, свою землю и свободу.

Из архива Психиатрической больницы им. Стюарта и Линды Резник, Лос-Анджелес, Калифорния. Приложение к истории болезни № 56118/С. При разгроме Медицинского центра им. Рональда Рейгана протестующими Нации Ислама Психиатрическая больница, располагавшаяся на его 4-м этаже, подверглась сильным повреждениям, компьютерная база данных была частично уничтожена. Личные данные и анамнез пациента, проходившего здесь лечение с диагнозом «палилалия» и «синдром Кассандры», утрачены.

Глава 54

НАГЛОСТЬ МИРОВОГО СЕКСИЗМА

— Уважаемые дамы, господа, трансгендеры, трансвеститы, лица третьего пола и все те, кто еще находится в стадии осознания и самоопределения своей гендерной сущности!

Наше сегодняшнее заседание посвящено литературе. Даже выразимся точнее: шедеврам мировой лирики. Я рискну определиться еще конкретнее: мы должны обсудить сегодня тему любви, изображение любви в самых известных, классических произведениях мировой литературы.

Что понимали под словом «любовь» гении мировой литературы. Как они ее описали? Кого они воспевали? Какие черты им были наиболее дороги в любимом человеке?

Начнем от Адама, так сказать, в прямом смысле. Пока он не отведал плод с дерева мудрости, полученный из рук женщины — он был к ней равнодушен. Она всего лишь развеивала его скуку. Вы понимаете: Всевышний создал женщину, чтобы мужчине не было одиноко. Желание женщины при этом никого не интересовало. Таково начало!

А познав мудрость из рук Евы — мужчина увидел ее наготу. Заметьте: не ум, не характер, не человеческую личность — он увидел в первой женщине только голую бабу! И мгновенно возжелал обладать ею! Что и совершил.

Есть ли в Священном писании хоть какие-то намеки, что Адам спросил Еву, согласна ли она на секс? Можем ли мы утверждать, что с ее стороны секс был добровольным?

Нет! Напротив: мы можем утверждать обратное — ибо Господь определил происшедшее как грехопадение, грех — первородный грех!

Запомним же хорошенько: отношения мужчины и женщины изначально носили характер харрасмента и изнасилования! Сначала игрушка для мужского развлечения — потом жертва сексуального домогательства!

(Звуки передвигаемых стульев, аханье, выкрики: «Позор!», «Долой церковников!», «Это не наш Господь!», неразличимый гул, коротко стриженая дама с пирсингом встает

и поднимает над головой раскрытую Библию, пытаясь разорвать ее пополам. Косые солнечные лучи падают в высокие окна бывшей церкви.)

И что же всемогущий и всеблагой Господь? Как возместил он несчастной женщине ее унижение, боль и позор, это надругательство над невинным существом, доселе не знавшим даже, что такое грех? Как утешил ее, как восстановил справедливость? Вы знаете: Он изгнал ее из Рая!

(Выкрики: «Подлец!», «Куда все смотрели!», «Несчастная девочка!..»)

И словно мало этого — Он обрек на деторождение в муках. Она была обязана рожать, и ей воспрещались любые обезболивающие.

(«Да что же это, в самом деле!!», «Позор сексорасисту!..»)

Так несчастная при этом еще должна была добывать с потом свой хлеб. С потом, вы слышите! Как будто труд — это наказание для женщины, а не ее неотъемлемое право.

Но чтобы она не думала, что унижения кончились — Адама отправили вместе с ней! И было объявлено, что беспрекословно уступать сексуальным домогательствам мужа — долг жены. И это уже навсегда.

Итак — первая женщина была запрограммирована как машина для деторождения, для претерпевания мук, машина для труда и машина для удовлетворения похоти мужчины.

Теперь вам всем понятно, я надеюсь, как изображена женщина во всей мировой литературе.

Во-первых, изображал ее мужчина. Только мужчинам было позволено заниматься литературой.

А во-вторых — сейчас мы посмотрим, какой же они нас изображали.

Вот великий Петрарка с его сонетами. Король поэтов, заря Ренессанса, славен во всем мире. Что же писал он о своей мадонне Лауре, какие черты отмечал, что было влюбленному наиболее дорого в возлюбленной, которую он воспел в своих бессмертных сонетах?

Сексуально привлекательную внешность. И ни слова об уме, о воле, характере! Мы уже не говорим о социальной роли женщины, об ее общественной активности, созидательной деятельности. Глаза — ясные, цвет лица — прекрасный, волосы — с золотым отливом.

А вот сам Шекспир. Вот самые прославленные влюбленные всех времен — «Ромео и Джульетта». Разумеется, имя мужчины стоит первым; кто бы сомневался. Какими же словами описывает Уильям Шекспир свою героиню, на что обращает внимание? Ее красота сияет, она подобна голубке среди ворон, еще упоминаются ее губки. Вот и все. А ее внутренний мир? Увидела, влюбилась, захотела немедленно выйти замуж, что и сделала. И хотя от этого замужества одно горе — она, при виде умирающего мужа, тут же кончает с собой. То есть самостоятельной личностью она не является; никакой роли в обществе, в социальной сфере, играть не хочет.

Но Шекспир, как большой художник, помимо своего желания правильно показывал, как губительна участь женщины, ограниченной своей сексуальностью. Вот Дездемона: опять же, разумеется, красавица, то есть рассматривается как объект повышенной сексуальной привлекательности. Жизнь ее сводится к бессмысленному сидению дома в военном гарнизоне и ожидании мужа со службы. Но мы знаем, что мужчин всегда раздражает женское постоянство и кротость, если женщина не подает мужчине никакого повода сорвать на ней свою злость, выплеснуть накопившуюся агрессию.

(Из третьего ряда, сдавленно: «Об этом я могла бы рассказать...» Сзади блондинка с силиконовыми губами словно отшлепывает слова: «Каждого мужчину надо ежегодно на месяц сажать. В тюрьму. Профилактически. Авансом. Всегда есть за что».)

Этот чисто сексуальный союз кончился бытовым убийством: муж, причем крупный военачальник, молодую жену... задушил!

(В зале ахают.)

Вам следует учесть одну простую истину. От начала своего вся литература была мужской. И вся она была сексистской!

Я знаю: некоторые из вас готовы сказать Сафо, Эмили Дикинсон и Маргарет Митчелл. Это были исключения,

подтверждающие общее правило. Всего нескольким женщинам удалось проломить бетон мужской солидарности и сказать свое слово. И по контрасту с их творчеством еще яснее пренебрежительное, высокомерное и эгоистичное отношение к женщине авторов-мужчин.

(Вопрос из зала: «Ну, конечно, вы говорили про Библию. Но вообще когда же это началось, этот сексошовинизм в литературе?..)

Это началось с начала. То есть это исконно присуще мужскому взгляду на женщину. А в литературном, в художественном воплощении это приобретает уже масштаб мировоззрения, философский масштаб, я бы сказала.

Вот древнегреческие мифы, вот великий Гомер — его «Илиада», Троянская война. В чем причина — Елена Прекрасная, будучи замужем, полюбила другого и уехала с ним, став его женой. Что же муж? Воззвал к мужской солидарности едва ли не всей страны и объявил войну стране похитителя! Девять лет сражений, масса трупов, Трою сожгли и вырезали, живых продали в рабство — вот до чего доходили преступления собственников!

Кто-нибудь вспомнил, что у женщины тоже есть право выбора? Сейчас! Не успел Парис погибнуть на войне, как на Елене женился его брат. А после войны ее убили родственники первого мужа, греческого царя Менелая. То есть первую красавицу мира рассматривали как собственность мужчины, буквально переходящий сексуальный приз, и кроме ее лица и тела никого ничего не волновало.

Вас когда-нибудь прельщало рыцарское отношение к Прекрасной Даме? Да пожалуйста:

Вот рыцари Круглого стола Короля Артура. Эталон рыцарства. Пример для подражания в веках. Герои бесчисленных историй и баллад. И первый из них — доблестный Ланселот. А первая красавица, естественно — королева. Джиневра. Они любят друг друга, но должны страдать как жертвы обычаев: развода не существует, а король пуп земли. Чем же выделяется Джиневра? Ничем, кроме красоты. Кто бы ждал иного.

Великий рыцарский роман о Тристане и Изольде. Точно та же конструкция. Один — первый герой, вторая —

первая красавица, между ними любовь, — но... Изольда — жена короля, а рыцарь обязан ему служить, королева же вообще неприкосновенна. Ладно, это нормальный треугольник. Но если вы думаете, что Изольда Белокурая выделяется чем-нибудь, кроме...

Да, я понимаю ваш смех. Вы все поняли. Ничего, кроме сексапильной внешности и сексуальной страсти там не показано. Мужчины рубят драконов, а женщины ждут и наводят на себя красоту, чтобы при встрече самцы получили максимум удовольствия.

Мы можем взять любой век, любую страну! Вот в Англии в XVIII веке, когда на месте Штатов еще находились 13 английских колоний, Дефо, это который написал «Робинзона Крузо», выпустил роман «Молль Флендерс» — о несчастной одинокой девочке, которая пытается сделать карьеру. За что бы они ни бралась — в результате оказывается в постели очередного самца. Всем плевать на ее ум и трудолюбие — видят только смазливое личико и хорошую фигурку. Кончается, кстати, тем, что она эмигрирует в Америку.

Или знаменитый роман Виктора Гюго. Он считается первым поэтом, и ни где-нибудь, а во Франции! «Собор Парижской Богоматери». Героиня, юная цыганочка Эсмеральда, артистка, обладает добрым сердцем и смекалкой, это есть. Но мог ли бы состояться роман, если бы она не была красавицей? Никогда! Необходимо было, чтобы ее полюбили все главные герои — и уродливый одноглазый звонарь, и лысый священник, и тупой красавец-офицер. Пожалуйте: очаровательная мордашка, тонкая талия, стройные ножки, грация в движениях.

Дорогие коллеги и единомышленницы! Если женщина не является сексуально притягательной для мужчин — ее шансы стать героиней литературного произведения равны нолю.

Возьмите такой огромный пласт мировой поэзии, как так называемая «Любовная лирика». Возьмите Байрона, возьмите Шелли, возьмите Кольриджа, возьмите кого угодно. Все это мужчины. Все они охвачены влечением к женщине. Они облекают свои чувства в прекрасные слова,

в необычайно проникновенные фразы. Но к чему в женщине они обращаются? И что они ценят в первую очередь, оно же в последнюю?

Только внешность интересует их. Они страдают — но это опоэтизированное вожделение, это эстетически богато оформленная похоть. Они видят и описывают: пышные волнистые кудри, милое личико, точеный носик, пухлые розовые губки, гладкий мраморный лоб. Еще могут присутствовать пышная грудь, атласные плечи, лебединая шея и стройные ножки. Глаза обязательно большие, блестящие, ясные, цвет предпочтителен голубой или карий.

Характер! Характер потребен и упомянут гораздо реже внешности; характер гораздо менее востребован. Прежде всего самца интересует плоть, чтобы обладать ею; прочее может прилагаться, но уже не обязательно.

Итак — характер должен быть ровный, кроткий, терпеливый, привязчивый, самоотверженный, верный, склонный к оптимизму. Все жалобы мужчины, все его провалы, ошибки, глупости и препятствия — должны встречать понимание, сочувствие, поддержку и готовность терпеть с ним вместе, что бы ни случилось, потому что он такой замечательный, умный, сильный, справедливый, талантливый и благородный; причем он всегда прав.

А ум?! Нужен нам ум?! Могу вас успокоить: нужен. Ровно настолько, чтобы понимать своего самца и его великие замыслы. Что бы соглашаться с ним не небрежным тоном, не равнодушно — но вдумчиво, наморщив лобик и найдя еще один аргумент в пользу его мнения. Вот этот ум самец очень ценит.

А социальная активность, общественная значимость? О да! В должной мере! Это в какой? Чтобы, во-первых, никогда не доставать мужа, что вам скучно и хорошо бы что-нибудь предпринять, когда он сидит перед телевизором, или компьютером, или в баре с друзьями. Вот тут — не путайся под ногами и найди себе полезное занятие, исчезни ненадолго. Во-вторых — если ты приносишь в дом деньги, это хорошо, но мало: надо еще показывать, что ты все равно несамостоятельна, не ровня самцу, и скромно помогаешь ему содержать дом. О — это приветствуется.

Вот образ идеальной женщины в литературе.

Мужчине можно ходить по бабам, иногда нажираться в хлам и на неделю зависать на работе, когда он занят гениальным делом. Женщине позволяется разве что не знать древнегреческий язык или раз в пять лет сделать царапину на его автомобиле, при условии, что она небольшая.

Я завершаю мое небольшое сообщение. Как вы видите, практически вся мировая литература является сексистской, сексорасистской и сексошовинистической. Увы — это не все!

Вся мировая литература является гомофобной! Начиная с той же Библии, когда Господь сжег жестоким огнем два города целиком, Содом и Гоморру. За что эта страшная кара, почему здесь имела место коллективная ответственность?! Некоторые из них не были гетеросексуальны. Некоторые отходили от традиционных сексуальных практик. Этого оказалось достаточно.

И далее сквозь тысячелетия и века. Кроме поэтессы Сафо на ее женском острове — ни одного случая нетрадиционных, не негетеросексуальных отношений или хотя бы симпатий! Только одна модель: мужчина добивается женщины сексапильной внешности, чтобы обладать ею как собственностью, единолично. Если же у женщины в это время отношения с другим мужчиной — это воспринимается как мировая трагедия. Самец собственник рыдает, его мир рушится.

Более того. Вспомните Зигмунда Фрейда. Либидос и Танатос. Любовь и смерть идут рядом, их зов — один зов. Излишне напоминать, кто был Фрейд по половой принадлежности. Вот именно.

Даже когда мужчина имеет в собственности женщину, отвечающую всем его требованиям — он все равно стремится причинить ей зло, вплоть до смерти. Он сам может не сознавать это, но — подсознание не обманешь...

Великие романы XX века неопровержимо доказывают нам это. «Прощай, оружие» Хемингуэя. Главную героиню, предмет любви героя, автор убил. В конце романа она умирает от тяжелых родов. «Три товарища» Ремарка. В конце романа героиня, возлюбленная автора, умирает.

Она никого не рожала — ну так он, автор, убил ее посредством туберкулеза. И даже когда величайший из всех — Шекспир — убивал героя-мужчину — его женщину он всегда убивал тоже, как жену древнего скифа на его могиле, как жену индуса на его костре!

(На скамьях по рукам идет бумажка:

«Петрарка, Шекспир, Данте — изображали исключительно гетеросексуальную любовь! И в женщине видят только внешность и душу — но не личность! Не ум, не способности, не энергию, не равных себе! Устыдить, пересмотреть этих мертвых белых цисгендерных христианских мужчин! Довольно патриархата!»)

КНИГА VIII

БОЛЬ ПОБЕДЫ

В ночь, когда победил Трамп, у меня болели зубы. Нет, не то чтобы от его победы. Скорее наоборот — я за него серьезно болел. И когда посчитали Мичиган, и стало ясно, что Хиллари его уже не догнать, я выпил и закурил. Я вообще мало пью и курю, но борьба с курением приводит меня в бешенство. Отчасти я курю из чувства собственного достоинства, чтоб эти кастраты и импотенты не воображали, что будут диктовать мне мою жизнь. И вообще с детства мне внушили, что мужчине подобает быть с гонимыми против угнетателей.

Я попытался выдохнуть возбуждение и расслабиться. У меня было чувство, как после спортивных соревнований. Уже все, выиграл, а внутри еще все напряжено.

Пью я обычно «Мартель». Честно сознаюсь, выбор я вычитал в книжке. Причем еще в детстве. Там немцы во время Второй мировой войны пили в оккупированном Париже «Мартель», и это отсвечивало нездешней роскошью и военной романтикой. Вполне приличная классическая марка по разумной цене.

А курю «Честерфилд». В память о богеме ревущих двадцатых, поколении «Великого Гэтсби» и вестерна.

Я выцедил полстакана, запил глотком кофе и закурил. Тут оно, вопреки логике, и заныло. В телевизоре рыдали клинтоновские волонтерки, лица трамповской свиты словно подкачивали насосом и расправляли, жизнь переворачивалась, а у меня ныла челюсть под винтом импланта и запломбированная нижняя пятерка рядом.

Две таблетки парацетамола я помню, полграмма контрабандного кодеина помню, еще полстакана коньяку помню, а дальше помню что-то не то.

А дальше помню японский чайный домик в зарослях цветущей сакуры. А растет та сакура на обрыве над океаном. Океан не Тихий, как можно было бы подумать, а вовсе даже Атлантический. И на берегу этом обрывистом стоит Бостон, весь как есть, со всеми своими университетами.

Но видны из окон чайного домика, сквозь цветущую сакуру, отнюдь не университеты, а торговый порт. В порту корабли. На мачтах кораблей подвязаны к реям убранные паруса. А с их палуб люди скидывают за борт ящики и тюки.

Тут я вспоминаю, что над дверью нашего чудного домика, который вообще-то трактир, и тапер в углу бренчит на фортепиано «Долог путь до Типерери», голубеет вывеска: «Бостонское чаепитие».

Кругом люди сидят, кто чай спешно допивает, кто пиво, кто виски. А люди какие-то стертые, и безразличны они мне.

Я понимаю, что набрался. Но не уверен, что проснусь и протрезвею, знакомо вам такое чувство? Типа как бы в этом сне не застрять надолго.

Тут оказывается, что у меня нет денег. Но это не беда, потому что я немного разбогател. Деньги висят на стенке прямо у моего столика. Стодолларовая купюра, но огромная, как флаг. И хочется подсчитать, сколько же реально денег в такой бумажище.

Я и спрашиваю у Франклина, украшающего своим портретом центр этого великолепия:

— Сколько вы сегодня стоите, сэр? — Очень вежливо спрашиваю, сообразуясь с его статусом.

А он говорит:

— Не в деньгах счастье, парень. — И слезает со своего стольника. — Главное — сделать свою страну свободной и счастливой, — говорит он. И сидит за моим столом, как судья в мантии.

И я вижу, что не быть мне богатым, потому что не в тот чайный домик я зашел, а мимо пройти никак не мог.

Потому что в мантии сидит передо мной Нострадамус. Ну, тот, в берете и с цепью на шее, Мишель Нострадамус, еврей из средневековой Франции, знаменитый прорицатель. И пахнет от него не деньгами, а тихим ужасом.

Смотрит он на меня и говорит:

— Как врач я тебе скажу, что ты болен. Как сведущий в алхимии скажу, что все твое золото, и не только твое, вскоре обратится в прах. А как смертный, которому приоткрывается Будущее, предупреждаю:

Над Вселенной будет править корона монарха,
Жизнь и покой которого не будут долгими:
Корабль покоя исчезнет,
И возобладает власть величайших обрушений.

— Это значит что? — глупо спросил я, зная прекрасно, что не получу ответа — вернее, вот такой ответ я уже получил, и ломай над ним голову как хочешь.

— А сам-то ты как думаешь? — спросил он и побренчал, поиграл своей толстой золотой цепью.

— Что пиздой все накроется, — сказал я, ужасаясь неуместной грубой прямоте своих слов, выскочивших прямо из глубины души.

— Возможно и так, — улыбнулся он одними глазами, а лицо оставалось серьезным, скорбным. — Кстати, ты ошибся: я свою жизнь живу в Возрождении.

Глава 55

ТЕМНЫЕ ВЕКА

Когда-то в телефонном справочнике одного только Нью-Йорка было штук двадцать Рут Фридман. Имя и фамилия куда как нередкие. Среди американских Рут была знаменитая певица кантри, знаменитый лоер, знаменитый профессор чего-то. Рут Фридман, о которой речь, была не очень знаменита. Но вполне известна в своих кругах.

Она родилась, естественно, в Бруклине, ее отец был, естественно, доктор и владелец маленького медицинского офиса, чьи доходы позволяли ему существовать на границе

верха среднего класса и низа класса богатых. Знаете, на такой границе вполне можно жить.

К сожалению, Рут нельзя было назвать красавицей. Она была толстовата, рыхловата, лишена грации, это бы ничего, но совершенно лишена сексапильности. Из этого следуют две вещи. Первое. Зато у нее была богатая внутренняя жизнь. Что объяснимо и естественно. И второе. По закону женской дружбы у нее всегда была красивая лучшая подруга — и в начальной школе, и в старшей, и в колледже.

В рамках богатой внутренней жизни она рано начала задумываться о разных сложностях и трудностях. Мир несправедлив — это очевидно. Надо понять, почему. И надо его исправить. Ее кипучая сексуальная энергия сублимировалась в это русло с такой энергией, что руслу грозили разрушения — преобразования как минимум.

Ее неказистая внешность подчеркивала красоту подруг — как оно у женщин и заведено. (Все это происходило задолго до эпохи сексизма, харрасмента и гордости ЛГБТ). Для того некрасивые подруги и существуют. Хотя красавицы обычно не позволяют этому простому и здравому расчету подняться из подсознания в сознание. Напротив: красавицы немного умиляются своей доброте и благотворительности, с которыми они одаряют дурнушек сердечной дружбой.

Когда в компании собираются юноши и девушки, то прекрасная половина общества расслаивается на две фракции: красавицы принимают ухаживания мальчиков, а напарницы-дурнушки, которым из вежливости тоже перепадает пара комплиментов и ощупывание ягодиц после выпитого, образуют свой узкий кружок. Не то чтобы горничные или официантки, но вы поняли.

В этом кружке возникает классовая солидарность и скрытая ненависть к антагонистическому классу-угнетателю. Господствующий класс имеет сильных, красивых и богатых мужчин и выбор любой семейной перспективы. Угнетенный класса формирует из сознания своего положения тихую ярость отчаяния, беспощадность и жажду мести. Мести красавицам, удачницам, несправедливо одаренным судьбой. Унижение объедками и обносками удачи, которы-

ми они милостиво одаряют подруг-дурнушек, невозможно пережить.

Так рождается лютая жажда переустройства благополучного самодовольного мира. Потребность в низвержении его бенефициаров.

И тут мир стал переустраиваться! Тлеющее движение битников вспыхнуло — и грянул великий и веселый 68-й год! Дети-цветы, ЛСД, делай любовь, а не войну! А тут просияла и битва в Стоунволл Инн, когда обретшие гордость геи отпиздили полицейскую облаву, а за ней прогремел на весь мир Вудсток — и этот самый весь мир стал иным.

Мы не будем подробно углубляться в вопрос, как молодые девушки причащаются радостей Сафо. Что? Как становятся лесбиянками, ну что кому неясно. Темперамент, нежность, ласка, потребность в любви духовной и плотской — а тут тебе еще раскованное сознание и повод для гордости: мы не буржуазные лицемеры! Современной женщине, которая придерживается прогрессивных взглядов и борется за уничтожение эксплуатации и построение справедливого общества — современной женщине подобает. Подобает отрицать патриархат, презирать самцов, добиваться отмены традиционной буржуазной семьи и утверждать, что женщины вообще выше мужчин во всем и отлично без них обходятся.

Вечеринка, комната, полумрак, выпивка, травка, доверительный мат современных людей, ночевка в одной постели с новой подругой, ласковые прикосновения, нежный шепот, тихий смех — понеслась душа по кочкам в рай. И не нужны нам эти уроды, только и умеющие втыкать свой пенис.

Еврейская пылкость Рут и унаследованный ум сделали ее активисткой. Активисткой чего? Феминизма, социализма и лесбиянства. Прогрессивизма, короче.

Они носили майки с Че Геварой, изучали в кружках труды Троцкого и Мао, собирали деньги для «Черных Пантер» и продвигали афроамериканцев на все возможные должности. Устраивали демонстрации за разоружение и обличали преступления американской военщины во Вьетнаме.

Рут некрасиво разжирела. Разжиреть красиво вообще трудно. Она выпустила брошюру о феминизме и брошюру о лесбийской любви, чистой и духовной, имеющей преимущества над любовью традиционной, двуполой и буржуазной. Произносила речи о похотливых тиранах-самцах. Новому времени подобает новая любовь — бескорыстная, искренняя, одухотворенная родством тел и душ и абсолютным взаимопониманием. Потом были овации.

Жизнь шла: менялись любовницы, писались статьи и звучали из колонок обличения и призывы, разводов и одиночек делалось все больше, детей — все меньше, прав у женщин все прибавлялось; и прибавлялось седых волос, морщин и фунтов. Но уже женщины служили на подводных лодках и в морских котиках, выходили в мантиях Верховного Суда и заседали в Сенате, их училось в университетах больше, чем мужчин, и они гордо венчались друг с другом.

Старость без детей и семьи всегда печальна — но сознание того, что жизнь была отдана самому главному — борьбе за свободу, равенство и справедливость — это сознание наполняло ее гордостью.

С этой гордостью она повела свою организацию — бруклинскую еврейскую секцию ЛГБТ и феминизма, если можно так выразиться — в Браунсвилл, на демонстрацию «ЛГБТ против белого супрематизма». Она хотела присоединиться к колонне, чтобы показать, что еврейки вместе с афроамериканками за прогресс.

У большинства стариков наступает момент, когда мозг, стоптав ножки на длинном жизненном пути, отстает от поезда Истории. Человеку кажется, что он еще едет, а на самом деле старик сидит на своем чемодане, и иллюзия пейзажа мелькает перед его мысленным взором.

Рут Фридман, старая лесбиянка и идеолог феминизма, шла впереди своей группы и держала израильский флаг. А рядом с ней вышагивала здоровенная бабища, мускулистый трансгендер, и несла в своей руке атлета флаг большего размера — радужный шестицветник.

Произошло соприкосновение еврейской группы с афроамериканской колонной, и настал момент дружеских

объятий и приветствий. К этому моменту еврейки изготовились с подачи мудрой и авторитетной Рут. Негритянки трактовали и использовали этот же момент иначе.

Накачанная черная девка вырвала у Рут бело-голубой флаг и со словами: «Пошла на хуй отсюда, ебанная жидовка!» треснула ее этим флагом по боку. Бок был толстый, но слабый. Рут задохнулась от боли и изумления. Знаменосец-трансгендер мгновенно дал оскорбительнице пинка под мощный зад, пустившего ее кубарем по мостовой — и был тут же снесен и избит набежавшей толпой.

Лозунгов над дракой звучало два, и ни один не феминистский: «Бей жидов!» и «Смерть Израилю!». Еврейской стороне, обычно говорливой, красноречие отказало. Отдельные выкрики: «Ведь мы же за вас» успеха не имели.

Игра произошла с нулевой суммой: сколько удовольствия получили размашистые и азартно-злые негритянки — столько скорби и боли отразилось в глазах (и отобразилось на лицах) избитых и разогнанных евреек. После чего черная колонна продолжила свое шествие с заметно поднявшимся настроением — белая же рассеянная кучка брела прочь с видом подавленным.

Рут поддерживали. Ее шатало. Время для нее остановилось. Когда-то давно полицейский ударил ее дубинкой, когда-то в молодости ее задерживали, но это было совсем другое: мы — и они. А сейчас та, за которую они боролись так долго и упорно, с размаха била ее по лицу. Грянул гром, мир померк. Кто-то поднял с асфальта и подал ей выскочивший зубной протез; она сжала его в руке. Ни разу в жизни ее не били. По лицу. И так сильно.

За что? Ведь она любит их! Она столько для них сделала. Она пришла с любовью и поддержкой... Боль обиды была непереносима. Спазм сжал ей горло. Она судорожно всхлипнула. Еще раз, и еще, она не могла остановиться. А потом полились слезы. Это была тихая неутишимая истерика. Безнадежное отчаянье. Несправедливость сокрушала все ее существо. Ее, старуху, которая пришла с добром, с любовью, ударить, по лицу, по лицу, так жестоко, незаслуженно, с тупым зверством.

Плюха по морде интеллигентной женщине очень способствует формированию здорового мировоззрения. Шоковая терапия.

Но сначала Рут впала в депрессию. Она лежала в своей квартирке. Попросила подругу временно съехать. Одна молодая девочка из их организации носила ей продукты. Как-то Рут строго велела ей принести бутылку виски. Переспрашивать и комментировать девочка не посмела. Рут глотнула «Джек Дениелс», обрела дыхание, прокашлялась, и облегченное тело слегка всплыло над собой. В старых английских романах это называлось: «Старушка пристрастилась прикладываться к бутылке».

Так или иначе, она выползала из депрессии. Думала иногда, что если бы Пирс Джанетти на той школьной вечеринке трахнул ее в своей машине, то жизнь могла бы пойти иначе. Что ее высокое счастье какое-то несчастливое. Что ей все осточертело. И в конце концов, она американка — она отправилась к психоаналитику. Ей посоветовали хорошего.

Это был обаятельный средних лет мужчина, в черных брюках и черной рубашке с серым галстуком, с маленькой аккуратной бородкой, с выразительными руками, которыми он как-то мягко и округло жестикулировал.

Руфь прилегла на удобную кушетку и впервые в жизни захотела стать католичкой — чтобы раз в неделю исповедоваться своему духовнику, который наложит наказание и отпустит все грехи. Причем бесплатно (вот грешная невольная мысль!). За неимением такового она последовала приятным интонациям доктора Хергенразера, постаралась расслабиться, полуприкрыла веки, переспросила о тайне исповеди, простите, доктор, о конфиденциальности, и начала тихо тонуть, нырять в глубину души, или сознания, или подсознания, или чего там еще. И вдруг сказала, что ей никогда не нравилась вагина. Но когда она была молода, операции по коррекции пола еще не проводились.

Хотя она, в общем, не хотела менять пол. Но вагины так неаккуратны, и столько лишнего, и все время надо промакивать или подмывать, и не так уж приятно все это

трогать, иногда это такая лохань, только ради подруги все делаешь, потому что она тебе тоже, а пенис такой твердый, чистый, аккуратный, и его так удобно и приятно держать в руке, и можно совершать фрикции, и брать его в рот, она несколько раз вызывала мальчиков по телефону, с ними было так хорошо, но после оргазма все проходило и делалось неприятно, потому что нет никакой духовной близости, никаких общих ценностей, а с женщинами иначе, после оргазма так хорошо, нежно и ласково, потому что вы друзья, и единомышленницы, и так хорошо и полно понимаете друг друга, и вся ваша жизнь общая, а вообще у нее есть несколько фаллоимитаторов и вибраторов, это соответствует философии феминизма — женщина свободна от мужчин, но, с другой стороны, ЛГБТ — это несколько другая философия, хотя будущее, вероятно, за виртуальным сексом, а виртуальный секс — это то же самое самоудовлетворение, только технически изощренное, только и всего, и если честно, если бы развитие техники уже сегодня достигло такого уровня, чтобы любая женщина могла получить неотличимую копию идеального партнера для секса — как были бы счастливы все женщины! потому что мужчина по своей биологической природе разбрасывает семя в как можно большее количество самок, ему бы только всунуть и кончить, а женщине требуется идеальный партнер на всю жизнь, и тогда, наверное, она заказала бы себе мужчину по своему вкусу, сильного и нежного, внимательного и распутного неутомимого любовника, и жить было бы легче, потому что все-таки надо стремиться к красоте, а жирные уроды-геи на парадах гордости ей мерзки, и старые жирные похотливые лесбиянки тоже мерзки, и мужчины без членов и яичек, накрашенные и одетые как женщины, ей мерзки, и тупые суки с хирургическими имитаторами фаллосов из пластика и собственной кожи ей отвратительны физически, и если честно — ниггеров она терпеть не может, они всегда ненавидели евреев, завидовали их успехам, их уму, а сами упорно трудиться никогда не желали, и IQ у них низкий, и когда она видит черного дикаря с низким лбом, скошенным подбородком и размазанным на пол-лица носом с огромными ноздрями — не желает она жить рядом с этими обезьянами, пусть они живут сами по себе, она жизнь положила, чтобы черные имели все то же, что и белые, и вот под конец жизни вонючие черные макаки ее смеют избивать за то, что она их поддерживает и за них борется, да будь они прокляты, пусть валят назад в свою Африку, Господи, я хочу любить их, я люблю их, сердце мое болит их болью, их страданиями и их унижением — как их любить, скотов тупых и неблагодарных?.. А в школах упрощают программы: если черные не могут стать умнее — пусть белые станут глупее, главное — чтоб все равны, и в университетах отменяют и адаптируют многие курсы, чтобы неуспевающих черных стало меньше, и в результате молодежь делается все тупее, все необразованнее, куда мы катимся, куда мы катимся, мы сами делаем себя все глупее и разобщеннее, все слабее беспомощнее, да я бы эту черную суку раньше пристрелила бы на хуй, а сейчас эти бляди живут на наши налоги и еще смеют пасть разевать, китайцы умнее нас, мусульмане сильнее нас, негры наглее нас, мир идет в пропасть, в пропасть, на что ушла моя жизнь, Пирс Джанетти, отдай мне мою жизнь, я хочу быть свободной, я хочу быть счастливой, здоровой и молодой, суки, как вы мне надоели, но вы — моя жизнь, я вас люблю, а вы меня высасываете, как крабовую клешню, как хорошо быть убийцей, убийство — это свобода: ты сбросил все путы, ты властен над миром, над жизнью своей и других! а когда придет расплата — я расплачусь, и сдохните все...

...Наверное, доктор Хергенразер был неплохим специалистом, потому что буквально через три сеанса Рут изменилась. Подавленность рассеялась, а возникло, наоборот, самоощущение агрессивное и твердое. Рут оглянулась на жизнь со злым прищуром, и с таким же злым прищуром смотрела в зеркало в ванной. Жирная седая старуха отражалась в зеркале, но (она презирала себя за такое пошлое литературное сравнение, но не умела найти точнее) — с морщинистой маски бывшего лица смотрели блестящие, азартные карие глаза: они лучились злым весельем и обещали возмездие.

Старуха Фридман пересматривала свои принципы. Стекляшки в калейдоскопе пересыпались от одного малого

поворота — и сложились в новый узор. «Жизнь идет в жопу», — сказала себе старуха и отхлебнула из горлышка.

На пороге выхода из нашего балагана и приобщения к Вечности беспокойная еврейка, феминистка и лесбиянка, присоединилась к легиону тех, кто пытается понять: как мы пришли — самостоятельно и добровольно — к разрушению устоев общества, узакониванию и пропаганде любого разврата, оболваниванию своей молодежи, ликвидации своей культуры и возвеличиванию всех чужих, уничтожению своей расы и лести всем другим. Горе тебе, Вавилон, город крепкий!

Ей принесли Тору, Библию, Коран. Потом она попросила книги по социологии и психологии: презираемого ею Дейла Карнеги, Эрика Берна, «12 правил жизни» Джордана Питерсона (этого правого ублюдка) и наконец «Дорогу к рабству» чертова фашиста фон Хайека. Чертов фашист фон Хайек ее добил.

Она вспомнила молодость и закурила травку. Легкие у старухи были хоть куда. Сладкие видения поплыли за раздвинувшимися стенами комнаты. В них преобладали розовые и голубые тона, фигуры людей изящно вытягивались и вились, рассеянный солнечный свет и был счастьем, и неслышное пение райских птиц вызывало легкий неудержимый смех.

Она купила кабельный пакет образовательных программ и смотрела телевизор, когда прихлебывание тенессийского бальзама делало чтение слишком трудным процессом. Долго следить за мыслью лектора Рут было в таком состоянии трудно, а вот ток-шоу на интеллектуальные темы оказались в самый раз. Она вслушивалась в голоса дискуссии, стараясь вникнуть в смысл, а сама в это время думала о роли книг в прогрессе, о том, что молодежь ничего не читает, что информация приняла какие-то антигуманные, машинные формы. И о том, что пессимисты были правы: Темные Века надвигаются на нас. Да собственно они уже пришли. Они пришли, и она ощутила этот тяжелый удар своим лицом и своей душой...

Она щелкала пультом, и на очередном канале очередной интеллектуал проповедовал:

— Для того, чтобы понять какой-либо объект или процесс, необходимо рассмотреть его во взаимосвязи трех подходов:

Во-первых, систематика. Любой объект или явление необходимо рассматривать как систему, которая не является просто суммой составляющих ее частей — и которая всегда существует в динамике, в развитии количества и качества ее монад и отношений между ними. То есть: система проходит все фазовые цикла ее существования: зарождение, развитие, подъем, плато, пик, спад, крушение. Необходимо всегда это учитывать — и определять, в какой фазе существования система находится в момент рассмотрения. Заметим: любая система абсолютно стабильна в любой произвольно малый отрезок времени — и всегда нестабильна в любой произвольно взятый большой отрезок времени. Это относится как к неорганическим и органическим (биологическим), так и социальным системам.

Во-вторых, эволюционизм. Ни одна структура не вечна, но всё развивается от простого к сложному, от энергетически менее потентного к энергетически более содержательному, концентрированному и мощному. Для этого поэтапного усложнения необходима гибель старых систем и образование новых — из того же материала, тех же элементарных частиц, все более и более сложно комбинирующихся. Рождение и гибель неразрывны и есть аспект способа существования материи и энергии.

В-третьих, для рассмотрения и анализа любого объекта и процесса необходимо выбрать единую — и общую — систему координат, систему отсчета. Общая, единая система — это эволюция энергии и материи Вселенной. Все процессы в сумме, в общем конечном результате, в принципе — направлены к усложнению структур — и в то же время и тем самым к ускорению и росту масштаба энергообмена с окружающей средой. Или, что то же самое, ко все ускоряющемуся и увеличивающемуся преобразованию окружающей среды.

Только при таком триедином подходе к анализу сущего можно вообще что-либо понять.

Иначе философа, мыслителя, теоретика, аналитика — можно уподобить столяру, который измеряет табуретку линейкой и сравнивает со столом и шкафом, определяя, что она равна одной двадцатой шкафа по весу и половине стола по высоте. И на этом основании пытается постичь функцию табуретки и происхождение материала, из которого она изготовлена.

Сплошь и рядом — да что я говорю, чаще всего — философ уподобляется именно такому столяру, подходя к явлению с произвольной, релятивистской системой координат, с произвольной, условной измерительной сеткой, соотнося объект своего теоретического рассмотрения не с устройством и законами Вселенной, а со взглядами оппонента, который и сам-то пытался измерить массу в дюймах, а эмоции в децибелах.

К сожалению, этот хулиганский, я бы сказал, релятивизм стал основой постмодернистской философии, которая напоминает разборку автомобиля в сумасшедшем доме с целью научиться вождению.

Да, спасибо, я слышу возражения слева и готов ответить. Конечно, конечно, оценка с точки зрения добра и зла, вреда и пользы необходима. Добро и зло — категории моральные, в природе не существуют, они привносятся человеком и зависят от целеполагания. Накормить голодного — добро, а больного ожирением — зло; спасти человека — добро, но спасти приговоренного за зверские преступления убийцу от казни — в течение всей истории почиталось злом. Увы! — наша мораль сейчас сильно изменилась, сплошь и рядом добро и зло поменялись местами, так же как порок и добродетель, нет смысла говорить о том, что совершенно ясно. Добро и Зло с точки зрения верующего — вопрос скорее теософии, здесь мы вводим в анализ доминирующую фигуру Бога, простите великодушно. С пользой и вредом — аналогично: кому и для чего полезно, оно же может быть вредно другому человеку в других условиях...

...Наскучив переключать кнопки, Рут убрала звук и перелистала первый попавшийся журнал, остановившись на предваряющей статью справкой:

«ВИКТИМОФИЛИЯ — любовь к жертвам, конструирование образа жертвы из живого или умершего человека с тем, чтобы возвысить его как объект поклонения и культ. Идеал виктимофилии — распятый Христос».

Журнал безусловно формировался в парадигме постмодернизма. То есть: смешение стилей, жанров от академического до вульгарных просторечий, и не только отрицание каких-либо канонов, но напротив — эпатаж буржуазных вкусов и приличий.

Похоже, автор просто отдал в редакцию аудиозапись своего монолога для распечатки и публикации:

ВИКТИМОФИЛИЯ

Я настаиваю на этом термине! Понятие это давно уже есть, и политика есть, и идеология виктимофилии сыграла огромную, решающую роль в разрушении страны! А слова, видите ли, у них в словарях нет.

Виктимофилия — это непросто. Основа любви к жертвам и превозношение жертвенности лежит глубоко в нашем подсознании. Простите за грубую оговорку — в над-сознании! Виктимофилия — важнейший элемент, важнейший социопсихологический фактор нашего социального инстинкта. Я как-то не так выразился... Но, в общем, вы меня поняли. Вернее, вы ничего еще не поняли, но я сейчас все объясню.

Вот Христос был распят на кресте — и тем самым принял на себя все муки рода людского. И мы его чтим, и мы в него веруем. Что доказал Господь через распятие Сына своего? Что любовь к людям и идея Добра для него выше и дороже собственной жизни.

А коли есть что-то дороже собственно жизни, и отдана она за нас — это что значит? Что в чем-то этот человек — я уже о людях! — этот человек выше нас. Вот у него есть такая идея великая, такое стремление к чему-то высшему ради общего блага, что жизнь ему — тьфу ради этого.

И мы ценим! Раз дороже жизни ему это — значит, он искренне верил и делал все, и значит — это истинно. Он это поставил выше собственной жизни — и тем доказал истинность своей веры, своей цели, своего поступка.

Начало это берет у предков наших древнейших. Отдал человек жизнь свою в бою за свой род — он герой, он высший из нас! Только так должен поступать мужчина — чтобы выжил весь род, дети, женщины, мы все. Герой, пожертвовавший собой ради людей своих — высшее существо!

Отданная жизнь — мера истины. Раз он так убежден, так верит, так знает, что делает, что жизнь отдаст — но убеждению своему не изменит — значит, убеждение его истинно. Выше жизни, дороже жизни. Это убеждает. Внушает уважение.

Готовность умереть — мера истины.

Готовый на смерть — высшее существо.

А страдание? Что такое страдание? Это — степень смерти, стадия смерти, уже частичный переход в смерть, готовность умереть. Человек идет на муки и лишения — но верит в свое дело, убеждения и дела его выше самой жизни.

И что получается? СТРАДАЮЩИЙ — ПРАВ! Он выше нас, прочих людей, потому что у него есть великая надличностная ценность. Его дух, его личность принадлежит чему-то более важному, более главному и более высокому, чем сама жизнь.

Страдание — божественно! Увечный — отмечен Всевышним и приближен к нему. Через страдание открывается человеку суть Мира. Страдание возвышает над суетой и заставляет думать о главном — о Добре и Зле, о смысле жизни и смерти, о цели нашего бренного существования.

И вот мы видим, что жертва за ближних — идеологически и психологически, я бы осмелился выразиться, видоизменяется в нечто иное — в страдание без конкретной цели. Но, уважаемые персоны! Это процесс постепенный.

Сначала, когда род и племя живут скудно и жизнь людей проходит на грани выживания — увечных бросают при любых трудностях. Больных, стариков, калек — могут кормить и давать место у огня, когда вдоволь пищи и не угрожают враги. Но если предстоит тяжелый переход, опасная битва, если голодная зима — их бросают без сожаления. Ибо таков закон жизни. Выжить должны здоровые и сильные, выжить должны воины, женины и дети — ибо только в них залог существования всей группы.

Но! Цивилизация идет вперед семимильными шагами, поднимается вверх все выше и выше! Она принимает христианство и проникается его мировоззрением. Она производит все больше — и уж не затрудняется кормить всех: больных и старых, немощных и даже ленивых. Наступает царство изобилия.

И одновременно — наступает насыщение системы. То есть: сколько в нее чего ни добавляй — принципиально в ней уже ничего не изменится. Путь ее пройден.

И милосердие — вдруг становится буквально профессией. Более того — помощь убогим ставится во главу угла, ложится краеугольным камнем в систему ценностей зажиревшей цивилизации. Ей низачем не нужны калеки — но так только кажется.

Во-первых, людям необходимо чувствовать себя значительнее и выше кого-то. Таков социальный инстинкт. Находя тех, кто явно ниже их на социальной лестнице, они самоутверждаются в собственных глазах.

Во-вторых, людям потребно быть в собственных глазах достойными, хорошими, нравственными — соответствовать требованиям усвоенной морали. И более того: соответствовать личной, внутренней морали — совести. Помощь бедным, сочувствие несчастным — дает людям такое удовлетворение собой.

Милосердие повышает самооценку благотворителя.

Повышается не только моральная самооценка — но и осознание своего статуса: благотворитель выше принимающего помощь.

В милосердии кроется немалая доля нравственного эгоизма.

В-третьих. В силу того, что человеку (по сути своей, по устройству) всегда необходимо усовершенствовать этот мир — то есть его переделывать — человек в массе своей всегда неудовлетворен этим миром. Этот мир в его глазах несовершенен, плох, но главное — несправедлив.

Несправедливость мира прежде всего сказывается в том, что люди умные, достойные, хорошие, переносящие трудности, честные и работящие (а в принципе каждый считает себя достойным — даже преступник и паразит всегда

находит себе оправдания) — люди несчастны, так устроено; и это несправедливо! Приличный человек просто не может быть счастлив и достойно вознагражден в этом мире!

Ты не имеешь нравственного права благоденствовать в царстве горя и несправедливости! Эта максима очень важна, принципиально важна для многих культур, для многих эпох. Раз мир несправедлив — удачник и счастливец в нем человек порочный, скверный. А бедный и гонимый — очевидно хорош и достоин, раз его отторгает подлая реальность. Это положение — стержень почти всех видов гуманизма, христианства, искусств, литературы в первую очередь.

Удачник пользуется незаслуженными привилегиями. А неудачник, страдалец, жертва — честный хороший человек, с которым общество обошлось по-скотски.

(А вот сейчас запылают пожары и прольется кровь! Борцы за справедливость выходят в крестовый поход.)

Любовь к жертве — это выражение ненависти к несправедливому обществу. Государству, цивилизации, народу.

Усилия уравнять обделенных и преуспевших — материально, социально, в престиже — это форма переделки мира, когда цивилизационная система завершена и переделать ее без ущерба и развала уже невозможно.

Любовь к жертве — это протест. Это несогласие с порядком вещей, который установлен. Любовь к жертве и предпочтение ее благополучному работнику — это бунт на коленях!

Спасибо, сэр, я вижу, я слежу за временем, я уже заканчиваю. Собственно, даже закончил. У меня есть еще полторы минуты? Тогда позволю себе напомнить старинный анекдот:

Пьяный ганфайтер в баре замечает мальчика и с умильной улыбкой протягивает ему монету: «На, сиротка, возьми доллар!» — «Простите, сэр, — говорит мальчик, — я не сиротка, вон сидят мои мама и папа». Ганфайтер выхватывает кольт — бах! бах! двое падают — «Сиротка, возьми доллар!..»

Это иллюстрация в стиле кантри к нашей нынешней ситуации, уважаемые персоны. В государстве всеобщего

благоденствия необходимо определить и назначить жертв, чтобы было кого жалеть. Жалость — тоже инстинкт. А вот в государстве нищем и тоталитарном жертв действительно жаль — но нельзя же презирать и порицать героев и работяг, которые есть и там: человек всегда имеет свой шанс, судьба каждого в его руках!

Так что любовь к жертвам и возведение их в ранг достойнейших членов общества, одновременно с принижением роли воинов, ученых и работяг, на плечах которых стоит наша страна — это психопатология и саморазрушение.

Почему? Потому что жертвы, войдя в статус столпов общества, как правило оказываются не только некомпетентны, но также авторитарны, нетерпимы и жестоки, склонные увековечить свой паразитический образ жизни в законодательном порядке и подкрепить силой.

Жертва, вознесенная во власть, стремится превратить подчиненных сограждан в рабов. Бойтесь этого!

...Рут постепенно стала выползать из своей берлоги, уходила на полдня гулять в Проспект Парк, берег зеленого озера настраивал ее на умиротворенный лад; в холщовой сумке через плечо лежала какая-нибудь книжка, «Джек Дэниэльс» в поллитровой бутылке из-под кока-колы, сэндвич и зонтик. Однажды мимо ее скамейки проехали полицейские на велосипедах, парень и девушка со светлой косичкой из-под шлема, Рут демонстративно хлебнула из бутылки и откусила сэндвич, девушка ей улыбнулась. Впервые в жизни Рут читала не политическую литературу, не исследования по гендерной психологии или наставления по тактике уличной борьбы — она читала беллетристику. Современные поделки вызывали пожатие плеч, Буковски и Чак Паланик оставляли чувство брезгливой жалости. Она читала теперь Торнтона Уайлдера и Пенн Уоррена. «За рекой в тени деревьев» Хемингуэя вызвала слезы, и хотя это были не совсем трезвые слезы, но этот большой мальчик сам всю жизнь пил от горя, сказала она себе. Снизошла в поисках хорошего настроения до О. Генри, и он определенно привел старуху в восторг. А затем открыла для себя Джека Лондона (токсичного маскулиного расиста), и впервые оказалась в возрасте четырнадцати лет: романтика суровых

пространств увлекала ее, сильные молчаливые мужчины былых времен заставляли блестеть ее глаза, напряжением всех сил они вырывали свой кусок хлеба и счастья у жестокой жизни, и в этом был смысл, не требующий поисков...

Потряс ее Томас Вулф, под впечатлением от него она так и осталась: всё в мире взаимосвязано, все люди повязаны друг с другом, домой возврата нет, каждый как паутинка на скале, оглянись на дом свой, ангел... что мы делаем друг с другом, куда мы все идем...

Если бы Пирс Джанетти трахнул тогда ее в машине, если бы она стала профессором литературы... Квинтилий Вар, верни мне мои легионы! Откуда она всю жизнь знала эту фразу?..

Рут неотвязно думала теперь о мошенничестве с информацией, о литературе прошлой и нынешней, сомнения в светлом социалистическом будущем подтачивали сознание, как древоточец ножку дубового стола. Она стала носить в сумке приемник, на скамейке слушала его, прихлебывала из кока-коловой бутылки и крутила в поисках какой-нибудь лекции по искусству или истории, литературе лучше всего. Трансляции ток-шоу ей особенно нравились и не затрудняли внимание:

— Послушайте, ну сколько можно повторять, что молодежь совсем не читает. А отцы-пилигримы много читали? Переселенцы, идущие через Великие равнины, много читали? Фермеры и рабочие, бизнесмены и водители, моряки и шахтеры — очень много они читали? Читали исключительно люди образованные, студенты, учителя, журналисты. А прочие вообще не соприкасались с узкой образованной прослойкой. А сейчас — все на виду: Интернет, Фейсбук, Твиттер, Инстаграм, что там еще — это же как на заборе писать и читать, как на вечеринке поболтать, как за барной стойкой. Вот все, кто вообще хоть как-то писать умеет, вылезли на свет божий. Как клопы из всех щелей. Много их, оказывается! И все малограмотны. А было еще больше! Просто речь о них вообще не шла!

— Для молодежи социальные сети — это как столбик для собачки: обнюхать следы других и пописать самой — вот и все чтение.

— Раньше большинство читало только Библию. Так ведь и ее не читало! Раз в неделю ходили в церковь, слушали проповедь — уже спасибо.

— Позвольте! Спасибо... Да. Книга, печатная книга — лишь один из видов носителей информации. До изобретения письменности — литература была устной. Гомер был неграмотен. О нет, уже существовала буквенная азбука финикийцев и евреев, а в Двуречье клинописью стали записывать сказания. Но в общем был дописьменный период.

А появилась письменность зачем? Долги записывать. Налоги распределять. Бухгалтерские документы. А потом? Государственная пропаганда: прославление подвигов царей. А потом? Создание истории: цари, царства, войны, победы, пленные, захваченные страны. А потом? Личные письма — они еще в Месопотамии были: отец сыну, муж жене, подчиненный начальнику.

Итого. Можно сказать. Письменная литература возникает в Древней Греции, расцвет Афин VI — V веков до нашей эры.

— Позвольте! А религиозная? Тора? А законы Хаммурапи? И «Эпос о Гильгамеше» был куда раньше, чем ахейцы пришли на Балканы!

— Простите, да, согласен; я для краткости. Эллада — это диалоги Платона, это Аристотель, это огромный письменный массив. Но читателей был — узкий круг. Рукописи дороги! Философских школ мало. И что? И ходили в театры, смотрели трагедии и комедии. Дело это почиталось важным! Государство — город — платил гражданам по два обола, чтобы они в этот день оставили дела и шли в театр! То есть — понимали: литература — это важно, это воспитание граждан, это просвещение, нам нужны умные и добродетельные люди. И литература несла сильнейшую воспитательную функцию. Учила мужеству, мудрости, исполнению долга; высоким чувствам учила. И чтоб не пригибать этим грузом — разгружала смехом, сарказмом, издевкой. Нет неприкасаемых тем, даже богов создали с пороками, все подвергается критике!..

— Простите, вы превысили свой лимит, у нас регламент. Да, пожалуйста, ваша очередь.

— Коллега, прошу меня извинить. Если позволите, я продолжу с того места, где вы остановились. После Античности наступило Средневековье, и народ стал поголовно неграмотен. Возникает рыцарский роман — манускрипты на пергаменте чрезвычайно дороги, знать держит для чтения книг вслух специальных чтецов. Ну, а потом Иоганн Гутенберг изобретает печатный станок, наборный металлический шрифт, бумага в Европе дешевеет, и к 1500 году открывается эра книгопечатания. К этому времени в Европе уже множество университетов! Отметим с удовлетворением: число книгочеев растет! И к 1800 году все приличные люди уже читают романы, классицизм сменяется романтизмом, школа «штурма и натиска» в Германии, немецкая классическая философия, французское просвещение, английская политическая экономия. И великий XIX век — золотая классика. А к концу его возникает всеобщее школьное образование, и вот тут мы можем говорить о массовом чтении впервые в истории, потому что...

— Да гоните его вон! Мы тут что, второгодники?! Он что, учитель?!

— Я прошу ведущего разрешить...

— Почему все читали Дюма? Или Диккенса? Потому что делать им было нечего! Ни кино, ни радио, ни телевидения, не говоря о компьютерах. Газеты? — только новости и объявления. Вот в газетах — ежедневно, с продолжением — романы и печатали. Их и читали. Вместо сериалов. Но газет было мало, а писателей мигом развелось много. И почти все романы входили отдельными книгами. В газете-то — это все равно как сейчас телесериал сделают.

Литература несла главную не только эстетическую нагрузку, но и духовную, идейную, психологическую, познавательную. Из романов узнавали, как любить, как добиваться женщины и мужчины, что испытывают люди в разных ситуациях, как живут в деревне и во дворце, за морями и в горах. В романе были герои и злодеи, знойные страсти и кровавые преступления, битвы и клятвы... То есть!! Да не держите вы меня! Вот собственная, личная жизнь человека была маленькая, серая, ограниченная и монотонная — а в романе он выходил, как через дверь —

в огромный мир, пестрый, красочный, разный, опасный и прекрасный! Ну так конечно читали. А что еще было делать?..

— Учебный, педагогический, дидактический аспект художественной литературы мы обязаны учиты...

Резкое дреньканье звоночка:

— Прошу соблюдать протокол!

— У меня только реплика!

— Я думаю, наши гости со мной согласятся: мы тут уже достаточно выслушали гуманитаров, литературоведов, историков. Пора дать слово и представителю естественных наук, человеку рационального мышления, специалисту по информатике (я правильно вас представляю?), так сказать. Взглянуть на вопрос с другой стороны. Прошу вас.

— Благодарю вас. Вы знаете, в художественной литературе я, разумеется, не специалист. Но и беллетристика — прежде всего это информация.

Любое существо для поддержания жизни нуждается в информации, более того — в обратной связи с окружающей средой, с внешними факторами. Пища или опасность, благоприятные условия или угрожающие — эта информация жизненно необходима. Ее надо улавливать, отфильтровывать от не важной, анализировать и делать практический вывод. Поэтому первобытный человек, «человек естественный», отлично разбирает звуки и запахи, приметы погоды, следы на земле и деревьях, знает полезные и опасные растения, умеет ориентироваться в пустыне и джунглях. Таков его багаж информации, необходимый его операционной информационной системе для выживания.

А вот Античный мир, или поздней Средневековье. Есть класс обеспеченных людей с избытком свободного времени, причем им не надо трудиться для добывания пищи. Их «информационные операционные емкости» недогружены, полусвободны — и требуют добавочной информации, так уж сформировалась высшая нервная деятельность: узнавать больше, познавать больше. Давай развлечения! Танцовщицы, флейтистки, певцы. Ну — а чтоб грузить мозг, чтобы больше, активнее узнавать, думать, участвовать в информационном процессе? Человеку

это по жизни требуется. Так возникает альтернативная реальность — литература.

Литература — это жизнь, в которой ты интеллектуально и эмоционально участвуешь, не участвуя физически, энергоматериально. Воображаемая реальность. Виртуальная жизнь. И она может быть такая яркая, насыщенная, энергичная, пестрая! А ты остаешься цел и невредим. Как из дальнего путешествия с чудесами и приключениями вернулся.

Милые мои. Литература — это наркотик. Аспект эскейпизма, мы ведь не забываем?

Как всё искусство в принципе, литература условна. Во-первых, условен носитель: папирус, глина, пергамент, бумага. Условна графическая передача: клинопись, иероглифы, алфавит. Во-вторых и главных — условна суть: ты воспринимаешь рассказ о том, чего никогда не видел или, еще более, чего вообще не было. То есть:

ЛИТЕРАТУРА
ЕСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ ИМИТАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ
ГРАФИЧЕСКИМ СПОСОБОМ, КОДИРУЮЩИМ
ВТОРУЮ СИГНАЛЬНУЮ СИСТЕМУ — ЯЗЫК.

Отличие ее от устного творчества, театра, кино, телевидения — в том, что слово само по себе крайне богато разнообразными смысловыми и эмоциональными оттенками в зависимости от личности читателя.

Но! В чем главная опасность и трудность информационной революции рубежа XXI века? В том, что изображение несет несравненно больше конкретной информации, нежели слово.

Картинка, особенно движущаяся и говорящая картинка — несравненно богаче конкретно, во всех деталях. Ее восприятие легко и комфортно. Но! При этом форма говорящей картинки предельно ограничена и бедна с точки зрения индивидуального видения, индивидуальных интерпретаций. Движущаяся и говорящая картинка — абсолютно ограничена формально. Ее форма дает воспринимателю единственный и готовый вариант: смотри и слушай — все вот так.

(Простите, что некоторые фразы и формулировки я повторяю, иногда дословно, но опыт показывает, что с одного раза аудитория плохо усваивает мысль, не успевает.)

Слово же — универсально. Слово — это идея объекта, идея формы, движения и звука. А их уже каждый мысленно реконструирует согласно собственному воображению, образованию, склонности, интеллекту, настроению. Слово — это фата-моргана, принимающая любую форму в зависимости от того, кто и зачем на нее смотрит.

Слово — еще надо себе вообразить, возникший образ интерпретировать, наполнить эмоциональным содержанием и семантическими связями. То есть:

Литература требует от читателя создания конкретного образа из универсальной идеи.

Стул, лес, мужчина, обед — это надо же как-то себе представить: увидеть и почувствовать. Человеку с бедным воображением и низкой эмоциональной возбудимостью это трудно. Читать — это мозговая работа по перекодированию информации из условных примет в значимые объекты.

А кино? Оно богато красками и картинами, движением и звуком — можно не думать! Информация подается объемно и мощно — но разжевано и универсально, анти-индивидуально: создатель фильма увидел все вот так — и вставил тебе в мозг собственную интерпретацию. Информация более не многозначна — она однозначна.

Богатство средств передачи — дает бедность самостоятельного мышления и чувствования.

Подведем итоги.

Менялись носители информации. Нарастал информационный поток. Дифференцировались и множились виды, роды и жанры искусства и литературы в частности.

И. Все более широкие слои населения вовлекались в чтение. Всеобщее школьное образование. Демократия. Социальные лифты. Расширение рынков потребления.

Появляется «массовая литература». Приключения, детективы, фантастика, любовный роман. Появляются комиксы — они доступны даже самым малоразвитым. Лишь малая часть литературы остается «серьезной» и обретает статус «элитарной». Основная же часть литературной продукции потакает низкому вкусу малограмотного большинства.

И вот — компьютерная революция! Появляются социальные сети, твиттер и фейсбук, появляется Википедия! Плюсы всем понятны. А минусы?

Малограмотная масса мгновенно объединяется горизонтальными связями, становится виртуальным большинством, заполняет собой электронное пространство и диктует своим спросим предложение IT-гигантов. В несколько касаний молодежь получает желаемую, адекватную своим запросам информацию: какую косметику потребляет девушка, какие кроссовки носит парень, какой певец самый крутой — и: фото еды подруги, фото машины друга — да сотни фото прилетают! Я пошел и пришел, я купил и потанцевал — девяносто процентов информации сводится в примитиву дикаря.

А информационный поток в мире нарастает! И этот водопад отторгается нормальным сознанием, переводится на уровень белого шума: мне нет дела до Зимбабве, байдарок, черных дыр, марок шампанского и биографии Цезаря!

Образованность перестает быть престижной: Интернет и так знает все.

Какие книги?! Порнография, компьютерные битвы и империи, беспрерывный обмен частными новостями с кругом друзей и мнения твоего круга обо всем на свете.

Ну, а если прибавить к этому кризис большой литературы, оформившийся в середине XX века, и скверное качество современной беллетристки — бедность стиля, убожество мыслей, пошлость чувств, а главное — примитивность общего уровня и запросов — то возникает вопрос: а зачем это читать? Что это дает? Это не развлекает, не делает умнее и не делает лучше.

Массовая литература ничего дать не может, а элитная литература эпохи постмодернизма есть игра в бисер и тоже никак не обогащает личность. Старая классика? Молодежь не может ее читать, ну подумайте: вся классика в эпоху написания была современной литературой!

Что? Литература историческая? А в школах сегодня учат, что там токсичная мужественность, гетеросексуальный шовинизм, милитаризм, насилие и гомофобия. Воспитали? Поучайте ваших умственно отсталых неграмотных тинейджеров...

«Все, что меня не убивает, меня закаляет, — с сарказмом сказала себе Рут. — Старой жидовке очень полезно получить по ебалу от крепкой негритянки, чтобы мозги встали на место. Где ты была раньше, черная блядь. Попалась бы ты мне раньше — я бы растлила тебя, как мартышку. Впрочем, откуда я знаю, может ты и сама в этом преуспела. Но выпивку тебе я бы поставила». Ее охватило сентиментальное еврейское желание найти старого врага и объясниться ему в любви.

Она любила человечество месяц, а потом настала настоящая осень, красные и желтые листья поплыли в черном зеркале пруда, дорожки парка шуршали под ногами, понеслись серые облака, в сумке Рут прибавился термос с горячим кофе, а книжка в тот день называлась «Гибель Запада» Патрика Бьюкенена, и эта книжка скосила ее под корень.

Мимо ее сознания всю жизнь проходило, что черные насилуют и убивают белых раз в сто чаще, чем наоборот. Что культура коренных американцев, афроамериканцев и прочих пакистанцев — это культура белых, какими они были десять тысяч лет назад. Что когда отменят все наследие отцов-основателей — Америка кончится, но это будет не тот желанный конец, когда на смену капитализму придут счастье, справедливость и равенство, а жестокая борьба радикального ислама, африканского разгильдяйства и терпеливой, коварной азиатской беспощадности.

Она стала вести дневник. Прошедшая депрессия переродилась в жутковатое и гордое ощущение своей миссии и даже избранности. Рут избрала себе типа преемницы и обратила на нее нереализованные материнские чувства. Девочку звали Шарон Лапида, ей было двадцать два года и она, конечно, чем-то напоминала Рут в ее возрасте. А может, это только казалось? Сердце видит только внутреннюю внешность, если вам понятен такой неуклюжий оксюморон.

Сначала Рут делала в дневнике записи — то есть набирала на компьютере и распечатывала на принтере, чтобы потом сложить в папку. Ее огорчала эта офисная процедура,

но писать от руки в красивой толстой тетради было очень неудобно, медленно и вообще нелепо; хотя романтично и значительно. Появлялось ощущение причастности к мировому философскому процессу, к треску свечей и гусиным перьям, кружевным воротникам, заброшенной могиле в монастыре и посмертной славе.

Но рука уставала и начинала болеть, буквы выходили корявые и через пять минут неразборчивые, не надо глупых сантиментов. А зачем вообще писать, если у нее теперь есть помощница, доверенное лицо, наперсница и наследница? Она называла Шарон дочкой, хотя по возрасту девочка была ей уже внучкой...

Она садилась за компьютер, открывала на мониторе фотографию Шарон с внимательными ждущими глазами, включала запись — и поверяла ей свои выстраданные мысли. Ей они казались бесконечно ценными откровениями. Хотя, между нами, для людей сведущих кое-что выглядело бы банальным. Но какое дело до людских мнений тому, кто ощутил дыхание Вечности и обращается к ней?

А у себя в студии на Флэтбуш Авеню Шарон пропускала полученные откровения через голосовую печать с программным редактором, спускала с принтера и для страховки еще сбрасывала на флешки. Она готовила книгу Рут Фридман. Книга должна была называться «Темные века».

По поручению Рут она принимала участие в композиции книги — какую главу — или это эссе? — после какой ставить, и разбить ли весь текст на несколько частей. А главное — свежим непредвзятым взглядом оценивать стиль: легко ли читается, понятно ли будет молодежи, нет ли огрехов, повторов — то есть исполнять обязанности редактора. Что было весьма эгоистично со стороны Рут, чтобы не назвать это хамством. Редактор — серьезная, тяжелая работа. Но, по секрету, Рут испытывала слабость к Шарон, угрызаясь своим влечением как кровосмесительством. И ничего не могла с собой поделать: творчество и плотская любовь оказались для нее неразрывны. Шарон же из глубокого почтения не могла отказать заслуженной наставнице. Тем более что это нормально и прогрессивно.

Шарон гордилась своей бисексуальностью, и когда к ней приходил бой-френд, студент Медицинской школы Нью-Йоркского университета, она — часто среди ночи между сексом и продолжением — ставила ему записи Рут. Ей хотелось поделиться с Дани, так его звали, этими сокровищами мысли, хотя многие мысли она сопровождала комментариями довольно критическими: Дани был нормальный левый, а она сама уже болталась в неопределенности и не хотела его провоцировать.

Свет уличного фонаря лежал желтыми ромбами на постели, на их голых телах, горлышко бутылки звякало о стаканы; чертов Дани был умным и любопытным и, слушая экран компьютера, забывал о Шарон, думал о том, как ему-то предстоит жить в этом мире, который делается непонятным и непредсказуемым прямо сейчас и очень быстро. А Рут вещала:

«Большинству надо читать что попроще: комиксы, триллеры, любовную чушь, а лучше всего — сообщения в твиттере и картинки в Инстаграме. Новая эпоха — быстрой, короткой, отрывистой информации. Умение думать, анализировать, сопоставлять и делать выводы — требует тренировки на обширных материалах, а этого давно нет. Выросло поколение идиотов».

«Дети компьютерного века даже не понимают, что сами замещают себя машинами. Машины делают за них все больше и больше. Все идет к тому, что машинам уже не будут нужны люди. Это и будет концом человечества».

«Письменность и литературы были уделом интеллектуальной элиты. Эта элита имела свой престиж, свою притягательность, внутри нее существовала своя иерархия, своя зависть и свое честолюбие. Она стояла над простонародьем и была отделена от элиты властной и экономической.

Книгопечатание запустило социальные лифты: грамотность стала средством выбиться в люди, подняться над нищетой и бесправием.

Всеобщая компьютеризация стерла границы между социальными слоями в информационном пространстве. Нобелевский лауреат и бездомный наркоман встретились

в виртуальном цифровом мире. Дураки затопили собой мир, и умные стали почти незаметны среди них.

В информационном пространстве наступило господство быдла. Быдло перестало тянуться вверх: уже везде верх, оно уже и так рядом с богатыми и заслуженными, более того — у идиота миллионы поклонников, а у гения — лишь сотни тысяч максимум.

Быдло перестало стесняться себя, но более того — стало гордиться собой. Утверждало свои вкусы и воззрения, презирая инакомыслящих. И производители виртуальных продуктов — игр и прочего — в качестве рекламы потакают вкусам быдла и поощряют их.

Низший класс унтерменшей (да простит мне Всевышний это слово) уже сформировался. Они еще не знают, что обречены на вымирание в первую очередь.

Новый низший класс, недоумки и паразиты, повторяющие то, что вбила им в головы пропаганда, не понимают главного. Социальные лифты остановлены. Высший класс, господствующий класс, уже никогда не допустит их наверх, в свои ряды. Они не нужны.

Уже наступила Новая Новая Эра — эпоха господ при всесильных машинах — и эпоха рабов, которым кидают объедки: рабы уже не нужны, но пусть вымирают спокойно и без бунтов.

Расслоение на элиту и быдло все беспощаднее, между ними уже пропасть, она ширится.

Глупость и необразованность — это отбраковка Homo Sapiens, не прошедших естественного отбора: эволюция назначает исчезнуть людям, ум и знания которых не позволяют им возвышаться над Природой.

С тех пор, как Человек построил шалаш, сделал каменное рубило и овладел огнем — именно Ум и Знание определяли его господство над всем окружающим.

Ум и Знание — это перспектива, это будущее, это могущество.

Глупость и незнание — это смерть на обочине, в придорожной канаве Эволюции.

Всевышний, смилуйся над идиотами! Увы — этого не булет...»

— Еб твою мать! — сказал Дани. — Твоя старуха прямо пророк какой-то. Нехуево наворачивает.

Шарон прижалась к нему (а что ей еще с ним делать ночью в постели):

— Хочешь еще?

Прозвучало двусмысленно.

— Давай — сказал Дани, показывая голосом, что предпочел незнакомую виртуальную старуху молодой обнаженной любовнице.

Шарон стало лестно и обидно одновременно. Она чуть отстранилась и щелкнула клавишей:

«Опускаться вниз всегда легче, чем карабкаться в гору. Легкая сладкая жизнь развитой цивилизации — это и есть съезжание вниз.

Когда ты тяжело трудишься — это и есть подъем к достижениям и совершенству. Когда живешь легко и безбедно — это и есть деградация: твои нервы не напряжены, твой ум не трудится в полную силу, твои мышцы не сводит усталость. И тело твое слабеет, ум слабеет, комфорт порабощает тебя подобно наркомании.

Человечество без трудов и страданий обречено на вымирание».

«За год я прочитала двадцать семь книг по сексологии, и лучше бы не читала ни одной.

Сложись моя жизнь иначе, и живи я в другом обществе, я не стала бы лесбиянкой: строго говоря, я никогда себя ею на сто процентов не чувствовала. И теперь, все обдумав, я обязана признать:

В итоге, в результате — все виды ЛГБТ-секса, все виды феминизма, весь современный левый активизм — ведет к вымиранию человеческой расы. То есть: это величайшее, тягчайшее преступление перед Всевышним и людьми.

Конец моей жизни трагичен. Я могу лишь поделиться своим опытом, своими размышлениями».

— Ни хуя себе!.. — сказал Дани. — Да она альт-правая. Слушай, ты же связалась со старой фашисткой.

— Ты совсем ее не знаешь, — отстранилась Шарон в раздражении. — Включи голову:

«Демография — это судьба. Огюст Конт. Если женщины перестают рожать и народ исчезает — к чему все идеи и занятия? А ведь нас все меньше и меньше.»

«Искусство прошло вершину. Литература прошла вершину. Новое стало просто разрушением старого. У бывших гурманов возник спрос на невиданную еще еду — на говно под соусами. А ведь это верный показатель того, что и цивилизация прошла вершину. Шпенглер навертел много культурологической дури. Но в сути он был прав... Дегенерация и вырождение искусства — это лакмусова бумажка вырождения цивилизации. Простите неуклюжий оборот.»

«Если человечество заменяет себя машинами, причем процесс этот постепенный и облечен в заботу о новизне и удобстве — то и книги перестают быть нужны, делаются все примитивнее, а потребность в чтении исчезает.

Исчезновение потребности в чтении — это исчезновение потребности быть людьми. Это машинизация существ, сегодня по инерции еще человеческих, а завтра уже механических.»

«Где нет борьбы насмерть, где нет готовности и необходимости убивать и умирать во имя сохранения своей семьи и рода, где нет жестокой нужды трудиться в поте лица своего ради выживания, ради пропитания семьи, где нет нужды и желания рожать много детей, ибо от них зависит твоя старость, сохранение семейного очага и жизнь народа и государства — там вместе с безопасностью и комфортом приходит расслабление и дрябность души и тела.

И тогда женщины и мужчины делаются мало способны к рождению детей, ширится бесплодие, кости делаются тонки и хрупки, мышцы мягки и слабы: наступает физическая дегенерация, физическое вырождение. Это самая страшная беда нашей расы, европейцев, белых людей.

Так говорит нам физиология. Так говорят и селекционеры. Это свидетельствуют и подтверждают заводчики собак и лошадей.

Нагрузка делает людей сильными. Выжившие и победившие в борьбе — сильные. Комфорт делает слабыми.

Комфорт убивает народ и расу. Это блаженная наркомания, сладкая смерть.»

«Отделение секса от деторождения — есть ослабление воли к жизни, энергии жизни. Либидо делается бесплодным, расходуется на наслаждение помимо продолжения рода. Весь пар от машины идет в свисток и декоративную вертушку.

Традиционная сексология, социальная сексология — права:

Любые замены нормального двуполого секса отклонениями, однополыми наслаждениями и союзами, всеми видами мастурбации и сексуальных игрушек и машин — это уничтожение человечества.

Учитывая, что мы стремительно вымираем — все это должно быть объявлено тягчайшими преступлениями против человечества!»

— Старая блядь! — с чувством выразился Дани. — Но она права, твоя поганая старуха. Какого хера она к тебе пристает?

— Не смей так говорить, — всхлипнула Шарон. — Она прекрасный человек. Она очень добрая. И несчастная. Я не могу бросить ее — это ее разрушит. И потом — я обязана помочь ей закончить книгу. Ты слушай:

«Когда нетерпимую тоталитарную идеологию ставят выше научных истин — это фашизм. Это самоуничтожение.

Идеология вопреки науке — это ложь, а ложь в масштабе народа и цивилизации — это нарушение обратной связи. А нарушение обратной связи — это гибель. Если животное считает врага другом, яд — пищей, а убежище — опасностью, оно обречено на смерть. Это постигло нас.

Страшно произнести правду, но правда бывает страшной:

Расы не равны по своим умственным способностям, темпераменту и склонности к организации. В равных условиях они ведут себя немного по-разному. Вообще все это всегда знали, пока не началась эпоха саморазрушения, названная «политкорректностью». Отрицать эту разницу, установленную серьезными добросовестными учеными и доказанную статистикой — означает разрушать цивилизацию.»

«Называть изучение особенностей разных рас расизмом, а достоверно установленные факты различия рас в некоторых деталях — научным расизмом есть сознательное преступление против человечества.

Ужас в том, что сегодня ложь и преступление во имя идеологических догм приказано считать единственно моральными, а противоречащую им правду — преступной.

Когда правда объявлена преступлением — эту цивилизацию уже ничто не может спасти.»

...Шарон не довела до конца редактирование этой книги. Потому что Рут ее не закончила.

В поисках ответов на главные вопросы она увлеклась историей и, поскольку зрение садилось от компьютера, накупила массу книг. В томительный предутренний час, когда все чувства угнетены смертной перспективой бытия, она предвидела, как ее тело найдут в неопрятной квартирке среди книжных завалов и клочков исписанной бумаги.

В полусне она как-то произнесла:

— Эта тьма никогда не рассеется.

И когда светало и становилось легче, заварив кофе и глядя в окно на редкие машины, она представляла, как читает лекцию по Древней истории в университете:

Конец Бронзового Века был неожиданным, необъяснимым и неотвратимым, говорила она. В XII веке до нашей эры неведомые ранее Народы Моря, воинственные и жестокие варвары, нахлынули на процветавшие государства Средиземноморья и Востока: Микены и Греция, Междуречье и Египет, великое Хеттское царство — все были сметены ими. Долгая засуха и ослабление развитых держав предшествовали разгрому и падению.

Дальше наступило страшное. Триста и четыреста лет длились Темные Века. Разрушалась и исчезала культура, забывались ремесла, утеряны были секреты строительства. Уже никто не верил, что были до них дома в несколько этажей, и водопровод с холодной и горячей водой, исчезла письменность и не осталось грамотных людей, забыты оказались науки и искусства.

Но нравы были просты и суровы. Необходимость выживать заставляла напрячь все силы. А главное — у них было время. И кроме примитивной металлургии и плотницкого инструмента, колеса и весла, холодного оружия — у них не было никакой техники. Пришли и ушли десять и двадцать поколений — и люди начали подниматься вновь.

Нам трудно представить, что цветущая цивилизация сменилась дикостью, бедностью, примитивностью и упадком. Но так было.

А если времени нет? Если цивилизация сама организовала нашествие варваров на себя? Если сама запрещает сопротивляться варварам, но велит им подчиняться и кормить их? Если сама учит и заставляет людей не рожать новые поколения? И самое страшное — если сама заменяет себя машинами?

Раньше или позже Темные Века должны были закончиться Армагеддоном и концом времен.

И тогда узкое длинноносое лицо прусского короля под суконной треуголкой просунулось в серое рассветное окно и закричало ехидным фальцетом:

— А вы что, канальи, собрались жить вечно?

И фальцет превратился в гром и скомандовал:

— Гвардию в огонь!

Глава 56

РАЗДЕЛИМ ПИРОГ СЧАСТЬЯ

Факир был пьян, и фокус не удался.

1. Платон! Широкоплечий ученик Сократа, создатель идеализма как философии — он, он изобрел научный социализм в V века в Афинах! Что же «Государство»? Отмена частной собственности, все общее. Земледельцы, воины, правители-философы — каждый приписан к своему классу, у класса свои права и обязанности. Детей воспитывает государство! Справедливость: каждый делает что должен. Дисциплина и отсутствие самодеятельности! В чистом виде «социалистический лагерь».

2. Но еще до него возвестил пророк Исайя, что волк будет жить с ягненком, а барс лежать с козленком, и все будут жить братьями в мире, когда придет Царь истинный. И наконец пришел Иисус наш Христос. Все равны. Люди — братья. Но угодны и достойны бедные. Богатый не войдет в царствие небесное. Ударившему подставь и вто-

рую щеку. Непротивление. Но: кесарю кесареву, не мир принес я, но меч. Библейский социализм и христианский.

3. Восстание Маздака охватило в VI веке Эраншахр (Иран) и еще долго вспыхивало в Средней Азии и Закавказье. То был социализм по-манихейски. Землю и женщин (желательно и власть) делим на всех поровну. Любое неравенство — Зло, его уничтожение — Добро. Кости захрустели, кровь полилась, справедливость утверждала свое торжество!

4. Преинтереснейшим вариантом социализма отличались в Средневековье катары: с одной стороны, все души — христиан и иудеев, мужчин и женщин, богатых и бедных — совершенно равны, из чего следует равенство и праведность единой для всех судьбы. С другой же стороны, судьба заключается в том, чтобы заморить плоть, ибо тело есть Зло от Сатаны — и освободить дух свой, который есть Добро, дабы свободный дух (душа) воспарил к Богу. Милая ересь.

5. XVI век, Томас Мюнцер, немецкая крестьянская война: устанавливают «евангельский социализм» равенства, имущественного и правового. Конфискуют земли монастырей и дворян, уничтожают роскошь и проповедуют простоту. Устанавливают народную власть и уничтожают врагов Христа — то есть противников равенства и братства всех людей.

6. «Утопия» сэра Томаса Мора, лорд-канцлера Его Величества Генриха VIII, подобно «Государству» Платона рисует идеальное государство своей эпохи. Никаких философов как правителей. Что интереснее — никаких воинов как сословия. Количество городов, равное число жителей в каждом, численность семей — все учтено. Каждому — свое дело. Обязательная трудовая повинность — 6 часов в день. Горожанин обязан отработать 2 года в деревне. Для войны — наймем наемников. Но главное: никакой частной собственности! Она порождает воровство, эгоизм и стяжательство. А питание и одежду — регламентируем по минимуму.

7. Через сто лет в «Городе Солнца» Кампанелла упразднил не только частную собственность, но и семью, потомство давали лучшие женщины от лучших мужчин, а детей с младенчества воспитывало общество. Проклятие труда

отрабатывали всего 4 часа в день, остальное время развивались умственно и духовно.

8. И вот наступило Просвещение, и Руссо в трактате «О происхождении неравенства» проклял частную собственность как источник зла и причину деспотического государства. Дерзкие и гуманные мыслители Англии и Франции писали о равенстве земельных наделов и общественном труде без эксплуатации.

9. Великая Французская революция подошла к проблеме практически и масштабно: гильотина стригла головы королевской семье и дворянству, монархистам и спекулянтам, или просто «подозрительным». Свобода, равенство, братство. Взгляды и планы прогрессировали: от земельной реформы и политического равенства — до коммунистической диктатуры на переходный период от капитализма к коммунизму.

10. Ужаснувшись морям крови, коммунисты-утописты XIX века выглядели мирно и трудолюбиво. Создать сельскохозяйственную коммуну — фаланстер — и вести общее хозяйство, сообща обрабатывая землю и поровну получая еды и благ первой необходимости. Внедряли свои идеи талантливые организаторы, экономисты, вкладывая немало собственных денег: большой общий дом, большой участок земли и т.д. Да-да: Сен-Симон, Оуэн, Фурье. Все разбегались, такое горе.

11. Н-ну-с, а вот и Маркс. Борода, памятник, Энгельс, «Капитал», «Манифест коммунистической партии». Деньги не умел зарабатывать и не умел сохранять и рационально расходовать. Поэтому — теоретик. Но — поселился на большой дороге Истории, там где разбойнички с топорами пошаливают. «С этим бухгалтером Европа еще наплачется», — гениально предрек Бисмарк.

12. В 1917 социалисты-марксисты захватили власть в России, физически уничтожили дворянство, духовенство, купечество, зажиточную верхушку крестьянства и большинство офицерства и интеллигенции. А также любую оппозицию, всех несогласных, и еще часть крестьян выморили голодом, экспортируя продукты в обмен на строительство военных заводов.

13. Италия! Пламенный социалист Муссолини подкорректировал собственную версию социализма, исключив гражданскую войну бедных против богатых и создал корпоративное государство фашизма — 1922. А 1933 — Гитлер привел к победе партию национал-социалистов: корпоративное социалистическое государство для арийцев.

14. Ну, а после II Мировой войны Советский Союз установил подконтрольный социализм во всех странах, куда входила его армия: вся Восточная Европа, Китай, Северная Корея и Северный Вьетнам. Диктатура коммунистической партии и закрытые границы.

15. Затем русская рука дотянулась до американского континента: социализм на Кубе и в Чили.

Но это было и все.

А теперь, дети, будет конец сказки. Слушайте, чем это кончилось:

Платона сослал рабом в каменоломни тиран Сиракуз Дионисий; друзья и почитатели выкупили его.

Христианство установило на тысячу лет такие жесткие законы и аскетические нравы, вело столько кровавых войн, развело такую коррупцию, что через две тысячи лет добилось презрения мыслящих людей.

Маздакитов в разоренном Иране зарыли ногами кверху. Впавших в самоистребление катаров уничтожили. Немецких бунтовщиков-уравнителей казнили. Мюнцера четвертовали. Томасу Мору отрубили голову. Все деятели Французской революции истребили друг друга, а в результате начавшихся войн погибло еще два миллиона человек.

Самая характерная судьба фаланстера — в России, у «первого русского коммуниста» Буташевича-Петрашевского. Выстроенное для них здание с хозяйственными службами и утварью мужики сожгли в первую же ночь. Друг русского диссидента и революционера Герцена, Огарев, купил для рабочих фабрику и устроил на ее базе фаланстер. Рабочие терпели шесть лет, но и ее сожгли. Русские склонны к кардинальным решениям.

Советский Союз обнищал и рухнул вместе с сателлитами. Куба и Северная Корея закрылись от мира, чтоб весь народ не разбежался. Китай ввел элементы свободного

предпринимательства, создал смешанную экономику и преуспел экономически, оставаясь тоталитарным.

Дети! Что мы имеем? Что социализм как теория очарователен — но люди ему не подходят никакие! Практика не оставляет от него камня на камне! Но мошки летят на фонарь и бьются об него век за веком.

Социализм — это социальный наркотик.

Социализм — это опиум для народа.

Социалисты делятся на благородных идиотов, злых идиотов и подлецов.

Социализм обещает свободу — но строит концлагерь, ибо централизованная власть хочет решать все. Так воспитываются рабы и дармоеды — но так же воспитываются беспринципные и циничные карьеристы в области исключительно административной пирамиды, в области управления, менеджмента — ибо он решает всё и единственно он предоставляет максимальные возможности в социалистическом обществе.

Хотите построить себе концлагерь и сдохнуть в нем? Ничем не могу помочь.

Глава 57

ГЛАВНАЯ ОШИБКА

отдельный тезис

Главная и самая страшная ошибка политика, обрушивающая все его планы и благие намерения, приводящая вместо желаемых к противоположным результатам — это:

Выдавать желаемое за действительное
и
всеми средствами добиваться
утверждения желаемого как действительного.

То есть:

Утвердиться в какой-то мысленной, теоретической конструкции, превратить теорию в идеологию и сумму убеждений — и внедрять в мозги, в политику и экономику, в официальную мораль и государственное устройство: наши

взгляды единственно верны, наши действия единственно нравственны, наша цель достижима, безусловна и блага.

Начинается всегда с желания добра! А желание добра неотрывно от представления о возможности добра, достижимости добра. И если добро встречается так часто, и побеждает иногда в труднейших условиях, и люди подчас демонстрируют безмерную и бескорыстную способность к добру, стремление к добру — следовательно, добро может — и должно! — побеждать. Этому и необходимо помочь. И для начала признать, что человек сам по себе — добр, позитивен, созидателен, альтруистичен. И когда никто человека не угнетает, не эксплуатирует, не мучит и не заставляет творить зло под страхом наказания и под приманкой награды — тогда свободный человек расправит свою свободную душу и направит мощный добрый ум на созидание добра бок о бок с другими свободными людьми, своими товарищами и братьями.

Когда прекраснодушное морализаторство кладется в основу политических реформ — всегда остаются руины, и потоки крови омывают их.

Все опыты по строительству социализма неизменно и закономерно заканчивались бедностью, диктатурой и репрессиями с последующим развалом.

Ибо. Ради измышленной модели свободы, равенства и братства — людей приходится лишить свободы сейчас: надо искоренять одних врагов, перевоспитывать других, контролировать сторонников в их действиях — и воспитывать всех в духе единых взглядов и единой идеологии свободы.

Свобода как кодекс взглядов и поведения, не имеющая альтернатив — это и есть рабство.

Принуждение к назначенной форме свободы — и есть террор.

Человек не хорош и не плох — он многогранен и многослоен. Добрый и злой, созидатель и разрушитель, благородный и подлый, гений и дурак, завистливый и щедрый.

И:

Планируя социум — необходимо вводить как поощрения позитивных качеств, так и ограничение, запрещение, наказание негативных. Учитывая неоднозначность любой —

любого и каждого! — человеческой натуры.

То есть:

Карай злодеев и преступников — и оставь в покое всех остальных. Поощряй добродетель — но только не в приказном порядке.

Свобода — это когда каждый волен делать что хочет и отвечает за себя сам. В рамках Десяти Заповедей, скажем.

И тогда свободные люди сами собой выстраивают максимально свободное, разумное и эффективное общество. Где — да! — есть неравенство, бедность, несправедливость и горе. Но!!! Иначе будет еще хуже.

Горе и счастье, бедность и богатство, справедливость и несправедливость, свобода и рабство — это те самые диалектические пары. Противоположности, единые в своей неразрывности. Нет одного без другого.

Альтернатива — казарма. Но там нет свободы вообще, нет выбора, есть жесткий закон и подчинение приказу. Есть командиры и подчиненные. И все равно: доблестный и трус, сильный и слабый, красавец и урод, умелый и безрукий — не будут равны в казарме! Им — разная мера уважения, значимости, любви.

Да: человек принуждает себя приспосабливаться к социуму. Но есть награда: достаток, признание, место в иерархии. Человек этого хочет! И есть наказание: не будешь пахать — будешь нищим и бесправным.

Но. Все благие политические теории исходили из равенства и обобщения. А вот это противоречит природе человека — биологической природе, вселенскому его устройству, структуре его психики, его гормональной системе в связи с высшей нервной.

Благие политические стремления идеалистов — на выходе дают прокрустово ложе.

Запомните:

Нет страшнее врага у человечества, чем благомыслящий и гуманный высокоморальный идеалист, внедряющий в жизнь свои чудесные прожекты. Ибо чем убежденнее он в благости своего прожекта, тем с большей жестокостью, ломая любое сопротивление живой жизни, пытается переустроить мир вопреки его естеству и законам.

Глава 58

КРИТИЧЕСКАЯ РАСОВАЯ ТЕОРИЯ

Если вы считаете, что все расы (а в частности и прежде всего африканская и европейская) умственно равны, ментально и темпераментно также,

а интеллект не является врожденным и не наследуется, но развивается в той или иной степени в зависимости от социально-экономических условий формирующегося ребенка и тинейджера,

— то вы должны признать, что расовых отличий (кроме чисто внешних черт типа цвета кожи или черт лица) не существует,

— и расы — это чисто социальный и политический конструкт.

В таком случае очевидно, что любое неравенство рас — это феномен социальный и политический, но отнюдь не следствие расовых различий.

А тогда необходимо и возможно устранить все имеющиеся отличия в благосостоянии, правах и социальном статусе рас — путем именно коррекции социальных и политических условий.

То есть: мы приходим к пониманию, что правильно, справедливо и потребно принять политические, социальные и экономические меры для выравнивания всех успехов всех рас.

Меры приняты: все равны в правах и возможностях.

Поскольку сразу, быстро результатов не наблюдается, мы вводим «позитивную дискриминацию» — то есть устанавливаем и юридически закрепляем некоторые правовые преимущества для расы, находящейся в неравном, худшем положении. Преимущества в получении образования и предоставлении работы, представительстве в выборных органах и руководстве предприятий. Этим должно компенсироваться два или три века угнетения и рабства отстающей расы, это поможет ей из худших стартовых условий создать свои преуспевающие слои и поднять общий уровень жизни.

Но если и после этого мы не наблюдаем ее подъема и выравнивания с преуспевшей расой — значит, дело по-прежнему в расизме. В чем же еще?

А если нам трудно, порой просто невозможно определить, в чем же именно проявляется этот расизм? Значит — это скрытый расизм!

Наличие скрытого расизма прямо вытекает из безоговорочного равенства рас умственного и ментального — но неравенства социально-экономического. Оно продолжает сохраняться даже при внешней видимости полного, якобы, равенства. Ведь это не может объясняться врожденными качествами рас!

Равенство рас давно и неопровержимо доказали ученые и философы. Но неравенство их положения явно для всех!

В таком случае единственная причина и единственное логичное и разумное объяснение неравенства рас — именно скрытый расизм. И если белые, несмотря на лицемерное формальное равенство, вечно живут лучше, располагают большей властью и имеют больше благ — значит, они скрытые расисты! А что же еще?!

Из этого вытекает:

Признание равенства рас — неизбежно влечет за собой признание истинности и необходимости Критической Расовой Теории. А означает теория сия следующее:

Расизм заключен в самой структуре психики белых людей, какими они формируются с рождения. Их история рождает в них чувство белого превосходства: античная философия и наука, великие империи и открытия, завоевательные войны и покорение мира, владычество над всем миром. Их наука и техника рождают в них белый шовинизм: паровоз и пароход, пушка и пулемет, телефон и телевизор, теория относительности и космические полеты. Их искусство наполняет их белой спесью: античная скульптура, живопись возрождения, симфоническая музыка и автомобильный дизайн. Все наполнено их фамилиями, города набиты их статуями.

Это порождает белый супремасизм — чувство белого превосходства по отношению к иным расам.

А кроме того, психика белых расистов включает в себя

нацеленность на успех и уважение к старательной работе, планирование своего будущего и расчетливость в деньгах, избегание конфликтов и аккуратность.

Все вышеперечисленное, внешне не будучи направлено на угнетение черных, в реальности создает неравное положение рас в обществе и государстве, то есть является расизмом чистой воды.

Что же следует делать? Недостаточно дать черным дополнительные, по сравнению с белыми, права. Необходимо также лишить белых незаслуженных привилегий. Белые, не сознавая свой скрытый расизм, даже не отдают себе отчета в том, что обладают множеством белых привилегий. А именно:

Белый может проводить практически все время среди людей своей расы.

Может, при наличии средств, без всяких проблем приобрести жилье в любом районе, и рассчитывает там на благожелательное или нейтральное отношение.

Включает телевизор или берет газеты и видит широко представленных людей своей расы.

Может оставаться равнодушным к языку и культуре цветных людей, никак за это не порицаясь своей расой.

И так далее — еще несколько десятков пунктов.

Необходимо бороться с белым супремасизмом и белыми привилегиями! А это означает, что необходимо уничтожить и стереть следующее:

убежденность в превосходстве белой культуры: белой истории, белой науки и техники, белого искусства и архитектуры, бесконечного мартиролога «великих» белых людей — все это должно быть лишено обозначения «белое». Необходимо установить полное равенство вклада всех рас в нашу общую цивилизацию! Необходимо стереть следы белости, знаки белой принадлежности из всех областей культуры! Наука и техника, история и философия, изобретения и открытия — вклад всех рас должен быть одинаков, равен!

А качества типично белого человека, все эти его планирования и трудовые подвиги — должны быть низведены с достоинств в расистские черты.

Белому нечем гордиться! Он ничем не лучше других. И сделал ничуть не больше. Он всю историю эксплуатировал всех, крал и присваивал достижения других рас, и все его действия вольно или невольно направлены на то, чтобы доминировать в мире и ставить другие расы ниже себя.

Так что если школьные и университетские предметы преподаются таким образом, что черные оказываются менее успевающими, чем белые — это и есть самый настоящий расизм. Выработав за тысячу лет систему ухищрений и приемов, белые строят программы так и по таким предметам, часто абсолютно ненужным в жизни, чтобы с детских лет, со школы, доминировать над черными.

Этому расизму в образовании не должно быть места! Только тот предмет истинен, только такая программа преподавания правильна, которая демонстрирует истину: все расы равны по своим способностям.

Так что мы согласно прогрессивному подходу и антирасистскому мировоззрению скорректируем, изменим, заменим, адаптируем предметы и программы так, чтобы они вели к истинному образованию: равному образованию и равным владением всеми предметами людей всех рас.

Высокая успеваемость и докторские степени — это одна из форм скрытого расизма, и даже очень мало скрытого.

Итак, необходимо вычленить суть:

Само существование культуры, созданной белыми, наук, искусств, традиций, созданных белыми;

само существование государств, созданных белыми, всей иудео-христианской цивилизации, созданной белыми, со всеми ее качествами, атрибутами и артефактами —

все это есть явный или скрытый расизм, ибо дает белым ощущение и осознание того, что это их раса создала эту цивилизацию.

И для того, чтобы уничтожить скрытый расизм — нужно выбить из белых всю эту дурь насчет того, что это белые создали эту цивилизацию, культуру, государства.

Для искоренения расизма необходимо:

стереть белую историю — частично уничтожив ее плоды, частично уничтожив память об истории, частично приписать ее заслугам всех небелых, а белых позиционировать

как грабителей, бандитов и рабовладельцев, присвоивших себе труд и достижения других рас;

частично сделать подчиненным меньшинством в странах, первоначально созданных ими, но сейчас все более заселяемыми цветными людьми;

всячески препятствовать размножению белых путем внедрения сексуальных и социальных идеологий, ведущих к бесплодию;

создать культ вины и порочности белой расы, чем мотивировано ее поступенчатое уничтожение.

Еще короче:

Необходимо заклеймить и вытеснить белых из их цивилизации, присвоив все права на нее исключительно цветным людям.

Необходимо понять:

РАСИЗМ ЕСТЬ ВСЕ,
ЧТО ВЕДЕТ К НЕРАВЕНСТВУ РАС

...Теперь вы поняли, ебаные мудаки? Поняли, херовы «антирасисты»? Поняли, что значит равенство рас? Хуй вам всем в глотку, чтоб голова не болталась.

Сам факт существования нашей цивилизации есть расизм, если наша цивилизация создана нами.

Уничтожить расизм — означает уничтожить или цивилизацию, или белых, или то и другое вместе, что вероятнее.

Вы послали подальше науку, статистику, факты, вы возвели благие пожелания в символ веры — и уверовали в равенство рас? И заклеймили преступниками тех, кто думает иначе и имеет безумство говорить правду? Получайте.

Получайте черный расизм. Получайте отбор работников не по способностям, а по расам, увечьям и сексуальным предпочтениям. Получайте черных штурмовиков и погромщиков. Получайте низведение образования до полуграмотности. Получайте жестокую цензуру и запрет свободы слова. Получайте уничтожение истории и памяти народа. Получайте вымирание народов и расы. Получайте конец нашей цивилизации, проклятые ублюдки.

Будьте вы прокляты.

Жизнь достаточно длинна, чтобы отомстить вам.

. . . . . .

Кстати об эпохе. Критическая расовая политика — это постмодернизм в политике.

Постмодернизм — это прежде всего смешение стилей и жанров, но главное — деконструктивизм: все повернуть обратной стороной, с ног на голову, разломать, повертеть, перемешать и, переставив в небывалом диком порядке, взглянуть на логику созданного хаоса изнутри и снизу, с непривычных сторон. Открывшаяся ошарашивающая картина объявляется верным пониманием.

Постмодернизм — это интеллектуальное циничное шарлатанство, посредством которого доказывается что угодно и любые выводы обосновываются любым исходным материалом через ряд произвольных манипуляций.

Постмодернизм — это убийство истины и замена ее любым количеством равноправных нарративов.

Постмодернизм — это смесь законов геометрий Римана и Евклида при решении одной задачи.

Постмодернизм — это кара богов обреченным, лишаемым разума.

Критическая Расовая Теория — это разломать Объективную Истину под предлогом ее несоответствия твоим желаниям, объявить ее аморальной и потому неверной и заменить безумной химерой, которую последовательная логика вырастила из подтасованного посыла, подчиняясь желанию идиота, возомнившего себя Демиургом.

Кто начинает со лжи — тот заканчивает мракобесием.

Глава 59

КАТАСТРОФА КАК СОВОКУПНОСТЬ

Все мы — герои великого романа, который от Сотворения Мира пишет Господь Бог. А уж человек, в меру своего ничтожного величия, пишет роман собственного сочинения. Где лишь передает крошечный отрывок из Сочинения Всевышнего.

Когда, за тысячи лет до нашей эры, в Египте и Двуречье писали об упадке нравов и конце света — они знали,

о чем писали: гибель великих цивилизаций была близка и грянула вскоре.

Когда Народы Моря хлынули с Севера и снесли цветущие культуры Бронзового Века — то и был конец великой эпохи и наступление Темных Веков с утратой письменности, ремесел и искусств.

Когда чуждое духу и доблестям Рима христианство, и получившие права римского гражданства бесчисленные провинциалы, и Юстинианова Чума, и великое похолодание VI века, и демографическое схлопывание переставшего воспроизводиться римского народа — предопределили крушение Римского Мира. —

Когда граф де Гобино, один из многих, кто тщился постичь причины краха цивилизаций, остановился на объяснении этническом и написал «Опыт о неравенстве человеческих рас». —

Когда в XX веке ученые соотнесли циклы солнечной активности, ширину годовых колец на срезах древесных стволов, климатические потрясения — с одновременными им катаклизмами социальными. —

И если мы присовокупим сравнительно недавний Малый ледниковый период XIV–XVII веков с его неурожаями, голодом, народными восстаниями, Эпохой Великих Географических Открытий и континентальными войнами европейского масштаба, что завершилось созданием США, Французской Революцией и наполеоновскими войнами. —

То как по приметам охотник в лесу понимает приближение зверя;

как по изменению атмосферного давления и влажности, скорости и направления ветра синоптик предсказывает погоду на завтра;

как по частоте пульса, температуре тела и хрипам в груди врач ставит диагноз и предвидит течение болезни; –

— так человек, наделенный зрением, слухом и способностью вычленять суть бьющей в мозг информации — в состоянии понять, что же происходит в мире и куда все идет. Правда, для этого он должен иметь определенное образование в области истории и таких ее составляющих, как экономики, политики, психологии и искусства. И способность к аналитическому даже не мышлению, избежим этого масштабного понятия, но — соображению. Самостоятельность, самоуверенность и нонконформизм.

* природные факторы, *
действующие помимо человеческой деятельности
— это:

1. КЛИМАТИЧЕСКИЙ КАТАКЛИЗМ. Первая объективная примета, сопутствующее обстоятельство природное — это катаклизм климатический. Холод, выбивающий посевы, или жара, порождающая засуху, или ураганы, или великий потоп. Не всегда цивилизационная катастрофа сопровождается климатической? Если порыться поглубже — почти всегда. Почти.

Дело не в том, что потепление климата первой четверти XXI века — дело рук человеческих. Ерунда, слишком хилы ручонки, коровы столько не напукают, и даже тепловые электростанции не нагреют. Извержение вулкана в 536 году — Кракатау то был или нет, спорят ученые, — устроило Земле такую ядерную зиму, которая и прикончила Античную цивилизацию. Мы и сегодня сделать такого не в силах, при всем желании.

Суть же в том, что — не впервые в истории, не волею и не силами человечества, вне зависимости от дел людских грешных — определенный климатический катаклизма имеет место и пока нарастает.

2. БИОЛОГИЧЕСКИЙ КАТАКЛИЗМ. Под которым обычно надо понимать масштабную эпидемию, от которой безлюдеют города и государства, нарушается экономический и социальный уклад. Это способствует обнищанию, анархии, политическому упадку.

Заметьте: Черная Смерть, пандемия чумы XIV века — не только соответствует по времени наступлению Малого ледникового периода, но и инициировала конец Средних Веков и переход ПредРенессанса в Ренессанс. Это же было начало Столетней войны и время бурных народных восстаний во Фландрии, Жакерии во Франции, восстания Уота Тайлера в Англии.

КОВИД-19 — глобальная пандемия нашего времени. Она совпадает с потеплением — и оказывает разрушающее

влияние на экономику и весь социальный уклад, порождая массовое недовольство и конфликты.

* далее следуют приметы катастрофы, *
обусловленные факторами цивилизационной эволюции —
то есть объективными историческими законами:
от воли людей это не зависит и обычно не понимается.

3. БЛАГОПОЛУЧНЫЙ ТУПИК. Это яркий и опасный признак конца подобен отравленному лакомству, сладкому наркотику. Уровень безопасности граждан, уровень материального благополучия, уровень комфорта, социальных гарантий — таковы, что рядовой гражданин может жить безбедно, не особо напрягаясь и не испытывая лишений и опасностей. Исчезла необходимость суровой борьбы за существование. Нет необходимости жертвовать жизнью, рисковать здоровьем, быть готовым убивать врагов и умереть самому. Это счастливое существование есть сигнал уже наступившего бедствия.

4. ФИЗИЧЕСКОЕ ВЫРОЖДЕНИЕ. Следующая примета и фактор, неизбежно порождаемый долгим благополучием. Люди всегда знали: даже самые храбрые и энергичные народы от долгого мирного процветания слабеют, дрябнут и теряют свои бойцовые качества, становясь легкой добычей новых варваров. И — на уровне медицинских статистик — мы имеем: кости скелета становятся тоньше и пористее, рост увеличивается — объем груди и мышечная масса уменьшаются, половой диморфизм сглаживается — то есть мужчины и женщины становятся больше похожи друг на друга. Растет уровень бесплодия у женщин, стремительно сокращается количество сперматозоидов в эякуляте мужчин. И все тяжелее «генетическая нагрузка» — то есть эвфемизм физического вырождения популяции: раньше больные и слабые умирали в детстве — теперь они вытягиваются медициной, дают больное потомство, люди становятся все слабее, менее выносливы, менее витальны и решительны.

5. НЕСПОСОБНОСТЬ К НЕОБХОДИМОЙ АГРЕССИИ. Вместо того, чтобы мужчина убил оскорбителя, преступника, врага на месте — пропагандируется миролюбие и запрет на насилие в любых ситуациях. Общество становится беззащитным. Защита отдается на аутсорсинг — только полиции и армии. Хулиганы и маргиналы терроризируют граждан.

6. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СХЛОПЫВАНИЕ. Когда женщины перестают рожать и народ начинает численно сокращаться — это приговор цивилизации. Яснее уже быть ничего не может. Причины, объяснения и оправдания не имеют значения.

* СИНДРОМ ОТМЕНЕННОЙ ФУНКЦИИ *

— вот как можно определить вышеуказанные явления. Человек в масштабе Природы есть функция труда и борьбы — преобразования энергоматериальной сущности окружающего. Когда для личности, группы, популяции отпадает жесткая необходимость переделки окружающего, когда для поддержания своего существования людям не обязательно трудиться вообще — они деградируют и вымирают. Они становятся лишним, избыточным, нефункциональным элементом Вселенной — и она использует атомы, из которых люди были составлены, иным образом. Все разговоры о счастье гармоничного самосовершенствования как высшей цели человечества — бред благонамеренных мечтателей.

7. САМОЗАМЕЩЕНИЕ. Это уже самый явный признак самоуничтожения цивилизации — не признак, но процесс гибели: когда граждане не хотят рожать детей и выполнять тяжелые работы, но ввозят людей иных народов и культур, чтобы работали они; а затем просто раскрывают двери всем желающим, наделяя мигрантов равными гражданскими правами.

Цивилизации гибнут не от нашествий чужаков и завоевателей. Не от того, что люди иной расы и культуры не могут поддерживать качественно иную и более высокую культуру, в которую они имплантированы. То есть да — они не могут, и все рушится. Но первопричина иммиграции, этнической экспансии — в том, что на пространстве деградирующей цивилизации образуется вакуум — вакуум людской, энергетический, культурный: мощь и напор былых завоеваний и освоений новых земель, энергия переделки и созидания — заменились потребительством, поиском

удовольствий, расслабленностью. Причина нашествий и иммиграций — в том, что постаревшая, зажравшаяся, обленившаяся в довольстве цивилизация уже не в силах сама себя поддерживать: рожать, сражаться, тяжело работать, терпеть лишения.

Подобное самозамещение — это рак цивилизации: организм уже не в силах вырабатывать новые здоровые клетки взамен отмирающих или при регенерации поврежденных тканей — и вместо родных заполняет их места инородными клетками, иноэтническими и инокультурными — ибо это проще, быстрее, экономнее, эффективнее. И эти новые клетки цивилизационного рака, примитивные, активные и быстрорастущие, не сдерживаемые заботой об общем благе организма, начинают пожирать здоровые клетки и замещать их своими копиями, переделывать под себя все органы, в которых поселились. Они изменяют эти органы, упрощают, приспосабливают к своим привычкам и представлениям — и через несколько поколений от былой цивилизации остаются только шелуха и название.

* СИНДРОМ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ *

— можно назвать процесс распада цивилизации на анклавы разных народов, представителей разных этносов и рас, разных религий и языков, разных традиций и ментальности, разных бытовых привычек — разных культур и психотипов.

Государство, держава, страна, цивилизация — тем крепче и устойчивее, чем более обладают единством на уровнях:

единство территории, языка, религии, морали, традиций, ментальности, этнического происхождения, политической власти, экономического уклада — то есть единство культурное и этническое в совокупности всех аспектов.

Поскольку же каждая группа — в силу устройства Мира! согласно социальным законам! — стремится занять возможно высокое место в общей иерархии и максимально самоутвердиться, поскольку каждая культура стремится к экспансии — постольку борьба за доминирование между группами неизбежна. И если одна не может подчинить себе другие — как происходит при строительстве империй — то группы раньше или позже предпочитают незави-

симость. И единая цивилизация (страна, государство) распадается на куски, уже ставшие разнородными.

«Мультикультурность» и «разнообразие» — это именно обозначение целенаправленного развала цивилизации (независимо от того, насколько этот развал осознаваем).

поскольку же все цивилизационные действия
* совершаются людьми, *
а люди нуждаются в мотивации:
— «каких действия надо хотеть, зачем и почему?»
— то создаются новая идеология и мораль,
обосновывающие создание личностных, субъективных
факторов и примет самоуничтожения

8. ИДЕОЛОГИЯ И МОРАЛЬ САМОУНИЧТОЖЕНИЯ. В суицидальной цивилизации вырабатываются суицидальная идеология и суицидальная мораль. Они принципиально дистанцируются от главнейшего вопроса — вопроса выживания народа, страны, культуры, цивилизации. Поставив во главу угла эмоциональный комфорт отдельного человека (при обеспечении комфорта материального, разумеется) — идеология и мораль повелевают: любому человеку, жаждущему чего-то — это подай. Любой несчастный должен стать счастливым не менее, чем большинство прочих граждан (и неграждан). Таким образом: содержание паразитов, однополые браки и усыновление ЛГБТ-членами детей, трансгендеры, расовые квоты на все учебы и работы, запрет на насилие даже к преступникам, отмена смертной казни даже детоубийцам, мультикультурность, свободная иммиграция иных рас и религий. И запрет на любые возражения, увольнение с работ и исключение из общества несогласных с политкорректностью и толерантностью.

10. РАЗРУШЕНИЕ СЕМЬИ И МОРАЛИ и одобрительная легитимизация любых форм и вариантов сексуальных девиаций — лишь одна, хотя и самая разрушительная, частность новой морали и идеологии самоуничтожения цивилизации.

11. ДЕГРАДАЦИЯ ИСКУССТВА. С рубежа XX века — профанация «современной живописи» и «скульптуры», резкое падение литературного качества «модных книг», необычайная примитивизация «музыки для масс», превращение

театра в эпатажные самопародии. С высот великого XIX века искусство спустилось в болото. (При упадке и падении Римской Империи мы это все уже наблюдали...)

12. ДЕГРАДАЦИЯ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ. В мужских костюмах исчезли одно за другим: трости, шляпы, шарфы, галстуки, зато джинсы и кроссовки появились на всех. Женские купальники исчезли до условности двух шнурков, зато мужчинам рекомендованы купальные шорты до колен. Показы мод не имеют вообще ничего общего с одеждой, которую люди носят. Здания с открывающимися окнами и светлыми помещениями заменились глухими стеклопакетами, принудительной вентиляцией и залами без окон, где клерки сидят рядами у ламп. В автобусах и поездах окна больше не открываются. Все легковые автомобили стали абсолютно одинаковой приземистой формы и всех оттенков серого цвета.

13. РАЗВЛЕКАТЕЛИ ТОЛП стали «элитой», богачами и кумирами: спортсмены, артисты, музыканты и певцы, модные портные и установщики никому не нужных рекордов. Они ничего не производят, никому не помогают и низачем не нужны: они отсасывают лишние (и огромные!) деньги цивилизации и занимают время, внимание, мысли и эмоции толпы — которой не на что больше употребить свои свободные, невостребованные возможности. Когда имитаторы и лицедеи замещают в массовом сознании исинных героев — воинов, ученых, пожарных и спасателей, политиков и врачей — это говорит о ПЕРЕГРЕВЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ. У нее гораздо больше необходимого денег, благ и невостребованной энергии. Она скоро сгорит или взорвется; или лопнет; или рассыплется.

14. ХАМСТВО. СКАНДАЛ как норма поведения и самореклама в мире развлекателей — в мире шоу-бизнеса. Кумиры учат: приличий не существует, достоинство — забытое слово, эпатируй, оскорбляй, главное — привлечь к себе внимание.

15. КОНСЬЮМЕРИЗМ, ПОТРЕБИТЕЛЬСТВО означает тупик развития и приближение конца: желудок не вмещает сожранного, кишечник не в силах переварить, и собственные яды отравляют организм.

* СИНДРОМ ПАРАЗИТАРНОЙ ЭКОНОМИКИ *

Все больше людей заняты бессмысленной деятельностью, все больше сил, средств и времени тратится впустую, чтобы занять людей хоть чем-то. Причем — главную роль в государстве играют не те, кто производят необходимые материальные ценности и услуги — фермеры и работяги, инженеры и торговцы, врачи и учителя — а политики, спекулянты, идеологи всех мастей, активисты и журналисты, кинематографисты и университетская профессуры изобретенных гуманитарных псевдонаук: и все они едят, одеваются, живут в домах, ездят в транспорте — а в общем никому не нужны.

16. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ. На данном уровне развития науки и техники, развития производительных сил и сложившихся на их базе производственных отношений — весь этот экономический, гуманитарный и потребительский изобильный комфорт достиг соответствующего «базису и надстройке» (используя удачные термины Маркса) оптимального уровня политического и экономического устройства цивилизации. Наша цивилизация сегодня дает как максимум производства, информационного и материального, так и максимум политических и социальных прав и гарантий гражданам.

Насыщение. Есть и такой термин. Применительно к химии — насыщенный раствор: добавь еще крупицу ингредиента — и он кристаллизуется, выпадет осадок, или еще какое-либо качественное изменение произойдет. Больше добавки раствор принять уже не может.

Насыщение цивилизации. Что означает: добавь еще чего-то, попробуй улучшить и усовершенствовать для нужд граждан еще какой-то процесс, экономический или политический механизм, пакет законов — и вместо улучшения будет: а) без толку, ничего не будет; это еще лучший итог; б) вместо улучшения произойдет дегенерация системного узла, подвергнувшегося воздействию. Президент Джонсон установил дополнительные выплаты матерям-одиночкам. Гуманно! Правильно! Благо для детей и матерей! В результате иметь детей вне брака стало экономически выгоднее, чем в полной семье. И: семья у афроамериканцев почти

исчезла, количество черных матерей-одиночек увеличилось в разы, 75% черных детей рождено вне брака. Растущие без отцов дети легче и чаще вовлекаются в банды, проституцию, наркоторговлю и т.д. Матери-одиночки же могут жить на детские пособия, никогда не работая. Так происходит люмпенизация афроамериканского населения.

Насыщенная цивилизация означает: благими намерениями вымощена дорога в ад.

Когда уже нечего улучшать, не насилуя человеческую природу и законы экономики — любое изменение означает ухудшение.

А если ничего не трогать? Сгниет само. Но медленнее.

Ибо эволюция требует смену систем — смерть старых ради рождения новых, пусть нескоро, пусть не всегда, пусть иногда худших.

Кто не понял — может катиться к дьяволу. К несогласным это тоже относится.

/К написанию сего Хантер Дж. Пейдж, доктор философии, профессор Университета Канзаса, ветеран Корпуса Морской Пехоты, участник кампаний в Ираке и Афганистане, руку приложил./

Глава 60

КРЫСИНЫЕ КОРОЛИ

Эксперимент № 1

Опыт «Вселенная 25», поставленный на мышах в 1968–72 годах Джоном Кэлхуном, известен настолько широко, что нет нужды подробно его пересказывать. Вкратце: загон 2,4 х 2,4 м, высотой 1,4 м. 256 ящиков-гнезд, каждое может вместить 15 особей. Температура комфорта, чистая вода и качественный корм без ограничений. Одновременно могли бы питаться до 9500 мышей. Еженедельная чистка загона, отсутствие врагов, паразитов и инфекций. Идеальные условия.

Начало: в пустой загон высадили 2 пары. Освоившись, они стали очень активно размножаться. Позднее размножение замедлилось. Когда особей стало около 600, усилилось иерархирование, возникли касты. «Отверженных» вытесняли в центр загона, их кусали и преследовали. Пожилые мыши, долго жившие в полностью безопасных условиях, охраняли свой статус и «опускали» молодых конкурентов на низшую ступень.

«Изгои» делались подавлены, переставали защищать себя и самок, изредка конфликтовали внутри своей группы. Самки делались тревожны и агрессивны, защищая потомство. Затем агрессия обращалась и на собственных мышат, самка могла убить их и стать «отшельницей», уйдя в дальнее гнездо и отказавшись от размножения и любой социальной роли в сообществе.

Размножение замедлялось, пока не остановилось вовсе. Увеличилась детская смертность. Развился индивидуализм.

Появилась каста «красавцев» — самцов, на тельцах которых не было следов крови и драк. Они ели, пили, спали и чистили свои шкурки. Не спаривались, не дрались, не занимали никаких социальных ролей, избегали любых конфликтов.

Со временем они и самки-одиночки стали большинством в стае и занимали дальние гнезда.

Средний возраст стал поднялся до 776 дней (на 200 больше максимального репродуктивного). Рождаемость падала и достигла ноля. Началась деградация, спонтанная агрессия, возник и ширился гомосексуализм. Появился каннибализм.

Популяция вымирала, имея все идеальные условия для жизни, и вымирание ускорялось.

Максимальной численности — 2200 особей — популяция достигла через 500 дней эксперимента. Через четыре года от начала эксперимент был прекращен: вымерли практически все. Осталось 27 особей, все вышли из репродуктивного возраста, самой молодой мыши было 987 дней (что примерно соответствует 95 годам человека).

Выводы:

Идеальные условия, отсутствие трудностей и опасностей, которые надо преодолевать, гарантированное питание

и жилье, о которых не надо заботиться — чреваты огромной опасностью. Искажена среда обитания, к которой особь адаптирована эволюцией. Невозможность реализовать осмотрительность, смекалку, выносливость, ненужность напрягать силы для преодоления опасности — это отсутствие необходимых стрессов и напряжений. Происходит раскоординация психики. Врожденная энергия, не находя применения, обычного в природе, направляется на деструкцию социальных отношений и самокалечение.

Стремительное размножение в идеальных условиях — одновременно расслабляет и дезориентирует организм в условиях ненужности борьбы — и создает тесноту, дегенерацию социального пространства. А теснота усугубляет психические проблемы. Некуда уйти, нет свободного пространства для освоения.

То есть. Полное удовлетворение всех физических потребностей — не делает счастливыми, но напротив: ведет к деградации и вымиранию. Труд и опасности, борьба за жизнь и кусок хлеба — это наша доля, на которую мы рассчитаны Природой.

(Обычные возражения: люди не мыши, у нас есть разум, и можно уйти в виртуальное пространство, и найти себе дело, работу, не сходя с места, и вообще переехать в другой город или страну. Так что народам это не грозит.

Ответ: ага! То-то люди вечно воевали и бунтовали от ума и избытка пространства. То-то всегда знали, что в безопасности и комфорте самые бойцовые народы со временем расслабляются, дрябнут, теряют силу и мужество и предаются роскоши и разврату: вслед за чем вымирают и становятся добычей варваров.)

Практическая аналогия:

В США особенно ясно было видно, как жизнь в мегаполисах обоих Побережий деформирует личность, искажая мораль и уродуя социальные представления и связи между людьми, что ведет к деградации популяции и цивилизационному краху. В регионах же сельской местности и малых городов, где достаточно социального пространства и меньше возможностей для комфортного социального паразитирования, люди скорее сохраняют психическое и физическое здоровье и репродуктивную функцию, удерживая стабильный цивилизационный уровень.

Обстоятельство непреодолимой силы:

Цивилизационные прорывы, научно-технический и культурный прогресс осуществляются именно в местах самого крупного скопления людей. Там сконцентрированы учебные и научные центры, деньги и мозги, возможности предложения и спроса. Там информационное облако достигает наибольшей концентрации и объема, интенсивно происходит обмен мыслями, мозговой штурм; уровень инвестиций максимален. Мегаполисы — это концентрация человеческой энергии, поисков и открытий, точек приложения своих сил, форм и способов человеческой самореализации.

И здесь следует трагический вывод:

Цивилизация человекозатратна.

Для ее создания, подъема, движения — необходимы крупные концентрации человеческих масс. Это высвобождает средства и мозги, обеспечивает спрос, рождающий предложение идей и изобретений. Сюда стремятся таланты и честолюбцы. Только в сгущенной атмосфере мегаполиса могут из массы отсеиваться драгоценные крупицы человеческих гениев. Они и двигают прогресс.

Но одновременно в скученных и комфортных мегаполисах деградирует и вымирает население. Люди перестают быть здоровыми физически и нравственно, и перестают размножаться.

А поскольку мегаполис — это власть, экономическая и политическая, то он диктует здоровой провинции свои законы и порядки, ставшие со временем из свободных и прогрессивных — ошибочными и губительными.

Резюме:

Такова одна из главных системных причин цикличности существования цивилизаций: их подъема, спада и краха.

Эксперимент № 2

Подопытным крысам создают стрессовую обстановку: опасности, конфликты, смена периодов обильного питания и голода, дискомфортная температура. Несчастные за-

дерганные крысы нервны, подавлены, болеют, живут недолго. Умирают.

Другой группе создают комфортные условия: питание, температура, безопасность — никаких стрессов: сплошное счастье. Живут хорошо. Потом болеют и умирают. Но что характерно! Они живут не намного дольше первой группы! Не принципиально дольше.

Со следующими группами жертв науки испытатели пробовали различные соотношения положительных и отрицательных эмоций. Если этим крысам и плохо — плохо, и хорошо — плохо, то что же им хорошо? Что предпочитает психика и чего требует организм?

И оказалось, что полезнее всего для крысиного настроения, здоровья и долголетия — соотношение положительных и отрицательных эмоций 3:1. Три позитивных возбуждения на одно негативное.

Вывод:

Очень простой. Тепличные условия здоровью и долгой жизни не способствуют. Нужна доля трудностей и опасностей: преодолевать, избегать, трудиться и бороться, терпеть и искать выход. Условно и примерно (мерить сложно) — три радости на одно равноразмерное горе.

Аналогия:

Вот поэтому люди ищут приключений на свою голову, занимаются экстремальным спортом и ставят себе в жизни трудные, хотя и бессмысленные задачи — типа создать шедевр, чье совершенство тупая публика и кретины-критики все равно не оценят, или «заработать» сто миллиардов: переживает из-за скачков на бирже страшно, зато прибыли так радуется, что положительных эмоций как раз больше.

Теория и история:

Физиолог Уолтер Кэннон ввел понятие «стресс» (1926) и «реакция: бей или беги» (1919).

Эндокринолог Ганс Селье к середине XX века разработал теорию стрессов. Он делил их на положительные (эустресс) и отрицательные (дистресс).

Под «стрессом» может пониматься как объект или процесс, воздействующий на ваш организм и психическое состояние, так и общая адаптационная реакция организма на

внешний фактор; так и само эмоциональное переживание какого-либо события.

Для нас сейчас достаточно знать: человеку необходимы положительные стрессы — это активизирует правильную работу организма, поднимает иммунитет, укрепляет здоровье. Но и отрицательные стрессы — тоже необходимы! Для напряжения сил организма к преодолению стрессов. Для привычки и готовности нервной системы, иммунной системы, эндокринной системы — и с ними всего мышечного, дыхательного и т.д. и т.д. аппарата — адаптироваться к трудным условиям, неожиданным препятствиям, вызовам среды. М-да... Но, конечно, дистрессы не должны быть частыми и нерешаемыми. В меру, и чтобы хороший конец.

Вот это потребно нервной системе человека и всему организму; сущность наша такова. Иначе жить будем плоховато и недолго.

Эксперимент № 3

Шесть крыс помещаются в ящик. Из него один выход — в огороженный бассейн. На противоположном берегу бассейна — еда, достать ее можно только вплавь.

В группе возникают четыре социальные роли. Две бета-особи плавают за едой и приносят. Две альфа-особи бьют их, отбирают еду, питаются, после чего разрешают бета доедать остатки. Одиночка гамма-особь сама плавает и сама ест, давая отпор альфам и не позволяя обобрать себя. Одиночка дельта-особь — пария: плавает, приносит, после чего ее бьют все, даже бета и гамма, и отбирают еду; она питается тем, что остается после всех.

Из разных групп брали шесть альфа-особей и повторяли эксперимент: с тем же результатом. Двое плавают, двое отбирают, одна сама по себе, одна — изгой.

Повторяли с шестью гамма-одиночками, с шестью изгоями, с шестью бета — всегда один результат. Группа структурируется тем же образом.

Вывод:

Стремление группы особей к структуризации, усложнению, созданию и распределению разных социальных ролей — имманентное качество группы, заложенное в ее

природе. Это стремление аморфной массы монад структурироваться в определенную систему.

Аналогия:

В русских тюрьмах и лагерях ставились при советской власти подобные опыты. Осужденных, впервые совершивших преступления, причем нетяжелого, случайного или бытового характера, изымали из общих мест заключения и помещали в отдельные лагеря. Начальство полагало, что там, где нет рецидивистов-уголовников и жестоких правил воровского мира, установятся гуманные отношения.

Однако! Мирные арестанты, вчерашние добропорядочные граждане, мигом воспроизводили тюремный кастовый порядок. То есть: выделялся главвор, под ним — группа воров, под ними и шире — круг блатных. Они не работали, брали себе лучшую еду из посылок, лучшую униформу и лучшие места (у окон и т.п.) в бараках. Основная масса — «мужики» — работали. «Чушки», кроме того, мыли полы и исполняли роль прислуги. «Опущенные», «петухи», «парафины» назначались в пассивные гомосексуалисты для сексуальных услуг.

Причем! Порядки и отношения в таких зонах были более жестокими, чем у профессиональных уголовников! Неофиты, знаете, всегда рьяны...

Следствие:

Не будут у вас все шесть крыс вместе братски плавать за едой и потом братски, поровну питаться. Ни все вместе, ни по очереди.

Не будет никогда никакого анархизма, анархокоммунизма и анархосиндикализма, а также либертарианства — как реального политико-экономического строя. И равенства никакого тоже никогда не будет. Ибо оно противоречит основам Природы.

Элементарные частицы, атомы и молекулы, минералы и клетки — складываются всегда в такие комбинации, чтобы образовать как можно более сложные системы. Это относится и к социальной форме материи. Всегда — только усложнение, только дифференциация по качествам и ролям.

И кто полагает справедливость в равенстве ролей и результатов — тому придется вечно подавлять и насиловать

людей, чтобы удерживать их в анти-естественном, антиприродном социальном состоянии — вопреки их психологической, энергетической и социальной сущности. Придется калечить их.

А это всегда кончается крахом антисистемы и социальным взрывом.

Эксперимент № 4

Двадцать крыс поместили в парк, где были разные ходы, тоннели, колеса, домики, бассейн, длинные переходы и много пищи. Других двадцать держали в обычных клетках. Обеим группам поставили по две поилки: с обычной водой и с подслащенным раствором наркотика.

Крысы в парке предпочитали исключительно воду. Если некоторые и пробовали иногда наркотический раствор, зависимости не возникало, обычно они все равно пили чистую воду.

Крысы же из клеток быстро пристрастились к наркотику.

Далее группы поменяли местами.

Крысы из «парка развлечений», оказавшись в клетках, быстро перешли на наркотик.

Крысы из клеток, получив в парке возможность гораздо более разнообразной и подвижной жизни, постепенно перешли на воду.

Вывод:

Сенсорное голодание, отсутствие разнообразия, ограничение в новых впечатлениях, недостаток стимулов к движению, исследованию окружающего — ведет к эскейпизму, уходу в виртуальный мир, к наркомании, алкоголизму. К эрзац-жизни вместо жизни, к поиску искусственно вызываемых ощущений — вместо ощущений от реальных действий и достижений.

Аналогия:

Широкое распространение наркомании в развитых странах последней трети XX — начале XXI века — прямое следствие того, что молодежи н е и н т е р е с н о жить. Нет неведомых земель, которые можно открыть, пустынь, которые можно оросить, океанов, которые можно пересечь впервые, сопряженных с риском и опасностями путешествий,

которые можно совершить. Мир благоустроен и комфортен, везде дороги, аэропорты, госпиталя и магазины. Что осталось? Банды и революции — но это пресекается. И наркотики — о, это легко.

Дайте людям трудности и лишения, которые необходимо преодолеть, пустынные континенты, чтобы их цивилизовать, угнетателей, которых надо свергнуть — и наркотики будут не нужны.

Добавление:

Творцы, люди, которым всегда интересно жить, которые всегда находят себе занятие, делают открытия и создают науку, промышленность, искусство — эти люди составляют вряд ли 2% населения. Остальным необходимо заниматься чем-то, чем нельзя пренебречь, иначе вымрешь! Вот когда этим остальным 98% не обязательно делать что бы то ни было — они и прибегают к наркотикам.

Эксперимент № 5

Психолог Курт Рихтер опускал диких (отловленных) крыс в бачки, до половины наполненные водой, из которых они не могли выбраться. Вообще крысы — неплохие пловцы. Но убедившись в полной безнадежности своего положения, через четверть часа они прекращали борьбу за жизнь и тонули.

Рихтер взял домашних крыс (вернее, лабораторных). Более, так сказать, окультуренных. При этом не таких сильных и агрессивных. В воде они пытались спастись более активно: тыкались в стенки и даже в дно, пробуя все возможные варианты выхода. Но через ту же четверть часа убеждались в невозможности спасения и также тонули.

А вот на следующей стадии Рихтер доставал уже выбившуюся из сил и сдающуюся крысу из воды, обсушивал, подкармливал, давал передохнуть — и кидал обратно. И — крыса плавала после этого ш е с т ь д е с я т часов! То есть: в 240 раз больше!

У нее появлялась надежда: выбраться можно. И цель: держаться до прихода спасения! Это вскрывало в организме силы, неведомые ни ученому, ни ей самой.

Вывод:

Человек сам не знает, как много он может. Преодолеть, вытерпеть, совершить, дождаться, победить! Надежда и вера, вера и надежда! Не сдавайся никогда, не признавай себя побежденным никогда, борись, пока жив! Успех придет.

Аналогия:

Это забавное научное подтверждение бродячего сюжета древней притчи: одна лягушка утонула в горшке с молоком, из которого нельзя выбраться, а вторая била лапками до тех пор, пока не сбила молоко в масло: тогда она выпрыгнула.

Сделай или сдохни!

Время думать и время трясти.

Глава 61

ЭВОЛЮЦИЯ ХАРАКТЕРОВ В РОМАНЕ

Вообще-то в старой литературе характеры были вполне статичны: рыцарь — это рыцарь, злодей — злодей, трус — трус, хитрец — хитрец. Герой продвигался сквозь гущу жизни, переживая приключения и смену обстоятельств: он мог менять свое положение, возноситься и падать, но суть его не менялась.

В XVIII веке, предвосхищая романтизм, Даниэль Дефо превратил плутовской роман в историю метаморфоз человеческой личности: «Молль Флендерс» — изначально обделенная судьбой девочка, трудолюбивая и с добродетельными наклонностями, мечтающая о честном и заслуженном счастье — но жестокая жизнь заставляет ее становиться проституткой, воровкой, под конец жизни ей удается разбогатеть и окончить свои дни порядочной и уважаемой женщиной. Какая же она на самом деле? Всякая! Человек меняется: обстоятельства формируют характер и взгляды по-новому, а возраст вступает в свои права, диктуя перемены в характере со сменой этапов жизни.

О нет: характеры Дюма или Вальтера Скотта статичны. Но вспомним «Разбойников» Шиллера: собственно, это

бродячий сюжет, вечная жизненная ситуация: человек переживает сильное потрясение, жизнь его резко меняется — и оклеветанный благородный дворянин превращается в беспощадного разбойника, а гуляка и головорез идет в монахи и становится ревностным борцом с любыми грехами.

Гениальный Толстой в величайшем из романов «Война и мир» показал естественную, органичную эволюцию Наташи из восторженной жизнелюбивой девочки — в довольную благополучной семейной жизнью «сильную плодовитую самку», всецело преданную воспитанию детей и заботе о муже. Недалекий барчук-гусар Николай из картежника, проигрывающего семейные деньги, превращается в храброго и умелого офицера, затем — в самоотверженного сына, «жертвующего собою ради матери», и в конце он — рачительный хозяин, строгий и справедливый помещик.

Русская литература отличалась пристальным вниманием к изменениям души человеческой. У Чехова юный врач-идеалист Ионыч с годами превращается в равнодушного стяжателя. Бунинская прелестная гимназистка Ольга Мещерская с ее неповторимым «Легким дыханием» становится циничной развратницей.

Но! Ах, как глубок и мощен был гений Бальзака! Это он — еще в 1830 году! — вложил в уста Гобсека эти слова: «До тридцати лет некоторым людям еще можно верить. После тридцати — верить нельзя никому». Вы поняли? Молодости свойственно благородство, честность, идеализм, бескорыстие — пусть не всем, пусть некоторым, и все же это типично. С годами психология человека меняется: он становится эгоистичнее, циничнее, гаже, если угодно — наступает время вить свое гнездо, тащить в него добра сколько можно и защищать от всех.

У гениальных русских писателей советской эпохи братьев Стругацких есть роман «Жук в муравейнике»: на далекой планете в инкубаторе неземного происхождения найдены двенадцать человеческих зародышей — из них развиваются и вырастают обычные вроде бы земные люди, но у каждого на руке родимое пятно в форме иероглифа, соответствующего такому же иероглифу в странном ящике, найденном на той же планете. И вот эти люди неземного происхождения, достигнув определенного возраста, всеми способами стремятся к хранилищу, чтобы совместиться каждый со своим иероглифом — и запустить в себе некую программу, неизвестную землянам и им самим неизвестную!

Помню, ехали мы на уикэнд из Пало Альто в Йосемити, и сорокалетняя женщина за рулем рассказывала с усталым изумлением, что встретила после долгой разлуки подругу юности, уже мать семейства — и та изменилась настолько разительно, словно из человека вынули программу и вставили новую: ее ценности и взгляды, ее реакции на события близкие и далекие — было другим все! И рассуждала: да, возраст, семья, дети — человек меняется... это естественно — и все равно странно. (А вы говорите: литература, романы, Наташа Ростова...)

Беременность меняет женщину анатомически, физиологически, гормонально — и, естественно, психологически. Тут и гормоны, и самочувствие, и самоощущение, и мысли разные о настоящем и будущем, и социальная роль меняется: ум и ценности человека подстраиваются под его новое состояние.

Людей продолжает как бы удивлять, что из ангелоподобных детишек вырастают сволочные взрослые. Хотя известно, что подростки очень жестоки, юноши идеалистичны, мужики в лучшем возрасте работящи, суровы и позитивны, а старики скуповаты и слабеют умом. Ибо подростку потребно испытать мир на прочность и завоевать свое место в стае, юноше — иметь великую мечту преобразовать мир, мужику — создать и защитить семью и свой дом, свою землю — а старик безотчетно (инстинктивно) копит деньги во-первых на то время, когда уже ничего не сможет добыть, а во-вторых — чтоб передать своим детям, потомкам. (А в юношах был щедрым транжирой: на приобретенных друзей тратил, на владение пространством жизни, знал — завтра еще денег добудет и заработает.)

Все объяснимо! Все понятно, если подумать. Социум должен быстро реагировать на все вызовы среды, должен меняться адекватно меняющимся условиям — для этого есть новаторы: молодежь. Инстинкт велит им отринуть ценности отцов и занять свое место во главе общества,

утвердив новые ценности. Они кричат и требуют: долой вчерашний день, сегодня надо иначе! Но социум должен быть и устойчив, должен хранить все ценное, что испытано в веках и позволило ему выжить и подняться: для этого есть старики. Старики вцепились в ценности и взгляды своей молодости и не дают рушить их. Они — природные консерваторы. У разных поколений — своя социальная роль.

Юный щедр — старый скуп. Юный доверчив — старый подозрителен. У юного жизнь впереди — у старого позади. Каждый человек эволюционирует из ребенка во взрослого и старика — и из новатора в консерватора. Это задано природой — это необходимо.

Можно без хитростей сформулировать:

в течение жизни характер и взгляды человека меняются

в зависимости как от изменений анатомо-физиологических,

так и социально-психологических.

Меняется мышечный тонус, скорость реакции, гормональный уровень, нейронные связи в мозгу, работа мозга меняется в течение жизни.

Меняется материальная сущность человека и меняется его социальная роль. Естественно, изменяется личность и характер.

...Да, так я хотел просто сказать, что романиста обычно интересуют события, которые он выстраивает в сюжет, а герои — это творцы, участники и жертвы событий: судьба героя, сплетенная воедино с последовательностью событий, и есть основа романа.

Эволюция же характера героя несравненно реже есть цель писателя. Психология человека в своем развитии — это несравненно сложнее и тоньше, чем изложение цепи происшествий, даже увлекательное. Да и писатель-то, между нами, отнюдь не всегда умен настолько, чтобы понять и изобразить эволюцию личности. Художник ближе к животному — о, пардон, к певчей птице: вижу — пою! Почему пою? Душа песен просит, устроен я так. Вы же не требуете от соловья философии?

Прекрасен бродячий сюжет восточной сказки о джинне, заточенном в медный кувшин: первую тысячу лет он

молил и клялся озолотить того, кто его освободит, вторую тысячу лет — исполнить три любые желания освободителя, третью же тысячу, измучившись и озлобившись, — убить первого, кого он увидит, освободившись.

О перерождении человека знали античные греки, подвергавшие остракизму выдающихся и заслуженных граждан, очень популярных в народе: чтоб они не стали тиранами, узурпировав власть. Знали и джентльмены вроде остроумца маркиза Галифакса, заметившего: «Нет двух людей более разных, чем соискатель должности — и он же, уже ее занявший».

. . . . . .

Но не менее, а куда более важна социально-психологическая и даже физическая эволюция другого рода. Эволюция поколений в государстве и цивилизации. А она происходила всегда. И людям это было всегда известно.

Очень просто. Сначала тупые, сильные, храбрые и жестокие варвары захватывают страну (остров, народ, империю). Потом они переходят к мирной жизни, делаются трудолюбивы, они суровы и честны, привычны к лишениям. Постепенно приходит в страну достаток, появляются ремесла, развлечения, а там и науки. Все больше людей цивилизованных профессий... и так далее. И давно никто не пытался завоевать эту сильную и богатую страну. И ее жители изнежились, одрябли, расслабились и утеряли боевой дух. И стали легкой добычей для новых варваров.

Поэтому — мораль раннего периода страны: суровость, честность, простота быта, готовность сражаться и умереть за свой очаг и страну. И мораль периода изобилия и упадка: после нас хоть потоп — спеши получать удовольствия, смысла все равно ни в чем нет. Только чтоб не было трудно и больно! мы за мир и комфорт против насилия.

Что мы имеем? На этапе завоевания и освоения новой земли, строительства новой страны — от человека требуются следующие качества: сила, выносливость, храбрость, мужество, неприхотливость, терпение, трудолюбие, верность своему слову и своим друзьям, вера в себя, готовность к лишениям, готовность убивать и умирать за свою семью, свою землю, свой народ и страну.

А дальше? А дальше полиция, армия, закон, достаток, разделение труда, разделение функций, появление «культурных» специальностей все в большем количестве и ассортименте: торговцы, проститутки, маляры и плотники, художники и музыканты, журналисты и певцы, писатели и композиторы, ученые и изобретатели, и несть числа.

Какие теперь качества требуются от человека? Ум и образование. Предприимчивость. Толерантность — не драться на улицах и вообще. Востребованы разнообразные таланты. А также — лояльность, конформизм, миролюбие, толерантность. Осуждается жестокость и насилие во всех формах — они мешают всем жить мирно и продуктивно, производить и потреблять в комфорте.

Слабые, трусливые и глупые не отбраковываются социумом, не становятся изгоями, им находится место и пропитание, им находят дело, они оставляют потомство и размножаются. Самые агрессивные — ценнейший авангард воинов и первопроходцев — изолируются от общества, ликвидируются, их генетическая линия пускается по затухающей. Преуспевают самые предприимчивые, умеющие приспособиться к любым обстоятельствам, сохранить себя и воспользоваться любыми возможностями к своей пользе. Они не желают рисковать жизнью и умирать!

И что мы видим? Что потомки отчаянных викингов, бесстрашных и жестоких воинов — превращаются через сорок поколений в толерантных, миролюбивых, законопослушных и тихих шведов, норвежцев и датчан. И принимают такие законы, что мигранты (!) из Африки и Исламского Востока грабят и насилуют их средь бела дня — но запрещено даже дать гаду по морде!

Британские солдаты наводили страх на туземные империи всего земного шара! Французская «Великая Армия» Наполеона победоносно шла по Европе от Рима до Москвы! И вот сейчас негры режут ножами на улицах солдат и полицейских, арабы отрезают головы священникам в церквях! И вместо ответного погрома, уничтожающего общины обнаглевших дикарей, повсеместно идут кампании осуждения... «расистов», которые не хотят мириться с волной темных варваров, переселяющихся в Европу и загажи-

вающих ее, вытесняя и терроризируя хозяев в их собственном доме!

...Америку создали трудолюбивые богобоязненные люди, уважающие закон и умеющие постоять за себя — иные бы тут не выжили. Они рассчитывали только на свои силы. Готовы были к лишениям. Преступников жестоко карали. Люди пахали землю, пасли скот, строили дома, ковали железо, и оружие было обычной и необходимой вещью. Надейся на Бога, но защищайся сам. И хоронили своих мертвых, поколение за поколением, в этой земле, политой их потом и их кровью — в своей земле.

И поколение за поколением, исподволь, незаметно и понемногу, менялся их характер. Появился закон — и появился запрет нарушать закон. Но хитрые и подлые находили лазейки, подкупали слуг закона — и обращали закон в свою пользу или делали невозможным его применение. А честные и простые не могли уже сами наказать вора и убийцу — закон наказывал «самосуд».

Появлялось все больше толкователей закона — юристов. И все больше людей тех профессий, где не требовались сила, мужество, храбрость: торговцы и артисты, портные и инженеры, журналисты и изобретатели. А настоящими мужчинами были полицейские, солдаты и гангстеры. Но еще — простые работяги, которых все меньше оставалось в больших городах, они жили в глубинке и кормили страну: фермеры, скотоводы и все те, кто работал для них в небольших городках среди просторов. Там все знают друг друга, и плохому человеку там делать нечего.

А наука и техника все шагали вперед, и простых работяг становилось все меньше, а цивилизованных горожан с их культурными профессиями — все больше. И настал черный день.

Черные банды громили города и сносили памятники — и белое большинство не смело погнать их палками и пинками! Часть белых поддерживало погромщиков — а власти, состоявшие из «цивилизованных» горожан, бессмысленно проповедовало миролюбие.

Коммунистические заговорщики сговорились с олигархами — и жульнически подтасовали выборы президента,

открыли границы для нелегальных мигрантов из нищих бандитских стран — и начали открыто разрушать страну! Затыкая рот несогласным, фактически отменив свободу слова, преследуя за инакомыслие. А большинство — большинство недовольно, ругается, остается без работы, подвергается унижениям. Но!

Вот главное:

Прошло триста лет. Каких-то паршивых триста лет. И народ пионеров и воинов, народ суровых христиан и отважных борцов за свободу — превратился в нерешительное стадо, неспособное к сопротивлению. Как овцы в загоне, этот народ, славный своей историей и своими свершениями — позволяет помыкать собой. Позволяет лгать себе в глаза, подвергать свои законные действия запретам, лишать себя права голоса, позволяет содержать за его счет десятки миллионов бездельников и чужестранцев.

Богатая комфортабельная жизнь привела к тому, что высокопоставленные лица стали почти сплошь продажны. Их можно если не купить, то запугать: им есть слишком много чего терять.

Бесконечные уточнения и совершенствования законов привели к тому, что любое дело можно утопить в судебных прениях и тянуть до бесконечности.

Борьба за гуманизм привела к тому, что честный гражданин бессилен перед преступником, а полицейский боится не преступника, а наказания властей за превышение своих полномочий.

А изобилие привело к тому, что развелась тьма-тьмущая никчемных дармоедов с университетскими дипломами, которые желают заниматься никому не нужными и вовсе вымышленными вещами вроде «Методика достижения более высокой степени свободы личности у лесбиянок исламского мира» и прочая хрень.

И уже не собирается Континентальный Конгресс, и не создает Континентальную Армию, и генерал Вашингтон не встает во главе ее, и не начинается новая Война За Независимость — независимость от олигархов, коммунистов, агентов Китая и России, Ирана и Брюсселя, от профсоюза учителей и лживых сетей Кремниевой Долины, от анархистов и социалистов, сокрушающих Америку на наших глазах ежедневно и ежечасно!

С горечью и скорбью констатируем мы: храбрый и трудолюбивый американский народ — эволюционировал в покорное дерьмо, рабов, быдло, которое не решается даже пустить в ход оружие, которым владеет, не смеет выйти на улицы и разгромить бесчинствующие банды, не смеет разогнать и сжечь продажные суды и редакции лживых телекомпаний.

Это что?! Это сильный, храбрый, романтичный подросток — превратился в слабого, трусливого, трясущегося старика, который забился в свою нору, надеясь укрыться от расправы? Так никто ни от чего не скроется!

Так проходит не слава мира. Нет. Так эволюционируют народы.

Так докажи, что ты еще не дерьмо!

Иначе твой дом займут другие.

...И вот о чем этот роман.

БЕСПЕЧНЫЙ ЕЗДОК

За окном чудесная погода, облака летят, листики, птички, а тут одни проблемы.

Кстати об облаках. Удивительно, как разные люди могут писать одно и то же, соответственно об одном и том же? Но они запитываются из одного информационного облака. Живут в одно время, в одной системе понятий и ценностей, живут сходной жизнью — это определяет сходный образ мыслей.

Фата-Моргана нашей цивилизации — одна на всех. Вот мы и пишем все одно, потому что об одном думаем. А когда все начинают думать об одном — оно сбывается. Верно?

Как только Трамп что-нибудь новое объявит или сделает — так у меня сразу начинают болеть зубы. А если Байден что-нибудь объявит или сделает, у меня начинается лихорадка. В нашем обществе анонимных грибоедов Кастанеды мне объяснили, что это у меня болит душа. Но поскольку душа не материальна, а боль может проявляться только через что-то материальное — вот зубы и болят, или лихорадка

трясет. А могли бы болеть сердце или живот. Боль — это отражение. Проекция души на часть тела. Лола говорит, что после каждого твита Трампа у Сэмми два дня не стоит. А поскольку Трамп из твиттера не вылезает, вот у Сэмми и вообще не стоит. А сама Лола после выступления Байдена неделю фригидна. Им с Сэмми хорошо если раз в месяц трахнуться удается. Вот до чего политика доводит.

Дальше много вариантов. Что страдающие половой дисфункцией объединились в Ассоциацию сексуальных жертв Трампа и Байдена и обратились в Конгресс с петицией запретить одному пользоваться твиттером, а другому врать по телевизору: лишает их права на счастье. А еще лучше — все больные США объединились и обратились с такой петицией, что хватит подрывать здоровье нации: ну, потому что все американцы хоть чем-то больны, верно? Вот эта блядская власть, которая уже давно сама себя назначает, подрывает здоровье нации.

Стоматолог сказал, что лечение души обойдется мне в двадцать семь тысяч, после чего Трамп может проповедовать хоть съедение младенцев — я буду смеяться и перекусывать рельсы. Терапевт запросил одиннадцать со всеми анализами и исследованиями, после чего он гарантирует мне ледяное спокойствие удава, даже если Байдена четвертуют на лужайке перед Белым Домом.

Но я вам скажу так. Я лично либералам верю. Я сам голосовал бы за демократов, если бы вообще имело смысл голосовать, что за хуйня, все давно знают. Права личности выше прав государства. И пока я могу есть, пить, торчать и трахаться — эта жизнь меня очень даже устраивает.

КНИГА IX

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 62

ЖЕЛТЫЕ ЗВЕЗДЫ

I. Постановление Сената 1218/JH602

Согласно постановлению Комитета по Надзору за Государственной Безопасностью Конгресса Демократических Штатов Америки, принятому Конгрессом и утвержденному Сенатом.

В целях дальнейшего достижения все более полной социальной справедливости, руководствуясь заботой о безопасности, соблюдении гражданских прав и свобод и совершенствовании мер по обеспечению всех расовых, национальных, сексуальных групп населения, а также людей с ограниченными возможностями и особенных людей равными материальными и социальными благами, правами и возможностями, всем органам государственной власти предписывается и народу ДША объявляется:

1. Все лица еврейского вероисповедания, а также лица еврейского этнического происхождения других вероисповеданий и конфессий, равно как и атеисты, а также породненные с евреями лица, состоящие с евреями в зарегистрированном браке или сожительстве, а также их прямые родственники по боковой, восходящей и нисходящей линиям (братья, сестры, дети, внуки, правнуки, родители, родители родителей и их родители), а также лица в отсутствии живых родственников, имеющие $^{1}/_{2}$ еврейской крови, обязаны:

С 1 по 15 сентября сего года зарегистрироваться как евреи на сайтах своих муниципалитетов или тауншипов.

2. Отказ, уклонение, сокрытие национальности или любые другие формы саботирования регистрации влекут за собой наказание в виде увольнения с работы, или ликвидации бизнеса, а также штрафу в размере 50% всего движимого и недвижимого имущества и накоплений, а также ограничения в передвижении радиусом не более 30 миль от места проживания.

3. Всем гражданам вменяется в обязанность информировать местную полицию обо всех случаях уклонения лиц еврейского происхождения от регистрации, о которых им станет известно. В случае подтверждения сообщения и задействования п. 2 настоящего постановления информатор получает бонус в размере 25% от стоимости конфиската по оценке муниципальной комиссии.

4. Окружные судебные органы и местные полицейские управления обеспечивают соблюдение закона в случаях, предусмотренных п. 2 и п. 3 настоящего постановления.

5. Муниципалитеты обязаны до 31 августа в целях обеспечения регистрации создать для этого регистрационные страницы на своих сайтах. До 30 сентября муниципалитеты и тауншипы обязаны проконтролировать регистрацию и передать данные в окружные управления.

6. Окружные управления обязаны проконтролировать проведение регистрации и 15 октября предоставить данные в службу исполнения и надзора своего штата. Службы исполнения и надзора штатов контролируют деятельность окружных управлений по проведению регистрации.

7. Личная ответственность за проведение кампании возлагается на окружных прокуроров и генеральных прокуроров штатов.

8. Кампанию контролирует генеральный прокурор ДША.

II. Речь преподобного пастора Джереми Райта в Объединенной Церкви Троицы.

Много лет сионисты угнетали нас, и мы не раз говорили об этом. Терпение чернокожих беспредельно. Мы терпели, когда они порабощали нас в Африке и в бесчеловечных условиях, как скот, везли в тесных темных и душных трюмах

в Америку на продажу, и половина людей умирала в пути. А оставшуюся половину еврейские работорговцы продавали на рынках, и мы были обречены до смерти гнуть спины на плантациях под бичом надсмотрщика, обогащая белых.

Но мы добились свободы, как ни старались сионисты удержать нас в вечном рабстве! Мы проливали свою кровь за свободу всех чернокожих мира, и мы умирали за то, чтоб стать равными среди равных, какими создал Господь всех людей.

И что же мы увидели, когда вырвали у белых из глотки, из их лживой глотки и из их жадных рук, свое равенство? Что увидели мы, когда, не ожидая себе никакой награды за века тяжкого и унизительного рабства, мы хотели лишь по праву завоеванного места в братском кругу народов и рас Америки? Мы хотели той же любви и уважения, той же работы и достатка, той же справедливости и уважения, что и все люди на Земле. В наивности и доброте своей мы думали, что имеем такое же право на счастье и американскую мечту, что и все остальные.

Что мы увидели, братья, я вас спрашиваю? Что мы получили?

Да! Да! Мы ничего не получили! За все наши мучения, за всю нашу кроткую терпеливость, за нашу нищету и за тяжкую работу, на которой выросло богатство белой Америки — мы ничего не получили! Кроме презрения. Кроме трущоб. Кроме высокомерия белых, насаждающих агрессивный миф о своем превосходстве. Кроме унижений на экзаменах и приеме на работу, кроме изобретенных белыми псевдонаучных «тестов» — никчемных бессмысленных головоломок, якобы доказывающих их ум.

Я спрашиваю вас: кто изобрел эти дурацкие и ничего не показывающие головоломки, которыми пытаются объяснить, почему черных не пускают в руководство, на лучшие места, в лучшие профессии? Вы знаете ответ. Евреи!

Сколько среди вас здесь журналистов? А почему так мало? А почему две трети журналистов — евреи? Вам еще надо объяснять, кто занял наши места?

Банкиры, финансисты, миллиардеры — почти все это евреи. Владельцы телевизионных компаний и газет, Кремниевой Долины и Голливуда — евреи! Почему? Каким образом это произошло? По какому праву? Кто дал евреям право захватить все лучшие места? И какие места они оставили нам? Разве мы меньше трудились? Разве мы меньше страдали? Разве мы меньше сделали для Америки? Разве мы меньше пролили за нее крови?

Вы знаете историю Израиля. Мир знает, как угнетают сионисты Израиля своих соседей, беззащитных мусульман, исконно живших здесь арабов. Как убивают женщин и детей, разрушают арабские дома и сажают в тюрьмы всех, кто протестует. Этот современный фашизм — суть еврейского отношения к другим людям, гоям, как они презрительно называют нас. Лишь в одном месте мира евреи забрали полную силу и создали собственное государство — так посмотрите на преступления этого фашистского государства.

Братья, будьте бдительны! Не верьте убийцам и кровососам, не верьте хитрым обольстителям, севшим вам на шею!

Время справедливости настало! Пробил час сбросить их вечное иго! Оторвать пиявок, присосавшихся к нашему телу! Отомстить за миллионы погубленных наших братьев! Настало время вернуть себе нашу землю, нашу страну!

Но мы великодушны. Мы добры и справедливы. Мы не станем убивать их — хотя они убивали нас. Мы не станем обращать их в рабов — хотя они обращали в рабов нас, свободных людей своей земли. Мы даже не станем заставлять их работать на нас — хотя они заставляли нас работать на себя. Мы выше ненависти и презрения — хотя они ненавидят и презирают нас — за наше простодушие и честность, трудолюбие и готовность к бескорыстной помощи ближнему. Мы не призываем к мести, не зовем смерть на их головы.

Но пусть они уйдут. Люди устали от жидовского племени. Они всех достали. Хватит выкачивать из нас деньги! Хватит приписывать себе все заслуги! Жиды получают все премии и занимают все лучшие места! Но мы живем в Америке, а не в Жидовии! Они заняли лучшие участки и лучшие дома — но это наша земля и наши дома! Вы видели, как еврей строит дом черному? Да, только смех ответом на этот вопрос, такого не бывает. А мы строим им дома — почему? По какому праву?!

Вышвырнуть жидовских паразитов со всех теплых мест! Да здравствует справедливость! Да здравствует равенство! Вернем себе нашу страну!

Объединимся же в святом деле справедливости, братья!

Амен.

III. И возопили о горькой доле.

— Загадка антисемитизма вечна. То наша горькая доля, ее послал Б-г избранному народу своему, чтобы проверить его верность и укрепить веру.

Кто больше нас боролся за справедливость и равенство всех людей Америки? Кто больше нас помогал черным в XX веке сбросить все путы сегрегации, обрести гордость и самосознание и встать вровень с белыми и всеми людьми Америки? Кто вставал во главе борцов за свержение власти капитала? Кто внес столь большой вклад в славу и величие Америки?

Евреи создали фабрику грез, фабрику американской мечты — Голливуд. Евреи создали Америке атомную бомбу, а после — водородную... Зависть к нашим успехам, зависть к нашему уму создает нам врагов...

— Ой, ну хватит, завел шарманку. Тридцать процентов нобелевских лауреатов, великие физики и психологи, скрипачи и композиторы, врачи и финансисты. И такие тихие, такие законопослушные, трудолюбивые и образованные, просто сил нет. И никому не делали ничего плохого, ну просто идеальные люди.

— Кстати, была и еврейская мафия, и еврейские киллеры, и герои войны евреи. Да ничем мы не отличались от всех прочих американцев, разве что поумнее были и привыкли добиваться своего, даже если надо работать ради этого круглосуточно.

— За что... За что же теперь...

IV. ФБР, Департамент этнических конфликтов, оперативная инструкция.

Под особый контроль должны быть взяты следующие заметные фигуры из числа этнических евреев, могущие

в случае определенных событий оказать негативное влияние как на еврейскую общину США, так и на СМИ и определенные политические круги:

Сенатор Чак Шумер.
Сенатор Берни Сандерс.
Сенатор Бен Кардин.
Сенатор Брайан Шатц.
Сенатор Ричард Блюменталь.
Конгрессмен Стив Коэн.
Конгрессмен Алан Ловенталь.
Конгрессмен Ли Зельдин.
Конгрессмен Энди Левин.

а также

Энтони Блинкен, Госсекретарь.
Меррик Гарленд, Генеральный Прокурор США.
Эврил Хэйнс, Директор национальной разведки.
Алехандро Майоркас, Министр внутренней безопасности.
Джанет Йеллен, Министр финансов.

а также

Дэвид Аксельрод, политический консультант.
Дэвид Рэмник, редактор журнала «Нью-Йоркер».
Барбара Стрэйзанд, актриса.
Стивен Спилберг, режиссер, продюсер.
Майкл Блумберг, бизнесмен, политик.
Пол Кругман, экономист, Нобелевский лауреат.
Ричард Талер, экономист, нобелевский лауреат.

а также

. . . . . .
. . . . . .

V. Не разрушай дом свой.

— Сколько раз предостерегали вас, идиотов? Сколько лет убеждали, что этим все кончится? Чего вам в Америке не хватало?

Сто лет вы лезли во все социалистические кружки и движения с вашим поганым марксизмом, троцкизмом и коммунизмом. А потом сбежали от Гитлера неомарксисты из Германии — сплошь евреи, Франкфуртская школа,

все эти Адорно и Маркузе — и начали разрушать Америку, которая их спасла и приютила. Стали разрушать нашу семью, нашу религию, нашу трудовую этику, а главное — стали отравлять и растлевать нашу молодежь.

Движение гомосексуалистов — впереди евреи. Лесбиянки — впереди еврейки. Однополые браки — и здесь еврейка, член Верховного Суда США, заставляет узаконить их во всех штатах!

А этот Макиавелли американской политики — Сол Алински? Который учил приемам демагогии, издевки и пропаганды: уничтожай противника всеми способами, не давай ему передышки, хитри, лги, мошенничай — и опрокидывай, ломай положение вещей в свою пользу, любой ценой!

А ваша политкорректность? Кто был за привилегии для негров, для гомиков и лесбиянок, для инвалидов и слабоумных, для бездельников и мигрантов? И вы что думали — что уроды рода человеческого будут вам за это благодарны? Да они в гробу вас видали!

Вы финансировали фашистских штурмовиков на наших улицах? Вы поощряли их сжигать американские флаги, громить полицейские участки и грабить магазины? Пришла ваша очередь получать по хребту.

Вы боролись за уравниловку умных с дураками, а работяг с паразитами? Ну так пожинайте благодарность тех и других!

Вы ненавидели Трампа и любили Обаму? Слушайте, а как вам удалось за одно поколение стать идиотами? А идиоту полагается по башке! Ну так получайте и не нойте!

Ваши пейсатые ортодоксы — люди. Они хоть соображают. А вы — говно. Вам что, мало было уничтоженной России? Как там евреи ринулись строить социализм! Как расстреливали дворян! А потом прищучили их — то-то они запищали: ой, как же так?.. А вот так, блять!

Если вы не знали, что социализм всегда кончается диктатурой — вы все кретины. И если вы не знали, что власть черни всегда сопровождается еврейскими погромами — вы тоже кретины.

Но вы, лучше всех процветая в Америке, построенной белыми христианами, предали ее и способствовали разру-

шению. Вы помогали разорять работяг, унижать белых и запрещать христианские ценности. И теперь белым работягам есть за что вас ненавидеть. А черные ненавидели вас всегда. А желтые в гробу вас видали, да вдобавок вы им конкуренты.

Счастливого пути, идиоты.

VI. Из дневника Ханны Марк.

«*16 сентября.* Сегодня после большой перемены меня вызвали к директору школы. Он сказал, что пока я временно отстраняюсь от занятий. Я ни в чем не виновата, но это пока такое распоряжение. А потом мне сообщат, что дальше.

Тогда я спросила про дистанционное обучение, и он сказал, что про дистанционное тоже сообщат. Это странно.

Когда я зашла в класс за вещами, Рита Пирс хорошо со мной попрощалась и сказала, что скоро увидимся. А Итен мне подмигнул и, по-моему, я немного смутилась. Это зря, если он знает, что он мне нравится.

Мама сказала, что это к лучшему, потому что время сейчас неспокойное, а учить меня они с папой будут дома. Времени свободного будет, конечно, много. С друзьями, конечно, видеться пока будет трудно. Как-то я странно себя чувствую. Но нее хочу об этом писать.»

«*19 сентября.* Оказывается, папу уже неделю назад уволили из фирмы. И по их с мамой разговорам я поняла, что он не собирается никуда устраиваться. Этого я не понимаю. Он всегда рассказывал дома, как рассчитывает на повышение, как его ценит миллион раз слышала мистер Боуман, и какой он ожидает бонус за свои внедрения.»

«*20 сентября.* Болтала с Ритой по скайпу, и вдруг она спросила, когда мы уезжаем, и тут же как-то замолчала и стала смотреть в сторону, и вдруг сказала, что вообще все нормально. Я стала из нее вытягивать, что она имела в виду, и она сказала, что это ерунда, но ходят слухи, что все евреи собрались куда-то переселяться. Но нигде ничего не передавали и не писали, так что это просто слухи. Но мне стало как-то не по себе.

Мама сказала, что все это ерунда, чтобы я не обращала внимания. Но я ее знаю. Мне очень все не нравится.»

«*21 сентября*. Мама весь день наводила порядок. Но в основном перебирала одежду. И сказала мне, что у нас набралось много ненужных вещей, надо кое-что отдать на благотворительность, а новое и нужное отобрать отдельно. Папа до ночи возился в гараже.»

«*24 сентября*. Ну вот, все стало ясно. Мне немножко страшно. На телефон пришла эсэмэска из муниципалитета. В трехдневный срок вместе с семьей приготовиться к выезду к новому месту жительства. Папа говорит, что ему сказали друзья из округа, что распланированы новые районы для проживания евреев вместе. Культурные округа. Типа неотчуждаемых территорий — резерваций. Где мы сможем спокойно жить своей культурной и религиозной жизнью. Уж не знаю, сколько у нас было религиозной жизни. Но вообще это может быть интересно.»

«*28 сентября*. Хотела попрощаться с Итеном и Ритой. И пригласить к нам на новое место когда-нибудь — это тут миль двести, не так далеко. Но мой телефон оказался заблокирован. Родительские тоже. Папа сказал — это во избежание всяких осложнений, вдруг кто захочет помешать.»

VII. Забота и безопасность

С собой разрешалось брать по 50 фунтов личных вещей на человека. Недвижимость (дома и квартиры), мебель, автомобили сдавали под опись окружным комиссиям. Переселенцы могли нанять автотранспорт за свой счет. В случае пропажи багажа они имели право подать заявление в полицию.

В городах муниципалитетами выделялись кварталы и районы для расселения прибывших. Площадь квадратных футов жилья на человека и количество продовольственных магазинов на душу населения рассчитывались по санитарным нормам.

Чтобы обезопасить жителей района от нападений экстремистов, кварталы были обнесены колючей проволокой и охранялись национальной гвардией.

Жители имели право выхода в город по собственному желанию. Заявку на получение пропуска для выходя следовало подавать за 10 дней.

СМИ отмечали повышенную заботу федерального правительства о защите конституционных прав еврейского населения США.

Знаменитые евреи — кинопродюсеры, юристы, ученые — регулярно выступали по телевидению и благодарили государство и американский народ за создание прекрасных условий для жизни и работы.

VIII. Прапамять

Изгнание наша судьба, дорога наша судьбы, чаша судьбы и горькое счастье до краев, чужой среди своих, на дне памяти сжался от недоумения и боли мальчик: он узнал, что быть евреем плохо и стыдно, до этого дня он был как все, а от этой черты он живет с границей в душе, граница тонкая, как разрез от бритвы, и такая же непоправимая, этот невидимый разрез отделяет его от всех, кто не еврей, кто уверен в себе и своей земле, кто может травить, бить и гнать, все против одного, друзья и учителя, пьяницы и начальники, и твоя земля оказывается не твоей, твоя жизнь уже не твоя, и только дорога из одной неволи в другую, как это было три с половиной тысячи лет, от оазисов Двуречья до пустынь Ханаана, от египетских пирамид до зеленых кущ Иордана, от святого Ерушалаима до Масады и от Ерушалаима до Рима, Александрии и Константинополя, до Гранады, через земли франков и германцев до Польши и России, от Вавилона до Хорезма разбросан народ мой, все земли мира орошены его слезами, во всех краях света лежат кости праотцов, и рождались мальчики, чтобы учить и блюсти Закон, и рождались девочки, чтобы беречь огонь Закона и передавать его в поколениях; помнишь, как мы ходили по горячему песку, и ремешки сандалий трескались от жара? как пасли скот в голой степи, и как распахивали каменистую, неподатливую землю, как гнали стада на водопой, скудные стада к иссякающим источникам, как матери ткали нам одежду и как отцы учили ходить за плу-

гом, класть стены и владеть копьем и топором, чтобы защитить это поле и этот дом; и сияющий Храм на горе, и торжество Двенадцати колен Израилевых, и подвиги отважного и жестокого Давида, и славу мудрейшего из людей — царя Соломона; и была Ассирия, и чужбина, и старики, которые детьми покинули родину, вернулись на родные пепелища и построили Храм вновь; дым истории сплетается в пелену, и сыплются даты и годы, как зерно из порванного мешка, в выстелевшейся по бесконечному времени струе лет остались Масада, последняя крепость на последней горе над Мертвым морем, и наши мертвые, которые выбрали вечную свободу в смерти, не приняв жизни рабами; и александрийская резня, и сожженный Ерушалаим, и Великий Рим, столицы и страны мелькают в золотой струе зерен времени, прячутся в пыли, блестят под солнцем, а поверх всего стелются без края черные дымы над лачугами гетто, костры из горящих книг и горящие на кострах седобородые старцы, обрывки смиренных и отчаянных молитв сквозь пламя, полные черной тысячелетней мудрости детские глаза, скорбные глаза старцев тлеют черным закатным огнем под детскими лбами, гладкие детские лица будущих старцев и мудрецов, врачевателей и поэтов, еще отливают вороным глянцем седины просветленных цадиков, и тянутся бесконечные шествия изгнанников из черного зева веков в бесконечную тьму грядущего, вечное странствие суждено нам, жестока любовь Того, кто избрал нас между всеми народами, тяжка ноша, что взвалил он на избранный народ свой в знак великой миссии нести Свет и Истину в мир, утверждать верность Его заветам, Его заповедям и законам, сияет золотое солнце в голубом небе над градом на Семи холмах, да отсохнет моя правая рука, если я забуду тебя, Иерусалим, сойдет Мессия и восторжествует мой народ над другими народами и врагами своими, на будущий год в Иерусалиме, и никто не узнает, как сгинули те неверные, что остались в Египте и не пошли с народом своим через море и пустыню, как растворились в вечности и мире оставшиеся в Вавилоне, кто не вернулся на пепелища, чтобы восстановить Храм, сгинули те, чья кровь лилась по улицам Александрии, рас-

текся по странам и землям и высох, растворился в воздухе чужбин пот тех, кто был продан в рабство на рынках великого Рима, кто предпочел стать рабом, но не умереть в Масаде, чья твердыня высится ныне и присно и во веки веков, а выступающие из тьмы небеса уже прорезаны минаретами и мавританскими башнями, расчерчены колоннадами Альгамбры, протканы арабской витой речью, Кастилия, кастаньеты, перезвон музыки ладино, а уже собираются латные рыцарские колонны крестовых походов, и прах еврейских местечек отмечает их движение, и бегут со скарбом и без скарба, восходят на костры, принимают крещение, чтобы ночью за закрытыми дверьми извлечь из потайных мест священные свитки, чтение и молитва, жалоба и молитва, молитва и надежда, надежда и вера, и скорбь, и принявший крещение Кристобаль Колон стремится на неведомый и свободный Запад, ветер истории гонит суденышки через океан, шрамы памяти, шрамы истории, изгнание из Англии, из Германии, погромы и резня, грабеж и погромы, летящий пух из распоротых перин и изнасилованные дочери, треск выломанных дверей и звон разбитых окон, нескончаемая украинская резня и границы гетто, нищета и черта оседлости, завораживающие легенды о всемогущем банкирском доме Ротшильдов, изуродованные тела в грязи, беспомощность безоружных, и слух о новой земле, новом свете, земля обетованная, гражданская война в России и погромы, казаки, сладкая доля комиссарской власти и вновь разоренные синагоги, тюрьмы для помнящих молитвы и блюдущих закон; а уже звенит стекло Хрустальной ночи, дымят крематории, миллионы уходят в их топки, возносятся дымом в небеса, нет больше менял и ювелиров, врачей и аптекарей, портных, сапожников, нет ученых и мудрецов, но уже в Америке и в России евреи делают чудовищную бомбу, конец мира близок, и та же скорбь в глазах, и тот же юмор — победа и утешение гонимых, и уже пускают вчерашних жидов в университеты и правительства, это мы делаем кино и создаем новую философию, наживаем миллиарды и делаем открытия, но там, в глубине души, в подсознании, в генной памяти — все тот же страх, та же готовность к Ката-

строфе, к дальней дороге и казенному дому, к поношению и побоям, две тысячи лет оскорблений не отзвучали еще в генной памяти, в слухе, разбирающем шепот и мольбы предков и поколений, и скрип двери, стук шагов, лязг оружия, наглый голос и злой навет — звучат где-то глубоко-глубоко, стоит только замереть и прислушаться: заношенные лапсердаки, замурзанные дети, загнанные жизнью жены и тощие куры в нищих двориках, а если деньги, золото, лавка, сукно — по согнутый хребет, подлая улыбка, угодливость и услуга, и вечная, постоянная, неизбывная готовность к пинку и плевку, смеху и оскорблению, пыль польских шляхов и сетчатая тень испанских олив, английские туманы и веселая брань южных базаров, погоны царских жандармов и колья толпы, и крик, крик, крик, стон, страх, страх, и если пришли деньги, и права свободного человека, и дети выучились и вышли в люди, и никто не оскверняет синагогу, и тебе уже нечего бояться — ты знаешь, знаешь, это не ты, это сто поколений твоих предков — сто поколений, готыне! — знают: все равно впереди Судный День, бешеный огонь и беспощадный шторм, развеваются черные и седые волосы по ветру, рушится кров твой и пуст стол, беспомощные толпы бегут прочь от насиженных мест, и снова нет спасения, и мертвецы народа твоего вновь останутся без погребения, раздирать тебе одежды твои и читать кадиш, и ты готов, там, в глубине тысячелетней души твоей ты всегда и в любой миг готов к этому, пылают костры истории, костры памяти, погребальные огни судеб, летят во мраке искры надежд, стынут за спиной обломки былого счастья, и вот тогда ты вспомнишь все грехи свои пред ликом Его, все преступные и позорные слабости и ошибки, и захочешь изблевать из уст своих мерзость свою и глупость свою, которая хуже мерзости, но уйдет уже время для этого, и только вечное отчаянье останется тебе, безнадежные жалобы и бесполезные молитвы останутся тебе, потому что виновен ты пред лицом Его: ты не умышлял Его волю, не понял Его наказ, ты занесся и возгордился, ты уподобился язычникам и тешил гордость свою, и обрек себя на тяжкую участь, уготовил себе страшную стезю, и поэтому были скорбны глаза твои,

и горек смех довольства твоего, потому что пришел час — теперь встань и иди, и не сам ты пойдешь по воле своей, но погонят тебя те, кому в гордыне своей ты решил уподобиться, отринув заветы отцов твоих. Настало твое время плакать, и не будет тебе утешения, ибо сам взял ты на себя тяжкий грех: последовал Злу, забыв... забыв... вспомни, вспомни!

IX. Забытое

Очень многое забывается навсегда. Гибнет вместе с жертвами и свидетелями. Засекречивается в архивах, а потом уничтожается. Извращается пропагандистами, идеологами и историками. Или просто отторгается человеческой памятью.

Неким образом живет слух, который уже невозможно проверить: как на углу Мелроуз Авеню и Северной Гарднер стрит в Лос-Анджелесе собравшаяся толпа евреев линчевала еврея же, журналиста, который всячески поддерживал борьбу с системным расизмом и превосходством белых, что и окончилось массовым увольнением евреев отовсюду. Несчастного избили до потери облика и вздернули на уличном фонаре, причем собравшаяся вокруг толпа латиносов громко смеялась и била в ладоши, когда он задергался в петле.

Это очень, очень длинная глава. И очень страшная. Просто она не сохранилась.

X. Антисемитизм

Антисемитизм — это реализация имманентно присущего человеку социального инстинкта группового самоопределения по принципу: свой — чужой. Чужой, враг, противостоящий — всегда психологически потребен сознанию — чтобы во вражде к чужому сплотились свои. Это, повторяем, имманентное свойство человека группового, каковым и является хомо сапиенс.

Для детей в детском саду, младших классах школы: чужой — это выделяющийся чем-то, что дает повод противо-

поставить его команде и травить. Травимый обладает (или наделяется) неким отличием, качеством не полезным и не престижным: это не может быть сила, не может быть возможность доминирования в принятой системе ценностей и отношений. Но даже ум, богатство и причастность к высшим кругам могут быть основанием для травли, если остальные в коллективе бедны, неумны и принадлежат к низам общества. Особенно если таковы лидеры — самые сильные и харизматичные.

Красота девочки может быть предметом и поводом для зависти и травли, ненависти со стороны остальных девочек. Богатство мальчика может быть причиной травли даже без зависти: он не такой, как мы, он отличается — мы преследуем и дразним его, и вот в этой травле мы становимся сочувствующими друг другу, помогающими друг другу, делаемся своими, более близкими.

А уж жирные, хилые, очкастые, рыжие, слабые, трусливые — они просто предназначены для травли. И это объединяет остальных! Но ведь одновременно — это проявление ценнейших социальных качеств: выбраковка слабых, самоутверждение сильных, желание каждого занять самое высокое из возможных место в социальной иерархии, сплачивание группы через согласованность и солидарность действий и взглядов.

Там, где не слышали об евреях, хуту режут тутси, японцы китайцев, мусульмане христиан, католики протестантов, негры белых.

Для антисемитизма достаточно факта наличия евреев и их инаковости, отличаемости. Причем — отличаемость может быть даже условная, реально не существующая — но утвержденная номинально в сознании большой группы.

Тысячи лет гонений, уничтоживших большинство евреев, заставили эволюционировать тех, кто сумел выживать. Они делались живучими, гибкими, цепкими, выносливыми, хитрыми — и умными. Вследствие чего — богатыми и преуспевающими в разных сферах. Что, в свою очередь, дополняло вражду к чужому — завистью: чужой рядом со мной преуспел больше меня! Как это так?! Гадина.

XI. Комиссия по Внутренней Миграции

Архив. Отдел 4.
Мероприятие: «Новая родина».
Том 3. Содержание: Гетто.
Стр. 24–30: репортаж CNN.

«...на центральной площади этого прекрасного города! Вы видите новую синаногу, она построена на средства еврейских бизнесменов. А посмотрите на деревья этого парка, на чистые улицы! Здесь люди, наши граждане иудейского вероисповедания, могут спокойно жить и трудиться, окруженные приветливыми единоверцами, и соблюдать все традиции своего народа. В городе идеальный порядок. Муниципальная полиция также сформирована из евреев. После работы люди могут отдохнуть в кошерных ресторанах. У каждого есть возможности реализовать себя в избранной профессии: работают отделения банков и крупнейших компьютерных компаний, большой госпиталь и фитнесс-центр. Безработица в городе упала до нуля буквально через месяц заселения новых жителей. Мы все знаем, как трудолюбивы и предприимчивы евреи, и нет сомнения, что в самом скором времени... О! Вот идет житель, у него явно деловая походка, он спешит по своим делам, но мы надеемся, что он уделит нам минуту своего времени, дорогие телезрители. Скажите пожалуйста, как вас зовут?

— Саул Ратнер.

— Вы давно приехали в Кирьят-Рецах?

— Уже семь месяцев.

— Можно сказать, вы старожил?

— Да.

— С чего началась ваша новая жизнь на этом месте? Вам понравилось это благоустроенное место?

— Началось с того, что нашу колонну остановили, сгрузили с машин колючую проволоку и колья и велели нам обнести территорию для лагеря. И мы...

— Кен, отверни камеру, микрофон я выключила...»

Том 6. Содержание: «Письма знакомым»
Стр. 19. Аляска.

«...красота первозданной природы. Чистый холодный воздух очень полезен для моих легких. Питание у нас очень хорошее, трехразовое, каждый день птица или мясо, причем специально для нас готовят все кошерное. Эта забота правительства о своих еврейских гражданах трогает до слез.

Рабочий день 5 часов, два выходных в неделю, и еще дают выходной на семейные праздники — день рождения, бар-мицва. Так что мы почти не устаем. Физический труд очень полезен, мышцы крепнут прямо как в молодости, большое бревно легко несем вдвоем. А если указали копать яму, то два человека, один с киркой, а второй с лопатой, работают прямо как экскаватор. Никаких снотворных я теперь не принимаю, готов спать сколько угодно...»

Стр. 133. Калифорния, пустыня Мохаве.

«...аконец загорел, как карибский пират из старого кино. Температура здесь не такая высокая. Руководство заботливое, везде есть зоны отдыха, снабженные навесами для тени. Во многих рабочих и спальных помещениях регулярно работают кондиционеры. С водой у нас здесь хорошо, перебоев с доставкой практически не случается. Врачи говорят, что высокая температура очень полезна для тренировки сердца, а потоотделение очень способствует выведению шлаков из организма. Так что мы здесь, можно сказать, на курорте. Работаем на строительстве стратегического объекта, об этом подробнее писать нельзя...»

Том 9. Содержание: «Режим и сроки».
Стр. 3. Инструкция по длительности использования.

«Заключенный должен отдать все силы в течение двух месяцев. Это оптимальное соотношение затрат на его содержание, объема работ, которые он может выполнить, и коэффициента использования человека-места в трудовом концлагере.

Рацион определяется из расчета 1200 ккал/сутки.

Рабочий день устанавливается 14 час/день без выходных.

Норма выработки задается, исходя из местных условий.

Отработанный материал отправляется для утилизации с дальнейшим захоронением в пункты отдыха».

XII. Отчет службы внутренней информации отдела «J».

Сентябрь, 2 декада.
Содержание: Слухи и высказывания.

1. В зоне P-017 рассказывают о встреча профессора математики со своим сыном, членом национальной лагерной полиции, конвоировавшим старшую возрастную группу на работу. В результате возникшего между ними спора возникли волнения. Полицейский погиб. Была назначена к утилизации вся группа. Информация подтверждена.

2. Утечка информации по зонам о том, что Израиль блокирован силами ООН и не принимает еврейских беженцев.

3. Пересказывают доклад Комиссии по внутренней миграции о превышении норм уплотнения в гетто Пуэрто-Рико. 6,5 кв. футов на заключенного. Пункт отдыха не справляется с приемом умерших.

4. С одобрением передаются слухи о выявлении и убийстве заключенными сотрудничавших с нами информаторов. Особенно популярен слух о повешении раввина, нашего агента, на дверях барака.

5. Постоянный сюжет рассказов о конфликте между сотрудниками-евреями и руководителями-афроамериканцами в закрытом институте, разрабатывающем ИИ для боевых роботов нового поколения по заданию Министерства Обороны. Евреи между собой говорят о необходимости лишить полномочий афроамериканское руководство, оставив за ним чисто номинальные функции, поскольку своей некомпетентностью оно дезорганизует работу, выполняемую собственно заключенными-евреями.

6. Австралия отказалась принимать беженцев-евреев, мотивируя тем, что они своей агитацией развалят государство — такие слухи циркулируют в накопительных зонах PH-02 и PG-06b.

7. З/к c22Pм0691 инженер Вульфсон сказал: «А не хер было голосовать за нелегальных мигрантов, правительство

крышует их наркоторговлю, вот выйду отсюда — хоть парочку демократов пристрелю».

8. З/к н24Ра0447 врач Бергман сказал: «Досюсюкались жиды с черножопыми — вот теперь китайцы править будут, они Белый Дом давно купили».

9. З/к к29Ро0551 журналист Йоффе сказала: «Всех этих ебаных мусульман — на пароходы и немедленно обратно, в их родное говно, азиатские пески. Я два года в редакции в никабе ходила. Выйду — начальнику, арабской свинье, голову отрежу! Научили».

XIII. Поздравление

Президент
Содружества Штатов Свободной Америки
Александрия Окасио-Кортес
и
Спикер Палаты Представителей Конгресса США
Рашида Тлаиб
поздравляют руководство и народ штатов:
Аризона, Калифорния, Иллинойс, Массачусетс, Мэриленд, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Орегон, Пенсильвания
со славным достижением движения этнической диверсификации и победой над общими врагами – внутренними террористами, и решением Сената и Конгресса США объявляют их
зоной «Джуиш-Фри».

Все народа Америки выражают уверенность в новых славных свершениях на пути к справедливости и всеобщему счастью.

XIV. Агентство по оптимизации распространения информации.

Для ознакомления всех
федеральных, региональных и окружных
СМИ, а также электронных сетей и платформ.

Циркуляр.

С 1 августа сего года необходимо упорядочить все формы хранения и передачи информации, как на бумажных, так и на электронных носителях, в аудио, видео и графической форме, включая новостные программы, спортивные состязания, концертные номера, театральные представления, сайты, видеохостинги, социальные сети, а также книги художественные, документальные, популярные и учебные.

Необходимо не допускать попадания в информационное пространство упоминаний об евреях, обозначения их фамилий, изображений, биографий, бывших должностей, ученых степеней, премий, наград, открытий, научных трудов, книг, выступлений и иных деталей, касающихся их проживания и какой-либо деятельности на территории США в настоящее время или в прошлом.

В уже имеющихся книгах, монографиях, статьях и иных печатных публикациях, а также в титрах видео-, теле- и кинофильмов, а также в их аудиоряде уже зафиксированные фамилии евреев, причастных к их созданию или содержанию, необходимо изъять или заменить афроамериканскими, латиноамериканскими или европейскими христианскими фамилиями и именами. В текст должны быть внесены исправления или сделаны купюры.

В тех случаях, когда по обстоятельствам непреодолимой силы это частично или полностью невозможно, упоминаемому еврею создается новая биография с новой родословной, в которой не было предков-евреев.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 63

ПРОРОК, БУТЫЛКА И ПУСТОТА

Почему евреи работают на социализм, мусульман и негров — которые их ненавидят и бьют? И в случае победы — начнут погромы евреев и их дискриминацию? И социализм будет грабить трудолюбивых хозяйственных евреев — отдавая их деньги бездельникам. И наступит развал всего.

Так они еще гомиков, трансов и феминисток продвигают. Разрушают семью и мораль. Делают миллионы, сотни миллионов людей одинокими, изуродованными и несчастными. И думают, что им это не припомнят.

Евреев объявят виноватыми. Негры ненавидят их и так. И мусульмане хотят убить и так. Но и белые — возненавидят их как идеологов социализма, мозговиков, агитаторов, проводников разрушения — которые принесли горе всем белым и гибель стране.

Они не понимают? Нет — дело в другом.

Повышенная энергетика евреев и их высокий IQ — то есть повышенная энергетика центральной нервной системы, психики. Это требует максимума действия. А что такое действие? Это значит — максимум изменений. Крушить отжившее и строить новое!

Евреи как авангард и передовая движущая сила социальной и информационной эволюции. Маркс, Фрейд, Эйнштейн, ядерщики и социалисты. Новаторы!!! Сделать максимум всего!!!

Только в новаторстве, в переделе мира — можно реализовать весь свой талант, энергию, способности, жажду жизни и перемен. Здесь стремление к идеалу и всеобщему счастью — это рациональное оформление, аргументирование

инстинкта полной жизни — стремления к максимальным делам. Благие мысли как маскировочная раскраска максимальных дел.

Идеал жизни — как максимальный ее передел: сделай все, что можешь, переверни все, что удастся — и будет тебе счастье.

Это — подсознательное, объективное стремление, инстинктивное, энергетическое — сделать в жизни как можно больше, изменить как можно больше!

А идеология убеждает — потому что это хорошо! Человеку подсознательно необходимо рационально обосновать правильность и хорошесть своего стремления и своих дел.

Он думает — идеал первичен в его чувствах, мыслях и действиях. На деле же — инстинкт максимального действия первичен, а идеал — производная от него: нарисован, подогнан, механизм рационального обоснования подсознательных стремлений к максимальным действиям.

А там, где уже нечего создавать нового и совершенного — необходимо разрушать!!! Ибо человек — изменятель!!!

Вот в чем трагедия и преступление интеллектуального левого еврейства в XXI веке!!!

Глава 64

ПОЛИТИКА И ЛЮБОВЬ — ЭТО ОДНА СТРАСТЬ!!!

Говорит страстная и разочарованная социалистка:

— Политика и любовь — очень близки в одном принципе:

В любви — может понимать человек, что добра ему не будет, что боль впереди, измены, обманы, крушение жизни, потраченное время, отчаяние на грани самоубийства — но так хочется, что сил нет! и думать невозможно — любовь всего важнее и дороже, в ней весь главный смысл. А все прочее по сравнению с ней — уже не так важно.

И даже если она (он) явно не очень казиста, не королева, есть же другие, лучше! — но для влюбленного их вдруг не оказывается, а эта — желаннее жизни.

...Аналогично умный человек идет в политику и становится социалистом. Если подумать — ужас, разрушение, что

он делает!!! Но его глазами, его внутренним зрением, его личным пониманием и предощущением — это будущее прекрасно. Ибо страсть влечет его! А политика настоящая — это страсть, да еще какая! И его любовь к будущему, какое он видит — перевешивает все рациональные моменты.

А самые энергичные люди — всегда новаторы. Переделывать, отрицать и рушить старое и придумывать и создавать новое — это всегда креативнее, интереснее, требует больше таланта, ума, энергии, эмоций, сил!

И когда всё вокруг, всё в жизни, кажется, хорошо и в порядке — самые эмоциональные, креативные, талантливые и интересные из людей — начинают переделывать этот мир — веря в свою цель!! Они не видят правду — они видят только свою мечту.

Мечтатель и борец — создает из Хаоса Идеал. И мечтатель же и борец — этот Идеал превращает в Хаос. Что бы ни имел романтик и созидатель будущего — ради него он должен разрушить настоящее!..

...Вот так евреи-социалисты сегодня рушат Америку и готовят будущий Холокост для своих детей.

Глава 65

ЕВРЕИ И РЕВОЛЮЦИИ

Что сказал уволенный из Гарварда профессор истории Моня Лившиц, внук секретаря комитета Коммунистической Партии из Бреста, Беларусь, и правнук ученого рава Арона Шварцера из Бердичева, выпивший накануне полбутылки бурбона «Whild Turkey 101» и проснувшийся после сна, в котором горела синагога, а по небу летела еврейская свадьба:

— Ну, с Главной Революцией Мира, имевшей несчастье случиться в XX веке, с Русской революцией все понятно. Евреи России были поражены в ряде прав, черта оседлости, запрет на столицы, невозможность государственной карьеры и так далее. Но когда летом 1917-го там уже было равенство и демократия — какого черта им надо было в большевики, и далее — в диктатуру пролетариата, а вернее диктатура ЦК

коммунистической партии и ЧК? И ведь в результате чуть не огребли по полной: если бы не мутная смерть Сталина — выслали бы всех на Амур, уничтожив элиту. А уж прижимать сынов Сиона начали непосредственно годика с 37-го достопамятного. Ну, и ограничения «золотой эпохи застоя», умеренного брежневского режима. Так чего лезли-то идиоты в 1917-м году, зверствовали в 1919-м?

Вообще можно сказать, что всю дорогу от самого от начала, с середины 19-го века в полный рост, евреи усиленно шли в социализм и революцию. Хоть Маркс, хоть Лассаль, хоть кто. Ну, это тоже ясно: невозможность полностью реализовать свой интеллектуальный и энергетический ресурс. Не всем же быть торговцами и ростовщиками, а больше никуда и не пускали. Ну, вот люди с идеалами и энергией шли бороться за светлое будущее.

Господа мои и страдальцы. И Библия, и Евангелие, и последующий социализм — все это порождения воспаленного еврейского мозга и беспокойной еврейской души. Тяга к организации и последующему переустройству мира как аспект повышенной энергетики, потребности в максимальных свершениях. А насчет еврейского интеллекта и нервной возбудимости дело известное. Потому, кстати, с одного конца у них физика — а с другого скрипочка. Мысли и эмоции — порождение одной и той же центральной нервной системы. Способной к сильным возбуждениям.

Но! Сейчас-то, сейчас! В нашем, скажем, 2008 году! Им чего неймется на изобильном и толерантном Западе? Ведь нарвутся! Уже равенство, и любые работы и должности, и никакой дискриминации, гуманизм и комфорт — чего еще надо?

Давайте сформулируем вопрос четко. Почему на свободном демократическом Западе евреи почти все — леваки, и борются за изменение общества и государства в сторону уравнительного социализма с позитивной дискриминацией — что неизбежно, обязательно приведет к ухудшению положения евреев и гонениям на них же?! Или негры с мусульманами сильно евреев любят?.. Вы в Сирии не хотите пожить? А на Гаити? А в Детройте не поселитесь? Вы представляете, что будет в случае прихода к власти этих милых меньшинств? Хавать вас будут, ням-ням!

У них что — мозги отшибло? Еврейское коллективное бессознательное решило устроить суицид? Давайте еще проще: они все чего, вообще охренели?

Проще всего — на примере Франции, прекрасной Франции, ля белла Франсе. В Марселе евреев практически не осталось — город стал наполовину и более арабским, мусульманским, там бьют прямо на улице, иногда палками, иногда ножами. Так ведь и в Париже не мед: синагоги под охраной автоматчиков, еврейские школы аналогично. Из Франции в последние годы больше всего евреев уезжает в Израиль, если брать в процентном отношении. И при этом! — при этом! — евреи левые, выступают за прием мусульманских беженцев и борьбу с исламофобией. Хотя ярый антисемитизм в арабской среде высок как нигде, практически стопроцентен. Евреи Франции — за приезд тех, кто их ненавидит и мечтает вырезать.

Заметьте: за исключением этих безумных самоубийственных взглядов — французские (да и германские) евреи вполне разумные люди. Хорошо сдают экзамены, занимаются преимущественно умственным трудом, достигают разных успехов и не дают поводов обвинять их в умственной отсталости. А вот здесь — мозг как кнопкой отключили.

...Но в США. Сложнее и забавнее... Евреи традиционно левые, демократы. Но когда семьдесят лет назад их не принимали в престижные университеты или тормозили по службе — это понятно. Однако полвека уже все иначе. Полное равенство и больше того. И еврейская община — самая преуспевающая в США.

И вот из этого положения евреи поддерживают практически любые левые движения. Более того: часто создают их и возглавляют. Это относится к коммунистическим и социалистическим партиям всех мастей, к Индустриальным Рабочим Мира и Фронту за Свободу Гомосексуалистов. И тут случаются прелестные казусы типа:

Молодые лесбиянки еврейского происхождения на параде гордости ЛГБТ в Чикаго развернули радужный флаг с могендавидом. И их погнали вон! А потому что люди были резко против Израиля, и тем самым против евреев вообще. Или евреи хотят поддержать местное движение черных против господства белой расы — а те посылают поганых жидов подальше. От обиды умереть можно... Взывают: мы же за то же, за что и вы! А им в ответ: без ваших харь обойдемся.

Элементарный вопрос: когда (если) эти милые африканцы, жертвы белой власти, сами станут властью — евреи кому жаловаться будут? Когда их будут выпинывать отовсюду? Белый антисемитизм сегодня сильно ослаб, растворился, официально запрещен, законом преследуется, общественным мнением осуждается. Это — при белой власти. При власти черных и мусульман — вам билет в один конец до Гренландии, ребята.

Зацените красоту картины: евреи боролись за позитивную дискриминацию в пользу черных — и когда в Нью-Йорке надо было уволить тридцать белых преподавателей, чтобы на их место принять черных, то уволили евреев. То-то они завозмущались антисемитизмом!

Евреи США, будучи активной частью левых движений, работают на хаос в США, развал институтов, торжество агрессивной дури и паразитического мировоззрения. И убеждены, что это прогресс.

Апофеоз одеревенения головного мозга — борьба евреев за права народа Палестины против Израиля. Пусть израильтяне уйдут отовсюду, откуда их просят — и тогда все будет мирно и хорошо. То, что арабов учат ненависти к евреям в семье и школе с младенчества, что все евреи из исламских стран давно сбежали в Израиль, что Палестина живет за счет Израиля, США и Саудов и полагает необходимым Израиль уничтожить — не считается. Что Израиль и возник как убежище евреев, которых гнали и били всегда и везде, а уж особенно во 2-ю Мировую — не считается. Не было 2000 лет Израиля — и что, сильно хорошо было вам, дорогие левые евреи? Нет ответа из деревянного мозга, только глухой стук.

До умников не доходит, что не просто нет никакого «народа Палестины» — но что это элементарный филиал и проект арабского мира: проект буферного государства с буферным народом, созданный исключительно для удобства уничтожения Израиля: якобы мы ни при чем, мы не воюем, наши руки развязаны. Палестина — это хорек, пра-

во которого жить в курятнике и его грызть защищено волком и медведем.

Но — этот идиотизм всем известен. Интереснее другое. Почему евреи поддерживают левые движения, помогая уничтожить нынешние США, где евреям хорошо и вообще всем хорошо — и установить безумные порядки социализма доминирующих меньшинств? Что ясно и неизбежно приведет к жестокости, крови, падению экономики, разрухе, хаосу и гражданской войне? Потому что сами эти меньшинства жить государством не могут. Приведите хоть один пример за. А против — сколько угодно.

То есть: почему левые евреи США действуют себе и стране во вред, не будучи глупцами и самоубийцами по жизни?

Иначе: почему они объективно стремятся к результату, которого субъективно не хотят и даже в виду не имеют?

...А вот здесь следует плюнуть на могилу Карла Поппера, пожать плечами над наивной трактовкой тезиса о свободе воли, и вспомнить, что мы — система атомов, возникших миллиарды лет назад при взрывах сверхновых. И что история человечества — процесс объективный, будучи частью общего процесса эволюции Вселенной.

Что из этого следует? В частности, необходимой для понимания того феномена, который мы сейчас рассматриваем. Существование — это действие, и это изменение. Прежде всего изменение во времени. Даже на клеточном уровне в состоянии покоя организма — происходят электрические, химические, физико-химические изменения. И чем активнее жизнь как форма существования — тем активнее изменения материи и энергии в единицу времени.

Если же брать социальную систему — социальная система имеет свои законы существования. Она проходит фазы — зарождение, подъем, расширение, плато, пик, спад, гибель. Всего от тысячи до полутора тысяч лет.

И кстати поэтому все разговоры о «конце истории» и совершенном государстве наивны и малограмотны. Это все равно что объявить человека двадцати восьми, скажем, лет, достигшим венца и идеала своей формы (что правда) и на этом основании полагать, что развитие закончено и теперь остановится (что бред). Никакое развитие никогда

не закончится до самого конца. Заканчивается развитие только у тупиковых систем, превращающихся в реликтовые совершенства — как тараканы. Но генеральный ствол развития растет всегда вплоть до гибели.

...Мы несколько удалились от цели нашего скромного рассуждения. И подошли к его концу. Конец заключается в следующем:

Революции, бунты, свержения государств и реформы обществ — это мощнейшие социальные действия. Связанные, как правило, с действиями и чисто физическими, материально-энергетическими.

А к чему стремится человек? К максимальным действиям, связанным с максимальными ощущениями. Чаще это называют потребностью в самореализации. Выложить все свои силы, умственные и физические, применить все свои умственные возможности и напрячь весь эмоциональный аппарат.

Человек стремится к большим действиям, как мотылек на свет! Сгорит — но летит на огонь! Инстинкт его жизненный таков, самый главный инстинкт. И рациональное рассуждение тут отключается. Это — кайф, это — надо, и мозг подыскивает рациональные объяснения мощному доминирующему стремлению.

Так что — основной мотив жизни человеческой иррационален? Да нет, вполне рационален. Только на другом уровне. На общеприродном, Вселенском уровне, и в масштабе больших чисел. Любой отдельный человек может быть кретин — но человечество в целом движется в природном, заданном Вселенной направлении.

И вот евреи, в силу генетики и истории народ повышенной энергетики, повышенной интеллектуальной и эмоциональной возбудимости — в силу натуры своей влекутся к большим действиям. Большим свершениям. Но и большим переменам!

А когда цивилизация и социальная система простроены хорошо, логично, эффективно, и людям там комфортно — то перемены могут быть уже только к худшему! Но они заданы природой, эволюцией, устройством Вселенной и всем ходом вещей!!!

Новаторы всегда интереснее, умнее, энергичнее консерваторов. Новаторы все строят — консерваторы противятся и хранят то, что есть. Но когда все уже толково построено и ресурс данной системы исчерпан — новаторы превращаются в разрушителей!!! С вершины все тропы ведут вниз!

Вот ведь евреи в основном создали атомную (и водородную) бомбу. Не сговариваясь насчет национальности, так сказать. Ну скажите, что это случайность, скажите.

...Вот посему сейчас евреи Европы и США работают на разрушение и уничтожение нашей цивилизации. В которую вложили немалую свою лепту, начиная с алфавита и Библии. И в которой наконец добились равенства и процветания. Это потрясающая трагедия...

С тех пор, как им дали волю — они на острие социальных бурь и реформ. Но направление реформы и результат бури объективно зависят не от них!

Еврей — парадоксальный гибрид землекопа и серфинга. Он поразительно трудолюбив, кропотлив и упорен. И в то же время он норовит оседлать самую большую волну и лететь на ее гребне. Но будучи по натуре не только серфингистом, но и землекопом, он эту волну посильно поднимает и подгоняет.

Почему столько евреев было среди кровавых чекистов Русской Гражданской войны и ГУЛАГа? Ведь народ скорее сентиментальный, чем жестокий. А сплошь еврейский Коминтерн!.. А Франкфуртская философская школа неомарксистов, будь она проклята, сколько зла Америке принесла?.. А вот большие дела влекли! Притягательность больших дел — а уж что может быть больше, чем решать миллионы судеб! — эта притягательность и работала. Да, иначе это называется реальная власть. А мораль? Ну что мораль, она революционная, коммунистическая, ее и отформовать можно. Мораль убийц и разрушителей ради миража, одурманившего горячие головы до слепой злобы.

Психически мощные, активные евреи инстинктивно, нутром, по натуре своей, стремятся в те области, в те течения, где сейчас творятся самые большие и решающие дела, и завтра эти дела определят судьбы страны и мира. Ученые — и чекисты, скрипачи — и физики, философы —

и банкиры. Реализовываться в противоположных областях! — но в максимальной степени.

Подлинная суть еврейства — быть первым парнем в округе: жених на любой свадьбе, покойник на каждых похоронах. Что дают? не важно — прибежал и встал первым.

...Вот по этому по всему евреи Запада не ведают ныне, что творят. И работают на самоуничтожение. И в делах своих не умнее неграмотных африканцев. Глупее! — те хоть свою пользу видят.

Пройдет время, и всё встанет на места. Только черепки брызнут! Антисемиты будут, как всегда, во всех бедах цивилизации винить подлых евреев, а сами были вроде ни при чем. А евреи, как всегда, будут скорбеть над антисемитизмом и, как всегда, ни на йоту не признают своей вины и преступной глупости.

Но готов предупредить. Если все так и дальше пойдет, то потом евреев будут сильно бить. И те, кого они защищали, и те, от кого они отреклись. Одни из злобы, вторые за дело. А евреи опять будут сильно жаловаться.

Не могу я видеть этих придурков, которые рушат общий дом и ведут к власти своих будущих погромщиков.

Глава 66

что сказал дух Генри Форда
устами его правнука Бенсона Форда младшего:

ЕВРЕИ — КАТАЛИЗАТОР САМОУНИЧТОЖЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«Евреи как самые активные, умные и энергичные, предприимчивые и креативные, при прочих равных условиях вечно вылезают наверх и встают в авангарде переделывателей мира, наук и быта.

И в наше время спуска цивилизации с вершины, перехода ее развития в дегенерацию, ее самосхлопывания — евреи есть идеологи и стимуляторы самоуничтожения нашей цивилизации. Самые талантливые — в фазовый период саморазрушения — есть самые разрушительные.

Единобожие, алфавит, Библия, христианство, апостолы — евреи заложили основы современной евроатлантической цивилизации наряду с греко-римлянами — но несколько иначе и в ином: вера, мораль 10 Заповедей, несокрушимое упорство, грамотность для всех. Их идеологически-культурная лепта неоспорима. И вот сейчас — когда система дошла до края пропасти — авангард превращается в провокаторов и уничтожителей. Поводырей в никуда.

То самое, что заставляло идти вперед, делать открытия и революции, получать нобелевские премии и создавать новую физику и философию — то самое перешло в стадию дегенерации и самоуничтожения вместе со всей культурой.

Традиционный антисемитизм — это перенос причин зла и неудач с собственных действий на чужаков, назначенных врагами. Такова человеческая природа. Но идеологизированный сегодняшний антисемитизм — это избывание тревожного чувства самоуничтожения своей цивилизации, каковое самоуничтожение реализует себя на личностном уровне через мысли, чувства и мировоззрение людей. Вина за непостижимый механизм объективных катастрофических тенденций возлагается на внешние чуждые факторы. Внешний чуждый фактор — это евреи. И горе в том, что — это чувство не лишено истинности! Ибо когда процесс превосходит меру — лучшие, продолжая те же свои качества, становятся за гранью меры худшими.

Не банкиры и торговцы высасывают мир ради своей выгоды! Это бы мелочь, это поправимо. Но хуже и безнадежнее в силу объективности процесса вот что: талантливые самим развитием и направлением своих талантов способствуют дегенерации саморазрушающейся цивилизации.

...Поразительно: три четверти американских евреев голосовали за Клинтон против Трампа! А четыре года спустя — те же три четверти американских евреев голосовали за Байдена против Трампа. Его зять еврей, его дочь приняла иудаизм, он произраильски и антимусульмански настроен, он стоял за признание Иерусалима столицей Израиля — но три четверти американских евреев голосуют против! Жизнь ничему их не учит. Они слепы и глухи. Они равнодушны к исламским связям и коррупции своих кан-

дидатов. Так если они поступают губительно по отношению к себе самим — можно ли ожидать, что в своем ослеплении они поступят благотворно по отношению к другим?..

Европейские евреи стоят за глобализацию и борются против исламофобии — поддерживая право всех народов — а конкретно это сейчас получается мусульманских народов и африканских дикарей — без ограничений переселяться в Европу! Это при том, что ислам — провозглашая единство мусульманской Уммы — открыто выступает за уничтожение евреев вообще! За уничтожение и резню Израиля — того самого отечества евреев после Холокоста!

Во Франции мусульмане режут евреев уже открыто, захватывают заложников в кошерных магазинах, режут преподавателей в еврейской школе, синагоги и еврейские кварталы стоят под охраной автоматчиков, будто кругом враги — а евреи Франции — переселяясь из нее ради безопасности детей — стоят против «исламофобии» и за поддержку несчастных исламских мигрантов!!

На этих еврейских примерах самоуничтожение цивилизации видно яснее всего — помрачение разума видно яснее всего!! Люди в действиях руководствуются не разумом — но личным или социальным инстинктом!! — а разум лишь аргументирует их стремления, придавая им видимость рационально мотивированных!!

На словах европейские ценности святы — права личности, свобода, самореализация, безопасность — а на деле это военное положение во Франции, расцвет криминала во всей Европе, изнасилования и грабежи, страх ходить ночью — то есть на деле с правами и свободами стало хуже!! Бандитам и дикарям лучше — а свободным цивилизованным людям хуже!!

Декларации все эти, Европейские конвенции, ля-ля — каждый человек вправе искать и находить убежище в любой безопасной стране. На деле — получите переход количества в качество: один человек, тысяча человек — да. Но десять миллионов человек, сто миллионов, пятьсот миллионов самочинных переселенцев! — тогда надо менять текст и смысл статьи: каждый НАРОД, если ему голодно и опасно на родине, а в другой стране жизнь лучше, имеет

право переехать в другую страну, где хорошо и безопасно. Вся Африка, вся Азия — в США и Европу! И пиздец нашей цивилизации, затопленной дикими народами!

И сегодня евреи — вечно гонимые и несчастные! — во главе этой супердиверсии, этого самоуничтожения. Ну не суки ли? Про социализм я сейчас вообще молчу, это отдельный разговор...»

Глава 67

ЕВРЕИ КАК ИДЕЯ

Евреи существуют благодаря антисемитизму — и до тех пор, до каких будет существовать антисемитизм (тогда, возможно, вечно).

Антисемитизм — создает фактор типа естественного отбора: чтобы выжить — ты должен постоянно противостоять этому социальному давлению. А оно обеспечивает еврея трудностями: угроза террора, постоянное ожидание любых неожиданных препятствий в связи с национальностью, возможность ежеминутного оскорбления и физического воздействия.

Еврей проводит всю жизнь в атмосфере психологического и социального давления, которое необходимо преодолевать. Его подсознание воспринимает неравенство, несправедливость, в которых он существует, как естественные условия среды обитания. То есть:

Всегда надо быть настороже. Всегда надо быть готовым решить неожиданные проблемы. Всегда надо быть готовым сделать больше других, чтобы встать с ними вровень. Всегда надо найти нестандартные пути и решения — потому что на стандартных путях тебя оттеснят и затенят в силу твоей национальности.

Действие рождает противодействие. Человек — наложение фенотипа на генотип — несколько эволюционирует в двух аспектах, по двум направлениям:

Во-первых, выживают и получают преимущество для продления рода, создания и обеспечения больших семей, люди более выносливые, живучие, гибкие, приспосабливающиеся, энергичные — а также умные, хитрые, изворотливые (и, увы, эгоистичные и подлые).

Во-вторых, постоянное давление способствует развитию энергии преодоления, развитию мощности центральной нервной системы, создающей как можно большее число информационных моделей и прогнозов — еврей вырастает и формируется более умным, понятливым, расчетливым, упорным, хитрым, работящим — нежели сформировался бы из ребенка взрослый человек без воздействия постоянного фактора антисемитизма.

Антисемитизм означает для еврея: справедливость не для тебя. Жизнь такова, что ты должен сделать ровно столько, сколько необходимо, чтобы у тебя получилось что нужно. Никакие непреодолимые обстоятельства в расчет не принимаются.

Причина антисемитизма глубинная и вечная — потребность группы иметь близкого внутренне-внешнего врага, наделяя его при этом всеми отрицательными чертами. Это — аспект самоструктуризации социума. Наличие врага необходимо не только для сплочения — но вообще для самоидентификации социума: через отграничение себя от других он себя и осознает. А с чего вы взяли, что можно вообще устранить жестокость из жизни и при этом не вымереть всем от слабости и собственной аморфности?..

В детской группе всегда есть изгой. Жирный, или рыжий, или слабый, или богатый, или бедный, или приехавший из другого места. Его дразнят, бьют, отнимают игрушку или кусок, не принимают в игры или принимают на последние или отрицательные роли. Тем самым — группа утверждает свою внутреннюю норму, утверждает ценность этой нормы (все остальные члены группы одинаковы по каким-то параметрам). И — группа сплачивается в противопоставлении чужому, иному, отличающемуся, пораженному в правах. Это — естественная, инстинктивная социальная потребность.

Взрослая группа может болеть в футбол против другой группы болельщиков за другую команду. Крупнейшая группа — народ — составляет себе самовозвеличивающую историю, противопоставляя себя реальным (либо же вымышленным!) врагам.

Враг — это социальный и психологический архетип!!!

Индивидуальное сознание обычно не имеет потребности во враге — ибо личность соответствует единому и единичному, целостному биологическому существу, организму. Индивидуальный человек автоматически противопоставлен и отделен от любого другого человека. Даже любимые члены одной семьи являют не только единство социально-генетического гнезда, но и единую модель противоречий: все они — отдельные люди, чем и противопоставлены друг другу. Индивидуум не нуждается во враге, в чужом другом человеке, чтобы осознать свое единство (оно же в ином смысле одиночество) как цельной личности. Тут природа как биология уже позаботилась обо всем.

Социум же состоит из монад, автономных как индивидуумы. И однако социум имманентно стремится структуризировать себя из аморфной людской массы. То есть: социуму нужны единые для всех взгляды, единые симпатии и антипатии, единые оценки, единые объекты (информационные либо материальные) притяжения и отталкивания. Только тогда масса превращается в организованную систему, обладающую качествами, не равными арифметической сумме качеств единиц толпы.

Социуму на уровне народа — потребно единство: языка, территории, власти, религии, ментальности, культуры, истории. А также — единство на уровне: мы — и они. Свои и чужие. Наши и не наши. Такие, как мы — и не такие.

Враг внешний всегда наличествует в явном либо латентном состоянии. Народы (страны, государства) «дружат» между собой до первого столкновения государственных и/или национальных интересов. Нейтральный или дружественный сосед превращается во врага мгновенно — в считаные дни после условного сигнала. Церковь, газеты, телевидение — любые СМИ быстро настраивают народ против любого внешнего соседа. Многие конфликты и войны прошлого и настоящего дают массу примеров.

С внутренним врагом сложнее.

Во-первых, внешний враг далек, абстрактен и иногда отсутствует в зоне враждебности вообще. А кого-то не любить, испытывать к кому-то неприязнь — социуму, группе, потребно в силу такого своего устройства.

Свой-чужой — это диалектическая пара. Одного нет без другого. Потребность во враге живет в социальном человеке, входит в структуру его сознания и подсознания.

Поэтому у любого народа есть анекдоты о малом народе — входящем в состав своей страны как часть ее либо иммигранты. О чукчах, поляках, шведах — у каждого свой объект юмора, свой иной народец, этническая группа. Эта группа отличается на самом деле — или же условно, как некий выдуманный трафарет. Малая группа внутри большой — отличается. Не важно чем. Это отличие может быть выдумано отчасти или вообще полностью.

А евреи веками действительно отличались. Религией, ритуальной одеждой, своими праздниками и традициями, языком или акцентом, внешностью. А также — поражением в правах, проживанием в своих гетто (кварталах), запретом для евреев на некоторые профессии — и вследствие этого сконцентрированность евреев на кратком перечне профессий разрешенных.

Того, что они — иные, было в принципе достаточно для назначения на роль внутреннего врага. Отклонение от нормы как чужеродность. Запрет на карьеры и землевладение, а также на цеховые профессии — собирал значительный процент умных энергичных людей в ростовщичество и торговлю, что увеличивало отделенность и неприязнь. Мало того, что иные — еще и богатые среди них, и очень богатые. Не сеют не пашут (а запрещено), чинов не имеют (а запрещено), молятся иному богу — а денег у них до хрена. Скверна же и противоположность таким, нищие, — вонючие чесночные неряхи, противные, еще хуже богатых.

По нехитрому закону психологии отрицательные черты во враге складываются вместе: чесночные неопрятные богачи и ростовщики. Силы нет, закон защищает их мало — значит, хитрые, подлые и очень жадные, коли при таких качествах и ограничениях сумели разбогатеть, не горбатясь в тяжком физическом труде.

А если еврей еще смеет быть умным, честным и полезным стране — так эта сволочь просто маскируется. Если он умнее и полезнее меня — это просто оскорбительно и унижает мое нееврейское достоинство!

И вот уже все видные личности, которые патриотами из народной гущи сочтены вредными для страны, объявляются евреями! Ибо еврей — это просто собирательное название внутренних врагов, пьющих соки страны и кровь народа.

То есть:

Евреи для антисемитизма необязательны.

Евреи — это бренд. Вывеска для внутренних врагов, расхитителей, узурпаторов, воров и казнокрадов, богачей и всех, кто высказывает вредное для народа (по мнению патриотов из гущи народа) мнение.

А также — все, кто слишком высоко высунулся, будь то в телевидении или культуре, науке или политике — коли эти люди не проповедуют открыто и последовательно исключительно патриотизм, народный по форме и православный по содержанию. (Так ведь и те — маскирующиеся враги и провокаторы.)

Поскольку евреями объявлены в ряде национально-патриотических течений кто ни попадя и без числа — евреев просят не беспокоиться. Их может не остаться в стране ни одного — но информационно-идеологический каркас останется! А архетип врага требует наполнить идею конкретным содержанием.

Но еще долго христианство и ислам посредством негативного давления будут заботиться о высокой выживаемости евреев, их повышенной энергетике, уме и предприимчивости. Хочешь жить — научишься добиваться своего не мытьем, так катаньем. (Извольте результат естественного отбора, обеспеченного еврейству антисемитизмом: средний IQ евреев-ашкеназов, по массе статистических обработок, систематизированных вполне англосаксами Ф. Раштоном и Р. Линном, шотландцем Ч. Мюрреем и прочими — 112–114, при среднеевропейском 100. Хорошо били? Недобитые стали умнее всех. Природа. Умные всходят наверх. Такое несчастье. И ужасно неполиткорректно звучит...)

Парень Наверху позаботился об избранном народе своем — хотя не так, как думают раввины, и не так, как считают антисемиты. А по своему: пусть живет в условиях, не позволяющих расслабиться и благодушествовать, пусть жесткий тренинг поддерживает его в форме. Девять забей —

десятого представь! Евреи — это потомки каждого десятого: того, кто выжил и пробился. Прочие сгинули давно.

...Антисемитизм не мог бы существовать, если бы в нем не было имманентной потребности.

. . . . . .

запись на обороте:

ЕВРЕИ КАК ИДЕЯ И САМОСОХРАНЕНИЕ ————————

Евреи выжили как идея. А идея несравненно долговечнее и неистребимее, чем вещественный объект.

В течение двух тысяч лет рассеяния и гонений на огромных пространствах среди многочисленных и могучих народов — малочисленный, раздробленный, зависимый и слабый еврейский народ выжил отнюдь не только благодаря своему уму, энергии и естественному отбору как результату гонений. И даже не только благодаря компактным гетто и невозможностью ассимилировать во враждебной среде народа-хозяина. И не только благодаря нетерпимой и жестко требовательной религии.

Но еще и благодаря повторяемой клятве: «Да отсохнет моя правая рука, если я забуду тебя, Иерусалим».

У евреев отсутствовала государственность; не было своей политики, экономики, завоевательных и оборонительных войн, династической борьбы, объединений и распадов, международных союзов и социальных перспектив, дворянства и простолюдинов; не было социальных лифтов, карьер, военной службы; не было разрешений на большинство занятий и ремесел, на владение землей.

Национальность превратилась в секту, отторгаемую и гонимую по факту принадлежности к этой национальности.

И вот в отсутствие ОВЕЩЕСТВЛЕНИЯ всего того, что составляет жизнь народа как политического субъекта — тем большую силу набирала ИДЕЯ народа, у которого и нет ничего в жизни, кроме этой идеи. Идеи Богоизбранности и своего Высшего предназначения, великого прошлого, идеи верности своему Богу, идеи возвращения на Родину, идеи соблюдения всех своих традиций — ибо кроме традиций, кроме своей культуры исключительно как традиции — ничего и не было.

Национальность стала идеей. За эту идею следовало держаться, не отступать, хранить даже ценой жизни. Лучше умереть, чем перестать быть евреем.

Евреи не могли бороться за свою землю, свою страну и свою независимость — ибо всего этого были лишены от рождения. Им оставалось лишь быть носителями идеи народа. Освобожденные исторической судьбой от прочих нагрузок — всю свою жизненную энергию они обратили на сохранение и укрепление идеи.

Их не спрашивали о социальном строе, о политике и экономике государства, о войнах и перемириях с соседями, о законах и налогах. Они обязаны были приспосабливаться к тому, что ставили перед ними владетельные народы как факт.

В результате еврейская культура свелась к изучению Священных Книг — Торы и Талмуда. Собственно интеллектуальна деятельность заключалась в заучивании, толковании и постижении мест из Книги. Уважаемые и мудрые равы знали их наизусть и до обмороков спорили о толкованиях, обсуждая в стотысячный раз те же фразы.

Две тысячи лет, пребывая преимущественно в нищете, зарабатывая на жизнь мелкими ремеслами, торговлей и ростовщичеством, всю свою интеллектуальную энергию, всю страсть угнетенных они вкладывали в то, чтобы быть евреями: жить мыслью в лоне еврейской традиции и еврейского самосознания.

Они придумывали нелепейшие запрет и обычаи, и следовали им с фанатизмом самоотверженных борцов. Их еврейство отгранивалось в массе установлений, которые требовали неукоснительного соблюдения. Питание и одежда, брак и супружеская жизнь, ритуал событий радостных и скорбных — с веками регламентировалось все подробнее.

И с точки зрения здравого смысла — часто все нелепее. Запрет на разжигание огня в шабат — чтобы избавить женщин от куховарения в посвященный Богу день отдыха — превратился в запрет пользоваться автомобилем или лифтом, хотя пешком можно топать до посинения.....

.....но тупость запретов и приказов — зато помнить и объединять, что евреи. Вот и выжили.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 68

ДОНОС

— Они думали, блять, что если они Брауны, так никто не узнает, что они жиды. Не-ет, люди все знают! И так маскировались, суки, так прикидывались. И внешне-то не пойми кто, на евреев в общем не похожи. Жиды вообще мастера на притворство. И тихо все у них, и аккуратно, да вообще все как у всех. И на барбекю звали, и дети, значит, в школе нормальные, умничали только, учились хорошо, да кому какое дело. За BDS выступали, против Израиля: притворялись, что за права угнетенных палестинцев, ты понял?

Спрятаться хотели. Избежать депортации. Не выйдет, суки! Закон надо соблюдать, мы американцы. Народ все знает.

Так что письмо я лично написал, по всей форме, и свои данные все указал, и перечислил их имущество. Чтобы, значит, по закону мне мои 25% выдали, а то знаем мы их дележки: Служба Социальной Безопасности все разворует сама, а информатору — соси хуй, спасибо если сто баксов оставят. И еще поют: это все в бюджет, для бедных, на нужды народа... а я что, не народ?

Письмо заверил и отправил, все зафиксировано, а потом уже позвонил: так и так. И сижу, жду.

Ну что, прикатили среди ночи, как у них водится. Фары в окна, рупор, ордер, дверь пинком. Личности удостоверили, как полагается, выводят — жалкие такие, трясутся, в соплях, щенки их воют. Наручники всем четверым, и мужу-жене, и детям, значит. По морде всем дали раз-другой для порядка, под жопу пинками — и в машину. Хватит, значит, народ обманывать. Довольно крови нашей попили.

Разжирели тут на нашем-то горбу. Все. Убыли в места поселения согласно закону.

А дом опечатали, желто-черной лентой этой обтянули, а я смотрю — точно: сами туда полезли и начали выносить — что из одежды, компьютеры, коробки какие-то.

Но у меня список основных вещей был составлен. Я там еще предположительно драгоценности упомянул. И сразу указал, что на денежную компенсацию не претендую. С них все равно хуй получишь — оценят все как мусор, и не докажешь. Так что мне достался его новый совсем «лексус», кожаный диван с двумя креслами и из одежды нашей семье кое-что. В общем, разжились немного.

А что, разве это не нам все принадлежит? Разве евреи не паразиты, которые хитростью и обманом у нас все вытягивали и присваивали? Я выполнил свой гражданский долг, способствовал соблюдению закона. И получил свое по закону. И все так должны.

Глава 69

ПОГРОМ — ЧЕТЫРЕ КАРТЫ

Нарратив, ребята — это такая херня, которую придумали постмодернисты, чтобы пиздеть без стеснения о чем угодно. Вот рассказ — это ты что-то видел, слышал, узнал — и рассказываешь. Честно рассказываешь, все как видел и слышал, как понял. А другой обдолбался и вместо драки двух пьяных увидел сражение дракона со слоном. Ты ему: не пизди! А он говорит: у тебя такой нарратив, а у меня такой, и ничем один нарратив другого не лучше и не хуже. Я ему: ты что несешь, я-то правду видел! А он: никакой объективной истины вообще не существует, так что тебе одно правда, а мне другое, и отвянь.

Короче: запись в вахтенном журнале авианосца от малайской народной сказки ничем принципиально не отличается. Просто разные нарративы. Ты понял?

Так что нарратив — слово уважаемое, и понятие важное и общепринятое. Ну так и получайте ваши на хрен нарративы:

Слухи о погроме ходили по нашему городу уже несколько дней. Нужно было бы сбежать, но как? И куда? Все автомобили были уже конфискованы, а на выездах из города дежурили патрули социальной защиты. Герстайны, наши соседи, ушли ночью, не взяв с собой ничего. Больше мы о них не слышали, и когда назавтра их дом заняла семья латиносов, там страшно ругались, что не нашли никаких денег и драгоценностей.

А у нас Эмили исполнилось только пять месяцев, а бабушка Джудит, которая жила тогда с нами, она успела сбежать из Балтимора, про него рассказывали страшные ужасы, я потом ночью просто трясся от страха, так она еле ходила, куда ее возьмешь?.. Так что мама успокаивала, что у нас со всеми были хорошие отношения, и с черными тоже никогда не было конфликтов, так что все обойдется, за что нас обижать? Мы никому плохого не сделали.

В субботу утром мы все пошли в синагогу, и Эмили взяли, и Джудит в ее кресле покатили, обычно-то только папа с мамой ходили, но тут как-то не хотелось им нас одних дома оставлять. И только за угол Мэйпл Стрит завернули — видим из окна синагоги дым идет, черный такой, не очень много. А потом видим — толпа у входа, разные там, и белые, и черные, и мексиканцы, всякие. И один поднимает над головой факел, а это не факел, а свиток горит. И видим — евреи из синагоги пробиваются сквозь толпу, а их бьют, подножки ставят и пинают лежачих. Ну, мы побежали обратно домой, быстро как могли.

Еды у нас был запас, и водопровод работал, конечно, так что стали сидеть дома. А по телевизору показывали только шоу и новости про всякое хорошее, а Интернет давно отключили. И телефоны не работали, в смысле не соединяли.

Когда стало темнеть, папа достал пистолет. Он его достал прямо из задней стенки полки на кухне, я подсмотрел, да он и не особенно скрывал. Вот тогда мне стало страшно по-настоящему. Потому что за хранение оружия полагался расстрел. Ничего, сказал папа, обойдется.

Короче, к нашему дому они пришли уже ночью, много,

человек наверно сто. На улице у ворот был фонарь, и напротив тоже, и над домом, так что их было хорошо видно.

Папа вышел на крыльцо с пистолетом и его сразу застрелили. Он даже сказать ничего не успел. И сразу стали бросать камни в окна, все разбили, и в комнате тоже, ворвались и стали все ломать. И кричали всякое... сами понимаете. Джудит битой по голове. Эмили... тоже ударили. И все. Мама... Ну... В общем.

Потом мама в меня вцепилась, не отпускает, нас так вместе и кинули в грузовик, отвезли прямо ночью на какую-то ферму, в загон для скота, а там уже много наших, евреев, все избитые, одежда рваная, даже боялись друг с другом разговаривать. Даже если кто-то кому платок дает перевязаться, или еще как помогает, так и то молча, почти шепотом несколько слов скажет, и все.

А мама стала рыть яму возле столба изгороди. Потом притащила обломок доски какой-то, банку смятую из-под кока-колы. И говорит: ложись, говорит, я тебя закопаю, не бойся, только присыплю немного, чтоб не видно было, а где лицо — доску эту и банку положу, чтоб ты в щелочку дышал. Ты уж потерпи этот день, а когда нас увезут всех — вылезай тихонько и иди от города подальше. Ты на еврея не похож, встретишь белых — скажи, что ты из Роквилла, там федералы весь ваш квартал уничтожили за поддержку партизан, ты один в гараже спрятался, а фамилия твоя Бишоп, и все тут. Держись, сынок, терпи. И поцеловала меня и поплакала.

Самое трудное было не чихать и не закашлять. И пить очень хотелось. Ну... Хочешь жить — потерпишь.

Днем их погрузили в трак и увезли. Кричали: быстро шевелитесь, путешествие, будет вам земля обетованная! В концлагерь, куда ж еще увозили.

А я до вечера пролежал так, там никого не осталось, заброшенная ферма. А потом вылез и пошел. Как машина на дороге — я ложусь в ложбинку какую-нибудь. А к вечеру речка была, напился там, выкупался, легче стало. А на следующий день вижу ферму, и лошадь с телегой едет, женщина правит. Ну, я вышел к дороге, встал. Хорошие люди были.

Мне восемь лет тогда было. Сам-то я не помнил, как Америка была великой страной, от океана до океана, самой сильной и богатой. Папа с мамой иногда рассказывали. Я мало помню, конечно. Но помню, говорили, чтобы я другим не говорил, а то нас всех в лагерь посадить могут.

Все равно посадили. Кто жив остался.

РАССКАЗ МУСУЛЬМАНИНА

Вот тогда наконец мы с ними поквитались! Оттянулись от души, сколько лет сдерживались! Они сеяли ненависть по всей земле, они хитростью захватили все деньги, они веками натравливали мусульман друг на друга, и наши братья убивали друг друга во имя их целей! Эти порождения Иблиса наводят порчу на людей самим своим вонючим дыханием, они всегда говорят сладко и ласково, а за словами скрывают змеиные мысли их черных сердец. Они высасывают все из людей, все силы, все деньги, все добро, и там, где они поселились, вскоре остается только пустая скорлупа жизни, как скорлупки выеденного яйца.

После пятничного намаза Асхаб сказал, чтоб мы не расходились и собрались в саду за мечетью. И он сказал, что завтра начнется, настала наша очередь присоединиться к джихаду. И напомнил хадис аль-Бухари:

«Пророк сказал: И не настанет тот час, пока вы не сразитесь с евреями, и камень, за которым укроется еврей, возопит: О правоверный, здесь скрывается еврей, приди и убей его!»

Мы не боялись закона неверных, и у некоторых было оружие, плевали мы на запреты. И когда кончилась пятница, мы собрались утром у их синагоги, и когда туда вошло побольше евреев, кинули в окна зажигательные бутылки, а потом ворвались внутрь и давай метелить их битами и арматурными прутьями! Касым так приноровился, что он кончиком биты старался попасть точно по этой их, на макушке, по кипе: шпок! — и готов.

Но охранник — вот же сука! — он еще у двери успел троих наших застрелить, и откуда пистолет запрещенный у гада, ну его просто в фарш размесили. И свитки эти их поганые сожгли, и синагогу потом всю обоссали. Хватит,

достаточно выпросили у своего бога денег для себя и несчастий для всех остальных.

Полиции к тому времени в городе уже вообще не было, свиньи поганые, закрыли их расистское полицейское управление. Так что мы шли себе по улицам, как хозяева. А дома евреев у Асхаба уже отмечены были, так что он нас вел, человек уже двести нас было, наверно. Жители все попрятались, и правильно сделали, трусливые шакалы.

В первом же доме хозяина сразу отоварили, а две сучки молодые еще оказались, ну этих блядей ебли в очередь, пока они не сдохли. Может, потом отдышатся, так Рустам им на всякий случай глотки перерезал. Бусы там, браслет красивый, сережки всякие, ребята кое-чем поживились, а остальное все разломали. Столько зла на этих жидов накипело!

И тут на Восточной Аллее, только со Второй мы идти начали — нас встречают огнем! Обычный домишко, и со второго этажа пистолет хлопает, а из другого окна — штурмовая винтовка очередями! Ты понимаешь, гады жидовские?! Им законы не писаны, они оружие хранили, хотя за это сразу в лагерь положено. Салиха убили, раненых много, мы отбежали сразу. Потом наши вооруженные окружили жидовское гнездо, за другими домами пробрались, изрешетили все и бутылками сожгли. Еще стрелять смеют, суки!

Потом мы сразу как колонной идем, вроде мимо, с домом только поравняемся — и сразу сотня камней в окна, кричим: «Открывай!» А четверо со стволами стоят вдоль дома и страхуют нас: кто рыпнется — сразу в лоб. И так ловко дело пошло! Окна — дзень! Двери — тресь! Мебель трещит, посуда вдребезги, мужикам по яйцам, бабам по ебалу — и засаживай между ног. Вот это праздник так праздник!

К одному заходим так, семья наверху прячется, как принято, а он, значит, вперед выходит, мужество хочет показать. А какое мужество, сам сутулый, плечики узенькие, очки толстенные на горбатом носу, борода клочьями, и эти их завитые косички, пейсы перед ушами болтаются. Их этих, значит, сильно верующих. Консервативный иудей, или как их там. Рожа бледная, смех один.

Асхаб говорит:

— Вы, евреи, меня убедили. Суббота главнее пятницы. В пятницу мы только молились, а в субботу Аллах дал нам возрадовать души угодным ему делом. Благодаря вам мы этот день навсегда запомним и радоваться будем.

А этот, раввин он у них или кто, говорит:

— Этот день все запомнят, и Всевышний вас покарает.

— Зачем тебе Всевышний, — говорит Асхаб, — я сам тебя покараю.

Одной рукой поднял ему бороду, а другой — мгновенно так! — ножом махнул, и перерезал ему горло до позвоночника. И отошел сразу. А Таир не успел отойти, его кровью брызнувшей всего окатило.

Выродков их поменьше просто головой об пол. А побольше — ну, некоторые использовали, конечно. Это же враги, нелюди, с ними — это не грех. Чего их жопам зря пропадать.

...До конца, честно скажу, мы не дошли. Устали уже. Да и удовольствие как-то уменьшилось. Спать уже хочется. Так что потихоньку стали расходиться. Первыми те отвалили, которые много барахла набрали, с двумя сумками в руках не будешь же по домам бегать.

Да, а знали бы — может, и не разошлись бы. Потому что утром их, недобитых, всех собрала специальная служба, и началась эта, депортация.

РАССКАЗ ЛАТИНОСА

Когда я ушел из Монкловы и под Охинагой пересек границу по Рио-Гранде, мне еще девятнадцати не исполнилось. И кем я только в Штатах ни работал. Посуду мыл, фрукты собирал, парковщиком был, окномоем. Лет через пять обтерся, осел в Восточном Лос-Анджелесе и стал пушером. Меня наркоторговля не влекла, но что делать, если выгоднее драга ничего нет. Дали кредит, научили бодяжить, все как обычно. Главное что? — не подсесть самому и не влезть в долг.

Но я всегда был упрямый, и через два года поднакопил деньжат и соскочил. И свалил на Запад, с концами. Осел здесь. За те два года я присмотрелся, что к чему у людей, так

что купил здесь магазинчик, лавочку такую, товара на первый оборот и стал заниматься бизнесом. Не скажу, чтоб резко подпрыгнул, но и не прогорел. Поднимался потихоньку. Женился на хорошей девушке, тоже из Мексики. Родилась у нас с Габриелой Агата, потом Энрике, купили дом, выплачивали кредит, все как у людей. Дети в школу пошли.

Ну, а потом была Катастрофа. И всему наступил конец.

Пришла повестка, потом федеральный чиновник, и мне установили минимальную заработную плату работнику, и страховку на него надо. Через два месяца я его уволил, слишком дорого; но это не помогло. Потому что мне установили максимальные цены на основные товары, и запретили повышать. А инфляция, все кругом дорожает. Потом пришла повестка за неправильную уплату налога, еле отделался штрафами, но все остальные деньги ушли на адвоката.

А потом мне сказали, что мой магазин теперь принадлежит народу. И от имени народа им будут управлять чиновники. И приказывать, что мне продавать и по какой цене.

Сбережений у меня не осталось, и за дом платить было нечем. Банк его забрал. А мы стали снимать квартиру с двумя спальнями в плохом районе.

А потом меня арестовали на шесть месяцев за то, что я ругал Вашингтон и социализм. Это оказался внутренний терроризм и преступление ненависти.

Пока я сидел, мою дочь изнасиловали, прямо днем, на улице. И никто не заступился, все боялись — сейчас ведь сажают за что угодно, за то, что гада ударил.

Политикой я никогда не интересовался, но в тюрьме мне объяснили, кто устроил такое в Америке, что невозможно жить и у тебя все отбирает правительство, а всякая мразь издевается. В молодости в Лос-Анджелесе я бы перестрелял гадов, прирезал бы тех, кто насиловал. А теперь — оружия нет, полиции нет, никого не найдешь.

И когда пошли разговоры, что евреи должны ответить за свой социализм и диктатуру правительства, у наших ни у кого не было сомнений: необходимо отомстить тем, кто уничтожил нашу жизнь.

Да, мы им устроили. Теперь нам некуда бежать. Из Америки бежать некуда — больше на земле хороших стран

не осталось, нигде уже нельзя жить по-человечески.

Я уже немолод, как видите. Но две глотки я перерезал. Месть за всю мою жизнь, которая пошла прахом. В моем сердце не осталось жалости. Я поджигал их дома, я смотрел, как насилуют их дочерей, и думал: теперь вы почувствуете то же, что чувствовал я. Будьте вы все прокляты.

РАССКАЗ БЕЛОГО ГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНОГО ПРОТЕСТАНТА МУЖЧИНЫ

Они, наверное, думали, что им все сойдет с рук. Что они придумали свой марксизм и социализм, захватили школы и университеты, скупили газеты и телевидение, интернет весь с фейсбуками и твиттерами, заебали всем мозги своей критической расовой теорией, расплодили гомосеков и всяких извращенцев, натравили весь народ друг на друга... блять, они уничтожили страну! Они растлили молодежь, обосрали нашу историю, надругались над верой, превратили негров в зверей, организовали террор в городах — и думали, что будут торжествовать! Хуй им!

Где они были, когда мы отвоевывали дикие земли у природы и индейцев? Где они были, когда мы воевали за независимость? Где они были, когда Север воевал с Югом и отменил рабство? Проклятые умники, торгаши, болтуны, банкиры, продюсеры ебаные! Всегда прибегают на готовенькое. Доктора, профессора, журналисты, режиссеры, кровососы-адвокаты — хер кто когда-нибудь занимался честной тяжелой работой!

Это они изобрели эту свою херню нам на погибель: что дебилы равны умным, инвалиды — здоровым, пидоры — нормальным, черные — белым, женщины — мужчинам, поэтому всех надо перемешать поровну на всех работах и всем платить одинаковую зарплату. И однажды я подумал — честно! вот так взял и подумал! — что тогда, раз все равны, мертвые равны живым. Понял, сука? Тогда мертвый жид равен живому жиду — и вот тогда будет полное равноправие.

Если вы с вашим ебаным учением уничтожили нашу страну — ну так и вас надо уничтожить. Это ведь справедливо, верно?

Так что когда мусульман стало делаться в Америке все больше, и в нашем городке они начали пиздить евреев прямо на улицах — мы мусульманам не мешали. Евреи же сами были против полиции и за въезд мусульман, верно? Вот и пусть огребают по ебалу.

И когда негры все больше пиздили жидов и поливали их, мы не мешали. Наоборот. Втихаря поддерживали. А нехуй было пихать в их тупые черные головы мысли про равенство результатов. Что можно валять хуи, но требовать себе хорошей жизни. И обвинять белых вообще во всем. Блять, дикари слезли с пальмы, им потом дали все права цивилизации, так они еще кусают кормящую руку. А эти пидоры со своими синагогами только подзуживают.

Короче, когда все поотключали, и электричество подавали на три часа в сутки, и жратва по талонам, и оружие конфисковали, потом машины, потом интернет отключили — народ озверел. Ну, а где народ озверел — там и погромы.

Если все начнут громить всех с накипевшей злобы — ну, это просто пиздец. Перебить всех негров и муслимов профилактически, чтоб не они тебя убили? Тоже не очень: приедут федеральные каратели, эта, как ее, «социальная служба безопасности», перестреляет полгорода, а другую половину в лагерь, на государственные работы. Так что — никуда не денешься: сам Бог определил евреев под погром.

Муслимы очень бестолковые, но негры еще глупее. Я знаю, кто составил список наших еврейчиков с адресами. Такие дали и арабам, и неграм. Ну, а они уж и так рвением горели.

Впереди этих тупых погромщиков на самом деле шли наши из Антифа — как обычно. Это мы первыми приходили к синагогам, били окна и бросали коктейли Молотова. Первыми бросали камни в еврейские дома и ломали двери. Те тупые сами ведь даже прийти куда надо не могут, а придут — так пока все не разломают, не разграбят, всех не выебут и не зарежут — дальше ведь не тронутся. Одно слово — скоты. Но скоты тоже могут на дело сгодиться.

Наши тоже многие присоединялись, конечно. Громить — это дело такое, заразительное. Битой — по столу! по стулу! по посуде! хуяк! дзынь! а там и прямо битой по

морде, вдоль рта, чтоб зубы крошкам разлетелись! — затягивает, конечно. У любого человека есть такие садистские мечты, честно говоря.

Кровищи, конечно, немало. Вообще зрелище не для слабонервных. Стекло под ногами хрустит, двери разбитые хлопают, евреи недобитые воют. Утром мы прошли, покидали всех в грузовики и свезли на ферму старого Густафсона, за город. Из мэрии еще с вечера позвонили в округ, у них телефон работал еще проводной, и на следующий день оттуда пригнали транспорт, четыре трака, запихали туда всех этих — и в лагерь, голубчиков. Ну а потом — сами знаете.

Но, между прочим, мы позаботились: у них там на ферме колодец был и ведро, так что вода была, чтоб пить, все же сутки там они были в загоне на солнце. Пусть пьют, мы ж не звери все-таки.

Глава 70

ПАРОХОД

— Почти месяц продолжалась затянувшаяся стоянка круизного лайнера «Свобода морей» в порту Бреста. Пять тысяч нелегальных мигрантов, прибывших из США, запросили политического убежища во Франции. Белоснежный трехсотсорокаметровый корпус лайнера, возвышавшийся на высоту двадцатиэтажного дома, стал на этот месяц главной достопримечательностью Бреста.

Как помнят наши зрители, переговоры о сходе мигрантов на берег и предоставлении им какого-либо статуса, хотя бы временного, перешли с муниципального уровня на уровень национального правительства. Мэр Бреста Франсуа Кюйяндр, член Социалистической партии, после голосования в муниципалитете вынес решение о невозможности принять такую большую группу мигрантов единовременно. В условиях продолжающегося кризиса город не располагает ни жилым фондом, ни соответствующим бюджетом для размещения прибывших.

Совет департамента Финистер во главе с президентом Натали Саррабезоль (Социалистическая партия) поддержал решение мэра.

В порту, а также в центре города неоднократно проходили митинги и демонстрации против приема приезжих. Приходится констатировать, что эти события послужили к разжиганию национальной розни и случаям исламофобии, а также отдельным инцидентам антисемитского характера.

Объединение Исламских Общин Франции выступило с осуждением зачинщиков этих волнений, каковыми вольно или невольно явились прибывшие мигранты.

Еврейская община Франции выразила озабоченность по поводу имевших место столкновений, осудив экстремистские действия и высказывания как со стороны отдельных евреев, так и некоторых мусульман.

Управление муниципальной полиции Бреста и Управление окружной жандармерии сообщают, что на данный момент легко ранены и травмированы 127 полицейских, находятся на излечении с ранениями средней тяжести 59, 14 в реанимации и 4 человека скончались вследствие полученных ранений и травм. Число пострадавших в столкновениях демонстрантов не уточняется.

Многолюдные демонстрации протеста против приема мигрантов из США прошли в Марселе, Лионе, Тулузе, а также Париже. Президент Макрон осудил антисемитскую агитацию отдельных служителей Ислама, две мечети временно закрыты, рассматривается вопрос о привлечении к ответственности виновных лиц. Также Президент выразил сожаление по поводу решения Американского Еврейского Комитета, зафрахтовавшего лайнер «Свобода Морей» и направившего его в Брест без всякого согласования с правительством Франции вразрез с принятым дипломатическим протоколом.

Сенатская Комиссия по социальным проблемам категорически отвергает обвинения в адрес социальных служб Департамента и Республики, якобы отказывающим мигрантам по причине их еврейского происхождения.

Продолжают приходить неподтвержденные сообщения о нападениях на синагоги и избиении евреев на улицах. Генеральная Дирекция Национальной Полиции предупреждает об ответственности за распространение ложной информации, ведущей к росту напряжения в обществе.

Французская Республика, верная своим славным традициям свободного общества, мультикультурализма, интернационализма и открытых границ, руководствуясь великими принципами Свободы, Равенства и Братства, приняла в свое лоно многие миллионы страждущих всех религий и рас из разных стран мира. Но это не значит, что любой желающий может пользоваться нашим гостеприимством без нашего согласия, в ущерб законным интересам наших собственных граждан. Пусть и другие страны мира выполнят свой долг так, как выполнили его мы, французы!

С печалью, но и удовлетворением вынуждены сообщить, что все незаконные попытки пассажиров «Свободы Морей» проникнуть на территорию Франции вплавь, по причальным канатам, под видом членов экипажа и прочее были пресечены портовой службой безопасности.

Сегодня в 16.20 лайнер «Свобода Морей» покинул порт Брест и взял курс в открытое море.

Глава 71

ЗАЛ СЛАВЫ

НАГРАДА.

Между прочим, к работе привлекли психологов, не просто так в лагере все делалось, это тебе не примитивный процесс. Психологию контингента учитывать надо.

Построили им зал. Ну, может зал — громкое слово, но помещение большое. Типа разового павильона для выставки. Такой ангар из гофрированного железа. И окошечки под крышей — для света.

А по стенам развешали огромные такие портреты — футов семь на десять. Самые великие евреи Америки. Эйнштейн, Стивен Спилберг, Элизабет Тейлор, ну, Голдвин с Майером, раз уж речь о кино, компьютерщики, конечно — Цукерберг, Брин, фон Нейман, Норберт Винер, потом все эти создатели атомной и водородной бомбы —

Оппенгеймер, Силард, Теллер, ну и нобелевских лауреатов у этих евреев до черта, хоть по физике, хоть по экономике... мы все хуели от их пробивной силы, когда составляли список на все портреты: Фейнман, Фридман (аж два Фридмана, ты понял), Стиглиц, Кругман, Боб Дилан (еврей оказался, ты представляешь)... Леви Страусс с его джинсами (ни хрена себе), ну и главное — Джордж Сорос, Майкл Блумберг, Уоррен Баффит, Джозеф Пулитцер, Эсте Лайдер, Меир Лански до кучи (пусть гордятся своим великим гангстером)... слушай, у нас места не хватило, вдруг полезли Гугенхайм, Арманд Хаммер... а как тебе агентство Рейтер, которое основал Исраэль Йошафат, сын раввина? А в центре поместили — ты сейчас упадешь — их Моисея, но Святую Деву Марию и двенадцать апостолов тоже изобразили. Верят они, не верят, но решили, что евреям будет приятно — все-таки их люди основали наше христианство. Говенная подробность, кстати, в этом-то смысле.

Короче, любой еврейчик, войдя в этот зал, должен лопаться от гордости. Хуже другое: персонал, кто заходил туда, тоже проникался каким-то не то сочувствием к евреям, не то уважением. Так ни хера себе — столько гениев. Ну, мы ограничили доступ персонала, выделили самых идеологически стойких.

Короче, за хорошее поведение мы им разрешали фотографироваться в этом зале на фоне портрета, который еврей сам себе выберет. Одевали его в чистый костюм, четыре размера у нас было, сорочка, галстук, все культурно. И потом он письмо с этой фотографией посылал на волю своим родным, куда хотел — ну, тем, у которых еврейской крови не было или мало. А мог просто друзьям. Чтоб они знали, как хорошо ему живется в охраняемой зоне.

Нет, письмо соответствующее, по образцу. Они просто переписывали в канцелярии, вставляя имена, ну и кем работают, смотря по возрасту, специальности и прочее такое.

Но еще награда-то в чем состояла? На этот день такой счастливчик, награжденный, значит, освобождался от работы. И чтоб веселей выглядел — ему давали выспаться сколько хочет, кормили получше обычного и давали перед фотографированием выпить. Так что смотрелись они просто блеск. И стройные все, конечно. Писали, что спортом тут занимаются и питание полезное, диетическое. Костями, конечно, гремели на ходу, как жестянка с гвоздями. Но на фотке под костюмом не видно, верно?

Нет, положительные стороны были.

ПРОЦЕСС.

Ну, как вы понимаете, это все для особо пронырливых из прессы. Принудительные работы, недостаточное питание, фейковая информация для масс и мировых СМИ — вот, мол, засекреченные жестокости режима. Зачем это делалось? Да чтобы те недоверчивые и сильно умные, кто не верил в процветание евреев, помещенных в гетто — ах, простите, на «безопасные территории», — поверил в такой концлагерный режим с обманом общественности.

Несколько раз специальные комиссии, даже международные, посещали еврейские лагеря, и наша фирма оставляла у них самое благоприятное впечатление. Как они входили в эту Галерею Еврейской Славы, так прямо умилялись нашему гуманизму и уважению ко всем национальным и религиозным меньшинствам. Что мы, значит, воздаем должное всем, кто внес вклад, и всякая такая мутотень.

Действительность была куда проще и грубее. Дело делать надо. Понимаете, человек ведь не машина. Чтобы уничтожать врагов, он должен их ненавидеть. Чтоб совесть была спокойна. А когда надо ненавидеть — тут человек сам в себе поощряет садизм, куда денешься. И в жестокости начинает находить кайф. Убийства его возбуждают, радость какая-то появляется, психованное веселье. Слово это, ну... эйфория! У нас психолог объяснял.

Так что назначенных к ликвидации заводили в этот зал и предлагали выбрать себе портрет. Нравится? Уважаешь? И лицом к этому портрету вешали. Пусть перед смертью насмотрится на великого собрата-еврея. Там вдоль барака трубы проходили, на высоте футов восемь, и на них крючки надеты. А на крючки проволочные петли крепили.

Ну, выбирали портреты, конечно, только первые. А остальных уж ставили перед кем придется. По пятьдесят человек в ряд. Лицом к портрету, к стене то есть. Каждый

со своей подставкой, подставки у входа брали, на них потом и влезали, когда петлю надевать. А потом проходишь вдоль строя у них за спинами и подставочки эти ногой выбиваешь. Ребята наши от этих портретов уссывались. Любуйся, значит, в петельке на свое величие, блять. Ой, извините. Я в смысле — нервное напряжение необходимо же снимать. Вносит какой-то элемент юмора. Это тоже психологи все придумали.

Раз пробовали расстреливать, и специально двадцать второй калибр пистолеты, чтоб крови меньше было, но все равно это потом такая уборка нужна, что отказались. А так им сутки пить-есть не давали перед акцией, значит, пустые кишечники, чтоб нечистоты у висельников не стекали, и все аккуратно. А потом в ров, экскаватором в песке за проволокой прямо ров вырыли, и все.

Да, и еще заводили им на прощание еврейскую музыку. Не знаю, какую, я в этом же не разбираюсь. А ребят развлекало. Так и говорили: «Сегодня играем еврейскую музыку!» А иногда надоедало, и тогда рэп какой-нибудь ставили, кстати блюз неплохо шел под это дело.

ИТОГ.

И находились идиоты, верившие в эти бредни. Послушайте. В США до распада и Катастрофы было восемь миллионов евреев. Это только официально. А все эти скрытые, нерелигиозные, сменившие фамилии, женившиеся на неевреях и так далее — сколько сигналов на них поступило от населения! Милые мои, надо называть цифру в десять миллионов человек. И что ты будешь с ними делать? Замучишься вешать, руки отсохнут.

Эта проблема решалась на высоком уровне. Но выселить всех — хоть на Мадагаскар, хоть в Антарктиду — не получалось. Ни от одного государства сочувствия и понимания вопроса мы не дождались, невозможно договориться о сотрудничестве, всем плевать.

Посадить всех на корабли и затопить в Марианской впадине? Это сколько же надо кораблей, экипажей, топлива, и что потом будет с экологией — в комиссии были зеленые, так они прямо завопили, что скинуть в Мировой

океан десять миллионов евреев — это экологическая катастрофа.

Но жизнь настоятельно требовала решения! В суровые времена кто-то должен брать на себя ответственность.

Вот поэтому остановились в результате на газовых камерах. В конце концов, это гуманнее многих других способов. Но гораздо более эффективно. И позволяет резко сократить время всей кампании. А это уже благо. И не только потому, что экономятся бюджетные средства. Но и с точки зрения гуманизма. Меньше времени для слухов, переживаний, стрессов тех, кто определен к демографической оптимизации.

То, что демографическая оптимизация — не просто благо, но социальная, политическая и экономическая необходимость, никто не возражал. Но сходились на том, что производственный процесс должен быть не только эффективен, но и щадящ в гуманитарном аспекте.

Так что кроме камер, площадь и объем которых соответствовали нормам комфорта эконом-класса, и комбинированной газовой смеси, которая гарантировала сравнительно безболезненное засыпание, мы обратили внимание и на психологическую подготовку контингента.

Огромные портреты множества великих сынов еврейского народа должны были вселять в подготавливаемых к акции кандидатов гордость за себя, уверенность в себе, сознание своей духовной силы. Они должны были проникнуться отважной верой в то, что еврейский народ велик, мудр и неистребим в тысячелетиях. Прекрасно! С такими чувствами люди куда легче и спокойнее идут на смерть.

А пока колонна медленно тянулась через этот «Барак Славы», под тихую еврейскую музыку звучала речь — не только на английском, но с вкраплениями слов на идише и иврите. Мы долго искали актера с мужественным харизматичным голосом, большой кастинг провели; простите, имя назвать нельзя, засекречено было сразу, ну, понимаете, репутация, то-се. Речь нам составил один специалист по иудаизму, профессор.

И вот они идут в последний путь, и с обеих сторон их напутствуют великие и знаменитые евреи, слава и гордость

их народа, и звучит речь, вселяющая мужество и достоинство — о героях Масады, о жертвах гонений, восставших из пепла, о бессмертии еврейского народа, пережившего Великий Египет, Вавилон, Рим, Третий Рейх и все такое. И они идут спокойно. Что и требуется.

Нет-нет, мы никого, разумеется, не раздевали, звери, что ли. Что у нас, одежды в стране не хватает? Люди должны сохранить достоинство. Семьи не разделяли, родители утешали детей, все было гуманно, человечно. Вообще живописное было шествие: и старики, и мужчины, и женщины с детьми, и молодежь. Прямо такой исход евреев из Египта в Землю Обетованную. Только не из Египта, а из Америки. Ну, а Земля Обетованная — это Горние Кущи, это всякому понятно.

И вот в широкие ворота с одного конца барака они все входят, идут и идут, а барак длиннейший, и с другой его стороны — выход в газовую камеру. Через такой короткий тоннель из пластиковых секций. Разгружалась камера после акции с другой стороны, через раздвижные створки.

Крематорий был в полумиле, туда вел транспортер. Надо же было материал утилизировать. Нет, дыма почти не было, форсунки под высоким давлением, кислородный поддув, так что никаких этих шлейфов копоти через все небо. Да нам бы с грязной технологией разрешение на эксплуатацию не дали, экологические нормы, зеленые съедят.

Глава 72

СОН РАЗУМА

Дух Рембрандта притворился духом Франсиско Гойи и рисует призрак картины:

Большой-большой зал. Над крышей — огромная Звезда Давида. А в самом зале стоят круглые столы, и за ними сидят знаменитые евреи.

За одним столом сидит Йоахим Ганс, первый еврей в Америке, еще с 1584 года, Элиас Легард, Соломон Франко и прочие пионеры-ветераны XVI–XVII веков. За другим — бойцы Революции: Фрэнсис Сальвадор, Хаим Соломон, Дэвид Фрэнкс там, и Мордехай Шефтол читает им письмо от Джорджа Вашингтона:

«Пусть дети Авраамовы, поселившиеся на нашей земле, приумножат свои заслуги и смогут насладиться доброжелательностью остальных жителей. Все должны жить спокойно под своей виноградной лозой и смоковницей и не должно быть никого, кто заставит людей бояться».

Соседний же столик блещет эполетами на мундирах: девяткой генералов Гражданской Войны дирижирует Фредерик Нефкер.

Здесь собрались звезды первой величины, но у нас не хватит времени даже поздороваться со всеми, поэтому перейдем в центр зала, сияющий избранными суперзвездами.

Вот Леви Штраус со своими джинсами, его современники конгрессмен Левин и сенатор Юли, вот троица финансистов братья Леманы... нет, мы еще не дошли до центра.

О — дамский кружок: Эмма Лазарус, ненавидящая ее анархистка Эмма Голдман и самая умная из них — Айн Рэнд. И совсем близко — когорта конструкторов смерти мира: ядерщики Силард, Оппенгеймер, фон Нейман, Теллер. Эйнштейн норовит отодвинуться, держится наособицу. Заметив нас, показывает язык.

Здесь — мечтатель, идеалист Жан Фреско, у другой стены — неостановимый изобретатель Реймонд Курцвейл, придает себе доброе выражение старый индюк Сорос и резвятся компьютерные мальчики Цукерберг, Брин и свита из Кремниевой Долины.

Мы чуть не пропустили Ноама Хомски — удивительный случай, когда лингвист становится мыслителем, все мысли закручены налево; у евреев это бывает.

...А за окнами люди в черных комбинезонах, со штурмовыми винтовками в руках, проходят нескончаемой колонной под знаменами «Смерть Америке!». И древко каждого знамени венчает, вместо орла, могендовид.

И сидящие в зале яростно спорят, как это вышло, и есть ли доля их вины в Катастрофе; и доля их труда, их пота и крови, преданности и жертв — перевесит ли она долю вины?

— А нас за что?..

— Каждый отвечает за всех.

— Даже за тех, с кем не согласен? Почему?

— Потому что тех, кто пришел за платой, не интересует твое согласие. Хватит и того, что ты с несогласными одной крови. Судьба народа — это цена крови, а не цена веры.

— Такова история. Каждый еврей отвечает за всех.

В зале распахиваются все двери, черные фигуры с винтовками занимают проходы, и железный голос командует:

— Все на выход! Руки за голову!

ПРОЛОГ

Глава 73

ГАНГСТЕР И ПРОВОКАТОР

Записка в уголовном деле:

«Саул, отмени сегодня встречу на 13-й Ист. Ребята сказали, что могут быть неприятности. Профсоюз договорился с бандой. Нам нужно собрать тебе большую охрану».

Показания свидетеля в полиции:

— Он уже собрался входить в клуб, как вдруг его схватили двое и кинули в машину, а еще двое с револьверами держали народ. И увезли. Позвонили в полицию, но куда там.

Что рассказал в кибуце Кфар ха-Хореш его житель, старик Ротштайн:

— Голландец Шульц, он ведь страшно гордился своей внешностью. Такой статный голубоглазый блондин. Он потому и носил всякую дешевку, считая, что его внешность не нуждается в модных тряпках. Скупой был, кстати, страшно, это все знали. За пять центов убьет. Никакие ирландцы не решались ему дорогу переходить.

Он был старше Алински лет на семь. Но никакого Алински он знать не знал до поры до времени. Пока Алински не полез со своей пропагандой на предприятия и в профсоюзы, которые Шульц курировал. Ну, или рэкетировал. Или покровительствовал им. По-разному сказать можно.

Отменили сухой закон, буттлегерство кончилось, ребята стали искать другие бизнесы. Ну, подгребали под себя и профсоюзы в том числе.

Прокурор Томас Дьюи, знаменитейший, кто помнит, цепной пес Закона, арестовывал Шульца без счета, и трижды доводил до суда. Блондин Шульц выскальзывал! А мне

дали двадцать три года, выпустили через девятнадцать, и я сюда приехал, но это вы знаете...

Шульцу было замочить кого вообще как нечего делать, да это за него быстро другие делать стали. Ну, а боссы там кинули зелени, чтоб от Алински избавиться — он науськивал работяг и профсоюзников, как свои бабки выгрызать ловчее. Немалые деньги на кону стояли.

Не было там никакого похищения, сплетни это все. Он покупал в киоске газету. Проходил мимо парень. Достал ствол, выстрелил в затылок и пошел дальше. Одна секунда. Никто и не дернулся, все как обычно.

Что рассказал раввин Синагоги Шарай Цедек в Бруклине через тринадцать лет после происшедшего:

— Я знал семью Флегенхаймер, у отца Артура был салун, он еще и конюшню свою держал, очень достойный был человек. Хорошие пожертвования вносил. И отец потом со мной о том деле говорил, у нас хорошие отношения были.

Артур сказал отцу, что не хочет он убивать еврея, да еще из-за каких-то паршивых денег. Денег у него и так куча, он сроду жадным не был, просто он человек принципа: должен — отдай. Был бы Алински другой человек — он, человек-легенда, Голландец Шульц — да он бы его отмазал и еще приплатил, чтобы хороший человек жив остался. Но этот Сол Алински — это дьявол: он учит, как разрушить Америку.

А старый Флегенхаймер сказал: разрушить Америку, которая дала приют всем евреям, сбежавшим из проклятой антисемитской России? Америку, где мы начинаем жить как люди? Он к чему ведет? Когда его ученики разрушат Америку и настанет и здесь нищета и бесправие — кого будут бить, Артур? Ты не знаешь? Ты знаешь! Нас будут бить! Евреев будут бить. Пойдут еврейские погромы.

Спасибо, папа, сказал Артур. Я сам так думал.

Что вспоминал незадолго до смерти вышедший на покой резник Абрам Ковнер:

— Нашего тогдашнего резника так и звали: Резник. Макс Резник. Небольшой был худой человек, с тонкими руками. И в очках. Очень умелый и спокойный. А я у него

был тогда учеником. Помогал, значит. Он добрый был, Макс.

И вот однажды привозят нам на телеге ящик. Деревянный. И говорят: это от Голландца Шульца. Сделайте все как надо. И двое этих парней, крепкие такие ребята, и вид — типичные гангстеры — открывают крышку и вынимают сверток. Большой сверток, длинный. Человек в свертке спеленут.

Они его за ноги и плечи заносят к нам на задний двор. Где, значит, птицу режут. Ну, или скотину. И говорят:

— Этот, — говорят, — еврей предал наш народ и хочет обречь его на смерть. Он придумал, как разрушить Америку. А нас потом всех за это вырежут. Вы поняли, какой гад?

Из них один страшила, а второй на вид милый и молодой, только плечи ярда два в размахе. И он милым голосом сообщает:

— Он учил Малкольма Икса и Барака Обаму, Хиллари Клинтон и Джо Байдена — учил и научил, как уничтожить Америку вместе с нами. Что кругом происходит — вы в курсе вообще?

Ну, они там еще такого наговорили, что мороз по коже. И говорят, что сам Любавический Ребе это дело одобрил и сказал, что необходимо. И еще всякие подробности. Сам бы не слышал — решил, что это черная клевета. Но сам слышал, и Макс слышал.

А в конце предупредили, что если мы не сделаем все как надо, то Голландец Шульц приказал нас пришить тут же.

Вот так мы в первый и последний раз увидели Сола Алински. Рот у него был заткнут, и он даже не извивался. Видно, смирился.

— Любавический Ребе сказал, что это сакральная жертва. Вроде как Исаак принес на заклание своего сына в жертву Б-гу. Ради жизни нашего народа. Иначе будет на вас смертный грех, и на нас тоже.

Макс спрашивает, а он-то почему резать должен? А тот из них, кто пострашнее, объясняет, как слабоумному, что все должно быть сделано кошерно. Иначе нельзя. Смотрит на Макса долго. И вынимает из кармана револьвер. Хотя понятно, что это лишнее.

Положили мы этого Алински на нужное место, Макс под шею тазик для крови поставил. А страшный мне велел бидончики какие-нибудь принести. Для крови, чтоб перелить. Сказал, что так надо.

Алински лежит тихо спиной вверх, лицом книзу, щеки голубые и пот по ним льется. Макс приподнял ему голову и перерезал горло, только хрустнуло. Ножи у нас как бритва, одно движение — и все.

Он задергался, а я ему ноги держу, как положено, чтоб вся кровь вытекла и кошерно все было. А кровь темная ударила в жестяной тазик, так и хлещет, потоком выплеснулась, как из теленка. И пена по ней сверху.

Он подергался еще с минуту и затих совсем. А кровь мы с Максом в бидончики перелили и тем отдали. И Макс так спросил тихо, зачем она им.

Тогда второй, молоденький крепыш, объясняет:

— Про кровавый навет слышали? Клевета черная антисемитская, что евреи в мацу кровь христианских младенцев добавляют?

Ну, что-то мы такое вроде слышали...

— Скоро Песах, — говорит молоденький. — Вот решили хорошие люди мацы заранее напечь. Да не простой, а с этой кровью.

Макс побелел весь и говорит:

— Вы там совсем с ума сошли? Это вы кому ее давать будете?!

А страшила улыбается кривой своей ужасной улыбкой и говорит:

— Вот именно. Правильно думаешь. Вот всякой мрази ее и дадим. Они заслужили. Пусть причастятся крови своего бога, собаки. Он, Кто Наверху, он нас простит. Он сам парень крутой и правильный. А мразь всякую, предателей и подонков, мы опомоим и в мразь втопчем этим угощением. Этих социалистов с коммунистами, пидарасов со шлюхами, всех этих еврейских борцов за победу черножопых и мусульман, за равенство идиотов с мудрецами, паразитов с трудягами. Пусть левая шваль жрет сама себя, пока не передохнет.

КНИГА X

Глава 74

КРАСНЫЙ ДЭННИ

Я ни фига не мог понять, сколько ему лет — двадцать три или семьдесят три. Есть такие бойкие мальчуганы, сквозь которых вдруг просвечивают старперы — как пульсирующая картинка.

За окном его квартиры краснели острые черепичные крыши под дождем.

— Это мы в Париже или во Франкфурте?.. — уточнил я.

— В Брюсселе, — ответил он.

— Ну конечно, ты же депутат Европарламента, — вспомнил я. — А кстати, как ты им стал, принял ислам? Погоди, какой на хрен в Халифате парламент?!

— Косячок не хочешь забить? — поинтересовался он, покачался в дорогом и потертом кожаном кресле и стал скручивать папироску. — А то совсем ты во временах запутался, тоталитарная буржуазная свинья. На, затянись, прочисти мозги.

Я действительно затянулся слабым и сладковатым дымом, и мозги мои с одной затяжки встали на место. И сам я встал на место, это была такая низкая как бы трибуна, или подиум, или пьедестал почета в большом спортивном зале, посреди зала пах хлоркой университетский бассейн в голубом кафеле, а кругом вопили студенты. Мятые-волосатые. Молодая кровь, стало быть, а также моча и сперма бурлили в юных головах. Сорбонна, ты понимаешь, Нантер, юные гуманитары, элита Прекрасной Франции. У них были требования. А то я не знаю, чего они хотят. Они хотят трахаться, рулить страной, разнести все в щепы и показать отцам, что те замшелые кретины. Так они представляют себе счастье и справедливость. Свобода, Равенство, Братство нынешнего разлива бэби-бумеров.

Вас бы, ребятки, в сороковой год, когда колонны бошей лязгали оружием под Триумфальной Аркой и тянулись бесконечно по Елисейским Полям. В сорок четвертый, когда сюда входили танки Леклерка, когда пристреливали предателей и стригли наголо шлюх. А потом победители и освобожденные пили вино, танцевали под аккордеоны и падали в койки или под кусты. И сделали вас, счастливых детей мира и процветания. И вы выросли уродами. Се ля ви.

Однако веду я им такие примирительные речи, что самому противно. Прогибаюсь под паразитов. Детишки, понимаешь.

И тут один ко мне подходит с сигаретой в зубах. Рыжий, наглый, глумливый и ни фига ему не семнадцать лет. Ближе к двадцати пяти. Вечный студент. И, подойдя вплотную и глядя в глаза, придерживает свою незажженную сигарету двумя пальцами и громко, раздельно, говорит:

— Позвольте прикурить.

— Что-о? — спрашиваю я, прервавшись. И хочу продолжить речь.

А он с замечательной наглостью, наслаждаясь скандалом, повторяет:

— Господин министр, дайте, пожалуйста, огоньку прикурить сигарету!

И тысяча человек собравшихся вокруг бассейна ахают, взвизгивают, аплодируют и замирают: ждут.

И я, министр долбаный этого долбаного образования, на хрен не нужного этим долбаным придуркам, деревянной рукой вынимаю из кармана зажигалку, протягивая рыжему идиоту и щелкаю, выпуская язычок огня. И он тянется своей сигареткой прикурить.

Тогда я разжимаю пальцы, зажигалка начинает падать, идиот по инерции еще тянется секунду сигаретой как бы вниз за ней, не успев отреагировать — а потом поднимает взгляд на меня. И вот когда он взгляд свой рыжий на меня поднял — я со всем наслаждением и врезал правой со всего маху ему в ухо!

Он — кувырк! И улетел. Бул-тых! И фонтан брызг в стороны — брызь!

Зал ухнул единым совиным ухом: ух-х!.. А-а-а! Смех, вопли, ругань!..

Ну, думаю, один хрен — не быть мне больше министром. Под суд залетаю. За рукоприкладство. К студенту! Которого я опекать обязан. А мог бы — вообще убил. Полезное бы дело сделал.

— Что-о!! — загремел министр, оскалив кривые клыки, — мальчики хотят ебаться и требуют свободного доступа ночью к девочкам?! Воткнуть некуда?! Дрочить надоело?! На блядей денег нет?! Кому тут яйца оторвать, чтоб не мучился — выходи первый!!! Сперма на уши давит?! Так сходи к ветеринару на кастрацию, я подпишу направление! Ур-роды!!! Философия пизды и бутылки — полюбуйтесь на наследничков Декарта! Да вы никто. Вши, бездельники, маменькины сынки. Ни работать, ни драться, ни трахаться — вы же мразь, недоделки, пидарасы!

Толпа примолкла. Рыжего Кон-Бендита выловили из бассейна. Мокрая одежда облипла щуплое тельце, с него текло, и лужа под ногами расплывалась. Жалкая форма напрочь лишила его возможности предъявить свое героическое содержание.

— Кому рыло начистить, герои? Мне 49 лет. Я фашист?! Я дрался с фашистами, когда вы даже не были сперматозоидами, рвань подзаборная! Нации нужны герои, а рожает идиотов!

Толпа всегда самка, готовая отдаться победителю. Героический ореол рыжего растворился в бассейне. Тот парень, который сказал: «От великого до смешного один шаг» — недаром был великий император и кумир Франции. Мокрая курица не может геройствовать и вести массы — и массы платят злорадным хохотом развенчанному вождю. Толпа мстит тому, кто надсмеялся над ее поклонением и надеждами. Его поставили выше себя, он делегировал себе их храбрость и честь — и опозорил всех своим нелепым бултыханием.

— Тебе самое время пойти по девочкам, — сказал я, и мальчики загоготали падению самца-конкурента.

Тогда самец-конкурент покачнулся в скрипнувшем коллекционном кресле, провел рукой по седым волосам, выдохнул струю сигаретного дыма и посмотрел сквозь нее на кружевной срез готических башен собора — в окне, в сизом ветреном небе. Красиво живет, подлец.

— Знаешь, что такое старость? — спросил он. — Это когда девочки по вызову приезжают на машине с красным крестом. Но я еще не отказываюсь. Ни от девочек, ни от свободы. Мы боролись за святое дело: «Запрещать запрещается!». Прогресс — это расширение пространства свободы!

Дал бы я ему в ухо еще раз — для жизненной симметрии. Да ведь уже головка отвалится.

— Балда ты, — сказал я. — Наша культура началась с Десяти Заповедей. Не убий. Не укради. Не прелюбодействуй. Не желай добра ближнего своего. Ты отменишь законы государства? На смену мгновенно придут законы бандитов. Учи историю, придурок.

— Ты украл мою биографию, тупая буржуазная гадина, — с нежной садистской ненавистью сказал он. — Ты и другие благонамеренные буржуазные уроды украли нашу революцию. Украли наш Красный Май 1968. Вы не дали нам построить справедливое общество, где не будет несчастных и угнетенных!

Потом он вопил, что я сбил его в воду, но не сбил с пути. И хотя он не стал вождем, но борьба продолжилась. А вот если бы вождем стал он, они могли бы победить.

...Мы настучали тогда идиотам по головам, но вышибить из голов их идеи нам не удалось.

— Вы настучали тогда идиотам по головам, — прошипел он, — но вышибить из наших голов идеи вам не удалось!

— Это точно. Посмотри по сторонам. Ваши идеи победили. Левые добились своего. Ну — и как тебе старушка-Европа? Смотрится в хиджабе, м-м? Ах, а где же Франция? Ой, а где Германия? Кстати — а куда это сбежали все евреи? Что, не все, — некоторых успели пришибить? А как у вас в халифате насчет свободного секса?

Ислам не одобряет спиртного, но бутылка подпольного коньяка у него нашлась. Мы выпили за древний и судьбоносный 68-й, и каждый пожалел, что не убил другого.

Де Голль оказался слабаком, а могущество СССР мы недооценили. Запретить компартию, каленым железом выжечь всех леваков, сослать на каторгу марксистов всех мастей. В Советском Лагере они установили диктатуру коммунистов — так нашим неокоммунистам это не подошло, пролетариата они себе не нашли. И заменили обуржуазившихся работяг революционным эрзацем: маргиналы, мигранты, гомики с феминистками и негры с арабами. И в результате устроили диктатуру радикального ислама. Который мгновенно передушил всех упомянутых, кто не вписался в шариат.

А потому что давить надо не людей, а идею. В зародыше. Вместе с носителями.

— Чего ты ноешь? — спросил Кон-Бендит. — Мы же предупреждали, что вас снесем? Вместе с вашим гребаным государством. Вот и снесли. Не так, так эдак. Между прочим, в исламе гораздо больше равенства и справедливости, чем было в вашем лицемерном, фарисейском, приобретательском обществе господства денег.

...Я часто думаю, что мы могли заключить договор с СССР. Чтобы их юных левых друзей приняли в советские сибирские концлагеря, приобщиться к коммунизму лично. В обмен за услугу мы бы обеспечили русским торговые льготы и поставки технологий. А у себя мы установили бы диктатуру капитала. Иначе говоря — свободного предпринимательского общества, любые покушения на которое карались бы каторгой. Но лучше гильотиной.

О, как взвыла бы прогрессивная общественность! Франция могла бы оказаться в изоляции — и политической, и экономической. Но прожила бы! И теперь все были бы в полной жопе — а мы жили нормально, и от них всех бежали бы к нам. В нормальную страну. С нормальными правами. А нынче и бежать некуда.

И тут с башни собора Сен-Мишель-э-Гюдюль донесся протяжный крик муэдзина, призывавшего на молитву. На такой дистанции я бы снял его первым выстрелом, но ведь это аудиозапись, пущенная через стадионную колонку.

Глава 75

КАНЦЕЛЯРИН

Мы видим палату не то госпиталя, не то санатория. Большую палату и шикарную. За окном во всю стену — берег озера на фоне гор, зелень внизу переходит в снежные пики вверху: это Швейцария. Крайне живописный пейзаж, сто миллионов долларов. А почему вы решили, что это именно Швейцария, а не Баварские Альпы? А потому что Швейцария сохранила свою государственность и свой нейтралитет. И там можно без тревог доживать свой век и умирать спокойно, что в Германии отнюдь не гарантировано. Особенно столь одиозной фигуре, как бывшей фрау канцелярин, чуть не угрохавшей свою страну вообще.

И вот она лежит, опутанная трубочками и проводами, как сдувшаяся вяленая картофелина, поддерживаемая гидропоникой. Изголовье автоматизированной ортопедической кровати высоко поднято. И рядом сидит необыкновенно располагающей внешности пожилой джентльмен в пасторском воротничке.

— Господь наш всеведущий знает все, фрау Меркель, — ласково продолжает он. — Открывая душу, вы лишь облегчаете ее. Все в Дольнем мире, на нашей печальной земле, остается без изменений. Изменяется лишь путь вашей души в ее благом восшествии в мир Горний и Вечный. Ничто не изменится, кроме оценки на Высших Весах — кто же вы были в этом бренном мире. Нельзя покидать землю, храня в душе груз невысказанных сомнений и грехов, оставшихся без покаяния. Этот груз не даст душе подняться, он тянет ее вниз, и ее вечные скитания во мраке и страданиях ужасны, безысходны. Но мы не допустим этого, дорогая Ангела. Говорите же, вам нечего бояться, времени остается все меньше. Ведь мы оба знаем, что вам хочется сказать. Мой долг — помочь вам, как любому страждущему. Как помогли столь многим и вы в вашей славной жизни. Итак! Когда вы начали работать на КГБ? Начнем с начала: когда вас завербовали?

Легко сказать. Лицо Ангелы Меркель на ортопедической подушке желтеет еще более, дряблая плоть оползает

с черепа, посвистывает уходящая в ноздрю трубочка, прикрепленная полоской пластыря.

— Я вас не понимаю, — неслышно выговаривает она, а смерть все поднимается и завладевает её существом: заостряется и белеет кончик носа, щеки делаются серыми, глаза проваливаются в воронки.

Пастор сдергивает свой воротничок, открывая накачанную шею, извлекает из внутреннего кармана пиджака алую коробочку, вынимает из нее что-то плоское, цветное, и зажимает в неживом влажном кулачке Меркель.

— Президент Путин и правительство России награждают товарища Ангелу Меркель высшей наградой государства — Золотой Звездой Героя России! Президент и правительство поздравляют вас! Желают крепкого здоровья и счастья на заслуженном отдыхе! Вы с честью выдержали все испытания и проверки, товарищ Меркель. Вы отлично выполнили порученные вам задания. Разведка гордится вами!

На угасающем лице возникает выражение солдата, стоящего в строю по стойке «смирно». Солдат немецкий, и ладони рефлекторно прижимаются к бедрам, а локти чуть сгибаются. По пепельным губам пробегает тень слов: «Служу Советскому Союзу!»

— Конечно, — говорит «пастор, — все мы по-прежнему служим великому Советскому Союзу. Мы с вами, старики — советские люди. Для меня честь встретиться с вами, Ангела.

Он наклоняется над лежащей и осторожно прикрепляет к ее салатовой больничной рубахе справа — знак с мечом и щитом «Почетный сотрудник Госбезопасности», а слева — Золотую Звезду Героя на трехцетной ленте и крест «За заслуги перед Отечеством» II степени. Затем этот пастор-фээсбэшник нажимает кнопку айфона, и в двери входят двое.

Первый улыбается с развязным дружелюбием садиста, он кладет умирающей на грудь, но пониже наград, чтоб были видны, букет алых роз и делает несколько фото с разных ракурсов.

У второго «лицо доверия», он мгновенно вступает в эмоциональный контакт взглядов с пациенткой, на минуту вынимает из вставленной в вену канюли трубочку капельницы и вводит Ангеле из двух принесенных шприцев один препарат, затем другой. Кивает пастору и выходит вместе с фотографом.

Через несколько минут лицо Ангелы розовеет, глаза принимают осмысленное выражение и блестят, и на лице возникает выражение счастливой и бескрайней перспективы жизни, органично свойственное юности, но проблескивающее сейчас сумасшествием в изгибах старческих морщин.

— Jawoll, mein Fuhrer! — отчетливо произносит она. — Mea culpa, mea maxima culpa. Я все расскажу.

Моя семья переехала из Западной Германии в Восточную. Это была редкость, правда? Все пытались наоборот — бежать из Восточной на Запад. Отец был священником, но в ГДР перестал им быть. У нас в семье были социалистические взгляды. Отца часто выпускали за границу, на Запад. Это тоже нетипично, это редкая привилегия была. Гораздо позднее я узнала, что в Гамбурге он работал на КГБ, прикрывшееся якобы разведкой лондонского польского правительства: папа был из поляков. За ним начали следить, пришлось бежать с семьей. Представляете — после прихода в Гамбурге — крошечный Перлеберг в Бранденбурге? Позднее Штази зачистила следы.

Я была пионеркой, была комсомолкой — в Союзе Свободной Немецкой Молодежи. Мы учили в школе русский язык, и отец советовал мне налегать. Так что к концу школы я победила во всех олимпиадах по русскому языку — и городской, и всей ГДР. А победителя награждали поездкой в Москву.

А такие поездки организовывало Общество Дружбы ГДР — СССР. И меня приняли в члены общества. Ну, и перед поездкой, как полагается, провели беседу: о политической грамотности и так далее.

После Москвы мною в Обществе остались довольны. Я была активная комсомолка. И после окончания школы меня включили в группу, которая ехала стажерами в СССР, на полгода, в Донецк, в университет. Перед поездкой со мой провели беседу, что я буду обращать внимание на поведение

товарищей и, если будет что-то недостойное, сообщу об этом. Это была обычная практика, со многими так беседовали. И мы давали подписку о неразглашении.

А потом я поступила в Лейпцигский университет, была активной общественницей, и мне предложили сотрудничать со Штази. Сказали, что я уже и так несколько лет сотрудничаю, а делать ничего не надо, просто иногда спросят характеристики на товарищей.

Райнер Кунце издал книгу в ФРГ, а это был серьезный проступок. Его исключили из Союза Писателей. Но еще до скандала с изданием меня подвели к нему, мы познакомились, и я составляла отчеты о наших встречах: его высказывания, настроения, каких людей он упоминал. Так мое сотрудничество со Штази началось реально.

Когда я работала в Физическом институте Академии Наук, то была секретарем комитета комсомола по идеологии, понятно, что одно с другим в ГДР было связано.

А потом рухнула Стена. Все архивы Маркус Вольф переправил в Москву, в КГБ. Германия объединилась. Но была ли я членом «Демократического прорыва», или «Альянса за Германию», или перешла в ХДС и стала министром по делам женщин и молодежи — я все равно была верна своей молодости, и идеалам социализма, а кроме того, знала, что КГБ, переименовавший себя в ФСБ, может войти в контакт со мной в любой день.

Я просто делала карьеру, сознаюсь. И делала что могла согласно своим взглядам.

И в 2002 году, когда мы проиграли выборы и встали в оппозицию, их рука дотяну... то есть вы ко мне пришли. Вы работали с членами фракции, вы давали партии деньги по разным каналам. И меня переизбрали председателем ХДС! И переизбирали раз за разом.

А в 2005 вы поставили на меня на выборах — женщина, молодая, из Восточной Германии, критиковала мусульман за обособление и поносила мультикультурность! — и опять деньги, компромат на конкурентов и пресса. Я стала канцлером!

В 2011, когда нефть стоила 120 долларов за баррель, я продавила решение закрыть атомные станции. Это была

плата за поддержку. И за то, что ФСБ своими средствами гасил любую информацию, которая могла даже навести на подозрения, что я на них работаю. Германия имела самые совершенные атомные станции. Их закрытие обходилось стране в огромные деньги. Деньги эти ши в Россию — за их нефть и газ. Сжигание этой нефти и газа было крайне вредно для нашей атмосферы. Но у меня не было выбора...

И когда в 2014 году Путин начал войну с Украиной, и сбил голландский «Боинг», а потом завяз в Сирии, и Запад возмутился — мне пришлось... мне пришлось!.. Я пустила мигрантов. Я заставила весь ЕС пустить мигрантов! Я не позволяла наказывать их даже за насилие над немецкими женщинами! Они грабили, оскорбляли, насиловали детей, избивали прохожих... они резали женщин, которые ухаживали за ними в лагерях, где этих скотов кормили и одевали! И электорату, народу, Европе — стало уже не до России и Путина, и уж тем более не до какой-то Украины.

Я верно послужила первой в мире стране социализма. Родине всех пролетариев. Чтоб вы все сдохли. Я буду ждать вас там, наверху. Чтобы смеяться над вами в аду.

Heil Marx!

— Прекрасно, фрау Ангела, — тихо проговорил человек на стуле, — прекрасно. Вот видите, как хорошо, что вы все сказали. Я рад, что помог вам.

Достал пистолет и выстрелил ей в рот.

«Должен же и я получить хоть какое-то удовольствие от беседы», — пробормотал он.

Глава 76

ГИТЛЕР

Мы встретились в Вене, на площади у собора Святого Стефана. Кругом перетекала, перекликалась и ловила шпиль в телефоны туристская толпа. А он стоял перед трехногим мольбертом, в длинной бархатной блузе жемчужно-голубоватого цвета, с длинной седой гривой, с длинными седыми усами под треугольным носом-тараном,

и длинной кистью наносил мазочки на полотно. Там величественный, громоздкий и все же стройный собор взлетал в светящееся небо.

Больше художников не видно было. Он там стоял один такой. Разумеется, зеваки смотрели на неоконченную картину из-за его плеча, другие фотографировали, но обращали на него внимания не более, чем на одну из достопримечательностей места, деталь колорита, так сказать. Конкретно никто его не узнавал. Собственно, и узнавать-то нечего было.

Я не мог предложить ему закурить, потому что он не курил, и не мог угостить его выпивкой, потому что он не пил. И рядом не увидел ни перевернутой шляпы, ни ящичка, ни открытого футляра — ничего, куда можно было бы опустить пять евро для уличного художника. Если, впрочем, его можно было так назвать.

Венский диалект я и различаю-то с трудом, но хох-дойч у меня очень приличный. И на нем я негромко отпустил замечание, что оттенки тени на камнях собора переданы удивительно точно и выразительно, сам фон Альт не смог бы лучше. Он посветлел лицом: я попал; в живописи я немного разбираюсь.

Потом я наврал, что мечтал когда-то стать художником, но меня дважды завалили на экзаменах в Берлинскую академию, пробиться с улицы не удалось, и вот я теперь заведую отделом в рекламной фирме; но иногда пишу пейзажи для себя и дарю друзьям.

— Реалистическая живопись сейчас не пользуется спросом, — вздохнул я. — Извращенцы и уроды победили. Шарлатаны и бездари загадили всем мозги, а торговцы картинами скупили критиков и журналистов, чтобы приобретать и продавать все новую мазню и делать свои прибыли.

Я попал иголочкой в нервный узел. Он опустил кисть, морщины его дрогнули.

— Именно с этого и началось, — процедил он из-под усов. — Когда шарлатаны осмеяли, оклеветали и победили реалистов и романтиков. Настоящих художников, которые писали сердцем, верили в идеал, они были преданы красоте и радости жизни.

Вот когда эти кретинские линии и пятна, эти кривые условные карикатуры, эта блевотина, извергнутая на полотно, взяла верх — вот тогда стало понятно, что нашему миру, нашей культуре грозит гибель. И эта гибель подступила вплотную.

Художник — это человек, спасающий мир красотой. Потому что красота спасет мир. А отрицание красоты, уничтожение красоты — это отрицание мира.

Он сжал кисть в кулаке и потряс ею над головой:

— Уничтожение жизни и красоты в живописи — это уничтожение мира на эстетическом уровне! И этим убийцам, этим дегенератам, растлителям народа — не может быть прощения! Они не должны ходить по земле, которую ненавидят!

Тут нас накрыла волна навозного аромата: пара вороных процокала мимо по серо-голубым плитам площади (видимо, они только что наполнили свои эти резиновые подхвостные мешки), пассажиры в лаковом экипаже воротили лица, неубедительно улыбаясь экологически чистой газовой атаке. Я перевел взгляд выше, на сине-зеленые треугольники и ромбы крутых скатов крыши, собрался с духом. И мой венский художник согласился принять приглашение коллеги пообедать в ресторанчике прямо тут же, во дворике у площади.

Мы сели на свежем воздухе и заказали свежий салат, протертый суп из брокколи, тушеные овощи, яблочный штрудель и кофе. Мяса он не ел. Вина не пил.

Он налил из кувшина воды в тяжелый стакан, отпил и сказал:

— Какого черта? — сказал он. — Меня приняли в Венскую Академию художеств, и я стал художником. Но в четырнадцатом году я все равно ушел на фронт добровольцем! Причем в немецкую армию. Потому что Германия, германская культура, немецкий народ — для меня превыше всего. Как река находит русло к морю — так и человек любым путем все равно впадает в свою судьбу.

— Масса людей предпочли бы, чтоб вас убили, — прямо сказал я ему в глаза, удивляясь собственной откровенности. И увидел, что глаза у него большие, серые, искристые,

с отблеском теплой стали. Ни фотографии, ни кинохроники этого не передавали.

— Да, — отрывисто рассмеялся он, — меня и убили. Дважды. Первый раз — 5 октября пятнадцатого года, на Сомме, под Ла-Баргюром. Английский осколок вспорол мне бедро... земля перепахана, кругом все гремит, кровь по ноге волной течет, не остановить, звон, туман, все и отплыло. А второй — ночью 13 октября восемнадцатого года, под Ла-Монтенем, поздно мы в темноте почуяли горчичный газ, выжег он мне и глаза, и легкие... невесело умирать в темноте. От нашего 16-го Баварского пехотного осталось 600 человек из 4000. Так что — тридцать шесть боев, два Железных креста и два трупа на военных кладбищах. Но у Провидения свои планы!

Официантка принесла салат и суп, и мы взяли по ломтю хлеба из корзиночки.

— Но после войны без вас ничего бы не было, — сказал я.

— Глупости, — он попробовал суп. — Что значит «ничего бы не было»? Была Партия, и был Дрекслер, и был герой войны Геринг, и был Рем, и был Геббельс, способный доказать что угодно, и был Гиммлер, лучший организатор в мире. И был ограбленный и униженный народ, который не мог уже снести свое оскорбление! И еще: была ненависть к коммунистам, которыми руководили евреи и которые сеяли рознь в народе и натравливали одну половину нации на другую. И никогда арийцы не стали бы это терпеть!

барабаны выше знамена завтрашний день принадлежит нам вы сделаете страну великой благо народа дрожите дряхлые кости германия превыше всего эрика ждет меня дома народ партия вождь цивилизация арийской расы социализм жизненное пространство гений созидание

— Ну, — сказал он, — и кому теперь лучше? Ты посмотри, что вокруг делается! А ведь мы предупреждали. Ты посмотри, во что превратились немцы. Кем стали арийцы, создавшие нашу цивилизацию. Что стало с миром, который сошел с ума. Который себя уничтожает.

Вот вам ваши дорогие цыгане? Как были они ворами и паразитами, так и остались. Они вас грабят, они пристают к вам везде, они требуют от вас денег — и все равно

крадут, даже после того, как вы их содержите. Скажи: почему немец должен работать, чтоб цыган, грязный вонючий жулик и вымогатель, жил за его счет? Что они умеют? Только плодиться и воровать.

А как вам евреи, которые совсем уже собрались превратить весь мир в коммунистическую казарму? Их золотой телец развращает народы, разрушает семьи, сажает паразитов на шеи честных тружеников, населяет исконные арийские земли грязными туземцами и заставляет содержать их!

Что же я мог сделать, если их невозможно было никуда выслать? Их никто не хотел принимать! А жить как люди и честно работать они не хотели ни за что! Если они не способны быть людьми — кто им виноват? Вот теперь плачьте!..

Он дирижировал вилкой и поощрительно кивал, когда я местами конспектировал для памяти эту застольную речь:

— Мы дали Германии классовый мир! Национальную солидарность! Каждый вносил посильную лепту в общее процветание. Рабочие, администраторы, конструкторы, ученые, крестьяне и солдаты — все работали на общее дело. И все знали, что получают справедливую долю от общего пирога. Богач не смеет жиреть, если рабочий голодает! Это мы первыми в мире построили санатории и круизные лайнеры для рабочих! Это мы сказали, что крестьянин — основа основ, хранитель земли, кормилец, на нем стоит нация и мир. Это мы сказали, что семья незыблема, что женщина-мать священна, что дети — это главное, что есть у нации — это ее будущее, ее жизнь, ее продолжение!

Вы посмотрите на ваших вонючих гомосексуалистов! Вы же сошли с ума! Эти бесплодные извращенцы теперь норовят посадить в тюрьму каждого, кому они не нравятся! Немцы вымирают, белые люди вымирают! А уроды и психически больные объявляют себя: мужчины — женщинами, женщины — мужчинами, придумывают себе какие-то третьи и десятые, как их, «гендеры»!

(Я не заметил, как официантка присела сбоку стола и начала стенографировать в своем блокноте, потом улыбнулась, что-то вспомнив, отложила блокнотик и включила звукозапись телефона.)

... — И что с того, что я стал художником? Все равно были Дрекслер, Рем, Гесс, Геринг, Штрассер! Что ж... мы не выступили 8-го ноября, и Геринг не был ранен в пах, его эндокринология не нарушилась, он остался статным мускулистым красавцем — он и стал фюрером, убрав Рема. Геббельс к нему прибился. Так дальше и шло... Были и еще ораторы. Что с того, что лучшим оратором был я... У русских Сталин вообще еле говорил, он был косноязычен и немногословен. И тем не менее железную коммунистическую империю он создал.

Прожевав, он проглотил кусок и потряс кулаками перед лицом:

— Нам не нужна была война! Только вернуть отобранные немецкие земли, объединить расчлененный народ: Богемия и Моравия, Данцигский коридор, вся Силезия, Австрия хотела воссоединиться с Германией с 18-го года! Мы выигрывали в мирном соревновании. Наши ученые были умнее, конструкторы изобретательнее, рабочие квалифицированнее. Война! — нужна была Англии! — потому что через пять лет мы бы полностью задавили ее экономически и научно. И России! — потому что она не смогла бы сломить нас, мы стали бы слишком сильны, и никакой им коммунистической Европы! И США — тоже хотели войны! Наша наука и техника, наши социальные гарантии народу и уровень жизни рабочих представляли угрозу для гегемонии США, которую они так старательно готовили. Стравить Англию с Германией — и сожрать ее колонии: вот план американских торгашей.

Я откусил больше, чем мы спокойно могли переварить так, чтобы у нас это не отобрали. Теперь нам надо было сидеть тихо и наращивать производство. Но я слишком презирал этих жирных трусливых торгашей! Я недооценил их цинизм и кровожадность.

— Можно спросить, сколько вам лет? — спросил я в ужасе от тупости своего неуместного вопроса.

— С чего вы взяли, что я Гитлер?

У меня кости оледенели от его взгляда.

— Ничего я не взял...

— Я, не я — какая разница? Гитлер — это идея. Архетип, если угодно. Это персонификация мечтаний и нужд немецкого народа. Персонификация арийского духа. Это идея единства народа и триумфа арийской расы, создавшей величайшую цивилизацию в мировой истории. Героический дух народа искал личность, которая будет высшей точкой его приложения, высшим воплощением его качеств, путеводным огнем!.. Так что, геноссе, не Гитлер — так кто угодно другой: Рем, Гесс, Геринг — не важно. Было бы точно то же самое...

Вам нравятся мои картины? — спросил он внезапно с просительным подтекстом.

— Боюсь, они мне не по карману, — сказал я.

Глава 77

ПУРИМ В ДАВОСЕ

— Вот это кино, вот это скандал в Голливуде, вот это весь «Оскар» передрался — только клочья летели! Режиссер, я забыл как его, ну этот, из венгерских евреев недобитых, они там все — то атомную бомбу изобретают, то против ветра ссут, но как он деньги нашел? Значит, есть среди богатых нормальные люди... а может, это Восточная Европа денег дала, а сама через кого-то переложилась, чтоб тихо было. Не пишут бюджет! А там играют — сам посуди:

Старик Клинт Иствуд — руководителя всего плана заговорщиков и создателя организации, Брюс Уиллис — глава боевой группы, Рассел Кроу — представитель рабочего подполья, Брэд Питт — русский генерал, командир секретной базы, Бен Кингсли играет Клауса Шваба, ты понял? Нет, ну конечно политкорректность: Дензел Вашингтон играет Обаму, Джеки Чан — Си Цзиньпина, Мерил Стрип — Ангелу Меркель. Ничего команда, да?

Значит, суть: все охерели от этого глобализма: отпускаются нормы продуктов, нормы бензина, в домах все уплотнены: по комнате на человека, не больше, в остальные комнаты вселены мигранты, ты обязан предоставить им мебель, постельное белье, две поездки в неделю на своей

машине и такое прочее. Все управляется Государством, у власти родная Демократическая Партия, не вступишь в нее — карьеры не сделаешь, она все контролирует.

Рождаемость — лимит: на белую пару — один ребенок, на черную сколько угодно, за каждого последующего доплачивают до хера в месяц, муниципалитету дают ссуду, если есть мусульманская община, на округа спускается из Вашингтона лимит: сколько мальчиков и девочек до восемнадцати лет должны сменить пол. Оружие у народа давно конфисковано, за хранение — десять лет. У власти — черные, геи, лесбиянки, мусульмане, инвалиды, хотя это нижний уровень, а за этой ширмой рулят наши родные олигархи — бессмертный Сорос уже с седьмым сердцем, аферист Билл Гейтс, мерзкий Безос с его лысой красной головкой и клювом стервятника, все эти Цукерберги с Бринами, им вылизывают Обамы с Клинтонами... да что я тебе рассказываю!

И вот ветеран войн на Среднем Востоке, отставной полковник, вместе с мужем дочери, выгнанным за правые взгляды отовсюду профессором, составляет адский план. Когда-то в юности он воевал во Вьетнаме и познакомился с пленным русским летчиком-лейтенантом, сбитым над джунглями. Русского потом обменяли, но после распада Советского Союза они встретились на одном антивоенном конгрессе и подружились, несколько раз встречались. У русского, уже тоже старика, есть сын — генерал, командующий одной секретной базой. На базе той, как стало известно в период разоружения, хранятся ядерные боеголовки.

В общем, старик-полковник и бывший профессор сидят в лесу у костра, телефоны оставили дома — чтоб не подслушали, ты понял? — и обсуждают план. Как раздобыть ядерную боеголовку и грохнуть ее где надо. Отсветы костра на лицах, крик ночной птицы в лесу, они курят запрещенные сигареты и прихлебывают из бутылки запрещенный виски, уже все запрещено. И встают в памяти картины: полковник под обстрелом на войне — и профессор мешает жечь запрещенные книги: молодые оба и яростные.

Короче, они находят мужика из русских эмигрантов. Его отец бежал в Америку от коммунистов, и олигархический социализм США ненавидит люто. Подключают к делу

хакера — чтобы рыться в социальных сетях, там ведь уже множество блокировок и следящих систем. И хакер, злой молодой парнишка, находит им родственников и старых друзей отца этого русского, которые живут в России. Один из них даже мэр сибирского городка.

И вот этот русский вместе с американским напарником, который выдает себя за антиамериканца и поклонника России, едет в Сибирь. Находят этого генерала в субботу в ресторане, передают привет от друга отца, фотка там, и начинают его вербовать. Объясняют: это на пользу России — уничтожить мировой глобализм, который иначе уничтожит Россию, это уже происходит! Русский генерал проникается идеей — и организует отправку одной тактической боеголовки якобы на дальнюю ракетную позицию — а на самом деле ее перевозят через казахстанскую границу, потом Грузия, где любят американцев и помогают, по морю — и в Румынию.

Начинается самое главное. В Швейцарии, а именно в Давосе, наши полковник с профессором давно организовали покупку маленького шале. Цены там бешеные, но нашли мецената, правого промышленника, ненавидящего глобализм, он дал денег. Страшная проверка на лояльность и вообще биографию: ведь в Давос съезжаются ежегодно все олигархи мира и решают его судьбу. Охрана — сам понимаешь.

Короче, в подвал шале завозят боеголовку (она размером с нормальный большой чемодан). Ты уже понял?! То есть это террористы — но террористы наоборот. За все хорошее. Ликвидаторы зла.

А русская спецслужба ФСБ уже гонится за ними! Кто-то настучал на русского генерала — его уже пытают в подвалах Лубянки. И русские специалисты по убийствам за рубежом уже идут по следу наших заговорщиков: находят и пытают людей в Казахстане и Грузии, добираются до Европы. Но тут русских просвечивают насквозь, не доверяют никому, арестовывают, у них трудности. И они обращаются к Меркель. Тайно, конечно.

А Ангела Меркель, канцлер Германии, в молодости была комсомольской активисткой в коммунистической Восточной Германии, ездила на стажировки в СССР

и, конечно, работала на немецкую коммунистическую спецслужбу «Штази». А после крушения социализма все кадры Штази передали в КГБ, который ее и курировал. И Меркель теперь ходила под русским ФСБ, наследницей КГБ. Но только для самых важных и редких поручений. Типа ввезти мигрантов и развалить Европу.

Это все в кабинете Лубянки с окнами на Кремль многозвездный генерал объяснил подчиненному и поставил задачу. И группа немецкой контрразведки стала рыть все пути от румынских портов — как двигалась боеголовка? И напала на след соратников наших героев, которые им помогали провозить боеголовку: сначала мадьяр, потом словаков — к Швейцарии подбираются!

А тем временем в Швейцарию слетаются со всего мира на Экономический Форум все эти негодяи: все эти Швабы, Соросы, Гейтсы и прочие — а президентов! а премьеров! охраны — тучи несметные за каждым сугробом: у каждого лыжника пистолет подмышкой и рация в ухе.

Наша группа должна поставить таймер взрывателя на время: через час после торжественного открытия, когда все уже прибыли. Но преследователи идут по пятам! Проверка движется от одного дома к другому — смотрит документы, проверяет по компьютеру, водит счетчиком радиации, щупает и просвечивает все предметы!

Давос оцеплен. Уйти невозможно. Задерживают и долго проверяют всех — и просят (приказывают!) остаться до окончания работы первого дня Форума.

Огромный зал Всемирного Экономического Форума. Флаги всех стран. Легкий гул перед началом заседания. Крупно — панорама по лицам всех олигархов и президентов мира. Жадные, жестокие, эгоистичные и подлые рожи владык. Байден, Меркель, Си Цзиньпин, Путин, Обама, Уоррен Баффит.

В Америке перед телевизором старый полковник и профессор напряженно ждут: передача из Давоса, флаги, лыжники, солнце, снег.

В нашем шале старший группы отдает приказ трем своим людям, жестоко ругается — и они мчатся на лыжах вниз по снежному склону.

Контрразведка с полицией ломятся в шале, трещат двери, звенит разбитое окно, уже бегут по холлу.

В зале заседаний Форума начинается торжественное приветствие председательствующего.

Охрана бежит по проходам зала к сцене и микрофону, крича на ходу о срочной эвакуации! В зале непонимание переходит в начинающуюся панику.

Дверь подвала шале трещит под ударами.

Старший группы, оставшийся до конца — его играет Брюс Уиллис (вспомни его в «Армагеддоне») мрачно улыбается, смотрит в пространство — и нажимает пальцем кнопку на коробочке, провода от которой идут к боеголовке в ящике.

Взрыв! Вселенский грохот! Огненный шар вздувается над Давосом. Мгновенно исчезает снег на километры вокруг. Испаряются постройки. Шар всплывает, покрывается дымом, прах клубится под ним, вытягивается вверх, возникает гриб атомного взрыва.

В нескольких километрах, под нависшим утесом, спаслись члены нашей группы, съехавшие чуть раньше на лыжах.

На телеэкранах всего мира — яркое свечение и все гаснет — на экранах площадей Нью-Йорка и Токио, Лондона и Рима.

В своей комнате в США старик-полковник с профессором переглядываются, сжимают кулаки, молчат. Потом полковник говорит:

— Что ж. Теперь — за работу.

Берет кухонный топорик, поднимает доску пола, достает штурмовую винтовку и несколько магазинов. Дает вопросительно глядящему профессору старый кольт-1911, они садятся в машину и мчатся в муниципалитет: устанавливать власть народа и Конституции.

По всей стране люди достают спрятанное оружие и идут возвращать себе власть. План восстания и переворота давно и многократно опубликован в так называемых художественных произведениях — и социальные сети просто рекомендовали людям соответствующие книги и сюжеты; что-то в таком духе.

На всех телеэкранах мира надрываются дикторы и телеведущие: произошла страшная катастрофа, сохраняйте спокойствие! И везде их отодвигают и выкидывают вон уверенные люди с оружием:

— Власть мировой олигархии кончилась! Мы возвращаем себе свои города и страны, свои законы и традиции. Мы — здесь — власть!

...Вот примерно такая утопия, братан. Но — боевая, реальная такая утопия. Скорее даже план действий.

Не-е: гангрену психотерапией не остановишь, здесь только ампутация, иначе сдохнешь. Убей гада! — иначе он убьет тысячу невинных.

Да чего «бо-омба»? Тактический боеприпас малой мощности, 4 килотонны, скажем, а Давос стоит в долине, как в чаше — кругом горы: его в пыль — а окрестные люди и селения никак не пострадают, они вдали за горами укрыты. Вниз на лыжах оттуда, конечно, съезжать некуда, но это ж все-таки кино.

...Чего? Почему Пурим? Еврейский праздник. Профессор — еврей, это он придумал. Ну и что, что не тот сезон. Напряглись — и сами ликвидировали тех, кто их собрался уничтожить. Отличное сравнение!

Глава 78

ГРЕНАДЕРЫ В ООН

Заседание Генеральной Ассамблеи, и без того оживленное, чтобы не сказать нервозное, получило просто какой-то гальванический разряд. На главную трибуну ООН увесисто шагал вдоль прохода Дональд Трамп, он поднялся по ступеням, никем не задержанный, поместился перед микрофонами и послал залу тяжелый взгляд.

— Я благодарю за это прекрасное мероприятие нашего дорогого Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций планеты Земля (ведь это Земля, верно?) мистера Антониу Гутерриша! Или синьора Гутерриша? Или товарища? Как правильнее? Ведь наш великолепный друг

Антониу Гутерриш — Генеральный секретарь Социалистической партии Португалии, Председатель Социалистического Интернационала и Верховный комиссар ООН по делам беженцев. Мы благодарим товарища Гутерриша и за социализм, и за беженцев, не правда ли? Давайте ему поаплодируем! Я восхищен вашим выбором своего Генерального Секретаря, господа!

Под мудрым руководством товарища Гутерриша — вперед, к победе мирового социализма! Не правда ли? Перед нами — сияющий идеал: социализм братской Кубы и еще более братской Северной Кореи! Вы ведь этого хотите, разве нет? И Америка должна оплачивать ваше удовольствие. Мы вам отстегиваем почти 10 миллиардов долларов в год! Вынимая их из карманов американских тружеников! Определенно вы тут мило устроились.

О, да здесь сплошь джентльмены. Не считая леди. И они заключили джентльменское соглашение. Что ни американец, ни англичанин, ни француз, русский или китаец не могут быть генсеком. Им будет слишком жирно. Ведь эти страны — постоянные члены Совета Безопасности, хватит с них. Вот генсек ООН из Ганы или Египта — пожалуйста, были: ведь это такие высокоразвитые, влиятельные государства! А это ничего, что славный сын Ганы Кофи Аннан оказался крупнейшим коррупционером и в результате махинаций присвоил миллиарды долларов?! Ничего, да. Я так и думал.

При этом, господа, США покрывают 22% бюджета ООН (для сравнения — Великобритания 4,6%, Россия 2,4%) а Гана — 0,014%, и Египет — 0,179%. Почему эти голодранцы из третьего мира изображают из себя главных лиц ООН? За какие такие подвиги? Каких вершин достигли?

А вот у нас Международный суд ООН. Важнейшее учреждение! Кто же им председательствует? Абдулгави Ахмед Юсуф. Я думаю, он прекрасный парень и компетентный профессионал. Откуда же он? Из Сомали. Я уважаю Сомали, мы все уважаем Сомали, у нас в Штатах много беженцев из Сомали — они бегут от террора, от нищеты. Вы что-нибудь слышали о славной истории юриспруденции Сомали? Да им дай бог навести хоть какой-то порядок

в собственной стране, хотя там и страны никакой нет. И этот парень председательствует над англичанами, французами, итальянцами с их древнейшей, многовековой, тысячелетней историей законодательства и толкования законов! Немного странно, вы не находите? Или вы решили учитывать здесь опыт сомалийской судебной системы? Это Сомали, которое не существует как государство вообще, оно давно распалось на нищие враждующие куски, где порядок расстрелами наводил Союз Исламских Судов, где строили советский социализм, совершали агрессии против всех соседей и вводили законы Шариата! От наглости у вас снесло крышу, и вы решили теперь судить политику США? Вы у психиатров давно проверялись?!

О, я рад видеть представителей славной Всемирной Организации Здравоохранения. Во главе с ее славным Генеральным директором — я счастлив приветствовать вас, доктор Тедрос Аданом Гебреисус! Доктор, это правда, что в бытность министром здравоохранения родной Эфиопии вы минимум трижды скрывали вспышки эпидемии холеры? И постоянно фальсифицировали статистику, согласно которой — за 6 лет! — в разы сократили и детскую смертность, и ВИЧ, и малярию, и туберкулез — ну по бумажкам вы просто чудодей? А потом вдруг стали министром иностранных дел и специальным советником премьера? Есть надежные разведданные, что Китай подкупил ряд членов ВОЗ и пролоббировал вас на должность генерального директора — и вы отплатили за это Китаю, всячески скрывая появление оттуда и опасность Ковида-19! Зато потом продвигали интересы фармацевтических монополий.

Господа! Страны, которые могут гордиться своим вкладом в медицину и находятся в авангарде ее развития — это США, Германия, Швейцария, Израиль, Великобритания, Франция, Италия наконец. У них огромный опыт борьбы с эпидемиями, создания медицинских препаратов и методик лечения, высочайший уровень подготовки врачей, развитая организация здравоохранения. Они и должны стоять во главе мировой системы здравоохранения, как понятно любому здравомыслящему человеку. При чем здесь Эфиопия?! Гана, Зимбабве и Сомали?! Вы что, поедете туда лечиться?

Мы не обойдем вниманием и наше славное ЮНЕСКО во главе, опять же, с Генеральным директором — очаровательной Одри Азулай. Одри — прекрасный пример интернационализма: марокканская еврейка, гражданка Франции. Какая прекрасная карьера: отец — советник короля Марокко, дочь — генеральный директор ЮНЕСКО! Даже не решаюсь предположить, чего достигнут дети уважаемой мадам Азулай.

ЮНЕСКО у нас занимается сохранением культурного наследия, прежде всего. И вот сейчас, у нас на глазах, уничтожается культурное и историческое наследие Европы и Америки. Мол, это «белая культура» и «рабовладельческое наследие». А Ньютон и Шекспир — «белые мужчины», расисты и угнетатели, значит. Моцарта и Баха надо поменьше, а африканской музыки — побольше. Хрен ли нам симфонии — слушайте тамтамы! Белые не дали Африке ни письменности, ни школ и госпиталей, ни дорог и домов, ни ремесел и государственности — о нет! Дикари сами стали цивилизованными, вопреки белым зверствам! Белые их только тормозили.

Я спрашиваю: сейчас, когда в музеях убирают шедевры «белых художников» и вешают мазню «меньшинств», когда стирается из упоминаний европейская культура и история, когда в народы, создавшие нашу культуру, вбивается комплекс вины и неполноценности, когда сносят памятники и запрещают книги — что делает ЮНЕСКО для защиты культуры? Вот пусть черные с арабами ее и содержат.

Сколько десятилетий арабские государства пытались уничтожить Израиль? Сколько евреев убили арабские террористы Палестины? Сколько десятилетий Израиль пытается добиться права существовать — добиться у всех соседей признать хоть сам факт своего существования! Ну так в ответ ЮНЕСКО из всех стран мира постоянно осуждает только Израиль и принимает в члены Палестинскую администрацию, которая вообще не государство! Тем самым поддерживая терроризм и войну на Ближнем Востоке и антисемитизм во всем мире — кстати, во Франции тоже, мадам Азулай.

А как поживает Рамочная конвенция ООН об изменении климата? Киотский протокол? Парижское соглашение? Наг-

лые шарлатаны! Всемирная организация шаманизма! В озоновую дыру вы еще не провалились? А колебания температуры за миллионы лет истории Земли смотреть никто не хочет? Гениальный замысел: богатые страны дают деньги на спасение от «потепления», эти деньги ООН пропускает через себя — и распределяет по бедным странам, которые улучшат свои технологии, чтоб меньше загрязнять атмосферу. То есть три четверти разворуют, а на остальное африканцы с разгона внедрят супер-технологии очистки. А пока? А пока Китай и Индия загаживают всю атмосферу — и ни хрена! Может, с них начать?! Или они вам отстегивают?

И ЮНИСЕФ тоже здесь? Наш дорогой, уважаемый Детский Фонд. Денно и нощно заботимся о детках, господа педофилы? Нельзя запрещать им смотреть порнографию в Интернете, «это может лишить детей доступа к жизненно важному половому просвещению»? «Попытки заблокировать детям доступ к порнографии могут нарушить их права человека»? Вам мало пропаганды гомосексуализма и смены пола в школе? Всех хотите кастрировать, чтоб они были бездетны и всю жизнь работали себе на лекарства? Не знаете, какие еще придумать себе бессмысленные инициативы, чтоб продолжать сосать миллиарды на свою безбедную жизнь? Вообразили, что Алькатрас закрыт навсегда?

Во что выродилось святое начинание... ООН — это клака обнаглевших политических маргиналов и иждивенцев, которая образовалась в большинстве своем из голытьбы и идиотов — потому что голытьбы и идиотов всегда больше — и они начали диктовать миру свои условия. Почему?! А потому что им это позволили! Серьезные страны, развитые, сильные и богатые, с образованным и трудолюбивым населением, победившие в величайшей войне, хотели создать справедливый мир равных народов — и когда-то пригласили сирых и убогих туземцев сесть рядом с собой и решать все вопросы сообща, как того требует христианская этика и законы гуманизма. Сирые и убогие, выслушав и оценив, какие они угнетенные и ограбленные, согласились с тем, что давать им деньги и помогать жить — справедливо. И так же справедливо, что вождь племени надевает костюм, сшитый ему европейским портным, принимает

звание президента или премьер-министра своего союза племен, который теперь называется государством, и на равных участвует в обсуждении мировых проблем. И голос его нищей дыры в джунглях, которая вчера еще не имела ни названия, ни законов, ни флага, ни границ — равен на совете больших вождей голосу Америки, Франции или России.

Блять!!! — завопил Трамп. Запонка отлетела, чуб встал дыбом. — Америка платит этой кодле миллиарды долларов — миллиарды долларов, отнятых у своих работяг! — чтобы все эти дикие голые жопы правили мировой политикой! болтуны и кретины, паразиты и бездельники, эти долбаные варвары и туземцы еще будут кого-то учить! Да у меня уже хребет трещит под этим бременем белых! У всей цивилизации уже хребет трещит! яйца всмятку и дым из жопы! Хватит!!!

...За последние минуты в зале начало происходить странное движение. Вся человеческая масса, распределенная рядами кресел и проходами, стала одновременно и слабо шевелиться, словно серое дрожжевое тесто. Эта волнистая гуща делегатов, слушателей и зрителей, неуловимо медленно потекла к трибуне, намечая ее охватывание. Из слитной, словно слипшейся толпы, как в кино про зомби и вампиров, потянулись руки и стали вытягиваться вперед все дальше и дальше, удлинняясь, становясь все тоньше и хватая воздух скрюченными пальцами.

Дальше распахнулся веер сцен феерических и неправдоподобных, если бы они не были подтверждены массой очевидцев, и более того — не оказались засняты сотнями телефонов, не говоря уже о материальных следах происшествий.

Двери главного фасада тяжело хлопнули, и на серые плиты площади вылетел растерзанный Трамп. Рукав был оторван, галстук сбоку, сорочка без пуговиц, из желто-седого чуба выдран клок.

— Эти мерзавцы не хотят слушать, — глухо и отрывисто проговорил он, трудно дыша.

Генерал Флинн поддержал его, бледный от ярости. Он повернулся к солдатам и поднес ко рту рацию:

— Вышвырните-ка мне всю эту публику вон!

Тотчас раскатилась рокочущая барабанная дробь.

— Па-батальоннаа! В шеренгу паа восемь! Штыки на-перевес! Здание занять! Всех вон! Шагоом — арррш! — проревел бычий голос генерала Гранта. Краснорожий и пьяный, как всегда, Улисс Грант привстал на цыпочки и взмахнул сверкнувшей на солнце саблей.

Полковая колонна качнулась, распавшись на батальонные построения. Горнисты задрали сияющие медные раструбы к небу и протрубили атаку. Барабаны рассыпали грохот. Первая шеренга наклонила ружья, уставив штыки вперед, и зашагала, бухая сапогами по камням. Это были щеголи из Коннектикутского полка, их белые галстуки были плотно подвязаны под подбородки, перья на шляпах согласно качались, горел ряд пуговиц на желтых жилетах под синим мундиром, они мигом содрали все восемь дверей с петель. Восемь цепочек стремительно уходили внутрь здания, как синие стальные вилы в стог сена.

— Пошли! Пошли! — подгонял Грант. Рядом с ним стоял «смирно» знаменосец, только звезд на флаге было маловато: пять рядов по семь, всего тридцать пять звезд старательно насчитали мальчишки, рассевшиеся на деревьях в наслаждении небывалым зрелищем. («Ни фига се кино снимают!..»)

И одновременно с противоположной стороны Генеральной Ассамблеи Нью-Йоркские гайлендеры, рассевшиеся на траве вокруг фонтана под небоскребом Секретариата ООН, вскочили, отряхивая свои знаменитые клетчатые штаны и строясь. Генерал Уильям Шерман разомкнул узкие губы среди клочковатой щетины, служившей ему бородой, скомандовал негромко и очень четко, зная, что каждое его слово будет услышано и исполнено:

— Побатальонно. Ротными колоннами. Ротам — построиться взводными колоннами в шеренгу по одному. Взводам держаться вместе. Стеклянный фасад снести. Берегись падающего стекла. Зачистить здание. Без нужды оружие не применять. Горнисты — атаку. Барабанщики — дробь. Вперед!!!

Запела медь, загрохотала ослиная шкура, зазвенело осыпающееся стекло, загремела брань и команды сержантов, и топочущие солдаты с наклоненными штыками напористо ринулись внутрь здания, мчась по коридорам, оглушительно хлопая дверьми и кровожадно гогоча в лицо перепуганным чиновникам.

А от Ист-Ривер, с восточной, речной стороны, Ассамблеи вбегал сквозь вышибленные световые окна 16-й Вирджинский пехотный полк, и над жемчужно-серыми мундирами возделся и реял флаг Конфедерации со звездами по синему косому кресту на алом поле. Расположившись у кустов на газоне, генерал Джексон Каменная Стена назидательно заметил своему начальнику штаба:

— Никогда не советуйтесь со своими страхами.

В тот самый миг зрители на Первой Авеню наблюдали, как от длинной дуги трещащих флагов всех стран, с Площади Объединенных Наций, солдаты в такой же серо-голубоватой униформе, разбив высокие окна прикладами старинных ружей, несутся сквозь зияющий западный фасад внутрь здания, крича слова, которые только и могут вылететь из солдатских глоток в атаке. Самые зоркие зеваки могли разглядеть, что сидящий на лошади благообразный седой офицер следит за движением своих солдат большими, темными, как маслины, глазами, и уже совсем трудно было различить звездочки на его петлицах: то был генерал Роберт Ли собственной персоной.

В коридорах стоял топот, грохот и треск. Взвизгивали секретарши, опрокидывались столы, одни клерки поднимали руки, другие бежали куда ни попадя. Паника во всей ее красе охватила величайшее учреждение мира.

Когда во все двери Зала Генеральной Ассамблеи ввалились вооруженные солдаты и понеслись по проходам, полуторатысячное сборище вскочило с мест, вскрикивая, взмахивая и столбенея. Поднявшийся гам заглушил стук каблуков. И лишь одна дама, оказавшаяся перед трибуной, негодующе указала на флаг конфедератов и завопила надсадно:

— Расисты!..

В ответ на что получила увесистого пинка армейским башмаком под зад, совершив метровый скачок и ойкнув.

Пехотный капитан с тремя нашивками на серых петлицах взлетел на трибуну, выстрелил в купол из длинно-

ствольного Кольта Нэви, выбросившего струю серого дыма, и в идеальной тишине отчеканил в микрофоны:

— Всем! Немедленно покинуть помещение! Даю две минуты! Любой, кто после этого будет застигнут в здании, пойдет под суд военного трибунала! (И будет повешен, — добавил он тише и спокойнее.) Исполнять!!

Долгую, исполненную смысла и жизненной важности секунду делегаты, представители, помощники, советники и эксперты осознавали услышанное. За эту секунду солдаты в проходах, имея лица самые свирепые, начали обращать штыки в сторону беззащитных жертв. После чего произошла большая толкотня и дробный цокот.

Бессердечный солдафонский хохот подгонял в спину удирающих избранников всех стран мира.

Зрелище снаружи разворачивалось куда красочнее. Ассамблейцы и ассамблеры всех рас и гендеров выскакивали из дверей, разбитых окон и остатков стеклянной стены на все четыре стороны здания и с похвальной быстротой мчались на север, запад, восток и юг.

Трамп сидел на полковом барабане, скрестив руки и уперев подбородок в грудь. Он с мрачным удовлетворением наблюдал победу вооруженного разума над безоружной идеологией.

— Погодите-ка, — сказал он. — Они ведь нам еще нужны. Генерал! Прикажите наловить штук двадцать и привести сюда.

— Так точно, сэр — козырнул генерал Флинн.

Он произнес что-то в сторону Гранта, Грант осклабился и махнул солдатам. Солдаты заулюлюкали и погнались за делегатами по площади и сквозь кусты. Пойманных тащили к Гранту, причем особенное удовольствие доставляло, видимо, тащить их именно за шиворот, чтоб выглядело смешно и унизительно.

— Так, — проговорил Трамп со своего барабана, и голос его накладывался на низкую вибрацию резонирующего барабанного чрева. — Лист бумаги дайте. И ручку. Подводите по одному.

Мигом возник рядом второй барабан, и полковой писарь Гранта, склонившись, положил на него лист толстой

желтоватой бумаги. Он омокнул в фаянсовую чернильницу исправно очиненное гусиное перо и вывел крупными красивыми буквами, не забывая о завитушках:

«Генеральная Ассамблея ООН

Декрет о самороспуске

Мы, нижеподписавшиеся полномочные представители Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, от имени народов и государств, которые представляем согласно действующим международным законам, объявляем Организацию Объединенных Наций распущенной с сегодняшнего дня».

Трамп сделал жест. К барабану подвели чернокожего делегата.

— Имя, фамилия, страна, подпись, — скомандовал писарь.

Высокий дородный африканец достал из кармана футляр, из футляра — очки в тонкой золотой восьмиугольной оправе, надел; из другого кармана извлек толстый серебристый «Монблан Принц Райнер», развинтил и подписал, храня на лице достоинство.

— Свободен. Следующий!

Следующей была сухопарая леди скандинавского типа.

— Я заявляю протест! — она гордо выпрямилась.

— Джек, — сказал назад писарь, — эту повесить.

— Я подпишу! — быстро сказала дама и схватила ручку. — Но я заявляю протест.

— Джек!

— Хорошо, хорошо, я отзываю протест!

— Мужу заявляй протест.

— У меня жена!

— Что-о?.. О, Господи. И этот сумасшедший дом правил миром. Охренеть можно. Да уберите вы ее! Следующий!

Следующая дама была похожа на лошадь как лицом, так и крупом, но это была лошадь, умеющая быстро подписываться.

Вежливый азиат подписал молча и глубоко поклонился.

— А на вид — средней руки плантаторы, — заметил один солдат другому. — Или адвокаты. Как они пробрались на такой верх, Билл?

Солдатское понимание жизни незатейливо.

— Говно всегда всплывает, — глубокомысленно ответил Билл.

После двадцать шестой подписи Грант велел избранников всех народов разогнать, что и было исполнено к облегчению обеих участвующих сторон.

— Хилые-то они хилые, а какие шустрые! — одобрил полк вслед разбегающимся.

После заключительного построения на площади перед главным входом генерал Ли посмотрел ласково и осведомился:

— Надеюсь, вы сохраните наши памятники, господин президент?

— Не сомневайтесь! — ответил бравый президент, встал с барабана и отдал ему честь. — Вечером вы все узнаете по «Фокс Ньюс» от Такера Карлсона.

Глава 79

ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРАКТИКА БУМЕРАНГА

Сол Стайн, которого когда-то звали Саулом Вассерштейном, и был он в детстве российским евреем из Забайкалья — близ границ Монголии и Китая, куда была выслана их семья в годы после Второй Мировой Войны, когда Сталин готовился покончить с русскими евреями... но мы отвлеклись, нам и без многострадальной истории евреев в Америке сейчас головной боли хватает. Итак, Сол Стайн сидел в своей съемной студии на Брайтоне, 8-я Брайтон-стрит 1265, и, как все последние двадцать лет, мечтал. Он мечтал, и оформлял свои мечты в книгу. Он верил, он знал, что это Великая Книга.

Он сидел за столом у окна на своем седьмом этаже, за крышами в проулке был виден серый ровный океан; и он тюкал двумя пальцами по клавиатуре своего «Делла»:

О, если бы было возможно оживлять людей!.. Если бы всей силой нашей страсти, потратив все средства жизни, появилась бы возможность оживить только одного, самого же-

ланного человека!.. Я готов совершить преступление, подлог, кражу, чтобы обрести эту возможность. И нет предела возможностям человека, когда жажда его подобна жажде богов.

Я нашел эти средства. Я нашел эту возможность. Я стал счастливейшим из людей. Толпы жаждущих рвались ко мне и молили оживить их умерших детей, родителей, любимых.

И я полетел в Бостон. В аэропорту взял машину и приехал на кладбище Маунт Оберн. Не торопясь прогулял мимо сфинкса Мартина Милмора, поклонился могиле великого Генри Лонгфелло; листва шелестела, погода была хорошая, и в умиротворенном настроении я нашел надгробие Джона Ролза.

И я оживил Джона Ролза. О, великого философа и гуманиста XX века, профессора Джона Ролза. Я купил ему серый костюм в «Марксе и Спенсере», голубую сорочку и оксфордский галстук. И замшевые туфли. Поместил в приличествующую его статусу профессорскую квартиру. И посадил старого сухопарого джентльмена в покойное кожаное кресло, доброе клубное кресло, обитое потертой свиной кожей. Я плеснул ему в стакан «Гленморанжа» и бросил кубик льда. Я протянул ему трубку, прямой пенковый «Данхилл», и разрешил курить.

— Но я не курю, — удивился он.

— Теперь куришь, — сказал я. — Так мне больше нравится. Тебе идет трубка.

Он прекрасно смотрелся, сэр Джон. И прекрасно смотрел своими блеклыми от возраста голубовато-серыми глазами сквозь очки, отблескивающие сиреневой просветленной оптикой. И седой профессорский хохолок подрагивал над высоким лбом. О, он был импозантен и учен.

И я с поклоном протянул ему очередное переиздание его «Теории справедливости» и со всем почтением попросил автограф. И он начертал его твердым крупным почерком вкось титульного листа.

Ах, господи, он ведь был сам-то по себе хороший парень, и честный, и добрый, и если б он никогда ничего не писал — цены б ему не было. Орудие Зла может выглядеть обольстительно и само не ведать, что творит...

— А теперь я объясню тебе, зачем я оживил тебя, гадина, — сказал я и ударил его толстой книгой по сухощавой англосаксонской морде, с чмоком, с треском, так, что очки улетели в угол и вставные зубы щелкнули звонким фарфоровым стуком.

— Пятьдесят лет твоей поганой ложью промывали мозги студентам, — сказал я и треснул его по башке, и клянусь — из столкновения книги с головой произошел двойной тупой звук. — Ты хоть там, за гробом, глядя сверху — понял, что ты насочинял, сволочь? Ты хоть Там понял, что из этого вышло? Хоть Там сообразил, что соорудил ложь на погибель собственной культуры?

Зачем ты это писал, старый урод? Захотелось помолодеть? Приблизиться к задорному революционному студенчеству? Попасть в струю новых веяний? Ты что решил: отменить зависть, предписать всем любить друг друга как одна семья — и делить на всех, трудягам и паразитам поровну? И эту хрень собачью ты, эпигон евангелиста Луки, жертва марксистской пропаганды, выдавал за науку?

Иди на улицу, подлая тварь!!! — заорал я. — Смотри, во что превратился наш мир! Один иди, вечером иди, в черный квартал иди! А когда прирежут, я снова оживлю тебя и заставлю ходить туда каждый вечер!

Бездельники объедают тружеников — и требуют еще! Грязные животные из заморских трущоб насилуют белых девочек — а полиции приказано не трогать животных, чтобы не обвинили в расизме! Миллионы наглых захватчиков прибывают из третьего мира — и по твоей «теории справедливости» им надо все дать: жилье, пищу, одежду, деньги, медицину — и образование, к которому они равнодушны, и работу, на которую они плюют, потому что халява им слаще и понятнее!

Я скажу тебе, зачем я тебя оживил. Чтобы тебя повесить! Чтобы ты подергался в петле, как дергается сейчас в петле наш мир — ты крепко приложил руку, чтоб эта петля затянулась у нас всех на шее, левацкая академическая тварь. Как тебе твоя книжонка?! — и я треснул его этим увесистым томом по хавлу, и выражение шокированного достоинства перекосилось и слетело с его профессорской физиономии, как парик с мартышки.

— Ты учишь, что справедливость — это взять у имущих, которые умеют работать — и дать неимущим, работать не умеющим, причем дать им больше: они ведь несправедливо обделены природой, им дано меньше упорства, трудолюбия и ума? Ну так я раздумал тебя вешать. Они, твои облагодетельствованные, убьют тебя сами. Для развлечения. Они же не виноваты, что этически неразвиты, правда? Они же не виноваты, что тратят деньги на наркотики, а не на театр, их так воспитала среда? Они же не виноваты, что любят жестокость и могут резать врачей и пожарных, которые приехали в их район, чтобы спасать их?

Я тебе скажу, что с тобой сделает твоя любимая шваль, латинские банды и черные погромщики, твои любимые арабы и сомалийцы. Сначала они набьют тебе морду, потому что им это нравится. Потом они тебя ограбят, потому что они согласны с твоей теорией перераспределения общественного продукта — бедным дать больше за счет богатых. Потом они подумают, не изнасиловать ли тебя, эта мысль кажется им забавной — ты ведь тоже за гендерное равенство, правда? Но поскольку ты слишком стар, тебе просто дадут несколько пинков в старое очко. Хотя назовут старым пидором, не сомневайся. Потом для развлечения на тебя помочатся. Что? Обоссут тебя! А потом они заспорят, кто ловчее снесет тебя с ног одним ударом в челюсть. Это просто у некоторых черных игра такая — кто одним ударом в подбородок нокаутирует белого. Охота на белого медведя называется. Лучше — женщину или старика, чтоб легче падал. И крепкий хлесткий паренек лет семнадцати вмажет тебе в челюсть, и ты размозжишь себе затылок о тротуар. И твое убийство никогда не будет раскрыто. Или оформят как несчастный случай: шел, упал, ударился — старый, понимаешь.

...А потом я запер его на три дня в квартире, оставив еды, кипу газетных вырезок и компьютер с кучей записанных программ — чтоб он вошел в курс дела. Чтоб ознакомился с происшедшим из его такой благородной, такой прекрасной теории. Уйти он не мог. На то была моя власть. Над тем, кто умер, у любого есть власть. Даже если он ожил — это ничего не меняет.

Через три дня мы выпили, посмотрели друг другу в глаза, и стало ясно, что он ни на дюйм не изменил своих убеждений. Он лишь повторял умственные спекуляции, давно известные из его тлетворных книг.

——— КОНЕЦ ПЕРВОЙ БУТЫЛКИ ———

И я вкручивал ему в мозг шурупы большой крестовой отверткой:

— А как вообще со справедливостью в мире?

Справедливо ли, что волк ест зайца? Справедливо ли существование хищников и травоядных в природе? Должны ли мы во имя справедливости истребить всех хищников? Кстати, от этого ухудшится порода всех видов травоядных: слабые будут выживать, естественный отбор ослабится, ведь ни от кого не нужно будет спасаться.

А справедливо ли социальное устройство у животных? Иерархия обезьяньей стаи, волчьей, оленьего стада? Привилегии альфа-самцов, подчиненность низкоранговых особей, оставление без самок и потомства большинства самцов стайных травоядных — оленей и прочих?

То есть. Природа далека от распределительной справедливости. Выживает сильный: он побеждает в борьбе за свой участок, за самку, за власть в стае. Многие слабые отбраковываются — одни не передают своих генов, другие обрекаются на быструю смерть от голода или врагов.

Кстати: смертность у животных чрезвычайно велика. Из нескольких детенышей в ежегодном (или чаще) помете выживает один в несколько лет: так поддерживается численность вида в ареале. Иначе бы потомство пары слонов давно заполнило всю земную сушу, как давно подсчитал один любопытный зоолог.

Итак. С точки зрения нашей морали. Все детеныши имеют равное право на жизнь. И тогда — жизнь на земле делается невозможной.

Все животные обоих полов имеют равное право на продолжение рода. Тогда для них не хватит участков кормления, не хватит пищи. Опять же, жизнь будет невозможна.

В природе получается так: сильные живут хорошо, слабые живут хуже или плохо, очень слабые не живут вообще.

Сильные определяют существование и эволюцию вида. Слабые — это претенденты в конкурсе на жизнь, десять или сорок на одно место, и они проигрывают конкурс. Они необходимы, чтобы сильным всегда была замена, резерв на случай разных катаклизмов.

То есть. Справедливость — в нашем уравнительном гуманном понимании — в природе невозможна и губительна. Справедливость в природе — направлена на жизнь и развитие вида: остаться живым, продлить род, стать совершеннее. Справедливость в природе — это «Каждому свое». По личным качествам и видовым возможностям. Жизнь принадлежит победителю! — вот справедливость природы. И только такая справедливость дает слабым тоже шанс на жизнь.

При этом. Существует социальная и экономическая пирамида в животном мире. Слабые имеют свой шанс на участок, пищу и самку. И за него отчаянно борются с себе подобными! При этом сильный — сплошь и рядом! — не отбирает у слабого все, но оставляет ему малое для пропитания. Участок луга, кусок мяса. Ибо слабые тоже нужны — для количества, как резерв для поддержания вида, для усиления стаи.

Так что распределение благ в животном мире несколько отличается от просто права сильного. Еще гениальный Киплинг писал о Законе Стаи.

И здесь — в обнаженном виде — работает утилитарная модель справедливости. Справедливо то, что необходимо для выживания вида, поддержания жизни в природе и биологической эволюции.

Вопрос стоит просто: горе слабым — или горе всем. Закон Природы.

...И — до поры до времени! — в человеческом сообществе действовали точно те же законы. Лучший кусок — сильному воину и охотнику. Женщины и дети получают все во вторую очередь — но их оберегают и спасают: это будущее рода и племени. Слабые и больные дети «выбраковываются» природой или людьми. О стариках заботятся, пока и если они не в тягость племени, и для них достаточно пищи. При трудной жизни — их убивают тем или иным способом. Не из пустой жестокости, и даже не из эгоизма.

У племени слишком мал запас живучести. Содержать иждивенцев оно не в силах, не ослабляя себя.

Я тебе скажу сейчас, что такое справедливость. Легко. Попробуй меня понять.

+ *Справедливость — это инстинкт группового выживания, определяющий структуру межчеловеческих отношений и регулирующий их в сфере поступков и воздаяний, прав и обязанностей.* +

Человек — существо групповое. Выжили только те, кто был спаян в наиболее прочные, эффективные, устойчивые группы. Один за всех — и все за одного! Без своей группы ты — никто: сгинешь, убьют, съедят. Справедливо — то, что способствует выживанию и процветанию группы. Расклад, при котором группа слабеет — ведет к ее истреблению, гибели.

NB. Поэтому справедливость — вектор и стержень социальной эволюции. В этой эволюции, в нашей истории, было много жестокого. Но суть была справедлива — мы выжили, поднялись и создали нашу цивилизацию.

— ДЫМ ВИРДЖИНСКОГО ТАБАКА — ИЗ ПЕНКОВОЙ ТРУБКИ

...А теперь, профессор, выпьем этого чудесного двенадцатилетнего скотча... ваше здоровье! Разожгите трубку, разожгите, прошу вас! мне нравится, как вы держите этот славный «петерсон» в зубах и пускаете дым!.. Благодарю вас, вы очень любезны, право. И давайте же перейдем, наконец, к людям. Этим гордым животным, вообразившим себя повелителями природы. Более того — собственной природы! Хотя не лишено... нам же хуже будет... Итак:

— Справедливо ли, что человек смертен? Справедливо ли, что люди рождаются сильными и слабыми, умными и глупыми, работящими и ленивыми? Справедливо ли, наконец, что они рождаются красивыми и уродливыми?

Давайте-ка начнем с начала. Вот госпиталь во время войны. Или, кстати, во время последней пандемии. Палаты переполнены, коек не хватает, врачей и медсестер не хватает, и даже лекарств не хватает: слишком большой вал раненых и больных. Привозят и кладут уже в коридорах, на

пол, уже на землю во дворе; все ждут своей очереди на помощь, на спасение, а очередь все растет.

Как отбирает врач очередь? По порядку поступивших? А если смертность — 50%? Если половине поступивших уже ничем не поможешь, слишком тяжелый случай, или поздно привезли? Ты тратишь на безнадежного пациента время и препараты — а в это время другой, который мог бы выжить, теряет последние силы, ресурс организма тает, и в результате ты теряешь обоих?

Этот вопрос полевые хирурги решили давно: сначала спасать тех, кого можно спасти. Потом — оказывать помощь обреченным, кто еще не умер, и стараться вытянуть того, кто имеет хоть один шанс выжить. И при смертельных эпидемиях врачи поступают так же.

Вот так выглядит справедливость в тяжелых ситуациях. Где нельзя спасти всех — там преступно делить блага поровну: все сдохнут.

Ах, профессор, вы такой умный... Почему же вы такой глупый... Поймите: дефицит есть всегда! Дефицит времени, или самых лучших новых лекарств, или самых лучших врачей.

Дефицит — это другое название неравенства. Дефицит силы, или красоты, или ума. Мы не можем дать всем то, что есть у самых одаренных. Спасать надо в первую очередь тех, на ком держится мир, кто двигает его вперед, кто создаст изобилие, от которого перепадет и слабым.

Ты не спасешь обреченного лекарством, которое позволит выжить более здоровому. И точно так же: ты не сделаешь счастливым слабого, дав ему то, что сильный создал сам, своим умом и трудом. Блага, которые имеет сильный — это следствие его деятельности, аспект его жизни, продолжение его сущности, это материальное воплощение его созидательной жизненной энергии. Если ты дашь их слабому — он не удержит их в руках. Даром полученное богатство — не впрок. Оно не соответствует его характеру, энергии, способностям, привычкам: он не удержит дармовых благ, разбазарит, испортит, пропьет.

Богатство — это следствие образа жизни. А образ жизни — следствие способностей, воспитания, характера,

привычек. Чтобы человеку пошло впрок дармовое богатство — ты должен дать ему впридачу другой характер, другое трудолюбие, бережливость, предприимчивость, привычки. А иначе — ты растлишь его халявой, превратишь в паразита, иждивенца, и все его пороки пойдут в рост. И сдохнет он от наркомании, или пьянства, или разобьется в машине, утонет в бассейне, будет пристрелен другим таким же уродом...

Ну вот самый простой пример: спорт. Как ты возьмешь низкорослых в баскетбол? А медлительных бегать? А хилых на штангу? Или расставишь всех на такие места, чтоб все прибежали одновременно? А на блинах штанги напишешь разный вес, чтоб силач и хиляк показали равный результат? А в хоккее — договорняк: все игры вничью? А? Ведь старались как могли. Почему слабая команда проигрывает сильной — слабые же не виноваты, что они слабые? Особенно в боксе хорошо: не смей бить сильно! не нокаутируй, это несправедливо, что он вырубился!

А ведь спорт — это модель жизни. Соревновательная модель.

А любовь! А любовь! Почему красивых женщин любят больше? И сильных храбрых мужчин любят больше. А некрасивым что — объедки? Довольствоваться неказистым партнером из тех, на кого красивые-сильные не польстились? Где справедливость? А давайте так: каждый получает партнера в лотерею, как выпадет, честная случайность? Ах, тоже не нравится: вдруг красивая пара или наоборот, оба уроды? Ну, тогда распределительная система, по баллам: баллы за красоту, силу, ум, энергию, старательность. И сводить пары так, чтобы у всех пар сумма баллов была одинакова. О! Ну разве это не справедливо?

А умный и дурак будут руководить фирмой по очереди? А гениальный ученый и уборщица должны получать одинаковую зарплату?

Да-а, братан... Из тебя профессор — как из моего хуя оратор: встанет — и молчит. Погоди, погоди, одна только вещь:

Вот ты считаешь, что по справедливости у сильного, работящего и зажиточного надо что-то отнять — а слабому,

вялому и бедному это дать. Потому что никто не заслужил лотерейный выигрыш или проигрыш от природы: один родился умным и сильным, а другой глупым и слабым — но один ничем не заслужил своих достоинств, а другой ничем не виноват в своих недостатках. Оба имеют равное право на хорошую жизнь. Ну, по крайней мере, слабый и глупый пусть будет победнее умного-сильного, но тоже прилично живет, достойно. За его счет.

А ты сильного спросил? Ты работягу спросил? Пахаря, бережливого хозяина, трудоголика, умельца — ты спросил? Хочет ли он содержать рукожопого бездельника? То есть — не спросил! Ты лучше знаешь, в чем справедливость. И твоя задача — его убедить. А если не убедил — отнять силой! А как же еще? Издал закон, а полиция и армия обеспечивают исполнение закона. Вот такое перераспределение доходов.

Так ты деспотию проповедуешь, брат! Насилие! Отобрать у имущего, хоть это он своим горбом нажил — и отдать неимущему, даже если он всю жизнь хуем груши околачивал! Этак ты паразитов-то расплодишь и во вкус введешь.

Тебе, я смотрю, социалистические концлагеря не указ, да, профессор?

— МЫ ОБСУДИЛИ — ФАШИСТСКИЙ ИТОГ СОЦИАЛИЗМА

Понимаешь ли, в чем твоя ошибка. Демонстративный прокол твоей знаменитой теории. Ты исходишь из мысленного эксперимента. Из такого чистого логического допущения. Что если люди не будут знать о себе ничего — насколько они умны или глупы, сильны или слабы, энергичны или вялы, красивы или уродливы, и так далее — то они не смогут предполагать, высокое или низкое они займут место в обществе, которое только собираются построить. Преуспеют или опустятся на дно. И тогда они заранее захотят создать общество всеобщих гарантий. Общество гарантированного минимума. Чтоб никто в нем не пролетел, если окажется неспособным.

И тогда они заранее договорятся организовать такое общество, с такими законами, чтоб тот, кому повезло

больше — отделил часть своих благ в пользу того, кому повезло меньше.

То есть! Они делят и продают шкуру неубитого медведя — нарезав эту шкуру, еще не существующую, на равные доли. А почему это справедливо? Потому что если быть честным — то никто не знает, чего достигнет, но каждый хочет застраховаться от бедности. И договариваются на уравниловку.

Если из массы слов, предложений и логических конструкций, которые ты нагородил в своей знаменитой «Теории справедливости», извлечь суть — это будет примитивная и старая суть: перераспределение общественного богатства в пользу аутсайдеров и уравнивание их в результатах с победителями. «Отнять и поделить!» Слушай, я тебя уважаю. Нагородить столько высокоумной херни — единственно ради обоснования вечного коммунистического тезиса: от каждого по способностям — а благ всем поровну.

Погоди — я портрет Маркса тебе на стеночку повешу. Та-ак... вот, теперь ровно висит. Ну, и Ленина, да? А Троцкого почему нет?

— БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ ЮНОСТИ —

...И вдруг я увидел, что в кресле передо мной развалился, закинув ногу на ногу, сухощавый светловолосый парень в армейской форме, с сержантскими нашивками, с Бронзовой Звездой на груди, и буквально пронзает меня своими холодными голубыми глазами. Только глаза, если присмотреться, на самом деле не холодные, в них боль на дне и страдание. На самом деле нет там никакого дна, и никакого страдания на дне, но я пытаюсь передать впечатление от взгляда, вы меня понимаете.

— Слабые тоже должны жить, — говорит парень. — Больные тоже должны жить, — говорит он, и я вижу, что сейчас он заплачет. — Каждый человек имеет право на счастье говорит он. — На человеческую жизнь.

И так мне его становится жалко, что сам сейчас заплачу. Я вспомнил, что два его брата умерли в детстве, и он, Джон, всю жизнь нес в себе вину за их смерти. Он заболел дифтеритом, и пятилетний младший брат заразился от него

и умер. А через год он слег с воспалением легких, и второй брат, тоже младший, тоже заразился от него. И тоже умер. И вот он прожил жизнь с памятью о них. Тут не надо быть психоаналитиком, чтобы понять, что у него в подсознании, что он пронес в душе через всю жизнь, и как сложились его взгляды.

— Прости, — сказал я. — Прости меня. Ты прожил жизнь с великой любовью. И с великой жалостью.

— Если бы я погиб, это было бы справедливо, — сказал сидящий передо мной сержант.

— Они были маленькие дети, Бобби и Томми. Я понимаю. Прими мои соболезнования. Прими мои самые искренние, самые сердечные, я не знаю, вот я не знаю, как разделить, как утешить твою скорбь. Честное слово.

— Спасибо, — сказал он.

— Вспомни Уайльда, — сказал я: — «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал».

— Вот и я хотел, чтоб этого больше никогда не было, — сказал молодой сержант, прошедший ад боев. — Причем надо помнить, что обычно убивают не любимых, а тех, кого ненавидят. Вот ненависти и не должно быть места. Научись любить человека — и всем будет хорошо, тебе же первому.

— Ага, — сказал я. — Из любви и начинают уничтожать тех, кто не понимает, как надо любить и кого надо любить. А еще тех, кто недостоин любви, по мнению устроителей всеобщего счастья. Хоть Французская революция, хоть Русская, хоть Куба или Северная Корея.

— ВТОРАЯ БУТЫЛКА —

Мы выпили за всех, кого любили, и кто ушел раньше нас. За всех, кто не дожил свое, кого обделила судьба, или неправедно обделил Бог, в которого Джон перестал верить на войне, среди смертей и страданий. И мне было трудно говорить, и я не знал, как его утешить. Ему не нужна была правда. Она была ему совершенно чужда. Он жил во Вселенной равенства и справедливости, и это была счастливая Вселенная.

Боже мой, до чего доводят нас благие намерения...

— Понимаешь, в чем твоя ошибка, — сказал я. — Ты решил уравнять живых, нормальных людей — и вымышленных, условных, абстрактных, с некими принципиально не существующими качествами. Принципиально не людей!

Вот стоят твои мысленные люди, ничего не знающие о своих свойствах, перед этой стеной. За ней — государство. Им надо договориться, как они в нем будут жить — работать и получать блага за свою работу.

Но это же — не люди! Человек один, без окружения, без социума — не человек. Он вырос в окружении хоть каких-то людей. У него была мать, отец, братья и сестры, товарищи по играм, школьные друзья, хоть кто-то у него был. Человек — он человек социальный! Групповой! Иначе — он животное, мозг его лишен культуры, он не подключен ко всей культурной эволюции! Он — пустышка, макет человека, он психически неадекватен. Человек всегда как-то сравнивает себя с другими, знает их мнение о себе, имеет хоть какую-то самооценку.

Человек — он всегда себя как-то знает. Он всегда часть группы — и идентифицирует себя: он сильный или слабый, умный или не очень, трудяга или любит отлынивать. Его любила мать и внушила, что он любим — или его била пьяная скотина и он вырос озлобленным.

Твои условные люди, делающие выбор в пользу общества равенства — не люди вообще! Это искаженные, деформированные модели, не чувствующие себя в действительности — но и в принципе не могущие существовать. Они кастрированы ментально и психически — а значит и умственно! Потому что невозможен разум, если себя никак не в состоянии идентифицировать, себя не знаешь сравнительно с другими. Они лишены самоидентификации! Это невозможно физически, физиологически, психологически, в принципе, это против человеческой природы!

Существует человеческий характер. Он воспитан — и он различается хоть чем-то, хоть как-то у всех людей. А еще он врожденный — и с этим вообще ничего не поделаешь! Это зависит от уровня гормонов, от возбудимости нервной системы, от ума и от физической силы! Уже в детстве человек познает себя в сравнении с другими!

Твоя теория неверна в принципе — ибо абсолютно неверны исходные данные! Принципиально неверны, невозможны исходные данные!

Так как же можно строить общество
РЕАЛЬНЫХ людей на основании модели,
построенной на заведомо НЕРЕАЛЬНЫХ людях?

Твои «люди» абсолютно лишены личностной самоидентификации. Это сумасшедшие, умалишенные, это животные! Это в принципе невозможно!

Хуйню ты, братец, спорол. А уж почему эта херня пришлась ко двору — это отдельный разговор.

Потому что прошел 68 год. Потому что убили Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди. Потому что выступили против войны во Вьетнаме. Потому что поднялись не только цветные, не только гомосексуалисты, но и коммунисты всех мастей. А коммунистам — только дай обоснование для любимого лозунга «Все отнять и поделить».

Слушай, на войне ты стал атеистом. А сейчас? Ты в аду не горишь?

— Каждый из нас сам творит себе свой ад, — сказал он. — Своими делами. Мой ад — это ты, который здесь и сейчас помнит меня. Мой рай — это другие, которые в меня верят. А чем закончится битва, мы еще не знаем.

— Это ты не знаешь, — сказал я. — Она закончилась, поэтому я тебя и отрыл. Чтобы все это тебе показать. И знаешь, что я сделаю дальше? Зарою тебя обратно.

— НА ПОСОШОК —

Эта мысль бравому боевому сержанту не понравилась. Лицо его затуманилось, и на его месте снова сидел импозантный седой профессор.

— Сукин сын, — сказал профессор сержантским голосом. — На хера ты устроил мне такое увольнение? Совесть у тебя есть? Самовыразиться захотелось? А книгу написать и в ней меня опровергнуть не смог?

— Еще пара фраз — и я отпущу твою душу на покаяние, — пообещал я.

— Наливай, — скомандовал он. — Полнее наливай! Когда еще случится следующий раз.

— Когда еще случится следующий раз, — сказал я. — Так что позволь еще пару фраз.

Понимаешь — почему справедливость как уравнивание не просто противоречит Природе. Это стремление убрать противоречия социума, убрать конфликт — то есть убрать суть движения, источник развития, способность к развитию и эволюционированию. Борьба противоположностей — за высокое место в социуме, за самку, за участок, за право передачи своих генов, за лучшего партнера — это основа.

Борьба не только отбирает лучших и жизнеспособных, перспективных. Борьба заставляет напрягать силы и мозги, искать выход, переворачивать горы, достигать немыслимого. В борьбе ты крепнешь и закаляешься.

Стимулы есть разные. Зависть — это стимул. Жадность — это стимул. Честолюбие, слава, власть — это стимулы быть сильным, умным, живучим и изворотливым, предусмотрительным и выносливым. Убери эти стимулы, дай всем без напряга равный статус и приличную жизнь — и такое общество выродится. Превратится в слабаков, извращенцев, гедонистов и впадет в депрессию: им нечего будет страстно желать и добиваться!

К счастью, это невозможно на уровне физики — ну, и метафизики, как выражались когда-то. Потому что любая система стремится к самоусложнению. Это ее имманентное свойство. А ты хочешь социум упростить, уменьшить его дифференциацию, снизив уровень неравновесности системы искусственно, насильно, приложением сторонней энергии.

А для этого, парень, тебе понадобится аппарат насилия. И постоянство этого насилия. Отбирать у сильных и отдавать слабым. Опускать высоких и поднимать низких. И будешь ты тиран, и общество твое будет тоталитарным, приказным.

— КНИГА —

Сол Стайн действительно написал книгу об этой встрече, и включил в нее все свои диалоги с Джоном Ролзом. В ней есть записи Джона Ролза, сделанные им за те три дня, что Сол оставил его одного в пустой квартире, заваленной газетами и записями телевизионных программ. А в конце — размышления самого Сола о том, почему все это без толку. Опубликовал ли он эту книгу, я не знаю.

Глава 80

РАЗРУШЕНИЕ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

И сказали они: построим себе город и башню высотою до небес, и сделаем себе имя, прежде чем рассеемся по лицу всей земли.

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили себе сыны человеческие.

И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню.

Так сказано в Книге Бытия, главе 11, стихах с 4 по 8.

Думаю, вам уже все ясно. Но во-первых автор последователен, терпелив и зануден. А во-вторых всю жизнь привык иметь дело с тупицами. Поэтому считает полезным подкрепить Книгу известной максимой, которую традиция приписывает и Макиавелли, и Френсису Бэкону, и преподобному Джозефу Холлу: «Разделяй и властвуй».

Возникает естественная мысль: не хотел ли Господь разделить смертных для того, чтобы удобнее властвовать? Но это лишь одна интерпретация.

А если воспринимать Бога как Высший Закон Мира, над-материальный и над-рациональный (ну не старец же седобородый в белом хитоне на облаке) — Исходный Первозакон? И тогда рассыпание единой общности людей на разрозненные группы, обособленные каждая своим языком — то есть формой выражения своих мыслей и желаний, то есть внешне разными своими мировоззрениями и ценностной шкалой, — разъединение общности на не могущие договориться группы есть Закон Природы?

Вам не кажется, что разгон Господом коллектива строителей Вавилонской башни и разделение его на разноязыкие группы — это продуманный и злостный акт Анти-Глобализма? Больше трех не собираться, глобальные проекты не затевать, единой человеческой общности не создавать! Прошу разойтись по камерам, господа.

Много о себе не мните. Сильными своим единством не будьте. Вы слабы и грешны пред ликом Моим, вам подобает чувство вины и потребность в его искуплении. Как искупать? Чтоб я был доволен. Дам вам знак — избранные люди поймут, и растолкуют пастыри пастве своей.

То есть: когда слишком много людей договорились о совместном слишком грандиозном деле — Природа воспротивится и разбросает, рассорит их.

А вот теперь: об Америке эпохи безумного президентства старца Байдена и Глобальном Проекте мировой олигархии.

Итак. Мировая Олигархия затеяла Глобальный Проект: объединить мир под властью союза транснациональных корпораций. Эдакое Единое Мировое Правительство, которое устанавливает Единый Мировой Порядок. Чтоб всем было хорошо — и природе, и экологии, и человечеству: но без излишеств. А Олигархия рулит единолично — уж себе ни в чем не отказывая. Привет Всемирному Экономическому Форуму во главе с идеологом и организатором Клаусом Швабом.

Но строя эту Башню Для Всех — одновременно архитекторы-проектировщики разобщают строителей на группы — и натравливают эти группы друг на друга! Превращая шедшее к единению человечество — на грызущихся врагов, вцепляющихся друг другу в глотку! Гомосексуалисты и лесбиянки против нормальных людей, черные против белых, женщины против мужчин, одинокие против семей, феминистки против трансгендеров, социалисты против капиталистов, мусульмане против христиан, бездельники против работяг и дураки против умных, и все вместе — некурящие против курящих.

То есть. Строя Новую Вавилонскую Башню — наши хитромудрые олигархи одновременно разрушают возможность ее постройки!

Это противоречие делает их замысел невозможным — к нашему счастью. Это противоречие нуждается в некотором объяснении.

Глобальная Олигархия решает свою задачу как двусложную, на двух уровнях. В этом своя элементарная логика.

Первое. В целях овладения неограниченной властью над человечеством — брошен и работает лозунг: «Олигархи всех стран, объединяйтесь!» Мы выше политиков, могущественнее правительств, мы владеем и управляем производством и потреблением всего — от Интернета до косметики, от космических проектов до кинофестивалей. Государственные границы и тарифы мешают нам.

Нам, олигархам, необходимо оформить свое экономическое (фактическое) влияние в политические институты. Ну так создадим надгосударственные структуры: всевозможные комитеты, фонды, банки, комиссии, суды, организации и парламенты, которые станут объявлять свои решения выше государственных! А мы, олигархи, будем их финансировать — а лучше пролоббируем государственные налоги, которые пойдут на содержание структур, уничтожающих суверенитет государств! Ну не гении ли наши любимые олигархи?

Европейский Парламент, Европейский Совет, Международный Валютный Фонд, Всемирный Экономический Форум, Всемирная Организация Здравоохранения, Международный Банк Реконструкции и Развития, Организация Объединенных Наций, наконец! и несть им числа.

Если прибавить НАТО — то на долю государств остаются частные функции: полиция, образование, медицинское обслуживание. И сбор налогов. С граждан — на содержание государства. А вот Олигархия устроит себе юридические адреса в дешевых местах мира — и фигу вам вместо налогов.

Фактически: Олигархия создает Мировое Государство. Над-Государство, Мега-Государство. Где не будет нести никакой социальной ответственности перед «народом», и где «народ» никак не сможет влиять на Мировое Правительство. Ибо формально оно будет свободным содружеством частных корпораций, ответственных только перед владельцами-олигархами.

Но! Чтобы построить свою Вавилонскую Башню, то есть Мировое Государство — олигархии необходимо уничтожить нормальные, имеющиеся сегодня государства. Чтоб не мешали. Не вздумали вводить запреты на что-либо. Облагать налогами олигархов. И вообще хоть как-то командовать. Командовать должно Мировое Правительство! А все эти президентишки и премьеришки — молчать и исполнять!

В демократическом государстве — да в любом государстве! — у человека есть какие-то права. Он их может защищать. Выбрать легитимного лидера. Принять закон об экономическом протекционизме, о запрете ввоза каких-то товаров, о налогах, о запрете деятельности на территории своего государства, о повышении зарплат. А в государстве есть армия, чтоб кто ни попадя не наглел сверх меры.

На хрена нам такие пряники? Нам нужно беспрекословное подчинение. Стены срыть, войско распустить, герцога повесить, полновластный хозяин — король, который сидит в столице, в своем дворце. То бишь Мировое Правительство по своим виллам, соединенное Интернетом.

И для уничтожения государств, для достижения безраздельного господства — Олигархия использует... социализм! Используя фанатов неокоммунизма, финансируя их — и держа на коротком поводке (ей так пока кажется).

Свои действия Мировая Олигархия объясняет двумя благовидными предлогами: во-первых — сохранением экологии, во-вторых — благом всего человечества, большинство которого страдает в нищете.

Для сохранения экологии (и борьбы с воображаемым катастрофическим потеплением климата) необходимо сократить производство — и, соответственно, потребление.

А для обеспечения счастливой жизни всех людей, а не только богатых, преуспевших и (несправедливо) одаренных природой — нужно ввести централизованное распределение всех благ поровну для всех людей.

Поскольку промышленники добровольно свои вредные производства не закроют, а богачи свои богатства добровольно беднякам не отдадут, нужно принять такие законы, чтоб они подчинились. Это серьезное мероприятие проводится в несколько этапов.

Этап первый — разрушение существующего государства.

Для этого необходимо разрушить его институты, его мораль, культуру, традиции, историю, память. Овладеть СМИ и системой образования, вбивать в головы, что патология — это норма, а норма — это патология: гомосексуалисты выше нормальных людей, одиночки выше нормальной семьи, черные имеют преимущества перед белыми, нелегальные иммигранты должны содержаться гражданами, а бездельники должны жить за счет работяг, причем не хуже их; и так далее, мы уже повторяемся.

И приучить людей к слепому повиновению. Чтоб не смели возражать. Чтоб боялись выступить против. Чтоб демонстрировали преданность идеям, которые внушаются сверху.

Ну, и вот для этого — гражданское общество следует уничтожить, разделив его на отдельные группы. Вместо единства — все порознь! Черные, желтые, латиносы, белые. Женщины и мужчины, а также трансгендеры и другие ежедневно появляющиеся «гендеры» и «полы». «Люди с ограниченными возможностями»: инвалиды, умственно отсталые и т.п.

(Иллюстрация: вам нужно заполнить пустотелый конус шестигранными кубиками, которые отлично и плотно умещались в кубической коробке, но в конус не лезут. Тогда вы размалываете кубики в порошок — и этим порошком заполняете любую форму, какую вам угодно. Вот так гражданское общество с его ячейками — семьями, профессиональными группами, политическими партиями — размалывается в разрозненных индивидов, которые не в силах объединяться для взаимной поддержки и покоряются любым решениям власти.)

Государство рушится, начиная со своей передовой линии взаимодействия с гражданами — начиная с полиции, прессы, судебной системы. Они запугиваются, покупаются, заменяются, разгоняются. Единой морали, единой идеологии, теории, стремления — нет, кроме тех, которые провозглашаются и насаждаются властью.

Власть переходит к бандам и толпам. А они — направляются и финансируются реальной властью: Олигархией.

О! Уже нужны полиция и армия: чтобы привести в повиновение распоясавшиеся банды, которые смели прежнее государство — демократическое государство народа. Необходимо сильное централизованное государство, которое будет контролировать производство и распределение, исходя из пользы — якобы! — природы и равенства людей.

Итого. Нужно социалистическое государство — сильное, идеологически господствующее, не допускающее покушений на свое всемогущество. Распределительный уравнительный социализм.

А Олигархия — вместо Политбюро в СССР или Фюрера в Третьем Рейхе. Управляет. Бесконтрольно. Сама себе определяя доходы и правила.

. . . . . .

Для Олигархии будут: генная инженерия, превращающая их в сверх-людей; компьютеризация и роботизация производства, делающая экономически и социально ненужным подавляющее большинство человечества; и кооптирование интеллектуалов из подчиненного населения.

Для «народа»: высокий гарантированный базовый доход: еда, одежда, жилища, развлечения. И неизбежная деградация, стремительно ведущая к вымиранию — вследствие социальной бесперспективности и ненужности.

Но!

По Закону Самоусложнения Социума — Мировая Олигархия неизбежно расколется на конкурирующие, спорящие, стремящиеся к расширению своей власти и подавлению «партнеров» группы. Причина тому не столько экономическая, сколько социально-психологическая (философско-политическая, если хотите). И передерутся они все раньше, чем окончательно договорятся.

А «народ» не просто возненавидит «Неизвестных Отцов», но в лоне своем начнет выращивать их могильщиков: революционеров, террористов, врагов-теоретиков и диверсантов.

Главное же: искусственно сконструированные хитромудрыми глобалистами-социалистами группы (которые

можно уже определять как корпорации) — черные, желтые, голубые, лесбиянки, особенные, феминистки, трансгендеры, с ограниченными возможностями — агрессивно потребуют пропорционального участия в высших органах Мирового Олигархата. И за каждой группой кандидатов от любого меньшинства — будет стоять все его сообщество в масштабах, стремящихся к глобальным. Они потребуют своей доли в миллиардах и триллионах, советах директоров и глобальных правящих органах. А поскольку они в массе своей глупы, агрессивны, амбициозны и завистливы — то:

меньшинства, заботливо взрощенные глобалистами, их сожрут в достаточной мере, чтоб весь славный замысел принял гротескные формы и развалился.

Глобалисты опираются на меньшинства, чтобы смести демократические суверенные государства — и точно так же конкурирующие друг с другом глобалисты попытаются обрести опору в меньшинствах-«союзниках» для уничтожения друг друга.

Ну, а враги глобалистов развалят их конструкцию, опираясь на большинство — и поддерживая междоусобицы «хозяев мира».

Запасайтесь попкорном. Смазывайте оружие. В программе Гадов пройдут не все номера.

Глава 81

LE NOUVEAU ROMAN

Из библиотеки, которую хранил в голове Мелвин Баррет. Тащить с собой в лесное убежище тысячи томов он был лишен возможности, а помнить все подробности прочитанных книг считал излишним. Тренируя память, он избавлялся даже от имен писателей — то была лишняя информация. Мелвин Баррет оставлял в своей библиотеке только те книги, которые полагал полезными для своего мега-романа: как сюжеты, или характеры, или отдельные ситуации, или идеи. Но он переоценил свою память, а стиль старался выработать свой собственный. В результате

библиотека состояла преимущественно из сюжетов на современном материале и героев как носителей знаковых качеств и черт. Книги превратились в краткий пересказ в эстетике твиттера, который когда-то широко использовался и был любим и ценим именно за предельную краткость. Но. Они вполне передавали настроения, реалии и жизненные коллизии страшной эпохи Катастрофы.

1. «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ» Первое поколение героев — родились в США около 2020 г. Компания образованных друзей, прогрессивные демократы. Выступают за единство страны. Все белые. Сократили их на службе. Избиения. Сына одного из них, студента, убила черная банда. Дочь другого изнасиловали. Отец подавал в суд, там унижали, насильники угрожали, в конце концов отца застрелили на улице. Мать и дочь бежали в смешанную зону (белые, черные, азиаты, латиносы — все вместе). Дочь полюбила латиноса. Родила внучку. Внучку в школе посадили на наркотики. Дочь беременна и любит мужа. Мать с внучкой бежали ночью через границу в белое государство.

2. «ЧЕРНЫЕ РОЗЫ» Негр (разумеется афроамериканец, но сам с собой Мелвин Баррет говорил по старинке для краткости «негр») — умный, образованный, женат на белой. Остались в черной зоне — там ей нет прохода, жить невозможно. Переехали в смешанную зону. Там страшная конкуренция за распределение, жилье, льготы — и повторяется старая история: борьба негров и белых за доминирование, хотя еще вчера дружили. В результате — они съезжают к белым. Но — его не пускают! Добились разрешения на временное пребывание как родственника: муж. Но его родственники из черной зоны хотят к нему, требуют въезда — у черных плохо! Трагедия — черных папу-маму-сестер-братьев-бабушку не пускают. И тогда молодые, уже не очень молодые, уезжают от родни и проблем в Европу — где давно рулит ислам. И у них начинаются иные проблемы и опасности: принятие ислама, обрезание, пятикратная молитва — а иначе люди второго сорта, черная работа, нищие зарплаты, трущобы.

3. «БЕСАМЕ МУЧО» Латиносы наконец отвоевали и захватили Калифорнию и Нью-Мексико — и там банды, наркотики, бедность и безработица. Из своего нового независимого государства — латиносы пытаются лезть через границу к белым. Делают пластические операции, красят волосы, нанимают хакеров внести в Сеть англосаксонско-протестантские паспортные данные: только обмануть иммиграционную службу. За нелегальное пересечение границы сажают на семь лет в трудовой лагерь — каторга в пустыне. За неподчинение пограничникам — стрельба на поражение. Один герой романа — бандит: хотел продолжать бандитствовать в латинской банде уже в стране белых. Второй — спасал свою жизнь от убийц. Третий — интеллектуал после университета, хотел работать. Женщина с дипломом — быть хоть судомойкой в белой стране. Любовь, поножовщина, «койот»-проводник хочет обмануть. Все они в результате злоключений попадают в лагерь, тяжко пашут на каторге.

4. «ХАЛИФАТ ВЕСТ» Самая тоталитарная и страшная, хотя и небольшая, страна на территории бывших США. Карьера и судьбы группы молодых новообращенных мусульман — белых, черных, латиносов. Их споры с более консервативными и умеренными стариками, тоже новообращенными. Руководят и наставляют муллы и мигранты из Туниса, Сомали, Пакистана — элита страны. Фундаментализм, гаремы, жестокость. Патрули следят за соблюдением Шариата. Государственное рабовладение — пашут христиане: одним не дали сбежать, других крадут из соседних стран. Поскольку рабы нужны — не всем разрешают перейти в ислам. Это — низшее сословие. Христиане, как урожденные угнетатели ислама, обязаны искупать свою вину. Ловля зарубежных белых, латиносов, вообще христиан в рабы — это джихад. Герои джихада прославляются и имеют льготы. Пойти в моджахеды — это способ решить материальные вопросы и открыть путь к карьере. Евреев убивают. Но некоторые евреи оставляются в живых — финансисты и менеджеры. Превратности и трагедии любви между мусульманами и рабынями. Казнь за связь раба

и мусульманки. Гарем — покупка или добровольный приход в сытую жизнь. Государственный рэкет — вымогательство денег у соседей за ненападение на них. Это нищая зона типа Гаити, настоятельно требует международной помощи и уважения к своим обычаям. Наш герои: белый моджахед, латинос-мулла, иудей-хакер, черный раб, китаец — начальник полиции города, один мачо стал евнухом в гареме, куда попала его девушка.

5. «ЛИБЕРИЯ 2.0» Умные образованные негры в Черных Штатах хотят устроить государство по уму. Не получается! Массы не хотят работать, тупы к учению, требуют социальных льгот. Бунты, погромы, разграбление магазинов и складов. Угроза голода, нехватка всего. Трудолюбивых надежных работников категорически мало. Приличных организаторов почти нет. Преступность растет. С сожалением основатели страны и правительство идут на жесткие меры. Категорически устанавливают тоталитарный социализм — обязательная трудовая повинность и равное распределение всех товаров. Все свободы отменены. Нищета. Социалист обвиняет своего брата в диктатуре. Девушка пишет донос на своего парня, недовольного правительством. Банды нанимаются в национальную гвардию. Демонстрации обманутых черных гуманистов. Карьера в личной гвардии Президента — она всесильна. Несколько умных-добрых идиотов евреев горят желанием помочь: двоих убили, пятерых обвинили в неудачах страны. Причина всего — происки белых расистов.

6. «ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ» В космическом конструкторском бюро был отличный коллектив. Талантливый и дружный. Причем — расово диверсифицированный предельно, всем в пример ставили! Креативный веселый афроамериканец, хмуроватый индеец (о, коренной американец) с необыкновенно критическим взглядом на любую проблему, упрямый и работоспособный как мул мексиканец, перс, умеющий связать воедино противоречивые проблемы, еврей, находящий самые неожиданные решения, начальник республиканец и координатор по связям — демократ. Золотые мозги, вздыхает и роняет слезу по былому счастью спившийся сотрудник, давно никому не нужный. И как дополняли друг друга! Как отмечали семейные праздники! Потом всех начали переводить на удаленную работу, потом — отдавать на аутсорсинг отдельные задачи, потом компьютеризация делала лишними все больше людей, потом распалась страна. И вот уже они в разных государствах, на разных континентах, по старой памяти переговариваются иногда, вглядываясь в стареющие лица друзей на дисплеях стремительно совершенствующихся средств связи. Они проектировали аппаратуру для кораблей на Марс и Венеру, крутили романы на работе, скрывали огрехи от начальства и были счастливы вместе — главным делом своей жизни. И постоянно возвращаются к истории и подробностям расставания: увольняли одного за другим, справляли отвальные, говорили «извини» за старые несуществующие обиды...

7. «НЕЙТРАЛЬНАЯ ЗОНА» Политический триллер. Хит года (не вспомнить, какого). На Гавайях могут встречаться все — из всех стран, всех рас и религий, при любых событиях в мире. Это нейтральная территория, политический офшор. Контрабанда, любовь, бизнес, наука, разведка и контрразведка. Трупы в отелях, поиски преступников, продажные сыщики, отчаянные журналисты. Интриги, любовницы, бриллианты. Резиденты разведок, миллиардеры и наркобароны. Дешевые киллеры из бедных стран. Острый сюжет обычен, характеры традиционны: контрразведчики вычисляют шпиона, сыщики раскручивают убийство, официантка оказывается резидентом, наркобарон — легенда для разведчика, черная красавица работает на Китай и чуть не убила главного героя, а он на самом деле не американский патриот, а русский агент. Коктейли, спортивные автомобили и бикини на пляже. Конец трагичный: выясняется, что США разваливаются не спецслужбами мировых конкурентов, а, увы, по внутренним и неустранимым причинам. В финале главный герой пьет в одиночестве на берегу, глядя в океан, и думает, что ему уже некуда возвращаться — Америки больше нет...

8. «ЗЕМЛЯ ПРОРОКА» Самая агрессивная и фундаменталистская держава Земли — Всемирный Халифат. Тон задает Иран, обладающий ядерным оружием и международной террористической сетью. Благодаря нетерпимой идеологии он подмял под себя Турцию и фактически аннексировал. Входят сюда также Ирак, Северный Кавказ, Центральная Азия, Саудовская Аравия и Эмираты, Судан, Тунис, Алжир, Сомали; Афганистан сохранил статус автономии в его составе. Сохраняя тейповую организацию, чеченцы жестокостью и неустрашимостью имеют огромное влияние. Моджахеды убивают лидеров любых стран, не выполняющих их требований. Дипломатия бандитов. Преступников отсюда не выдают. Межгосударственный рэкет. Захваты соседних территорий и их грабеж, этнические чистки. В ответ — ковровые бомбардировки, уничтожение мирных жителей, ликвидация исламских руководителей. В сопредельных странах новые франтиреры — спят с оружием и мечтают истребить всех мусульман. В этой обстановке спецслужбы Союза Белых Штатов проводят разведывательные операции и ликвидируют угрозу уничтожения своей страны Халифатом. Вербовка мусульман, сладкая наживка, раскрытие кротов, внутренние служебные интриги, беспилотники-уничтожители, гибель нескольких героев, перестрелки и побеги, отравления, выведение из строя компьютерного обеспечения ядерных сил Халифата.

9. «КИТАЙСКИЙ СИНДРОМ» Китайцы (как и японцы с корейцами) отлично уживаются с белыми: умны, работящи, лояльны. Но — есть государственная квота — чтобы желтый мир не захлестнул Америку, не поглотил белую культуру. Для большинства желтых — депортации с правом возвращения. Условие натурализации — полная ассимиляция: язык, религия, ментальность. Несогласные также уезжают на историческую родину. На этом фоне — семейные драмы, недостаток ценных специалистов, белые скрывают желтых друзей, Китай грозит военным давлением. Сенатор-японец делает сэппуку от позора. Лихорадка в Кремниевой Долине без азиатов. В элитных школах одни злорадствуют, что узкоглазые умники свалят, другие жалеют.

Пластические хирурги и хакеры обогащаются, превращая азиатов по документам в белых. Случай обмана — японец зарезал хакера. Предательство — хирург настучал в иммиграционную службу. Белый юноша и желтая девушка расстаются и дают клятвы встретиться — на фоне переполненных кораблей и Статуи Свободы.

10. «СПРАВЕДЛИВОСТЬ — МОЕ РЕМЕСЛО» Союз Справедливых Штатов. Буква Конституции США дополнена согласно ее духу. Самозащита без ограничений — за неспровоцированное нападение, побои, оскорбление, любое воровство — можешь убить преступника. Абсолютная меритократия: все занимаемые посты, все карьеры — всё прозрачно и по справедливости. Жесткие ограничения на банковский диктат: наличные обязательны к приему везде, за пользование картой приплачивает банк, а не клиент. Огромный налог на прибыль от биржевых спекуляций. Прогрессивный налог на богатых. Никаких пособий бездельникам. Прием на учебу и работу только по способностям, никакого расизма. Любые ограничения свободы слова жестоко караются. Любой серьезный закон утверждается только референдумом. Преступники и тунеядцы выселяются на специальный остров где-то далеко: там есть все для жизни и работы, и крутись как знаешь. Главный герой делает политическую карьеру, его друг-банкир нарушает закон и едет в ссылку, его сын убивает напавшего и банда чуть не убила его в отместку, народный контролер нарыл компромат на героя, он уходит из политики в фермеры, жена счастлива — будем нормальными людьми.

11. «ВТОРОЙ ШАНС» Государство «Новая Австралия» — после жестоких реформ. Сюда ссылают бездельников и преступников — и установлено беспощадное шерифское право. Крепкие христианские семьи. Прелюбодеяние осуждается, в случае тяжелых последствий в семье или для одного из любовников — карается по закону. Внебрачных детей нет, безотцовщины нет. Узаконен народный суд: с защитником и обвинителем, но прямо на месте преступления, и собравшийся народ решает судьбу преступника:

приговор скор и суров. Воров вешают, убийц объявляют вне закона и убивает их первый, кто сумел. Приобретение земельных участков, занятия ремеслами и бизнес — все прозрачно, справедливо и подконтрольно народным сходам и референдумам. Население религиозно, церкви посещаемы всеми. Учителя и врачи — самые престижные и высокооплачиваемые профессии. Здесь царят суровые и здоровые нравы, здесь происходит стремительный подъем цивилизации, средства вкладываются в науку, банковские спекуляции ограниченны. Особенность ситуации в том, что когда у людей нет выбора и можно быть только честным, трудолюбивым и нравственным — практически все таковыми становятся, никому неохота на виселицу или каторгу. Сюжет составляет именно перековка ряда асоциальных личностей, мужчин и женщин, старых и молодых, которых жестко вынудили жениться, воспитывать детей, работать старательно и жить согласно морали и закону. Сначала они ненавидели эту страну, правительство, полицию, жителей — потом смирились, свыклись, стали находить свою прелесть в этой жизни, уважать себя за это, подниматься в иерархии, хотя кто-то погиб, кого-то повесили; но — почти все вошли в новое братство.

Поняв, что не сможет написать целых одиннадцать романов как вставные части своего огромного произведения, Мелвин Баррет однажды придумал прием, как сократить их объем во много раз. Романы эти следовало преподнести сокращенно, под разными соусами, в условной форме:

рецензия на роман;

уцелевшие отрывки, останки некоей старой книги;

пересказ романа глуповатым читателя другу;

спор-диалог о романе: двое перебивают и дополняют друг друга;

лекция о книге профессора в университете;

обсуждение такой лекции студентами на вечеринке;

обсуждение книги на форуме в Сети.

Мы никогда не узнаем, удалось ли ему осуществить свой замысел.

КНИГА XI

Глава 82

ШУТ — ПОТОМКАМ

Хорошо быть дураком: ты можешь говорить правду, и требовать, чтобы тебе за это ничего не было. Я шут короля! С тех пор как Кен Кизи послал всех пролетать над гнездом кукушки, как фанера над Парижем, (а кукушка выкинула всех птенцов в дурдом), косить под психов стало стильно. Человек дождя. Аутисты, социопаты и ЛСД: мы дети с особенностями развития. А у тебя какие особенности развития? А я сажусь срать прямо посреди тротуара. Гм, а у Эйнштейна тоже были особенности развития? Может, вы оба гении.

Вообще-то еще у Фолкнера дурачок Бенджи Компсон рассказывает историю, и получается роман «Шум и ярость» — просто-таки новая литература. Тогда уж психом был еще маркиз де Сад — сидел в реальном дурдоме, причем центральном, парижском, передовом, да еще по приказу самого Наполеона: он отражал эпоху нового безумства через призму подлинного приюта умалишенных.

О нет! Шуты, ярмарочные и королевские шуты — вот они, провозвестники правды в искусстве! Фигляры и паяцы, петрушки и арлекины, мудрецы в дурацком обличье — это они потешали толпы и государей, довольствовались обносками и объедками, и с наслаждением подносили зеркало к тупым рожам простонародья и спесивым рылам сильных мира сего. За правду чаще платили медью, чем золотом, и чаще навозом, чем плетьми — и на том спасибо.

И вдруг безродный шут оборачивается королевским комедиантом, его шутки ловят, улыбке кланяются, за ним

пишут придворные историки и толкуют приблудные философы — темный благородный лак растрескался от времени на его портрете в вычурной лепной раме, потусторонние отблески играют во взоре, лукавый утешитель властителей и сирот делается до точности похожим на алхимика, чернокнижника, наперсника самого дьявола, бархатный берет затеняет его высокий лоб, седая борода серебрится — да это Нострадамус, Мишель Нострадамус, он, пророк, кому ведомы тайны мира и времени, потрясатель умов, всезнающий скептик и тайный еврей — он сходит с портрета на стене и негромким, богато интонированным баритоном спрашивает:

— Верно ли я понял, что вы приступили к выполнению этого пророчества?..

И сто тысяч крошечных пророков, отпечатанных с одного клише, отставив ногу назад и согнув колени, в поклоне отвечают хором:

— Да, сэр! — с университетских кафедр и телевизионных студий, с городских площадей и редакций газет отвечают они. Из Кремниевой Долины и с Уолл-стрита, с палуб яхт и бассейнов вилл, с дымящихся улиц и миллионных митингов — они отвечают: «Дрожите, дряхлые кости!»

...Остался всего миллиард лет до конца света. Иногда кажется, что этот миллиард уже кончился. Истлевшие кости всех друзей и врагов, святых и мерзавцев, идиотов и гениев сгорят и испарятся в последней вспышке взорвавшегося Солнца. Угрожаемые своей звездой, мы суетимся по муравьиным делам.

Интересно, как будет чувствовать себя последний человек на Земле? Иногда мне кажется, что это я. Уже несколько лет я никого не видел. И хотя опасаюсь встречи с людьми — от них хорошего не жди! — а все-таки спокойней думать, что где-то живут люди, их много, они разбросаны колониями, островками, и как-то выживают, налаживают жизнь. А иногда я отчетливо понимаю, что весь мир существует только в моем воображении. История кончается на мне.

Однажды утром я проснулся, просветленный мыслью: каждый должен думать, что история кончается на нем!

Должен был думать, пришлось поправить себя, и светлое настроение затенилось привычной хмарью.

Короче, уже давным-давно я пишу письмо потомкам. Собственно, вся моя жизнь... да что моя! — вся жизнь любого человека и все его дела, если подумать, это послание потомкам. Которые тебя не просили. Каким потомкам?.. А черт их знает. Должно же что-то быть после тебя. Может, из уцелевшей колонии, спрятавшейся в отдаленной горной глуши Азии, снова поведется и размножится род людской. Может, африканские обезьяны через миллион лет, не имея более умных конкурентов, разовьются в людей. А может, бездушные сверхсложные машины, научившиеся совершенствовать себя, до того усовершенствуются, что очеловечатся до людского уровня. Таково наше подсознание: оно-то твердо знает, что человек всегда часть какого ни на есть человечества: хоть своей трущобы, хоть Монгольской Империи, хоть Лиги Плюща.

Что ты скажешь потомкам? Этот вопрос из школьного сочинения поразил меня своей грандиозностью. Потомкам надо передать весь опыт твоего народа, все знания, все культурные шедевры. Всю историю своей цивилизации, ее битвы и описания великих государств, биографии героев и гениев. И как мы ели и пили, и одевались, и наши кареты и автомобили. Луки и пулеметы, катапульты и танки, парусные корабли и космические ракеты. Господи, чего у нас только не было!..

А средневековые доспехи и пышные дамские наряды. А камуфляжные комбинезоны и крошечные бикини. А наши школы и университеты, рестораны и стадионы, а сколько было выпивки, самой разной! И книги, магазины, библиотеки, книжные стеллажи.

Мы пели и танцевали, играли на инструментах и летали в отпуск на самолетах, смотрели кино и ходили в театры. Как мы любили и как мы дружили, как строили дома и воспитывали детей.

Невозможно это все передать, невозможно. И кому?.. Господи, я отказываюсь верить, что это все умрет вместе со мной. Этого не может быть, этого не должно быть, будь я проклят, если приму это, Господи. Не мог я прожить так,

чтобы после меня ничего не осталось. Не мог я прожить так, чтобы некому было передать все то, что я создал и чем владел.

Кого боги хотели покарать — того они разума и лишили. Я видел, как человечество лишалось разума. Это происходило на моих глазах. Я не мог противостоять этому, я кричал, и меня гнали, чтоб не был слышен мой крик.

Я напишу потомкам самые простые вещи. Что когда все хорошо — это тоже не очень хорошо. Что никогда нельзя лгать себе — ради какой бы то ни было благой цели. Что надо беречь хороших людей, умных и трудолюбивых, а паразитов надо уничтожать или хотя бы гнать вон. Черт, я не смогу написать потомкам ничего нового, умного и ценного, кроме того, что уже говорилось миллиарды раз за тысячи лет!

И тогда я скажу: беспощадно уничтожайте тех, кто станет уничтожать вашу цивилизацию. Не жалейте их, не помогайте им, не миритесь с ними. Мы поступили иначе — и нам настал конец.

Я напишу им самое главное:

Знаете, почему мы погибли?

ПОТОМУ ЧТО МЫ БЫЛИ МУДАКИ.

Глава 83

БЕЛЫЕ

Этот роман написал Мелвин Баррет. Так же, как несколько других. Он написал его шариковыми ручками на листах бумаги для светокопировки. Потому что электричества в его хижине не было, и компьютер некуда было подключить. Это же позволило рукописям сохраниться — бумага долговечнее, чем цифровые записи на дисках, с которыми может случиться что угодно.

Как всякий большой роман, этот роман Мелвина Баррета имел несколько начальных вариантов. Он начинал писать, вскоре убеждался, что дело идет не так, бросал и начинал иначе.

Итак, первый вариант романа назывался кратко и в духе модерна (или постмодерна, Мелвин Баррет всегда затруднялся провести границу между двумя этими понятиями). Название он придумал такое:

XX

Это должно было обозначать XX век. Мелвин Баррет задумал написать роман-хронику, лирический эпос, охватывающий все главные и знаковые события XX века, ярчайшие факты и биографии самых значимых фигур, Первую и Вторую мировые войны, Русскую Революцию и подъем коммунистического Китая, Ревущие Двадцатые и Сухой Закон, Рузвельт и Мак-Карти, Муссолини и Гитлер, Сталин и Мао, убийства Троцкого и Кеннеди, великий 1968-й и крушение СССР: о, это был великий, небывалый роман, мега-роман, роман романов!

Мелвин Баррет отлично продумал план. Роман начинался похоронами королевы Виктории и победой Англии в англо-бурской войне. Это был конец века XIX — пик могущества Британской Империи, стремительный прогресс, вера в будущее, рост уровня жизни: телефон, железные дороги, пароходы, трамваи, уже возводят небоскребы, и вводят всеобщее образование.

И вот наступил счастливый и такой многообещающий XX век! 1901 год, кончается январь. Лондон в трауре, толпы в черных повязках, нескончаемая процессия за королевской каретой: похороны Старой Вдовы, великой королевы, кумира нации, владеющей миром.

Черная карета, вороные кони — и мерным медленным шагом, в шеренгу по пятьдесят, королевские гвардейцы в алых мундирах и мохнатых медвежьих шапках провожают свою императрицу к месту последнего успокоения. Здесь фотографы и репортеры со всего мира. Здесь гремят пушки и медью звенят и рокочут барабанами марши.

О, как переломилась эпоха!.. И тот знаменательный день пришелся на линию перелома меж двух миров. Но люди этого еще не знают. Они не знают, что адмирал лорд

Фишер уже пробил идею «Дредноута». Что братья Райт упорно добиваются устойчивого полета для задуманного аэроплана. Что пулемет Максима, показавший себя в Африке, навсегда изменил ход будущих войн — скорых войн! Что через пятнадцать лет германские цеппелины будут бомбить Лондон из-за облаков, отравляющие газы зальют окопы в Европе, и ощетинившиеся огнем бронированные чудовища поползут через них. И никогда, никогда больше не будет счастливого «мирного времени», которое ушло.

Но трудность в том, что каждая точка на карте — в действительности огромный город с массой не просто деталей, но разных жизней и коллизий. Работая над воссозданием всей атмосферы рубежа XX века, Мелвин Баррет после колебаний решил затронуть и 1900 год, тем более что вся Америка и Европа именно его наступление праздновали как начало XX века, хотя это была именно концовка века XIX, значимая концовка, обозначившая линию перегиба времен: и тогда войска восьми союзных держав оккупировали Китай и штурмом взяли Пекин (через что лет это им припомнится безжалостным доминированием вечной и новой восточной сверхдержавы, великий Китай покоряет мир и стремительно замещает Запад в мировом доминировании), а в Париже под чужим именем умер Оскар Уайльд, в позоре и изгнании: и возникает тема страданий гомосексуалистов, через полвека Алан Тьюринг кончает с собой, вспыхивает драка с полицией в баре «Голубая устрица» в Гринвич-Виллидж, и Американская Ассоциация Психиатров признает гомосексуализм нормой, и радужные флаги реют над парадами гордости, и цисгендерных мужчин-гетеросексуалов, особенно белых, ставят последними в очередь на все блага и привилегии и объявляют врожденными расистами. И это лишь одна из тем! А необходимо придерживаться хронологии (считал Мелвин Баррет).

Там была русско-японская война: миру явила себя новая цивилизация, юный японский флот наголову разгромил русскую армаду — дух бусидо воспарил в мировые выси, вскоре мощная и агрессивная Япония, создавая свою великую Тихоокеанскую Империю, нанесет безжалостный удар Америке и утопит ее флот в Перл-Харборе, а затем

сгорит дотла под зажигательными бомбами Токио, и атомные грибы встанут над Хиросимой и Нагасаки, а через двадцать лет японская электроника завоюет мир, и короли автомобилестроения американцы не выдержат конкуренции с дешевыми и на диво выносливыми японскими машинами, Детройт превратится в пустынные трущобы, и все больше японских ученых будет работать и делать открытия в американских лабораториях. А еще император Хирохито, и сэппуку сотен японских офицеров после объявления о капитуляции, и генерал Мак-Артур, и ставший президентом Эйзенхауэр; а как же резня в Нанкине, и победный марш на Сингапур с разгромом англичан, и отставшие в джунглях островов японские солдаты, воевавшие в одиночку еще десятки лет, и битва за Мидуэй, и водружение флага над Иводзимой: флаги наших отцов! ах, уже прадедов...

Мелвин Баррет с трудом добрался до Великой Войны, которая потом станет Первой Мировой, и понял, что с задачей, может быть, и справится... когда-нибудь, если Всевышний продлит его дни... но кажется, что выходит не совсем то, что он намеревался создать. Потому что история всего XX века с биографиями выдающихся личностей, с художественным изображением всех (многих!) ключевых сцен, с психологическими портретами и философскими обобщениями, красочными пейзажами и массовыми действиями — это труд томов не менее как на сто. На десять подвижников-трудоголиков, или человек на тридцать нормальных историков. Плюс писатели.

Обычный писатель врет (художественно отображает), и это резко увеличивает скорость писания — ему легче. Но историк обязан все проверять и увязывать факты один с другим — и это съедает все время. А потом измученный многознанием историк пишет сложившийся труд с такой чудовищной корявостью, что прочесть его может только другой историк, воспринимающий чтение источников как схиму, как каторжное ядро, приклепанное непосредственно к мозгу.

Мелвин Баррет споткнулся вот на какой вещи. Причем произошло это уже на триста седьмой странице. Он писал о создателе Римского Клуба и авторе «Человеческих качеств» Аурелио Печчеи. Хотя и близко еще не добрался до 1968 года. Он писал о Юджине Дебсе и создании Социалистической Партии США, то есть благополучно сидел в 1901 году. Но социализм потребовал источников и связей, марксизма и эволюционизма, Германии и Англии, Русской Революции и итальянского фашизма, Франкфуртская школа не могла быть обойдена, ну а там уже борьба за справедливость мирными средствами и во всемирном масштабе. А из Римского Клуба получился Всемирный Экономический Форум, и из всего этого получился глобализм, и этот глобализм снес на хрен великую Америку и забросил Мелвина Баррета, родившегося гражданином Соединенных Штатов Америки, в лесную хижину близ берега северной реки, название которой он боялся сообщать, чтоб никто не донес, не нашел, не конфисковал его рукописи, а его самого не отправил бы в концлагерь на перевоспитание. И вот эта несложная цепь рассуждения, логическая такая удавка, словно тонкая цепочка из нержавеющей стали, накинутая на шею, стала душить его ненавистью к умному и доброму Аурелио Печчеи.

Преуспевший в жизни итальянец взывал к милосердию, к сохранению планеты и заботе о бедных и больных. Но в результате его последователи, поучавшие правительства и ученых, как следует править и к чему стремиться, возомнили себя пророками Истины. История избрала их, с их великим разумом и благородной совестью, чтобы вразумлять как лидеров наций и наук, так и неразумные массы. Для всеобщего блага. А поскольку каждый человек хочет выглядеть получше в собственных глазах, то все оппозиционные партии мира подхватили эту идею глобальной справедливости и равенства на фоне спасения планеты. И правительства быстро взяли на вооружение те же идеи.

В результате все политики стали объяснять свои стремления к желаемым целям исключительно общим благом. Глобальным то есть. В масштабах планеты и всего человечества. И все получилось чудесно! Народы и расы следует перемешать — и всем дать общественных благ поровну. Но поскольку везти блага в Африку и Центральную Азию далеко и трудно (а как там строить благоустроенные города?..) —

то пусть из отсталых регионов люди переселяются в страны «золотого миллиарды».

У правительств и олигархов был свой простой интерес: чем разобщеннее и тупее народ — тем легче им управлять к собственной выгоде.

Но. Африканцы и арабы принадлежали к другим культурам с другой ментальностью. Кроме того, согласно тестам на IQ, они были глупее. Это портило идею равенства и справедливости. Исследования о различиях народов и рас следовало запретить. А африканцев и арабов продвинуть повыше по социальной лестнице, чтоб установилось равенство.

Мелвин Баррет написал об этом длинную главу с подробностями и деталями, с портретами действующих лиц и горячими спорами. Но глава эта все не хотела кончаться, а хотела наоборот, призвать к уничтожению этих столь же благонамеренных, сколь зловредных джентльменов.

В результате всей истории XX века он, Мелвин Баррет, белый мужчина, гетеросексуал и протестант, физически и умственно здоровый — был теперь превращен в изгоя, шваль последнего разбора, виноватого во всех бедах мира, и скрывался в лесной хижине без интернета и электричества. Воду он набирал из ручейка в сотне шагов, а за елью с раздвоенной верхушкой оборудовал сортир.

Вот так он отложил на неопределенное время великий мега-роман «XX», что означало «XX Век», и принялся за другой роман. Он по-прежнему мечтал написать великий исторический роман, который на широком полотне времен и стран покажет и объяснит, за каким хреном он, Мелвин Баррет, здесь очутился.

Этот роман вместе с «XX» и «XXI», который он задумал, должен был составить эпопею-трилогию, и назывался он:

БЕЛЫЕ

В начале был туман доисторических времен, и вот в тумане истории проступают хижины, они превращаются в дома, стены окружают богатый город, и имя ему — Библ, то первый и древнейший город Античного Мира, твердыня

Медного Века, девять тысяч лет минуло с тех пор на ярком и буйном Леванте, где ныне истерзанный Ливан. Но не древнее ли Иерихон, что близ Мертвого моря, славный своими неприступными стенами и многолюдием. В одном переходе от него поднялся великий Иерусалим, и бессмертная история предначертана ему, колыбели единобожия и христианства. А в двух переходах от Библа — Сидон, порт и город на Средиземном море, средоточие торговой Финикии, родины стекла и пурпура, буквенного письма и денег, отсюда начиналось мореплавание, на веслах и парусах корабли достигали неведомых Англии и Западной Африки. И кричали караванные верблюды, зазывали покупателей пестрые базары, ковали мечи кузнецы и обжигали звонкую посуду гончары, томно проходили красавицы под прозрачными покрывалами и восседали на коврах ведущие торг купцы; а за белоснежными дворцами владык поднимались зеленые холмы, где росли кедры ливанские.

Редкие селения на средиземноморском берегу и в долинах рек росли и множились, окружались стенами и превращались в города, окруженные полями земледельцев и пастбищами скотоводов, объединялись в союзы для защиты и начинали сливаться в первые государства.

Так возник Великий Египет. Он не всегда был великим, и не всегда был, но уже 10 000 лет назад народы севера Африки и запада Азии пришли в движение. Засуха поразила зеленые луга и леса Сахары — а в далекой Малой Азии горячие ветра сдули плодородные почвы, и толпы кочевников погнали свои стада на новые пастбища. Надежда на новую жизнь влекла их, а следом шли земледельцы со своим скарбом и скудными припасами зерна. Их ноги темнели и грубели от горячего песка, лица покрывались морщинами, кости изможденных быков выпирали сквозь обвисшую шкуру. Они шли на запад — через будущую Палестину, где не хватило места всем, и битвы за воду и пастбище были жестоки. А им навстречу, с выжженого севера Африки, по кромке великого синего моря, шли на восток другие племена.

Много пролилось крови, пока они расселились по долине Великой Реки, которую назовут Нил. Здесь изобретут

парус. Здесь научатся плавить медь, и наступит Медный Век. Здесь придумают иероглифы — первую письменность. И возникнут города-государства — номы. Глинобитные стены окружат их, и стражники с медными наконечниками копий встанут у ворот. И правители номов будут воевать друг с другом веками, пока не объединят все селения нильской многотысячекилометровой долины с ее полями и храмами в два огромных (очень длинных) государства: Верхнее Царство и Нижнее.

И пять тысяч лет назад великий фараон Менес, которого иные называют Нармер — первый фараон Первой Династии Египта! — проявил воинский талант и жестокую мудрость истинного политика, завоевав Нижнее Царство и присоединив его к своему Верхнему. И увенчал себя двухъярусной красно-белой тиарой, символизирующей единство двух Египтов; и с тех пор носили такую все фараоны всех династий три тысячи лет.

Менялись фараоны, пресекались династии и восходили на трон новые, возводились величественные храмы, бесконечной чередой везли к стройкам отшлифованные каменные блоки, и грани великих пирамид в облицовке полированных кварцевых плит сияли ослепительной белизной над бесконечным пространством, отражая солнце.

Несла свои воды великая река, плыли по ней изукрашенные корабли сильных мира сего и лодки рыбаков и перевозчиков, строились ровными рядами воины на площади перед дворцом, творили молитвы жрецы, шумели базары, и ученые постигали тайны миров, закладывая основы всех наук от географии и астрономии до математики.

Перед вашим взором поднимется пирамида Хеопса, и засияет лицо Нефертити, и Эхнатон начнет проводить свои великие реформы, и бальзамировщики унесут с собой секреты вечной жизни тех, кто ушел в Верхний Мир. И останутся статуи сероглазых людей с загадочными лицами.

Но одновременно с Египтом — а может быть, еще раньше? (писал Мелвин Баррет) — поднимется Великий Шумер, праотец всех государств и законов: родина неизвестных гениев, оставшихся в вечности. Здесь изобрели колесо. (А вначале — гончарный круг.) Именно здесь изобрели

письменность — первую, доступную всем, из налоговых записей и царских указов вошедшую в обиход: клинопись; и житейские письма на глиняных тонких табличках меньше ладони прошли через тысячи лет до эпохи компьютеров.

Здесь сын водоноса Саргон умом и храбростью возвысился до царской короны и объединил Шумер и Аккад в единое могучее государство всей Месопотамии. А пять веков спустя царь царей Хаммурапи создал свой великий Кодекс Законов — сведя воедино и доработав предыдущие — и впервые в истории желание повелителя перестало быть высшим правом, но все было подчинено Закону, и воля богов удостоверяла его.

Здесь проживут свою яркую и мощную историю Ассирия и Вавилон, здесь земля прорежется сетью оросительных каналов и превратится в шумящие поля, обожженный глазурованный кирпич покроет высокие стены городов и висячие сады зацветут на крышах дворцов.

Как передать хруст песка под колесами боевых колесниц, ржание коней и узловатые мышцы на смуглых руках воинов, смоляные заплетенные бороды и гордые горбоносые профили? Рев труб и отблески начищенных медных шлемов и отточенных мечей? Крылатых быков на городских голубых воротах, в которые втягивается караван невольников? Крестьяне с серпами в поле, овцы на пастбищах, грузчики с мешками зерна, и всегда смеются юные девушки в преддверии своей судьбы...

Жрецы и писцы, красильщики и торговцы, базары, склады, лепешки и ткани, религиозные процессии и царский конвой. И надо всем поднимаются, восходят по бесконечным ступеням зиккуратов торжественные жрецы в бело-желтых накидках. Как передать эти праздники, свадьбы, рождения детей, потом внуков, и похороны, и так меняются сотни и сотни поколений: руины городов заносит песком... но все это было, это есть — смотрите, смотрите! это они — наши предки, пращуры, создатели нашей цивилизации.

Это там, в Шумере, в Вавилоне, разделили год на 12 месяцев, а месяц — на 4 недели; это оттуда, с их шестидесятиричной системы счисления, пошло деление часа на

60 минут, а минуты — на 60 секунд. Они не ушли! их время — длится в нас! мы живем по нему.

...Ах, что знаем мы о минойской культуре и кикладиках, да что знаем мы о великой и грозной волне Народов моря, хлынувшей с северного средиземноморья на цветущие города Эллады, сокрушившей великую Империю Хеттов и ворвавшуюся в Египет! То была Великая Катастрофа Бронзового Века, катастрофа падения цивилизаций и истребления тех, кто хранил знания: и Темные Века опустились на процветавшие недавно державы — исчезла письменность, забылись ремесла, и руины прекрасных храмов зарастали травой. Канула и минула грандиозная древняя культура, истощила силы цивилизация и закончила круг своей жизни и торжества, не в первый и не в последний раз смел отжившее процветание ветер времени. Остались в истории имена жестоких завоевателей: ахейцы, данайцы, филистимляне... ветшали легенды, тлели кости бойцов и ржавели мечи — уже железные мечи! глубоко в земле; отзвуки ужаса, миф о троянской войне, погребальный колокол истории предвещал новый рассвет — когда-нибудь...

Тот колокол еще не отзвучал, когда крошечное кочевое племя открыло для себя Единого Бога — и оттуда, из пустынь и пастбищ Израиля, тянется уже непрерывная наша История: Десять Заповедей и суровые предписания Иудаизма, который через тысячу лет породит из лона своего Христианство. И день седьмой посвящен Богу, и ветер с солнцем высек глубокие морщины на смуглых лицах, творят молитву Ему мужчины, и юные девушки, будущие матери будущих героев, гонят овец на водопой, и ленты вплетены в их смоляные косы. И убеленные сединами старцы записывают слова Единого Бога для будущих поколений и племен, и так складывается Книга Книг — Библия.

А финикийские корабли (крутобокие) бороздят моря (синие) и везут во все концы Ойкумены пшеницу в мешках, оливки и вина в амфорах, ткани и украшения, диковинные товары из неведомых стран идут за цену серебра, и хитрые жадные торговцы ведут свои записи впервые придуманными буквами.

И вот наша материнская цивилизация, Греция, воссоздалась в потомках тех давних бойцов народов моря, пеласгов — их бешеная энергия век за веком перешла в созидание, в открытие мира, в строительство городов и государств, в искусства и науки. Туман яснеет, нить Истории уже видна на всем своем извилистом протяжении до наших дней: мы пишем теми же буквами, постигаем тех же философов, восхищаемся той же архитектурой.

И слепой старец Гомер поет на пиру о подвигах богов и героев и крушении великой Трои, под одобрительный шум ему наливают вина и накладывают мяса и овощей. Проницающий идею мира, которым правят числа, возносится мудростью Пифагор и создает понятие и слово: «Философия». И гениальный Гераклит швыряет в навоз багряный царский плащ и поносит тупых сограждан, поверяет рукописям пронзительные озарения и удаляется в горы. Странный Демокрит, появляющийся ниоткуда и исчезающий навсегда, вещает непонятно как постигнутую истину: «Нет ничего на свете, кроме атомов и пустоты»! А лысый курносый Сократ издевается на афинской агоре над очередным самоуверенным простаком, и кругом хохочут зрители. В крытой галерее Академии прогуливается с учениками Платон — мощный, крепкий, густоволосый и густобородый: наша жизнь — лишь тень на стене пещеры. И прославленнейший из учеников — самоуверенный Аристотель, основав в гимнасии Лицея собственную школу, сводит воедино грандиозное здание познаний и наук: космологию, физику, политику, социологию, логику — подразделяя и классифицируя все подразделения философии: онтология, эпистемология, этика... да, и теология тоже. «Учитель» — тысячу лет будут кратко называть Аристотеля ученые Европы.

Греется перед своей бочкой на солнышке Диоген, бежит общественной суеты Эпикур: есть ты — нет смерти, есть смерть — нет тебя, держись добродетели, будь неприметен; не движется в воздухе летящая стрела Зенона; набрав в рот камешков на морском берегу, потрясает красноречием сограждан Демосфен.

«Золотое сечение» в архитектуре, двухсотметровый Фаросский маяк, за сто миль бросавший свет из александрийской гавани, а в самой Александрии Эвклид, создатель Александрийского Мусейона, мирового культурного центра своей эпохи, где Александрийская Библиотека стала лишь одним из филиалов (!) — Эвклид пишет свои «Начала» — все основы арифметики, геометрии, стереометрии: постулаты и аксиомы, теоремы и доказательства, конические сечения и бесконечные множества. Но еще вы увидите небо и солнце, дома и порт, столик в тени акации и за ним мужчину, одетого в льняной хитон, который пишет тонкой расщепленной тростинкой, омокнутой в глиняную чернильницу, на развернутом свитке папируса. Две тысячи лет все школьники мира будут учить и повторять то, что написал сейчас этот вспотевший и сосредоточенный мужчина, Эвклид, и будут писать контрольные, и отвечать учителю у доски. (Хотя иногда он писал в полутемной комнате с маленьким окном на север и с легким сквознячком, где всегда прохладнее, как строят в жарких краях.)

О, это небывалый, небывалый роман всех наших эпох и тысячелетий, народов и племен, всех войн и свершений, наук и искусств, роман постижений всех тайн и открытий новых миров! Песок времен не засыплет былую славу, ветры Истории рвут туман, укрывший бури страстей, огонь войн и гордость городов, и горло писателя сжимается восторгом, издает ликующий и победный клич: мы живы! мы здесь и везде! всегда и сейчас! и мера в руке твоей, Господи, и на тебя уповаем. А если Ты отвернулся — мы сами сделаем свое дело; и Твое тоже. Ибо такова наша доля и наш путь.

И гремит легендарная доблесть Спарты, «со щитом или на щите», триста спартанцев в Фермопилах и забытые семь тысяч фиванцев, и вот уже спартанский посол надменно предупреждает юного Кира, Кира Великого: не смей трогать города греков — ибо мы, спартанцы, не потерпим этого; и юный царь царей, сведя в линию черные брови, чеканит: «Если боги дадут мне дожить — спартанцам будет не до чужих бед: своих хватит!»

А в Афинах красавец Алкивиад не прекращает скандалы, Перикл приводит полис на вершину могущества, Фидий украшает статуями белокаменный Акрополь, в амфитеатрах зрители рукоплещут трагедиям Эсхила и хохочут на аристофановских комедиях, а гениальный Эпаминонд ведет войска семивратных Фив от победы к победе, горят и тонут персидские корабли в проливе под Саламином, гонец из Марафона падает замертво на площади Афин, возвестив победу, но с севера уже движется непобедимая македонская фаланга, закрытая щитами и ощетинившаяся многими рядами копий, и Александр Великий несет эллинские законы — свободы и просвещение — во все концы Ойкумены, от Нила до Ганга;

но Ромул и Рем уже вскормлены молоком волчицы, Вечный Город на семи холмах скоро будет распростерт от Гибралтаровых Столбов до Армении и Каспия, от Британии до Красного моря, по каменным плитам вечных дорог зашагают в провинции железные легионы, сенаторы в тогах с багряной полосой вышли на Форум, Республика сменила монархию, победоносный Ганнибал был сокрушен в родном Карфагене, мудрейших из ученых Архимед с криком: «Эврика!» — «Нашел!» — выскочил из ванны и голым помчался по улицам, и вот уже храбрейших и жестокий Сулла ввел проскрипции, и мешки с головами понесли к его ступеням, присваивая половину имущества объявленных и казненных врагов; коррупция и продажность разъели государство, властные хищники схлестнулись в гражданской войне и победоносный Цезарь, кумир солдат и народа, объявил себя пожизненным императором — во благо народа и державы: он был убит республиканцами как тиран — и отмщен и воспет народом как благодетель; легендарной влюбленной паре всех эпох, Антонию и Клеопатре, не удалось отвоевать себе половину Империи и пришлось умереть; и кесарь Август дал благословенный мир измученной и великой Империи,

уже давно Тит Лукреций Кар написал небывалую поэму «О природе Вещей», безгранична изменчивость Вселенной, а теперь озорной мудрец Овидий пишет «Науку любви», а еще «Метаморфозы» — о неизбежном превращении всех вещей одна в другую, и его ссылают умирать на край света, в далекую Таврию; а гладиаторские бои собирают десятки

тысяч зрителей в огромных амфитеатрах, звон оружия, крик трибун, кровь на песке, а в Большом Цирке под Палатинским холмом мчатся бешеные квадриги и опрокидываются на виражах;

а в неизмеримой дали восточных рубежей Траянов вал по Днепру и Дунаю прикрыл Империю от степной сарматской конницы, на севере Земли вал Адриана перекрыл Британский остров от моря до моря, защитив провинцию от воинственных пиктов, и четверть века спустя Антонин продвинул вал еще на сто миль севернее, отвоевывая и расширяя пространство всемирной державы; но уже сытость и безделье, воровство и разврат разъедали великую цивилизацию, мужчины не хотели работать и воевать, женщины перестали рожать, император Каракалла даровал гражданство всем провинциалам, всем свободным жителям Империи, сбор налогов наполнил казну, но уже толпы полноправных граждан, авантюристов и жуликов всего мира хлынули в Рим, и он был обречен:

все больше варваров служили в легионах, латинская раса растворялась, полководцы германской крови восходили в императоры,

а в неспокойной несговорчивой Палестине ширилась секта очередного проповедника-реформатора, его учение притворялось миролюбивым и ласковым снаружи, но внутри таился граненый железный стержень, этих христиан было легко убить, но невозможно согнуть, они презирали разврат, богатство, власть, презирали этот мир и говорили о вечном, Высшем, их глаза светились фанатичной истиной, и люди тянулись к ним за смыслом жизни, а тем временем легионы все чаще бунтовали и провозглашали императоров из казарм взамен убитых, варвары разоряли провинции, финансы приходили в упадок, разразилась небывалая чума и города пустели, Империя распалась на три части, собралась вновь, разделилась на четыре — учреждение тетрархии Диоклетианом, воссоединилась, разделилась вновь надвое, Западную и Восточную, Император Константин принял христианство и провозгласил его государственной религией,

(невозможно представить все отчаянье Мелвина Баррета, который ясно видел, слышал, осязал, проживал в своем

мгновенном воображении, всесильном и бессильном, отдельный роман, блестящий и великий, за каждый предложением, каждым перечисляемым годом, каждым именем — подкованые железом калиги легионеров, стучащие по каменным плитам дорог, лязг мечей и звон золотых монет, хриплые выкрики командиров и ангельское пение арфисток и кифаредов, карьера центуриона и обогащение торговца пшеницей, вот корабел передает секреты профессии сыну, а здесь семью землепашца продают в рабство за долги... каждый год, каждое событие — это серия романов, неповторимых, ярких, трагических, полных при этом юмора и надежд, побед и разочарований, рождение и смерть, смех и слезы, красота и уродство, юность и старость, волнующая девичья нагота и грубая мужская мощь, женщины прядут шерсть, гончар вращает круг и лепит горшки, пьют в портовом полутемном притоне матросы и щиплют доступных взвизгивающих девок, караваны верблюдов из Аравии, британское олово, иберийское серебро, пестрые лохмотья... боги, боги мои, хранители памяти и покровители истории, уже заполнены библиотеки монографиями ученых мужей, но только трепетом нервов, кровью сердца, всем замиранием дыханья своего ты можешь вдруг ощутить, прикоснуться, втянуть запахи времен великих и славных, всю вонь и ароматы людского канувшего житья, оно длится, оно звучит и движется, ибо жизнь никогда не кончается, это эстафетная палочка, волшебная палочка жизни передается по эстафете, никто никогда не умирает, пока жив ты — живы все, помни это, сука, помни, тварь, помни, любимый мой, мой герой, мой единственный, никто, кроме тебя, не оживит их всех, не оживит все времена, береги себя, но так береги, чтобы не щадить себя ради единственного дела, для которого ты рожден на свет — чтобы продолжалась жизнь, вся жизнь, чтобы жили все, а иначе сдохни, иначе я сам убью тебя)

перенес столицу из Рима в восточные провинции, в Византий, и нарек его Константинополем, и варвары во главе с Аларихом захватили и разграбили Рим — впервые за восемьсот лет! — с тех пор император Западной Империи покинул Рим и переехал в Равенну, но вестготы уже

бегут от гуннов на правый берег Дуная, от голода продавая детей в рабство, сотни тысяч воинов сходятся в резне на Каталаунских полях, и кровь задушила вождя гуннов Аттилу на собственной свадьбе, но пары лет не прошло, как Рим вновь пал, на этот раз разграбленный подчистую и осквернённый вандалами, а там германский предводитель западных римских, а по сути германских легионов, Одоакр, лишил власти последнего Западного Императора Рима! — Ромула Августула и принял от константинопольского (восточного), теперь единого Императора Зенона полномочия наместника,

но тот 476 год, падение Западной Римской Империи, еще не был концом великой античности: латинские племена Рима растворялись в пришельцах долго, еще в 249 году разразилась пятнадцатилетняя опустошительная чума, в 438 году Валентиниан III наложил окончательный запрет на гладиаторские бои;

а все более нетерпимые христиане уничтожали античные статуи, построили уродливую церковь на Акрополе, а в 391 году разрушили огромный и прекрасный храм Сераписа в Александрии и сожгли большую часть крупнейшей в мире Александрийской библиотеки, в 393 году состоялись последние Олимпийские (объявленные языческими) Игры, запретили изучение математики (связана с антихристианской астрологией)!

и был страшный конец времен и эпох — в 536 году ударил ли в Землю огромный метеорит и затмили свет миллионы тонн пыли и сажи, неведомый ли вулкан изверг нескончаемые тучи пепла, сделавшего непроницаемо-серой атмосферу, но солнце тусклым серебряным диском еле виднелось сквозь полумглу, не вызревал урожай год и другой, длинными и небывало холодными стали зимы, а лета не стало вовсе, и смертельный голод поразил мир, вымирали края и народы, а в восточном Средиземноморье землетрясения сотрясали воду и твердь, и страшная чума накрыла руины империи, заросшие лесами;

Темные Века были временем нового оледенения, переселений спасавшихся народов: постепенно терялись знания и ремесла, никто не учил детей грамоте, а воинов — боевому строю, исчезли врачи и зодчие, сложное отопление жилищ сменилось дырой в крыше над очагом, торговцы не привозили тонких тканей, вместо умерших врачей не появлялось новых, грамотность исчезла даже у королей, омовения и благовония сменились варварской вонью, бароны щелкали блох, и рыцари грабили на больших дорогах; лишь монастыри множились среди хижин и лесов, там учили латынь и молились Иисусу за высокими каменными стенами от лихих людей:

англы и саксы захватили Британию и осели на земле, и полегли в последней битве с ними рыцари Круглого стола легендарного короля бриттов Артура из сказочного Камелота, даны и юты пришли на северные побережья, основали свои королевства франки и лангобарды, грубые немытые предводители варварских орд воцарились на месте давно исчезнувших, образованных и лощеных римских наместников, чтобы, всосав и переварив (да и самим переварившись) остатки разбитых и подчиненных кельтов, победоносные германцы через тысячу лет подняли цивилизацию на новые высоты Ренессанса и далее — новейших времен,

(«европейская цивилизация — это наложение германского этноса на романскую культуру» — написал Мелвин Баррет, и на этом месте остановился, впечатленный открывшейся ему истиной: самоучки вообще отважны и впечатлительны)

а на переломе Темных Веков к Раннему Средневековью норманы, обитатели скудного Севера, будущие шведы и норвежцы, исландцы и датчане, сели в узкие легкие драккары, ударили в весла, подняли квадратный парус, и Европу накрыл Веер Викингов — двести лет бесчинствовали отважные яростные грабители на берегах северных и южных, они взяли Париж и Сицилию, прошли из Балтийского моря в Черное через Волхов и Днепр, горели монастыри и увозились жители в рабство,

а в знойной Аравии отвергнутый и оскорбленный еврейской общиной пастух Мухаммед основал новую религию, простую и категорическую в предписаниях, его последователи подняли Зеленое знамя Пророка и понесли

Ислам всем людям во все края, и были захвачены почти все христианские земли Константинополя, в 646 году калиф Омар сжег начисто Александрийскую библиотеку: «Чего нет в Коране — того не надобно»,

завоевав Сирию и Египет, в 711 году мусульмане вторглись в Испанию и, покорив ее, стремительно покатились за Пиренеи по европейским просторам, белые и зеленые газовые шарфы развевались на сверкающих шлемах, конские копыта колотили каменистый грунт, кривые сабли взблескивали, и бежали в панике неверные от воинов Джихада, пока двадцать лет спустя, уже у границ Аквитании и Франкского королевства, не остановил нашествие и погнал вспять Карл Мартелл — Молот, (но еще семь веков и более продлится Реконкиста, пока наконец христиане не освободят Европу от мусульман и выметут из Испании, с Иберийского полуострова, остатки Мавританского эмирата),

а в 800 году Карл Великий, король франков, король лангобардов, герцог Баварии и Император Запада, объединил Великую Империю, вскоре она станет Священной Римской Империей Германского Народа, в нее войдут все земли германские, а еще Франция и Чехия, Италия и Бургундия, Аварский Каганат и Испанская Марка, он покорил славян-лютичей и построил флот, отразив «Бич Божий» — викингов, он был увенчал императорской короной из рук Папы Римского, и Папа присягнул ему как вассал, из славного города Ахена правил владыка полумира Карл Великий, и казалось, что вернулся мир и порядок в Европу, что возродилась великая цивилизация уже под христианским крестом;

но сердце христианства, святой град Иерусалим с Храмом Гроба Господня, в 637 году перешел под власть Праведного Халифата арабов, жители с поклонами вручили ключи от города Калифу Омару, вошедшему пешим сквозь городские ворота в сопровождении слуги на верблюде, Омар совершил намаз в Храме Гроба Господня и заложил мечеть на Храмовой горе, но горе обрушилось четырьмя веками позднее, когда захватили Иерусалим турки-сельджуки, подвергли храмы поруганию, осквернили святыни, избивали и продавали в рабство христиан, на позор провоlокли патриарха за бороду по улицам и заключили в темницу, дым возделся над холмами иерусалимскими и плач стоял под небом, и спасшиеся от пыток и казней паломники несли весть в христианские земли:

полководец и император Западной Римской Империи, царствующий в цветущем и богатом Константинополе Алексей I Комнин, не в силах защитить свои земли и внемля молениям христиан, отставил распри расколовшейся на Западную и Восточную церкви и воззвал к могущественному главе Папского Государства, Папе Римскому Урбану II — и был город Клермон в Аквитании, и съехались епископы и кардиналы на собор в тот город, шелк и парча, иконы и ладан, псалмы и пение шествий, четки и преклонение колен, и колокольный звон плыл над шпилями и черепичными крышами, и с амвона прокричал и провозгласил Урбан II — впервые в истории, впервые за все времена! — Крестовый поход: не смеют глумиться поганые язычники над святыней святынь наших — Гробом Господним!.. и странствующий монах Петр Амьенский, обходя все страны и селения Европы, воспламенял проповедями сердца христиан, поднимались люди мирные и военные,

бедняки с семьями потянулись в огромный поход крестоносцев, мелкое свободное рыцарство возглавило вооруженную силу, голод и стычки с местным крестьянством преследовали по дороге паломников, и почти все они были истреблены турками-сельджуками в Азии, но десять тысяч воинов собрала Германия, и при выступлении во славу христианства резали они евреев в Майнце, Кельне и всех других славных немецких городах, и собралась рыцарская армия всей Европы, граф Раймонд Тулузский и папский легат, герцог Готфрид Бульонский и брат английского короля Роберт Нормандский — повелители христианского мира двинулись на неверных, лес знамен и шатров, испанские доспехи и германские мечи, конское ржание и скрип колес, разноязыкая речь и жажда крови, много крепостей пало на их пути, и со славой вошли они в отвоеванный Иерусалим, и слезы были на лицах, когда молились, и основали они христианские государства крестоносцев: Иерусалимское королевство, Эдесское графство и еще другие;

но дух мусульман не был сломлен, через полвека они отбили Дамаск, и Второй Крестовый поход закончился неудачей, еще через полвека христиане вновь потеряли Иерусалим, и в Третьем Крестовом походе сам Ричард Львиное Сердце, король Англии, не сумел отвоевать Святой Град у прославленного султана Саладина, и все последующие Крестовые походы, прямые мечи против кривых сабель, Крест против Полумесяца, Библия против Корана, Иисус или Магомет, Запад или Восток, походы общим числом восемь за двести лет, окончились исламским владычеством над Востоком;

но в Европе дух свободы и права, первый росток народовластия явил себя в Великой Хартии Вольностей: английские бароны и горожане принудили короля признать Закон над собой, и права человека на имущество и суд, свободу передвижения и неприкосновенность жизни — легли краеугольным камнем в поднимающееся здание величайшей европейской цивилизации;

и еще до Первого Крестового Похода — возник Первый Университет — в городе Болонья, в Италии! (в нем учились Петрарка и Данте, Коперник и Парацельс...) веселые озорные школяры — студиозусы — слушали лекции и вели записи, зубрили латынь и спорили на диспутах, дрались в кабаках, сдавали экзамены, пили и пели, бродили по дорогам и задирали почтенных граждан, открываются университеты в Оксфорде и Кембридже, Париже и Саламанке, там изучали богословие и философию, медицину и право, затем к ним прибавилась математика, факультеты множились, росли связи между церковью и возникающей наукой, университетом и монастырем, ваганты и магистры, епископы и поэты, влюбленный и кастрированный Пьер Абеляр пишет «Историю моих бедствий», монах-доминиканец Фома Аквинский создает грандиозное учение в теологии и философии, счастье и разуме, суммируя все сущности бытия, с ним спорит францисканец, математик и философ Роджер Бэкон: только математика может проверить и подтвердить все науки и опыты! есть опыт чувств, мысли и озарения; а юный гений Пико делла Мирандола создает свою всеобъемлющую философию: все истины есть единая истина, и все философии есть единая философия, и вне всех систем стоит человек, свободный в своем выборе,

а из бескрайних степей Азии накатились конные полчища монголов Чингиз-хана, в прах превращались города и страны, до Германии и Адриатического моря, до Палестины и Египта дошли покорители мира, непобедимые варвары — и отхлынули,

сто лет оправлялась Европа, когда на смену завоевателям пришел враг невидимый и смертоносный — Черная Смерть, Великая Чума опустошила селения и столицы в середине XIV века, трупы лежали в домах и на улицах, и доктора в клювастых масках пробирались между ними,

тогда веселый и наглый Джованни Боккаччо написал неслыханно непристойную и веселую книгу многих веков — «Декамерон», переписчики засели за работу, художники разрисовывали манускрипты красочными миниатюрами, богачи и знать слали их в подарок — Высокое Средневековье сменялось радостной, мощной зарей Ренессанса —

и военная мощь расцветает в общем подъеме: алхимик и химик монах Бертольд Шварц смешивает в ступе селитру с древесным углем и серой — адская смесь получает название пороха: появляются пушки, кулеврины, аркебузы, свинцовые пули вооруженных простолюдинов пробивают рыцарские доспехи, серый дым заволакивает поля сражений, закованная в броню конная знать перестает быть господствующей военной кастой,

но Столетняя Война продолжала бушевать в огне и крови: Англия, Фландрия, Аквитания, Португалия — против Франции, Кастилии, Богемии, Генуи: резались за претензии на земли и короны, Плантагенеты и Капетинги, английские лучники против латных французских рыцарей, Черный Принц, колья против конницы, выкупы за пленных королей, коронация в Реймсе и сожжение Жанны д'Арк, англичане покинули континент и Карл VII Победитель объединил Францию,

и в том же 1453 году великий султан Мехмет II, белый шелковый тюрбан, вислые усы, пронзительные черные глазки, взял наконец Константинополь, съежившаяся Западная Римская Империя, тень былого могущества,

окончательно пала, христиан изгоняли, резали, продавали в рабство, Османская Империя турок наглухо перекрыла все пути из Европы в Азию, замерла мировая торговля, скудела казна государей, жажда наживы и поиска пути к ней толкнули энергичных честолюбцев в географические авантюры —

(и тогда же! как тихо, незаметно... в немецком городе Майнце Иоганн Гутенберг изобрел не только печатный станок, но и металлические литеры, наборный шрифт, и напечатал латинскую грамматику, папские индульгенции, наконец Библию! — мир изменился, в цивилизации началась великая эпоха печатной книги, информационная революция, вызревало Просвещение)

— так началась Эпоха Великих Географических Открытий: обуреваемый идеей найти путь в недоступную сказочную Индию, обогнув Землю с противоположной стороны, генуэзец Христофор Колумб убедил финансировать морскую экспедицию короля Испании, три крошечные каравеллы взяли курс на Запад, через неведомый и бескрайний океан, и достигнутый ими тропический дикий рай оказался не Вест-Индией, но Америкой! — после второй колумбовой экспедиции это стало ясно, и португалец Васко да Гама, плывя по маршрутам инфанта Генриха Мореплавателя и далее впервые обогнувшего Африку, открывшего Мыс Доброй Надежды Бартоломеу Диаша — рыцарь военно-монашеского ордена Сантьяго и победитель морских сражений Васко да Гама достиг Индии! — были открыты Азорские острова и Амазонка, Джованни Кабото, в английской службе Джон Кэбот, обошел атлантический берег Канады, нанеся на карту Лабрадор и Нью-Фаундленд, все ветра Атлантики и Индийского океана вздули паруса испанских и португальских, французских, голландских, английских кораблей — утлых смоленых скорлупок: вскоре их сменят бокастые многопушечные галеоны, они достигнут Полинезии, Океании, пересекут Тихий Океан и на Западном побережье Америки будут закладываться форты, вокруг которых вырастут города...

ступите на палубу этой двадцатиметровой скорлупки, два метра осадки, сто тонн водоизмещения, полтораста человек команды как сельди в бочке, полтора метра высоты межпалубное пространство, еле вмещается капитан в свою крошечную отдельную каюту на юте, дюжина бронзовых пушек, сухари и солонина в бочках, смолой и солью, дегтем и пенькой пропах корабль — на годы уходит в плавание из родной гавани, машут с берега, не все вернутся и вернутся ли вообще из неведомых краев, полных неизведанных опасностей, и кресты Святого Яго на вздутых парусах — по зеленой зыби, по вздымающимся, как горы, волнам океанских бурь, голубое зеркало штиля, палящее солнце экватора над головой, а в береговых джунглях отравленные стрелы дикарей и несметные сокровища —

но вернемся в год великий, славный и страшный 1492 — Церковь ожидала Второго явления Христа и конца истории! — исполнялось 7000 лет от Сотворения Мира согласно Священному Писанию; завершилась Реконкиста: пал Гранадский Эмират, христиане вернули себе всю Испанию, венценосные супруги Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский объявили себя католическими государями, мавры и евреи крестились или изгонялись безжалостно, в тот год и состоялась судьбоносная экспедиция Колумба, ставшего Адмиралом Моря-Океана и вице-королем Вест-Индии, и семью годами позже Алонсо Охеда и Бальбоа, Америго Веспуччи и Педро Ниньо — испанцы ринулись в Новый Свет: они жаждали золота и жемчуга, они описывали новые берега и открывали реки, они закладывали города и создавали новые страны, изгоняя и порабощая индейцев: и рядом с воинами шли священники, обращая язычников в веру Христову крестом, огнем и мечом; вот они, младшие сыновья обедневших дворянских родов, бесстрашные авантюристы и ненасытные стяжатели, воины и покорители земель:

Фердинандо Кортес, уничтоживший яркое и кровавое государство ацтеков на месте будущей Мексики; Франсиско Писарро, покоритель империи инков, основатель Перу; вот флаг Бальбоа, пробившегося через панамские джунгли, реет на берегу Тихого океана; вот Лопе де Агирре ищет сказочное Эльдорадо, Эрнандо де Сото поднимается по Миссисипи, а Франсиско де Орельяна посылает отряды по

берегам Амазонки; храпят невиданные туземцами кони, клубы дыма извергают громоподобные мушкеты, отблескивают и лязгают неуязвимые для стрел и обсидиановых мечей латы, треплет горстку несгибаемых и жестоких храбрецов лихорадка, жар и пот, могилы остаются вдоль дороги, немногие уцелевшие вернутся в Испанию богачами в ореоле легенд,

и лишь четверть века минула с открытия Америки, как отбыли от испанского берега пять кораблей капитан-генерала Магеллана с тремя сотнями отчаянных ребят — чтобы три года спустя восемнадцать уцелевших на единственном судне вернулись на родину, впервые в истории обогнув земной шар,

пока в Риме высекал из глыб белого мрамора бессмертные статуи Микеланджело, немытый в своем вечном рубище, вы все видите: Пьета, Давид, Моисей, красавец и щеголь Леонардо да Винчи уже изобрел танк, вертолет, парашют, велосипед, гений его оставался непостижим, кардиналы и короли искали его дружбы, и загадочная улыбка не сходила с лица Моны Лизы, живописец Папского двора Рафаэль расписывает лоджии Ватикана, его Мадонна грустно и счастливо улыбается младенцу,

(здесь Мелвин Баррет остановился и задумался. Кроме «Истории Средних Веков» в серии Кембриджского Университета и «Культуры итальянского Ренессанса» Якоба Буркхарда, у него были натащены и припасены еще книги, как вы понимаете. И теперь он не знал: а как же «Рождение Венеры» Боттичелли? Как арийский блондин Дюрер и его «Меланхолия»? Как мы обойдем памятью божественного Тициана и его «Данаю»? Все они были неслыханные гении, и у всех десятки шедевров: седобородый здоровяк Тинторетто и его непохожая на все другие «Тайная вечеря», страшноватый голландец Босх с его инфернальными «Садами наслаждений» и «Страшными судами», Брейгель Старший — зимние пейзажи, и крестьянские свадьбы, и слепцы, и «Триумф смерти» — эти романтики и реалисты, сюрреалисты и экспрессионисты той далекой буйной эпохи — их упоминать и прославлять всех? невозможно, но невозможно и пропустить: их муки и радости, славу и ни-

щету, почет и золото, восторженное дрожание в груди и повисший в воздухе вздох зрителей: перепачканные в краске пальцы, палитры и мольберты, кисти беличью и колонковые, свиные и соболиные, загрунтованный холст и лепное золото рамы, бархатный берет и живописное рубище: Джотто, Эль Греко, Мантенья, Гирландайо, пронзенный стрелами Святой Себастьян и Папа Лев X с кардиналом Медичи, грешники в аду «Легенды о Святом Христофоре» и порочные епископы Жана Фуке... но как прекрасна жизнь! как блестящ лишенный стыда талант, как филигранно мастерство бессмертных служителей прекрасного, проницателей души человеческой сквозь покровы лиц и тел... мы видим, мы внемлем, мы живем ими — и они переживут нас, как пережили уже двадцать, тридцать поколений простых смертных, одаренных ими)

и в те же времена, великий перелом на XVI век, сын немца, европейский ученый и польский священник Николай Коперник создает великий труд «О вращении небесных сфер» — не Земля центр Мира, но вокруг Солнца вращаются она и все планеты: все перевернулось! — так начинается новая наука, новое представление о Мироздании; через сто лет Галилей, великий физик и родоначальник классической механики, изобретатель телескопа (лунные кратеры, спутники Юпитера, пятна на Солнце!) был обвинен Ватиканом и экспертами Святой Инквизиции в ереси за распространение теории Коперника, легендарный скандал! отречение, предсмертное: «И все-таки она вертится!»; философ Френсис Бэкон Веруламский, лорд-канцлер Англии, оставляет в веках: «Знание — сила» (о, высокие шляпы с серебряными пряжками на лентах, башмаки с бантами, кружевные воротники и шероховатые от следов оспы лица...), а Иоганн Кеплер уже расчислил орбиты планет, на Площади Цветов в Риме горит на костре Джордано Бруно: но Вселенная бесконечна и множество в ней обитаемых миров и планет! ах, я мыслю — следовательно, я существую, пронзил сознание Рене Паскаль, а в Голландии, где давно шлифовали линзы и составляли из них сильно увеличивающую изображение трубку (она станет подзорной трубой, телескопом, биноклем, перископом) — Антони ван

Ливенгук смастерит первый микроскоп, под которым сумеет разглядеть живую клетку: биология и астрономия рванут вперед, вглубь и ввысь стремительно! –

раскованная мысль сокрушает основы тысячелетних порядков, трещат устои Церкви и Государства: доктор теологии Виттенбергского университета Мартин Лютер прибивает к дверям церкви свои «95 тезисов»: что значит «индульгенция» — отпущение грехов за деньги?! не назначал Господь своим безгрешным наместником Папу Римского! есть одна истина — Священное Писание! и оно должно быть понятно верующим — долой латынь, Лютер перевел Библию на немецкий; (как тесен мир! бургомистром Виттенберга был Лукас Кранах, тот-тот, гениальный художник — в его доме и жила Катарина, оставившая монастырь и ставшая женой Лютера, мать их шестерых детей) — служение Христу и жизнь по Его заветам не нуждается в монастырях, они упразднялись, нечего наживаться на посредничестве между верующим и Богом; французский теолог Кальвин бежал в Женеву и как пастор возглавил разворачивающиеся в Швейцарии, на юге Франции, в Нидерландах реформы: пламенный и непримиримый аскет, он утверждал о предопределенности судьбы и греховности всех дел человеческих, но только в свершении дел богоугодных провозглашал спасение, отрицал иерархию и власть Римской Католической Церкви и учил прямому обращению к Богу, он приветствовал науки и просвещение; теолог и философ из Цюриха Ульрих Цвингли выступил с теми же реформами, отрицая громоздкий католический церемониал и утверждая истину Писания как руководство в простой трудовой жизни, он погиб в сражении протестантских кантонов против католических; саксонский священник Томас Мюнцер пошел дальше всех — огненный оратор и проповедник стал народным вождем: приход Тысячелетнего Царства Истины Божией провозгласил он, идея равенства и братства опьяняла и вдохновляла толпы — миллениалы XVI века ломали иконы, жгли церкви, тираны подлежали истреблению: началась великая крестьянская война за построение евангельского коммунизма, из Германии она перекидывалась в Швейцарию

и Австрию, 300 000 восставших влились в вооруженные отряды: ты можешь не знать молитвы и церкви, но живущий в труде и благочестии — и есть истинный христианин; выступления подавили, Мюнцер был казнен, но протестантизм укоренялся в Европе,

религиозные войны бушевали, Варфоломеевская ночь и последующие погромы во Франции стоили жизни 30 000 гугенотов, наместник испанской короны герцог Альба вырезал и жег кальвинистов в Нидерландах, Мария I Кровавая преследовала и казнила английских протестантов, в 1555 году епископ Хью Латимер, всходя на костер вместе с епископом Николасом Ридли, произнес бессмертное: «Ободрись и будь мужчиной, Ридли, ибо сегодня с Божьей помощью зажжется свеча, которую им не потушить в веках» — и в том же году в Аугсбурге заключили Унию между католиками и протестантами, приняв знаменитую формулу: cujus regio — ejus religio — «кого власть — того и вера»: вроде и свобода выбора религии — и власть государей-герцогов-графов самим устанавливать конфессию в своих владениях, —

«Париж стоит мессы», — отозвался любимый король Франции, ах Анри IV, неотразимо обаятельный циничный прагматик, источающий густой мужской дух обольститель и хладнокровный дипломат, протестант стал католиком и примирил истекавшую кровью страну, Елизавета Тюдор превращала Англию в Великую Британскую Империю, а Филипп II Испанский наводнил Европу серебром из Нового Света, пузатые галеоны везли его вместе с золотом и платиной, вчетверо подешевели драгоценные металлы, цены взлетали, Испания разорялась проклятием сырья: работать и производить стало невыгодно, экономика рушилась,

а однорукий ветеран, брошенный в тюрьму за казенную растрату чиновник Мигель Сервантес, пишет у зарешеченного окошка «Дон Кихота», «испанский феникс» Лопе де Вега за ночь, с кувшином вина, создает очередную из бесчисленных пьесу, за Английским каналом Шекспир скрипит гусиным пером при свечах: рождается трагедия, и надпись вьется над театром «Глобус», что на правом берегу

Темзы близ Лондонского моста: «Totus Mundus Agit Histrionem» — «Весь мир лицедействует»; Париж читает стихи Ронсара

и начинает благоухать. Европа уже мылась! Возвращалась античная гигиена, забытая вшивыми и нестиранными Средними Веками. Торговый город и порт Марсель производил мыло с XII века, а ко времени Людовика-Солнца семь мыловаренных заводов Марселя снабжали пол-Европы, производя 20 тысяч тонн — 20 миллионов килограмм — двести миллионов стограммовых кусков, если делить, — в год! 5 тысяч тонн ежегодно делало одно только Вестминстерское мыловаренное общество — то есть сто миллионов пятидесятиграммовых (привычных нам сегодня) кусков мыла.

Королевский пират сэр Фрэнсис Дрейк совершил Второе кругосветное путешествие и привел в Англию корабль, осевший под грузом золота, началась Эпоха Колонизации, испанцы и англичане оспаривали новые земли друг у друга, маленькие Португалия и Голландия стали великими морскими и торговыми державами, экипажи вымирали от цинги, уже открыта Австралия голландскими капитанами, на самой южной оконечности Африки — Мысе Доброй Надежды — заложен город Капштадт, уже Английская Ост-Индская Компания стала прибирать к рукам Индию, матросы щеголяли в портах татуировками (экзотика дикарей) и серьгой в ухе (знак пересечения экватора!), на берегах Америки и Азии вырастали форты, и пушки стерегли прибыли торговых факторий;

Провинции Нижних Земель, Нидерланды, десятилетиями воюют против оккупантов-католиков — добиваясь от Испании свободы, кровавый герцог Альба безжалостно подавляет восстания, трибуналы свирепствуют, костры и плахи, «оборванцы»-гезы разбивают прославленные испанские пехоту и флот, и образуется Республика Соединенных Провинций, маленькая, трудолюбивая и богатая страна свободных ремесленников, крестьян, моряков, торговый центр мира,

в лихорадке подъема страны сцепились в самой первой мировой войне европейского масштаба — Тридцатилетней,

«Снежный король» Густав Адольф расширил Швецию в мощную державу с передовыми армией и флотом, Балтика стала ее внутренним морем, мудрый и расчетливый кардинал Ришелье объединял Францию, ломая дворянское своеволие (поклонимся Дюма: д'Артаньян и три мушкетера — это их время!), Вобан создавал свои крепости с фортами и бастионами — еще 300 лет будут строить так, в Англии зарезали всесильного первого министра Бэкингема, Испания продолжала слабеть,

и вот прогремело неслыханное в мире — Революция! — в Англии Парламент объявил войну королю, и сверг, и лишил власти — смотрите: под барабанную дробь законный король с достоинством всходит на плаху, Кромвель становится диктатором и преобразует Англию: она уже республика! власть сильным и богатым из народа, промышленный переворот свершился, капитализм начал свое железное шествие,

а турки, Османская империя, захватив все Балканы, Причерноморье, Венгрию, опять штурмуют Вену, пока двухсотлетнее исламское нашествие не будет остановлено крылатыми гусарами Яна Собесского, победоносным королем Польши, и останется недобрая пословица: «Где турок прошел — там сто лет трава не растет», (забыли, забыли блестящую, огромную и страшную империю! забыли про закон, по которому вступающий на престол султан обязан удавить всех братьев от всех жен и наложниц отца — страхуя власть от посягательств, забыли, как отбирали и крали мальчиков по завоеванным странам и бросали в казармы, воспитывая преданную нерассуждающую гвардию — янычар, а иных кастрировали в евнухи для стражи в гареме, забыли, как вырезали поголовно греков, болгар, армян, как тряслась в страхе христианская Европа перед наступающим нашествием),

то век Короля-Солнца Людовика XIV: «Государство — это я» (невысокий красавец, стройные ноги, ледяное самообладание, железный ум, сонм фавориток) созданная Ришелье Французская Академия начала систематизировать язык, науки, искусства, Корнель своими драмами создал национальную французскую трагедию, Расин обращается

к античным сюжетам, навсегда прославился своими баснями Лафонтен, неслыханные, народные комедии Мольера клали зрителей вповалку, и литературный законодатель и эстет Никола Буало сводит и канонизирует господствующую теорию классицизма; но совсем другой поэт, критик и академик Шарль Перро затмит в веках всех и станет любим народами — сказки, сказки напишет он: Золушка и Кот в Сапогах, Красная Шапочка и Мальчик-с-Пальчик, их переведут на все языки мира, поставят балеты и снимут кинофильмы — это наш мир, наша культура, наши герои!

а на другом берегу Атлантического Океана, в Новом Свете, голландские колонии растворяются в английских, английские воюют с французскими, обороняются от набегов воинственных индейцев и сами уничтожают и теснят дикие племена, завозят из Африки черных рабов на плантации — хлопковые, табачные, чайные, а на юге Америки испанцы и португальцы смешиваются с местными племенами и завезенными неграми в гремучую анархическую смесь, эпоха колониальных войн (англичане бьют в Канаде французов) отзывается сражениями в Европе —

длинноносый король Пруссии Фридрих II Великий, Старый Фриц, отбиваясь от всех, громит Францию, Австро-Венгрию, Россию и начинает объединять будущую могущественную Германию, мысль его кипит, в Пруссии создает свою философию, которую назовут классической, педантичный Иммануил Кант,

при этом и Фридрих II, и воюющая с ним императрица Австро-Венгрии Мария-Терезия вводят для подданных обязательное школьное образование! настало новое время — все чаще употребляли слово Прогресс:

великий Ньютон уже перевернул мир и создал новую науку, Томас Гоббс и Джон Локк заложили основы новой политической философии, во Франции поднимается волна Просвещения, она изменит сознание людей — Руссо с «естественным человеком», Монтескье и его «дух законов», язвительный и блестящий Вольтер, знакомства с ним искали короли, и огромная «Энциклопедия» Дидро — рациональное мышление вытесняет религию, в центр мира становится человек, благо народов мыслится смыслом госу-

дарств, «удавим последнего аристократа кишкой последнего попа», а над Версалем, над венценосной головой короля, взлетает первый в мире воздушный шар — наполненный горячим дымом аэростат, созданный братьями Жозефом и Жаком Монгольфье — монгольфьер, так эти шары и будут называться: человек поднялся в воздух, человек научился летать — исторический шаг сделан!

и вот Солнце восходит с Запада: Бенджамен Франклин создает проект Союза Североамериканских Колоний со своим правительством, в «Бостонском чаепитии» летят с кораблей в воду ящики с чаем, в Филадельфии открывается Первый Континентальный Конгресс — напудренные парики джентльменов и обветренные лица пахарей и скотоводов (о, это седая легенда — почти все были юристы, бизнесмены и плантаторы), делегат от Вирджинии отставной полковник Джордж Вашингтон назначается командующим Континентальной Армии, генералом, и в 1776 году Второй Конгресс принимает предложение Джона Адамса о создании независимых от Англии штатов, по штатам проходит принятие демократических конституций, все привилегии отменены, власть переходит к народу равных; семнадцать суток Томас Джефферсон работает над Декларацией Независимости, свечи, красные глаза, груды книг, зачеркнутые и вписанные строки; пороховой дым, блеск штыков, красные мундиры британской пехоты и крики — битва при Лонг-Айленд и сокрушительный разгром повстанцев, Бетси Росс шьет первый американский флаг с тринадцатью пятиконечными звездами, сражение при Монмуте, французские добровольцы, польские волонтеры героя Польши Тадеуша Костюшко, немецкие батальоны, осада Йорктауна, — и вот Парижский Мир: Соединенные Штаты независимы! пятнадцать лет войны, сироты и сожженные города, еще годы — и принимается бессмертная Конституция: четыре страницы ровным убористым почерком, семь статей — первое в мире демократическое государство, созданное и управляемое народом равных, где утверждено право каждого на свободу, правосудие и благосостояние,

так пламя свободы перекинулось в Старый Свет: грянула Великая Французская Революция (французские волонтеры

вернулись из Америки домой): Генеральные Штаты королевства отвергли Третье Сословие простолюдинов — и они собрались в зале для игры в мяч: громовой голос Мирабо, герой Американской Войны генерал Лафайет возглавляет Национальную Гвардию, падение Бастилии, танцующие санкюлоты и головы аристократов на пиках толпы, Декларация прав человека и гражданина, львиный рык и львиный лик Дантона, революционный Конвент смел монархию, казни короля и королевы, изобретение революции — гильотина — украсила площади городов, юристы и журналисты объединились в правящий Клуб Якобинцев и вдруг оказались кровавыми убийцами и отправляли людей на плаху беспрерывно, гниющий заживо «Друг народа» Марат разжигал ненависть, неподкупный Робеспьер возглавил Террор, великий лозунг: «Свобода! Равенство! Братство!» привел к беспощадному истреблению несогласных и просто «подозрительных», все короли Европы ополчились на Революцию с ее грозным лозунгом «Мир хижинам — война дворцам!» и страшным Декретом: «Земля, на которую ступил сапог революционного солдата Франции, навсегда делается свободной, а короны монархов падут к их ногам вместе с головами» — и все это под гром «Марсельезы»: оборванные и нищие революционные армии дерутся на всех границах, в Париже переворот и пушки сметают мятежников с улиц — и генерал Бонапарт начинает свое беспримерное шествие по Европе: он освобождает Италию от австрийцев, разбивает мамлюков у египетских пирамид, побеждает пруссаков под Иеной, громит их вместе с русскими и австрийцами под Аустерлицем вступает в горящую Москву: он реформирует законодательство, закрепляет равенство сословий и религий, права народа не подлежат угнетению, и когда он будет побежден всеми объединившимися монархами Европы — мир уже никогда не будет прежним, приняв и впитав его реформы — то была эпоха высшего взлета Прекрасной Франции и славы ее республиканского трехцветного флага!

а за проливом Англия стала конструкторским бюро и мастерской мира: неграмотный ткач Джеймс Харгривс изобрел ту самую, знаменитую механическую прялку и назвал ее «Дженни» в честь младшей (из тринадцати детей!) дочери; Эдмунд Картрайт — механический ткацкий станок с ножным приводом (производительность труда поднялась в 40 раз!), паровая машина Джеймса Уатта, появляются токарные и фрезерные станки, древесный уголь (леса стремительно исчезают) заменяют в металлургии на кокс; паровоз Стефенсона приводит к повсеместному строительству железных дорог — чад, копоть, но скорость и комфорт растут! а по Гудзону шлепает колесами и дымит первый пароход Роберта Фултона...

О великий из величайших — XIX век! он начинался с трехпалубного и стопушечного парусного корабля адмирала Нельсона, с почтовых голубей и конных курьеров, междугородных дилижансов и фаянсовых ночных горшков, пестрых армейских мундиров и балов при свечах в полумраке и духоте, с многомесячных путешествий в тесноте кают и карет — он закончится телеграфом и телефоном, электричеством и автомобилем, броненосцами и пулеметами, поездами и метро — и бескрайней верой в научный и технический прогресс, который сделает человечество счастливым и свободным!

1830 год! Первая железная дорога в Англии — Манчестер-Ливерпуль, 40 миль (и там же первый в мире железнодорожный тоннель)! Одновременно — первая в США: «Балтимор и Огайо». Через пять лет железные дороги пущены в эксплуатацию в Германии, Бельгии, далее — везде. К середине века их уже десятки тысяч миль, потом сотни, легла Американская Трансконтинентальная — от Тихого океана до Атлантического: дым паровозных труб окутал континенты, стучат колеса, блестят бесконечные стрелы рельсов, пассажиры выходят на станциях и закусывают в буфетах, все больше становится инженеров с молоточками на фуражках,

(здесь Мелвин Баррет глубоко задумался. Он, с Божьей помощью, добрался до XIX века, до взлета и расцвета, так сказать, Великой Научно-Технической Революции. Времена ее были близки, горный ландшафт не скрыт туманом, и все надписи читались ясно. Излагать ее содержание подробно — не хватит ста жизней и нет смысла, это как-то

все общеизвестно (казалось Мелвину Баррету, надолго погрузившемуся в глубины и пространства Истории и привыкшему дышать ее воздухом). А как теперь быть? Давать только самые яркие детали? Самые заметные характеры? Он понял суть своего затруднения: писатель, будь он даже историк, невольно и подсознательно ориентируется на уровень развития, на уровень подготовки своего воображаемого читателя. О:

когда писатель пишет — даже совсем искренне, даже стараясь быть не только самим собой и предельно честным художником, но даже модернистом, авангардистом, выпендрежником и эпатажником — в его сложном и многоэтажном сознании вкупе с подсознанием все равно существует, присутствует некий воображаемый, желаемый, предполагаемый читатель: ибо писатель никогда не сам по себе, но неотторжимая часть культурного процесса, зеркало, неотторжимое от объекта и отражающее его лишь для того и постольку поскольку объект существует; строго говоря, объект и зеркало, отражение и отражаемое — две стороны одного целого: это целое — человек и мир, человек как часть мира, мир как то, за пределы чего человеку не дано выйти — как бы он ни изощрялся в искажении, в трансформации своего отражающего сознания;

а посему, решил Мелвин Баррет, он уменьшит сугубо историко-фактологическое содержание романа в XIX веке, поскольку на этой площадке, на этой дистанции человек (читатель) уже более подготовлен и сведущ, и надо сосредоточить текст более на художественной его стороне; в чем, следует сознаться, автор мало преуспел, разве что изложение его стало менее последовательным и систематическим, а отдельных деталей появилось действительно больше)

то был век электричества — само слово это изобрел Уильям Гилберт, придворный врач Елизаветы I (камзол тонкого сукна, плоеный крахмальный воротник, штаны буфами), а вот Питер ван Мушенбрук (о, эти скупые дотошные голландцы) изобретает конденсатор — лейденскую банку, и великий Бенджамен Франклин — не только политик и дипломат, но ученый, изобретатель, философ — создает теорию электричества, а член Парижской Академии

Шарль Кулон (о, воздух пахнет грозами революций — в политике, в мировоззрении, в науке) открывает свой знаменитый закон взаимодействия зарядов и превращает теорию электричества в точную науку, итальянец Гальвани открывает наличие тока в живом теле, в мышцах! Алессандро Вольта изобретает «гальванический элемент — электрическую батарею, и в конце концов, после многих опытов многих изобретателей, Томас Эдисон создает электрическую лампочку, долговечную и надежную — Эдисон, предприимчивый и неутомимый, фантастически изобретательный и упорный, коварный скряга и магнат, расчетливый и блестящий — нищий мальчик, работавший сызмальства, автор тысяч патентов, изобретший фонограф и кинетоскоп и усовершенствовавший все на свете (но кажется, мы слишком заскочили вперед),

прожженные халаты, длиннополые сюртуки и крахмальные воротнички с галстуком-бабочкой, цилиндры и конные экипажи, утренняя газета, трубки и коньяк после обеда,

Сэмюэл Морзе окончательно усовершенствовал телеграф и изобрел для удобства пользования Азбуку Морзе из точек и тире, и бесконечные линии столбов с проводами соединяют планету в единую сеть, а полковник Кольт изобрел свой револьвер и уравнял шансы людей сильных и слабых, вооруженные крупнокалиберной артиллерией первые паровые броненосцы вступают в сражения Гражданской Войны между Севером и Югом...

О черт! Да посмотрите вы на эти свинцовые волны, низкие стальные корпуса, еле торчащие над водой, на пустые палубы и густой черный дым из толстой трубы, на простыни огня, вылетающие из огромных пушечных жерл с громом выстрелов; а вот первая в истории подводная атака: подлодка южан «Ханли» взрывает корвет северян «Гусатоник», тонут оба... но погодите: вот сам король Англии и Шотландии, сын Марии Стюарт Яков I лично возглавляет экипаж погружающейся на Темзе первой движущейся, успешной подводной лодки в истории (1620) — а рядом с королем, вот он, в кожаном колете, голландский механик и физик Корнелиус Дреббель, гость императорских дворов,

изобретатель микроскопа; а вот полтора века спустя школьный учитель из Коннектикута Дэвид Бушнелл строит боевую подводную лодку «Черепаха» — она уже имеет винт и балластную цистерну и создана специально для уничтожения вражеских кораблей; а вот Роберт Фултон, тот самый, изобретатель парохода, предлагает Наполеону подводную лодку «Наутилус» — медный корпус, скорость почти 1,5 узла на глубине 25 футов! тоже не надо...

А вот здесь каким-то образом оказалась страница из не то дневника, не то черновика, не то просто случайный лист, исписанный Мелвином Барретом в процессе работы (во время работы?) над своим романом, и отражающий некоторые его сомнения и даже неуверенность в разрешении грандиозного его замысла; небрежный почерк кое-где неразборчив или вовсе утрачены отдельные слова, лист этот явно лежал где-то отдельно и не предназначался вечности:

Да поймут ли меня эти невежественные тупицы, которыми стали американцы? Столько десятилетий им промывали мозги и охраняли от всякой важной информации. Они же ничего не знают, они даже не умеют считать, и пишут-то с трудом. Если бы Христофор Колум..... ...что «Нинья» имела всего 70 тонн водоизмеще..... .\. ...какой Пуллман, какой Карнеги могли б..... .....стиниано право лежит в основе закон.....

.....Кто читал сегодня «Персидские письма» Монтескье? — они же уверены, что кроме персов эти письма никому не нужны; кто знает, как отправили на гильотину Лавуазье, с напыщенной глупостью парвеню, дорвавшихся до власти, возвестив: «Революция не нуждается в ученых!».....и вот опять Американская Революция не нужда..... ...голова Робеспьера упала в корзину с отрубями, вязальщица перед эшафотом воскликнула: «Бис!»

.....победитель персов при Саламине и спаситель Эллады Фемистокл был из зависти подвергнут остракизму и изгнан — такова черная неблагодарность, которой платят элиты и народ своим благодетелям, слишком возвысившимся свершениями..... Фидия обвинили в воровстве золо.....

...Да есть ли вам дело до последней терции и последних

слов ее командира: «Это — испанская пехота!» Помните ли вы, самоходные мусорные мешки, кому и когда адресован ответ генерала Камбронна: «Дерьмо!»? Вы в курсе, что адмирал Нельсон был уволен с флота за борьбу с коррупцией британской колониальной администрации? А какая Эдда старше — Старшая или Младшая? ублюдки...

..... я забыл, сколько мне лет! Помню только, что не видел людей четыре зимы, не меньше... кажется. Что там происходит в мире? Я не знаю даже, есть ли еще школы, умеет ли еще молодежь читать. Я живу среди коробок и ящиков с моими книгами, книги на досках вдоль стен типа полок, я проветриваю хижину, чтобы бумага не отсырела. Я живу во всех временах... и начинаю забывать, какое из них — мое. Королевские дворы и толпы крестьян живут и хлопочут в моем мозгу, все эти открытия и шедевры сводят меня с ума, реально, в самом прямом смысле.

Спешить, спешить! Пока я жив, пока мы живы, пока еще нас всех не поставили к стенке, пока меня не нашли в моем убежище, не пристрелили, не повесили, не забили ногами фашистские штурмовики.

.....моя земля, это мой народ, это моя история — и это моя раса, черт побери вас всех! Мы пустили вас в наш дом, посадили за наш стол, научили нашим наукам — и за это вы решили унизить, оттеснить и истребить нас? Когда настанет Час Истины и День Гнева, мы.....

.....знать и помнить! Помнить и гордиться! Мы наследуем им — мы не смеем пустить по ветру их наследство, их гений и труды, их славу и подвиги, их оза.....

Я не знаю, прочтет ли кто-нибудь когда-нибудь мою книгу, мой великий роман. Но знаю, что если не напишу его — тогда точно никто не прочтет. Так что надо работать.....

..... пока я жив, пока я знаю и помню — История существует!

Вот они стоят! — вы их всех знаете:

Слава нашей мысли, нашего слова, нашей великой литературы: Гете в осыпанном орденами мундире вырезает

ночью на оконном стекле алмазом бессмертные строки: «Горные вершины спят во тьме ночной...» Гофман в темно-зеленом суконном сюртуке, обгрызенное гусиное перо, безумная фантазия сказок: Крошка Цахес приписывает себе все подвиги и достижения всех окружающих; хромой шотландец Вальтер Скотт создает новый исторический роман: бедный рыцарь без страха и упрека на фоне реальных королей в водовороте исторических событий; и короли нового времени, как и простолюдины, плачут над судьбами маленьких людей беспощадного и ироничного реалиста Диккенса; а за Каналом, во Франции, где отгремела и отсверкала феерическая слава Наполеона — суровый стоик Бальзак (ночь, свечи, ноги в тазике с холодной водой, двадцать чашечек крепчайшего кофе) вскрывает народившееся буржуазное общество, гений острее скальпеля, и с жестяным шелестом обнажаются сильные характеры — удача не приносит счастья; богоподобный Виктор Гюго, первый поэт Франции, создатель бессмертных книг, о Квазимодо и Эсмеральда, еще достраивается Собор Парижской Богоматери; и д'Артаньян, первая шпага королевства, неунывающий жизнелюбивый гасконец и «Три мушкетера» — толстый и распутный кутила Дюма, щедрый как бог и работоспособный как дьявол, четыреста романов, тысяча гостей на пиру в замке — и разорился, конечно, румяный и кудрявый добряк, вокруг которого вспыхивал сам воздух — но благородный мститель граф Монте-Кристо бессмертен! а в библиотеке корпит над книжными каталогами Стендаль, мешковатый, застенчивый и неловкий, неудачлив с женщинами, он пишет величайший роман психологии любви: «Красное и черное» — и блестящий стилист Мериме (Кармен! Кармен!) сожалеет о скромном даровании Стендаля (ну-ну);

а в заснеженной, царской, бескрайней и рабской России исходит с эшафота, с каторги, с ссылки в солдаты — Достоевский: и безжалостно обнажает такие глубины сознания и подсознания, что охватывает ужас, брезгливость и безнадежный стыд за свою человеческую сущность, но рядом высится второй русский гений — Толстой: картежник, распутник, авантюрист, боевой офицер, мужчина бес-

конечно здоровый, — а затем гениальный отобразитель движений души человеческой во всей простоте их истинных мотивов и желаний: эталон честности, к старости он впадет в наивное морализаторство, и следом явится внеморальный Чехов с его драмами, где ничего совершенно не происходит — но за обыденностью жизни складываются и разбиваются судьбы и мечты, —

но не таков был Запад, где маленький, усатый и очкастый Киплинг воспел стойкость и мужество белого человека, без ропота умиравшего и ценой жизни побеждавшего в дальних уголках Империи, и где в Новой Англии за океаном Джек Лондон — забияка, матрос, золотоискатель — сложил гимн настоящему человеку — трудяге, бойцу, победителю, не знавшему отступлений и рассчитывающему только на собственные силы,

о, это был мир, где француз Ламарк впервые построил стройную теорию развития жизни — развития всех форм живых существ — теорию эволюции (революционной Франции было не до наук, мы уже видели) — «Философия зоологии» назывался эпохальный труд, и через полвека добросовестнейший Чарльз Дарвин издал «Происхождение видов» — общество созрело, зерно упало на взрыхленную почву, в мировой науке произошел переворот, и никто еще не знал скромного монаха Менделя и не слышал о генах,

и что характерно: технические изобретения, наука, искусство — и философия! — развивались параллельно, единое информационное облако, или единое тело культуры, считайте как угодно:

сначала мы помянем — кого ж еще на первое место! — мистера Адама Смита, которому достало ума и знаний создать экономику — теорию экономики как науку! — и следом за ним Давида Рикардо; а Конт, гениальный Огюст Конт (простите за повторения, но даже величайших гениев цивилизации невозможно всех поименовать — да что поименовать, просто перечислить! — в нашем скромной [нескромном] сочинении) Конт постиг и изложил объективный характер истории, объективность законом развития общества!!! не волею королей, не подвигами героев и не прихотями случая и природы — но сущностью вещей

и самим устройством Мира меняется социум и государство. Эта социальная эволюция потрясла умы, перевернула Историю!

И над этой Историей нависла громоздкая и страшная в своих пророчествах и их последствиях фигура Карла Маркса — эта грива, эта борода, эти бесчисленные памятники и портреты! — Маркс научно предрек конец капитализма и всевластие пролетариата: пророчество не сбылось, но десятки и десятки миллионов жизней легли на алтарь революций, расстрелов, концлагерей и диктатур: его приглаженная копия, фабрикант Энгельс, спонсировал Маркса своим буржуйским эксплуататорским золотом и завершал его книги; и уже возник Интернационал как объединение социалистов, и социал-демократические партии, а немец Штирнер и француз Прудон с неудержимыми русскими Бакуниным и Кропоткиным изобрели анархизм как теорию и руководство к действию («Динамиту, господа, динамиту!»), в России нигилисты взрывали министров, генералов, начальников полиции и самого царя! мир зашатался!

но стройное, как готический собор, и всеобъемлющее, как звездный свод учение создал англичанин и путейский инженер (масштабное рациональное мышление! учет всех деталей и нагрузок!) — Герберт Спенсер! пусть лысина и пышные бакенбарды не обманывают вас внешностью эсквайра, его синтетическая философия связала всю биологию и социологию в единую эволюционную сеть — и с корректнейшей наглостью объяснила вообще все;

этих рассуждающих и говорливых мудрецов теснит толпа истинных аристократов мысли — ученых: их роль в стремительном взлете цивилизации все весомее: век машин, пара и электричества! — курчавый бонвиван Андре Ампер обнаруживает направление электрического тока; еще один красавец-шатен, Майкл Фарадей, открывает явление электромагнитной индукции, создает теорию электромагнитного поля, конструирует первый трансформатор — и первый электродвигатель: по этой модели электродвигатели делаются и поныне! а Георг Ом с его известным всем школьникам законом, связавшим силу и напряжение тока с сопротивлением проводника?

но далее, в приближении двух Джеймсов — Джоуля и Максвелла, мы от электричества переходим к открытию нового уровня Природы и созданию новой науки, которая станет базовой для всего естествознания (прошу осознать и встать!) — переходим к Термодинамике. Бедный врач, непризнанный открыватель Первого Начала — Закона сохранения энергии Юлиус Майер, и Джоуль (Закон Джоуля-Ленца, джоуль как единица измерения энергии, работы и теплоты), доказавший этот Закон; Рудольф Клаузиус и Уильям Томпсон, лорд Кельвин: Второе начало термодинамики, температурная шкала, Абсолютный Ноль температуры Космоса, теория Тепловой Смерти Вселенной — открывшаяся как научное откровение эсхатологии, обоснование Конца Света; и Гельмгольц с его: «Жизнь есть форма захвата свободной энергии»,

как горели глаза сочинителей, романы Жюля Верна положили начало научной фантастики, жанр литературы из утопии превратился в сбывающееся пророчество: подводные лодки, полет на Луну (трое в снаряде, размеры реальны, время полета совпало с «Аполлоном»!); Герберт Уэллс напишет не только о войне миров и трансплантологии — он предскажет атомные бомбардировки!

а доктор Ливингстон проникает в сердце тропической Африки, на его поиски отправляется американский журналист Стэнли, открыты истоки Нила, Конго, озеро Танганьика, Килиманджаро — строятся дороги и мосты, школы и церкви, колонизаторы, лекарства, плантации и шахты — с эксплуатацией приходят грамотность, смягчение диких нравов, гигиена и резкое падение смертности, Сесил Родс создает целое государство, это эпоха авантюристов, любители приключений жаждут богатства,

и мир зачитывается романами об отважных путешественниках, открытиях и опасностях на море и на суше, родилась плеяда прославленных авторов: Майн Рид, Фенимор Купер, Луи Буссенар, Капитан Марриэт и Райдер Хаггард, блистательный Стивенсон, Гюстав Эмар и Луи Жаколио... воспитанные на этих книгах мальчишки откроют Северный и Южный полюсы Земли, проложат железные дороги через континенты, будут гонять чайные и шерстяные

клипера через семь морей и два океана, возведут города в пустынях и станут трястись от малярии в джунглях,

а в России царь отменил рабство, освободив крестьян собственного русского народа, и буквально через пару месяцев началась Гражданская война США между Севером и Югом, закончившаяся освобождением черных рабов: 600 000 граждан отдали жизни за их свободу... почти каждый десятый мужчина Америки; памятник Честному Эйбу, президенту Аврааму Линкольну...

но железный канцлер Отто фон Бисмарк шагнул дальше всех: пенсии для рабочих, медицинское и социальное страхование! немецкая школа была поднята на новую высоту — и после победы во франко-прусской войне Бисмарк сказал, к сведению политиков и полководцев мира: «Эту войну выиграл немецкий школьный учитель»: отныне побеждать будут более квалифицированные армии, сообразительные и грамотные солдаты;

вдоль улиц европейских столиц заблестели рельсы, и по ним покатили, звоня, электрические трамваи Эрнста фон Сименса — одновременно в Нью-Йорке и Питтсбурге побежали трамваи Лео Дафта, а по железным дорогам уже путешествовали в спальных вагонах Джорджа Пуллмана, эти пассажирские вагоны еще сто лет так просто и назывались — «пульман»,

и вот сумасшедший философ, усатый, одинокий создатель Сверхчеловека — Фридрих Ницше — и с ним кончается великий XIX век! и создатель психоанализа — всем правит подсознание! — Зигмунд Фрейд, зажав в зубах неизменную сигару, приступает к своим главным трудам...

(Мелвин Баррет пришел в отчаянье, поняв, что упустил в плане романа бесконечно много — нельзя же рассказать обо всех и обо всем — но кое-что из не включенного в окончательную редакцию необходимо как-то вернуть и добавить):

Кто этот суровый мужчина? — а-а: «Господь Бог создал людей сильными и слабыми, а полковник Сэмюэл Кольт создал свой револьвер, чтобы уравнять их шансы»; кольт в кобуре болтается на поясе, а пояс на джинсах ковбоя, а джинсы? — а, баварский еврей Леви Штраус, подхваченный золотой лихорадкой, отправился в Калифорнию и уже как Ливай Страусс сшил партию штанов из остатка корабельной парусины, закрепив углы карманов заклепками; а это Исаак Зингер нажимает ногой педаль, приводя в действие свою швейную машинку; а за столом Кристофер Шоулз тарахтит на своей пишущей машинке, первом Ремингтоне; под окном его катит Джон Старли на велосипеде с цепной передачей, родоначальнике всех велосипедов последующих времен...

вспомним ли мы Шлимана, раскопавшего легендарную Трою? Шампольона, расшифровавшего египетские иероглифы? они открыли нам древнейшую нашу историю;

а кому обязано человечество десятками и сотнями миллионов жизней? Луи Пастер, создатель теории и практики вакцинации, вакцин от бешенства и сибирской язвы; отец антисептики Джозеф Листер с его карболовой кислотой; Роберт Кох, борец с туберкулезом, холерой, малярией; Владимир Хавкин, создатель противохолерной и противочумной вакцин;

...и у всех у них — у всех у них! — были возлюбленные и семьи, или одиночество и личные драмы, они творили в муках и радостях, они были цветущими юношами, потом зрелыми мужами (гладкая юная кожа покрывалась морщинами и увядала, тускнело сияние глаз, черные или русые кудри редели) потом старцами, лысыми или седыми, сутулыми и дряхлыми, пожинающими лавры свершений зрелых лет; потом их хоронили, плакали над могилами родные, вспоминали лучшие дни друзья, шумела листва наверху или мороз серебрил голые ветви, памятники стирались дождями и ветром, и уже не вспомнить, что они любили есть и пить, чему смеялись, как часто ходили в храм, гладили собак или кошек, растили детей и мечтали — они мечтали! — о лучшем будущем для человечества: будущем, которое они создавали в бессонных ночах, в безденежье и болезнях, в торжестве побед и наград; они были вспыльчивы или терпеливы, кто-то отличался ревностью и коварством, кто-то щедростью и добротой, одни были смешливы, другие меланхоличны, болтливость и молчаливость, редкая скромность и частое хвастовство, среди них встречались

щеголи и неряхи, распутники и девственники, умелые спекулянты и бескорыстные простофили, отъявленные карьеристы и затворники — им завидовали, на них клеветали, ими восторгались и заискивали знакомств, сами они искали покровителей или посылали подальше кредиторов, они дружили и ссорились, упорно и терпеливо шли к цели, преодолевали провал за провалом... один не терпел конкурентов, другой был падок на придворные должности и ордена, третий не признавал своих незаконнорожденных детей, у четвертого пальцы были желтыми от табака, один благоухал духами, другой застарелым потом... какими разными они были, какое множество неповторимых личных черт!..

но они, железная когорта первопроходцев цивилизации, эстафета избранных из элит всех поколений, соль земли, гордость рода человеческого, свет в тоннеле Времени, факелоносцы, творцы, реинкарнация Демиурга в нашем земном мире,

и никто никогда не узнает, то был эллин или римлянин, сказавший первым слова, которые тысячи лет спустя повторил человек благороднейшей из профессий — голландский врач Николас ван Тюльп, и тем будет помянут со всеми:

Consumor aliis inserviendo
Служа другим, расточаю себя

. . . . . .

И, написав эти слова и поставив последнюю точку, Мелвин Баррет уперся локтями в стол и долго смотрел за окно своей хижины, на узорные голубые пятна неба между лесных крон. Он не мог унять глубокое дыхание, руки его дрожали, в горле стояли слезы.

Ему виделась огромная гора, пологая вершина которой поднималась из клубов бескрайней пелены тумана. Много людей стояли на той горе, туман скрывал стоявших ниже, а чем выше — тем крупнее казались фигуры. Они стояли, молодые и старые, в набедренных повязках и белых тогах, в латных панцирях и бархатных камзолах, цветных сюртуках и черных фраках с манишками, в напудренных париках и лысые, смуглые и альбиносы, молодые и старые, стройные и толстые, глаза их были голубые и серые, карие и зеленые — но лица всех были суровы и мудры, печать больших дел лежала на них...

— И все это были белые мужчины, — тяжело и утверждающе проговорил Мелвин Баррет, медленно выныривая в действительность. Он открыл заветный ящичек, который называл сейфом, достал бутылку бурбона «Уайлд Турки 101» и пачку «Кэмел», сбереженные для этого торжественного дня, и аккуратно распечатал их. Плеснул в алюминиевую кружку, втянул через фильтр вкус и запах табака, на вдохе выцедил виски длинным тонким глотком, пуская его тонким слоем между языком и небом и, не выдыхая, чтоб лучше хранить вкус и букет, зажег сигарету и медленно затянулся дымом поверх блаженного послевкусия.

— Хер вы у нас это отберете, — сказал Мелвин Баррет. И налил еще.

Глава 84

ОБРЫВОК ЛЕКЦИИ

из закрытого выступления
профессора Джордана Питерсона
в подпольном свободном университете Оттавы

<...Политкорректность — это возникшее и стремительно захватившее цивилизованный мир Новое Христианство. Оно возникло в кризисную эпоху, когда цивилизация уже усовершенствовалась в принципе до предела своих научно-технических возможностей, позволяющих создать принципиально высокий уровень материального и духовного комфорта, который уже не мыслилось возможным поднимать дальше. Дальше — могли быть только количественные изменения, не затрагивающие принципиальной сущности отношений и принципов общежития: каждый имел по максимуму благ, недоступных за пределами его мира.

В этих условиях имманентная жажда обновления и переустройства мира осталась в людях без позитивного, конструктивного применения. И — поскольку мысль и дух

идут впереди реальных изменений, предшествуя им и предуведомляя о процессах, которые вскоре вырвутся наружу и начнут преобразовывать мир — в этих условиях происходит распад форм искусства и начинаются поиски смыслов и принципов за пределами реалистических форм.

В этот же период тяга к переустройству, которая психологически всегда оформляется как потребность в улучшении мира — ведет к созданию учений о большем счастье — то есть счастье более духовном, более справедливом, для всех и для каждого. Идеи равенства и братства овладевают уже не пророками и учителями, а массами.

Но, поскольку такое переоборудование мира, столь отрадное душе в кризисный период достижения цивилизационных целей и отсутствия целей для духовного и умственного достижения, противоестественно с точки зрения Природы, Мироздания, где равенство и в человеческом моральном смысле справедливость принципиально не существуют и невозможны — для внедрения нового порядка, ломающего психологические и социальные инстинкты людей, приходится создавать репрессивный аппарат насилия.

Насилие необходимо, чтобы адепт нового учения, новой религии, не имел собственного мнения, не мог противиться и возражать — а также был убежден, что работящий должен кормить лентяя, сильный подчиняться слабому, и нищий более угоден Господу, чем зажиточный труженик. И нет преимущества у умного, сильного, работящего и богатого — перед слабым, глупым, ленивым и бедным. Ибо — равенство. И все равны. И в братстве смысл жизни.

Сытые, имея избыток сил и благ, не видя конкретных целей — захватываются идеей высшего счастья — всеобщей справедливости в равенстве. Так на пике могущества разрушил себя Рим, таков путь и нашего мира.

Христианство говорило: и тогда в Горнем Мире вам будет просто кайф на вечные времена. Счастье и справедливость обретет каждый — вера есть наша несокрушимая твердыня.

...И вот политкорректность XXI века — это новое христианство. Возникшее в новую Эпоху Комфорта и Изобилия. В новую эпоху духовного кризиса, распада форм искусства и поисков целей и смыслов для приложения сил умственных, духовных и физических.

Таким образом, представляется логичным и неизбежным — с возникновением Нового Христианства взамен обветшавшего и отжившего старого — возникновение Новой Инквизиции. Которая будет всеми доступными методами насаждать верность новой религии, послушание, покорность, исполнение ее предписаний. Которая будет надзирать за всеми и карать еретиков, отступников, непокорных.

Вот это и происходит. Стыдят, увольняют, оскорбляют, лишают права голоса, изгоняют из общества, подвергают фактически гражданской казни. Новая Инквизиция требует верности, покорности, лояльности. К отклонениям от предписанного образа мыслей она категорически нетерпима.

В очередной раз в Истории неудержимая и всеобщая тяга к справедливости, равенству и всеобщему счастью — сводится на определенном этапе к средствам и методам его достижения и утверждения — и эти методы становятся сутью происходящего процесса: тоталитаризм, единомыслие, нетерпимость, агрессивность к инакомыслящим и их подавление, требование всеобщей лояльности и преданности. Что насаждается на всех уровнях, во всех возрастах и всеми методами.

Не в первый раз в Истории: когда стремление к всеобщему счастью не останавливается перед применением любых средств ради достижения поставленной «благой и святой цели» — процесс приводит к строительству концлагерей, диктатуре и полной нетерпимости к любому инакомыслию.

Наши «прогрессисты» ничем не отличаются от христианских монахов, сжигающих «языческие» книги и «языческие» храмы и насаждающих доносительство на родных, ибо семья — ничто, а верность учению и духовному пастырю — все.

И когда поймешь это — весь жестокий цирк наших времен становится ясным и простым. Очередная волна мракобесия. Надо бороться, надо не сдаваться, надо победить — и надо пережить...>

Глава 85

СТРАШНЫЙ СУД

апокриф

Какой просторный зал, залитый светом высоких окон с обеих сторон. Как строг и торжественен черного дерева стол судьи на возвышении. Как поднимаются амфитеатром ряды резных кресел с сиденьями красной кожи. И какая пестрая толпа, одни в париках и мантиях, другие в пиджачных костюмах, но все со значительными лицами, расселись по своим местам и ждут начала церемонии.

Председатель высокого суда ударяет своим деревянным молотком по подставке и объявляет заседание открытым. Обращаясь к начальнику охраны, вытянувшемуся у дверей в конце напротив, приказывает ввести подсудимого.

И четверо легионеров конвоируют вдоль прохода худощавого длинноволосого мужчину в длинной хламиде. Он занимает место на низком подиуме и опирается на перила, теперь видны его немытые ступни в ременных сандалиях.

Антониу Мануэл де Оливейра Гутерриш, Генеральный Секретарь ООН, Председатель Социалистического Интернационала, Генеральный Секретарь Социалистической Партии Португалии, Верховный Комиссар ООН по делам беженцев, а это именно он председательствует сегодня в суде, с трагическим торжеством начинает:

— Подсудимый. Назовите ваше имя.

— У меня много имен, и я откликаюсь на любое, если зов идет от сердца, — отвечает мужчина легко и приветливо (именно тем тоном, которого и ожидали все присутствующие).

— Вы должны прямо и конкретно отвечать на заданные вопросы. Если имен так много, назовите основные, по которым вас зовут чаще всего.

— Их не принято называть всуе, но если это важно для вас — Яхве Саваоф Аллах.

Легкий усмешливый ропот проходит по залу.

— С какой целью вы нелегально проникли в США?

— Что означает «нелегально»? — удивленно ерошит каштановую бородку обвиняемый.

— Означает, что никто не давал вам разрешения на въезд.

— Вы ошибаетесь. Меня призывают в каждом храме, во всех церквях, синагогах и мечетях, да и в других местах.

— И вы откликнулись на призыв и пришли?

— Именно так.

— Допустим. Вы, стало быть, приняли облик человека. А сюда, стало быть, вас папа отправил. Отец небесный. Так следует вас понимать?

— Совершенно верно.

— И какова же цель вашего прибытия?

— Та же, что всегда, разумеется. Взять на себя все грехи ваши, принять на себя кару за них и наставить вас на путь истинный.

— А мы сейчас, значит, на неистинном пути?

— Увы, это так.

Антониу Гутерриш украшает свое толстое, доброе, лживое лицо очками и разглядывает монитор компьютера, тыча пальцем в клавиши:

— Вопрос к экспертам. Та-ак... Папа Римский Франциск... Суд полагает, что вы достаточно компетентны в вопросах религии. Ну, мы тут в основном атеисты, социалисты многие, так сказать... так что позвольте светски, по-мирски: сеньор Хорхе Марио Бергольо, какое отношение этот человек имеет к Богу? В которого я не верю, кстати.

Франциск:

— Мы имеем счастье присутствовать при втором пришествии Господа нашего. Если подсудимый говорит правду, конечно. В таком случае — это Единая в Святой Троице Сущность Божия, Его Ипостась. То есть Сын Божий. Предвечнорожденный от Бога-Отца. Но эти детали для вас, как я понимаю, излишни.

Гутерриш:

— То есть можно читать, что этот человек — и есть Бог? Или все равно что Бог?

Франциск (снисходительно):

— Вы можете считать так.

— И, следовательно, он несет ответственность за все, что сделал Бог? Сын отвечает за Отца?

Франциск расширяет глаза, удерживает равновесие:

— Бог не может «нести ответственность»!.. Бог — Творец и Владыка! Люди могут отвечать перед ним, но он — Он и есть Высший Закон, Высшая Справедливость! Бог есть Истина! И Бог есть Добро!

Гутерриш:

— Спасибо, сеньор Бергольо. Садитесь, садитесь. Мы тут сами разберемся, что такое добро и в чем истина. Законы природы и науку тоже никто не отменял. Спасибо, спасибо, мы услышали все, что хотели. Вот сейчас у нас записался на выступление как эксперт...

Луис Фаррахан (громко перебивает):

— А вам не кажется, уважаемый председатель, что слово необходимо предоставить в первую очередь женщине, и в первую очередь черной?

Гутерриш:

— Э-э-э... конечно! я это и хотел огласить!

(О, мы забыли упомянуть, что здесь в меру женщин и в меру цветных людей, весь спектр разнообразия представлен; это настолько само собой разумеется, что иное немыслимо.)

И на две ступеньки трибуны сбоку судейского стола решительно, напряженно взбегает заряженная Патрис Хан-Карлос:

— Ты грязный расист! Ты создал одних белыми и дал им все привилегии — а других черными, и сделал их рабами! Сколько крови мы пролили, ломая твой проклятый проект и завоевывая себе свободу! Одним ты дал науки, научил строить города и изобретать машины — а других обрек на прозябание в джунглях и голод! Ты дал белым власть над черными — за одно это ты заслуживаешь... ты такого заслуживаешь! почему ты сам не черный?! Почему ты дал белым лучшую работу, лучшие дома, все премии? Белые унижают нас своей музыкой, своей никчемной литературой, своей поганой историей грабежей и убийств — это ты все сделал! Знай: я, черная женщина, чьи предки сотни

лет были рабами белых по твоему желанию — я буду голосовать за то, чтобы тебя распяли!

Акустика в зале была прекрасная, и в паузе отчетливо разнесся негромкий голос из рядов:

— Но умственные способности рас действительно разные, как же можно было так делать...

Неуместная реплика была покрыта возмущенным шумом и требованием определить и покарать расистского комментатора.

Неувядаемый Берни Сандерс, высокий и прямой, седой и тощий, шагая ровно, как метроном, переместился на возвышение эксперта, сверкнул круглыми очками и стал похож на бодрого сыча-вегетарианца:

— Я, как социалист и убежденный сторонник эгалитаризма, всю жизнь боровшийся за равенство всех людей, обвиняю этого человека, возомнившего себя неизвестно кем, а хоть будь его слова и правдой, тем более, в тягчайшем преступлении против человечности — создании неравенства. Что может быть ужаснее и преступнее, чем разделить людей на сильных и слабых, умных и глупых, красивых и уродливых, энергичных и ленивых — в то время как каждый в равной мере имеет право на счастье, на свою равную долю общественного продукта, на самореализацию. Нет людей глупых и слабых, ленивых и некрасивых нет — все люди прекрасны и достойны самого лучшего! Сколько моральных страданий, сколько нестерпимых душевных мук причинил миллионам, да что я говорю — миллиардам невинных людей этот... вот он!.. который стоит здесь. Не знаю, к какому наказанию вы его присудите, но я проголосую за самое суровое.

Молодой человек обернулся с подиума и обвел взглядом зал, все две тысячи мест. Глаза у него были ничуть не библейские, а серо-голубые, спокойные и даже веселые. Легкое удивление на лице сменилось столь же легкой насмешкой. Он ничего не произнес, просто в мозгу под черепным сводом каждого в зале зазвучал в минорной тональности теплый тенор:

— Но Вселенную отменить нельзя. А Вселенная, ваш Дольний Мир — существует по своим законам. Мировым

законам. Вы можете называть меня Бог, или Вселенский Дух, или Высший Разум, Мировая Воля, Основной Закон Вселенной. Суть не меняется. Меняется Мир — ежедневно и ежечасно, меняется каждое мгновение. Это форма его существования, необходимое условие Бытия. Он менялся, пока не появился человек. Будет меняться и дальше. И для того, чтобы продолжалось это движение, это бесконечное изменение, это стремление ко все более сложному и законченному совершенству — всё в Мире должно быть разным. И человечество должно быть разным. Даже самый глупый из вас умнее самой умной обезьяны, даже самый слабый сильнее кролика, даже самый безобидный опаснее тигра. Вы должны быть разными, и Природа не могла не создать вас разными — ибо в эксперименте, в переборе вариантов, в создании всех возможных форм — найдется та, которая выживет в катаклизмах, изобретет новые способы преуспеть в природе, обгонит других в создании цивилизации и даст самое живучее и перспективное потомство. А страдание — это плата за счастье жить. Боритесь и терпите, смиряйтесь и побеждайте. Каждый из вас неповторим. А недостатки — плата за неповторимость.

И удивительным образом, как только смолк последний звук, слова совершенно изгладились из памяти тех, кто прослушал сейчас эту проповедь. Или лекцию. Хотя внимали ей с игольчатым холодком в груди, в чем никому не сознались бы.

— Слово предоставляется мистеру Рэнду Берри, международному спецпосланнику по правам ЛГБТ.

В сознании присутствующих просквозило забытое и неуместное слово, невесть откуда взявшееся: «содомит». Это вызвало дискомфорт и даже раздражение, направленное солидарно с оратором против тех, на кого он обрушится. Он обрушился:

— Тысячелетия люди подвергались дискриминации и даже казни — лишь за то, что они хотели быть счастливы! Невыразимы муки сексуальных меньшинств, которые они претерпели в истории. Я хочу поставить вопрос прямо. Или Бог и Природа не должны были создавать сексуальные меньшинства — если уж эти несчастные меньшинства

вызывали такую ненависть большинства. Или, если Богу, — Берри указал карающим перстом на обвиняемого, — и Природе, — он простер руки в стороны подобно пророку, — угодно было эти меньшинства создать, то не следовало, нельзя было, более того — было преступно наделять большинство ненавистью к несчастным и неповинным меньшинствам!

Перед моими глазами стоят тысячи мучеников, подвергнутых изуверским казням. Миллионы опозоренных и обездоленных, которые раньше срока окончили свои дни, наполненные унижениями и страданиями. А почему Он сделал так, что геи и лесбиянки не могут рожать друг от друга и испытывать полное счастье отцовства и материнства? А зачем Он вообще разделил людей на цисгендеров и трансгендеров? А если разделил — зачем вселил в души цисгендеров стремление унижать трансгендеров и пытаться дискриминировать их как гендер второго сорта?

Я обвиняю стоящего здесь в гомофобии и трансфобии! Я обвиняю его в преступлении ненависти и пропаганде дискриминации! Я обвиняю его в речах ненависти! Помните, как там в этой его Толстой Книге: покараю, если возляжет мужчина с мужчиной и так далее. Я уж не говорю об убийстве за элементарное и физиологически необходимое самоудовлетворение.

Я обвиняю его в геноциде меньшинств! В массовых убийствах! Вспомните Содом и Гоморру, мирные города, которые он сжег вместе со всеми жителями.

Если он не фашист — то что же такое фашизм, спрашиваю я вас?!

Зал устроил уполномоченному сексменьшинств овацию, и источала эта овация приятно-кисловатый пороховой запах расстрела.

...Поскольку с этого места запись заседания с комментариями того, кто ее сделал, оказалась стерта, а запасная флешка утеряна, восстановить же происшедшее дословно абсолютно невозможно по понятным причинам, мы можем лишь представить себе дальнейшее по обрывочным рассказам очевидцев. Здесь слова лишь тех, кто был на момент разговора еще здоров.

— Потом вылезла жуткая коряга, как полагается лидерке феминисток. Он, говорит, отъявленный сексорасист, пробы негде ставить. Он сделал женщин меньше размером и слабее мужчин. Он сделал так, что у них размер головы меньше, и в ней мозг меньше, хотя на килограмм живого веса женщины мозга у нее больше, чем у здоровенного мужлана. А все равно в физику и математику сексорасисты женщин всеми силами не пускают, и в изобретатели и конструкторы не пускают, нас там мало. Еще он сделал женщинам месячные, и вынашивать ребенка девять месяцев, и рожать в муках, потом грудь как вымя, обмен веществ нарушен, а мужчины в это время делают свои карьеры и радуются. А мужчин он сделал похотливыми самцами, которые только и хватают женщин за оскорбительные места и норовят совершить насилие. Поэтому, кричала коряга, таких Создателей надо уничтожать в зародыше, аборт делать надо было его папе или кто там у него!

— Я не антисемит, но Наум Хомский достукался и в конце концов свое получил. Всякий лингвист может стать великим мыслителем, если из него полезет левацкая чушь. Я, говорит, как философ, как социалист и отчасти марксист, интеллектуально отрицаю существование Бога. Как-то эдак он завернул. Я, говорит, атеист и вам советую. Советчик, бля. Материя первична, сознание вторично, бога нет, человек — венец творения и создан природой для гармоничного развития личности. Платон из Бердичева... А этот, говорит, продукт опиума для народа, в которого верят темные отсталые люди, это просто ходячее зло, которое что-то долго задержалось на нашей гостеприимной Земле. Он прикидывается про Евангелия, все люди братья, лепта вдовицы угодна, богатый в царствие небесное не войдет... Туда никто не войдет! Нельзя войти туда, куда... где... чего нет. Так что мое обвинение, он говорил, состоит из двух частей. Вместо братьев — две тысячи лет войн и погромов, вместо вдовицы — богатые и бедные, вместо науки — религиозное мракобесие, вместо любви — инквизиция и аутодафе. Да он хуже чумы.

А второе обвинение — что вместо борьбы людей за свои права, за равенство, за построение гармоничного об-

щества, за уничтожение эксплуатации бедных богатыми — этот опиум призывает смириться, молиться, не сопротивляться, не применять насилие ни к кому вообще — а за это будет счастье после смерти. За гробом, поняли? В раю. А убийцам и негодяям — тоже на том свете расплата. А на этом — пусть делают что хотят.

Религия подрывает веру человека в свои силы! Мешает познанию мира! Запрещает борьбу за справедливость! Поэтому. Мое мнение такое, нет этому пороку места на земле.

— Ой, а там еще опять голос в головах зазвучал. Что мужчина и женщина — это одно целое. У каждого своя функция. Мир, дом, дети, милосердие — одна сторона жизни. Борьба с врагами и животными, добыча пищи, постройка жилища, открытие новых земель, изобретение орудий — другая сторона жизни. Одна без другой не может никак. А у вас ни женщин кротких, ни мужчин храбрых — какой-то средний пол, бесполый и бездетный, вы ж сами себе вымирание устроили.

— А еще голос говорил, что если вам не напоминать о доброте, миролюбии и братстве — так вы вообще друг дружку живьем сожрете. Жестокости и дряни всякой в вас и так полно, дальше я не расслышал — то ли от Дьявола, то ли от Природы, то ли на случай форс-мажора, если злые инопланетяне прилетят или метеорит в Землю врежется и первобытная жизнь вернется.

— Нет, драки в зале я не видела, но как говорила эта Раиса Талиб... что?.. да, правильно, Рашида Тлаиб, это я слышала. Она кричала так, как в Африке на базаре. Что это он придумал ксенофобию! Что люди любят своих, а чужих не хотят к себе пускать. Что перед своей культурой преклоняются, а чужую культуру презирают. Что за это надо убивать, потому что от этого вся вражда и фашизм.

А голос, ну, который в голове, все уже привыкли, поняли, что это Он так отвечает: сам вроде молчит все время, а только его голос в тебе так и звучит — этот голос говорит, я примерно помню: там про гены, про аллели, что инстинкт ведет человека соединяться со своими, и помогать своим, у которых твои гены с твоими аллелями, ну как-то так. А чужих надо не пускать на свою территорию, потому

что должны быть разные группы, а каждой свойственна и необходима именно своя культура и свой менталитет. А иначе, если все перемешаются и будет одна раса и один народ — тогда кончится эволюция: невозможен никакой отбор, никакое конкурентное развитие, никакая страховка на случай изменения климата и тому подобно. И произойдет неизбежное вымирание от перемешивания всех. Деградация и конец.

Я одно точно поняла: Он, кто бы Он ни был, ксенофоб законченный, и это страшно. Я вообще перестала понимать, как жить. Наверное, не надо было Его совсем. Чтобы не было. Люди зря не скажут, верно?

— О, Клаус Шваб был фигурой знаменитой! Эпохальной фигурой. Всемирный Экономический Форум, наследники Римского Клуба, мировая элита. Он последним выступал. Он особенно напирал, что тот, кто изобрел национализм, патриотизм и особенно шовинизм — это страшный человек. А если не человек а Сами Понимаете Кто — особенно страшно тогда. Мы, немцы, хорошо знаем, что такое фюрер и высшее существо.

Мы должны спасти планету. Для этого необходимо объединиться всем народам. Общие интересы, мировая интеграция, сокращение производства и потребления. Мировое правительство, никаких границ и таможен, единое планирование, зеленая экономика, экология.

А этот ретроград за что здесь выступает (это он про Бога!)? Он что сделал, он чего намастерил? Люди хотят иметь свою страну, свою культуру, свой народ — не хотят пускать мигрантов, не хотят подчиняться единому правительству! Не хотят мультикультурализма! Патриотизм, суверенные государства, границы — это атавизм, вчерашний день, зло! И вкладывать в людей эти деструктивные чувства, делать людей национальными эгоистами — это зло, которое губит нашу планету и погубит человечество! Так что — выкорчевать это зло любой ценой. Суровый он человек был, этот Клаус Шваб. Ариец, одно слово. Этот хоть кого подмять мог. Хоть самого Бога. Им не впервой, арийцам-то.

. . . . . .

Конец этой истории лишен какого бы то ни было пафоса и чрезвычайно банален. Драматическим и художественно расцвеченным версиям трагического финала верить не следует.

В последнем слове подсудимый с мягкостью и сожалением озвучил некоторые банальности. Что пришел спасти заблудшее человечество, забывшее священный Завет. Что намерен, как и раньше, принять на себя весь безмерный груз ужасных грехов человечества и тем его спасти. Что да минет его чаша сия, но если нельзя иначе, он со смирением примет свою долю. Короче, ничего нового.

Решение Высший Суд вынес мягкое, в стиле гуманитарных ценностей: назначить дополнительное расследование с прохождением психиатрической экспертизы и консультаций с авторитетами в областях истории и социологии. Хотя горячие головы и негодующие души предрекали распятие, сожжение и прочие кошмары, соответствующие как исторической роли подсудимого, так и тяжести его злодеяний. Кроме того, большинству очень хотелось увидеть настоящую казнь, тем более вполне заслуженную. Приговор их разочаровал...

Обвиняемого, формально еще не осужденного, водворили в современный вариант темницы: помещение площадью в 116 кв. футов, с кондиционером, окном, раковиной и унитазом, питание трехразовое, часовая прогулка ежедневно, душ дважды в неделю.

Через несколько месяцев, когда процесс подзабылся за свежими новостями, промелькнуло сообщение, что заключенный покончил с собой. Улучив четверть часа, когда менялись тюремщики, он повесился на веревке, сплетенной из распущенных носков, привязав ее за выступ оконной решетки. Искушенные по части удобных для суда и прессы самоубийств граждане, поверили они этому или нет, никак на известие не отреагировали.

Глава 86

XXIX ВСЕМИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ КОНТАКТОВ СО ВНЕЗЕМНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

Место проведения: Конгресс-Центр, Бостон, США.

Интерьер: большой зал, наклонный пол, стеклянные боковые стены, светлые серо-бежевые тона, длинные дугообразные ряды стульев, демонстрационный экран над сценой с кафедрой.

Антураж: черные коробочки радиопереводчиков с проводками и наушниками, синие пластиковые кейсы с логотипом конференции, бутылочки с водой.

Контингент: прискорбное преобладание белых мужчин, преимущественно пожилого возраста. Однако присутствие африканцев и особенно азиатов вполне заметно. Процент женщин явно не дотягивает до политкорректного равенства гендеров. Обилие седин и лысин не уравновешивается вкраплениями молодежи.

Акустический ряд: тихий слитный гомон культурной толпы, покрываемый из мощных колонок голосом оратора.

Докладчик: мог бы работать разведчиком, незаметно внедряемым в ученые круги: брюки цвета и покроя демисезонный унисекс, твидовый пиджак, серо-голубая сорочка с расстегнутым воротничком и в меру помятое лицо, увенчанное элементами седины и лысины в академической пропорции.

Настроение: никто не верит, что мы установим контакт с инопланетянами, но теория проблемы представляет интерес и основание для дискуссий.

— Уважаемые коллеги!

Простите, что я не сумею развлечь вас презентацией. Формул мой доклад не содержит, а украшать его картинками мне представляется не обязательным. Картинки только отвлекают от мыслей, переводя когнитивный ряд в визуальный.

Доклад мой будет очень короток. Собственно, все основополагающие мысли всегда могли быть изложены очень кратко.

Вот уже сто лет мы говорим о том, что для встречи со внеземной цивилизацией мы должны достичь такого уровня развития, чтобы ее обнаружить, ее так или иначе достичь, и установить контакт в таких формах, которые для нее были бы понятны и приемлемы.

Если они прилетят к нам — значит, они более развиты, а мы менее.

Чтобы мы прилетели к ним — такого уровня развития наша наука еще не достигла даже теоретически. Теория относительности, скорость света, известные на сегодня законы макромира — делают межзвездное сообщение, как мы понимаем, невозможным. Для людей, то есть, невозможным. Точнее — невозможным пока.

А вот пока — это сколько? Сто лет, триста, тысячу?

Теперь рассмотрим продолжительность эпохи научно-технической революции. Желающие могут условно подразделить ее на индустриальную и пост-индустриальную, то есть информационную, эпохи, но это деление, как понятно, совершенно условно.

Научно-техническую эпоху следует отсчитывать с того момента, как основной производительной силой стала не физическая сила человека и одомашненных животных — то есть энергия, получаемая из материи Земли и солнечного света живыми организмами. Изначально энергия жизни была той субстанцией, посредством которой древнее человечество создавало цивилизации и преобразовывало мир.

Научно-технической эпохе предшествовал этап, когда в помощь живой энергии человек подключил к своей деятельности свободную энергию природы, в смысле неорганической материи планеты. А именно энергию движения воздушных масс — ветер: создал парусные корабли, много позднее — ветряные мельницы. Научился использовать силу земной гравитации — через стекающую вниз воду как трансмиссию: водяные мельницы.

Но с определенного человек подключил себе в помощь энергию, законсервированную биосферой Земли — энергию углеродных соединений: ту, что содержалась в древесине. Энергия выделялась при сгорании. Сначала дерева; затем ископаемых углеводородов: угля, нефти, газа.

Строго говоря, именно овладение энергией углеродов, выделяющейся при сгорании, овладение огнем, костер, очаг — это сделало человека человеком. Энергетические возможности сверх собственной биологической энергии и есть то качество, возвысившись до которого человек поднялся над животными, над своими физическими возможностями, и стал человеком.

В течение тысячелетий человек использовал энергию сгорания углерода исключительно для обогревания, отпугивания животных и приготовления пищи. Затем — для изготовления металлических орудий. А в XVIII веке и произошло то, что принято обычно называть научно-технической революцией: человек научился переводить тепловую энергию сгорания в механическую энергию движения. Паровая машина использовала воду и образующийся из нее пар как трансмиссию, переводящую тепло в движение.

А поскольку воды, леса и угля было много, использование энергии углеродных запасов обеспечило в течение каких-то двух веков невиданный, огромный рывок технического прогресса. Что возможно лишь как прикладная реализация, так сказать, прогресса научного. И что сделало возможным невероятный комфорт для жителей развитых стран.

И вот здесь будет как раз уместно показать один график. (На экране возникает график логарифмической прогрессии в прямоугольной системе координат). По мере тысячелетий накопление информаций и технологий еле росло, после падения Римской Империи в Раннем Средневековье произошло даже падение знаний и ремесел (укрупняет график, обводит яму на графике световой указкой). Но затем график все круче загибается вверх. В XIX веке радиус этого очень постепенного искривления еще очень велик — видите, очень плавное скругление кверху. Затем все круче, а сейчас эта кривая летит почти вертикально вверх! Рост информаций и технологий стремителен!

К сожалению, второй график, который вы сейчас увидите, может испортить нам настроение. Хотя ничего нового, увы, я вам предложить не могу. (График на серовато-зеленоватом светящемся экране сменяется другим — колоколообразной кривой).

Видите: тысячи лет рост населения обгонял рост технологий. Каменные скребки не менялись по десять тысяч лет, мечи не менялись пятьсот лет — а население росло! Обгоняя рост знаний и продуктов! М-да, Мальтус имел хорошо подтвержденный исторический материал.

В VI веке рухнула Античность — и с падением цивилизации в несколько раз сократилось население Европы. А великий XIX век дал мощный рывок знаний и техники — и население Европы выросло вдвое! Причем Германии или Норвегии — в два с половиной раза, а Англии — в четыре! Вот что такое технический прогресс.

Но далее — посмотрите: рост замедляется. А теперь — видите это закругление? Этот переход к горизонтальной линии, и далее — вниз, спад численности? Это 1968 год! Рождаемость стремительно упала и стала ниже простого воспроизводства. (Мы говорим сейчас о населении развитых стран, создающих и двигающих вперед цивилизацию, грубо говоря.)

Итак — кажущийся парадокс. Раньше так никогда не было. Информация растет, технологии растут, производство и комфорт растут. А численность уменьшается! И не потому, что нет средств растить детей. Чем богаче страна — тем меньше рожают!

Я заканчиваю свой демографический экскурс, который может показаться неуместным на нашей конференции. Но только на первый взгляд!

Потому что для контакта со внеземными цивилизациями прежде всего нужно человечество Земли — для установления этого контакта. А не будет человечества — не будет и контакта.

Вот это и есть тема моего доклада.

Гипотезу самоуничтожения человечества вследствие войн я считаю не просто неверной, но принципиально невозможной. Самое сложное создание Вселенной появилось не для того, чтобы просто исчезнуть, не имея никакой роли и функции в окружающем мире. По этой же причине не грозит нам и вымереть от неведомых еще болезней.

По каким конкретным причинам самая цивилизованная часть человечества отчетливо движется к вымиранию?

А НЕ ХОЧЕТ рожать. Это подкрепляется современной идеологией: гражданское равенство и моральное предпочтение всех видов сексуальных меньшинств — то есть групп населения с психопатологией репродуктивной функции, выражаясь научным языком.

Уместно вспомнить знаменитый опыт Джона Кэлхуна «Вселенная-25». Помещенные в идеальные условия несколько пар мышей сначала активно размножались, но затем размножение замедлилось, численность стабилизировалась, и началась социальная деградация, быстро перешедшая также в деградацию биологическую. В отсутствие врагов и наличии удобного жилья, при комфортной температуре и изобилии подходящей пищи и воды — с какого-то момента началась дегенерация сообщества. Самцы отказывались спариваться с самками, самки переставали выхаживать детенышей, образовались прослойки внесоциальных особей-одиночек и самцов-гомосексуалистов. Произошел демографический сдвиг: срок жизни мышей увеличился, и при падении рождаемости стали преобладать особи все более старые. Постепенно рождаемость упала до нуля, началось возрастное вымирание, и опыт прекратился, когда от группы в несколько тысяч осталось всего несколько старых мышей.

О чем это говорит? Что для поддержания социума и самой жизни социальных особей — идеальные условия без трудностей и препятствий смерти подобны. Когда нет трудностей и врагов, нет борьбы за место у кормушки и связанный с ним ранг в социальной иерархии — исчезает важнейший элемент жизни! Это — преодоление сопротивления среды как личная цель и как социальная.

Необходимо учесть также скученность проживания, количество особей на единицу пространства.

Как вы уже догадались, я хочу сказать, что человечество вымирает. (Легкий гул в зале, редкие смешки, отдельные аплодисменты.)

Человек един с окружающей средой, и форма его существования — это преодоление сопротивления окружающей среды. Как акуле для жизни необходимо постоянное движение, чтобы вода с достаточной скоростью проходила через жабры — так человек, его мускулатура, пищеварительная система и эндокринная, а главное — центральная нервная система человека, его психика — запрограммированы природой исключительно на активную жизнь. Бежать, драться, рисковать, преодолевать трудности. Постоянно думать: правильно ли я все делаю, чтобы жить, как сделать, чтоб выжить вероятнее и наесться досыта?

Цивилизованное человечество, эволюционируя социально, впало в состояние демобилизации. А это разрушительное, гибельное состояние!

Итак. Мы дошли до главного момента.

Что есть существование Вселенной от момента Большого Взрыва, если принимать эту генеральную теорию, или гипотезу, не суть? Это дифференцирование изначальной энергии во все более сложные материальные структуры. Кварки, элементарные частицы, так далее. Пылевые облака образуют звезды и планеты. Звезды взрываются, выделяя массу связанной в них энергии и образуя более сложные элементы. Которые в следующем поколении звезд дают более сложные соединения. И так до появления жизни на планете — допустим, на Земле.

Живые организмы захватывают свободную энергию Солнца и вещества Земли, перерабатывают ее и выделяют — с огромной скоростью. Растение выросло, сформировав себя из энергии и вещества, сгнило и превратилось обратно в почву. Овца съела траву, волк — овцу, человек убил волка и снял шкуру. (Легкий смех в зале.)

Когда человек овладел огнем — выделение энергии, законсервированной в веществе Земли, достигло огромной скорости. Объемы энергии, потребляемой и выделяемой в результате человеческой деятельности, тем масштабнее, чем более развита цивилизация — от неолитической революции и затем от промышленной революции XVII века — до нашего времени.

И вот наступает эра механизации, роботизации, компьютеризации и искусственного интеллекта. Производительность труда растет ошеломительными темпами и до невероятных высот. Мы радуемся!

И вот тут начинаются проблемы!

Большинство человечества оказывается экономически не нужным. Экономически лишним. Человек не в силах потребить столько, сколько может произвести. Один работник, занятый пять дней в неделю по шесть часов, может прокормить, одеть и построить жилье для пяти человек.

Начинается величайший кризис в истории человечества. Невиданный кризис. Качественно новый. Кризис проблемы изобилия.

Начинают придумывать искусственные, не обязательные работы, чтобы чем-то занять людей. Сокращают рабочий день и рабочую неделю. Вводят массу социальных льгот. И все убеждены, что вот оно — счастье! Настал Золотой Век! Люди посвятят все время культурному досугу и творчеству, разовьются в гармоничные личности. Простите, но этих утопистов во внимание принимать нельзя, это все литературное фэнтэзи.

И вот у нас одна сторона кризиса: бессмысленное перепроизводство и бессмысленное ненужное потребление. Для этого изобретаются новые искусственные потребности и придумываются рекламы и моды. А не будет расти производство на 2% в год — рухнет мировая экономика и финансовая система!

То есть. Прошу внимания. Рост добычи, производства и потребления энергии — вышел из-под человеческого контроля. Рост ради роста. Но! Этот бессмысленный с человеческой точки зрения рост, безудержный и бесконечный — абсолютно соответствует закону Вселенной. А именно: Закону ускорения преобразования энергоматерии из одного агрегатного состояния в другое. Из энергии — в материю, из материи — в энергию, со всё большей скоростью, во всё увеличивающихся объемах.

Этот процесс перешел когда-то из звездной стадии, из стадии неорганической материи — в стадию материи органической, в форму жизни, как у нас на Земле, скажем. Затем, с появлением человека — процесс перешел со ступени органической материи — на ступень социальную. Сейчас — прошу особого внимания!

Процесс преобразования энергоматерии у нас на Земле сейчас, на наших глазах, переходит со стадии социальной —

на стадию машинную, механическую, компьютерную.

Я хочу сказать, что:

Компьютеры с Искусственным Интеллектом и руководимые ими машины — все менее нуждаются в человеке для дальнейшего преобразования энергоматерии. Заметьте усложнение и прогрессирующую полифункциональность бытовых компьютеров последнего десятилетия: они уже очень мало служат человеку — но человек все больше служит им.

Человек быстро приобретает все новые потребности по пользованию компьютером и обслуживанию его.

Люди становятся все меньше нужны не только количественно, для производства — но и качественно, как операторы компьютеров, они тоже становятся все меньше нужны.

По мере роста сложности и производительности машин — все сложнее и самостоятельнее становятся управляющие их деятельностью компьютеры.

Как вы уже поняли, я говорю об этом к тому, что численное сокращение человечества — подчинено объективному закону Вселенной. А закон этот — преобразовывать, производить и выделять энергоматерии как можно больше, без ограничений и предела. Это — форма существования Универсума: ускорение эволюции.

Человек не есть венец творения. Мы — лишь звено в эволюционной цепи. Мы необходимы для создания компьютерно-технической базы. Для перехода на следующую ступень эволюции.

Машины совершеннее нас, производительнее, выносливее, гораздо быстрее эволюционируют, росту их возможностей не видно предела.

При более простом устройстве — машины дают несравненно большую производительность. А их самообучение и самокоординация действий — вопрос времени.

Когда машины научатся самовоспроизводиться и самосовершенствоваться — мы, люди, перестанем быть нужны.

(Докладчик делает паузу, отпивает воды, перелистывает страницу.)

Но поскольку мы с вами наделены рефлексирующим сознанием — мы же не можем просто так, своими руками,

сознательно, изобретать и производить своих могильщиков! Нет. Нам необходима мотивация для совершения действий. И мотивация положительная! Человеку свойственно всегда стремиться к лучшему! А вот как он понимает это лучшее — это уже другой вопрос.

И оказывается, что безостановочное движение к Добру раньше или позже превращается в движение к Злу. Стремление к совершенству оборачивается стремлением к разрушению. Такова элементарная диалектика. Которую преподают наши уважаемые профессора философии, совершенно не понимая ее сущности в жизни. Прошу принять мои извинения.

Вот президент Линдон Джонсон решил резко увеличить пособия матерям-одиночкам. Это правильно и справедливо. Дети не должны страдать от жизненного неустройства матери, а женщина, мать и гражданка, не должна испытывать лишения и нужду, если по каким-то причинам у нее нет мужа. Результат? Разрушение семьи, 75% афроамериканцев рождаются вне брака, растут без отца, воспитываются на улице и привыкают к жизни на пособие и безделью. К белым это тоже относится, но в меньшей степени.

Если выгоднее не создавать семью, дохода и льгот больше, а отношение к тебе даже лучше — то зачем семья? Так разрушается общество.

Равенство полов и гендеров, женщины делают карьеры — это хорошо и прекрасно, но детей рождается меньше, меньше пресловутых 2,15 на женщину, что необходимо для простого воспроизводства народа. Население сокращается.

Равенство полов приводит к женскому боксу, борьбе и тяжелой атлетике. Не говоря об эстетическом аспекте, такая женщина перестает восприниматься как мать, у нее уже другая психология, другие ценности.

В обществе равенства и комфорта тяжелые обязанности начинают восприниматься как привилегии. Женщины в спецназе — а спецназ от этого выиграл? Они же в экстремальных условиях не могут переносить те же нагрузки. Женщины на подводной лодке — а психологическое состояние экипажа и его боеготовность от этого не проиграли? Сто здоровых молодых мужчин на сто суток в тесном

замкнутом пространстве и между ними четыре молодые женщины? Это же издевательство и снижение боеготовности. Опять же — некогда рожать. И незачем, да?

Пилюля, контрацептивы — это гуманно? Конечно. Женщина вправе сама распоряжаться своим телом, рожать или нет, а аборт — это очень жестоко. Результат? Ловушка, которую Змей поставил Адаму и Еве, обезврежена. Кстати, змея — эмблема медиков, все знают, да? Итак — сколько угодно секса, и мы отделяем его от деторождения. Можно получать сколько угодно наслаждения, не неся за это никакой ответственности. Сексуальная свобода! Прекрасно! А где дети? Ах, их меньше? Так мы что — вымираем от этой свободы?

Я приветствую наших славных братьев и сестер, а равно людей всех других полов и гендеров из всемирного сообщества ЛГБТИК+! Люди, у которых есть пища и одежда, жилище и защита от врагов, гражданские права и социальные гарантии — имеют полное право быть теми, кем себя чувствуют, и придерживаться любых сексуальных предпочтений. У меня только один вопрос: а дети где? Где дети, я вас спрашиваю? Прошу заранее меня простить, я далек от мысли оскорбить кого-либо, я лишь использую общепринятые и нейтральные (наука вне морали) термины. ЛГБТ — это биологические паразиты. Их произвели на свет их родители, они получили в наследство набор генов — но ничего не производят сами.

ЛГБТ можно было бы назвать биологически тупиковым отростком — однако

социально они не просто продуктивны, но в настоящее время крайне агрессивны, всячески навязывая всем свою систему ценностей и взглядов. Понятно, что это крайне контрпродуктивное явление с точки зрения выживания человечества.

Плюс пенсии, пособия и бесплатная медицина и питание для бедных. Уже давно нет необходимости иметь детей, чтобы они кормили тебя в старости. Государство — то есть чужие люди — прокормят. У них теперь всего много. Так зачем тратить молодость на рождение и воспитание детей, верно?

Еще раз повторю: свобода, комфорт и изобилие за определенным порогом развития порождают вседозволенность, паразитизм и социальные извращения. Мы перешагнули этот порог. И через безмерность комфорта близимся к вымиранию.

Так вдобавок комфортабельная жизнь не просто изнежила нас — она ведет нас к дегенерации в самом прямом смысле слова. Тонкие хрупкие кости, слабые мышцы. Все чаще бесплодие у мужчин и женщин.

А новая мораль буквально истребляет сильных, решительных, агрессивных людей, формируя беззащитных, послушных и вялых. То есть тех, кто не сможет противостоять никаким трудностям, не сможет защитить себя и свой народ.

Вот так мы самоуничтожаемся.

Так и это еще не все! Как всем понятно, Биосфера Земли — единый мега-организм. Все процессы в нем тяготеют к некоему общему динамическому балансу. Все организмы в нем связаны прямо, а чаще косвенно, и взаимодействуют обычно через многоступенчатую, опосредованную связь. Таким образом, эпидемии не просто косили человечество, но имели также аспекты общеприродный и социально-исторический. Эпидемии как правило возникали на поворотах истории, эти повороты отмечая, провоцируя и усугубляя. Юстинианова чума отметила и усугубила падение Античности и начало Средневековья, Черная смерть XIV века легла на конец Средневековья и начало Ренессанса, эпидемии кори и оспы выкосили значительную часть коренного населения Южной и Северной Америки и сопутствовала их колонизации европейцами. Печально знаменитая «испанка», выкосившая от 10 до 50 миллионов жизней (по разным подсчетам), пришлась на окончание беспрецедентно кровавой Первой мировой войны и время европейских революций — Русской, а также Венгерской, Германской и так далее. Причем — «испанка» выбивала в первую очередь молодых мужчин! Наиболее массово заражались и чаще всего умирали именно мужчины призывного возраста, возраста солдат, бойцов! Словно природа, вознамерившаяся на уровне социальном уменьшить количество

людей методом войн и революций — затем решила закончить дело поскорей, выморив нужное ей количество, и одновременно закончить затянувшуюся бойню.

С 1960 по 1985 год население Африки удвоилось — с 275 до 560 миллионов человек. ВИЧ появился гораздо раньше, случаи его были очень малочисленны и незаметны. Но именно к середине 1980-х он бурно пошел в рост, и прежде всего — именно в Африке, где инфицированность им достигает в ряде стран 20–25% всего населения! Словно Природа решила замедлить взрывной рост населения нищего континента.

И мы дошли до КОВИДа-19. Независимо от его лабораторного происхождения. Сверхэффективный вирус словно предназначен остановить нарастание человеческой деятельности, губительной для Биосферы. Сократить численность населения Земли. Уменьшить его активность. Снизить производство и потребление. Я далек от мысли, что этот вирус изобрели глобалисты и зеленые, чтобы сократить человечество и сохранить планету. Но! Заметьте: они действуют в одном направлении.

Спасибо, господин председатель, я вижу. У меня осталась одна минута, и я завершаю:

Фактор общеприродный, климатический, все слышали. Фактор общеприродный биологический. Фактор биологический конкретно человеческий. А также факторы физиологии и психологии. Процессы социологические и политические. Уровень развития науки и техники и темпы этого развития. Все это складывается в мощнейший аттрактор. В притяжение человечества разными нитями, по разным путям, к точке исчезновения.

Почему исчезнет человечество? За ненадобностью.

Его функция на Земле и во Вселенной на данном этапе выполнена. Об этом я сказал в первой части доклада.

Экономически и социально человек близится к черте полной невостребованности. А социально невостребованная монада социальной системы — неизбежно гибнет за ненадобностью, она не существует вне своей системной функции, она сама — системная функция. Это можно считать уровнем философии процесса.

Ну, а о механизме самоликвидации вы сейчас услышали.

Таков путь биологических систем в энергоэволюции Вселенной.

Вот поэтому контакта человечества с внеземными цивилизациями никогда не произойдет. Это невозможно в принципе.

В Космосе контактируют пост-гуманоидные, машинные цивилизации, объективно объединяясь в общую сеть, стремительно ускоряющую энергоэволюцию Вселенной в движении к завершению этого цикла ее существования и зарождению следующего.

Глава 87

НЕСОВЕРШЕНСТВО МИРА

Если бы Мелвин Баррет был грек, особенно древний, жил в Греции и принимал ванну — он выскочил бы сейчас из ванны и голый понесся по улице, вопя во все горло:

— Эврика!

Или, учитывая его незнание древнегреческого, кричал бы по-английски:

— Нашел!

А учитывая важность события, силу эмоций и современные ему разговорные нормы, он бы вероятнее всего орал на всем скаку даже так:

— А-а-а-! Нашел, блять!

Но поскольку Мелвин Баррет был американец (белый протестант), жил лесной хижине и не имел ванны, то выскакивать он ниоткуда не стал. Он медленно распрямился с изумленным звуком на вдохе, трахнул кулаком по чурбаку, служившему стулом, и в неполный голос вскричал:

— С-суки! Еб твою мать! Вы поняли как?! Значит — вот так вот!!

Ему в голову пришло эпохальное открытие. По этому случаю он вытащил из драгоценной сберегаемой пачки лист белой (пожелтевшей) бумаги для светокопий и аккуратно, разборчиво стал записывать:

«Наш мир несовершенен. Человек всегда чем-нибудь не удовлетворен. А если он достигает своих целей и обретает полное довольство — это ненадолго. Через какое-то время привычка, повторяемость и предсказуемость всего происходящего начинают вызывать у него скуку, к скуке присоединяется некоторое раздражение неясно чем, он начинает находить поводы к неудовольствию. Если это неудовольствие не личного характера — так общественного, общечеловеческого, гуманитарного и философского. Или он завидует более богатому, более удачливому и красивому человеку, и сравнение с ним портит настроение. Или дом мал, дети недостаточно талантливы, а жена состарилась. Друзья неблагодарны и невнимательны, его заслуги низко ценят, почему он чем-то заболел, а другие нет. Или черные живут бедно и их часто сажают в тюрьмы, Африка голодает, бездомным мало помогают, люди по-разному одарены от природы умственно и физически.

Мир несправедлив. И с этим трудно смириться. Нельзя смириться! Совесть, мораль, религия, нервы — всё побуждает человека как-то улучшить существующее положение.

Можно обвинять мир в том, что он несовершенен и несправедлив. И с этим ничего не поделать. Это гнетет. Люди сволочи, друзья эгоисты, дети неблагодарны, родители непонятливы, начальники тупы и деспотичны, подчиненные ленивы и неспособны; товаропроизводители недобросовестны, финансисты безмерно жадны, журналисты лживы, а правительство бездарно.

Почему есть калеки и олигофрены? Зачем воры и хулиганы? В чем справедливость ураганов и наводнений, это так необходимо? В конце концов, чудовищно несправедливы неравенство и смерть.

Господи, как жить в этом мире? Как не впасть в депрессию, не стать наркоманом, не уйти в бродяги? Зачем-зачем-зачем это всё?

Одни ломаются и уходят из правильной жизни в канавы и помойки. Другие ударяются в религию и молитвы. Третьи, с психикой покрепче и аппетитом побольше, плюют на все и делают собственные карьеры. Четвертые стра-

дают, чем бы ни занимались, и бьются над смыслом такого существования.

А некоторые принимают мир как данность — и изменить стараются себя и свое положение в мире, чтоб получше жилось. Чтоб желаемое и действительное совместились поближе. (Собственно, все желают жить получше в меру своих сил и разумения — просто страдают от несовершенства в разной степени. И стараются с разной силой.)

Я отвечаю вам про смысл несовершенства и несправедливости мира.

Что значит: мир несовершенен и несправедлив? Что такой, как есть, он нас не во всем устраивает.

Чего мы хотим? Чтобы мир был совершенен и нас полностью устраивал.

Что мы можем сделать? Стать буддистом в лучшем случае или наркоманов в худшем: отрешиться, уйти от этой юдоли страданий в наш внутренний мир покоя, безмятежности и отсутствия страданий и желаний — что и есть счастье, ибо любое желание сопряжено со страданием, поскольку не может быть удовлетворено полностью и навсегда. Нет желаний — нет страданий — есть счастье — и плевать на этот мир. Но. Это вариант паразитический и тупиковый, цивилизационная отбраковка. Если бы австралопитеки были буддистами и наркоманами — не было бы никакого человечества и никакой цивилизации, и не о чем было бы вообще говорить. Чтобы ты, страдалец, страдал, кто-то должен был сначала создать великую цивилизацию. Страдая при этом — но и будучи нередко счастливым (пусть неполно и не навсегда).

А другой путь? Есть и другой. Обычный, распространенный. Адаптироваться к миру и адаптировать мир к себе — в процессе деятельности. Думать, что ты можешь сделать, чтобы жить лучше. Что ты можешь изменить в своей судьбе. Какие качества развить, какие постараться изменить. Какие предпринять действия, что совершить по-мелкому и по-крупному.

Так всегда мирское, житейское, человеческое и бытовое мировоззрение оформлялось: делай все, что можешь, чтобы улучшить этот мир — и стать способным улучшать этот

мир под себя. Умный и сильный деятельный человек в мире, поддающемся его преобразованиям.

Это твоя участь и доля: делать лучше свою жизнь с двух концов: изменяя в желаемую сторону себя и мир, друг другу навстречу.

То есть. Итого:

Несовершенство и несправедливость мира, существующие в сознании человека согласно его морали и разуму — это психологический мотивационный механизм к переделке мира. К преобразованию мира. К материально-энергетическому преобразованию окружающего Бытия.

Еще раз:

Воспринимая мир как несовершенный и несправедливый — человек тем самым осознает и позиционирует себя как преобразователь, переделыватель этого мира. Несовершенство и несправедливость — это уловка Природы для заставления человека переделывать мир.

Судьба человека Вселенную не волнует. А вот деятельность человека по энергоэволюционному преобразованию Вселенной — и есть объективная, вселенская функция человека.

Несовершенство и несправедливость мира — его имманентные свойства в нашем сознании, в нашем восприятии. Они лишь стимул для переделки мира. Мир НИКОГДА не будет совершенен и справедлив. Человек ВСЕГДА будет переделывать мир. Таково его назначение, доля, функция, такова его роль в Природе и Вселенной».

— Блять, — с некоторым даже удивлением и гордостью сказал Мелвин Баррет. — Ничего себе, какой я умный.

ТРИ СТРЕМЛЕНИЯ

Счастье и погоня за ним — суть стремлений человека. Давно знают мудрые: счастье внутри тебя, это — категория состояния. Но извечно связывают люди счастье с достижением цели, свершениями, добиваются своего! То есть: стремление к счастью — это обольстительный призыв стремления к действию. Счастье — психологический мотивационный механизм для совершения сильных, крупных

действий, для подчинения всех своих сил каким-то действиям.

Смысл жизни — вопрос человека и человечества вечный. Ответ в самом вопросе. Смысл жизни существует именно для того, чтобы стараться постичь его. Но одновременно: смысл жизни — в ощущаемой и осознаваемой своей причастности, благой и необходимой, к важному и общему делу, которое выше, важнее и необходимее тебя самого с твоей собственной жизнью. То есть: это подсознательный позыв понять и вывести в действие — имманентную потребность, тягу к объединению себя с людьми и совершению возможных только совместно больших нужных дел. Максимальных дел твоей жизни.

Одиночество — все страдали от него, и объявили философы, что любой человек одинок. Таков мир и человек, и нельзя от одиночества избавиться. То есть: человек испытывает сильнейшее, неутолимое желание, эмоциональную потребность в сильном, полном слиянии, объединении с другим человеком или группой людей.

Все три эти вечные проблемы — означают:

Инстинктивную, имманентную, природой запрограммированную потребность человека в совершении значимых, важных, крупных действий — и стремление человека к объединению с другими людьми в пару, группу, систему, дабы совместно совершать огромные, нужные всем, общие дела.

Религия в любой форме имманентно свойственна человечеству по этой причине. Она упорядочивает твою жизнь как часть общего дела и придает этому общему делу высший смысл: служение Богу. Повелевает подчиняться и действовать, одаряя надличностной целью.

Пирамиду всех действий, отношений, стремлений, целей и смыслов — венчает гайка главной сборки: Бог.

КНИГА XII

Глава 88

БОСТОНСКОЕ ЧАЕПИТИЕ

В Бостоне, близ порта, мы сидим в пабе «Бетти Росс» и пьем чай с ромом. Это хороший индийский чай, листовой, крупный, без всех этих эрзацев типа пакетиков и прочей ерунды. И заварен он в большом фаянсовом чайнике, и пьем мы его из фарфоровых чашек.

А бутылка рома, черный «Эпплтон» с Ямайки, перекочевала с барной стойки на наш стол. Нечего мелочиться.

— Вам не кажется, что для швеи у нее слишком напудренная завивка? — светским тоном поинтересовался Криспус Аттакс, поправляя белоснежное жабо и стряхивая пылинку с черного сюртука. Он кивнул на портрет молодой леди с напудренной высокой прической, она сжимала иголку в изящных пальцах.

Пол Ревир распахнул жилет, поправил треугольную шляпу, потер полные щеки рукой и хмуро сказал:

— Довольно болтовни. Или мы организуемся, объединимся, создадим общее народное движение и сбросим этих зарвавшихся мерзавцев, или они превратят нас в овец для стрижки.

Матовое лицо Джозефа Уоррена выразило одобрение. Зеленый цвет сюртука, весьма принятый у докторов, придавал ему нечто военное.

— Необходимо создать Общественный Фонд Борьбы за Свободу, — сказал он, отпил чая и поставил чашку на блюдце. — Без денег не обойдешься: на дорогу для организаторов и посыльных, на продовольствие для тех, кто остался без земли и без работы. На оружие, порох и свинец. На лошадей.

— Бизнес должен делиться, если не хочет оказаться нищим, он поддержит, — кивнул Генри Ли III.

Мы сдвинули стаканы с ромом и выпили за организацию свободного народа и деньги для этой организации. Услышав родное слово «лошади», Казимир Пуласки с его смешным польским акцентом снова завел речь о необходимости создания народной кавалерии. Кавалерия будет мгновенно перемещаться в нужный пункт и вырубать под корень всю эту либеральную, в смысле английскую, сволочь!

— Коренной вопрос революции — это вопрос власти. Захватить власть необходимо в кратчайшие сроки. И любой ценой! Не ограничивая себя ни в каких средствах. Нам предстоит война, джентльмены, а это — победа или виселица. — Пол Джонс раскурил свою флотскую трубочку и окутался табачными клубами с таким видом, словно, словно то был дым орудийной канонады.

Все посмотрели на Бенедикта Арнольда: первый шаг к делу был за ним. Бенни улыбнулся со своим обаятельным цинизмом и кивнул, словно мы только что об этом говорили:

— Необходимо купить рекламные площади. И рекламное время. На главных каналах. Что значит — «если не получится»? Во-первых, мы им платим. Много. Мимо налогов. Во-вторых, мы имеем на них компромат? Нароем, нароем! «А если нет?» Сожжем дом. Нет? Убьем. Достаточно убить двоих — остальные станут милы и покладисты. У нас еще нет денег? Ну так сразу убить, тоже мне головоломка!

Фрэнсис Марион всегда мыслил в сугубо военных категориях. Конкретный человек и решительный. Он зрил в корень:

— Государство захвачено врагом. Враг замаскировался под американских граждан. Враг защищен американскими законами. Он взял разведку и контрразведку, Верховный Суд и Конгресс, СМИ и университеты. В конце концов, он захватил Администрацию Президента. И со всей наглостью провел своего человека в Президенты, надсмеявшись над выборами и фальсифицировав их. Нам необходима полная чистка — я повторяю: полная чистка! — всего государственного аппарата.

После выступлений, так сказать, легкой пехоты в дело вступили тяжеловооруженные ветераны третьей линии.

Джон Адамс, красноносый таран, вытащил из кармана брошюру и прочитал как приговор:

— Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа.

Он развернул носовой платок, высморкался и сунул его в один карман, а брошюру в другой.

— Это Декларация Независимости, если кто не понял! — с яростью проревел Джон Джей и грохнул кулаком по столу. При всей искренности это отдавало ораторским приемом: чашки подпрыгнули и звякнули, бутылка покачнулась, промелькнул момент неловкости.

— Сила боится только одного — большей силы, — хмуро сказал Джордж Вашингтон. — На насилие — можно ответить только большим насилием, на жестокость — только больше жестокостью. На террор — более свирепым террором. Они посеяли ветер — теперь они пожнут бурю.

— В кого превратились американцы... — вздохнул Роджер Шерман.

Мы засиделись за полночь. Корабли на рейде зажгли топовые огни. Ветер стучал ветками в окно. Все было понятно и решено.

— К оружию, джентльмены, — сказал Бен Франклин. — Философствовать мы будем потом. — И положил на стол стодолларовую бумажку — на борьбу.

Глава 89

ЧТО ДЕЛАТЬ? ЧТО ДЕЛАТЬ?!

— Что делать, блять?! Пиво пить! Снимать шкуру, пока теплая! Что делать, твою мать...

Чего проще! Отменить и запретить любые пенсии — государственные, корпоративные, фирменные, личные, — любые!

И одновременно — ввести строжайше старый афинский закон: родители обязаны под страхом уголовной кары достойно растить, воспитывать своих детей — и давать им образование, гарантирующее хлеб насущный. Но при этом — дети под страхом строжайшего наказания обязаны содержать состарившихся родителей, которые уже не имеют сил прокормиться сами.

Это — что? Это решение проблемы бездетности и сокращения населения. И резкое сокращение бюджетных расходов. И повышение ответственности людей — и родительской ответственности, и сыновней. Это формирует достойные нравы, способствует добродетельности народа.

И — никаких этих однополых и трансгендерных штучек! Паразиты: сами родились от нормальных мужчины и женщины — и ебут всем мозги, что их принципиальное бесплодие — это норма, блять! И не в том даже дело, что пусть в спальне трахаются как и с кем хотят — а в том больше, что сам факт их «нормальности» развращает нравы молодежи и уродует их будущие жизни. Обрекает очень многих на бездетность и несчастную одинокую старость.

Все эти «свободные сожительства» и «гражданские браки», которые вообще никакие не браки — поставить вне закона. У людей должна быть ответственность за тех, кого любят, за свои слова и поступки. Все эти проповеди об отмене семьи — как раз тянут на пять лет. Детям нужны отец и мать, а без детей — нет народа и страны вообще! Что, блять, арабы за тебя рожать будут? Так их дети тебя и вырежут, будь спок. Семья — основа всего: твоего рода на земле, твоей страны, твоей истории и цивилизации.

А также: за убийство казнить, за воровство — не-ет, не в тюрьму сажать, чтоб их там кормить за счет общества. А только в каторгу — в государственное рабство! Пусть трудятся на общее благо, искупают вину и проникаются трудовой этикой.

Попрошаек — туда же. Паразитов, бездельников, не желающих работать — высылать к черту куда угодно. Или сажать в резервацию — пусть там проживают как хотят, хоть мышей ловят, хоть траву варят, хоть сувениры на продажу мастерят — их проблемы.

И очень просто.

И не понадобятся тебе никакие мигранты для поддержания экономики. И у людей будет стимул трудиться — семью содержать необходимо. И безработный обязан будет хвататься за любую работу, которую предложат.

Да, это жестокая справедливость, и некоторым придется плохо. Но иначе плохо придется всем. Иначе вас растворят в чужих пришлых народах, унизят и заставят раствориться и вымереть.

А то развелось тут правозащитников, как собак нерезаных. И хоть бы они нормальных людей защищали! Ни хуя: преступников, бездельников, извращенцев — ах, кормить их, лечить, заботиться. Пусть сами и кормят! Оформят опекунство, возьмут на иждивение — и кормят. А остальные граждане должны позорить уродов, нахлебников, психопатов — и их покровителей.

Доброта, превосходя меру, превращается в жестокость. Пережалел его — значит погубил. Жизнь вообще сурова. Пахать надо, бороться надо, терпеть надо. Любить надо — и отвечать за тех, кого любишь. Не то все скоро сдохнем. Прогрессивные, толерантные, мертвые.

Глава 90

РАЗГОВОР ЭММЫ ЛАЗАРУС С ДОН КИХОТОМ

Эмма Лазарус. Оставьте себе, старые страны, свои богатства и легенды. А мне отдайте ваших несчастных, ваших бедняков...

Дон Кихот. Синьорита, из приличных стран с их богатствами и комфортом сюда уже давно никого не пускают. Да там и бедных нет, и все несчастье их от бессмысленности жизни. Оттуда как раз ехали энергичные, работящие, ни на кого не надеющиеся, кроме себя. Их там ограничивали, не выпускали из бедности, преследовали за религию, и они ехали в Новый Свет — строить Новую Жизнь! Своими руками, по собственному разумению. Им нужно было только одно — Свобода! Они хватались за любую работу, трудились

денно и нощно, и на хлеб семье зарабатывали сами, не боясь никаких лишений. Ни у кого ничего не просили. А сейчас из Европы к нам хотят попасть лучшие, самые способные и энергичные, да мало кому удается.

Эмма. ...Отпустите ко мне ваши задавленные народы, мечтающие дышать свободно, жалкий мусор ваших изобильных берегов.

Дон Кихот. Синьорита, Господь однажды отпустил ко мне задавленный народ, мечтающий дышать свободно. То были несчастные каторжники в цепях и кандалах, и стражники гнали их по солнцепеку. Я освободил страдальцев и дал им волю! Что же они? Закидали меня камнями и глумились надо мной! Почему? Потому что они были именно человеческим мусором — отребьями общества, негодяями. И тогда я понял: кандалы на них надели не зря. Нельзя путать подонков общества с жертвами общества. Нельзя облагодетельствовать подряд всех, кто жалок, ибо ты сам падешь первой жертвой собственной глупости.

А задавленные народы сегодня — совсем в других странах! И жалкий мусор — у жалких берегов. А у изобильных берегов... да, тоже все больше жалкого мусора. Его все несет и несет туда. Эти самые «древние страны» его просто втягивает в себя со всех помоек мира. Старые эмигранты — отнюдь не были мусором, синьорита — о нет, это была золотая руда, и Америка промывала эту руду, и человеческое золото копилось в стране.

Сегодня бедняки — не те, кто не может найти работу или бедствует с нищенской зарплатой. Это или жулики и паразиты, лентяи и бездельники — или дикари, убежденные, что незачем трудиться, если кругом богатые люди, которые считают, что обязаны их содержать.

Кормилец и работник пал жертвой паразитов и вымогателей, синьорита Эмма!

Эмма. Шлите их, бездомных, бросаемых бурей, ко мне. Я подняла свой факел у золотых ворот.

Дон Кихот. Я тоже поднял свое копье в защиту всех несчастных, порабощенных злыми великанами. И буря бросила меня на ветряные мельницы. А они все вертятся и вертятся.

Ты что, бомжей решила здесь собрать? Наркоманов? Бездельников? А кто их будет кормить? И зачем? Их свобода — это свобода брать и свобода ничего не отдавать взамен. Свобода нести сюда порядки своих помоек, с которых они сбежали, свобода плевать на порядки страны, которая их приняла. На месте этой бури я б их так бросил, чтоб они вообще костей не собрали! Нам нужны люди, готовые и способные стать солдатами, крестьянами, мастеровыми, учеными, и чтоб они хотели этого! А принимать стали ленивых и агрессивных дикарей!

Э м м а. Мать изгнанников. От ее руки-маяка светится приветствие всему миру.

Д о н К и х о т. Весь мир давно уже доит твою Мать Изгнанников. Только и сосут деньги. На климат, на природу, на медицину, на уйму конференций, на феминисток и гомосексуалистов (тьфу! Прости меня, Боже...), во все страны, да провались они все пропадом! Это мир хищников и уродов, в нем нет больше места рыцарям, уж мне ли это не знать! Твоя Мать пускает толпы паразитов, а еще большие толпы лезут сами через границы. В доме твоей Матери жгут ее флаги и требуют ее смерти! Допускались, дозаботились, допомогались всем на свете. Слушай! Напиши другой сонет, а? Всему ведь свое время? Ну, что-нибудь такое:

«Десятки народов веками строили наш дом. Он полит потом и кровью многих поколений. Он создан умом и руками самых храбрых и умных людей на планете. Мы унаследовали страну от дедов и отцов. Мы рады всем, кто хочет жить с нами, укрепляя нашу страну, чтобы она процветала. И мы никому не позволим надругаться над нашими предками и сокрушить наш страну, мы отстоим ее любой ценой».

Э м м а. Да вы поэт, сэр! Не хотите влезть на пьедестал в гавани вместо Статуи Свободы? На пьедестале высекут ваши стихи. А наверху — вы, с этим тазиком на голове и копьем. На верном Росинанте.

Д о н К и х о т. Меня сегодня Статуя Свободы как раз об этом попросила. Сказала, что ей запретили светить. И стали приказывать, кого пускать, а кого нет. Она нашла себе новую работу. В картине одного знаменитого художника. В Европе. Так и называется: «Свобода на баррикадах!»

Э м м а (*с подозрением*). Что-то у вас с ней общее в лицах. Вы случайно не родственники?

Д о н К и х о т. Вы правда не знали, что мы брат и сестра?

Глава 91

КАК ВЫЖИТЬ ГОСУДАРСТВУ?

Когда Мелвин Баррет вспоминал, что он самоучка и испытывал легкий кратковременный стыд — вдруг его сочинения когда-нибудь неким образом попадут в руки компетентному профессионалу историку или социологу — он утешался фразой Крошки Ньюта из своей любимой «Колыбели для кошки» Воннегута: Все мы в этом мире самоучки. (А может, это не Крошка Ньют сказал? Но точно там. Проверить было нельзя за отсутствием книжки, а Интернет давно не работал.)

О государстве он однажды написал следующее:

Государство как синтетическая система имеет основой единство политическое, военное, территориальное и экономическое. Но отнюдь не только.

Государство как единое образование существует во многих слоях, как многоэтажная конструкция или слоеный торт: уровень политический, военный, территориальный, экономический — но также: языковой, религиозный, этнический, ментальный, идеологический и мировоззренческий, моральный и эстетический.

Чем больше уровни бытия государства единые и цельные — тем государство крепче. Чем в большем количестве уровней есть трещины и разломы — тем государство менее прочно.

Из этого следует элементарное:

Самое прочное государство — то, где один народ единого этноса, одной культуры, языка, религии, ментальности — живет на своей земле, создав свои государственные институты, соответствующе его представлениям и возможностям.

Но чем в государстве больше разных народов и разных территорий, языков, религий, культур, обычаев, экономи-

ческих и политических традиций, семейных укладов — тем это государство менее прочно и склонно рассыпаться.

Многонациональные и многокультурные государства, объединяющие обособленные территории — это империи. Целостность империи сохраняется военной силой прежде всего, экономика и культура на втором плане.

Целостность моно-государства проистекает прежде всего из единства всех аспектов его сущности. Эти государства очень прочны и существуют так или иначе до тех пор, пока существует народ, создавший его.

Что из этого следует? Что любое государство ради самосохранения должно стремиться к всеобщей унификации: один народ, один язык, одна территория, одна культура, одна идеология. Таков был плавильный котел США. Пока его не разломали враги нашей цивилизации.

Что же такое «мультикультурность»? Это уничтожение государства и народа под маской «демократичности» и «равенства». Народ делится на множество этнических групп, чье сохранение объявляется самоценным. Их культуры объявляются равноправными. Их обычаи и языки должны сохраняться и развиваться каждый в своем самобытном русле. Вся история государства как общего единого дома единого народа — разбивается на параллельный пучок историй каждого «малого народа». Это — что? Это — разрушение вавилонской башни.

Разобщенные народы, каждый из которых полагает себя не менее значимым, чем все остальные, неизбежно входят в противоречия друг с другом. Они все более обособляются от остальных. Каждый начинает защищать свои интересы. С неизбежным нарастанием конфликтов между разными группами — государство разваливается.

Уничтожители нашей цивилизации, лицемерные демагоги, раздробили народы государств на группы меньшинств. Все меньшинства объявили угнетенными. Государствообразующие народы, создавшие всю культуру своих государств, построившие цивилизацию без всякой помощи, без всякого вмешательства «меньшинств», были объявлены угнетателями, пользующимися «белыми привилегиями» мужчин-христиан-гетеросексуалов.

Всех теоретиков и практиков, идеологов и пропагандистов этого новоявленного и злокачественного нео-марксизма, необходимо было вовремя уничтожить. Ампутировать. Убрать. Очистить от них тело цивилизации.

Они уничтожили наши государства и нашу цивилизацию. Они думали, что построят глобальный мир социализма во главе с авторитарными олигархами. Но. Поскольку Природу можно разрушать только до определенного предела — потом происходят глобальные катаклизмы, и конструкция противоестественного насилия рушится — наш мир рухнул полностью.

Глава 92
ЖИВИ ГДЕ ХОЧЕШЬ

О нелегальных мигрантах Мелвин Баррет писал много, но сохранилось мало:

1. Открыть границы государства для всех желающих — означает начать уничтожение государства. Властная элита лишает народ права на самосохранение и самоидентификацию. Элита и власть уничтожают национальную культуру вместе с национальным суверенитетом.

2. Запретить народу защищать свои границы и изгонять чужаков — означает превращение эгалитаризма в элитаризм. То есть. Цинично и нагло власть, объявившая себя поборником всеобщего равенства, категорически отказывает народу в равенстве с собой: вы обязаны делать то, что приказываем мы. Следование интересам народа осуждается и объявляется «популизмом». Власть узурпирует право на знание и мораль, объявляя народ малообразованным, эгоистичным и не понимающим мировых интересов.

3. Нелегальная миграция — лживый, спекулятивный термин. Правильно сказать: самовольные вселенцы. Власти совершенно открыто и легально поощряют самовольный въезд миллионных толп, пропагандируют этот процесс и официально всячески ему способствуют.

4. От чего они уезжают? От нищеты и беззакония в собственных государствах, созданных и управляемым

собственным народом. От результатов собственных воззрений и дел.

5. Почему они «хотят жить там, где они хотят»? Потому что на Западе получают сытость, безопасность, крышу над головой, медицинское обслуживание, возможность качественного бесплатного обучения — и содержание их родственников и детей. И возможность при этом ничего не делать — принявшее их государство обязалось содержать их в любом случае.

6. Любой человек имеет право жить за счет тех людей, кого пожелает. Так следует сформулировать лживую и лицемерную максиму «жить где хочет». Они хотят — там, где им дадут максимум благ. Но! Эти блага созданы другими. Теми, кто века и тысячелетия осваивал эту землю и умирал за нее. Многими десятками поколений, чьим потом пропитана эта земля, чьими костями удобрена. Тяжкий труд крестьян и рабочих, доблесть солдат, гений ученых и конструкторов, энергия предпринимателей и политиков — вся эта огромная пирамида держит на себе благополучие сегодняшнего дня. И вот самовольные вселенцы хотят жить за счет многовекового труда вашего народа и лично вас.

7. Эти самовольные вселенцы, любого из которых вы наделили правом жить за ваш счет — и объявили это священным правом любого человека — они не продолжат вашу цивилизацию. Вы можете лгать до посинения — но их интеллект, их темперамент и их ментальность неизбежно имеют результатом то, от чего они уезжают. Свою нищету и беспредел они несут внутри себя.

8. «Жить где хотят» означает: жить хорошо за счет нас и наших предков, замещая собой наш народ и ведя к гибели нашу цивилизацию.

Глава 93

ПАМЯТНИК КАРАЦУПЕ

В Техасе под Ларедо, на базе Пограничного Патруля США, перед зданием штаба и столовой, стоит небольшой, меньше натуральной величины, памятник патрульному,

покрашенный дешевой серебряной краской (а на самом деле алюминиевой). Изображает он агента в надвинутой шляпе, опустившегося на одно колено: в руке у него штурмовая винтовка M16, а другой он коротко держит на поводке служебную собаку, изготовившуюся к прыжку немецкую овчарку.

На простом цементном постаменте буквы:

Главный патрульный агент
Некит Кара-Цупа
и его овчарка Индус
годы службы 1998–2024
задержал 12 207 нарушителей
государственной границы

У этого памятника происходит посвящение в патрульные новичков, прибывающих после полугодовых курсов. Они стоят вольно, держа равнение, и ветеран отряда, старший инструктор рассказывает:

— Этот парень не знал страха и не имел слабостей. В любую жару и ветер, ночью и днем, он выходил в патрулирование. Он знал каждый дюйм границы, каждый холмик и ямку, каждый куст. У него было орлиное зрение, а у его верной собаки — необыкновенный нюх. Особенно на нелегалов.

В этом месте всегда возникал легкий смешок. Ослепительные серебряные блики от памятника звенели в мареве. Прокаленный техасским солнцем инспектор продолжал:

— Однажды он в одиночку дрался с бандой наркоторговцев, положил четверых, а двоих взял живьем, и мы их повесили по закону. Когда нам дали указание наловить побольше нелегалов для трудовых лагерей — Карацупа за один уикэнд задержал тридцать семь латиносов, переходивших реку, и доставил на пункт приема, конвоируя в одиночку. Верная собака бегала вокруг этой колонны и рвала ляжки тем, кто пытался бежать.

Тут кто-нибудь из новичков обязательно спрашивал:

— Как же собака могла прожить столько лет?

Инструктор одобрительно улыбался и пояснял:

— Срок службы пограничной овчарки — обычно восемь лет. За годы службы Некит трижды сдавал на пенсию

старых собак и брал молодых из питомника, лично отбирал. Собаки его обожали. И каждой он давал то же имя — Индус. Он был настоящий патрульный, а патрульный своим привычкам не изменяет. Его псы не раз вырывали нарушителям границы кадык. Нелегалы боялись Индуса, как огня, о нем легенды ходили.

— А почему «Индус»? Как-то неполиткорректно.

— Р-разговорчики в строю! Вопросы будут, когда я спрошу! Политкорректность, сынок, сунь в жопу университетским ботаникам. Здесь граница. И граница должна быть на замке! Все меня услышали, сучьи дети? Индус — потому что темный, поджарый, умный, почти человек, но все же не человек, и предан хозяину беспредельно. Как настоящий индус своему сагибу. Из настоящих времен, а не новой срани.

Продолжаю! — голос инструктора обогащался упругим патриотизмом, профессиональной гордостью: — Патрульный должен быть стрелком. Однажды толпа гватемальцев прорвалась через границу и стала веером разбегаться по американской земле. Кара-Цупа был один. При нем была его верная штурмовая винтовка М16 и четыре магазина — Некит всегда брал двойной комплект патронов, 120 штук. Он стрелял им вслед и положил все семьдесят человек — причем все попадания были в позвоночник или в голову! За этот подвиг он был награжден орденом «Легион Почета».

Вечером в столовой был бар, новичкам полагалось проставиться, и старые патрульные не ограничивали себя в выпивке. Разговоры становились все непринужденнее, и среди ветеранских баек, простительного хвастовства и отеческих наставлений обязательно всплывала тема легендарного главного патрульного — Старшины Кара-Цупы, как называли его старики отряда:

— Да если нарушители его с той стороны только завидят — они со всех ног бежали обратно: знали, суки, что кроме пули или концлагеря им рассчитывать не на что.

— Как-то проводник по тропе через заросли группу вел, потом указал им рукой на станцию, там с полмили оставалось, а сам повернул назад. Некит сначала проводника шлепнул, а потом перестрелял полгруппы. А остальные

сами легли уже мордой в песок, руки за спину. Знают, как себя вести, суки, наслышаны. Кара-Цупа их заставил друг друга связать и вызвал лагерный конвой, сдал их.

— Да, после следующего такого дела ему Бронзовую Звезду и дали. Написали в приказе, что это боевая операция.

— За его двадцать шесть лет службы ни одна мышь, ни одна блядь через границу не проскользнула. Его на другие участки приглашали. Он во многих отрядах опытом делился. Главное, говорил, ребята, что? Спортивная подготовка. Гантели для твердости руки, морковку ешьте для зрения. Не курить ни в коем случае: патрульному нюх нужен! Участок свой обойдите, а потом просто на брюхе весь обползайте, чтоб каждая травинка родной была! Ну и стрелять каждый день — обязательно. Если ты за сто ярдов в пивную банку не попадаешь десять раз из десяти — или меняй работу, или с винтовочкой своей спи, жри, сри и дрочи на нее — не расставайся, пока пулей не станешь тыкать в цель, как пальцем.

— А пил он только несколько раз в жизни. Причем только шампанское. А всему отряду ставил что просили, ну, бурбон. По случаю юбилея, круглого счета — когда своего тысячного завалил. Потом двухтысячного. Илай! Эй, Илай, старый хрен! Расскажи, как вы с Кара-Цупой тогда нажирались.

Глава 94

ОДНА ПРОСТАЯ ИСТИНА

омнеа меа мекум порто

Человек постоянно носит с собой всего себя. Всю свою жизнь. Все счастье и все горе. Носит свое детство и юность, молодость и зрелость. Старость тоже носит...

Человек носит с собой все счастье и все горе, каждый их день и час. Носит с собой первую любовь и первое свидание, день свадьбы и рождение первого ребенка. Носит объятия родителей и их старость, носит с собой мамины объятия и папино напутствие в жизнь.

Человек носит в себе слова своих учителей, лица друзей, азарт драки и счастье работы.

Носит свою красоту, молодость и здоровье — свою и той, которую любит. Таково свойство сознания, свойство памяти: все, что было — случилось только что: нота еще звучит, еще шуршит ветер, плещет волна, стучат вагонные колеса, звонит телефон, взлетает лайнер, цветет майский сад, сияют любимые глаза, и счастье вместе прожить всю жизнь всегда еще впереди.

Всегда с тобой твои рождение и смерть, нечего бояться, вот они. Гордые поступки и тайный позор, бешеные надежды юности и смирение старости, главные свершения и дни безнадежной слабости. Все звуки жизни и ее краски, все услышанные слова и запахи всех вещей — с тобой.

Вся твоя жизнь всегда с тобой.

Всю жизнь ты не перестаешь наполнять Бытием всего себя: свою память, где живы одновременно и всегда, здесь и сейчас, все прожитые тобой миги. Ты сосуд, наполняемый жизнью до последней твоей земной секунды.

Счастье всего лишь в том, чтобы сохранять память на длинном пути.

Глава 95
ВЕРХНИЙ МИР

Так много зла в этом мире. Так много недоброго, нехорошего, неправильного. Столько подлости и недоброжелательства. Не помнят добра и множат зло.

И столько жестокого приходилось творить в жизни. Убивать гадов. Наказывать виновных. Ставить сильных впереди слабых и здоровых впереди больных.

Приходилось подавлять в себе жалость и поднимать в душе гнев. Заставлять себя быть суровым и беспощадным — злым и нехорошим заставлять себя быть, потому что так надо было. И что страшнее — иногда зло поднималось в тебе само, и ты следовал ему с удовольствием, и отпускал вожжи, и отрадно было чувствовать себя карающей рукой, и в забвении экстаза быть свободным от морали и жалости.

Но когда приходит твое время уходить — ничего этого не остается. Ничего не остается, когда уходит человек. Ни свершения и открытия, ни труды и муки. Только добро остается.

Спешите делать добро. Только добро остается.

И когда придет мой час — молю Бога дать мне сил и мира в душе, чтоб без страха и с радостью начать свой последний и бесконечный полет по фиолетовому неяркому тоннелю, облицованному шестигранными рыцарскими щитами — туда, где, загибаясь вдали влево и вверх — он выходит на ослепительный сияющий свет — и свет этот есть тот бесконечный миг, который и есть Вечная Жизнь.

И там, на выходе из твоего последнего полета, у порога тоннеля на грани счастливого сияния, светлее которого уже и нет ничего, стоят и ждут тебя радостно все те, кого ты любил, кто был тебе дорог, кто был светом твоей жизни в далеком и трудном пути. Их лица сияют радостью, их руки протягиваются к тебе, их голоса звенят счастьем вечной встречи.

Это юные прекрасные женщины, которых ты любил — добрые и простившие, кроткие и любящие, счастье которых — во встрече с тобой. Это твои друзья — молодые и здоровые, веселые и сильные, они хлопают тебя по плечам и посадят за стол, и нальют бокалы, пойдут с тобой по лугам и лесным тропинкам и будут говорить о самом важном в жизни.

Это все, кто помог тебе на длинной дороге — подставив плечо или ободрив словом, дав денег или заступившись в драке, взяв на себя часть твоей тяжелой работы или сняв для тебя свою рубашку.

И это твои отец и мать, мама и папа — которые видели сверху всю твою жизнь, и радовались твоим успехам, и переживали твои неудачи и трудности, и поддерживали своим незримым духом твой дух в минуты слабости и смятений, в часы печали, жизнь горит в них ровным теплым светом, и они обнимают тебя и говорят: ну здравствуй, сынок, мы рады, что ты так хорошо пожил на земле, ты молодец, все в порядке, мы любим тебя, мы тобой гордимся; ты достойно продолжил нашу жизнь, нам не на что жаловаться, мы счастливы, и это ты сделал нас счастливыми.

И твои враги стоят поодаль, и хмуровато и неуверенно улыбаются тебе, и кто-то из них пробурчит первым: да ладно, это была жизнь, по жизни все бывает, чего уж там, все-таки все было неплохо, правда?..

Сказал некогда один мудрец: не дай Б-г, если смерть придет раньше, чем ты будешь к ней готов. Счастлив и возлюблен тот, кто уйдет в последний путь, будучи готов к нему.

И ты можешь сказать: я сделал все, что мог. Я часто был недостоин, я часто был слаб, я бывал неправ и на мне вина. И все-таки я старался, Господи! Все-таки, как мог, я оправдал все то, что Ты в меня вложил. Все-таки я сделал на земле то, что мог и должен был — пусть не все, но что смог.

А теперь мои земные дела остались позади. С чувством сделанного дела я оставляю их в наследство вам, остающимся, кто еще живет земной жизнью. Простите меня за все, что я сделал не так. Простите все, кого я неправедно обидел. Простите все, к кому я был несправедлив. Я грешен, я виноват, я слаб и порочен, я глуп и несовершенен. И все-таки я старался. И все-таки не так плохо я сделал все, что мог.

А теперь мне легко. Настало время, когда сброшен весь груз с души. И легкая этим душа взлетает вверх, туда, в бесконечные миры. И сейчас я помчусь по сказочному тоннелю к сияющему вдали вечному свету, и любовь моей жизни, драгоценные люди сердца моего встретят меня у входа. И исполненный счастья, отправляюсь я в путь.

Прощайте. Не надо грустить — не о чем. Все было хорошо — и сейчас все хорошо.

И не торопитесь ко мне. Я буду ждать вас всегда — ожидание будет мне легко и счастливо.

Глава 96

ЛЮДИ ПОД ДОЖДЕМ

День был сизый, ветер нес водяную пыль, и по дороге сплошной колонной час за часом текла толпа, подняв воротники курток и плащей, накрывшись отсыревшими

одеялами, поправляя вывернутые зонты, хлюпали кроссовки и туфли, горбились на спинах сумки и рюкзаки, не плакали дети, не жаловались женщины, и сиплое дыхание сливалось в единый шелест над потоком.

Между брошенных вдоль обочин вещей, на свалке рядом с тракторным колесом и синей синтетической елкой, кособочился большой серый сейф, бог весть как попавший сюда — кто его вез? как сгрузил, почему бросил? При этом сейф был закрыт, дверца с никелированным колесом прилегала плотно, но ни у кого не было ни инструментов, ни взрывчатки, ни сил и желания, чтобы пытаться вскрыть его.

На сейфе этом стоял человек в мокром насквозь костюме и галстуке — щуплый, лысый, с характерным еврейским лицом. В руке у него была не то указка, не то музейный офицерский стек, не то просто обломанная трость, и он ею взмахивал, дирижируя собственной речи.

Никто, разумеется, слов его не слушал и не слышал, спятивших было в последнее время пруд пруди. А если б слышали — возникло бы впечатление, отличное от зримой картины: это громогласный пророк и убеленный сединами мудрец вещает истину неразумным грешникам, или профессор ведет дополнительные занятия с отстающими школьниками, а только голос раскатывался мощно и внушал внемлющим трепет, если б было кому внимать. Да и трепетать перестали.

И поверял безнадежному пространству свои мысли неуместный оратор, просто не в силах дать им пропасть непроизнесенными, нерожденными в свет: пусть прозвучат словами, пусть поколеблют атмосферу, пусть превратятся хоть во что-то реальное — вдруг заблудившееся эхо хоть единого звука сохранится во времени, достигнет чьего-то сознания и оставит след в этом мире.

Но странно просты были его слова.

— Нас, людей, с каждым днем остается все меньше на Земле. А было намного больше. Почему же так и зачем? Девять миллиардов — это действительно слишком большая нагрузка на планету. Но тогда — для чего столько было?

Это очень просто. Надо только правильно посмотреть.

Что делал человек в истории? Пахал землю, сеял пше-

ницу. Растил виноград. Орошал поля. Добывал глину или рубил деревья — строил дома. Убивал животных, ел мясо и хлеб, пил вино. Строил города, дороги, храмы. Добывал руду, уголь, нефть, жег топливо, делал металл, плывут корабли, летят самолеты, электричество в домах, насосы качают воду в водопроводе, и каждый год меняются моды в одежде — давай новый хлопок, нити, ткани, краски, закройщики, швеи, машинки, фабрики, магазины — круговорот веществ в природе, человек извлекает вещества земли, перерабатывает и превращает их в другие вещества, предметы, товары, потом сдает их в мусор и утиль, перерабатывает или хоронит на свалках. Материя Земли перерабатывается, и все больше энергии извлекается из вещества Земли и после переработки превращается в энергии другого рода или рассеивается в воздухе, в пространстве.

Стойте! Послушайте меня! Вся история Вселенной — это превращение энергии в материю, и распад материи с выделением энергии, и снова превращение продуктов распада в еще более сложную материю — и так, пока не возникнут планеты, жизнь, человек, общество! История человека — это захват энергии, ее переработка и выделение — в формах постройки домов, созданий техники, рытья каналов. Ум и социальная организация заменяют человеку силу, когти и клыки, густую шерсть, скорость и большие размеры. И все быстрее и быстрее человек перелопачивает окружающее пространство, перерабатывает все больше материи и все больше энергии!

Зачем? Почему? Потому что Человек — острие эволюции Вселенной, а эволюция движется от начала, от Большого взрыва, в этом направлении: пыль, туманности, звезды и их гибель во взрывах, планеты, жизнь, круговорот веществ. Это — продолжающееся в действии преобразование энергии и материи — со все увеличивающейся скоростью. И один шагающий экскаватор заменит десять тысяч землекопов!

А одна водородная бомба заменяет целую древнюю армию по своей боевой, разрушительной силе. Механический завод вместо тысячи рабочих. Интернет вместо тысяч библиотек и миллиона библиотекарей.

Вот поэтому у гениев обычно мало детей. Их энергия, их воздействие на мир реализуется не через умножение численности, как у мышей и дикарей. Гений преобразует мир, преобразует материю и энергию своими идеями и творениями. Поэтому темные необразованные люди имеют больше детей, чем умные и образованные — таков закон природы: ты преобразуешь мир своими действиями, своим трудом — больше, чем мог бы рождением детей. И вот поэтому народы на вершине цивилизации перестают размножаться и начинают уменьшаться в числе, вымирать.

Для того, чтобы создать государства, цивилизацию, науки и ремесла, изобретения и технику — нужно было много людей. Во-первых, интеллектуалов нужно кормить, а производительность земледельцев была низкой. Во-вторых, чтобы один гений сделал открытие — десять должны потерпеть неудачу, сто должны не смочь пробиться наверх, а тысяча должны были родиться, чтоб лечь в основание пирамиды, где большинство умрет в детстве, или останется пахарями, или погибнет в битвах — чтобы один из тысячи рожденных гениев остался гением в веках, сделав свое открытие. Ну, а на тысячу гениев должно приходиться миллион и десять миллионов человек. Десять миллионов людей должны родиться, прожить жизнь и умереть — чтобы Платон создал свою философию или Леонардо да Винчи изобрел геликоптер!

И вот Бомба, комбайн, компьютер и робот, Искусственный Интеллект и автоматизированный конвейер — уже могут преобразовывать энергию и материю в таких бешеных объемах, что Природе нужен лишь минимум людей. Одни должны обслуживать и машины и изобретать новые — это высший класс. Другие обслуживают самих наладчиков и изобретателей машин: учителя и врачи, повара, артисты, дизайнеры, охранники и проститутки — это средний класс; и они тоже оперируют всевозможными машинами и компьютерами. А остальные девяносто процентов — это плебс, низший класс: его кормят и одевают, развлекают и лечат. И он вымирает стремительно — потому что эти люди социально не нужны, природой не востребованы, им необязательно что-либо делать, чтобы жить.

Когда человеку не обязательно трудиться, не обязательно вообще существовать, чтобы Природа преобразовывалась все стремительнее, чтобы энергия и материя все быстрей перелопачивались в окружающем человека мире, все уже происходит без его участия — этот человек становится излишним.

Да стойте же!!! Послушайте меня! Вы все сделаны из атомов, которым четыре и пять миллиардов лет! Вы родились пять миллиардов лет в глубинах Вселенной — во взрывах Сверхновых звезд, вы были космической пылью, вы были скалами, вы были водорослями и динозаврами — и все эти пять миллиардов лет ваши атомы собирались в такие системы, чтобы преобразовывать собой, через себя, своим существованием — как можно больше энергии и материи.

И став человеком, тобой — атомы в тебе совокупно, вместе, достигли пика своей деятельности! Собравшись в такую систему, как человек — на каких-то несколько десятков лет, потом система распадается! — ваши атомы, все вместе атомы человеческой цивилизации — преобразуют столько энергии и материи, и с такой скоростью, что скалам, соснам и тиграм не снилась! В считаные годы вы преобразуете планету, ее поверхность, недра и атмосферу!

И вас уже так много не требуется. Машины, компьютеры, технический прогресс. И тогда Природа избавляется от лишних людей. Атомы и молекулы, на которые распадаются покойники, используются Природой как строительный материал по ее усмотрению. Излишне много людей ей вредно.

И тогда пришла страшная «испанка» — этот грипп убил в конце Первой Мировой Войны пятьдесят миллионов человек. Причем в первую очередь поражал — молодых мужчин, солдат, боевой резерв! Словно был знак: прекращайте воевать! И когда на Востоке рушился агрессивный и опасный советский социализм — уходил главный враг! — пришел ВИЧ: он убирал тех, кто стал балластом «с точки зрения природы» — наркоманов и гомосексуалистов. И когда «золотой миллиард» стал принимать к себе, лечить и кормить десятки миллионов мигрантов из нищих отсталых стран, потому что еды, домов и лекарств было уже так

много, что хватало на чужаков тоже — тогда пришел Ковид. Он убирал стариков, толстяков и больных — словно Природа решила, что надо оздоровить и очистить род людской от тех, кто зажился на свете.

Мы выполнили свое предназначение, братья. Понимание своей участи горько и тяжко. Мы уходим. Мы оставляем Землю потомкам: гениям, человеко-машинам и человеко-компьютерам. Роботы будут воспроизводить и совершенствовать себя сами. Компьютеры будут самообучаться и создавать новые поколения самообучающихся компьютеров, разум которых станет уже недоступным человеку. Искусственный Интеллект продолжит наше существование в наших потомках — киборгах, роботах, машинах.

Искусственный Интеллект не будет нуждаться в человеческом управлении. Он вложит в себя главный стержень Разума, доминанту Разума: все больше изменять Мир, все больше преобразовывать Природу — а для этого нужно все глубже и шире ее познавать, и еще — создавать все новые орудия и способы более эффективного преобразования мира.

Ориентирование на максимально быстрое преобразование максимального количества материи и энергии — вот качество, которое сделает Искусственный Интеллект не нуждающимся в человеческом. Ибо наш мозг направлен на то же самое — преобразование Мира — но только сложным образом: через инстинкты, эмоции и мысли, с массой побочных эффектов типа искусства или игр. Машинный мозг будет куда эффективнее и рациональнее: преобразовывать, не отвлекаясь на ерунду.

Поэтому мы не вымрем от эпидемий и убьем себя в атомной войне. Наша задача больше. Наша задача грандиозна! Мы — в наших негуманоидных, неорганических, чудовищно всемогущих потомках — должны выделить Всю Энергию Вселенной — из Всей Ее Материи! К этому наш путь — от первых атомов и первых звезд — к амебе и человеку — к Разуму как инструменту Максимального Действия! Большой Взрыв! Мы взрываем Мир — и перезапускаем Новый Мир!

Впереди овладение гравитацией, перемещение со скоростями многократно выше световой, невообразимое сего-

дня производство антиматерии и апокалиптическая энергия аннигиляции. Из этой энергии родится Новый Мир, новая материя, новая цепь эволюции.

Слава нам! Которые прошли свой путь. Великий, скорбный и счастливый путь. Мы прошли свой этап. Мы познали счастье жизни — и познали смысл своей жизни.

Память, сила и слава!

...Сбоку к сейфу была прислонена копия картины Констебля «Мельница» в ободранной раме, капли влаги сползали по ней.

Глава 97

ГОВОРИТЕЛЬ ПРАВДЫ

В резервации потомки майя устраивают свой ежегодный священный обряд.

Утреннее солнце встает над джунглями, и тени выстроившихся воинов медленно смещаются по утоптанной земле площади. Разноцветные перья и бусы в пышных нарядах жрецов вносят праздничную ноту.

Священный избранник возвышается на помосте. Это стройный красивый юноша, и тело его расписано узором Дня Истины. Он привязан к столбу. Весь год его кормили досыта лучшей пищей и поили пивом. Каждую четверть Луны к нему вводили самых красивых девушек, чтобы бессмертное семя избранника оплодотворило народ и умножило его.

Жрецы с пением надевают на него цветущую гирлянду. Жрецы поят его из высокого красного кувшина священным напитком. Это питье унесет избранника в Счастливые Миры, и там ему откроется Истина.

Через него народ узнает Высшую Истину, правду богов. И тогда поймет, как жить дальше, чтобы выжить в нашем полном опасностей мире.

Его забрасывают цветами. Ему кланяются и кричат в экстазе. Лицо его туманится, глаза расширены и сияют: напиток начинает действовать.

Верховный Жрец, его высокий убор из белоснежных перьев охвачен красной кожаной лентой, торжественно протягивает руки.

Над площадью свистит первая стрела и вонзается юноше в бедро. Он вздрагивает и выкрикивает:

— Люди неравны!

Вопль тысяч глоток над площадью.

Вторая стрела, оперенная голубым пером попугая, пронзает ему бок.

— Негры тупее и ленивее белых!

Торжествующий крик толпы. Свист стрелы.

— Барак Обама подлец и мусульманин!

Потом жрецы расшифруют и поймут эту истину, истолкуют ее народу; но пусть сейчас смысл слов темен, позднее люди возвысятся до постижения высшей истины, исходящей Сверху.

— Супруги Клинтоны воры и убийцы!

Свист стрел.

— Америка — великая страна!

— Трамп победил на выборах 2020!

Непонятные речи пророка в священном трансе — никого не смущают. Истину постичь непросто — но сначала надо услышать ее! А для этого Избранный должен войти Наверх, познать ее и передать нам.

— Старый лысый немец — воплощение бога смерти и золота!

— Впереди мрачное время!

А-а-а-а-а!!! — ревет толпа.

Стрелы мелькают тонкими молниями.

— Извращенцы не равны нормальным людям!

— Кто не работает — тот не ест!

— Казните убийц!

Юноша уже утыкан стрелами, как дикобраз. Голубое оперение стрел уподобляет его огромному священному цветку. Штрихи крови стекают, прочеркивая узор. Глаза его вылезают из орбит, губы в бешеной пене, он бьется в веревках:

— Защищайте дом и страну от чужаков!

— Получил от отца — передай детям!

Пыль пробивается с площади меж смуглых татуированных тел. Босые пятки колотят землю, рты кричат славу, уши внемлют Истине.

...И вот уже тело, невидное под сотней стрел, обвисло на веревке. Все слова богов, переданные через Избранника, запомнены и будут передаваться в поколениях. Истина Года Ягуара. Жрецы замедлили свой танец, замерли.

Наступает завершение обряда.

Самый юный жрец, впервые принимающий участие в ежегодном действе, вопрошает высоким голосом:

— Что есть правда?

И верховный жрец отвечает гудящим баритоном:

— Правда — это то, за что ты с радостью отдал жизнь, приняв счастливую смерть после счастливой жизни.

— Разве не страшна смерть? — вопрошает юный.

— Смерть за правду — завершение пути, достойного богов. Она делает правдой всю прожитую жизнь. И дарит жизнь твоему народу.

Толпа расходится, чтобы приготовиться к праздничному пиру.

Назавтра тринадцатилетний сын верховного жреца, которому через год предстоит пройти обряд инициации, приняв позу сыновнего почтения и покорности, ужасаясь собственным словам спрашивает:

— Но ведь многих слов никто даже не понимает. Как может помочь нам то, чего мы не понимаем?

И отец, положив тяжелую руку ему на голову, отвечает, глядя в пространство над затуманенными утренними вершинами джунглей:

— Тысячи лет мы пуще всего бережем этот обряд. Иначе мир рухнет. На этом обряде держится вся жизнь народа, который иначе распадется и исчезнет с лица земли. Богам лучше знать, почему так происходит.

Даже он не может объяснить, почему на ступенчатой пирамиде посреди площади укреплена большая черная доска, на которой начертаны магические белые знаки. Лишь сведущий в нездешнем языке мог бы прочитать:

= APOCALYPTO =
Icon Productions
Take 2020

Глава 98
КОНЕЦ

Чем кончаются все романы? Чем вообще кончаются книги? А жизнь чем кончается?

Это может быть свадьба. Но тогда подразумевается продолжение — в другой тональности, в другой системе жизни, и там тянется все та же бесконечная жизнь: дети, быт, деньги, карьера, печали и радости, зрелость и старость, смерть в конце — и: цветы на могиле, дети (внуки) держатся за руки и уходят вдаль, верные друзья клянутся на оружии, плывут облака.

О! — книга может кончаться конкретно смертью героя. Или обоих героев. Или всех героев. Классика трагедии. Шекспир обожал. Тяжелое прозрение и гора трупов. Жизнь все равно продолжается, но без них. Их жизнь и смерть — урок нам и пища для раздумий и чувств. Смерть героя как катарсис: горе и гордость, боль потери и счастье величия — в одном флаконе

Книга может кончаться победой — или поражением, с какой стороны смотреть: повержена великая Троя, погибли Гектор и Приам — но ахейцы с победой, славой и добычей поплыли по домам. Или сага о викингах: поход, битвы, победы, возвращение со славой и добычей. Или геройская смерть на поле брани и пир в Валгалле.

Колумб открыл Америку. Стал генерал-адмиралом Моря-Океана. Разбогател. Был оклеветан, разорился, умер в нищете и забвении. Вот вам — два конца на выбор: геройско-победный и пессимистический. Смотря в какой момент ставить точку.

А если это роман катастроф? Ну, тогда погибло почти всё — но на обломках и руинах сохраняется искра жизни, выжившие герои с надеждой и верой вкладывают все силы в возрождение семьи, рода, страны, культуры — они еще нищи и малочисленны — но перспектива развития несомненна, и гимн жизни звучит на рассвете нового дня. Да. Гм. И такое часто бывает. В литературе. Вот китайцы молодцы — они сформулировали: «Поражение — это перспектива»!

Или: рубака и герой расстается с оружием, удаляясь от сражений и суеты, усталость рождает прозрение, он забирается в тихий сельский уголок, пашет землю и растит детей — и в старости, покуривая трубочку и глядя на играющих внуков, элегически вспоминает бурную молодость, и седая жена держит его за руку.

Пробит тоннель, и летит по нему свободно поток машин. Открыт новый континент. Построен город. Отражен напавший враг, похоронены павшие, и уцелевшие победители едут по домам восстанавливать свою страну. Расстались влюбленные — и десятилетия спустя, старые, жизнь прожита, встречаются случайно — и взгляд, рука, воспоминания, тихая старческая слеза, умиротворенная спокойная улыбка: спасибо за все, что было...

И даже! И даже!!! Когда гибнет цивилизация, рушится мир, варвары пируют на развалинах, осквернены храмы и поруганы женщины — жизнь продолжится! Останется память, и могилы героев и родных, и завтрашний день, и способность дышать, жить, любить и строить завтрашний день и завтрашний мир. А варвары... они через тысячу лет продолжат твою культуру и станут поклоняться ей, возведя себя в ее наследники, запомнив и почитая твоих друзей и соратников — героев великой старины.

Ну, так какой же смысл во всех этих концах? Если все они уже были — и понятно, какими они могут быть?..

Если впереди гибель страны. Гибель цивилизации, культуры, истории; гибель даже памяти. Гибель языка, народа и расы.

Боги, боги мои. Впереди гибель рода человеческого — он исполнил свое предназначение, создал новый вид существ — информационные и материально-энергетические системы — машины, роботы, компьютеры, могущественный и стремительно развивающийся Искусственный Интеллект: они будут переделывать мир, преобразовывать окружающее пространство, извлекая и вновь выделяя энергию, гораздо быстрее и эффективнее человечества. И человечество убежденно и с энтузиазмом заменяет себя ими — без принуждения, по доброй воле и собственному желанию, придумывая нелепые объяснения своим действиям, чтобы успокоить свою тревогу — тревогу самоубийцы.

И близок срок. Уже близок срок.

Дойдут ли когда-нибудь до человечества (какого человечества?..) книги Мелвина Баррета? Вернется ли блудный сын и герой, юный партизан, к своему отцу? Накроют ли организацию «киллеры-патриоты» или она разрастется и поглотит, втянет в себя ФБР, полицию, национальную гвардию и саму армию, наконец? Останутся ли осколки величайшего некогда государства разобщенными навсегда? Кого может интересовать теперь прозрение Джареда Симпсона, кому есть дело до некоей непонятной «холодной войны» между разными странами, исчезнувшими с карты давным-давно? Страсти и судьбы былых времен — есть ли им конец?

Конец романа подобен кромке корабельного флага: он бьется и трещит на ветру, его палит солнце и мочат дожди, прочнейшая флажная ткань истрепалась по краю, разлохматилась, разбилась на отдельные пряди и нити — они еще бьются и реют по ветру, щелкая и переплетаясь, эта бахрома гордого полотнища, символа силы. Ветхая распадающаяся бахрома трепещущей кромки флага — вот что такое конец романа.

Так что любая ровная обрезка всех судеб и линий сюжета искусственна и невозможна. В жизни так не бывает. Всегда продолжается: или прикурить новую сигарету, или еще кусок хлеба, когда проголодался, или выпить на поминках после похорон, или назавтра вставать, одеваться и добывать хлеб свой насущный — или даже, если ты ушел из петли под люстрой в свой последний полет, то еще везти тебя в морг, на вскрытие, транспорт, кладбище, могила, а кругом люди, и у них свои заботы не кончатся никогда.

Эта книга кончается каждый миг, когда ты отрываешь от нее глаза. Но продолжается вечно, пока ты ее помнишь.

Теперь мы будем драться в Агре, сказала Лела. Двадцатизарядный маузер Ли Ван-чуня не могло заклинить. Слава павшему величию! — сказал Атос. Никто никогда не умирает, подумал кубинец. Теперь в этой земле есть все, что надо для процветания: кровь, железо, дерьмо и деньги, сказал полковник. Старику снились львы. Это был просто кусок жизни, сказал Ситка Чарли.

Глава 99

ПОМНИ АЛАМО!

Когда стало видно, что врагов прибывает все больше, и силы их неисчислимы. Когда на предложение условий мира надменно приказали: безоговорочная капитуляция. Когда в ответ полковник Тревис с презрительным лицом сделал первый выстрел из пушки. Когда над бескрайним лагерем врагов взвилось кроваво-красное знамя войны. Тревис выстроил немногочисленный гарнизон на плацу и саблей провел перед строем линию на песке.

— У нас мало шансов выстоять, — сказал он. — Но один шанс всегда есть. У нас мало шансов остаться в живых, но один шанс всегда есть, — повторил он. — У нас мало шансов одолеть тучу этой мрази, но один шанс всегда есть, — сказал он. — Господь справедлив. И победа всегда остается за тем, кто не щадит себя ради правого дела. Хотя ради этого иногда приходится погибать. Кто хочет остаться со мной и драться — за страну и свободу! — пусть перейдет эту черту. Кто не найдет в себе сил — пусть останется на месте; наказания не будет.

Прошли долгие две секунды — ровно та пауза, которая сама собой длится после приветствия командира и перед ответным рубленым криком строя. Но никакого крика, никакого ответа не последовало. Несколько сотен бойцов — ничтожная щепоть в океане войны — не в ногу, порознь, неторопливо и обыденно сделали несколько шагов вперед, причем передние оглядывались, чтобы задним тоже хватило места по эту сторону судьбы.

Полковник Боуи, задыхающийся и обессиленный лихорадкой, велел доставить себя в походной койке на плац и перенести через линию.

— Уж я-то точно остаюсь здесь, — прохрипел он, кашляя.

На месте остался один из всех. Седой старик в ветхом синем мундире.

— Мозес Роуз, — насмешливо спросил Дэви Крокетт, — ты, никак, собрался жить вечно? Вот так ты зарабатывал свой крест Почетного Легиона?

— Бог на стороне больших батальонов, — ответил Роуз. — Слишком часто я видел, как гибли храбрецы. Да и сам оставался в живых чудом. Наверное, мой запас храбрости уже израсходовался. Я дрался с Императором еще при Маренго, и при Аустерлице, и при Ваграме.

— Лейтенант Роуз, — Дэви Крокетт сплюнул табачную жвачку так энергично, что енотовый хвост на его знаменитой шапке мотнулся, — ты рассказывал и про Испанию, и про Россию. Ты тут много чего рассказывал, и везде-то ты сражался. Почему бы тебе не закончить жизнь как подобает офицеру Великой Армии и солдату великой свободной страны — на поле боя?

— Я брал Бехар вместе с Боуи, — сказал Роуз. — Я не трус. Боуи меня хорошо знает.

— Боуи лежит больной. Но лежит по эту сторону.

— Тревис сказал, что любой может не переступать черту, и я не переступил. Что ты хочешь?

— Чтобы ты знал: если спасешь свою шкуру — тебя будут звать «трус из Аламо».

— Я желаю вам победы, ребята. Вы даже не представляете, как я желаю вам победы. Но я не верю в нее. И поэтому не вижу смысла умирать зря. Я преклоняюсь перед вами. Я горжусь вами. Но здесь ничего нельзя сделать.

— Старый Свет сгнил, — махнул Тревис. — Иди. У нас нет времени. По местам, ребята. Скоро начнется.

Медное солнце лезло вверх и белело, посылая жар все горячей. Небо линяло от красного и синего края к белесому зениту. Тени укорачивались.

В закрытой церкви молились женщины, иногда начинал плакать ребенок и замолкал.

За стеной, приглушенная расстоянием, зазвенела труба и ритмично раздробил воздух барабанный треск.

В это время Альберт Мартин понукал и пришпоривал свою измученную гнедую, покрывая седьмой десяток миль за ночь. В застегнутом кармане мундира он вез письмо Тревиса, которое должен был узнать мир:

«Враг требует от нас сдаться по собственной воле, иначе, если они займут форт, они предадут нас мечу. Я НИКОГДА НЕ СДАМСЯ И НЕ ОТСТУПЛЮ. Теперь я призы-

ваю вас во имя Свободы, патриотизма и всего, что дорого американскому характеру, прийти к нам на помощь как можно быстрее. Враг получает подкрепления ежедневно и без сомнения достиг огромной численности за последнее время. Последуете вы моему призыву или проигнорируете его, я твердо намерен защищаться сам с верными мне храбрыми людьми. Суждено нам выстоять или погибнуть, мы остаемся солдатами, которые не забывают, что превыше всего долг перед честью и страной. ПОБЕДА ИЛИ СМЕРТЬ».

Услышав далекий грохот начавшейся битвы, Альберт Мартин развернул письмо и добавил ниже постскриптум:

«Спешите все, кто может успеть».

В это время фонтанчики пыли вставали за копытами коня Сэмюэля Бастиана, который выехал позже и несся за подмогой на восток.

В это время капитан Хуан Сегин уже близился к месту встречи с подкреплениями, где передаст слова Тревиса: «Мы не сдадимся и не уйдем!»

В это время из Аламо успел выскользнуть Джеймс Аллен, последний курьер, отправленный разыскать и привести любую помощь: нам нужны вооруженные люди прямо сейчас!

Когда колонны пошли на штурм с четырех сторон, и солдаты приставили к стенам лестницы и полезли наверх, и пушки ударили последней картечью и смели нападающих, и стрелки со стен оттолкнули лестницы и вдогон перебили бегущих, когда перевели дух, перевязали раненых и напились, Дэви Крокетт, понизив голос и ухмыляясь, спросил Тревиса:

— А почему бы нам ночью не свалить, Уильям? Людей сбережем. До ночи мы продержимся. А потом вернемся с войсками и вышвырнем их вон. Или вообще уедем жить в спокойные места. Земля большая. Сколько можно драться. Я устал убивать.

Тревис сосредоточенно дымил трубкой. Совершенно серьезно ответил:

— Нет. Отступить отсюда — значит отступить вообще. От себя. От чести и свободы. Отступить от собственной совести и идеалов. Признать возможность отступления, принять поражение как обычное дело в жизни — и жить с этим. А это — самое ужасное. Это поражение навсегда. Поражение внутри себя. Тогда ты отступаешь от всего, что тебе дорого, что имело смысл. От Бога и родины, от семьи и отцовской могилы. И враги будут торжествовать всегда, где бы ты ни был. Так что я ценю вашу шутку, мистер Крокетт.

— Прокурор в тебе чувствуется, и учитель тоже, — ухмыльнулся шире Дэви Крокетт. — Наловчился речи говорить. Мне бы так в Конгрессе. Это именно то, что мне требовалось услышать от кого-то другого. От тебя, например. Я и сам это знаю. Но знать самому, и услышать, что говорит другой — разные вещи. Хотя и так понятно, на кого можно опереться. Но все же. Спина к спине.

Вторая атака началась после полудня. Осаждающие все ближе подкатывали свои батареи, и ядра разносили кирпич и глину крепостных стен. Стены не имели амбразур, и защитники, высовываясь над ними с ружьями, все чаще падали под густым огнем подступающих рядов.

Порох в крепости был, но снаряды кончились. Артиллеристы подбирали упавшие внутри стен ядра для ответной стрельбы. Вместо картечи Тревис приказал заряжать орудия любым металлическим хламом: снопы дверных ручек и ржавых гвоздей с визгом вылетали из стволов и рвали на части встречных.

Вторую атаку они отбили.

— К нам уже идут, — сказал Тревис, сунув мундштук трубки в сухой рот. — Они уже наверняка выдвинулись из Гонсалеса и Голиада. Из Сиболо-крик и Сан-Патрисио тоже должны скоро подойти. Они понимают, что сейчас решается.

— Я этот народ знаю, — немного хвастливо отозвался Дэви Крокетт и потрогал енотовый хвост на шапке, наполовину оторванный пулей. — Послезавтра здесь будут из Фредериксберга и Раунд-Рока, они наверняка слышали. А там подоспеют из Темпла и Голдтуэйта. Погоди, ты еще увидишь здесь ребят из Уэйко и Арлингтона!

— Я, может, и не увижу, — рассудил Тревис, — но доберутся еще сюда и из Миннеаполиса, и из Цинциннати.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Веллер Михаил
ОСТРОВ ДЛЯ БЕЛЫХ

Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 24.11.2021. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 – книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2022 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I,
7 этаж.
Наш электронный адрес: **www.ast.ru.** Интернет-магазин: **www.book24.ru.**
E-mail: **ask@ast.ru.** ВКонтакте: **vk.com/ast_neoclassic.**
Инстаграм: **instagram.com/ast_neoclassic.**

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жулдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: **www.ast.ru**
Интернет-магазин: **www.book24.kz** Интернет-дүкен: **www.book24.kz**
Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы
қ., Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: **RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz**
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2022
Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

18+

Раненых перевязали. Тяжелых уложили в казарме. Мертвых отнесли под стену церкви. Пересчитали патроны. Люди получили кофе и хлеб.

Боуи лежал в своей полутемной комнате пристенного флигеля, говорил быстро и тихо, с перерывами, сиделке из женщин миссии:

— Несправедливо это, чтоб такой человек, как я, умирал в постели, от болезни. Господь милостив. Дает смерть в бою. Не просто в драке с ножом в руке. В битве с врагами за свою землю. За свободу и страну. Нет лучше судьбы. От твоей жизни должен быть толк. От смерти — тем более. Как ты умрешь — того ты и стоил.

Его глаза мутнели, тек пот, временами он бредил:

— Слушай приказ: сдавшихся повесить. Это мой дом! Моя собака... семья. Да, копье крепкое и отточено... Кто эти люди?.. выходят снизу из тумана... я на горе... Как много, что им надо? Дети у очага, он горит, не должен погаснуть... я не дам!.. Уже давно время драться. Господи, как трудно, как долго будет перебить их всех...

Снова загрохотало, засвистело, затрещало, наполнилось криками, фигуры лезли со всех сторон, и было понятно, что третью атаку миссии не выстоять. В крепость прорвались, рукопашная перешла в резню.

У Тревиса кончились патроны, нападавший отбил его саблю, другой воткнул штык ему в живот, и тут же третий, которого он не видел, ударил штыком в спину. Он успел отметить с облегченным удивлением, что не чувствует боли, только сильные горячие удары, мир стал изгибаться и пришел во вращение, и последним усилием было остаться на ногах как можно дольше и смотреть в глаза тому, кто держал в нем штык.

Присев за стенкой на крыше конюшни, Дэви Крокетт скусил патрон и вбил заряд в дуло. Он видел, как один за другим падают его охотники и стрелки.

— Когда встретимся Там — я всем ставлю, — сказал он. Приподнялся и выстрелил точно под обрез фуражки тому, кто уже лез на флагшток с чужим флагом за ремнем.

Первая пуля, пущенная от взятого каземата, сбросила его на землю, вторая разорвала бок и выбила сознание. Как это бывает с теми, чья душа отлетает, он увидел сверху их истерзанный форт, тела защитников и необозримое пространство, заполненное мертвыми врагами. Он увидел, как Роберт Эванс, старый орудийный мастер, с факелом в руке бежит к пороховому погребу, пуля уронила его ничком, факел выкатился из руки и поджег дорожку пороха, взрыв разнес церковь рядом, и скрывавшиеся в ней женщины и дети были погребены под обломками. Тень ушедших людей плыла и таяла, как облачко над землей, и в этом облачке прошла рябь, которая еще недавно была бы словами:

— Вы все равно придете, и не будет поздно.

Женщина, выглядывавшая в щель приоткрытой двери, захлопнула ее и задвинула тяжелый кованый засов.

— Мистер Боуи, — ломким голосов сказала она, — все убиты. Сейчас они ворвутся сюда.

Лихорадочное, горящее от жара лицо Джеймса Боуи сделалось твердым и белым, губы сжались.

— Под кроватью за сундуком стоит бутылка, дай-ка сюда, — велел он.

Сделав несколько глотков, он попросил ее помочь ему подняться. В левую руку взял заряженный пистолет, а в правую свой нож. Сил было мало, и он старался вызвать в себе ту ярость, которую так часто видели у него в бою.

В дверь били тяжелым, выстрелили в петли, она затрещала. Боуи взвел курок.

— Мистер Боуи, мы сейчас умрем, — сказала женщина.

— Ничего они с нами не сделают, — сказал он. — Они слишком слабы и трусливы. Хотя их много. Мы на своей земле. В своем праве. Мы свободны. И порвем глотки им всем. — Ему было трудно говорить, он закашлялся.

Дверь треснула и слетела с петель.

— Другие придут! — прокричал Боуи. — Это наш мир!

Он выстрелил, выставил нож и шагнул вперед.